РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА и Я. Я. ГУРЕВИЧА.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 5—6.

МАЙ—ІЮНЬ 1904 г.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. въ фундаментальныя библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, а также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній (Ж. М. Н. Пр. за апрѣль 1902 года).

Золотая медаль на международной выставкѣ „Дѣтскій Міръ" въ 1904 году.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.

1904.

Дозволено цензурою 27 іюня 1904 года.

Содержаніе 1-го тома общепедагогическаго журнала „Русская Школа“.

Январь, февраль, мартъ и апрѣль за 1904 годъ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Стран.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Критика и библіографія.

Педагогическая хроника.

Разныя извѣстія и сообщенія.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ.

ВЫСОЧАЙШАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ.

Государь Императоръ, на всеподданнѣйшемъ докладѣ временно управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра о выраженіи по поводу событій на Дальнемъ Востокѣ вѣрноподданническихъ чувствъ С.-Петербургскими 1-ю и 5-ю гимназіями, частными гимназіею и реальнымъ училищемъ Гуревича въ С.-Петербургѣ, Гатчинскимъ реальнымъ училищемъ Имени Императора Александра III-го, С. Петербургскимъ низшимъ химико-техническимъ училищемъ и Порховскими женскою прогимназіею и городскимъ училищемъ, а также о проявленіяхъ патріотическихъ чувствъ учащими и учащимися С.-Петербургскихъ 3-й и 7-й гимназій и Нарвской гимназіи, въ 21-й день сего февраля Всемилостивѣйше соизволилъ собственноручно начертать: „Искренно благодарю всѣхъ".

О таковой Высочайшей резолюціи за г. временно управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ Ренаръ увѣдомилъ въ предложеніи отъ 27-го февраля 1904 г. за № 6.960. (Циркуляръ по С.-Петербургскому учебному округу 1904 г. № 4).

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ И ОТМѢТКИ.

О передачѣ нѣкоторыхъ дѣлъ изъ центральныхъ и высшихъ правительственныхъ установленій въ учрежденія мѣстныя.

Высочайше учрежденнымъ особымъ совѣщаніемъ для разсмотрѣнія предположеній вѣдомствъ о передачѣ нѣкоторыхъ дѣлъ изъ центральныхъ и высшихъ правительственныхъ установленій въ учрежденія мѣстныя, въ засѣданіяхъ 25-го и 30-го октября и 1-го, 5-го, 8-го и 12-го ноября 1903 г., между прочимъ, постановлено: повергнуть на Высочайшее благовозрѣніе перечень слѣдующихъ по министерству народнаго просвѣщенія дѣлъ-разрѣшеніе коихъ предположено было передать на мѣста по непосредственному распоряженію министра, а именно:

1) Разрѣшеніе учебнымъ заведеніямъ предъявлять въ необходимыхъ случаяхъ иски цѣною до 2.000 руб.

2) Открытіе публичныхъ библіотекъ при начальныхъ училищахъ.

3) Установленіе платы за ученіе въ начальныхъ еврейскихъ училищахъ въ размѣрѣ не свыше 6 руб. въ годъ.

4) Учрежденіе при еврейскихъ училищахъ по положенію 1873 года новыхъ должностей учителей и учительскихъ помощниковъ на счетъ спеціальныхъ средствъ.

5) Разрѣшеніе прогонныхъ и суточныхъ денегъ по поѣздкамъ членовъ педагогическихъ совѣтовъ учебныхъ заведеній для производства при городскихъ училищахъ испытаній на льготу по воинской повинности ученикамъ, оканчивающимъ курсъ въ начальныхъ училищахъ.

На подлинномъ вышеупомянутомъ перечнѣ рукою его превосходительства г. предсѣдателя особаго совѣщанія, тайнаго совѣтника Платонова написано:

„Его Императорское Величество изволилъ разсматривать въ Царскомъ селѣ 10-го декабря 1903 г.“.

Объ изложенномъ г. временно-управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ въ предложеніи отъ 15-го марта 1904 г. за № 8.915, присовокупивъ, что правила относительно порядка разрѣшенія дѣлъ, приведенныхъ въ п. 2-мъ упомянутаго перечня, были сообщены въ предложеніи отъ 23-го января сего года за № 3.141 (Циркуляръ по округу № 3, 1904 г.).

Объявляется по округу для свѣдѣнія и руководства въ подлежащихъ случаяхъ, до кого сіе касаться будетъ (ib).

О правахъ по отбыванію воинской повинности воспитанниковъ тѣхъ двухклассныхъ приходскихъ училищъ, въ коихъ примѣняются программы двухклассныхъ сельскихъ училищъ.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о правахъ по отбыванію воинской повинности воспитанниковъ тѣхъ двухклассныхъ приходскихъ, по уставу 1828 года, училищъ, въ коихъ примѣняются установленныя министерствомъ народнаго просвѣщенія для двухклассныхъ сельскихъ училищъ программы преподаванія, *мнѣніемъ положилъ*:

Воспитанникамъ тѣхъ двухклассныхъ приходскихъ, по уставу 1828 года, училищъ, въ которыхъ примѣняются программы преподаванія не ниже установленныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для двухклассныхъ сельскихъ училищъ, предоставить права по отбыванію воинской повинности, присвоенныя воспитанникамъ сихъ послѣднихъ училищъ.

Государь Императоръ изложенное мнѣніе государственнаго совѣта въ 9-й день февраля 1904 г. Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи, изложенномъ въ предложеніи министерства отъ 24/26-го февраля сего 1904 г. за № 6.504, объявляется по округу для свѣдѣнія и руководства въ подлежащихъ случаяхъ.

О Высочайшей отмѣткѣ на отчетѣ Симбирскаго губернатора за 1902-й годъ.

Управляющій дѣлами комитета министровъ по порученію комитета отъ 21-го минувшаго января, за № 144, сообщилъ министерству народнаго про-

свѣщенія, между прочимъ, о Высочайшей Его Императорскаго Величества отмѣткѣ, послѣдовавшей на всеподданнѣйшемъ отчетѣ Симбирскаго губернатора о состояніи Симбирской губерніи за 1902 годъ.

Въ этомъ отчетѣ противъ того мѣста, гдѣ губернаторъ свидѣтельствуетъ что особаго вниманія заслуживаетъ организація въ г. Симбирскѣ учебно-трудового пункта, заключающаго въ себѣ разнообразные отдѣлы, открытіе въ г. Симбирскѣ и въ пяти селеніяхъ губерніи учебно-показательныхъ мастерскихъ для обученія различнымъ ремесламъ, а также трехъ Ольгинскихъ пріютовъ трудолюбія въ г.г. Сызрани, Сенгилеѣ и Буинскѣ, и заявляетъ о развивающемся съ каждымъ годомъ занятіи въ сельскихъ начальныхъ училищахъ садоводствомъ, огородничествомъ и пчеловодствомъ на отведенныхъ сельскими обществами участкахъ земли, Государь Императоръ собственноручно начертать соизволилъ: *„все это примѣры, заслуживающіе подраженія"*.

О таковой Высочайшей отмѣткѣ, съ приложеніемъ извлеченія изъ означеннаго всеподданнѣйшаго отчета, за г. временно управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ Ренаръ увѣдомилъ въ предложеніи отъ 11/26-го февраля сего 1904 г. за № 7.108. (ib.)

О Высочайшей отмѣткѣ на отчетѣ за 1902 г. о состояніи Подольской губ.

Управляющій дѣлами комитета министровъ увѣдомилъ министерство народнаго просвѣщенія, что во внесенномъ по Высочайшему повелѣнію въ комитетъ министровъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1902 г. о состояніи Подольской губерніи, по объясненію губернатора, что при открытіи вновь возникающей школы, въ селеніи пускаются въ ходъ всевозможныя средства для склоненія крестьянъ составить приговоръ съ одной стороны въ пользу школы церковно-приходской, съ другой — школы министерства народнаго просвѣщенія, каковой антагонизмъ между двумя учрежденіями, вѣдающими одно и то же дѣло народнаго образованія, часто мѣшаетъ дѣлу и вселяетъ въ населеніе недовѣріе къ руководителямъ, роняя престижъ школы и лицъ, вѣдающихъ ее, послѣдовала Высочайшая Его Императорскаго Величества отмѣтка: *„повторяю, въ этомъ дѣлѣ грѣшно быть антагонизму"*.

Комитетъ, въ засѣданіи 20-го минувшаго января, разсмотрѣвъ означенный отчетъ, въ связи съ прежними Высочайшими Его Величества резолюціями, между прочимъ, положилъ:

О Высочайшихъ Его Величества отмѣткахъ поставить въ извѣстность министра народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора святѣйшаго синода въ отчетѣ Подольскаго губернатора о замѣчаемомъ антагонизмѣ между мѣстными учрежденіями, вѣдающими школьное дѣло.

Объ этомъ, согласно предложенію г. временно управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, товарища министра отъ 27-го февраля 8-го марта 1904 г. за № 8.465, сообщается по округу для свѣдѣнія (ib).

УКАЗЫ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

По вопросу объ участіи учителей и учительницъ начальныхъ училищъ въ занятіяхъ земскихъ собраній

(Указъ Правительствующаго Сената отъ 27 апрѣля 1902 года, за № 3.806).

По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ слушали: дѣло по жалобѣ Старицкой уѣздной земской управы, по уполномочію уѣзднаго земскаго собранія, на постановленіе Тверского губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія по предмету приглашенія по выбору земской управы въ земское собраніе учителей и учительницъ, какъ свѣдущихъ лицъ, числомъ до 6, для участія въ собраніи по вопросамъ народнаго образованія. Приказали: разсмотрѣвъ настоящее дѣло, Правительствующій Сенатъ находитъ, что, согласно 73 ст. Пол. зем. учр. (т. II Св. Зак., изд. 1892 г.) и разъясненію Правительствующаго Сената (рѣшеніе 30 ноября 1894 г., № 931), не возбраняется приглашать въ земскія собранія не только свѣдущихъ, но и вообще могучихъ представить полезныя по дѣлу объясненія и свѣдѣнія лицъ, хотя бы и не принадлежащихъ къ составу собранія. Точный смыслъ ст. 73 Пол. зем. учр. не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что подъ именемъ свѣдущихъ и полезныхъ для дѣла стороннихъ людей законъ подразумѣваетъ всѣхъ вообще лицъ, признаваемыхъ таковыми заинтересованнымъ въ дѣлѣ земствомъ, слѣдовательно, какъ частныхъ лицъ, такъ и состоящихъ на какой-либо службѣ, въ томъ числѣ и правительственной, къ каковымъ, между прочимъ, относятся, согласно указу Правительствующаго Сената отъ 29 декабря 1898 года, за № 13.374, послѣдовавшему въ разъясненіе ст. ст. 3.486, 3.488, 3.489, 3.445 и п. 3 и 7 ст. 3.497 Уст. учебн. завед. (т. XI, ч. 1-я Св. Зак., изд. 1893 г.), учителя и учительницы земскихъ и городскихъ школъ. При семъ, однако, само собою разумѣется, что, въ случаѣ обращенія земства къ состоящему на правительственной службѣ педагогическому персоналу, въ качествѣ свѣдущихъ по школьному дѣлу лицъ, приглашеніе ихъ должно быть сдѣлано въ установленной для земскихъ учрежденій формѣ сношеній, а опрашиваемыя лица не иначе могли бы принять участіе въ земскихъ собраніяхъ, какъ съ разрѣшенія подлежащаго начальства. Тѣмъ не менѣе, не отвергая въ существѣ права земства приглашать къ участію въ его засѣданіяхъ учителей земскихъ школъ, Правительствующій Сенатъ не можетъ не признать, что, въ данномъ случаѣ постановленіе Старицкаго уѣзднаго земскаго собранія о приглашеніи ихъ для обсужденія вопросовъ народнаго образованія представляется неправильнымъ по слѣдующимъ основаніямъ: по смыслу 73 ст. Пол. зем. учр., приглашеніе свѣдущихъ лицъ въ засѣданія земскаго собранія исходитъ только отъ предсѣдателя онаго и допускается лишь въ отношеніи точно указываемыхъ лицъ и для обсужденія отдѣльныхъ, вполнѣ опредѣленныхъ вопросовъ, требующихъ спеціальныхъ знаній. Между тѣмъ Старицкое уѣздное земское собраніе, постановивъ о приглашеніи къ участію въ собраніи народныхъ учителей „по выбору управы", въ числѣ до шести человѣкъ, безъ ихъ поименованія, и притомъ не для обсужденія какихъ-либо особыхъ, а вообще всѣхъ вопросовъ по народному образованію, — тѣмъ самымъ устранило предсѣдателя собранія отъ распоряженій по приглашенію названныхъ лицъ, возложивъ на управу такія функціи, которыя ей по закону не предоставлены, и сверхъ того нарушило требованіе закона о приглашеніи свѣдущихъ лицъ къ участію въ засѣданіяхъ земскихъ собраній только въ случаяхъ дѣйствительной необходимости. Признавая, въ виду приведенныхъ нарушеній ст. 73 Пол. зем. учр., допущенныхъ Старицкимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, обжалованное уѣздной земской управой постановленіе Тверского губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія неподлежащимъ отмѣнѣ, Правительству-

ющій Сенатъ опредѣляетъ: жалобу земской управы оставить безъ послѣдствій. О чемъ, для объявленія земской управѣ, а равно въ разрѣшеніе рапорта за № 4.117, Министру Внутреннихъ Дѣлъ дать знать указомъ. Апрѣля 27 дня 1902 года. (Циркуляръ по Московскому учебному округу. 1904 г. № 3).

Относительно учрежденія при земской управѣ особой коммиссіи для завѣдыванія начальными училищами.

(Указъ Правительствующаго Сената отъ 18 октября 1896 года, за № 11.099).

По указу Его Императорскаго Величества Правительствующій Сенатъ слушали: дѣло по жалобѣ Старицкой уѣздной земской управы на постановленіе Тверского губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія, коимъ отмѣнено постановленіе Старицкаго уѣзднаго земскаго собранія объ организаціи при управѣ особой коммиссіи для завѣдыванія училищами Старицкаго земства, приказали: изъ дѣла видно, что въ 1887 году при Старицкой уѣздной земской управѣ была организована особая коммиссія по учебной части, которая, по протесту тверского губернатора, вскорѣ затѣмъ была закрыта. За симъ, по введеніи въ дѣйствіе новаго земскаго Положенія, Старицкое уѣздное земское собраніе, въ засѣданіи 12 октября 1891 года, вновь постановило организовать, въ помощь управѣ для завѣдыванія училищами Старицкаго земства, коммиссію по образцу „бывшей". Постановленіе это передано было губернаторомъ на обсужденіе Тверского губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія, которое нашло, что, по силѣ Высочайше утвержденнаго 25 мая 1874 года Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ. завѣдываніе этими училищами возложено на училищный совѣтъ, земскія же учрежденія, какъ видно изъ разъясненія Правительствующаго Сената отъ 12 сентября 1872 года, за № 30.317, вѣдаютъ лишь хозяйственную часть названныхъ учебныхъ заведеній и имъ не предоставлено право учреждать какое-либо наблюденіе за училищами, чрезъ особо назначаемыхъ для сего земскими собраніями лицъ. Основываясь на этомъ и не имѣя возможности опредѣлить, въ чемъ именно будутъ состоять обязанности избранной собраніемъ коммиссіи, Тверское губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе, въ засѣданіи 7 ноября 1891 года, постановленіе Старицкаго уѣзднаго земскаго собранія по сему предмету отмѣнило. Въ жалобѣ Правительствующему Сенату, принесенной на означенное постановленіе губернскаго присутствія, по уполномочію уѣзднаго земскаго собранія, Старицкая уѣздная земская управа указываетъ: 1) что собраніемъ была избрана не коммиссія, а лишь нѣсколько отдѣльныхъ уполномоченныхъ въ помощь земской управѣ, а слѣдовательно, оно поступило вполнѣ согласно со смысломъ ст. 105-й Пол. зем. учр.; 2) что дѣятельность такихъ уполномоченныхъ земства не нуждается въ особой регламентаціи со стороны собранія и не можетъ считаться учрежденіемъ особаго наблюденія за училищами со стороны собранія, такъ какъ очевидно, что лица эти могутъ дѣйствовать лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ предоставлено управѣ завѣдываніе училищами; 3) что указъ Правительствующаго Сената за № 30.317 не можетъ относиться до постановленія Старицкаго земскаго собранія уже на томъ основаніи, что указъ этотъ состоялся при дѣйствіи стараго земскаго Положенія, тогда какъ означенное постановленіе собранія послѣдовало при дѣйствіи новаго Положенія 12 іюня 1890 года. По симъ основа-

ніямъ, Старицкая уѣздная земская управа проситъ Правительствующій Сенатъ постановленіе губернскаго присутствія, какъ неправильное, отмѣнить. Сообразивъ вышеизложенное съ законами, Правительствующій Сенатъ признаетъ необходимымъ остановиться, прежде всего, на сопоставленіи соотвѣтствующихъ статей Положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1890 года и городового Положенія 1892 года, изъ коихъ явствуетъ, что для городовъ и земствъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда тѣ и другіе имѣютъ въ виду возложить на кого-либо ближайшее завѣдываніе отдѣльными отраслями хозяйства и управленія, закономъ установленъ не вполнѣ тождественный порядокъ: ст. 103-я город. Пол. предоставляетъ городскимъ думамъ назначать для вышеуказанной цѣли, при соблюденіи условій, въ статьѣ этой изложенныхъ, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и особыя исполнительныя коммиссіи; по Положенію же о земскихъ учрежденіяхъ (ст. 105-я) земствамъ дозволяется поручать завѣдываніе отдѣльными отраслями хозяйства и управленія только отдѣльнымъ лицамъ, относительно же образованія коммиссіи законъ (ст. 72-я Пол. о зем. учр.) ограничиваетъ земство правомъ избранія только подготовительныхъ коммиссій для предварительнаго разсмотрѣнія дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію земства. Затѣмъ законъ дѣлаетъ различіе и между порядкомъ дѣйствій лицъ, избранныхъ земствами, и коммиссій или лицъ, назначенныхъ думами. На первыхъ онъ смотритъ какъ на помощниковъ управы (что видно изъ буквальнаго текста 105-й ст. Пол. о зем. учр., говорящій объ избраніи лицъ „въ помощь“ управѣ), а потому не требуетъ, чтобы имъ были даваемы особыя инструкціи, предполагая, очевидно, что они должны руководствоваться тѣми же правилами и указаніями, которыя преподаны управѣ, при которой они находятся. Коммиссіи же и лица, коимъ поручено завѣдываніе городскими дѣлами, хотя и подчиняются управѣ (ст. 103-я город. Пол.), но дѣйствуютъ не какъ ея помощники, а болѣе непосредственно при чемъ они руководствуются особыми инструкціями, издаваемыми думами и утверждаемыми губернаторами или Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, по сношеніи въ подлежащихъ случаяхъ съ разными вѣдомствами (ст. 78-я и 79-я город. Пол.), и вступаютъ въ исполненіе своихъ обязанностей не иначе, какъ съ разрѣшенія губернатора (ст. 103-я город. Пол.) Такимъ образомъ, законъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ допускаетъ образованіе коммиссій для завѣдыванія общественными дѣлами, требуетъ и урегулированія дѣятельности ихъ особыми инструкціями, утвержденными установленнымъ порядкомъ. Изъ сего слѣдуетъ, что умолчаніе въ 105-й ст. Пол. о зем. учр. о правѣ земствъ образовывать коммиссіи для завѣдыванія дѣлами земства не есть случайное и что статья эта не можетъ быть толкуема въ распространительномъ смыслѣ, а должна быть понимаема лишь по буквальному ея содержанію, т.-е. въ томъ смыслѣ, что земства имѣютъ право избирать, для завѣдыванія отдѣльными отраслями хозяйства и управленія, только отдѣльныхъ лицъ въ помощь управѣ, но не имѣютъ права образовывать исполнительныя коммиссіи. Обращаясь, за симъ, къ вопросу о предѣлахъ участія земства въ завѣдываніи начальными училищами, Правительствующій Сенатъ находитъ, что вопросъ этотъ, въ виду 2-й и 6-й ст. Пол. о зем. учр., подлежитъ разрѣшенію, на основаніи Высочайше утвержденнаго 25 мая 1874 года Положенія о сихъ училищахъ. Положеніе это ввѣряетъ завѣдываніе начальными училищами губернскимъ и уѣзднымъ предводителямъ дворянства (они же предсѣдатели земскихъ собраній), представителямъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и губерн-

скимъ и уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ, въ составъ коихъ входятъ члены, избираемые земствами и городами, каковые члены и являются органами и представителями интересовъ земскихъ и городскихъ учрежденій. Затѣмъ, независимо отъ избранія членовъ училищныхъ совѣтовъ, земство участвуетъ въ управленіи училищами, путемъ избранія попечителей и попечительницъ училищъ (ст. 13-я Пол. 25 мая 1874 года), и, наконецъ, на земствѣ лежитъ, сверхъ участія въ завѣдываніи училищами въ вышеуказанныхъ предѣлахъ, попеченіе о развитіи средствъ народнаго образованія и общее распоряженіе суммами, ассигнуемыми на содержаніе училищъ (ст. 12-я Пол. 25 мая 1874 года), черезъ посредство управы или лицъ, избранныхъ ей въ помощь. Примѣняя все вышеизложенное къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла, Правительствующій Сенатъ находитъ, что хотя Старицкая уѣздная земская управа въ жалобѣ своей и объясняетъ, что земство въ данномъ случаѣ ограничилось лишь избраніемъ отдѣльныхъ лицъ въ помощь управѣ для завѣдыванія училищами, содержимыми земствомъ, но это утвержденіе не согласно съ содержаніемъ постановленія Старицкаго земскаго собранія 12 октября 1891 года, коимъ было опредѣлено организовать въ помощь управѣ. для завѣдыванія училищами Старицкаго земства коммиссію „по образцу бывшей“. Между тѣмъ, Старицкое земство, какъ видно изъ вышеприведенныхъ разъясненій, вовсе не имѣло право, во-первыхъ, образовывать коммиссію, въ особенности же по образцу коммиссіи, учрежденной въ 1887 г. и закрытой въ виду того, что дѣятельность ея выходила изъ предѣловъ, указанныхъ закономъ, и, во-вторыхъ, вообще учреждать особый органъ для завѣдыванія училищами, помимо тѣхъ органовъ, которые указаны въ Положеніи о начальныхъ училищахъ 25 мая 1874 года (ст. 13, 14, 19, 20, 27, 28 и 41) и Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ въ предѣлахъ, точно опредѣленныхъ ст. 105-я Пол. зем. учр. По симъ основаніямъ, признавая постановленіе Тверского губернскаго по земскимъ дѣламъ Присутствія, коимъ отмѣнено постановленіе Старицкаго уѣзднаго земскаго собранія объ учрежденіи въ помощь управѣ особаго исполнительнаго органа для завѣдыванія начальными училищами, вполнѣ правильнымъ, Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: принесенную на названное постановленіе губернскаго присутствія жалобу Старицкою уѣздною земскою управою, какъ незаслуживающую уваженія, оставить безъ послѣдствій. О чемъ, для объявленія уѣздной земской управѣ и въ разрѣшеніе рапорта за № 4.504 Министру Знутреннихъ Дѣлъ послать указъ Октября 18 дня 1896 года. (іѣ).

По жалобѣ Бѣжецкаго уѣзднаго училищнаго совѣта на постановленіе Тверского губернскаго училищнаго совѣта объ отмѣнѣ инструкціи, составленной первымъ для попечителей и попечительницъ начальныхъ училищъ Бѣжецкаго уѣзда.

Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго, изъ правительствующаго сената, министру народнаго просвѣщенія *).

*) Препровожденъ при отношеніи департамента народнаго просвѣщенія отъ 4/8-го марта 1904 г. за № 8.466.

По указу Его Императорскаго Величества, правительствующій сенатъ въ первомъ общемъ собраніи слушали: записку изъ дѣла по жалобѣ: Бѣжецкаго уѣзднаго училищнаго совѣта на постановленіе Тверского губернскаго училищнаго совѣта объ отмѣнѣ инструкціи, составленной уѣзднымъ совѣтомъ для попечителей и попечительницъ начальныхъ училищъ Бѣжецкаго уѣзда. *Приказали*: изъ дѣла видно, что Тверской губернскій училищный совѣтъ въ засѣданіи 10-го декабря 1895 г., выслушавъ представленную на утвержденіе его инструкцію для попечителей и попечительницъ начальныхъ училищъ Бѣжецкаго уѣзда, составленную Бѣжецкимъ уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ въ засѣданіяхъ 20-го іюня и 6-го октября 1895 г., постановилъ: такъ какъ уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ не предоставлено права издавать инструкціи, то, на основаніи ст. 29 и 32 п. 1 пол. о нач. народн. учил. инструкцію, составленную Бѣжецкимъ уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ, отмѣнить. На это постановленіе Бѣжецкій училищный совѣтъ принесъ правительствующему сенату жалобу, въ коей объяснилъ, что ст. 29 пол. о нач. народн. учил. перечисляетъ обязанности, возложенныя на уѣздный училищный совѣтъ; изъ п. 1 ст. 29 слѣдуетъ заключить и о правѣ его, въ заботахъ объ улучшеніи состоянія училищъ, давать указанія попечителямъ, отъ которыхъ непосредственно зависитъ удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей училищъ. Ст. 32, касаясь предметовъ занятій губернскаго училищнаго совѣта, въ числѣ ихъ не упоминаетъ о правѣ давать указанія попечителямъ начальныхъ училищъ, а п. 3 ст. 32 не предоставляетъ права губернскому училищному совѣту отмѣнять постановленія уѣздныхъ, если они не противорѣчатъ закону. Вслѣдствіе изложеннаго, Бѣжецкій уѣздный училищный совѣтъ, на основаніи 37 ст. пол. о нач. народн. учил., просилъ правительствующій сенатъ отмѣнить обжалованное постановленіе Тверского губернскаго училищнаго совѣта, отъ 10-го декабря 1895 г., и означенную выше инструкцію оставить въ силѣ. Разсмотрѣвъ сіе дѣло 8-го іюля 1898 г., 1-й департаментъ правительствующаго сената опредѣлилъ: обжалованное постановленіе Тверского губернскаго училищнаго совѣта отмѣнить и предписать ему постановить новое по сему дѣлу опредѣленіе, не стѣсняясь прежнимъ, вслѣдствіе же отзыва министра народнаго просвѣщенія, настоящее дѣло вступило на разсмотрѣніе перваго общаго собранія правительствующаго сената. Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, первое общее собраніе правительствующаго сената находитъ, что Тверской губернскій училищный совѣтъ отмѣнилъ инструкцію, составленную Бѣжецкимъ уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ для попечителей и попечительницъ начальныхъ училищъ Бѣжецкаго уѣзда, руководствуясь исключительно тѣмъ соображеніемъ, что уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ не предоставлено, по закону, права издавать такія инструкціи. Между тѣмъ, изъ общаго смысла постановленій, содержащихся въ Высочайше утвержденномъ 25-го мая 1874 г. Положеніи о начальныхъ народныхъ училищахъ и вошедшихъ въ ст. ст. 3481, 3482, 3497 и др. т. XI ч. I уст. учен. учр. и учеб. зав. изд. 1893 г., видно, что попечители и попечительницы подчинены уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ, которые призваны руководить ими, а отсюда слѣдуетъ, что этимъ совѣтамъ принадлежитъ право давать попечителямъ и попечительницамъ указанія, наставленія и инструкціи, въ цѣляхъ выясненія принадлежащихъ имъ правъ и обязанностей по завѣдыванію начальными училищами и устраненія вмѣшательства ихъ въ учебно-воспитательную часть этихъ училищъ. Хотя право уѣзд-

ныхъ училищныхъ совѣтовъ издавать инструкціи подчиненнымъ имъ попечителямъ и попечительницамъ начальныхъ училищъ не оговорено особо ни въ одной статьѣ т. XI ч. I, но это объясняется тѣмъ, что всѣ изложенныя въ т. XI ч. I постановленія объ инструкціяхъ касаются исключительно двухъ категорій ихъ: а) инструкцій, затрогивающихъ общіе интересы населенія (напр. правила испытанія учениковъ при поступленіи въ училища и пр.), издаваемыхъ центральнымъ органомъ вѣдомства народнаго просвѣщенія, и б) инструкцій, относящихся до внутренняго распорядка правительственныхъ учебныхъ заведеній, опредѣляемаго тѣми учрежденіями, въ непосредственной подчиненности коихъ эти заведенія состоятъ, ни къ одной изъ этихъ категорій не можетъ быть отнесена инструкція попечителямъ и попечительницамъ начальныхъ училищъ. Ссылка министерства народнаго просвѣщенія на предположенный имъ къ изданію наказъ губернскимъ училищнымъ совѣтамъ не устраняетъ возможности и даже необходимости для уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ давать надлежащія указанія и инструкціи въ руководство попечителей и попечительницъ, такъ какъ означенный наказъ, исходя отъ центральнаго органа вѣдомства народнаго просвѣщенія, можетъ только заключать въ себѣ общія начала, опредѣляющія дѣятельность губернскихъ училищныхъ совѣтовъ, но не можетъ установить неизмѣнно права, обязанности и компетенцію попечителей и попечительницъ, которыя находятся въ прямой зависимости отъ разнообразныхъ мѣстныхъ условій, и замѣнить въ этомъ отношеніи преподаваемыя симъ попечителямъ и попечительницамъ уѣздными училищными совѣтами указанія. По изложеннымъ соображеніямъ и принимая во вниманіе, что составленная Бѣжецкимъ ѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ 20-го іюня — 6-го октября 1895 г. инструкція для попечителей и попечительницъ начальныхъ училищъ опредѣляетъ кругъ ихъ правъ и обязанностей соотвѣтственно тѣмъ постановленіямъ закона (пол. о нач. учил. 25-го мая 1874 г.), которыя касаются дѣятельности сихъ попечителей и попечительницъ, первое общее собраніе правительствующаго сената находитъ принесенную Бѣжецкимъ уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ жалобу заслуживающею уваженія, а потому *опредѣляетъ:* отмѣнить обжалованное постановленіе Тверского училищнаго совѣта и предписать ему постановить новое по настоящему дѣлу опредѣленіе. О чемъ, для исполненія и объявленія Бѣжецкому уѣздному училищному совѣту, на рапортъ отъ 28-го февраля 1898 г. за № 405, послать указъ, каковымъ увѣдомить и министра народнаго просвѣщенія. Февраля 23-го дня 1904 года.

Объявляется по округу для свѣдѣнія. (Циркуляръ по С.-Петербургскому Учебному округу 1904 г. № 4).

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Относительно представленія въ Министерство отчетовъ о научныхъ занятіяхъ лицъ, приготовляющихся къ профессорскому званію. (Предлож. Мин. Нар. Просв. отъ 4 февраля 1904 г., за № 4.377).

Циркулярнымъ предложеніемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 21 мая 1884 г., за № 7.186, преподаны для руководства правила относительно представленія въ Министерство отчетовъ о научныхъ занятіяхъ лицъ, приготовляющихся къ профессорскому званію; параграфомъ 8-мъ сихъ

правилъ предписывается представлять въ Министерство лишь отчеты профессоровъ-руководителей о занятіяхъ руководимыхъ ими стипендіатовъ, причемъ отчеты эти предварительно обсуждаются въ факультетѣ и сопровождаются затѣмъ еще „собственнымъ заключеніемъ“ попечителя учебнаго округа. Въ 1902 г. правила эти были дополнены въ томъ смыслѣ, что „отчетъ профессора-руководителя можетъ замѣняться стипендіатскимъ отчетомъ, при чемъ, однако, руководитель, представляя его въ факультетъ, сопровождаетъ его письменнымъ сужденіемъ о немъ по существу“. Это последнее распоряженіе и служитъ основою существующаго въ настоящее время порядка представленія въ Министерство отчетовъ о научныхъ занятіяхъ профессорскихъ стипендіатовъ, когда обыкновенно представляется, вмѣсто отчета профессора-руководителя, отчетъ самого стипендіата и при этомъ сужденіе по существу этого отчета профессора-руководителя. Представляемые въ такихъ случаяхъ отзывы профессоровъ-руководителей по большей части содержатъ въ себѣ лишь общее заключеніе руководителя о занятіяхъ и отчетѣ стипендіата и обыкновенно бываютъ очень кратки. Послѣднее обстоятельство, впрочемъ, не является въ какомъ-либо отношеніи неудобнымъ для Министерства, разъ отчетъ самого стипендіата содержитъ въ себѣ достаточно данныхъ для опредѣленія характера занятій стипендіата. Между тѣмъ нерѣдко въ Министерство представляются отчеты, которые носятъ чисто формальный характеръ и содержатъ лишь перечень книгъ или ихъ оглавленій. Въ этомъ случаѣ формально составленный отчетъ затрудняетъ составленіе заключенія объ истинномъ характерѣ научныхъ занятій стипендіата и, слѣдовательно, не достигаетъ той цѣли, которая имѣлась въ виду при направленіи этого отчета въ Министерство, а послѣднее, съ своей стороны не можетъ признавать желательнымъ представленіе себѣ подобнаго рода стипендіатскихъ отчетовъ.

Въ виду сего, прошу Ваше Превосходительство сдѣлать зависящее распоряженіе о томъ, чтобы профессорскіе стипендіаты не относились къ составленію отчетовъ о своихъ научныхъ занятіяхъ чисто формальнымъ образомъ, ограничиваясь въ нихъ лишь сообщеніемъ перечня прочитанныхъ книгъ или ихъ оглавленій, но составляли свои отчеты съ надлежащею обстоятельностью, дабы на основаніи ихъ можно было судить о критическомъ отношеніи стипендіатовъ къ изучаемымъ ими научнымъ вопросамъ и къ мнѣніямъ по нимъ другихъ спеціалистовъ. (Циркуляръ по Московскому учебному округу. 1904 г. № 3).

Объ обязательствахъ пользованія стипендіями Министерства Народнаго Просвѣщенія въ университетахъ.

(Предлож. Мин. Нар. Просв. отъ 4 декабря 1903 г., за № 38.048).

Попечитель Виленскаго учебнаго округа вошелъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія съ представленіемъ, въ которомъ объяснилъ, что при С.-Петербургскомъ и Московскомъ университетахъ состоитъ восемь казенныхъ стипендій Виленскаго учебнаго округа. По закону (т. Ш Уст. о служб. правит., изд. 1896 г., ст. 66) лица, получающія эти стипендіи, обязаны прослужить шесть лѣтъ въ учебныхъ заведеніяхъ округа. Между тѣмъ многіе стипендіаты не оканчиваютъ курса въ университетѣ безъ уважительныхъ причинъ, именно—вслѣдствіе недостаточнаго прилежанія къ наукамъ или неодобрительнаго поведенія, или же, игнорируя принятое ими на себя обя-

зательство выслужить установленное число лѣтъ въ учительской должности, избираютъ другую спеціальность и для того переходятъ на какой-либо другой факультетъ или въ спеціальное учебное заведеніе.

До сихъ поръ съ означенныхъ стипендіатовъ сумма, выданная имъ въ стипендію, не взыскивалась, и, въ случаѣ ихъ несостоятельности, не дѣлалось надписей на соотвѣтственныхъ документахъ о производствѣ съ данныхъ лицъ установленныхъ вычетовъ при поступленіи ихъ на службу.

Посему и въ виду того, что освобожденіе уклоняющихся отъ принятыхъ ими обязательствъ стипендіатовъ отъ взноса денегъ, затраченныхъ на выдачу стипендій, способно служить поводомъ къ сознательному злоупотребленію правомъ пользоваться нѣкоторое время казенною стипендіею, попечитель Виленскаго учебнаго округа возбудилъ ходатайство о примѣненіи къ стипендіатамъ означеннаго округа тѣхъ же правилъ относительно взысканія съ нихъ, въ подлежащихъ случаяхъ, казенныхъ стипендій, какія установлены ст.ст. 2.291 и 2.292 т. XI, ч. 1, Св. Зак., изд. 1893 г. для воспитанниковъ учительскихъ институтовъ.

Съ своей стороны, я нахожу, что дѣйствующія въ университетахъ правила о назначеніи студентамъ стипендій и пособій изъ суммъ Государственнаго Казначейства, точно опредѣляя: 1) порядокъ назначенія стипендій, 2) условія сохраненія учащимися назначенныхъ имъ стипендій, 3) способы контроля надъ занятіями стипендіатовъ и 4) случаи и условія освобожденія стипендіатовъ отъ обязательной службы,—не предусматриваютъ, однако, тѣхъ случаевъ, когда студентъ-стипендіатъ, вопреки принятымъ на себя обязательствамъ, избираетъ другую спеціальность и переходитъ на другой факультетъ или въ другое учебное заведеніе.

Вслѣдствіе сего и въ охраненіе интересовъ казны, я покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство предложить начальству ввѣреннаго Вамъ университета сдѣлать распоряженіе, чтобы съ каждаго студента университета коему будетъ назначена одна изъ обязательныхъ стипендій, бралась подписка о принятомъ стипендіатомъ на себя обязательствѣ прослужить, по окончаніи курса, опредѣленное закономъ число лѣтъ по назначенію правительства или же возвратить всю израсходованную на выдачу стипендіи сумму, въ случаѣ выхода изъ университета до успѣшнаго окончанія курса онаго, либо перехода на другой факультетъ. (ib).

Къ вопросу о разрѣшеніи студентамъ вступать въ бракъ.

(Предлож. Мин. Нар. Просв. отъ 23 января 1904 г., за № 3.087).

Увѣдомляю Васъ, что, согласно дѣйствующимъ правиламъ, разрѣшеніе студентамъ на вступленіе въ бракъ зависитъ отъ попечителя учебнаго округа. На семъ основаніи и наказаніе за нарушеніе означенныхъ правилъ должно быть налагаемо попечителемъ, тѣмъ болѣе, что, въ силу ст. 408 Св. Зак. т. XI, ч. 1, изд. 1893 г., ему предоставлено, какъ лицу, имѣющему высшее руководительство во всѣхъ распоряженіяхъ по охраненію порядка и дисциплины въ университетѣ, въ разъясненіе и для обезпеченія точнаго исполненія правилъ, изданныхъ Министерствомъ, давать ректору обязательныя для него предложенія о надзорѣ за студентами. (Циркуляръ по Московскому учебному округу 1904 г. № 3).

Объ испытаніи на производство въ первый классный чинъ лицъ, имѣющихъ свидѣтельство на званіе начальнаго учителя *). (Предлож. Мин. Нар. Просв. отъ 5 ноября 1903 г., за №·34.413).

По вопросу о томъ, даетъ ли право на производство въ первый классный чинъ, безъ особаго испытанія, свидѣтельство о выдержаніи испытанія на званіе начальнаго учителя, Департаментъ Народнаго Просвѣщенія имѣетъ честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что, согласно съ заключеніемъ Особаго Отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденнымъ Его Высокопревосходительствомъ Господиномъ Министромъ, лица, выдержавшія испытаніе на званіе учителя начальнаго (одноклассснаго) училища, если они пожелаютъ вступить въ гражданскую службу по праву своего происхожденія, должны, для полученія права на производство въ первый классный чинъ, выдержать дополнительное испытаніе изъ геометріи и всеобщей исторіи въ объемѣ, указанномъ въ ст. 6-й утвержденныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія 24 ноября 1876 года правилъ о порядкѣ испытанія на первый классный чинъ (ib).

О порученіи преподаванія церковно-славянскаго чтенія въ городскомъ училищѣ законоучителю. (Предлож. Мин. Нар. Просв. отъ 14 февраля 1904 г., за № 5.358).

Увѣдомляю Ваше Превосходительство, что въ тѣхъ случаяхъ, когда въ городскомъ училищѣ, съ закрытіемъ младшихъ отдѣленій, общее число уроковъ увеличивается, а число уроковъ по Закону Божію уменьшается, между тѣмъ какъ составъ преподавателей остается прежній (какъ это имѣетъ мѣсто въ Медынскомъ училищѣ), представляется возможнымъ, во избѣжаніе обремененія учителей уроками, поручать преподаваніе „церковно-славянскаго чтенія съ переводомъ на русскій языкъ“ законоучителю городского училища, при чемъ общее число уроковъ для послѣдняго не должно быть выше показаннаго для законоучителя въ приложенной къ ст. 3.124, т. XI. ч. 1 Свод. Зак. таблицѣ числа недѣльныхъ уроковъ въ городскихъ училищахъ (ib).

Къ вопросу о вѣроисповѣданіи содержателей частныхъ учебныхъ заведеній **).

Департаментъ Народнаго Просвѣщенія отношеніемъ отъ 6 октября 1901 г., за № 26.649, увѣдомилъ г. Попечителя, что закономъ не воспрещается лицамъ инославныхъ исповѣданій содержать частныя учебныя заведенія, съ пріемомъ въ нихъ дѣтей православнаго исповѣданія.

О правилахъ для пріемныхъ испытаній въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. (16 ноября 1903 г. за № 35.802).

Г. министръ народнаго просвѣщенія сообщилъ для руководства по Рижскому учебному округу, что министерство народнаго просвѣщенія признало

---

*) Изъ Цирк. по Вост.-Сиб. уч. зав., №№ 10 и 11, 1903 г.

**) Изъ Цирк. по Одесск. уч. окр., № 9—1903 г.

цѣлесообразнымъ установить слѣдующія правила для пріемныхъ испытаній въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ:

1. Лица, получившія на весеннемъ испытаніи для поступленія въ среднее учебное заведеніе одну неудовлетворительную отмѣтку, могутъ быть допущены къ новому испытанію въ томъ же учебномъ заведеніи передъ началомъ учебнаго года, при чемъ, въ случаѣ заявленнаго желанія экзаменоваться, должны подвергнуться экзамену по всѣмъ предметамъ курса, кромѣ тѣхъ, изъ коихъ они получили на первомъ испытаніи не менѣе четырехъ. Однако, зачисляемы въ число учениковъ вышеозначенныя лица могутъ быть не иначе, какъ при наличности вакансій, оставшихся по окончаніи пріема тѣхъ лицъ, которыя выдержали пріемное испытаніе безъ переэкзаменовки какъ весною, такъ и осенью.

2. Къ повторному испытанію могутъ быть допускаемы и лица, не выдержавшія пріемнаго испытанія передъ началомъ учебнаго года, но новое испытаніе должно быть производимо имъ не ранѣе января мѣсяца, и притомъ по всѣмъ предметамъ, въ объемѣ курса предшествующихъ классовъ, а также и пройденнаго въ данномъ классѣ и

3. Вышеизложенныя правила могутъ быть распространены на всѣ учебныя заведенія, подвѣдомственныя министерству народнаго просвѣщенія. (Циркуляръ по Рижскому учебнному округу. 1904 г. № 2).

———————

Относительно вычета 2% въ сумму ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія изъ сбора платы за содержаніе пансіонеровъ при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Попечитель одного изъ учебныхъ округовъ обратился въ министерство народнаго просвѣщенія съ просьбой о разъясненіи, подлежатъ ли, какъ на томъ настаивала одна изъ мѣстныхъ контрольныхъ палатъ, суммы, поступающія на содержаніе учениковъ въ общежитіяхъ, дѣйствію примѣчанія къ ст. 449 т. I ч. св. зак., изд. 1892 г., относительно вычета 2% въ сумму ученаго комитета изъ сбора платы за содержаніе пансіонеровъ.

Вслѣдствіе сего департаментъ народнаго просвѣщенія, по сношеніи съ департаментомъ гражданской отчетности, въ отношеніи отъ 24-го февраля 1904 г. за № 6.645 сообщилъ, что къ подчиненію суммъ, поступающихъ за содержаніе воспитанниковъ въ общежитіяхъ при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, 2% вычету въ сумму ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія основаній не усматривается, такъ какъ указанный законъ имѣетъ въ виду лишь суммы, поступающія за содержаніе пансіонеровъ.

Объявляется по округу для свѣдѣнія, до кого сіе касается. (Циркуляръ по С.-Петербургскому учебному округу 1904 г. № 4).

———————

По вопросу о порядкѣ выдачи учительскихъ свидѣтельствъ воспитанницамъ педагогическихъ курсовъ.

На запросъ С.-Петербургскаго учебно-окружного начальства по вопросу о томъ, кѣмъ должны быть выдаваемы учительскія свидѣтельства тѣмъ изъ окончившихъ женскія прогимназіи воспитанницъ, кои затѣмъ прослушали педагогическіе курсы по правиламъ 31-го марта 1900 г., департаментъ на-

роднаго просвѣщенія въ отношеніи отъ 29-го февраля 1904 г. за № 7.381 сообщилъ, что, такъ какъ успѣшное окончаніе педагогическихъ курсовъ вышеупомянутыми лицами замѣняетъ для нихъ, согласно п. в. ст. 14 правилъ 31-го марта 1900 г., лишь шестимѣсячную практику въ начальномъ училищѣ, необходимую для полученія свидѣтельства на званіе учительницы, то, съ изданіемъ этихъ правилъ, остается по прежнему въ силѣ порядокъ выдачи учительскихъ свидѣльствъ, установленный циркулярнымъ распоряженіемъ министерства отъ 22-го сентября 3-го октября 1901 г. за № 26.463 (циркуляръ по округу за 1901 г. № 11).

Объявляется по округу для руководства въ подлежащихъ случаяхъ. (ib).

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(Ж. М. Нар. Просв. за 1904 г. Апрѣль и май).

Опредѣленіями Ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) въ качествѣ учебныхъ руководствъ для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Бѣлоха, П.* Учебникъ географіи Россійской Имперіи. Переработалъ *А. Соколовъ.* 36-е изданіе, вновь пересм., В. В. Думнова. М. 1903. Стр. IV+ +174+1 карта+1 таблица. Цѣна 70 коп.“

— *Житецкій, П.* 1) Теорія сочиненія съ христоматіей. Изданіе 4-е. Кіевъ. 1902. Стр. VIII+112 и 132. Цѣна 1 р.—2) Теорія поэзіи. Изданіе 3-е. Кіевъ. 1902. Стр. II+294. Цѣна 1 р.“

— „*Соколовъ, А.* Краткій учебникъ географіи. Курсъ внѣевропейскихъ частей свѣта. Изданіе А. Ильина. С.-Пб. 1904. Стр. 95. Цѣна 60 коп.“

— „*Флёровъ, А. П.* Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ. Изданіе 4-е, Е. П. Распопова. Одесса 1903. Стр. X+74+XLIII. Цѣна 50 коп.“

— „*Воиновъ, А.* Прямолинейная тригонометрія. Изданіе 5-е. М. 1903. Стр. 100. Цѣна 70 коп.“

— „*Герасимовъ, М.* Русская грамматика для начальныхъ училищъ. Изданіе 2-е, П. В. Луковникова. С.-Пб. 1903. Стр. II+146. Цѣна 25 коп.“ (для приготовительныхъ классовъ).

— „*Гессау, Г.* Нѣмецкая грамматика. Часть I. Этимологія. Изданіе 5-е. В. В. Думнова. М. 1904. Стр. 101. Цѣна 35 коп.“

— „*Гешель, К.* Синтаксисъ нѣмецкаго языка. Рига. 1903. Стр. VIII+116. Цѣна 40 коп.“

— „*Ивановъ, К. А.* Востокъ и миѳы. С.-Пб. 1904. Стр. 197. Цѣна 75 коп.“ (для III классса).

— „*Ивановъ, К. А.* Элементарный курсъ исторіи среднихъ вѣковъ. С.-Пб. 1904. Стр. 148. Цѣна 60 коп. (для реальныхъ училищъ).

— „*Карскій, Е. Ѳ.* Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнит. съ русскимъ. 11-е изданіе. Варшава. 1904. Стр IV+100. Цѣна 50 коп.“

— „*Кильдюшевскій, Н. П.* Прямолинейная тригонометрія. Казань. 1903. Стр. 124. Цѣна 75 коп.“

— „*Кленце, Бернардъ*. Курсъ французскаго языка. Изданіе В. В. Думнова. М. 1903. 1-я часть. Начальный курсъ. Изданіе 9-е. Стр. XVIII+200. Цѣна 75 к.—2-я часть. Курсъ среднихъ классовъ. Изданіе 7-е. Стр. XIX+360. Цѣна 1 р. 40 коп.“

— „*Красногорскій, П.* Синтаксисъ русскаго языка. Изданіе 6-е, испр. и доп. С.-Пб. 1903. Стр. VIII+110. Цѣна 40 коп.“

— „*Никульцевъ, П.* Ариѳметика. Изданіе 7-е, В. В. Думнова. М. 1904. Стр. IV+271. Цѣна 70 к.“

— „*Острогорскій, М.* Учебникъ русской исторіи. Элементарный курсъ. 7-е изданіе. С.-Пб. 1903. Стр. IV+140. Цѣна 60 коп.“ (для III класса женскихъ гимназій и прогимназій, а также для городскихъ, по положенію 31 мая 1872 г., училищъ).

— „*Петровъ, Конст. Ѳедор.* Русскій языкъ. Этимологія въ образцахъ. 9-е изданіе. С.-Пб. 1904. Стр. 2+120. Цѣна 40 коп.—Синтаксисъ въ образцахъ. 10-е изданіе. С.-Пб. 1903. Стр. 128. Цѣна 40 коп.“ (также и для низшихъ учебныхъ заведеній).

— „*Пржевальскій, Е.* Прямолинейная тригонометрія и собраніе тригонометрическихъ задачъ. Изданіе 6-е, испр. и доп. М. 1903. Стр. 284. Цѣна 1 р. 35 коп.“

— „*Чекала, С.* Краткая грамматика нѣмецкаго языка. Часть 1-я. Этимологія. Изданіе 8-е, В. В. Думнова. М. Стр. IV+70. Цѣна 40 коп.“ (съ условіемъ пониженія продажной цѣны ея до 30 коп.).

— „*Чекала, С.* Нѣмецкій языкъ. Методическій учебникъ, основанный на практическихъ упражненіяхъ. Курсъ 2-ой. Изданіе 17-е, В. В. Думнова. М. 1904. Стр. VIII+198. Цѣна 80 коп.“

— „*Шалландъ, А.* Полный курсъ французскаго языка. 1-й годъ. Изданіе 9-е. С.-Пб. 1904. Стр. 111. Цѣна 50 коп.“

б) въ качествѣ учебныхъ пособій для среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Daudet, Alphonse.* Le petit chose. Обработалъ *Б. Ѳ. Кленце.* Изданіе С. А. Манштейна. (Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей, подъ ред. *С. А. Манштейна*). С.-Пб. 1903. Стр. 116 (въ текстѣ)+93 (въ приложеніяхъ). Цѣна съ приложеніями 65 коп. въ перепл.“ (для среднихъ и старшихъ классовъ, а также и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній).

— „*Воиновъ, А.* Сборникъ геометрическихъ задачъ на вычисленіе. 4-е изданіе. М. 1903. Стр. 153. Цѣна 75 коп.“

— „*Генкель, А.* 1) Школьный ботаническій атласъ. 3-ій выпускъ. Біологія растеній. Изданіе подвижного музея учебныхъ пособій при Императорскомъ русскомъ техническомъ обществѣ. 12 таблицъ. С.-Пб. 1903. Цѣна 4 р.— 2) Текстъ къ нему. С.-Пб. 1903. Стр. 26“. (въ качествѣ класснаго учебнаго пособія).

— *Глаголевъ, А. Н.* Сборникъ ариѳметическихъ задачъ. М. 1904. Стр. 295. Цѣна 70 коп.“

— Картины по физической географіи. Изданіе магазина Гросманъ и Кнебель. М. 1903. 20 картинъ въ листахъ. Цѣна 2 руб.“ (въ качествѣ класснаго пособія, съ условіемъ пониженія продажной цѣны до 1 р. 50 коп.).

— „*Koch Arthur.* Deutsches Lesebuch für mittlere Lehranstalten. II Teil

Für die unteren Klassen. St. Pbg. 1904. VI+384 S. Preis geb. 1 Rbl. 30 Kop." (для тѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподаваніе ведется на нѣмецкомъ языкѣ).

— „*Максимовъ, Я.*, и *П. Глушинъ*. Родная пчелка. Книга для чтенія Изданіе 2-е, Г. Я. Юревича. С.-Пб. 1902. Стр. 218. Цѣна 50 коп." (для приготовительныхъ классовъ).

— „Модели геометрическихъ тѣлъ (для вырѣзыванія и склеиванія). Изданіе Вл. А. Попова, въ Москвѣ. 12 листовъ. Цѣна 50 к." (также для учительскихъ институтовъ и семинарій и для городскихъ, по положенію 31 мая 1872 г., училищъ).

— „Повѣсти и разсказы новѣйшихъ нѣмецкихъ авторовъ. Томъ. I Объяснилъ и снабдилъ словаремъ *Р. Бертольди*. Изданіе Эггерсъ и К°. (С.-Пб. 1904. Стр. 136. Цѣна 50 коп." (для среднихъ и старшихъ классовъ).

— „*Riehl, W. H.* Kulturhistorische Novellen (*Л. К. Якобсонъ*.. Школьныя изданія нѣмецкихъ авторовъ, вып. 4). С.-Пб. 1904. Стр. 192. Цѣна 50 коп." (для старшихъ классовъ).

— „Россія въ картинахъ. Изданіе магаз. Гросманъ и Кнебель. Москва. 8 картинъ. Цѣна не обозначена".

— *Сальниковъ, А. Н.* Учебная хрестоматія по русской словесности. Изданіе П. П. Сойкина. С.-Пб. 1903. Часть I. (Курсъ V класса). Стр. III+154+VI. Цѣна 1 р.—Часть II. (Курсъ VI класса). Стр. III+163+V. Цѣна 1 р. 50 коп.— Часть III (Курсъ VII класса). Стр. V+442+VI. Цѣна 2 р."

— „*Сиповскій, В. Д.* Исторія древней Греціи въ разсказахъ и картинахъ. (Историческая библіотека для учащихся). Изданіе 3-е. С.-Пб. 1903. Стр. 60. Цѣна 75 коп." (для мужскихъ гимназій, а также въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Смирновскій, П.* Пособіе при изученіи исторіи русской словесности. Часть III. Время отъ Карамзина до Пушкина. Изданіе 10-е, А. Я. Панафидина. М. 1904. Стр. IV+535. Цѣна въ перепл. 1 р. 40 коп."

— „*Чекала, С.* Нѣмецкій языкъ. Методическій учебникъ, основанный на практическихъ упражненіяхъ. Курсъ 3-ій. Изданіе 11-е, В. Думнова. М. 1904. Стр. 192. Цѣна 80 коп." (съ тѣмъ, чтобы на заглавномъ листѣ книги исправлено было заявленіе о допущеніи книги ученымъ комитетомъ „въ качествѣ руководства (als Leitfaden)", такъ какъ книга допускается ученымъ комитетомъ въ качествѣ учебнаго пособія).

в) въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Авенаріусъ, В. П.* Необыкновенная исторія о воскресшемъ помпейцѣ Фантастическая повѣсть. (Переработана для юношества). Изданіе П. В. Луковникова. С.-Пб. 1903. Стр. 106. Цѣна 60 коп., въ папкѣ 80 коп., въ перепл. 1 р. 10 коп." (для средняго возраста, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Ганъ, Ф.* Африка. Полный переводъ *Д. А. Коропчевскаго*. Изданіе т-ва „Просвѣщеніе". (Всемірная географія. Подъ общей ред. *В. Сиверса*). С.-Пб. 1903. Стр. XII+641. 15 вып. по 50 коп., въ роск. полукож. перепл. 8 р. 50 коп." (также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Гауфъ, Вильгельмъ.* Сказки. Переводъ съ полнаго нѣм. изданія *П. Н.*

Изданіе А. С. Панафидиной. М. 1903. Стр." XVI+469. Цѣна въ перепл. 2 р. 50 коп." (также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Дефо, Даніэль*. Робинзонъ-Крузо. Полный переводъ *Л. А. Мурахиной* Иллюстрир. изданіе т-ва И. Д. Сытина. Подъ ред. *Н. В. Тулупова*. М. 1904. Стр. 565. Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 коп." (для средняго и старшаго возраста, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Зеленинъ, А. В*. Очерки изъ животнаго царства. Изданіе П. П. Сойкина. С.-Пб. 1903. Стр. 179. Цѣна 1 р." (также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Каракашъ, Надежда*. Наши друзья и враги. Зоологическіе разсказы для дѣтей. Изданіе А. Ф. Девріена, С.-Пб. 1903. Стр. 164. Цѣна 70 коп., въ папкѣ 90 коп." (также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Немировичъ-Данченко, Вас. Ив*. Очертя голову. (На краю гибели). Изданіе 4-е, Д. П. Ефимова. М. 1903. Стр. 483. Цѣна 1 р. 50 коп., въ папкѣ 1 р. 75 коп." (для средняго возраста, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Сервантесъ*. Донъ-Кихотъ. Сокращенный переводъ для юношества. Изданіе 2-е, испр., П. В. Луковникова. С.-Пб. 1903. Стр. 184. Цѣна 50 коп., въ папкѣ 70 коп., въ коленк. перепл. 1 р." (также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).

— „*Силантьевъ, А. А*. Опредѣлитель европейскихъ птицъ. (Перепечатано, съ дополненіями, изъ сочиненія „Птицы Европы" Н. А. Холодковскаго и А. А. Силантьева). Изданіе А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1901. Стр. VIII+128. Цѣна 1 р. 20 коп." (для старшаго возраста, а также и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Царевскій, А. А*. Святый Іоаннъ Дамаскинъ, какъ православный богословъ и церковный христіанскій пѣснопѣвецъ. 2-е изданіе. Казань. 1901. Стр. 38. Цѣна 30 коп."

— „Царство животныхъ въ картинахъ. 250 изображеній съ объяснительнымъ текстомъ *П. Ю. Шмидта*. Изданіе А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1903 23 табл.+39 стр. Цѣна 4 р." (также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Авенаріусъ, В. П*. Создатель русской оперы, Михаилъ Ивановичъ Глинка. Изданіе П. В. Луковникова. С.-Пб. 1903. Стр. 241. Цѣна 1 р. 50 коп., въ папкѣ 1 р. 75 коп., въ перепл. 2 р. 25 к." (для средняго и старшаго возраста, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Блохманъ, Р*. Воздухъ, вода, свѣтъ и тепло. 8 общедост. лекцій по химіи. Перевелъ съ нѣмец. *Владиміръ Вольфсонъ*. Изданіе В. И. Губинскаго С.-Пб. 1900. Стр. 112. Цѣна 40 коп." (также въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни).

— „*Бухаревъ*. Толкованіе на евангеліе отъ Іоанна. Изданіе В. В. Думнова. М. 1903. Стр. 277+8+III. Цѣна 75 коп."

— „*Ганъ, И. К*. Руководство къ правильному употребленію знаковъ препинанія. Изданіе 8-е. Вильна. 1903. Стр. 80. Цѣна 30 коп."

— „*Грунмахъ, Л*., и *Е. Розенбоомъ*. Силы природы и ихъ примѣненія въ промышленности и техникѣ. Полный переводъ съ IX нѣм. изданія, подъ ред. *Н. А. Гезехуса*. Изданіе т-ва „Просвѣщеніе". (Промышленность и техника. Томъ II). С.-Пб. 1902. Стр. XXV+843. 10 выпусковъ по 50 коп., въ

роск. полукож. перепл. 6 р.“ (также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Гюнтеръ, С.* Вѣкъ великихъ открытій. Переводъ *П. Ю. Шмидтъ.* Изданіе А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1903. Стр. VIII + 283. Цѣна 1 р. 25 коп., въ папкѣ 1 р. 50 коп.“ (для старшаго возраста, а также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Дари, Жоржъ.* Электричество во всѣхъ его примѣненіяхъ. Перевелъ и дополнилъ *К. И. Дебу.* Изданіе ред. „Новаго журнала иностранной литературы“. С.-Пб. 1903. Стр. 448. Цѣна 2 р. 50 коп., въ перепл. 3 р. 50 коп.“ (для старшаго возраста, а также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Двигубскій, Н. П.* Жизненные вопросы. (По сочиненію Ѳомы Франка). Изданіе П. П. Сойкина. С.-Пб. 1903. Стр. 182. Цѣна 50 коп.“

— „*Дѣдловъ, В. Л.* Кіевскій Владимірскій соборъ и его художественные творцы. Изданіе книжн. магаз. Гросманъ и Кнебель. (Вопросы науки. искусства, литературы и жизни. № 25). М. 1901. Стр. 86. Цѣна 40 коп.“ (для старшаго возраста).

— „*Ивановъ, Ив. Ив.* Разсказы о старинѣ. Халдеи. (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 96. Цѣна 30 коп.“ (для младшаго возраста а также въ безплатныя народныя читальни).

— „*Кондрашова, Е. Н.* Дѣти Солнцевыхъ. Изданіе 2-е, А. Ф. Девріена С.-Пб. 1903. стр. 287. Цѣна не обозначена.“ (для средняго возраста, а также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Лоджъ, Оливеръ.* Современные взгляды на матерію. Переводъ *А. І. Бачинскаго,* просмотрѣнный *Н. А. Умовымъ.* Изданіе магаз. „Книжное дѣло“. М. 1904. Стр. 35. Цѣна 20 коп.“ (для старшаго возраста, а также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Львовъ, В. Н.* Первое знакомство съ природой. Вып. VI. Деревья и кустарники. Изданіе М. и С Сабашниковыхъ. М. 1904. Стр. 68. Цѣна 40 коп.“ (также и въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ).

— „*Львовъ, Владиміръ.* Въ нефтяномъ царствѣ. (Школьная библіотека) М. 1904. Стр. 60. Цѣна 20 коп.“ (также и въ безплатныя народныя читальни).

— „*Мижуева, О. М.* Луи Пастеръ и его научныя открытія. Изданіе М. М. Ледерле. (Нашему юношеству разсказы о хорошихъ людяхъ. № 19), С.-Пб. 1896. Стр. 79. Цѣна не обозначена“.

— „*Паренсовъ, П.* Изъ прошлаго. Воспоминанія офицера генеральнаго штаба. Изданіе В. Березовскаго. Часть 1-я. На войнѣ. С.-Пб. 1901. Стр. VIII + 444. Цѣна 3 р. — Часть 2-я. Ужасные дни. Часть 3-я. Затишье. С.-Пб. 1904. Стр. XIV+8+491+4+110. Съ прилож. плановъ на 7 отдѣльныхъ листахъ. Цѣна 6 р.“ (для старшаго возраста).

— „*Патканова, Е. Н.* Курсъ практической стенографіи. С.-Пб. 1903. Стр. 41 + 11 табл. Цѣна 1 р. 50 коп.“ (также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Пти-де-Жюльвилль, Л.* Иллюстрированная исторія новѣйшей французской литературы. (1800 — 1900 гг.). Переводъ съ франц. подъ ред. *Ю. В. Веселовскаго,* со вступительной статьей *А. Н. Веселовскаго.* Томъ I. Изданіе магаз. „Книжное Дѣло“. М. 1904. Стр. VI + 824. Цѣна 4 р.“ (для старшаго возраста).

— „*Рёскинъ, Джонъ.* Сочиненія. Изданіе магаз. „Книжное Дѣло“. Серія I.

Книжка 9. Законъ Фіезоло. Полный переводъ, просмотр. *Л. П. Никифоровымъ.* М. 1904. Стр. IX + 152. Цѣна 80 коп. — Книжка 10. Орлиное гнѣздо. Переводъ *Л. П. Никифорова.* М. 1903. Стр. 144. Цѣна 50 коп. Подписная цѣна на I серію 5 р." (для старшаго возраста, а также въ библіотеки учительскихъ семинарій и институтовъ).

— „Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Подъ общимъ руководствомъ *П. П. Семенова* и *В. И. Ламанскаго* и подъ ред. *В. П. Семенова.* Томъ XVIII. Киргизскій край. Изданіе А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1903. VIII + 478. Цѣна 2 р. 50 коп., въ мягкой папкѣ 2 р. 75 коп., въ перепл. 3 р." (для старшаго возраста и для выдачи учащимся въ видѣ награды, а также въ бзплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Рубакинъ, Н. А.* Въ пампасахъ. (Народы и страны. Географнческая библіотека. Вып. X). Изданіе П. П. Гершунина и К°. С.-Пб. 1903. Стр. 188. Цѣна 50 коп." (для средняго и старшаго возраста, а равно и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Рубакинъ, Н. А.* Среди мусульманъ. (Народы и страны. Географическая библіотека. Вып. VIII). Изданіе П. П. Гершунина и К°. С.-Пб. 1903. Стр. 234. Цѣна 65 коп." (для старшаго возраста, а также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Рюминъ, В. В.* Элементарная техническая минералогія. Харьковъ. 1904. Стр. 68+II. Цѣна 75 коп." (съ условіемъ пониженія продажной цѣны до 40 коп.).

— „*Serret, I. A.* Тригонометрія. Полный переводъ *Владислава Вроблевскаго* подъ ред. *И. Иванова.* С.-Пб. 1902. Стр. 320. Цѣна 1 р. 15 коп." (для старшаго возраста).

— „*Смайльсъ Самуилъ.* 1) Бережливость (Thrift). Переводъ *В. Тимирязева.* 2-е изданіе. Стр. 4 + 334 + 1. Цѣна 75 коп.—2) Характеръ. Переводъ *Н. Страхова.* 2-е изданіе. Стр. 4+351+1. Цѣна 75 коп. (Обѣ—изданія Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903)". (также и въ безплатныя народныя читальни).

— „Человѣкъ. Изображеніе его строенія на 5 таблицахъ съ объяснительнымъ текстомъ д-ра *Фета.* Переводъ съ нѣм. *В. П. Гольдингера.* 2-е изданіе I. Кнебель. М. 1904. Стр. 31 + табл. Цѣна не обозначена." (для реальныхъ училищъ, а также въ ученическія библіотеки городскихъ, по Положенію 31-го мая 1872 г., училищъ).

— „*Чижовъ, Е.* Желѣзное царство. Разсказы про старое и новое время. Изданіе Е. И. Чижова. М. 1903. Стр. 142+1. Цѣна 30 коп." (также въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Шмейль, О.* Очерки изъ жизни растеній. Переводъ съ нѣм. *С. Г. Григорьева, Л. Д. Синицкаго* и *С. В. Чефранова.* М. 1903. Стр. XII + 2 + 508. Цѣна 3 р. 75 коп." (также для выдачи учащимся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ видѣ награды, аравно и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

2. Допустить *условно* слѣдующія книги:

въ качествѣ учебнаго пособія для среднихъ учебныхъ заведеній.

— „*Anspach, A., et C. du Loup.* Recueil de morceaux choisis. St.-Pbg.

904. VII + 287. pages. Prix 1 rouble.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга была исправлена согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній:

— „*Ворисгоферъ, С.* Изъ Лондона въ Австралію. Переводъ съ нѣм. *Е. Святловскаго.* Изданіе Б. Н. Звонарева. С.-Пб. 1902. Стр. 236. Цѣна 2 р.“ (для средняго и младшаго возраста, а равно и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, съ условіемъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи были устранены замѣченные въ книгѣ недостатки).

— „Въ досужій часъ. Дѣтскій альманахъ. Подъ ред. *А. А. Өедорова-Давыдова.* Годъ 3-й. Изданіе Н. Лидертъ. М. 1903. Стр. 161 + 1. Цѣна 1 р 50 коп.“ (для младшаго возраста, а также въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки).

— „*Зауэръ, Ад.* Минералогическій атласъ, состоящій изъ 24 хромолитографическихъ таблицъ съ краткимъ текстомъ. Изданіе В. В. Думнова. М. 1904. Цѣна 3 р. 75 коп.“ (также въ ученическія библіотеки городскихъ, по Положенію 31-го мая 1872 г., училищъ, съ тѣмъ, чтобы въ послѣдующемъ изданіи переводъ объяснительнаго текста былъ исполненъ болѣе удовлетворительно).

— „*Коганъ, П.* Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ Изданіе С. Скирмунта. М. 1903. Стр. IX+432. 1 р. 50 коп.“ (съ условіемъ исправленія въ слѣдующемъ изданіи согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

— „*Погодинъ, А. А.* Боги и герои Эллады. Изданіе О. Н. Поповой. С.-Пб. 1904. Стр. 232. Цѣна 1 р.“ (также въ безплатныя народныя читальни, съ тѣмъ, чтобы въ послѣдующемъ изданіи были исправлены недостатки).

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Изданіе: „Лѣтопись войны съ Японіей. Издается на время войны: выходитъ по воскресеньямъ. Редакторъ-издатель *Дубенскій.* Подписная цѣна съ дост. и перес. за каждые 3 мѣсяца 3 р.“—допустить къ выпискѣ по предварительной подпискѣ въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, и кромѣ того въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Изданіе: „Житія святыхъ на русскомъ языкѣ, изложенныя по руководству Четьихъ-Миней св. Дмитрія Ростовскаго. Изданіе Московской синодальной типографіи. Книга 2-я. М. 1902. Стр. 642.— Книга 3-я. М. 1902. Стр. 830.“—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Приборъ *В. Ф. Гербста*: „Солнечный треугольникъ. Цѣна 16 р.“ — допустить для пріобрѣтенія въ физическіе кабинеты среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книги: *Кананъ-Дойль, А.* 1) Красное по бѣлому. Переводъ съ англ. *Н. Облеухова.* Изданіе 2-е, Д. П. Ефимова. М. 1903. Стр. 208. Цѣна 60 коп.— 2) Знакъ четырехъ. Переводъ *Н. Д. Облеухова.* Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1903. Стр. 202. Цѣна 60 коп.“—допустить въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. Товарищемъ министра, постановлено:

1. Допустить слѣдующія книги:

а) къ классному употребленія въ низшихъ учебныхъ заведденіяхъ:

— „*Апинъ, К.* Русская азбука и первая послѣ азбуки книга для чтенія составленныя по натуральному (разговорному методу для инородцевъ. Изданіе Эрнста Платеса. Рига 1903. Стр. 115. Цѣна 30 коп.“ (для начальныхъ инородческихъ училищъ Рижскаго учебнаго округа).

— „*Höschele, R.* 1) Aufsatzbüchlein für die allereinfachsten Dorfschulen im Anschluss an den I. Teil des Lesebuchs von Kornelius Unruh und Karl Wilhelm. Odessa. 1903. Стр. 48. Цѣна 30 коп. — 2) Pläne für die Hand der Schüler zum Aufsatzbüchlein. Odessa. 1903· Стр. 32. Цѣна 10 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Горбуновъ-Посадовъ, И.*, и *Я. Егоровъ.* Азбука-картинка съ подвижными разрѣзными буквами. № 113. Изданіе 8-е. М. 1903. Стр. 44. Цѣна 10. коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Малышевичъ, Іоаннъ.* Краткая исторія ветхаго и новаго завѣта. Для учащагося римско-католическаго юношества. Изданіе 4-е. Вильна 1902. Стр VI+88. Цѣна не обозначена.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ Виленскаго, Варшавскаго и Кіевскаго учебныхъ округовъ).

— „*Тихомировъ, Д. И.* Вешніе всходы. 1-я послѣ азбуки книга для класснаго чтенія. Изд. 32. М. 1903. Стр. 171. Цѣна 30 коп.—2-я книга. Изд. 27-ое. М. 1903. Стр. 255. Цѣна 40 коп.“

„*Тихомировъ, Д. И.* Вешніе всходы. 3-ья и 4-ая книги для класснаго чтенія. 16-ое изд. М. 1902. Стр. 424. Цѣна 60 коп.“ (также для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній).

б) въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Крижъ, В. О.* Руководство къ азбукѣ для сельскихъ школъ русской и церковно-славянской. 2-е испр. и доп. изданіе И. Ѳ. Жаркова. М. 1903. Стр. 62. Цѣна 3 коп.“

— „Энциклопедическій словарь. Издатели: Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ) и И. А. Ефронъ (Спб.). Полутомъ 77. С.-Пб. 1903. 480“ (для учительскихъ семинарій а также городскихъ и двухклассныхъ приходскихъ училищъ).

— „*Петри, Э. Ю.* Методы и принципы географіи. Изд. 2-е, ред. журн. „Дѣтское чтеніе“. (Учительская библіотека). М. 1900. Стр. VII+316. Цѣна 1 р.“ (для городскихъ, по Положенію 31 мая 1872 г., училищъ).

— „*Соколовъ, Аѳ. Ѳ.* Методика начальнаго обученія церковно-славянскому языку. Изд. 3-е, испр. н значит. доп. М. 1903. Стр. 191. Цѣна 75 коп·“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Тихомировъ, Д. И.* Вешѳіе всходы. Руководстро для учителя къ 1-й

2-й и 3-ей книгамъ для класснаго чтенія. (Учительская библіотека). 8-е изд. М. 1902. Стр. 172+3. Цѣна 40 коп."

в) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній *):

— „*Алтаевъ, А.* Отъ земли. Повѣсть для дѣтей. 2-е изд. ред. журн. „Дѣтское чтеніе" и „Педагогическій листокъ" (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 196. Цѣна 50 коп."

— „*Барыкова, А.* Спасенный. Повѣсть въ стихахъ. (Изъ Теннисона). № 84 М. 1901. Стр. 53. Цѣна 3 коп."

— „*Бичеръ-Стоу, Гарріэтъ.* Хижина дяди Тома. Съ англ. перевела и сократила для дѣтдй отъ 10 до 15 лѣтъ *М. К. Е.* 2-е изданіе К. Тихомирова. М. 1904. Стр. XXII+303. Цѣна 50 коп."

— „*Блиновъ, Н. Н.* На нивѣ народной. Изданіе 3-е, магазина „Книжное дѣло". М. 1903. Стр. 30. Цѣна 10 коп."

— „*Блиновъ, Николай.* Сельская общественная служба. Бесѣды старосты-крестьянина. Изданіе 6-е, испр. и дополн., К. Тихомирова. (Библіотека народныхъ книгъ). М. 1903. Кн. I. Сельскій староста и сборщикъ податей. Стр. 37.—Кн. II. Сельское общество. Стр. 32. Кн. III. Мірскіе сходы сельскій и селенный. Стр. 32.—Вып. IV. Смотритель хлѣбозапаснаго магазина, народное продовольствіе. Стр. 34.—Кн. V. Селенные и пожарные старосты, караульщики, разсылки. Стр. 27.—Кн. VI. Урядники, стражники и десятскіе. Врачебная помощь. Стр. 28.—Кн. VII. Охраненіе полей и лѣсовъ. Полевые и лѣсные сторожа. Стр. 26. — Кн. VIII. Служба отечеству по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ. Стр. 40. Кн. IX. Учетъ мірскихъ денегъ.—Сельскій банкъ.—Кредитное товарищество.—Крестьянскій поземельный банкъ. Стр. 33. Кн. X. Крестьянскія переселенія. Стр. 30. Цѣна каждой книжки 6 коп."

— „*Богдановъ, М. Н.* I. Что такое птица. II. Осенній перелетъ птицъ. 2 разсказа. (Библіотека для дѣтей и юношества. Подъ ред. *И. Горбунова-Посадова*). М. 1904. Стр. 32. Цѣна 12 коп."

— „*Булгаковскій, Д.* Во время войны. Что долженъ помнить и дѣлать русскій народъ? 4-е изданіе. С.-Пб. 1904. Стр. 16. Цѣна 4 коп."

— „*Бѣловъ, С. П.* Хоръ двухклассной школы. Маленькія музыкальныя сочиненія на слова изъ разныхъ школьныхъ хрестоматій. С.-Пб. 1903. Стр. 51. Цѣна 75 коп."

— „*Вердеревская, С.* Житіе святого Серафима, Саровскаго чудотворца Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1903. Стр. 112. Цѣна 25 коп."

— „Вѣрный другъ. Разсказъ по Киплингу. Изданіе ред. журн. „Дѣтское чтеніе" и „Педагогическій листокъ". (Библіотека-копѣйка). М. 1903. Стр. 8. Цѣна 1 коп."

— „*Герасимовъ, П. Н.* Среди людей и животныхъ. Изданіе С.-Пб. отдѣла Рос. общ. покровительства животнымъ. С.-Пб. 1903. Стр. 50. Цѣна 20 коп."

---

*) Сочиненія, допущенныя въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній. считаются допущенными также въ оезплатныя иародныя читальни н библіотеки и для публнчныхъ иарозныхъ чтеній, а равно могутъ быть пріобрѣтаемы, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, и въ ученичэскія бибчіотеки средних учебныхъ заведеній.

— „*Гуленко, М.* Среди болота и лѣсовъ. Краткій разсказъ о Бѣлоруссіи и бѣлоруссахъ. № 321. М. 1903. Стр. 64. Цѣна 3 коп.“

— „*Егоровъ, В. Г.* Литературно-сценическій сборникъ для семьи и школы. Томъ I. Выпускъ V-й. Изданіе 2-е, испр. С.-Пб. 1902. Стр. 36. Цѣна 30 коп.“

— „ *Жуковскій, В. А.* Избранныя сочиненія. Изданіе 2-е, К. Тихомирова. М. 1904. Стр. 277. Цѣна 60 коп.“

— „Зеленый охотникъ“. Робинъ Гудъ. Переводъ съ англ. *Л. Спицыной*, 2-е изданіе ред. журн. „Дѣтское чтеніе“ и „Педагогическій листокъ“ (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 48. Цѣна 20 коп.“

— „*Корделіа.* Гора чудесъ. Индійская повѣсть. Переводъ съ итальянскаго. Изданіе М. В. Клюкина. 1904. Стр. 32. Цѣна 10 коп.“

— *Кругловъ, А. В.* Деревенскія модницы. Изданіе 3-е, В. С. Спиридонова. М. 1903. Сстр. 110. Цѣна 15 коп.“

— „*Кругловъ, А. В.* Любовь и истина. (Духовные мотивы). Изданіе 2-е, В. С. Спиридонова. М. 1902. Стр. 39. Цѣна 20 коп.“

— „*Кругловъ, А. В.* Раннею весною. Разсказы. Изданіе А. С. Панафидиной. М. 1904. Стр. 122. Цѣна 80 коп.“

— „*Курчевскій, В.* Чтеніе о письменахъ. М. 1904. Стр 23. Цѣна 15 коп.“

— „*Лукашевичъ, Клавдія.* 1) Грачи прилетѣли. Стр. 30. Цѣна 20 коп. — 2) Три корзиночки земляники. Стр. 32. Цѣна 20 коп.—3) Воришка. Стр. 36. Цѣна 15 коп. 4) Сказка о о двухъ хлѣбныхъ зернышкахъ. Стр. 28. Цѣна 15 коп. (Всѣ изданія С. Курнина и К^{0}. М. 1904).“

— „*Лукашевичъ, Клавдія.* Оборона Севастополя и его славные защитники. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1904. Стр. 289. Цѣна 2 р.“

— „*Львовичъ, В.* По Азіи. Сборникъ описательныхъ статей. Изданіе М. В. Клюкина. М. 1903. Стр. 381. Цѣна 1 руб.“

— „*Малицкій, П. И* 1). Саровская пустынь и великій подвижникъ ея, преподобный старецъ Серафимъ. Тула. 1903. Стр. 97. Цѣна 25 коп.—2) Преподобный старецъ Серафимъ, великій подвижникъ Саровской пустыни. Тула. 1903. Стр. 42. Цѣна 10 коп.“

— „*Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.* 1) Сѣрая шейка. Стр. 16 коп. Цѣна не обозначена.—2) Упрямый козелъ. Стр. 32. Цѣна 10 коп.—3) Черная армія. Стр. 14. Цѣна 5 коп. (Всѣ 3—изданія ред. журнала „Дѣтское чтеніе“ и „Педагогическій листокъ“ [Дешевая библіотека для семьи и школы]. М. 1903).

— „*Микуличъ, В.* 1. Бѣдные люди. 2) Жаба. По В. Гюго. № 426. М. 1902. Стр. 31. Цѣна $1^1/_2$ коп.“

— „*Мироновъ, Ал. М.* Путеводитель по Московской художественной галлерѣе П. и С. Третьяковыхъ. М. 1902. Стр. 78. Цѣна 35 коп.“

— „*Михѣевъ, Василій.* О воеводѣ Вышатѣ, какъ онъ о войскѣ-дружинѣ сердцемъ болѣлъ и какъ за то въ Цареградѣ муки принялъ. Сказаніе для народа. М. 1897. Стр. 71. Цѣна не обозначена.“

— „*Мощанскій, А.* Свѣтъ—не безъ добрыхъ людей. Бытовой очеркъ, 4-е изданіе К. Тихомирова. (Библіотека народныхъ книгъ). М. 1904. Стр. 48. Цѣна 10 коп.“

— „*Назаревскій, В.* Русская исторія. Чтеніе для Московскихъ фабричнозаводскихъ рабочихъ. IV выпускъ. Изданіе комиссіи по устройству чтеній для рабочихъ. М. 1903. Стр. 127. Цѣна не обозначена.“

— „*Немировичъ-Данченко, Вас. Ив.* Гаврюшкинъ плѣнъ. Повѣсть. Изда-

ніе 5-е ред. журн. „Дѣтское чтеніе" и „Педагогическій листокъ". Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 207. Цѣна 65 коп."

— „*Немировичъ Данченко, Вас. Ив.* Соколиныя гнѣзда. Повѣсть изъ быта кавказскихъ горцевъ. 4-е изд. ред. журн. „Дѣтское чтеніе" и „Педагогическій листокъ". (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 119. Цѣна 50 коп."

— „*Острогорскій, Викторъ.* Изъ народнаго быта. Изданіе 6-е, ред. журн. „Дѣтское чтеніе" и „Педагогическій листокъ". (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 45. Цѣна 10 коп."

— „*Свободинъ, М.* Скворцы. Изданіе С. Куринъ и К°. М. 1903. Стр. 20. Цѣна 15 коп."

— „*Семеновъ, С. Т.* Изъ дѣтскихъ лѣтъ крестьянина. „Изданіе ред журн. „Дѣтское чтеніе" и „Педагогическій листокъ". (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 62. Цѣна 20 коп."

— „*Сергѣенко, П. А.* Сестра милосердія. Повѣсть. 2-е изданіе ред. журн. „Дѣтское чтеніе" и „Педагогическій листокъ". (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 132. Цѣна 40 коп."

— „*Сѣверцевъ, Г. Т. (Полиловъ).* I. Екатерина Великая на Волгѣ. II. Что крѣпче? Два историч. разсказа для дѣтей. Изданіе автора. С.-Пб. 1903. Стр. 25. Цѣна 25 коп."

— „*Т., Е.* Юрій Милославскій. По роману М. Н. Загоскина. ред. журн. „Дѣтское чтеніе" и „Педагогическій листокъ". (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 280. Цѣна 30 коп."

— „*Тиличееви, М. В.* Алека или гдѣ же счастье? (съ французскаго). М. 1904. (Школьная библіотека). Стр. 28. Цѣна 10 коп."

— „*Юрьева, М.* Въ морѣ житейскомъ. Исторія одного семейства. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1903. Стр. 289. Цѣна 1 р."

— „*Ѳеодровъ-Давыдовъ, А. А.* Разсказы и сказки. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1904. Стр. 54. Цѣна 30 коп."

— „Будь трезвъ. Письмо къ брату. № 457. М. 1903. Стр. 16. Цѣна $1^1/_2$ коп."

— „*Бѣлоусовъ, Ив.* Крылатые друзья. Сборникъ стихотвореній. Изд. „Дамскаго Комитета для борьбы съ жестокими модами и для защиты птицъ". М. 1903. Стр. 63. Цѣна 25 коп."

— „*Гофманъ, М.* Какъ украсить елку. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. 1903. Стр. 21. Цѣна 15 коп."

— „*Йнфантьевъ. П. П.* Зауральскіе разсказы. Изд. ред. журн. „Дѣтское чтеніе". (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 84. Цѣна 25 коп." (для городскихъ училищъ).

— „Капитанъ Январь. Съ англ. перевела *Е. Б.* (Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества). М. 1904. Стр. 82. Цѣна 35 коп."

— „*Киплингъ.* Разсказы. Книжка 1-я. Съ англ. *А. Н. Рождественской.* 3-е изд. ред. журн. „Дѣтское чтеніе". (Библіотека „Дѣтскаго чтенія"). М. 1903. Стр. 183. Цѣла 50 коп."

— „*Коропчевскій, Д. А.* Времена года. Географическія картинки. 2-е изд. (Библіотека „Дѣтскаго чтенія"). М. 1902. Стр. 163. Цѣна 45 коп."

— „*Лебедевъ, В. П.* Великія сердца. Повѣсти и разсказы. Изд. ред. журн. „Дѣтское чтеніе". (Библіотека для семьи и школы, подъ ред. *Д. И. Тихомирова*). М. 1903. Стр. 82. Цѣна 20 коп." (для городскихъ училищъ)."

— „*Линдеманъ, К. Э.* О насѣкомыхъ, вредящихъ хлѣбнымъ зернамъ и мукѣ въ амбарахъ. Изд. К. Тихомирова. (Сельско-хозяйственная библіотека. Отдѣлъ полеводства и луговодства). М. 1903. Стр. 31. Цѣна 10 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Лукашевичъ, Клавдія.* Очерки изъ обороны Севастополя. Дешевыя изданія т-ва И. Д. Сытина. 1) Осада Севастополя. М. 1903. Стр. 71. Цѣна 5 коп.—2) На бастіонахъ Севастопольскихъ. М. 1903. Стр. 36. Цѣна 3 коп. — 3) Тяжелая зима въ Севастополѣ. М. 1904. Стр. 35. Цѣна 3 коп.—4) Первое бомбардированіе Севастополя и смерть адмирала Корнилова. М. 1903. Стр. 36. Цѣна 3 к.—5) Два памятныхъ дня. Памяти генерала Хрулева. М. 1904. Стр. 35. Цѣна 3 коп.—6) Малаховъ курганъ. Памяти генерала Хрущова и адмирала Истомина. М. 1904. Стр. 36. Цѣна 3 коп.—7) Четвертый бастіонъ. М. 1904. Стр. 35. Цѣна 3 коп.—8) Богатыри Севастопольскіе. Вице-адмиралъ Корниловъ. М. 1904. Стр. 53. Цѣна 5 коп.—9) Севастопольскіе герои. М. 1903. Стр. 36. Цѣна 3 коп.—10) Вылазки. Матросъ Кошка. М. 1903. Стр. 35. Цѣна 3 коп.—11) Инкерманское сраженіе. М. 1904. Стр. 36. Цѣна 3 коп.—12) Помощь родинѣ. М. 1903. Стр. 70. Цѣна 5 коп.“

— „*МаминъСибирякъ, Д. Н.* 1) Бѣлое золото. Повѣсть. 4-е изд. ред. журн. „Дѣтское чтеніе“. (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 143. Цѣна 50 коп.—2) Зарницы. 2-й сборникъ разсказовъ для старшаго возраста. 4-е изд. (Библіотека „Дѣтскаго чтенія“). М. 1902. Стр. 182. Цѣна 75 коп.“

— „*Маминъ Сибирякъ, Д. Н.* Разсказы и сказки. Томъ 2-ой. 2-е изд ред. журн. „Дѣтское чтеніе“. (Библіотека для семьи и школы). М. 1904 Стр. 232. Цѣна 1 р.“

— „*Назаревскій, В.* Русская исторія. Чтеніе для Московскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ. V выпускъ. Изданіе комиссіи по устройству чтеній для рабочихъ. М. 1904. Стр. 125. Цѣна не обозначена.“

— „*Немировичъ Данченко, Вас. Ив.* Поднебесный аулъ. 3-е изд. ред. журн. „Дѣтское чтеніе“. (Библіотека для семьи и школы, подъ ред. *Д. И. Тихомирова*). М. 1903. Стр. 256. Цѣна 75 коп.“

— „*Немировичъ-Данченко, Вас. Ив.* Соколиныя гнѣзда. Повѣсть изъ быта кавказскихъ горцевъ. 4-е изд. ред. журн. „Дѣтское чтеніе“. (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 119. Цѣна 50 коп.“

— „*Немировичъ-Данченко, Вас. Ив.* Ѳедька рудокопъ. (Библіотека „Дѣтскаго чтенія“). 3-е изд. М. 1902. Стр. 146. Цѣна 50 коп.“

— „Праведный старецъ. Повѣсть № 176. М. 1901. Стр. 107. Цѣна 6 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ).

— „*Рабо, Шарль.* Огненная земля (по Отто Норденшельду). Переводъ съ франц. *Н. Н. Южаковой.* Подъ ред. и со вступительной статьей *Д. А Коропчевскаго.* Изданіе О. Н. Поповой. (Разсказы о разныхъ странахъ и народахъ). С.-Пб. 1903. Стр. XIX+65+1. карта. Цѣна 40 коп.“

— „1) Россія и Дальній Востокъ. I. Русско-Японская война. II. Корея и корейцы. (Дешевая иллюстрированная библіотека). Спб. 1904. Стр. 64. Цѣна 6 коп.—2) Русско-японская война. (Россія и Дальній Востокъ). Японія и японцы. (Дешев. иллюстр. библ. № 3). С.-Пб. 1904. Стр. 64. Цѣна 6 коп.“

— „*Сетонъ Томсонъ, Э.* Жизнь сѣраго медвѣдя. Переводъ съ англ. *Н. Шигикова.* (Библіотека для дѣтей и для юношества подъ ред. *И. Горбунова-Посадова*). М. 1903. Стр. 97. Цѣна 40 к.“.

— „*Сетонъ-Томпсонъ, Э.* I. Маленькій герой. II. Кенгуровая крыса. III

Уличный пѣвецъ. Съ англ. перевела *Е. Б.* (Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества). М. 1904. Стр. 67. Цѣна 30 к.".

— *Сетонъ-Томпсонъ, Э.* Сѣрый медвѣдь Бабъ. Съ англ. *А. Н. Рождественской.* Изданіе ред. журн. „Дѣтское чтеніе". (Библіотека для семьи и школы). М. 1904. Стр. 72. Цѣна 25 коп." (для городскихъ училищъ).

— *Смирновъ, Петръ.* Прославленіе святыхъ въ церкви христіанской православной. С.-Пб. 1903. Стр. 122. Цѣна 30 коп.".

— *„Сно, Евгеній.* Цыгане. Очеркъ. (Изд. Харьк. общ. грам.) № 105. Харьковъ. 1903. Стр. 32. Цѣна не обозначена".

— *„Станюковичъ, К.* Антошка. Изданіе ред. журн. „Всходы". С.-Пб. 1903. Стр. 274. Цѣна 80 к.".

— *„Чистяковъ, М.* Приключеніе бѣднаго мальчика. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. С.-Пб. и М. 1903. Стр. 93. Цѣна 1 р. 25 к.".

— *„Шаховскій, И. К.* Всѣ страны свѣта въ разсказахъ маленькаго москвича. Изданіе Д. П. Ефимова. М. 1903. Стр. 133. Цѣна 50 к.".

г) въ безплатныя народныя читальни и библіотеки *):

— „І. Братъ милосердія. Повѣсть. II. Ворота настежь! или Необыкновенный постоялый дворъ. Быль. № 143. М. 1903. Стр. 64. Цѣна 3 к.".

— *„Булгаковскій, Д. Г.* Противъ пьянства. 2-е изданіе. С.-Пб. 1903. Стр. 36. Цѣна 15 к." (также и для публичныхъ народныхъ чтеній).

— *„Буше, Е.* Давайте рисовать. Легкія упражненія въ рисованіи Библіотека для дѣтей и для юношества подъ ред. *И. Горбунова-Посадова*). М. 1902. Стр. 8+21+64 листа рисунковъ. Цѣна 70 коп., въ папкѣ 1 р.".

— *„Варлихъ, В. К.* Важнѣйшія болѣзни нашихъ культурныхъ растеній причиняемыя паразитными грибами. Изданіе А. Ф. Девріена. І. Болѣзни хлѣбныхъ злаковъ. С.-Пб. 1897. Стр. IV+37. Цѣна 50 к.—II. Болѣзни плодовыхъ деревьевъ. С.-Пб. 1898. Стр. X+140. Цѣна 1 р. 50 к.".

— *„Васинъ, Н.* Разсказы объ оборонѣ Севастополя. Сборникъ очерковъ и разсказовъ. Изданіе М. В. Клюкина (Историческая библіотека). М. 1904. Стр. 88. Цѣна 20 к.".

— *„Верещагинъ В. П.* Исторія Государства Россійскаго въ изображеніяхъ державныхъ его правителей съ краткимъ пояснительнымъ текстомъ. С.-Пб. 1890. 71 рис. Цѣна 6 р.".

— *„Герасимовъ, П. Н.* Народные разсказы. Изданіе К. Тихомирова. (Библіотека народныхъ книгъ). М. 1903. Стр. 48. Цѣна 8 к.".

— *„Гольмсъ, Ф. М.* Великіе люди и ихъ великія произведенія. Разсказы о сооруженіяхъ знаменитыхъ инженеровъ. Переводъ съ англ. *М. А. Жебелевой.* Изданіе 2-е. О. Н. Поповой. С.-Пб. 1903. Стр. VIII+272. Цѣна 1 р. 20 к.".

— *„Горностаевъ, Ѳ.* Друзья сельскаго хозяина. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. (Библіотека сельскаго хозяина). М. 1903. Стр. 108+III. Цѣна 25 к.".

— *„Зандъ, Жоржъ.* Великанъ Іеусъ. Сказка. Переводъ *М. Д. Никоновой.* 2-е изданіе ред. журн. „Дѣтское чтеніе" и „Педагогическій листокъ". (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 55. Цѣна 12 к.".

---

*) Книги, допущенныя въ безплатныя народныя читальни и библіотеки, считаются допущенными также въ учительскія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній, а равно могутъ быть пріобрѣтаемы, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ, и въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— „*Зандъ, Жоржъ*. Крылья мужества. Сказка. Переводъ *М. Д. Никоновой*-2-е изданіе, ред. журн. „Дѣтское чтеніе“ и „Педагогическій листокъ“. Библіотека для семьи и школы). М. 1904. Стр. 98. Цѣна 20 к.“

— „*Коропчевскій Д. А*. Первые уроки этнографіи. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1903. Стр. 176. Цѣна 75 к.“.

— „1) Корея. Исторія ея, политическое устройство, экономическое положеніе, торговля и промышленность. С.-Пб. 1904. Стр. 64. Цѣна 10 коп.—2) Карта театра Русско-Японской войны. Цѣна 5 к. (Обѣ—изданія ред. „Новаго Журнала иностранной литературы“)“.

— „*Кочетковъ, В*. Въ чемъ польза травосѣянія и почему оно быстро распространяется? (Деревенское хозяйство. Подъ ред. *И. Горбунова-Посадова*. Вып. 30-й). М. 1903. (Стѣнной плакатъ)“.

— „*Кравчинскій, Дм*. Лѣсовозвращеніе. Основанія лѣсохозяйственнаго растеніеводства. 2-е изданіе, измѣн., А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1903. Стр. VIII+273. Цѣна 2 р. 25 к.“.

— „*Кругловъ, А. В*. Варулъ и Онуфрій. Изданіе 2-е, В. С. спиридонова. М. 1903. Стр. 31. Цѣна 15 коп.“.

— „*Лейкинъ, Л. А*. Дачные страдальцы. 5 юмористическихъ разсказовъ. Изданіе 3-е. С.-Пб. 1900. Стр. 244. Цѣна 60 к.“

— „*Лермонтовъ, М. Ю*. Ангелъ и другія стихотворенія. № 290. М. 1903. Стр. 30. Цѣна $1^1/_2$ к.“.

— „*Маминъ-Сибирякъ, Д. Н*. Кара-ханымъ. (Дешевая библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 19. Цѣна 5 к.“.

— „*Маминъ-Сибирякъ Д. Н*. 1) Хитрый нѣмецъ. Стр. 23. Цѣна 5 к.—2) Дорогой камень. Стр. 48. Цѣна 10 к.—3) Дѣдушкино золото. Стр. 40. Цѣна 10 к.—4) Въ глуши. Стр. 23. Цѣна 7 к. (Всѣ 4—изданія ред. журн. „Дѣтское чтеніе“. (Библіотека для семьи и школы). М. 1903)“.

— „*Маминъ-Сибирякъ, Д. Н*. По Уралу. Разсказы и очерки. 2-е изданіе ред. журн. „Дѣтское чтеніе“. (Библіотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 185. Цѣна 50 к.“.

— „*Митропольскій, И*. Король камышей. Изданіе ред. журн. „Дѣтское чтеніе“. (Библіотека для семьи и школы). М. 1904. Стр. 86. Цѣна 30 коп.“.

— „ На что и кладъ, коли въ семьѣ ладъ. Сборникъ для взрослыхъ про семейную жизнь. № 172. М. 1901. Стр. 64. Цѣна 3 коп.“

— „*Немировичъ-Данченко, Вас. Ив*. Контрабандисты. Изданіе 2-е, П. П. Сойкина. С.-Пб. 1903. Стр. 206. Цѣна 1 р.“.

— „*Ожешко, Элиза*. Въ зимній вечеръ. Переводъ съ польскаго *Маріи Троповской*. № 337. М. 1900. Стр. 103. Цѣна 3 к.“.

— „*Орловскій, Сергѣй*. Фредъ. (Школьная библіотека). М. 1904. Стр. 44. Цѣна 15 к.“.

— „*Орловъ, Н. Н*. Деревенскія бесѣды о житьѣ-бытьѣ. Выпускъ 1-й. М. 1901. Стр. 121. Цѣна 10 к.“.

— „*Осетровъ, З. Б*. Деревенская свадьба. Разсказъ. Изданіе П. П. Сойкина. (Народная библіотека). С.-Пб. 1903. Стр. 16 Цѣна 8 к.“ (съ условіемъ пониженія цѣны ея до 3 к.).

— „*Осетровъ, З. Б*. Подъ огнемъ. Изданіе П. П. Сойкина. (Народная библіотека). С.-Пб. 1903. Стр. 20. Цѣна 8 к.“.

— „*Осетровъ, З. Б*. Сиротская копѣйка. Изданіе П. П. Сойкина. (Народная библіотека). С.-Пб. 1903. Стр. 20. Цѣна 8 к.“.

— „*Ошанинъ, И. А.* Общее положенiе о крестьянахъ. Изданiе неофицiальное. Рыбинскъ. 1903. Стр. 140. Цѣна 75 к.“.

— „Полная энциклопедiя русскаго сельскаго хозяйства и соприкасающихся съ нимъ наукъ. Изданiе А. Ф. Девріена. Томъ IV. Картофелекопатели—Ленъ. С.-Пб. 1901. Стр. 1282.—Томъ V. Летучiе пески—Образованiе почвъ. С.-Пб. 1901. Стр. III+1280+4.—Томъ VI. Образованiе сельскохозяйственное—Питомникъ плодовой. С.-Пб. 1902. Стр. 1292.—Томъ VII. Пихта—Пчеловодство въ Россiи. С.-Пб. 1902. Стр. 1280. Цѣна каждому тому 7 р 50 коп.“

— „*Радичъ, В. А.* На стражѣ православiя. Изданiе П. П. Сойкина. С.-Пб. 1903. Стр. 205. Цѣна 50 к.“.

— „*Русаневичъ, А.* 1) Сельскiя богадѣльни для престарѣлыхъ и одинокихъ крестьянъ. Изданiе 4-е. Екатеринославъ. 1903. Стр. 28. Цѣна 10 к.—2) Сельскiя попечительства или комитеты для организацiи въ деревняхъ благотворительности. Изданiе 4-е. Екатеринославъ. 1903. Стр. 22. Цѣна 15 к.—3 Внѣшкольное просвѣщенiе народа въ связи съ разумными его развлеченiями Екатеринославъ. 1903. Стр. 23. Цѣна 15 к.“.

— „Самоотверженные. Сборникъ разсказовъ. Изданiе магаз. „Книжное дѣло“. М. 1903. Стр. 224. Цѣна 50 к.“.

— „*Семеновъ, С.* Алексей зсводчикъ. Разсказъ. № 334. М. 1899. Стр. 90 Цѣна не обозначена“.

— „*Семеновъ С. Т.* 1) Васька. № 338. М. 1903. Стр. 64. Цѣна 3 коп.—2) Дядя Фирсай. № 461. М. 1903. 32. Цѣна не обозначена“.

— „*Семеновъ, С. Т.* 1) Невеста. № 463. М. 1903. Стр. 32. Цѣна не обозначена.—2) Настасья Большенина. Разсказъ. (Для взрослыхъ). № 181. М. 1903. Стр. 64. Цѣна 3 к.“.

— „*Семеновъ, С. Т.* Недруги. Разсказъ. № 378. М. 1900. Стр. 36. Цѣна не обозначена“.

— „*Сизова, А. К.* Добрый бояринъ стараго времени. Изданiе ред. журн. „Дѣтское чтенiе“ и „Педагогическiй листокъ“. (Библiотека для семьи и школы). М. 1903. Стр. 43. Цѣна 15 к.“.

— „*Соболевъ, Алексѣй.* Посадка деревьевъ для защиты построекъ отъ пожара. С.-Пб 1903. Стр. V+113. Цѣна 60 к.“.

— „*Старицынъ, Дм.* Крестьянское хозяйство. 2-е изданiе, К. И. Тихомирова. М. 1902. Стр. 32. Цѣна 5 к.“.

— „*Толстой, Л. Н.* Смерть Ивана Ильича. Изданiе магаз. „Книжное дѣло“. М. 1904. Стр. 71. Цѣна 80 к.“

— „*Ульяновъ, А.* Вакса и Скрипка. Изданiе торг. дома С. Курнинъ и К°. М. 1904. Стр. 48. Цѣна 40 коп.“.

— „*Чеховъ, А. П.* Каштанка. Разсказъ. Изданiе А. Ф. Маркса. С.-Пб. 1903. Стр. 93. Цѣна 2 р. 50 коп.“.

— „*Шмулевичъ, Я. М.* Общедоступный лечебникъ домашнихъ животныхъ. Изданiе 4-е, перераб. и доп., А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1904. Стр. XV+864. Цѣна 3 р.“.

— „*Эберсъ, Георгъ.* Человѣкъ бо есмь. Переводъ съ нѣм. *Д. И. Котляръ.* Изданiе О. Н. Поповой. (Библiотека „Другъ“). С.-Пб. 1903. Стр. 195. Цѣна 60 коп.“.

— „*Эллiотъ, Джорджъ.* Братъ и сестра или Мельница на флоссѣ. Переводъ съ англ. *В. Толстой.* № 449. М. 1903. Стр. 504. Цѣна 43 коп.“.

— „*Юрьева, М.* Пріемышъ. Изданіе В. С. Спиридонова. М. 1903. Стр. 88. Цѣна 40 коп.".

— „*Апостоловъ, А.* Запорожье. Страна и народъ. (Изд. Ком. Харьк общ. грам.). № 107. Харьковъ. 1903. Стр. 135. Цѣна не обозначена".

— „*Б—скій, М.* На берегу моря. 2 изданіе И. Ѳ. Жиркова. № 4. М. 1899. Стр. 31. Цѣна 3 коп.".

— „*Бѣлоусовъ, И. А.* Божья воля. 2-е изданіе И. Ѳ. Жиркова. № 10. М 1898. Стр. 31. Цѣна 3 коп.".

— „*В—тъ.* Что такое чума? Изданіе Ѳ. И. Митюрникова. С.-Пб. 1903. Стр. 24. Цѣна не обозначена".

— „Въ пріемной врача. Переводъ съ франц. *Н. П. Щапова.* Изданіе перваго Московскаго общества трезвости. Подъ ред. *А. М. Коровина.* № 1. М. 1903. Стр. 14. Цѣна 5 коп.".

— „*Горбуновъ-Посадовъ, И.* Англійскій король Канутъ и другіе притчи и разсказы. № 295. М. 1903. Стр. 31. Цѣна $1^1/_2$ коп.".

— „Дѣятель. Редакторъ-издатель *А. Т. Соловьевъ* Годъ VIII. Казань 1903. №№ 1—14. Подписная цѣна за годъ 2 р.".

— „*Жирковъ, Ив.* Нѣтъ худа безъ добра. 3-е изд. И. Ѳ. Жиркова. № 3. М. 1899. Стр. 32. Цѣна 3 коп.".

— „*Караваева, Е.* Сказаніе о прекрасной Женевьевѣ, герцогинѣ Брабантской, о мужѣ ея, сильномъ и славномъ, графѣ Зигфридѣ и о зломъ оруженосцѣ его Голо. Съ нѣмецкаго. № 444. М. 1903. Стр. 106. Цѣна 7 коп.".

— „*Киплингъ.* Разсказы. Книжка 2-я. Съ англ. *А. Н. Рождественской.* 3-е изд. ред. журн. „Дѣтское чтеніе". (Библіотека для семьи и школы, подъ ред. *Д. И. Тихомирова*). М. 1903. Стр. 147. Цѣна 40 коп.".

— „*Коломбо.* Бѣдная невѣста или въ рисовыхъ поляхъ. Переводъ съ итальянскаго. Изд. 2-е. № 278. М. 1903. Стр. 161. Цѣна 15 коп.".

— „Крестьянская реформа въ Екатеринославской губерніи. Изданіе Екатеринославскаго губернск. статист. ком. под. ред. *Я. Г. Гололобова.* Екатеринославъ. 1903. Стр. IV+313. Цѣна 1 р.".

— „Крестьянскія работы и деревенская жизнь по мѣсяцамъ года. № 355. М. 1900. Стр. 36. Цѣна $1^1/_2$ коп.".

— „*Литвиненко, П.* Волки. Разсказъ. Изданіе 2-е, книгоиздательства „Для дѣтей". М. 1904. Стр. 31. Цѣна 30 коп.".

— „*Львова, Л. П.* Ярко Хабаровъ, Амурскій герой. Историческій романъ изъ XVII-го столѣтія. Изданіе А. Ф. Девріена. С.-Пб. 1903. Стр. 162. Цѣна 75 коп.".

— „Магдалина. Переводъ съ франц. Изданіе перваго Московскаго общества трезвости. Подъ ред. *А. М. Коровина.* № 4. М. 1903. Стр. 16. Цѣна 5 коп.".

— „*Мацкевичъ, В.* Дурная болѣзнь. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1902. Стр. 19. Цѣна 4 коп.".

„*Немировичъ-Данченко, Вас. Ив.* На далекомъ сѣверѣ. Изданіе П. П. Сойкина. С.-Пб. 1903. Стр. 189. Цѣна 50 коп.".

— „*Орловскій, С.* Жизнь Диккенса, разсказанная дѣтямъ. (Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества). М. 1904. Стр. 65. Цѣна 25 коп.".

— „*Орловъ, М. А.* Какъ дѣлается поташъ? Изданіе П. В. Луковникова. С.-Пб. 1903. Стр. 72. Цѣна 15 коп.".

— „*П., М.* Углекопы. № 421. М. 1903. Стр. 32. Цѣна $1^1/_2$ коп.".

— „*Пименова, Э. К*, Австралія и ея обитатели. Изданіе О. Н. Поповой. (Разсказы о разныхъ странахъ и народахъ). С.-Пб. 1903. Стр. 91. Цѣна 30 коп.“.

— „*Рунова, О.* Лихіе подарки. № 89. М. 1903. Стр. 32. Цѣна $1^1/_2$ коп.“.

— „Спутникъ здоровья. Общедоступный еженедѣльный журналъ для семьи. Въ годъ 52 №№ журнала, 12 книжекъ „Домашній врачъ“ и 24 книжки „Полезной библіотеки“. Изданіе т—ва „Народная польза“. Редакторъ *А. О. Дукатъ.* Цѣна съ перес. и дост. въ годъ 5 р. Годъ IV. С.-Пб. 1902. №№ 1—52. Годъ V. 1903. №№ 1—36“.

— „Тысяча и одна ночь. Арабскія сказки. Въ обработкѣ для русскихъ читателей *А. Аѳанасьева-Чужбинскаго.* Изданіе т—ва М. О. Зольфъ. С.-Пб. 1903. Стр. X+377. Цѣна 1 р. 50 к.“.

— *Тютчевъ Ѳ. Ѳ.* Одинъ день на полѣ сраженія. 3-е изд. И. Ѳ. Жиркова. № 11. М. 1900. Стр. 20. Цѣна 3 к.“.

— „*Хотымскій П.* I. Гришка. II. Добытчикъ. Разсказы. № 387. М. 1900. Стр. 36. Цѣна $1^1/_2$ к.“.

— „*Хотымскій П.* I. Мать. II. Сестра бѣленькая. 2 разсказа. № 381. М. 1900. Стр. 36. Цѣна $1^1/_2$ к.“.

— „*Шмидтъ, П. Ю.* Страна утренняго спокойствія. Корея и ея обитатели. Изданіе О. Н. Поповой (Разсказы о разныхъ странахъ и народахъ) С.-Пб. 1903. Стр. 108. Цѣна 40 к.“.

---

1. Допустить *условно* слѣдующія книги:

а) къ классному употребленію въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

— „*Гольдманъ, Л. Б.* Русское пѣніе. Сборникъ русскихъ гимновъ, народныхъ и военныхъ пѣсенъ. Для трехъ однородныхъ голосовъ. Изданіе 3-е, значит. дополн. С.-Пб. 1903. Стр. 154. Цѣна 1 р.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи приняты были во вниманіе замѣчанія ученаго комитета).

— „*Крижъ, В. О.* 1) Азбука для сельскихъ школъ, русская и церковно-славянская. 3-е изданіе И. Ѳ. Жиркова. М. 1903. Стр. 124. Цѣна 25 коп.— 2) Азбука для сельскихъ школъ. Церковно-славянская азбука. Изданіе И. Ѳ. Жиркова. М. 1902. Стр. 24. Цѣна 8 коп.“ (для начальныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы книги, при слѣдующемъ изданіи, были исправлены согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

— „*Покровскій, М.* Послѣ азбуки. С.-Пб. Стр. 64. Цѣна 15 коп“. (для начальныхъ народныхъ училищъ). (Повторяется, въ виду неправильно напечатанной, въ октябрьской книжкѣ 1903 г., цѣны книжки).

— „*Утушкинъ, Д.* Записки по естественной исторіи для двухклассныхъ училищъ. Екатеринбургъ. 1903. Стр. 276+IV. Цѣна 60 коп.“ (для сельскихъ 2-хклассныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы слѣдующее изданіе книги было исправлено согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

б) въ ученическія библіотеки низшихъ учебныхъ заведеній:

— „*Булгаковскій, Д. Г.* Первая русская хрестоматія съ подборомъ статей о вредномъ вліяніи спиртныхъ напитковъ на здоровье, матеріальное благосостояніе и нравственность. Изданіе 3-е, М. В. Клюкина. М. 1903. Стр. 160. Цѣна 30 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книжка была исправлена по замѣчаніямъ ученаго комитета).

— „333 загадки. Сборникъ для дѣтей. Изданіе И. Ѳ. Жиркова. М. 1903. Стр. 44. Цѣна 15 коп.“ (для начальныхъ народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи книжка была исправлена согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

в) въ безплатныя народныя читальни и библіотеки:

— „Японскія народныя сказки. Въ переводѣ *А. А. Ѳедорова-Давыдова.* Изд. ред. журн. „Свѣтлячокъ“ и „Путеводный огонекъ“. М. 1904. Стр. 40. Цѣна 20 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были устранены недостатки книги).

— „*Герасимовъ, М.* Элементарная анатомія, физіологія и гигіена. 6-е изд., испр. и доп. С.-Пб. 1904. Стр. 197. Цѣна 75 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи были сдѣланы исправленія согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

— „*Кассовичъ, М.* Не давайте ни капли алкоголя дѣтямъ. Переводъ съ нѣм. *А. М. Коровина.* Изданіе перваго Московскаго общества трезвости. № 3. М. 1903. Стр. 8. Цѣна 3 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книжка была исправлена согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

— „*Коровинъ, А. М.* Цѣли и задачи обществъ трезвости. Изданіе перваго Московскаго общества трезвости. № 5. М. 1903. Стр. 36. Цѣна 8 коп“. (съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи книга была исправлена согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

— „*Суриковъ, Иванъ Захаровичъ.* Избранныя стихотворенія. 2-е изданіе И. Ѳ. Жиркова. М. 1903. Стр. 32. Цѣна 5 коп.“ (съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи книжка была исправлена согласно замѣчаніямъ ученаго комитета).

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Двѣ картины, подъ общимъ заглавіемъ: „Война 1853 — 1856 годовъ. Оборона Севастополя. Изданіе газеты „Русское чтеніе“. С.-Пб. 1904. Цѣна за обѣ картины 1 руб.“—допустить къ вывѣшиванію на стѣнахъ классныхъ комнатъ низшихъ учебныхъ заведеній, а также и въ помѣщеніяхъ безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

— Изданіе „Пчеловодство. Ежемѣсячный журналъ, издаваемый подъ ред. *С. К. Красноперова.* Вятка. Цѣна съ дост. и перес. на годъ 1 р.“—внести въ списокъ періодическихъ изданій, допущенныхъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

— Книгу: „*Ределинъ, Марія.* Руководство къ хозяйству и домоводству въ вопросахъ и отвѣтахъ. Изданіе А. Ф. Маркса. С.-Пб. Стр. 339. Цѣна 1 р. 40 к., въ переп. 2 р.“—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, включивъ ее также въ каталогъ пособій по домоводству.

— Книгу: „*Бильзе,* лейтенантъ. Въ маленькомъ гарнизонѣ. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе В. Березовскаго. (Безплатное приложеніе къ журналу „Развѣдчикъ“ за 1904 г.). С.-Пб. 1904. Стр. 183“.—не допускать въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Женское образованіе и общественная дѣятельность женщинъ въ Германіи.

(*Продолженіе*).

X.

Такъ наз. старшія учительницы или учительницы съ научной подготовкой (wissenschaftliche Lehrerinnen) **въ Пруссіи. Ихъ подготовка и матеріальное положеніе.**

Въ предшествующей главѣ мы познакомились съ организаціей педагогическихъ курсовъ или семинарій, гдѣ получаютъ свое образованіе почти всѣ начальныя учительницы и значительная часть учительницъ женскихъ гимназій. Мы видѣли также, что даже въ лучшихъ случаяхъ образованіе, получаемое въ этихъ семинаріяхъ, слѣдуетъ считать недостаточнымъ для преподаванія въ старшихъ классахъ женскихъ гимназій, почему эти классы и находились до послѣдняго времени почти исключительно въ рукахъ мужчинъ, особенно въ Пруссіи, гдѣ отношеніе къ женщинамъ всегда было болѣе недовѣрчивое, чѣмъ въ большинствѣ другихъ союзныхъ государствъ.

Такой порядокъ вещей вызывалъ неудовольствіе болѣе передовыхъ слоевъ общества, особенно же болѣе энергичныхъ и честолюбивыхъ женщинъ и, само сабой разумѣется, тѣхъ изъ нихъ, которыя занимались преподаваніемъ въ женскихъ гимназіяхъ и только въ силу своего пола были лишены возможности оказывать прямое вліяніе на дѣвицъ въ то самое время, когда дѣвочка обращается понемногу въ женщину.

Въ силу этихъ и многихъ иныхъ соображеній еще въ 1887 году „Всеобщій нѣмецкій женскій союзъ" (Allgemeiner deutscher Frauenverein) представилъ прусскому министерству народнаго просвѣщенія петицію съ изложеніемъ разныхъ нуждъ женскаго образованія. При петиціи была приложена записка, составленная знакомой намъ Еленой

Ланге. Въ запискѣ между прочимъ была подробно мотивирована необходимость предоставить женщинамъ участіе въ образованіи и воспитаніи дѣвицъ не только въ младшихъ, но и въ среднихъ и старшихъ классахъ; особенно полезно было бы, писала г-жа Ланге, передать въ руки женщинъ преподаваніе нѣмецкаго языка и Закона Божія *), какъ такихъ предметовъ, которые (литература) затрагиваютъ наиболѣе глубокія чувства человѣка.

Удовлетвореніе этой части петиціи нѣмецкихъ женщинъ возможно было лишь путемъ организаціи какихъ-либо особыхъ курсовъ, гдѣ бы женщины могли получать образованіе, соотвѣтствующее тому, которое мужчины получаютъ въ университетахъ, такъ какъ привлеченіе женщинъ къ преподаванію въ старшихъ классахъ обыкновенныхъ женскихъ гимназій отнюдь не должно, конечно, служить къ пониженію уровня преподаванія въ этихъ классахъ.

Частью подъ вліяніемъ этой петиціи (тѣмъ болѣе, что записка г-жи Ланге привлекла общественное вниманіе и послужила предметомъ обсужденія въ періодической печати и въ разнаго рода женскихъ обществахъ) прусское правительство издало, какъ намъ извѣстно, въ 1894 г. нормальные планы женскихъ гимназій. Одновременно съ этимъ были изданы и правила, опредѣлившія условія полученія новаго для женщинъ званія — wissenschaftliche Lehrerin или Oberlehrerin.

Женщины, удостоенныя этого званія, могли впредь занимать мѣста преподавательницъ старшихъ классовъ женскихъ гимназій, а по своему положенію, вообще говоря, приравнивались къ „Oberlehrer", т. е. преподавателямъ мужскихъ гимназій. Условія полученія этого званія женщинами были въ 1900 г. нѣсколько измѣнены и въ настоящее время состоятъ въ слѣдующемъ. Замѣтимъ кстати, что возникшіе ранѣе изданія закона 1894 г. и основанные впослѣдствіи особые курсы для подготовки къ „wissenschaftliche Lehrerinnenprüfung **) представляютъ собой чисто частныя предпріятія; правительство Пруссіи съ своей стороны не даетъ ни одной копейки на содержаніе этихъ курсовъ.

Итакъ, для того, чтобы имѣть право подвергнуться испытанію на званіе старшей учительницы, надо:

1) имѣть дипломъ начальной учительницы; 2) имѣть не менѣе, какъ 5-лѣтній педагогическій опытъ, пріобрѣтенный преподаваніемъ,

---

*) Вспомнимъ, что въ протестантскихъ странахъ школьное преподаваніе Закона Божія находится обыкновенно въ рукахъ свѣтскихъ лицъ, что объясняется между прочимъ и сравнительной малочисленностью духовенства въ названныхъ странахъ.

**) Экзаменъ на званіе старшей учительницы.

причемъ не менѣе двухъ лѣтъ въ прусскихъ школахъ или въ школахъ нѣкоторыхъ германскихъ государствъ, съ которыми имѣется по этому поводу соглашеніе;

3) прослушать въ теченіе двухъ съ лишнимъ лѣтъ особые научные курсы (wissenschaftliche Fortbildungskurse für Lehrerinnen).

Кандидатки могутъ спеціализироваться на двухъ изъ слѣдующихъ предметовъ или группѣ предметовъ, по которымъ имъ и производится экзаменъ: Законъ Божій, нѣмецкій, исторія, французскій, англійскій, географія, математика, ботаника и зоологія, физика, химія и минералогія.

Сверхъ того, согласно послѣднимъ (1900) распоряженіямъ прусскаго министерства народнаго просвѣщенія, всѣ кандидатки должны держать экзаменъ изъ логики, психологіи и исторіи философіи. Испытаніе состоитъ изъ устнаго и письменнаго экзамена, причемъ къ послѣднему допускаются лишь тѣ, кто выдержалъ устный экзаменъ. Отъ кандидатокъ требуются весьма серьезныя свѣдѣнія, не ниже тѣхъ, которыя требуются отъ мужчинъ, ищущихъ права преподаванія въ гимназіяхъ.

Изъ всего этого видно, съ какими трудностями сопряжено полученіе диплома старшей учительницы. Какъ мы знаемъ, на званіе учительницы можно держать экзаменъ не моложе 19 лѣтъ.

Затѣмъ требуется заниматься педагогической дѣятельностью не менѣе 5 лѣтъ; такимъ образомъ, вообще говоря, раньше 25 лѣтъ нельзя даже поступить на курсы. Поступая на курсы, приходится, кромѣ того, бросать учебное заведеніе, которое раньше давало средства къ жизни и гдѣ образовались извѣстныя связи. Однимъ словомъ, нужна огромная энергія и недюжинныя способности, чтобы пройти весь тотъ сложный искусъ, которому подвергаются женщины, добивающіяся правъ старшей учительницы.

Однако, какъ видно изъ данныхъ, опубликованныхъ прусскимъ правительствомъ въ 1900 г., за пять первыхъ лѣтъ по введеніи правилъ о старшихъ учительницахъ, вышеописанному испытанію подверглись 95 кандидатокъ, изъ которыхъ только 6 его не выдержали. Большинство (61) избрали главной своей спеціальностью нѣмецкій языкъ, затѣмъ идетъ исторія (38), англійскій (35), французскій (31), Законъ Божій (15)*). Только семь кандидатокъ спеціализировалось на математикѣ и двѣ по естественнымъ наукамъ.

Въ настоящее время описанныя выше испытанія и самое званіе

*) Тѣ, кто выбираютъ себѣ въ качествѣ спеціальности Законъ Божій, исторію или французскій языкъ, должны усвоить себѣ извѣстный уровень познаній и по латинскому языку.

старшей учительницы существуютъ лишь въ Пруссіи, Эльзасъ-Лотарингіи и въ Гамбургѣ. Курсы, гдѣ происходитъ подготовка къ испытаніямъ, производимымъ, кстати сказать, особой коммиссіей по назначенію прусскаго министерства народнаго просвѣщенія организованы въ слѣдующихъ городахъ: Берлинѣ (при такъ наз. Victoria Lyceum), Боннѣ, Бреславлѣ, Геттингенѣ, Гамбургѣ и Кенигсбергѣ. Лекторами являются большею частью профессора, причемъ съ тѣхъ поръ, какъ германскіе университеты болѣе или менѣе стали доступны для женщинъ, курсистки дополняютъ свои курсовыя занятія слушаніемъ лекцій въ университетѣ *).

Профессоръ Болтонъ и Мэри Листеръ очень интересовались вышеописанными курсами, посѣщали нѣкоторые изъ нихъ, отзываясь въ общемъ съ большой похвалой о всей постановкѣ дѣла и отдавая дань уваженія нѣмецкимъ женщинамъ, обнаруживающимъ столь замѣчательную энергію въ достиженіи разъ себѣ намѣченной цѣли **).

Въ заключеніе настоящей главы мы считаемъ полезнымъ привести нѣкоторыя новѣйшія статистическія данныя, характеризующія сравнительную роль мужчинъ и женщинъ въ прусскихъ женскихъ гимназіяхъ (höhere Mädchenschule).

Эти данныя только недавно собраны прусскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и даже еще не опубликованы ***).

Изъ общественныхъ женскихъ гимназій Пруссіи въ 183 имѣются директора и только въ 27—директрисы, т. е. послѣднія составляютъ около десятой части всего числа лицъ, начальствующихъ надъ средними женскими учебными заведеніями. Въ частныхъ гимназіяхъ мы видимъ обратное отношеніе: на 589 директрисъ приходится 71 директоръ. Далѣе на 353 старшихъ учителя (Oberlehrer) общественныхъ гимназій приходится 138 такихъ же учительницъ; въ общемъ же даже и въ общественныхъ женскихъ гимназіяхъ Пруссіи женскій педагогическій персоналъ сталъ въ послѣдніе годы преобладать надъ мужскимъ: на 1.300 мужчинъ приходится 1.400 женщинъ. Въ частныхъ гимназіяхъ преобладаніе женщинъ гораздо болѣе значительно: на 1.000 мужчинъ приходится болѣе 4.500 женщинъ. Болѣе точныя данныя, равно какъ и распредѣленіе учащаго персонала общественныхъ и частныхъ гимназій по роду полученнаго образо-

---

*) „Die deutsche Frau in Beruf“ 337 („Handbuch der Frauenbewegung“ IV Theil).

**) См. цитированныя выше сочиненія названныхъ авторовъ.

***) По крайней мѣрѣ, онѣ не были опубликованы въ концѣ 1902 г., когда вышелъ III томъ „Handbuch der Frauenbewegung“, носящій названіе „Der Stand der Frauenbildung in den Kulturländern“.

ванія и имѣющимся дипломамъ можно найти въ таблицахъ, приложенныхъ къ только что вышедшему третьему тому превосходнаго изданія „Handbuch der Frauenbewegung".

Тамъ же можно найти данныя относительно уровня вознагражденія мужского и женскаго труда въ женскихъ гимназіяхъ. Въ общемъ можно сказать, что старшіе учителя въ среднемъ получатъ 4.700 марокъ и обыкновенные 3.300, старшія учительницы (Oberlehrerinnen) 2.200 и остальныя 1.800.

Неравенство въ оплатѣ мужского и женскаго труда представляетъ обычное явленіе, объясняемое весьма сложными соціальными и экономическими причинами. Что же касается абсолютнаго размѣра оплаты труда учительницъ женскихъ гимназій, то, принимая во вниманіе стоимость жизни въ Германіи, жалованье учительницъ нельзя не признать по меньшей мѣрѣ достаточнымъ, если вспомнить, какъ оплачивается трудъ женщинъ въ нашихъ женскихъ гимназіяхъ и институтахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ видно изъ данныхъ, которыя мы находимъ въ другомъ томѣ цитированнаго изданія, въ нѣкоторыхъ городахъ, гдѣ особенно хорошо поставлено дѣло народнаго образованія вообще и женскаго образованія въ особенности, старшія учительницы женскихъ гимназій (Берлинъ, Гамбургъ, Ганноверъ, Франкфуртъ на Майнѣ и нѣк. друг.) получаютъ даже до 3.500 и 3.800 марокъ. Иначе сказать, матеріальное обезпеченіе этихъ женщинъ много лучше такого же обезпеченія преподавателей нашихъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, не говоря уже о томъ, что въ Германіи частью не принято, частью не разрѣшается доводить число уроковъ до того maximum'a, который возможенъ у насъ въ Россіи и который вмѣстѣ съ тѣмъ необходимъ для сколько нибудь сноснаго существованія семейнаго учителя.

XI.

Общая оцѣнка средняго женскаго образованія въ Германіи.

На предшествующихъ страницахъ мы привели, какъ полагаемъ достаточно фактовъ, чтобы по нимъ можно было составить себѣ представленіе о положеніи женскаго средняго образованія въ Германіи. Наибольшее число фактовъ и цыфръ мы заимствовали изъ монографіи г-жи Листеръ и только что законченнаго превосходнаго изданія „Haudhuch der Frauenbewegung".

Теперь мы хотѣли-бы ознакомить читателя съ общей оцѣнкой *)

*) Далѣе мы приводимъ лишь наиболѣе характерные и важные пункты изъ этой оцѣнки, желая возможно сократить размѣры нашей работы.

женскаго образованія въ Германіи, сдѣланной г-жой Листеръ, состоявшей, какъ мы это упоминали, директрисой женской гимназіи въ Англіи, близко наблюдавшей нѣмецкую школьную жизнь и тщательно изучившей кромѣ того литературу вопроса. Мы считаемъ это тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что недостатки нѣмецкихъ женскихъ гимназій, на которые указываетъ г-жа Листеръ, свойственны въ еще большей мѣрѣ нашимъ женскимъ гимназіямъ и институтамъ.

„Весьма многочисленныя и разнообразныя мнѣнія, высказываемыя въ Германіи по поводу женскаго средняго и высшаго образованія", говоритъ г-жа Листеръ, „могутъ быть сведены къ двумъ главнымъ. Согласно однимъ мнѣніямъ, образованіе, получаемое женщинами въ женскихъ гимназіяхъ и на педагогическихъ курсахъ (семинаріяхъ), представляетъ собой наилучшій и наиболѣе цѣлесообразный способъ удовлетворенія стремленія женщинъ къ образованію. Согласно другимъ мнѣніямъ, названныя учрежденія, имѣя крупныя достоинства, не могутъ считаться исчерпывающими образовательные запросы женщинъ, которымъ поэтому слѣдуетъ дать возможность получать, при желаніи образованіе, болѣе широкое, чѣмъ то, которое доставляется средними учебными заведеніями съ курсомъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ и семинаріями.

„Иными словами, одни полагаютъ, что женское образованіе должно быть организовано совершенно независимо отъ мужского, другіе думаютъ, что оба рода образованія могутъ въ иныхъ случаяхъ совпадать... Большинство, повидимому, склонно держаться того взгляда, что полученіе средняго образованія, одинаковаго съ мужскимъ, и посѣщеніе лекцій въ университетахъ должно быть предоставлено немногимъ избранницамъ, одареннымъ особенными способностями и стремящимися выступить на такую дѣятельность, гдѣ требуется предварительное широкое научное образованіе. Только такихъ женщинъ которыя имѣютъ въ этомъ отношеніи ясное и опредѣленное призваніе, слѣдуетъ допускать къ высшему образованію. Такого рода взглядъ представляетъ поучительный контрастъ совершенно иному отношенію къ вопросу о женскомъ образованіи въ Англіи, гдѣ при оцѣнкѣ женскаго учебнаго заведенія не придаютъ никакого особаго значенія тому факту, готовитъ-ли, между прочимъ, это заведеніе своихъ питомицъ къ поступленію въ университетъ, или нѣтъ: до такой степени общество уже успѣло свыкнуться съ этимъ фактомъ (стремленія нѣкоторыхъ женщинъ къ высшему образованію).

„Надо сказать, что сравнивать нѣмецкія женскія гимназіи съ аналогичными учебными заведеніями въ Англіи довольно трудно, такъ какъ задачи, которыми задаются въ этомъ случаѣ нѣмцы и англичане, совершенно различны: нѣмцы стремятся установить

извѣстное единообразіе въ организаціи женскихъ учебныхъ заведеній всей страны; англичане объ этомъ почти не думаютъ. На нѣмецкихъ педагоговъ, которымъ случилось наблюдать англійскія мужскія школы производило всегда большое впечатлѣніе крайнее разнообразіе въ организаціи англійскихъ школъ какъ со стороны учебной, такъ и со стороны воспитательной. У каждой англійской школы есть свои традиціи, свои отличительныя черты; однимъ словомъ, каждая школа имѣетъ и сохраняетъ свою индивидуальность. Все это, но еще въ гораздо большей степени, справедливо и по отношенію къ женскимъ учебнымъ заведеніямъ Англіи. Это первое отличіе нѣмецкой женской школы отъ англійской.

„Тотъ фактъ, что правительство въ Германіи, регулируетъ учебные планы и организацію женскихъ гимназій и подчиняетъ ихъ особой инспекціи, гарантируетъ родителямъ, что эти гимназіи не могутъ быть ниже извѣстнаго уровня. Въ Англіи степень довѣрія къ школѣ зависитъ главнымъ образомъ отъ репутаціи директрисы, которая несетъ такимъ образомъ тяжелую отвѣтственность. Съ другой стороны, отсутствіе офиціальнаго контроля даетъ возможность производить въ Англіи разнообразные опыты въ педагогическомъ дѣлѣ, опыты которые могутъ сопровождаться въ высшей степени благотворными и очень дурными результатами. Послѣдней альтернативы не можетъ случиться въ Германіи, но только потому, что тамъ вообще неохотно рискуютъ на новшества въ школьномъ дѣлѣ *). Какъ видимъ, то и другое имѣетъ свои неудобства и преимущества; въ общемъ однако надо отдать преимущество англійскимъ порядкамъ, гдѣ благодаря эластичности организаціи и широкому простору, предоставленному директрисѣ, женское учебное заведеніе можетъ поставить себѣ болѣе серьезныя цѣли и болѣе высокіе идеалы, чѣмъ это возможно для нѣмецкихъ гимназій...

„Къ числу золъ, отъ которыхъ совершенно свободны нѣмецкія женскія гимназіи, слѣдуетъ отнести отсутствіе экзаменовъ; въ нѣмецкихъ гимназіяхъ экзаменовъ не бываетъ, и гимназіи вообще не готовятъ своихъ ученицъ къ какимъ либо публичнымъ экзаменамъ. Такое отсутствіе внѣшнихъ стимуловъ для ученія дѣлаетъ вдвойнѣ трудной задачу педагогическаго персонала, который долженъ возбуждать любовь къ знанію помимо внѣшнихъ санкцій. Вслѣдствіе этого личныя качества учителей и учительницъ пріобрѣтаютъ особо важное значеніе.

*) Съ другой стороны, относительная просвѣщенность и дѣятельность общественнаго мнѣнія въ Англіи и самая широкая гласность исключаютъ возможность повторенія неудачныхъ школьныхъ опытовъ; тѣ же опыты, которые оказались плодотворными, дѣлаются вскорѣ достояніемъ націи (П. М.).

„Преимуществомъ нѣмецкихъ женскихъ гимназій надо считать и то обстоятельство, что онѣ никогда не являются только коммерческими предпріятіями, которыя должны давать извѣстный процентъ на затраченный капиталъ. Плата за ученье въ нѣмецкихъ женскихъ гимназіяхъ небольшая и доступна для всѣхъ тѣхъ, кто желаетъ дать среднее образованіе своимъ дочерямъ *) (within the reach of all who desire...)

„Обязанности директора женской гимназіи въ Германіи менѣе сложны и болѣе опредѣленны, чѣмъ обязанности директрисы женской гимназіи въ Англіи. Имѣя меньше свободы, директоръ нѣмецкой гимназіи менѣе отвѣтственъ и имѣетъ меньше случаевъ, когда ему нужно проявлять свою иниціативу. Напр., въ Германіи ученицы поступаютъ въ гимназію самое большее 2 раза въ году. Въ Англіи, наоборотъ, ученицъ принимаютъ въ гимназіи въ любой моментъ въ теченіе учебнаго года, въ какомъ придется возрастѣ и съ самой различной подготовкой. При строгой нѣмецкой регламентаціи для такихъ дѣвочекъ въ гимназіяхъ нѣтъ мѣста.

„Но вѣдь это значитъ наказывать дѣтей за нерадѣніе радителей. Въ англійскихъ гимназіяхъ принимаютъ и такихъ ученицъ, и черезъ два года вы ихъ уже не узнаете. Эластичность организаціи англійской школы позволяетъ ей примѣняться къ индивидуальнымъ нуждамъ отдѣльныхъ дѣвицъ безъ всякаго вмѣшательства въ это дѣло со стороны законодательныхъ или иныхъ властей... Однимъ словомъ,—мы позволяемъ себѣ еще разъ это повторить,—когда въ Англіи женская гимназія находится въ хорошихъ рукахъ, то во всемъ свѣтѣ нельзя сыскать лучшаго учебнаго заведенія, болѣе легко приспособляющагося къ нуждамъ общества и преслѣдующаго болѣе высокіе идеалы въ отношеніи развитія женскаго ума и характера...

„Нельзя не отмѣтить при этомъ великой роли, которую сыграла и играетъ частная иниціатива въ обществѣ женскаго образованія въ Англіи. Въ сущности говоря, все, что мы наиболѣе цѣнимъ въ новѣйшей организаціи женскаго образованія въ Англіи, всѣмъ этимъ мы обязаны энергіи и иниціативѣ нѣсколькихъ выдающихся женщинъ, которыя безъ всякой помощи со стороны правительства **) или какихъ-либо общественныхъ властей сами основали на свои средства школы, придали имъ извѣстную организацію, составили учебный планъ и только лишь своими усиліями поставили женское об-

---

*) Выше мы видѣли, что обученіе въ нѣмецкихъ женскихъ гимназіяхъ слѣдуетъ признать дешевымъ не только съ англійской, но даже и съ русской точки зрѣнія. См. выше, главу VII.

**) Но и безъ всякой помѣхи со стороны тѣхъ же властей (П. М.).

разованіе на такую высоту, на какой оно ранѣе никогда не находилось.

„Въ самомъ дѣлѣ, многія изъ женскихъ учебныхъ заведеній, которыми Англія съ полнымъ основаніемъ гордится, были первоначально частными школами, принадлежавшими отдѣльнымъ женщинамъ. Но эти женщины, относясь сочувственно къ дѣлу образованія, сумѣли внушить такой же энтузіазмъ и своимъ сотрудницамъ, сумѣли даже перевоспитать общественное мнѣніе, вслѣдствіе чего послѣ того, какъ было пройдено первое тяжелое время, труды піонерокъ раціональнаго женскаго образованія получили признаніе, и школы ихъ стали общественными, поступили въ вѣдѣніе разныхъ властей.

„Надо сказать, впрочемъ, что въ Англіи и директрисы общественныхъ женскихъ школъ или гимназій пользуются большей самостоятельностью, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ. Никакой попечительный совѣтъ не подумаетъ вмѣшаться въ распоряженія директрисы, пока ея компетентность не подвергается сомнѣнію. Если на ней лежитъ больше отвѣтственности и больше хлопотъ, чѣмъ это бываетъ при системѣ правительственнаго контроля, то зато у ней и больше власти: она гораздо чаще можетъ поступать по своему крайнему усмотрѣнію; она можетъ измѣнять организацію школы, вводить тѣ или другіе предметы преподаванія или учебныя книги и пособія; подбирать педагогическій персоналъ и т. д.; однимъ словомъ, она—свободный дѣятель, а не исполнительница приказовъ свыше.

„При системѣ правительственнаго контроля надъ учебными заведеніями эти послѣдніе не могутъ свободно развиваться въ примѣненіи къ нуждамъ каждаго района. Образованію столь разнообразныхъ школъ, какія, напр., мы видали въ Англіи, мѣшали бы на каждомъ шагу разные правила, штаты, положенія, которые, правда, поддерживаютъ состояніе школьнаго дѣла, на извѣстномъ минимумѣ, но которые еще болѣе мѣшаютъ тому-же дѣлу достигать возможнаго превосходства.“

„Вотъ въ чемъ, какъ мнѣ кажется, лежитъ неизбѣжная слабая сторона системы правительственнаго контроля (State control) женскихъ учебныхъ заведеній. Поэтому, отдавая должное многимъ хорошимъ сторонамъ нѣмецкихъ женскихъ гимназій, нельзя не видѣть, что самыя ихъ достоинства заключаютъ въ себѣ источникъ ихъ недостатковъ, изъ которыхъ самый важный состоитъ въ невозможности приспособленія къ нуждамъ отдѣльныхъ училищъ и даже къ нуждамъ отдѣльныхъ районовъ, или общественныхъ слоевъ.

Многія нѣмецкія женщины, имѣвшія возможность видѣть, какихъ великихъ результатовъ достигли англичанки въ дѣлѣ женскаго образованія, пытались добиться того-же самаго и у себя на родинѣ.

Но ихъ усилія сопровождались успѣхомъ только на половину, такъ какъ, хотя онѣ и совершили, можно сказать, чудеса и заслужили благодарность и восхищеніе другихъ женщинъ, имъ не хватило той безграничной свободы, того простора для иниціативы, которые были необходимы для полнаго проведенія въ жизнь одушевлявшихъ ихъ идеаловъ. Въ самомъ дѣлѣ, только тѣ, кто серьезно думалъ надъ этими вопросами, знаютъ, какую трудную, сложную, деликатную задачу представляетъ собой раціональная организація женскаго образованія; сколько такта, сколько умѣнія понимать внутреннія пружины человѣка требуется отъ тѣхъ, кто беретъ на себя воспитаніе и образованіе женщинъ".

Позволяя себѣ прервать здѣсь аргументацію г-жи Листеръ, мы не можемъ не обратить вниманія читателя, что положеніе ревнителей и ревнительницъ раціональнаго женскаго образованія въ Германіи было и остается гораздо болѣе тяжелымъ, чѣмъ даже это представляетъ г-жа Листеръ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Германіи офиціальное признаніе того или иного рода учебныхъ заведеній, а слѣдовательно и подчиненіе контролю правительства необходимо не только потому, что этимъ гарантируется въ глазахъ воспитанныхъ на бюрократическомъ режимѣ родителей извѣстное довѣріе къ школѣ, но и потому въ особенности' что при отсутствіи офиціальнаго признанія школы для питомицъ ея затрудняется доступъ къ педагогической и нѣкоторымъ другимъ немногимъ профессіямъ, которыя вообще доступны нѣмецкой женщинѣ. Когда возникъ вопросъ о допущеніи женщинъ въ университеты, то, какъ мы видѣли, положеніе многихъ реформаторовъ женскаго образованія стало прямо таки трагическимъ. Относясь въ громадномъ большинствѣ отрицательно къ классическому образованію вообще и не находя его сколько-нибудь умѣстнымъ для женщинъ, сторонники возможно широкихъ путей для женскаго образованія и общественной дѣятельности женщинъ должны были добиваться права организаціи классическихъ гимназій для женщинъ, чтобы этимъ доказать способности послѣднихъ къ усвоенію этихъ языковъ и чтобы уничтожить одинъ изъ серьезныхъ аргументовъ противниковъ высшаго женскаго образованія. Ничего подобнаго не приходится, да и не приходилось никогда прививать піонеркамъ новѣйшаго женскаго образованія въ Англіи.

Продолжаемъ цитировать монографію г-жи Листеръ.

„Теперь мы должны перейти къ другой важной сторонѣ организаціи женскаго образованія въ Германіи. Въ Англіи женское образованіе считается женскимъ дѣломъ. Не только преподаваніе въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ находится по преимуществу въ ру-

кахъ женщины: женщинамъ же принадлежитъ руководящая роль какъ въ общественныхъ, такъ и въ частныхъ женскихъ школахъ: женщины состоятъ членами высшихъ попечительскихъ совѣтовъ женскихъ учебныхъ заведеній и пользуются тамъ одинаковымъ съ мужчинами вліяніемъ и авторитетомъ. Въ Англіи не допускаютъ даже мысли, чтобы дѣло могло стоять иначе.

„Не то мы видимъ въ Германіи. Въ женскихъ гимназіяхъ женщины имѣютъ значительно меньше вліянія, чѣмъ мужчины; онѣ даже вовсе не представлены въ тѣхъ административныхъ учрежденіяхъ, которымъ подвѣдомственны женскія гимназіи, и вообще не имѣютъ никакого участія въ офиціальномъ контролѣ женскаго образованія, хотя, конечно, когда дѣло идетъ о какой-либо важной реформѣ въ области женскаго образованія, правительство спрашиваетъ мнѣніе женщинъ, пріобрѣвшихъ авторитетъ въ томъ или иномъ отношеніи, изъ чего видно, что эти женщины имѣютъ совѣщательный, а не рѣшающій голосъ...

„Мы должны, наконецъ, упомянуть еще о двухъ факторахъ, могущественно вліяющихъ на характеръ англійскихъ школъ и почти отсутствующихъ въ школахъ нѣмецкихъ: мы разумѣемъ личное вліяніе педагогическаго персонала и физическое и нравственное воспитаніе, которое даютъ хорошо организованные кружки и общества учащихся, создаваемыя въ цѣляхъ занятія разными (физическими) играми (games—club). Личныя отношенія учащихъ и учащихся совсѣмъ иныя въ Германіи и Англіи. Вообще говоря, внѣ школы или внѣ классовъ между ними нѣтъ общенія, нѣтъ такой нейтральной сферы, гдѣ-бы могли сойтись тѣ и другіе, нѣтъ занятія или развлеченія, въ которомъ и тѣ и другіе могли бы принимать участіе. Учитель, или, вѣрнѣе, учительница всегда остается учительницей, обыкновенно благожелательной и внимательной, но и только. . Въ Германіи не бываетъ тѣхъ товарищескихъ отношеній, того дружескаго равенства (по true comradeship or friendle equality) внѣ классовъ, благодаря которому и возможно только въ Англіи большое вліяніе на ученицъ. Въ Германіи считается почти невозможнымъ, чтобы одно и то-же лицо могло успѣшно выступить въ двухъ роляхъ: въ классѣ или школѣ въ роли учительницы (teacher—что по англійски значитъ учитель и учительница), требующей послушанія и вниманія, внѣ школы или класса въ роли друга и даже добраго товарища.

„Едва-ли нужно распространяться по поводу того, насколько велики преимущества англійскаго режима въ отношеніи средствъ и путей здороваго вліянія на дѣтей, въ отношеніи возможности взглянуть на характеръ и наклонности дѣвицъ съ совершенно иной точки зрѣнія. Правда, что благодаря большему распространенію въ

Англіи закрытыхъ учебныхъ заведеній, тамъ и больше случаевъ для образованія подобныхъ отношеній между учащими и учащимися; но указываемая нами разница будетъ одинаково значительна, если мы станемъ сравнивать только школы для приходящихъ въ обѣихъ странахъ.

„Что же касается организованной системы игръ, такой просто на просто вовсе не существуетъ въ Германіи, гдѣ и не понимаютъ хорошенько этого дѣла. Правда, въ Германіи стали много дѣлать для физическаго развитія дѣвочекъ; но нѣмцы смотрятъ на это лишь съ точки зрѣнія здоровья. Насколько позволяютъ мнѣ судить мои наблюденія, въ Германіи дѣвицы развиваются скорѣе, чѣмъ въ Англіи: въ 15 лѣтъ нѣмка по внѣшнему виду, костюму и манерамъ выглядитъ болѣе женщиной, чѣмъ англичанка того-же возраста. Онѣ не находятъ того сильнаго удовольствія и интереса въ физическихъ играхъ (athletic pursuits), какое мы привыкли наблюдать у дѣвицъ, учащихся въ нашихъ новыхъ женскихъ школахъ; она не такъ свободна и непринуждена въ своихъ движеніяхъ; ей болѣе присуще чувство отвѣтственности за свои дѣйствія...

„Съ другой стороны и учительницы въ Германіи употребляютъ гораздо меньше времени на физическую дѣятельность (exercise); ихъ энергія въ большей мѣрѣ поглощается преподавательскими обязанностями. Если бы даже у нѣмецкой учительницы уходило не больше времени на прямыя классныя занятія, чѣмъ у насъ, къ ней въ классѣ предъявляются во всякомъ случаѣ болѣе строгія требованія. Напряженіе, которое необходимо, чтобы давать уроки согласно нѣмецкимъ идеаламъ, очень велико; много времени уходитъ на подготовку къ урокамъ, а также и на исправленіе письменныхъ работъ. Такимъ образомъ, у учительницъ не остается ни времени, ни запаса энергіи, чтобы поддерживать личныя отношенія со своими ученицами; во многихъ случаяхъ, какъ я это знаю по опыту, ни та, ни другая сторона не обнаруживаютъ къ этому никакого расположенія.

„Все это относится къ учительницамъ. Однако, само собой разумѣется, если въ Германіи мало не официальнаго, дружественнаго отношенія между учительницами и ученицами, то гораздо меньше таковыхъ отношеній между ученицами и учителями; да иначе, конечно, по самой природѣ вещей и быть не можетъ.

„Говоря объ учителяхъ нѣмецкихъ женскихъ гимназій, слѣдуетъ помнить, что они не только приходятъ въ гимназію на одинъ, два урока, какъ это бываетъ довольно часто и въ Англіи, но они въ то же время составляютъ важнѣйшій элементъ педагогическаго персонала; если на ихъ сторонѣ и нѣтъ численнаго превосходства, имъ принадлежитъ во всякомъ случаѣ наибольшее вліяніе: они занимаютъ

главныя мѣста и обучаютъ главнымъ предметамъ. Они являются классными наставниками старшихъ классовъ *), и имъ принадлежитъ такая-же власть надъ ихъ классами, какая въ младшихъ классахъ принадлежитъ женщинамъ.

„Администрація, организація, обученіе въ большомъ женскомъ учебномъ заведеніи—все это прекрасно выполняется мужчиной; дѣятельность его можетъ быть благотворной, вліяніе на педагогическій персоналъ и ученицъ превосходнымъ, и все-таки отношенія директора женской гимназіи къ ученицамъ никогда не могутъ принять того характера, какой они могутъ принять въ гимназіи, руководимой прекрасной директрисой.

„Высокій уровень преподаванія во многихъ женскихъ гимназіяхъ слѣдуетъ несомнѣнно приписать знаніямъ и дарованіямъ нѣкоторыхъ изъ учащихъ тамъ мужчинъ. Едва-ли нужно объяснять преимущества, которыя можетъ извлечь молодая дѣвушка отъ вліянія на нее остраго мужского ума. Никто поэтому не станетъ выражать желанія, чтобы мужчины были вовсе устранены отъ преподаванія въ женскихъ гимназіяхъ. Это, однако, не мѣшаетъ сожалѣть, что иногда мужчины не обнаруживаютъ особой пригодности для преподаванія въ женскихъ гимназіяхъ, занимаются дѣломъ, которое было бы болѣе умѣстно въ рукахъ женщинъ...

„Кромѣ того, я замѣтила, что предоставленіе мужчинамъ болѣе важныхъ предметовъ и болѣе отвѣтственныхъ положеній въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, подрываетъ авторитетъ учительницъ въ глазахъ общества и даже самихъ ученицъ. Много разъ молодыя дѣвицы говорили мнѣ, что онѣ предпочитаютъ учителей учительницамъ: „женщины меньше знаютъ и хуже учатъ“, говорили онѣ мнѣ. Вѣроятно, до послѣдняго времени это было до извѣстной степени справедливо. Число женщинъ, имѣвшихъ возможность получать образованіе, одинаковое съ мужчинами, было сравнительно не велико, но это число непрерывно увеличивается. Такимъ образомъ, мужчины никакъ не могутъ долѣе считаться единственными хорошими учителями. Благодаря энергіи и трудолюбію, женщины добились теперь въ женскихъ гимназіяхъ такого вліянія и положенія, которое раньше было для нихъ недостижимо по совершенно не зависящимъ причинамъ...

„Англичанки, желающія заниматься педагогической дѣятельностью, могутъ подготовиться къ ней весьма разнообразными путями: окончаніемъ общественнаго или частнаго учебнаго заведенія, домашними

*) У насъ, какъ извѣстно, эта должность предоставляется всегда женщинамъ (классныя дамы).

занятіями, окончаніемъ учительской семинаріи или университета или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, наконецъ, посѣщеніемъ заграничныхъ учебныхъ заведеній. Вопросъ о томъ, какъ пріобрѣтены тѣ или иныя познанія, не имѣетъ особаго значенія въ Англіи. Будучи разъ назначена на извѣстное мѣсто, учительница въ Англіи можетъ поднять свою репутацію и обезпечить себѣ дальнѣйшую педагогическую карьеру.

„Не то мы видимъ въ Германіи. Здѣсь только одна дорога ведетъ къ педагогической профессіи: гимназія, семинарія, государственный экзаменъ. Женщина, удостоенная университетомъ степени доктора, не можетъ быть назначена учительницей общественной школы, если она не имѣетъ сверхъ того дипломовъ, дающихъ право преподаванія... Въ Англіи, женщина, окончившая съ отличіемъ университетъ, считается желаннымъ пріобрѣтеніемъ для всякаго жен скаго учебнаго заведенія.“

Указавъ далѣе на болѣе ограниченную сферу примѣненія женскаго труда въ Германіи и на менѣе значительную общественную роль женщины въ Германіи по сравненію съ Англіей, г-жа Листеръ заключаетъ свою общую характеристику женскаго образованія въ Германіи слѣдующими совершенно вѣрными словами:

„Можно сказать, что организація женскаго средняго образованія въ Германіи соотвѣтствуетъ менѣе сложнымъ социальнымъ условіямъ такой страны, гдѣ женщины не играютъ такой видной роли въ общественной или политической жизни, какъ это мы видѣли въ современной Англіи. Въ Германіи сферой женщины считается ея домъ Ея вниманіе поглощаетъ семейная жизнь, всѣ обязанности которой выполняются ею въ совершенствѣ. Интересы нѣмецкой женщины даже, если она развита и начитана, нѣсколько уже, чѣмъ интересы вполнѣ развитой англичанки. Средняя нѣмка удивляется, когда видитъ, что умная и богатая англичанка, не имѣющая семейныхъ обязанностей, принимаетъ дѣятельное участіе въ общественной жизни будучи, напр., членомъ учрежденія, завѣдующаго призрѣніемъ бѣдныхъ, членомъ школьнаго комитета, и пріобрѣтаетъ такимъ образомъ авторитетъ въ качествѣ знатока вопросовъ женскаго образованія или другихъ общественныхъ вопросовъ. Какъ извѣстно, англичанки принимаютъ даже прямое участіе во всѣхъ легальныхъ способахъ борьбы главныхъ политическихъ партій страны.

„Вообще говоря, средняя нѣмка принимаетъ меньше участія и меньше интересуется общественными и политическими дѣлами своей родины и чужихъ странъ, чѣмъ средняя англичанка. Мы знаемъ хорошо, что есть и исключенія изъ этого общаго правила: мы могли бы назвать многихъ нѣмецкихъ женщинъ съ выдающимися

дарованіями, успѣвшихъ пріобрѣсти авторитетъ въ педагогическихъ вопросахъ, въ вопросахъ искусства, въ соціальныхъ вопросахъ *) и даже въ наукѣ. Въ общемъ однако общественная атмосфера, вся соціальная жизнь Германіи не благопріятствуютъ развитію въ нѣмецкой женщинѣ нѣкоторыхъ драгоцѣнныхъ качествъ, которыми отличается лучшій типъ англійской женщины".

XII.

Женщины въ германскихъ университетахъ и вопросы о совмѣстномъ обученіи.

Ничто не можетъ служить такимъ убѣдительнымъ доказательствомъ феноменальныхъ успѣховъ, совершившихся въ Германіи въ теченіе послѣдней четверти XIX вѣка, какъ то обстоятельство, что за это время былъ рѣшенъ въ главныхъ своихъ основахъ не только вопросъ о среднемъ, но и о высшемъ образованіи женщинъ, и притомъ рѣшенъ на такихъ началахъ, которыя позволяютъ надѣяться и на дальнѣйшій быстрый прогрессъ этого чрезвычайно важнаго соціальнаго вопроса.

На предшествующихъ страницахъ мы видѣли, какихъ усилій, какихъ трудовъ и энергіи со стороны всѣхъ ревнителей женскаго образованія потребовало приведеніе женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній въ извѣстное соотвѣтствіе съ идеалами и потребностями новѣйшей жизни.

Еще труднѣе, еще сложнѣе была борьба, вызванная стремленіемъ обезпечить женщинамъ доступъ къ высшему образованію съ либеральными или, какъ въ Германіи выражаются, „учеными такъ называемыми, профессіями" (Wissenschaftliche Berufe). Борьба эта не закончена вполнѣ и до сихъ поръ, представляя одну изъ самыхъ интересныхъ сторонъ соціальнаго развитія современной Германіи **) Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ остановиться подробно на постепенномъ развитіи вопроса о допущеніи женщинъ въ университеты и къ высшему образованію вообще, почему мы коснемся лишь нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ изъ относящихся сюда фактовъ.

Мы уже имѣли случай упоминать о томъ, что т. наз. „Всеобщій Женскій Союзъ" (Allgemeiner deutscher Frauenverein) съ 1879 г. сталъ выдавать пособія нѣмецкимъ женщинамъ, отправлявшимся въ

---

*) Справедливость этого мнѣнія г-жи Листеръ вполнѣ подтверждается фактами, излагаемыми въ заключительныхъ главахъ нашей работы.

**) См. объ этомъ „Handbuch der Frauenbewegung" и цитированную книгу Лили Броунъ „Женскій вопросъ" (Спб. 1902).

Швейцарію для полученія университетскаго образованія, въ которомъ имъ было отказываемо на родинѣ. Болѣе радикальная часть женщинъ не хотѣла примириться съ такимъ рѣшеніемъ вопроса и стала дѣятельно агитировать за открытіе для женщинъ нѣмецкихъ университетовъ. Извѣстная дѣятельница на поприщѣ женскаго движенія г-жа Кетлеръ (Frau Kettler) основала даже въ 1887 г. особый органъ „Frauenberuf“, имѣвшій задачей защиту женскихъ правъ и особенно правъ на самое широкое образованіе.

Въ слѣдующемъ году (1888), въ значительной степени благодаря энергіи той-же г-жи Кеттлеръ, было основано особое общество, „Frauenverein Reform“, исходившее, выражаясь словами учредительницъ общества, изъ той мысли, что „женщинѣ подобно мужчинѣ должна быть обезпечена возможность изучать всѣ науки, а не только лишь тотъ или иной циклъ наукъ“. Этимъ послѣднимъ новое общество желало подчеркнуть свое отличіе отъ упомянутаго выше Allgemeiner deutscher Frauenverein'а, который болѣе всего хлопоталъ о предоставленіи женщинамъ возможности посвящать себя научно-педагогической и медицинской дѣятельности, что конечно ставило въ извѣстныя границы и вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи.

Въ 1888 г. и въ 1889 г. въ министерства народнаго просвѣщенія союзныхъ государствъ Германіи были поданы петиціи отъ обоихъ только что названныхъ обществъ, изъ которыхъ одно общество (Allg. d. Frauenverein) ходатайствовало о допущеніи женщинъ въ университеты на медицинскій и философскій (соотвѣтствуютъ нашимъ историко-филогическому и физико-математическому) факультеты, другое же общество ходатайствовало вообще о допущеніи женщинъ на всѣ факультеты университета, а также и во всѣ другія высшія учебныя заведенія. Петиціи были оставлены безъ отвѣта или же былъ данъ отрицательный отвѣтъ.

Въ виду того, что въ нѣкоторыхъ отвѣтахъ было указано, что открытіе для женщинъ медицинской практики зависитъ отъ рейхстага, въ слѣдующемъ году были отправлены соотвѣтствующія петиціи имперскому рейхстагу какъ тѣмъ, такъ и другимъ изъ названныхъ выше обществъ.

Имперскій рейхстагъ призналъ себя компетентнымъ лишь въ нормированіи условій разрѣшенія медицинской практики, опредѣленіе же условій полученія самого медицинскаго образованія объявилъ подлежащимъ исключительно компетенціи каждаго изъ союзныхъ государствъ, что вполнѣ понятно, такъ какъ право практики дается на всю имперію, постановка же вопросовъ образованія есть дѣло каждаго отдѣльнаго государства. Во всякомъ случаѣ день 11 марта 1891 г.

имѣетъ нѣкоторое значеніе *) въ исторіи женскаго движенія въ Германіи, такъ какъ въ этотъ день, вопросъ о женскомъ медицинскомъ образованіи и женщинахъ-врачахъ,—въ первый разъ сдѣлался предметомъ обсужденія германскаго рейхстага. Хотя большинство ораторовъ, принимавшихъ участіе въ дебютахъ, высказались въ пользу женщинъ и хотя народные представители встрѣтили насмѣшками противоположныя мнѣнія, тѣмъ не менѣе рейхстагъ, не вотировавъ никакой резолюціи по поводу поднятаго вопроса, перешелъ къ другимъ очереднымъ дѣламъ.

Подобная же судьба постигла и петиціи Frauenverein Reform въ представительныхъ собраніяхъ (Landtage) отдѣльныхъ союзныхъ государствъ. Только баденская палата депутатовъ отнеслась сочувственно къ петиціи и одобрила резолюціи, предложенныя коммиссіей, разсматривавшей петицію. Вотъ содержаніе резолюцій:

1) „Стремленіе женщинъ къ высшему образованію совершенно законно. „(gerechtfertigt) и частью можетъ быть удовлетворено теперь-же.“

2) „Условія допущенія женщинъ къ разнымъ (либеральнымъ) профессіямъ должны быть не ниже тѣхъ, которыя предъявляются въ такихъ случаяхъ мужчинамъ, почему отъ женщинъ слѣдуетъ требовать, во-первыхъ, аттестаты зрѣлости“.

3) „Необходимо разрѣшить женщинамъ держать экзаменъ на аттестатъ зрѣлости при одной изъ мужскихъ гимназій. Однако организацію особыхъ женскихъ классическихъ гимназій и допущеніе дѣвочекъ для совмѣстнаго обученія съ мальчиками въ мужскихъ гимназіяхъ признать пока преждевременнымъ“.

4) „Право посѣщенія университетскихъ лекцій можетъ быть теперь-же въ видѣ исключенія предоставлено всѣмъ тѣмъ женщинамъ, которыя будутъ признаны достойными соотвѣтственными факультетами“.

5) „Желательно, чтобы правительство великаго герцогства (Баденское) дѣлало впредь все возможное для болѣе быстраго и удовлетворительнаго разрѣшенія женскаго вопроса (Frauenfrage).

Замѣчательно, что и въ самомъ дѣлѣ всѣ эти пожеланія осуществились въ Баденѣ въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ какой-либо иной части Германской имперіи: мы видѣли, что въ настоящее время почти въ 20 мужскихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ Бадена болѣе 350 дѣвочекъ учатся совмѣстно съ мальчиками, на что отважился пока лишь Вюртембергъ. Какъ мы увидимъ ниже, Бадену

---

*) G. Bäumer. „Die Geschichte der Frauenbewegung in Deutschland“ 90 („Handbuch der Frauenbewegung“, I Theil).

же принадлежитъ честь перваго признанія женщинъ полноправными слушательницами университетовъ.

Обсужденіе петиціи общества „Frauenverein Reform“ Баденской палатой депутатовъ относится къ 1892 г. Поощренное сочувствіемъ палаты это общество, принявшее низваніе „Verein Frauenbildungsreform“, основало въ Карлсруэ женскую классическую гимназію въ качествѣ отдѣленія городской женской гимназіи. Затѣмъ, какъ мы знаемъ, послѣдовали подобныя попытки и въ другихъ частяхъ Германіи, причемъ основой всѣхъ этихъ попытокъ было, разумѣется, желаніе предоставить возможность нѣмецкимъ женщинамъ запастись аттестатомъ зрѣлости, какъ ключемъ къ дверямъ университетовъ.

Надо сказать, что вопросъ о допущеніи женщинъ къ высшему образованію и либеральнымъ профессіямъ болѣе или менѣе занималъ всѣ женскія общества. Въ 1893 г. рейхстагу была представлена соотвѣтственная петиція—monstre отъ имени Allgemeiner deutscher Frauenverein, подписанныя 60.000 лицъ *)

Однако эта петиція, какъ и всѣ бывшія ранѣе попытки этого рода, не имѣла успѣха потому, между прочимъ, что общественное мнѣніе, не исключая академическихъ сферъ, относилось еще недостаточно сочувственно къ притязаніямъ женщинъ.

Наиболѣе серьезныя сомнѣнія выражались по поводу умѣстности допущенія женщинъ къ изученію въ университетахъ медицины, такъ какъ совмѣстныя занятія лицъ обоего пола медициной казались для многихъ особенно нежелательными во всѣхъ отношеніяхъ. Женщины, наоборотъ, особенно настаивали именно на открытіи имъ возможности изучить въ университетахъ медицину, считая, что женщины-врачи безусловно необходимы по соображеніямъ нравственнымъ и общественно санитарнымъ.

Имѣя это въ виду, имперское правительство обратилось даже въ 1896 г. къ правительству Швейцаріи,—гдѣ совмѣстныя занятія мужчинъ и женщинъ на всѣхъ факультетахъ университетовъ были допущены уже много лѣтъ,—съ формальнымъ запросомъ относительно результатовъ этихъ совмѣстныхъ занятій и особенно вліянія ихъ на нравственность женщинъ.

Прежде чѣмъ знакомить читателя съ отвѣтомъ швейцарскаго правительства, посмотримъ, къ какимъ результатамъ привелъ опросъ мнѣній выдающихся нѣмецкихъ професоровъ, преподавателей женскихъ учебныхъ заведеній и нѣмецкихъ извѣстныхъ писателей по поводу высшаго женскаго образованія. Этотъ опросъ былъ сдѣланъ въ томъ-же 1896 г. Артуромъ Кирхгофомъ; самыя мнѣнія приведены

---

*) G. Bäumer „Geschichte der Frauenbewegung in Deutschland“, 95.

въ вышедшей въ 1897 г. интересной книгѣ „Die akademische Frau“ *).

„Вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи“, писалъ професоръ берлинскаго университета. Кенигъ, „вовсе не нуждается въ теоретическомъ разсмотрѣніи, такъ какъ нѣтъ логическихъ основаній, по которымъ женщинъ слѣдовали-бы лишать возможности пользоваться наравнѣ съ мужчинами всѣми тѣми способами образованія, которыми располагаетъ современный культурный міръ“.

„Пусть въ теченіе продолжительнаго времени“, писалъ проф. математики Бреславльскаго университета Р. Штурмъ, „представители обоего пола состязаются при совершенно одинаковыхъ условіяхъ: тогда только возможно и умѣстно будетъ сравненіе результатовъ; но и въ такомъ случаѣ, въ интересахъ безпристрастія, критика не можетъ быть предоставлена однимъ мужчинамъ“.

Такимъ же образомъ знаменитый романистъ Шпильгагенъ требовалъ, чтобы вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи былъ поставленъ въ Германіи на экспериментальную почву: „лишь вътакомъ случаѣ,—прибавлялъ онъ,—прекратится, наконецъ, праздная болтовня за и противъ женскаго образованія, которая стала совершено невыносимой“.

Въ общемъ, большинство нѣмецкихъ профессоровъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые сообщили свое мнѣніе составителю книги „Die akademische Frau“, высказались въ томъ смыслѣ, что стремленіе женщинъ къ высшему образованію слѣдуетъ признать вполнѣ законнымъ и что оно должно быть удовлетворено, равно какъ и стремленіе женщинъ къ ученымъ (либеральнымъ) профессіямъ. Сомнѣніе можетъ быть лишь въ томъ, какъ наиболѣе цѣлесообразно удовлетворить этимъ стремленіямъ женщинъ: путемъ ли учрежденія особыхъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, или же путемъ допущенія женщинъ къ совмѣстному обученію съ мужчинами въ университетахъ. Равнымъ образомъ требовалъ рѣшенія и вопросъ о томъ, какой подготовки требовать отъ женщинъ, желающихъ учиться въ университетахъ.

Большинство профессоровъ, приславшихъ свои мнѣнія по поводу

---

*) „Die akademische Frau. Gutachten hervorragender Universitätsproftssoren Frauenlehrer und Schriftsteller über die Befähigung der Frau zum wissenschaftlichem Studium und Berufe“. Berlin 1897. Мы знакомы съ этой книгой по многимъ цитатамъ, приводимымъ проф. Эрисманомъ въ статьѣ „Совмѣстное обученіе мужчинъ и женщинъ по отзывамъ нѣмецкихъ и швейцарскихъ професоровъ.“ Статья проф. Эрисмана помѣщена въ научно-литературномъ сборникѣ „Дѣло“, изданномъ въ 1899 для усиленія средствъ Спб. Женскаго Медицинскаго Института.

послѣдняго вопроса, находили нужнымъ требовать отъ женщинъ, какъ и отъ мужчинъ, аттестатъ зрѣлости; однако нѣкоторые, сомнѣваясь въ необходимости классическихъ языковъ для студентовъ университета, находили еще менѣе умѣстнымъ требовать знанія этихъ языковъ отъ женщинъ.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что по вопросу о совмѣстномъ образованіи изъ 136 лицъ, спрошенныхъ Кирхгофомъ, написали свое мнѣніе 41, при чемъ одна треть ихъ (14) высказалась за раздѣльное и двѣ трети за совмѣстное обученіе лицъ обоего пола.

Очень энергично за совмѣстное обученіе въ университетахъ высказались профессора Бернштейнъ (Галле), Кёнигъ (Берлинъ), Ферстеръ (Берлинъ), Фульда (Мюнхенъ).

„Такимъ образомъ", пишетъ, напр., Бернштейнъ, „я прихожу къ результату, что женщинъ слѣдуетъ допускать къ изученію наукъ вообще и въ частности медицины въ тѣхъ-же учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ учатся и мужчины... Неблагопріятнаго вліянія совмѣстнаго обученья бояться нечего, если предъявлять поступающимъ въ университетъ женщинамъ тѣ-же требованія, которыя предъявляются мужчинамъ. При этихъ условіяхъ не понизится ни уровень преподаванія, ни экзаменаціонныя требованія. Присутствіе женщинъ на лекціяхъ и демонстраціяхъ даже на медицинскомъ факультетѣ не должно стѣснять преподавателя, и послѣдній, сохраняя строго-научный характеръ преподаванія, можетъ передъ смѣшанной аудиторіей спокойно излагать и демонстрировать такія вещи, о которыхъ при обыкновенныхъ условіяхъ не говорятъ въ обществѣ дамъ".

Болѣе подробно по вопросу о совмѣстномъ обученіи высказался проф. Кенигъ: „Опыты заграничныхъ университетовъ, гдѣ женщины принимаются на правахъ студентовъ, а равно и наблюденія въ тѣхъ нѣмецкихъ университетахъ, въ которыхъ женщины слушаютъ лекціи въ качествѣ вольнослушательницъ, показали, что существующія учрежденія вполнѣ приспособлены къ пріему женщинъ. Насколько мнѣ извѣстно, посѣщеніе женщинами лекцій, демонстрацій или практическихъ занятій въ мужскихъ университетахъ до сихъ поръ нигдѣ не давало повода съ такимъ неудобствомъ, которыя могли-бы быть разсматриваемы, какъ серьезныя препятствія къ совмѣстному обученію.

„Мнѣ вообще непонятно, какимъ образомъ общество молодыхъ людей обоего пола въ аудиторіяхъ и лабораторіяхъ можетъ представлять опасность для нравственности. Во всякомъ случаѣ при совмѣстномъ обученіи въ университетѣ эта опасность, если она вообще существуетъ, не можетъ быть больше, чѣмъ на каткѣ, гдѣ матери и гувернатки ходятъ по берегу пруда для наблюденія за нравствен-

ностью катающихся съ кавалерами дѣвушекъ, или въ бальномъ залѣ, гдѣ вывозящія своихъ дочерей мамаши потихоньку обсуждаютъ шансы, представляемые баломъ для обезпеченія дѣвушекъ выгоднымъ замужествомъ...

„Я, слѣдовательно, не нахожу, чтобы допущеніе женщинъ въ мужскіе университеты угрожали какой-нибудь опасностью въ нравственномъ отношеніи. Даже наоборотъ, я увѣренъ, что не рѣдко студентки превосходятъ своихъ товарищей-мужчинъ въ серьезности отношенія къ дѣлу и прилежаніи; при практическихъ занятіяхъ обоего пола соревнованіе можетъ быть только выгоднымъ для всѣхъ... Наконецъ, вслѣдствіе присутсвія женщинъ въ аудиторіи и лабораторіяхъ несомнѣнно улучшатся темы разговоровъ между студентами и исчезнутъ разныя остроты, далеко не всегда умѣстныя, но часто еще практикуемыя при изложеніи извѣстныхъ предметовъ съ высоты академической каѳедры“.

Профессоръ Ферстеръ, директоръ берлинской обсерваторіи, въ отношеніи совмѣстнаго обученія въ университетахъ высказывается такъ: „Мнѣ кажется, что при совмѣстной работѣ въ теченіе всего періода умственнаго развитія должно уменьшиться то чисто половое влеченіе низшаго порядка, которое при существующихъ, чисто ненормальныхъ условіяхъ, нерѣдко является причиной великихъ бѣдъ и несчастій. Грубый половой инстинктъ и возбужденіе фантазіи, поддерживаемые въ настоящее время тѣмъ, что молодые люди встрѣчаются съ барышнями только при исключительныхъ условіяхъ, при совмѣстной серьезной работѣ замѣнятся болѣе глубокимъ испытаніемъ другъ друга и спокойными товарищескими отношеніями“.

„Изъ сказаннаго до сихъ поръ, — говоритъ проф. Эрисманъ, изъ статьи котораго заимствованы приведенныя выдержки,—мы можемъ вывести заключеніе, что въ общемъ нѣмецкіе профессора, если не всегда горячо сочувствуютъ высшему женскому образованію, то и не являются принципіальными его противниками, и что весьма многіе изъ нихъ высказываются противъ учрежденія особыхъ женскихъ университетовъ и за совмѣстное обученіе, т. е. за допущеніе женщинъ въ существующіе университеты“.

Такъ резюмируетъ проф. Эрисманъ выводы, къ которымъ можно придти по занимающему насъ вопросу на основаніи мнѣній, собранныхъ въ книгѣ „Die akademische Frau“.

Эти книги, какъ мы говорили, вышли въ 1897 г. За годъ передъ тѣмъ, какъ было упомянуто выше, германское правительство обратилось къ федеральному правительству Швейцаріи съ просьбой сообщить на основаніи опыта, насколько въ дѣйствительности оправдывается, что присутствіе женщинъ на лекціяхъ и демонстраціяхъ, касаю-

щихся предметовъ изъ области половой сферы, обнаруживаетъ неблагопріятное вліяніе на нравственность учащихся женщинъ или даетъ поводъ къ оскорбленію женской стыдливости.

Швейцарское правительство передало этотъ вопросъ на разрѣшеніе медицинскимъ факультетамъ всѣхъ швейцарскихъ университетовъ; факультеты съ своей стороны предложили высказаться по этому поводу всѣмъ профессорамъ. На основаніи всѣхъ собранныхъ такимъ образомъ данныхъ федеральное правительство Швейцаріи, препровождая въ февралѣ 1899 г. въ германское посольство (въ Бернѣ) полученные отъ медицинскихъ факультетовъ отзывы, заявляло въ качествѣ общаго вывода, „что присутствіе женщинъ на лекціяхъ и участіе ихъ въ демонстраціяхъ и практическихъ занятіяхъ по медицинѣ не сопровождаются никакими неудобствами *).

Въ какомъ-же, однако, положеніи находился фактически вопросъ о допущеніи женщинъ въ нѣмецкіе университеты въ то время, когда производилъ своего анкету Ар. Кирхгофъ, и пока швейцарское правительство подготовляло данныя для отвѣта правительству Германской имперіи?

Честь перваго открытія университета для женщинъ принадлежитъ правительству Бадена, которое въ 1891 г. разрѣшило Гейдельбергскому университету допустить женщинъ въ число слушательницъ философскаго факультета **). Примѣръ Гейдельбергскаго университета повліялъ и на другіе, вслѣдствіе чего въ теченіе 90-ыхъ годовъ женщины стали мало-по-малу появляться и въ другихъ университетахъ Германіи, хотя каждое разрѣшеніе стоило не малыхъ хлопотъ какъ у правительственныхъ властей того или иного изъ союзныхъ государствъ, такъ и у начальства самихъ университетовъ.

Съ 1900 года вопросъ о допущеніи женщинъ въ германскіе университеты находится въ слѣдующемъ положеніи ***).

Берлинскій университетъ. Женщины допускаются съ 1895 г. въ качествѣ вольнослушательницъ (Hörerinnen) по экзамену, которому подвергаются всѣ женщины, каково-бы ни было ихъ предваритель-

---

*) Фактъ указаннаго обращенія германскаго правительства къ правительству Швейцаріи и отзывы профессоровъ и факультетовъ стали извѣстны лишь въ концѣ 1899 г., когда проф. Эрисманъ съ разрѣшенія правительствъ Швейцаріи сообщилъ обо всемъ этомъ (и привелъ кстати результаты своей собственной аналогичной анкеты между швейцарскими профессорами) въ берлинскомъ журналѣ „Die Frau" 1899;—(Heft 9 und 10). Ту же статью проф. Эрисманъ далъ съ нѣкоторыми измѣненіями въ цитированномъ сборникѣ „Дѣло".

**) Prof. Iulius Pierstorf. „Frauenarbeit und Frauenfrage" 1900. Iena, 37 (Separatabdruck aus dem Handwörterbuch der Staatswissenschaften).

***) Только что цитированное изданіе и заключительная глава сочиненія проф. Bolton. „Secondary school system of Germany". New York. 1900 г.

ное образованіе; исключенія не дѣлаются и для тѣхъ, кто представитъ дипломъ объ окончаніи гимназическихъ классическихъ курсовъ. Отъ экзамена освобождаются только тѣ женщины, которыя просятъ о допущеніи ихъ лишь въ качествѣ гостей (Hospitanten). Какъ тѣмъ, такъ и другимъ женщинамъ приходится во всякомъ случаѣ предварительно запастись разрѣшеніемъ министра народнаго просвѣщенія. Получивъ такое разрѣшеніе, онѣ должны просить о томъ-же ректора, а затѣмъ и каждаго отдѣльнаго профессора или доцента, лекціи котораго та или другая женщина хочетъ посѣщать.

Въ *Боннскій* университетъ женщины допускаются въ качествѣ гостей (Hospitanten) съ такими-же формальностями, какія только что описаны, при чемъ, хотя женщины допускаются лишь какъ гости отъ нихъ тѣмъ не менѣе требуется представленіе доказательствъ достаточнаго предварительнаго образованія. То-же самое справедливо относительно Бреславля, Фрейбурга, Геттингена и Галле.

Въ общемъ, въ теченіе 90-ыхъ годовъ только что истекшаго столѣтія всѣ германскіе университеты одинъ за другимъ открыли свои двери женщинамъ, при чемъ въ числѣ послѣднихъ былъ университетъ въ Ростокѣ и въ Іенѣ *). Но и теперь еще только въ Баденѣ **) женщины могутъ имматрикулироваться въ качествѣ полноправныхъ студентокъ (съ 1901 г.), во всѣхъ остальныхъ союзныхъ государствахъ Германіи женщины и теперь еще допускаются лишь на правахъ вольнослушательницъ или гостей, да и то опять-таки при достаточномъ предшествующемъ образованіи и при согласіи каждаго отдѣльно профессора ***). На тѣхъ условіяхъ женщины, впрочемъ могутъ быть допускаемы и въ высшія техническія и земледѣльческія школы. Прогрессъ по сравненію съ началомъ ****) 90-ыхъ годовъ заключается главнымъ образомъ въ томъ, что теперь уже не требуется согласія министерства народнаго просвѣщенія, предоставившаго это дѣло какъ въ Пруссіи, такъ и въ другихъ государствахъ Германіи на усмотрѣніе самихъ университетовъ.

Надо думать, что такой порядокъ будетъ продолжаться не долго и что недалеко уже время, когда во всѣхъ германскихъ университетахъ женщины будутъ считаться полноправными студентками и что имъ будетъ позволено имматрикулироваться.

---

*) Впрочемъ, и теперь еще эти университеты допускаютъ женщинъ лишь на философскій факультетъ.

**) Въ Баденѣ имѣются два университета—въ Гейдельбергѣ и въ Фрейбургѣ.

***) Впрочемъ, число женщинъ, пожелавшихъ пользоваться этимъ правомъ, не достигаетъ и десятка.

****) G. Bäumer. „Geschichte und Stand der Frauenbildung in Deutschland" 126 („Handbuch der Frauenbewegung", 1902, III Theil).

Въ пользу такого предположенія говоритъ болѣе сочувственное отношеніе къ учащимся женщинамъ со стороны профессоровъ, что выражается, между прочимъ, въ увеличивающемся съ каждымъ годомъ числѣ женщинъ, удостоиваемыхъ ученыхъ степеней. Замѣтимъ кстати, что только съ 1899 г.—главнымъ образомъ благодаря цитированному выше отвѣту швейцарскаго правительства—нѣмецкія женщины получили возможность готовиться въ университетахъ и къ степени доктора медицины (въ Германіи нѣтъ степени лѣкаря), такъ какъ весною указанного года состоялось постановленіе союзнаго сейма (Bundesratsbeschloss), въ силу котораго женщинамъ, прослушавшимъ извѣстное число семестровъ на медицинскихъ факультетахъ университетовъ союзныхъ государствъ въ качествѣ гостей, эти семестры засчитывались наравнѣ съ семестрами иммариткулированныхъ студентовъ.

Иными словами, тѣ же власти, которыя отказывали женщинамъ въ правѣ иммaтрикуляціи, затѣмъ давали свое разрѣшеніе на то, чтобы семестры этихъ „гостей“ приравнивались семестрамъ иммaтрикулированныхъ студентовъ.

Ознакомимся теперь съ нѣкоторыми статистическими данными, дальнѣйшимъ образомъ характеризующими фактическое положеніе вопроса о допущеніи женщинъ въ германскіе университеты въ послѣднія пять лѣтъ.

Какъ мы видѣли, въ первый разъ женщина была принята въ Гейдельбергскій университетъ въ 1891 г.; въ зимній семестръ 1895—6 г. во всѣхъ университетахъ Германіи насчитывалось болѣе 200 слушательницъ, какъ это видно изъ нижеприводимой таблицы (черта означаетъ отсутствіе слушательницъ, вопросительный знакъ отсутствіе свѣдѣній о количествѣ слушательницъ, хотя самый фактъ посѣщенія ими университета не подлежитъ сомнѣнію).

Изъ таблицы видно, что въ настоящее время число слушательницъ нѣмецкихъ университетовъ переходитъ за 1.200; изъ нихъ половина приходится на берлинскій университетъ. Конечно, это число пока весьма незначительно по сравненію съ общимъ числомъ студентовъ, переходящимъ за 40.000. Во всякомъ случаѣ, какъ видно изъ той же таблицы, увеличеніе числа слушательницъ совершается необычайно, можно даже сказать, феноменально быстро, и это обязательство даетъ основаніе думать, что недалеко то время, когда женщины будутъ составлять весьма замѣтный элементъ нѣмецкаго студенчества. *).

*) Нами были написаны уже эти строки, когда пришли извѣстія изъ Германіи,указывающія на значительное паденіе числа слушательницъ нѣмецкаго университета. Это произошло вслѣдствіе усиленія строгости требованій,регули-

	Лѣто 1896.	Зима 1896—97.	Лѣто 1898.	Зима 1898—99.	Лѣто 1900.	Зима 1900—1901	Лѣто 1901.	Зима 1901—2.	Лѣто 1902.
Берлинъ . . .	49	95	169	238	304	439	303	611	370
Боннъ	—	16	18	26	61	100	78	105	84
Бреславль . .	15	35	21	32	41	67	42	76	65
Эрлангенъ . .	?	2	2	2	2	3	4	4	8
Фрейбургъ . .	?	2	2	2	12	38	12	52	43
Гессенъ . . .	?	2	2	2	16	23	11	18	9
Геттингенъ . .	40	40	22	26	31	37	35	32	38
Грейфмальдъ .	3	5	7	17	—	13	—	2	—
Галле	?	10	6	15	47	76	24	89	28
Гейдельбергъ .	?	2	2	2	13	23	49	33	70
Іена	—	—	—	—	—	—	—	—	9
Киль	—	12	21	15	8	19	9	19	10
Кенигсбергъ .	—	—	15	33	15	24	21	38	36
Лейпцигъ . .	?	2	2	2	27	79	69	73	53
Марбургъ . .	—	—	9	8	8	6	6	6	4
Мюнхенъ . . .	?	2	2	2	11	31	26	29	22
Ростокъ . . .	—	—	—	—	2	3	—	7	—
Страсбургъ . .	—	—	—	—	11	16	20	33	29
Тюбингенъ . .	?	2	2	2	5	4	4	2	2
Вюрцбургъ . .	?	2	2	2	15	29	28	41	19

Такое предположеніе тѣмъ болѣе основательно, что для женщинъ открываются съ каждымъ годамъ новыя сферы дѣятельности, требующія болѣе или менѣе серьезной научной подготовки или по крайней мѣрѣ широкаго образованія. Такъ, напр., въ послѣднее

рующихъ доступъ въ университетъ для иностранокъ, большинство которыхъ состоитъ изъ прусскихъ и притомъ преимущественно русскихъ евреекъ съ гимназическимъ образованіемъ (послѣднее признано отнынѣ недостаточнымъ для поступленія въ университеты Пруссіи).

время правительство Бадена назначило доктора правъ Fräulein Dr. von Richthofen помощницей одного изъ фабричныхъ инспекторовъ и этимъ создало прецедентъ, которому частью послѣдовала, частью не преминутъ въ скоромъ времени послѣдовать и другія союзныя правительства. Къ сожалѣнію, нѣкоторыя правительства назначили на только что упомянутую должность женщинъ со значительно меньшимъ образовательнымъ цензомъ, что по мнѣнію наиболѣе рѣшительныхъ защитницъ женскихъ правъ можетъ легко дискредитировать самый институтъ фабричныхъ инспектрисъ. Таковъ, по крайней мѣрѣ, взглядъ на это дѣло Всеобщаго Женскаго Нѣмецкаго Союза, который даже обратился съ соотвѣтственнымъ содержанію ходатайствомъ къ союзнымъ правительствамъ. *).

Изъ этого видно, въ какой мѣрѣ тѣсно связаны въ Германіи всѣ формы и проявленія т. наз. женскаго движенія и женскаго вопроса съ вопросомъ о предоставленіи женщинамъ всѣхъ путей, ведущихъ къ усвоенію научнаго образованія самаго различнаго характера.

П. Мижуевъ.

(*Продолженіе будетъ*).

„Die Deutsche Frau in Beruf“ („Handbuch der Frauenbewegung“, IV, 376).

Гимназія восьмидесятыхъ годовъ.

(*Продолженіе*).

3. Константинъ Андреевичъ.

У каждаго изъ насъ были всегда нѣкоторыя знакомства среди воспитанниковъ другихъ средне-учебныхъ заведеній, и встрѣчаясь съ ними, мы обыкновенно передавали другъ-другу наиболѣе интересные инциденты, имѣвшіе мѣсто въ той или въ другой гимназіи, дѣлились другъ съ другомъ впечатлѣніями, разсказывали товарищамъ о гимназическомъ начальствѣ, о преподавателяхъ, ихъ привычкахъ и слабостяхъ и т. д.,—такъ что въ общемъ воспитанники одного средне-учебнаго заведенія бывали всегда болѣе или менѣе хорошо освѣдомлены о томъ, что творится въ другихъ гимназіяхъ и каковы заведенные тамъ порядки. Поэтому, когда нашего четвертаго директора, упрочившагося уже на этомъ посту, Константина Андреевича Пятницкаго перевели въ нашу гимназію изъ мѣстной первой гимназіи, я и мои товарищи, бывшіе тогда еще только въ третьемъ классѣ, были все же достаточно хорошо освѣдомлены о личности нашего новаго директора, о степени его строгости и требовательности, о его недостаткахъ и симпатичныхъ чертахъ. Впрочемъ, о послѣднихъ почти не было рѣчи, а наоборотъ, Константину Андреевичу предшествовала у насъ весьма худая слава. Раньше всего говорили у насъ въ гимназіи, будто онъ взяточникъ, и кличка „хабарникъ“ быстро упрочилась за нимъ въ нашей гимназической средѣ. Взяточничество было до того момента у насъ въ гимназіи явленіемъ прямо таки неизвѣстнымъ (по крайней мѣрѣ, мы, воспитанники низшихъ классовъ, ничего подобнаго ни отъ учениковъ старшихъ классовъ, ни отъ родителей и знакомыхъ ни разу не слыхали), и мы даже не понимали, какова можетъ быть роль взятки въ гимназіи, за что она можетъ даваться и, съ другой стороны, браться. Поэтому мы разсказы о взяточничествѣ Константина Андреевича связывали всегда съ пансіономъ, устроеннымъ при первой гимназіи, гдѣ онъ долго былъ директоромъ. Въ этомъ пансіонѣ

воспитывались дѣти окрестныхъ помѣщиковъ и состоятельныхъ лицъ изъ окрестныхъ мелкихъ городовъ, не имѣвшихъ своихъ средне-учебныхъ заведеній, и мы, гимназисты, разсказывали другъ другу, будто, кромѣ офиціальной платы за содержаніе, родители воспитанниковъ, жившихъ въ томъ пансіонѣ, платили еще особый трибутъ директору первой гимназіи, руководившему пансіономъ. Разсказывали мы еще другъ другу, будто содержаніе воспитанниковъ пансіона было изъ рукъ вонъ скверное, а назначенныя для этой цѣли суммы уплывали въ карманы Константина Андреевича. Позже я узналъ, что объ этомъ поговаривали и въ городскомъ обществѣ, и въ правдоподобность этого стали вѣрить всѣ, когда распространилась по городу вѣсть о томъ, что директоръ первой гимназіи купилъ землю за городомъ, въ дачной мѣстности, и строитъ себѣ тамъ дачу. Разсказывали въ обществѣ еще и про своеобразный способъ, придуманный Константиномъ Андреевичемъ, чтобы взятка не носила характера таковой. Когда кто-либо изъ родителей плохо учившагося ученика являлся къ концу года, чтобы освѣдомиться объ успѣхахъ сына и о шансахъ его на переходъ въ высшій классъ, Константинъ Андредвичъ обыкновенно высказывалъ какъ бы увѣренность, что сынъ посѣтившаго его любвеобильнаго родителя перейдетъ въ высшій классъ. Тотъ колебался и указывалъ на изъ рукъ вонъ плохія отмѣтки.

— Хотите пойти со мной въ пари, что сынъ вашъ перейдетъ?— будто бы въ такихъ случаяхъ предлагалъ Константинъ Андреевичъ.— Бьюсь о закладъ во сто рублей.

Обрадованный родитель спѣшилъ согласиться на это игривое предложеніе, и Константинъ Андреевичъ выигрывалъ каждый разъ, такъ какъ гимназистъ, о которомъ шла рѣчь, какимъ-то чудомъ начиналъ получать удовлетворительныя отмѣтки и переводился въ высшій классъ. Этотъ слухъ долго и упорно циркулировалъ въ обществѣ и нашелъ себѣ отраженіе въ одной весьма удачной каррикатурѣ мѣстной юмористической „Пчелки". Правда „Пчелка" вскорѣ за эту каррикатуру и другія ея „прегрѣшенія" въ этомъ же родѣ была закрыта, но и Константинъ Андреевичъ былъ переведенъ изъ первой гимназіи во вторую, въ чемъ мѣстное общество усмотрѣло косвенное подтвержденіе слуховъ о взяточничествѣ Константина Андреевича.

Вскорѣ послѣ перевода Константина Андреевича въ нашу гимназію въ стѣнахъ ея появилась какая-то странная личность. Это былъ подвижной и юркій старичокъ, къ гимназическому персоналу, ни высшему, ни къ низшему, не принадлежавшій. Появлялся онъ въ коридорѣ очень рѣдко, но наблюдательные гимназисты прослѣдили, что старичокъ входитъ не съ параднаго входа, предназначеннаго для учителей и постороннихъ посѣтителей, а въ ту дверь, что вела

съ улицы непосредственно въ квартиру директора. Часто ли онъ являлся, туда или рѣдко, намъ оставалось неизвѣстнымъ. Мы могли лишь наблюдать, какъ отъ времени до времени таинственный старичокъ выходилъ изъ квартиры директора черезъ упомянутую выше дверь въ концѣ корридора и шелъ на другой конецъ корридора, гдѣ помѣщалась пріемная директора. Тамъ онъ „конферировалъ“ съ Константиномъ Андреевичемъ о какихъ-то для насъ вполнѣ таинственныхъ, конечно, предметахъ и вопросахъ и возвращался снова черезъ корридоръ въ квартиру директора, гдѣ онъ, повидимому, былъ болѣе или менѣе свой человѣкъ. Въ однообразной гимназической жизни и появленіе посторонняго лица, тѣмъ болѣе столь таинственнаго, составляетъ своего рода событіе и развлеченіе, и мы долго шушукались о роли и миссіи старичка, пока одинъ изъ воспитанниковъ старшихъ классовъ не разъяснилъ намъ, что этотъ старичокъ—фактотумъ Константина Андреевича. Ему де неудобно брать лично взятки и входить во всякаго рода сдѣлки,—поэтому всѣ такого рода дѣла обдѣлываетъ за него этотъ таинственный старичокъ. Мы приняли этотъ разсказъ на вѣру, и кто изъ насъ былъ наблюдательнымъ и любознательнымъ, тотъ не могъ не замѣтить, что разсказъ этотъ, чѣмъ дальше, казался все правдоподобнѣе. Одни изъ гимназистовъ разсказывали товарищамъ, будто ихъ родители стараются свести знакомство со старичкомъ (имя его и фамилія мнѣ и по сей день неизвѣстны) и ищутъ случая пригласить его къ себѣ; другіе передавали, будто самъ старичокъ дѣлалъ попытки, болѣе или менѣе удачныя, свести знакомство съ ихъ родителями. Мы всѣ съ наслажденіемъ впитывали въ себя всѣ эти разсказы и слухи, и если находились среди насъ Ѳомы невѣрующіе, то ихъ должны были убѣдить такіе случаи, когда при проходѣ старичка по корридору кто-нибудь изъ гимназистовъ кланялся ему и передавалъ удивленнымъ товарищамъ, что старичокъ—знакомый его родителей и недавно былъ у нихъ съ визитомъ. Однажды сынишка одного изъ городскихъ тузовъ, отличавшійся вообще своей смѣлостью и пользовавшійся большими привилегіями въ гимназіи въ ущербъ общей дисциплинѣ и общему равенству передъ лицомъ гимназическаго начальства, развязно подошелъ въ корридорѣ къ старичку, подалъ ему руку и говорилъ съ нимъ нѣсколько минутъ, а потомъ разсказывалъ намъ, что отецъ его этого старичка къ себѣ въ кабинетъ или въ гостиную не пускаетъ, а принимаетъ его въ передней и тамъ уже даетъ старичку, что ему по уговору полагается. Этотъ маленькій барчукъ не только зналъ, что его отецъ пользуется большимъ вліяніемъ своимъ и связями, чтобы способствовать „успѣхамъ“ сына-гимназиста и ежегоднымъ переходамъ его изъ класса въ классъ, но какъ бы бравировалъ

этимъ обстоятельствомъ, разсказывалъ своимъ товарищамъ вполнѣ открыто; и былъ къ тому же настолько развязенъ и смѣлъ со всѣми помощниками классныхъ наставниковъ, съ педелемъ и нѣкоторыми изъ преподавателей, какъ никто другой изъ пятисотъ гимназистовъ; всякій другой, кто позволилъ бы себѣ что-либо подобное, несомнѣнно, дорого поплатился бы за такую дерзость.

Вообще, къ сыновьямъ мѣстныхъ аристократовъ, учившимся въ нашей гимназіи, Константинъ Андреевичъ питалъ особое влеченіе—родъ недуга. Съ давнихъ поръ за городской первой гимназіей, благодаря ли традиціямъ или имѣвшемуся при ней пансіону, упрочилась слава привилегированной и фешенебельной. Всѣ мѣстные аристократы, всѣ городскіе тузы и богачи, какъ и богатѣйшіе окрестные помѣщики считали своимъ священнымъ долгомъ отдавать своихъ дѣтей именно въ первую гимназію. Такъ было до Константина Андреевича, и особенно это упрочилось въ первой гимназіи при немъ. И неудивительно: Константинъ Андреевичъ былъ человѣкомъ отмѣнно деликатныхъ и обходительныхъ формъ, имѣлъ чинъ статскаго совѣтника и былъ представленъ къ генеральскому чину, охотно вращался въ мѣстномъ высшемъ обществѣ, участвовалъ въ различныхъ фешенебельныхъ благотворительныхъ обществахъ, былъ членомъ мѣстнаго аристократическаго „Англійскаго" клуба и даже выбранъ старшиной его. Очевидно, всѣ эти тузы, богачи и аристократы наши весьма ладили съ Константиномъ Андреевичемъ на почвѣ взаимной протекціи и взаимныхъ услугъ; очевидно, ихъ сыновьямъ, будущей „золотой молодежи" нашего города жилось подъ крылышками Константина Андреевича очень недурно, — если съ переходомъ его въ нашу гимназію стали сначала изрѣдка, позже все чаще и чаще, переходить и всѣ эти сынки богатыхъ или вліятельныхъ родителей. Нѣкоторые появились въ различныхъ классахъ уже къ началу того учебнаго года, когда перешелъ къ намъ Константинъ Андреевичъ, и въ средѣ гимназистовъ не осталась незамѣченной и не оцѣненной по достоинству взаимная связь между двумя этими фактами. И характернѣе всего, что всѣ перешедшіе были безъ исключеній лѣнтяями, тупицами и не столько шалунами, сколько шалопаями. Вспоминается, что если кто-либо изъ нашихъ воспитанниковъ почему-либо хотѣлъ перевестись въ другую мѣстную гимназію, это было обставлено непреодолимыми трудностями. Директора отказывали въ переводѣ, говоря, что учиться и быть хорошаго поведенія и прилежанія можно въ любой гимназіи, что перемѣна учительскаго персонала не можетъ исправить плохо успѣвающихъ и т. д. Даже въ гимназію другого города нельзя было перевестись, такъ какъ директоръ и тамъ требовалъ указанія уважительныхъ причинъ и согла-

шался принять лишь тѣхъ, кто имѣлъ уже и у насъ лишь самыя лучшія отмѣтки. Константинъ Андреевичъ былъ въ этомъ отношеніи добрѣе и отзывчивѣе: если кто-либо изъ кандидатовъ въ золотую молодежь плохо успѣвалъ въ первой гимназіи, если у родителей ихъ, несмотря на ихъ богатство и связи, возникали все-таки конфликты съ новымъ директоромъ первой гимназіи, человѣкомъ честнымъ и вполнѣ неподкупнымъ, достаточно было одной конференціи съ Константиномъ Андреевичемъ, и наша гимназія обогащалась еще однимъ воспитанникомъ изъ числа мѣстной родовитой, денежной или служебной аристократіи.

Эта золотая молодежь (я буду такъ называть ее краткости ради) внесла совершенно новый духъ, дотолѣ незнакомыя вѣянія въ нашу „демократическую“ и „плебейскую“ гимназическую среду. Мы всѣ, напримѣръ, приходили въ гимназію пѣшкомъ; только жившіе далеко пріѣзжали въ гимназію по „конкѣ“, а золотая молодежь пріѣзжала въ гимназію въ собственныхъ шикарныхъ каретахъ или на наемныхъ извозчикахъ. Когда мы расходились изъ гзмназіи послѣ уроковъ, у входа ждали всегда пара каретъ и нѣсколько наемныхъ извозчиковъ, за которыми бѣгалъ одинъ изъ сторожей, и мы могли изо дня въ день наблюдать, какъ наши же товарищи нарочно на нашихъ глазахъ разваливались въ каретѣ или на дрожкахъ и кричали кучеру небрежно: „Пошелъ!“ Когда мы расходились изъ гимназіи, педель стоялъ у дверей и слѣдилъ, чтобы никто изъ насъ не носилъ ранца въ рукахъ, и чтобы ранецъ обязательно былъ застегнутъ на оба ремешка. Золотой молодежи разрѣшалось носить ранцы въ рукахъ, такъ какъ имъ всего надо было сдѣлать нѣсколько шаговъ до кареты или дрожекъ; да и вообще не они кланялись педелю, о которомъ еще будетъ рѣчь ниже, а наоборотъ педель подобострастно сгибалъ свою шею передъ ними. Далѣе, мы всѣ носили куртки, мундиры и шинели обыкновеннаго образца и шаблоннаго покроя, а появившаяся отнынѣ среди насъ золотая молодежь одѣвалась весьма изящно и шикарно. Мундиры у нихъ были на шелковой подкладкѣ (отчасти, въ подражаніе извѣстной группѣ студентовъ, на бѣлой атласной подкладкѣ), всегда новенькіе, чистенькіе, что называется, съ иголочки. Брюки они всегда носили узенькія, плотно охватывавшія ноги и нижнія части тѣла,—какъ это принято у кавалеристовъ, и обязательно съ штрипками, проходившими внизу, между подошвами и каблуками. Гимназическія куртки у нихъ были также хорошо и изящно сшитыя, по возможности короче и обязательно безъ полагающихся пуговицъ. Очевидно, этого требовала мода. Мы, всѣ остальные, носили, какъ и раньше, длинныя блузы, съ блестящими бѣлыми пуговицами, простые кушаки и, въ большинствѣ случаевъ,

совсѣмъ плохо сшитые мундиры и брюки, а золотая молодежь любила щеголять чистенькой и модной одеждой, умѣла съ какимъ-то особеннымъ шикомъ носить свою гимназическую форму, и фатовски разстегнутыя куртки или мундиры, едва застегнутые на одну-двѣ пуговицы, давали возможность видѣть изящныя жилетки съ цѣпочками отъ часовъ и кучкой брелоковъ, бѣлые воротнички и даже модные галстучки. Фуражки они носили съ маленькими козырьками и большими полями, а на шинели ужъ обязательно красовался дорогой смушковый воротникъ. И если мы всѣ раздѣвались въ общей шинельной, то нѣкоторые изъ золотой молодежи получили право вѣшать свое верхнее платье на вѣшалкахъ, предназначенныхъ для учителей. Швейцаръ встрѣчалъ ихъ съ поклономъ, самъ снималъ съ нихъ шинели и подавалъ имъ ихъ послѣ окончанія уроковъ. Все это мелочи, но очень характерныя, и печальнѣе всего, что въ силу подражанія многіе изъ нашей среды, раньше и не помышлявшіе о франтовствѣ, стали тянуться за золотой молодежью: нашили себѣ смушковые воротники на шинели, заказали себѣ новые мундиры въ обтяжку и куртки безъ пуговицъ, на крючкахъ, фуражки съ большими полями и т. д. Я не могу сказать, замѣчалъ ли это нашъ директоръ, а если замѣчалъ, то, очевидно, онъ былъ доволенъ. По крайней мѣрѣ мнѣ вспоминается слѣдующій фактъ.

Однажды послѣднимъ урокомъ въ четвертомъ классѣ былъ французскій. Тѣ изъ учениковъ, которые французскаго не учили, ушли. Одинъ изъ послѣднихъ, забывъ что-то въ классѣ, вернулся въ шинели, когда послѣ перемѣны мы, всѣ остальные, уже собрались въ классѣ и стоя выслушивали какое-то распоряженіе вошедшаго Константина Андреевича. Не зная, что директоръ въ классѣ, этотъ гимназистъ Р—ъ вошелъ въ классъ и остался у дверей. Тѣмъ не менѣе, Константинъ Андреевичъ накинулся на него.

— Хмъ... Чего претесь? Хмъ... Не видите, что я здѣсь?.. Не могли подождать, пока я выйду? Хмъ... Какъ вы, однако, одѣты? Что это за шинель? Хмъ. Одни отрепья! Что это такое?.. Нѣтъ у васъ другой шинели, нѣтъ? Если нѣтъ, то и нечего въ гимназію соваться... Гимназія для порядочныхъ людей... А вамъ, если нѣтъ средствъ, мѣсто въ городскомъ училищѣ... Хмъ... Въ городское училище поступайте...

Разъяренный директоръ вышелъ изъ класса. Къ концу учебнаго года Р—ъ вынужденъ былъ оставить гимназію. Въ другую онъ перевестись не могъ и... поступилъ въ аптеку въ качествѣ „ученика“.

Золотая молодежь дѣйствовала на насъ еще и въ другомъ отношеніи растлѣвающимъ образомъ. Мы всѣ, въ среднихъ классахъ, будучи болѣе или менѣе прилежными, были очень скромными юно-

шами. Мы готовили дома уроки, ходили гулять и другъ къ другу въ гости, держались своей среды, бесѣдовали всегда мирно и дружески, были откровенны и искренни, и почти всѣ мы много, очень много читали. Отъ золотой молодежи мы впервые услышали слова, значеніе которыхъ намъ было лишь наполовину знакомо и понятно: „кафе-шантанъ“, „кофейная“ и „билліардъ“. Кафе-шантанъ былъ для насъ строжайше воспрещеннымъ плодомъ, и если этого одного было достаточно, чтобы мы, перейдя въ старшіе классы и нѣсколько высвободившись изъ подъ домашняго надзора, всѣ болѣе или менѣе хотѣли бы ознакомиться съ кафе-шантаномъ,—это было вполнѣ для насъ недоступно. Въ двухъ мѣстныхъ кафе-шантанахъ по вечерамъ дежурили помощники классныхъ наставниковъ, да и сторожа при входѣ, вообще, не впускали воспитанниковъ средне-учебныхъ заведеній. Золотая же наша молодежь имѣла т. наз. „партикулярное платье“: пиджачные костюмы и шляпы. Они переодѣвались и вполнѣ безпрепятственно посѣщали кафе-шантаны, въ то время какъ мы, ихъ товарищи по пятому или шестому классу, еще и мечтать объ этомъ не смѣли. Тогда мы, будучи подростками, завидовали нашимъ привилегированнымъ товарищамъ, завидовали какъ тому, что они имѣютъ костюмы, могутъ ходить въ кафе-шантаны или въ театръ безъ особаго разрѣшенія, которое намъ въ будни не выдавалось, такъ и тому, что имъ все это сходило съ рукъ безнаказанно. Наши помощники классныхъ наставниковъ дѣлали видъ, будто не узнаютъ многихъ въ партикулярномъ платьѣ; если же кто-либо изъ золотой молодежи все же такъ или иначе попадался, нашъ добрѣйшій Константинъ Андреевичъ относился къ такого рода проступкамъ весьма и весьма снисходительно. Другіе за нѣчто подобное вылетѣли бы совсѣмъ изъ гимназіи или отсидѣли бы не меньше шести часовъ, а золотой молодежи Константинъ Андреевичъ назначалъ не больше, какъ часъ или два безъ обѣда, а то и совсѣмъ ограничивался внушеніемъ или же посылалъ сторожа съ письмомъ къ родителямъ провинившихся. Это было равносильно классическому приговору:—бросить щуку въ воду, потому что наша золотая молодежь въ слѣдующіе дни бахвалилась передъ товарищами тѣмъ, что они были въ кафе-шантанѣ или въ ложѣ театра въ будничный день вмѣстѣ съ родителями, даже за кулисами. Оперетка также была знакома имъ, а въ кофейняхъ они были прямо таки своими людьми. Въ насъ всѣ эти разсказы вызывали смѣшанное чувство зависти и досады. Былъ между прочими у насъ въ гимназіи сынъ мѣстнаго предводителя дворянства Я., самый отчаянный шалопай изъ всей золотой молодежи. Онъ любилъ игру на билліардѣ, и его то и дѣло ловили въ одной изъ большихъ кофеенъ, такъ какъ его смѣлость

доходила до того, что онъ даже не считалъ нужнымъ переодѣваться. Когда же его ловили, онъ и его пріятели (представители взрослой золотой молодежи и офицеры изъ аристократическихъ семействъ) дѣлали складчину, чтобы „выкупить“ пойманнаго товарища, то есть предлагали педелю или помощнику классного наставника взятку; а если тотъ отказывался отъ нея, выталкивали его изъ кофейни и даже били его кіями. Но Я. оставался не наказаннымъ: директоръ вызывалъ его къ себѣ въ кабинетъ, читалъ ему тамъ нотацію, иногда оставлялъ его на часъ или два, въ то время какъ всякій другой на мѣстѣ этого Я. вылетѣлъ бы изъ гимназіи въ тотъ же день. И что хуже всего, въ виду полнаго владычества Константина Андреевича на педагогическихъ совѣтахъ, Я. имѣлъ по поведенію на меньше пяти.

Относясь подобнымъ образомъ къ шалопайству и различнымъ проявленіямъ его, Константинъ Андреевичъ былъ безпощадно строгъ ко всѣмъ тѣмъ, кто отличался „вольнодумствомъ“ и „вольтеріанствомъ“, и тѣхъ, кого онъ подозрѣвалъ въ „либерализмѣ“ и недовольствѣ гимназическими порядками, онъ преслѣдовалъ и допекалъ, сколько могъ и какъ могъ. А такихъ „вольнодумцевъ“ и „либераловъ“ онъ умѣлъ угадывать какимъ то особымъ чутьемъ, какъ мы всѣ подъ его режимомъ ни были „благонравны“ и „благонамѣрены“. Если, напримѣръ, кто-либо изъ его любимцевъ-дворянчиковъ (такъ окрестили мы своихъ товарищей, пользовавшихся особыми симпатіями директора) не зналъ урока и не могъ отвѣтить, Константинъ Андреевичъ путемъ вопросовъ старался выжать изъ нихъ одинъ-два сколько нибудь удовлетворительныхъ отвѣта и обращался къ нимъ съ такими усовѣщеваніями:

— Хмъ... Вотъ вы сынъ такихъ почтенныхъ родителей... Хмъ... Вашъ отецъ такъ много трудился, а вы не хотите прилежаніемъ вознаградить его за труды его... Или же:

— Хмъ... Вашъ отецъ такой выдающійся человѣкъ, такой видный дѣятель. Хмъ... Вы должны были бы въ отца пойти, съ вашего отца примѣръ брать. Хмъ... А вы вотъ учиться не хотите...

Если же урока не зналъ кто - либо изъ „либераловъ“, Константинъ Андреевичъ говорилъ съ нимъ совсѣмъ другимъ языкомъ, болѣе ворчливо и въ повышенномъ тонѣ:

— Хмъ... Конечно, зачѣмъ заниматься, когда можно на кушеткѣ лежать и „Вѣстникъ Европы“ читать...

Въ другой разъ онъ нападалъ на оторопѣвшаго ученика, не смѣвшаго слова сказать въ свое оправданіе:

— Хмъ... Ну, скажите, что вы вчера дѣлали? „Вѣстникъ Европы“ читали? Да, читали? Хмъ... Ну, скажите прямо: читали? Ну, должны

были подняться съ мѣста и заявить, что уроковъ не приготовили, такъ какъ вчера „Вѣстникъ Европы“ читали... Отчего же вы этого передъ урокомъ не сказали?

Ближайшимъ слѣдствіемъ гнѣва Константина Андреевича бывала двойка въ журналѣ, иногда сопровождавшаяся угрозой:

— Я васъ отучу „Вѣстникъ Европы“ читать!

Само собою разумѣется, мы сильно заинтересовались ненавистнымъ директору „Вѣстникомъ Европы“. Его гоненія и насмѣшекъ было достаточно, чтобы побудить всѣхъ тѣхъ изъ насъ, кто много и сколько нибудь съ разборомъ читалъ, читать отнынѣ „Вѣстникъ Европы“ съ особымъ рвеніемъ. Я вспоминаю, что почти никто изъ насъ (мы были тогда въ пятомъ или шестомъ классѣ) не имѣлъ возможности слѣдить за книжками толстыхъ журналовъ; но въ мѣстной библіотекѣ, гдѣ кое-кто изъ гимназистовъ бралъ книги для себя или обмѣнивалъ для родителей, вмѣсто переплетенныхъ романовъ Тургенева, выдавали старыя книжки „Вѣстника Европы“, и эти томы журнала поглощались нами отъ доски до доски, хотя мы и понимали лишь наполовину то, что тамъ печаталось. Я лично принадлежалъ къ числу наиболѣе страстныхъ любителей чтенія, и часто бесѣдуя съ товарищами о прочтеныхъ книгахъ, могу засвидѣтельствовать, что большинство изъ насъ интересовалось Жюль Верномъ, Куперомъ и Майнъ-Ридомъ только до третьяго, максимумъ до четвертаго класса. Въ среднихъ классахъ мы всѣ читали Достоевскаго и Тургенева, очень любили романы Михайлова, упивались нѣкоторыми произведеніями Шпильгагена; изъ поэтовъ читали и перечитывали Некрасова, Никитина и Надсона, изъ публицистовъ увлекались Добролюбовымъ и Писаревымъ. Жалкая гимназическая библіотека для воспитанниковъ, съ ея кучей ненужнаго и неинтереснаго хлама никого изъ насъ не удовлетворяла, и многіе изъ насъ брали книги въ частныхъ библіотекахъ. Я бралъ книги въ частной библіотекѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, ни разу не вызвавъ замѣчанія со стороны нашего гимназическаго начальства. Но вотъ воцарился у насъ Константинъ Андреевичъ, и его книгобоязнь передалась нѣкоторымъ преподавателямъ, считавшимъ своимъ долгомъ брать примѣръ со своего главы и начальника. Петръ Ивановичъ Коляго, нашъ совсѣмъ еще молодой учитель математики, замѣтилъ какъ то меня одинъ и другой разъ съ книгами въ рукахъ возлѣ той частной библіотеки, гдѣ я ихъ мѣнялъ. Онъ прекрасно зналъ это и раньше, даже какъ то заговаривалъ со мной объ этомъ, когда я мѣнялъ книги у него (онъ былъ въ гимназіи библіотекаремъ), но теперь счелъ нужнымъ доложить объ этомъ директору. Константинъ Андреевичъ немедленно послалъ сторожа за моимъ отцомъ.

— Ну, я васъ спрашиваю, накинулся онъ на отца, — что вы должны давать сыну раньше всего: мясо или мороженое?

Отецъ согласился, что мясо, какъ питательное вещество, стоитъ, конечно, выше мороженаго.

— Хмъ... Ну, а вы даете вашему сыну мороженное, продолжалъ кричать Константинъ Андреевичъ. Вмѣсто того, чтобы заниматься, онъ у васъ книжки читаетъ... Я, я самъ у него въ классѣ греческій преподаю, стараюсь воспитать и обучить ихъ, этихъ неучей и лѣнтяевъ, а онъ у васъ романы читаетъ...

Въ результатѣ я получилъ въ ближайшихъ четвертныхъ отмѣткахъ тройку по поведенію вмѣсто обычной пятерки, и если бы Константинъ Андреевичъ хотѣлъ, онъ могъ бы меня и совсѣмъ исключить изъ гимназіи. Педагогическій совѣтъ согласился бы съ его таковымъ мнѣніемъ, какъ соглашался во всемъ съ нимъ безпрекословно,—а какой либо аппелляціи у насъ въ гимназіяхъ въ такихъ случаяхъ не полагалось. Вотъ именно эта полная власть гимназическаго начальства надъ судьбою ввѣренныхъ ему родителями дѣтей и заставляла въ мое время почти всѣхъ родителей не только внушать дѣтямъ-гимназистамъ трепетъ передъ суровымъ начальствомъ, но и трепетать передъ директоромъ или инспекторомъ изъ опасенія, какъ бы ихъ дѣти изъ за какого либо пустяка не были совершенно уволены изъ гимназіи. И какъ же мы подчасъ завидовали тѣмъ нашимъ товарищамъ, родители которыхъ по своему общественному положенію оказывались въ состояніи такъ или иначе влiять на нашего деспотическаго директора... Разскажу одинъ изъ многихъ примѣровъ того, каковы были слѣдствія подобнаго вліянія и давленія.

Въ одномъ классѣ со мною былъ нѣкій Б. Сынъ лица, занимавшаго у насъ въ городѣ видный административный постъ, онъ былъ сначала въ первой гимназіи, но въ одинъ прекрасный день явился въ нашъ классъ и занялъ мѣсто рядомъ съ нами. Не только по прилежанію, но и по способностямъ онъ былъ самымъ послѣднимъ въ нашей средѣ. Дѣленіе учениковъ на перваго, второго, третьяго и такъ далѣе сохранялось у насъ въ гимназіи за все время моего пребыванія въ ней, и только въ нашемъ классѣ (у насъ въ пятомъ, а потомъ въ шестомъ класснымъ наставникомъ былъ Константинъ Андреевичъ) этомъ обычай былъ отмѣненъ. Мы догадывались о причинахъ: директоръ не хотѣлъ, чтобы его любимцы красовались офиціально всѣ до единаго въ послѣднихъ рядахъ,—и привыкнувъ раньше, чтобы дежурными назначались первые двѣнадцать учениковъ, мы возмущались тѣмъ, что директоръ назначалъ теперь дежурныхъ безъ всякой системы и отличалъ этой почестью также и

своихъ любимцевъ, хотя они и учились хуже всѣхъ. Итакъ, дѣленія учениковъ по степени успѣховъ ихъ въ наукахъ не было, и никто бы не могъ сказать Б., что онъ послѣдній ученикъ, хотя онъ и получалъ круглыя двойки. За двѣ недѣли до конца какой нибудь четверти директоръ и вслѣдъ за нимъ нѣкоторые другіе преподаватели принимались за Б. Его вызывали къ доскѣ почти ежедневно, заставляя его этимъ путемъ хоть немного готовиться, и задавали ему вопросъ за вопросомъ въ надеждѣ получить возможность поставить ему тройку. Въ особенности умѣлъ директоръ задавать ему наводящіе на отвѣтъ вопросы, и если Б. былъ настолько тупъ, что не замѣчалъ, что въ вопросѣ директора таился уже готовый отвѣтъ, то Константинъ Андреевичъ выводилъ ему все же два съ плюсомъ, потомъ три съ минусомъ и въ четверти—тройку. Къ концу учебнаго года, передъ экзаменами, онъ принимался за Б. особенно усердно, и если полдюжины учениковъ, гораздо болѣе развитыхъ и понятливыхъ, нежели Б., но нерадивыхъ и плохо учившихся, къ экзамену не допускались, то Б. изъ года въ годъ къ экзаменамъ допускался безъ затрудненій. Что онъ писалъ въ письменныхъ отвѣтахъ, мы не знали; что онъ отвѣчалъ на устныхъ экзаменахъ, также оставалось для насъ тайной, потому что онъ на устные экзамены не являлся „по болѣзни“ и позже экзаменовался отдѣльно, съ глазу на глазъ съ экзаменаторами. Въ концѣ концовъ Б. аккуратно изъ года въ годъ переходилъ въ старшій классъ, хотя знанія его были даже болѣе, чѣмъ мизерны. Мы же всѣ злились, кипятились, возмущались и оставались при нашей злобѣ. Б. пользовался еще и такими привилегіями: въ теченіе года онъ чрезвычайно часто не являлся въ классъ „по болѣзни“, и директоръ никогда не требовалъ у него въ такихъ случаяхъ письма отъ родителей. Боленъ онъ, конечно, не былъ, потому что мы встрѣчали его въ театрѣ или на бульварѣ.

Вслѣдъ за любимцами-дворянчиками слѣдовали другіе привилегированные, но уже, такъ сказать, второго разряда. Это были ученики, участвовавшіе въ церковномъ хорѣ. Что Константинъ Андреевичъ былъ „консерваторомъ“, нечего особо и отмѣчать. Къ тому же онъ былъ человѣкомъ очень набожнымъ. На общихъ молебнахъ, устраивавшихся передъ началомъ учебнаго года или по какому-либо особому поводу, Константинъ Андреевичъ становился впереди всѣхъ гимназистовъ и преподавателей, такъ, чтобы его видѣли всѣ, и горячо молился, весьма часто осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ. По его инициативѣ наша маленькая домовая церковь была достроена, затѣмъ расширена и весьма изящно отдѣлана и богато убрана. Средства были созданы Константиномъ Андреевичемъ очень просто:

онъ пригласилъ кое-кого изъ родителей своихъ воспитанниковъ и просилъ ихъ объѣхать всѣхъ родителей съ просьбой что-либо пожертвовать на достройку и украшеніе церкви. Родители въ ту пору считали себя польщенными хотя бы такимъ единичнымъ проявленіемъ вниманія къ нимъ со стороны гимназіи и дѣятельно вносили свои пожертвованія, расписываясь на особыхъ для этой цѣли заведенныхъ листахъ. Когда же церковь была закончена, сформированъ былъ большой хоръ. Сначала гимназисты неохотно шли въ хоръ, такъ какъ спѣвки отнимали очень много свободнаго времени; но позже было замѣчено первыми добровольцами, что Константинъ Андреевичъ относится любезно къ поющимъ въ хорѣ, и охотниковъ нашлось уже много. Богослуженія бывали въ субботу вечеромъ, наканунѣ праздниковъ, въ воскресные и праздничные дни. Всѣ гимназисты-христіане обязаны были приходить на богослуженія, и кто пропускалъ ихъ, подвергался наказанію. Одни только „дворянчики“ имѣли право безнаказанно не являться на богослуженія: всѣ они предпочитали, конечно, посѣщеніе кофеенъ и игру на билліардѣ. Самъ Константинъ Андреевичъ приходилъ на каждое богослуженіе, становился впереди молящихся и истово, усердно молился. Послѣ молитвы онъ бывалъ всегда въ благодушномъ настроеніи, бесѣдовалъ очень любезно съ поющими въ хорѣ и оказывалъ имъ различные мелкіе знаки вниманія и благоволенія. Когда же въ день производства Константина Андреевича въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и въ ближайшій день именинъ его, хоръ встрѣтилъ раннимъ утромъ директора соотвѣтствующими пѣснопѣніями, Константинъ Андреевичъ былъ очень обрадованъ, подарилъ каждому участвующему въ хорѣ свой портретъ, снялся съ хоромъ въ одной общей группѣ и позже всегда оказывалъ членамъ его тѣ или другіе знаки своего начальническаго благоволенія... Къ регенту хора, изъ числа помощниковъ классныхъ наставниковъ, директоръ также благоволилъ болѣе, чѣмъ къ кому-либо изъ другихъ помощниковъ...

Въ теченіе 1887 и 1888 гг. составъ преподавателей у насъ кореннымъ образомъ перемѣнился: одни, выслуживъ свои сроки, вышли въ отставку, другіе, достигнувъ весьма почтеннаго возраста, умерли, и на мѣсто тѣхъ и другихъ назначены были новые учителя, все люди въ расцвѣтѣ лѣтъ и силъ. Такимъ образомъ, мы въ этомъ отношеніи имѣли два различныхъ періода, и я не думаю, чтобы можно было приписать одной лишь случайности то обстоятельство, что каждый изъ обоихъ составовъ преподавателей имѣлъ нѣкоторыя присущія имъ всѣмъ черты, налагавшія даже особый отпечатокъ на весь составъ. И если бы я хотѣлъ однимъ словомъ охарактеризовать тотъ и другой составъ нашихъ преподавателей, я для

перваго по времени не нашелъ бы болѣе подходящаго наименованія, какъ „старики“, а для второй группы самой лучшей и всеобъемлющей кличкой должно служить слово:—„формалисты“. Начнемъ со стариковъ.

Періодъ стариковъ продолжался у насъ, въ мою бытность въ гимназіи, еще три года, но я тогда былъ воспитанникомъ самыхъ младшихъ классовъ, и вслѣдствіе этого въ непосредственное соприкосновеніе со многими изъ „стариковъ“, преподававшихъ только въ старшихъ классахъ, не входилъ. Объ учителѣ греческаго языка Нищенскомъ я могу только разсказать со словъ учениковъ старшихъ классовъ, что всѣ они его весьма любили и уважали. Онъ относился къ нимъ мягко, добродушно и сердечно, не былъ ни требователенъ, ни строгъ. И дѣйствительно, когда я встрѣчалъ его маленькую, тщедушную фигурку въ корридорѣ, я не могъ не замѣтить, что въ его старческихъ глазахъ свѣтится какой-то особый огонекъ безконечной доброты, и наслышавшись разсказовъ объ его прекрасномъ отношеніи къ воспитанникамъ, и мы, малыши, какъ то старательно и искренно отвѣшивали ему наши поклоны. Надо къ тому же замѣтить, что Нищенскій въ нашихъ глазахъ окруженъ былъ весьма свѣтлымъ ореоломъ, и мы его ставили значительно выше всѣхъ другихъ преподавателей, выше всѣхъ обыденныхъ смертныхъ: мы всѣ, вѣдь, знали, что это тотъ самый Нищенскій, который написалъ знаменитыя и очень въ нашемъ городѣ популярныя „Вечерныци“. Малороссовъ вообще у насъ въ городѣ любили, и пріѣзды извѣстной малороссійской труппы къ намъ на гастроли сопровождались неизмѣнными тріумфами въ честь артистовъ и полными сборами. Сильно увлекались игрой малоросовъ почти всѣ гимназисты, для которыхъ серьезная драма была еще недоступна, и каждый изъ насъ зналъ „Назара Стодолю“ чуть ли не наизусть. Во второмъ актѣ этой пьесы изображаются „Вечерныци“, и музыка этой вставлявшейся оживленной сцены (хоровое пѣніе и танцы) написана была нашимъ преподавателемъ греческаго языка Нищенскимъ. Это обстоятельство и побуждало насъ еще пуще интересоваться „Назаромъ Стодолей“ и, съ другой стороны, окружать имя и образъ Нищенскаго ореоломъ величія и вдохновенія. Когда онъ вышелъ въ отставку, изъ нашей среды какъ будто былъ вырванъ поэтическій образъ, и я увѣренъ, что какъ тогда ученики старшихъ классовъ жалѣли объ уходѣ Нищенскаго, такъ и до сихъ поръ у всѣхъ моихъ бывшихъ товарищей сохранилось самое милое и пріятное воспоминаніе о покойномъ преподавателѣ, посвящавшемъ свои досуги музыкальному творчеству.

Еще раньше Нищенскаго ушелъ въ отставку преподаватель ма-

тематики, фамилію котораго я не запомнилъ. Въ противоположность первому, онъ былъ человѣкомъ высокаго роста и крупнаго тѣлосложенія. Когда онъ сидѣлъ на каѳедрѣ, она, казалось, вотъ—вотъ развалится подъ тяжестью его грузнаго тѣла. Послѣднее же носило въ себѣ мягкое сердце и добрую душу. Онъ не пользовался такими симпатіями, какія питали гимназисты къ Нищенскому, но онъ и не умѣлъ ихъ снискать себѣ. Ученики считали его не только добродушнымъ, какимъ онъ и былъ, но и весьма недогадливымъ, вслѣдствіе чего не только мало боялись, его но и позволяли себѣ по отношенію къ нему непослушаніе и своего рода дерзости. По добротѣ ли своей или по лѣности, бывшей также его характерной чертой, онъ не былъ строгъ къ шалунамъ, не ставилъ единицъ по поведенію, какъ и вообще не былъ особенно требователенъ при оцѣнкѣ отмѣтками познаній своихъ учениковъ, и ни разу, сколько помнится, не донесъ о проступкахъ нашихъ (онъ у насъ около четверти года преподавалъ ариѳметику, когда мы были въ первомъ классѣ) классному наставнику. Но шалуны изъ нашей среды приписывали это одной лишь недогадливости и душевной простотѣ нашего учителя ариѳметики и положительно злоупотребляли добротой и лѣнивой неподвижностью его, будучи увѣренными, что имъ все сойдетъ съ рукъ: и пусканіе шариковъ во время урока, и подсказываніе, и игра въ перья или въ пуговицы, и письменныя упражненія въ „крестики“ или тому подобныя игры, и возня подъ партами, и кулачная свалка или игра въ „масло“ на заднихъ скамьяхъ и мн. др., на что способны были дѣтская фантазія и дѣтская рѣзвость.

Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ мы подростали и развивались, измѣнился и характеръ нашихъ шалостей и проступковъ, и среди насъ бывали такіе смѣльчаки, которые умудрялись на урокахъ играть въ шахматы, шашки или въ карты. Но такъ или иначе, за все время моего пребыванія въ гимназіи я не припомню, чтобы мы когда-либо позволяли себѣ такія шалости и такіе дерзкіе проступки, какъ на урокахъ нашего покойнаго „француза“ Клавдія Яковлевича Ліоте. Онъ былъ урожденнымъ французомъ, что явствовало уже изъ его изящной фигурки, изъ его старательно подстриженной сѣдоватой бородки à la Наполеонъ III и изъ его произношенія. Какимъ образомъ онъ попалъ въ Россію и сдѣлался здѣсь гимназическимъ преподавателемъ французскаго языка,—мнѣ неизвѣстно. Мы знали лишь о немъ, что онъ изъ года въ годъ на лѣтнія каникулы уѣзжаетъ къ себѣ на родину, въ небольшой французскій городокъ. Однажды онъ снова поѣхалъ туда и уже не вернулся, скончавшись неожиданно у себя на родинѣ, Онъ былъ уже не молодъ, и какъ онъ ни прихорашивался, внимательно слѣдя за своей внѣшностью и

изящно одѣваясь, время и годы налагали на него печать. Онъ былъ слабъ физически, тяжело дышалъ, плохо видѣлъ и былъ тугъ, кажется, на оба уха. Мальчуганы, въ особенности въ товарищеской средѣ, жестокій народъ, и изъ болѣзненныхъ недостатковъ Клавдія Яковлевича мы принимали во вниманіе лишь послѣдніе два—близорукость и глухоту, принимали во вниманіе, конечно, лишь въ томъ смыслѣ, чтобы надоѣдать Клавдію Яковлевичу, мучить и донимать его нашими шалостями. И въ самомъ дѣлѣ, чего мы только ни продѣлывали на урокахъ Клавдія Яковлевича! Шарики и стрѣлы летѣли по классу по всѣмъ направленіямъ, ударяясь о стѣны, о стекла, о доску и даже о каѳедру. Такъ какъ не учившіе французскаго уходили на время урока изъ класса и бывало много свободныхъ мѣстъ, мы много разъ во время урока, что называется, подъ самымъ носомъ у Клавдія Яковлевича мѣняли мѣста. Одинъ снималъ ботинки и потрясалъ ими въ воздухѣ надъ головами товарищей; другой игралъ часами; третій лѣзъ съ головой подъ парту и тамъ щипалъ товарищей за ноги, вслѣдствіе чего они визжали и мстили первому тѣмъ, что вцѣплялись ему въ волосы; четвертый издавалъ какой-то глухой звукъ или подражалъ кукушкѣ, пятый раскладывалъ изъ принесенныхъ изъ дома картъ пасьянсъ. Клавдій Яковлевичъ всего этого не замѣчалъ: онъ вызывалъ кого-либо къ доскѣ и, внимательно углубившись въ книгу или тетрадку, задавалъ вопросы вызванному или объяснялъ ему то, чего тотъ не понималъ. Время отъ времени Клавдій Яковлевичъ подымалъ голову, и если какъ разъ въ этотъ моментъ стрѣла пролетала мимо него и шлепалась о каѳедру, или кто-то махалъ своимъ башмакомъ, или кто-нибудь издавалъ глухой звукъ, Клавдій Яковлевичъ начиналъ кричать:

— Да что же это такое, чертъ побери!

Или же онъ срывался съ мѣста и летѣлъ, весь побагровѣвъ, къ виновнику, толчкомъ заставлялъ его подняться съ мѣста и кричалъ:

— Да что же это такое, чертъ побери!

Пойманный на мѣстѣ преступленія шалунъ въ большинствѣ случаевъ оправдывался и завѣрялъ Клавдія Яковлевича въ томъ, что онъ будто бы ошибся. Но Клавдій Яковлевичъ этому не вѣрилъ и требовалъ, чтобы пойманный въ такомъ случаѣ назвалъ истиннаго виновника. Принципъ „не выдавать“ строго соблюдался въ нашей товарищеской средѣ, да и не было возможности выдавать, разъ Клавдій Яковлевичъ нашелъ и угадалъ дѣйствительнаго виновника. Нѣсколько разъ онъ, вспыливъ и вскочивъ съ каѳедры, набрасывался на того, кто въ приписываемомъ ему Клавдіемъ Яковлевичемъ преступленіи дѣйствительно былъ неповиненъ, и мы въ этихъ случаяхъ кричали цѣлымъ классомъ:

— Это не онъ! Это не онъ!

Но Клавдій Яковлевичъ намъ не вѣрилъ, и несправедливо обвиненный, какъ и дѣйствительно застигнутые имъ, получали единицу по поведенію. Затѣмъ Клавдій Яковлевичъ быстро успокаивался, усаживался на каѳедру, продолжалъ занятія и настолько углублялся въ свое дѣло, что не замѣчалъ содома, творившагося въ классѣ съ новой силой. Кто не любилъ шалить или былъ изъ трусливыхъ, тотъ могъ на урокахъ Клавдія Яковлевича вполнѣ свободно заниматься какимъ угодно дѣломъ. Одни приносили изъ дома книги и читали ихъ на его урокахъ, даже не подъ партой, какъ это дѣлалось на другихъ урокахъ, а положивъ книгу тамъ, гдѣ надлежало держать учебникъ. Другіе готовились къ ближайшему уроку (тотъ урокъ, который слѣдовалъ за французскимъ, никогда не выучивался дома, потому что былъ, вѣдь, въ распоряженіи полный часъ французскаго языка) или, если урокъ французскаго былъ послѣднимъ, готовились къ слѣдующему дню, для чего даже приносились спеціально учебники, хотя бы въ тотъ день и ненужные. Третьи списывали задачи или другія письменныя работы. Нѣкоторые рисовали излюбленныхъ „чертиковъ", и одинъ товарищъ рисовалъ свои превосходныя каррикатуры на учителей и товарищей. Пишущій эти строки, наконецъ, сочинялъ на урокахъ французскаго языка стихи и разсказы (дома эта манія преслѣдовалась, какъ безполезная), и одинъ изъ этихъ разсказовъ, написанныхъ и многократно переписанныхъ на урокахъ французскаго языка, былъ даже вскорѣ напечатанъ въ мѣстномъ „Листкѣ". Словомъ, каждый дѣлалъ, что ему угодно, и если нѣкоторые шалуны, не изучавшіе французскаго языка, оставались охотно въ классѣ на этотъ часъ, такъ какъ знали, что можно будетъ хорошенько пошалить (шалости безъ риска быть пойманнымъ и получить единицу не имѣли той цѣны и той прелести), то нѣкоторые другіе оставались въ классѣ, а не шли въ шумный „общій" классъ, чтобы подготовиться къ слѣдующимъ урокамъ. Иногда Клавдій Яковлевичъ открывалъ этихъ постороннихъ, не учившихся французскому, и съ обычнымъ окрикомъ выгонялъ ихъ изъ класса. Въ общемъ онъ не зналъ, кто учится французскому, кто нѣтъ. Иногда онъ вызывалъ того, кто не учится, и мы всѣмъ классомъ отвѣчали:

— Не учится, Клавдій Яковлевичъ!

Надо замѣтить, что Клавдій Яковлевичъ вызывалъ, строго придерживаясь алфавита. По этой причинѣ всѣ у него учились хорошо или удовлетворительно. Каждый зналъ, когда его очередь, и готовился къ этому дню, не раскрывая въ другіе дни и недѣли французскаго учебника. Клавдій Яковлевичъ объ этомъ не догадывался и никогда не задавалъ вопросовъ изъ пройденнаго. Тѣ, чья очередь наступала,

готовились и сидѣли, внимательно слушая, чтобы знать, съ чего придется начать, когда Клавдій Яковлевичъ вызоветъ ихъ. А всѣ остальные нисколько ходомъ урока или объясненіями Клавдія Яколевича не интересовались, тѣмъ болѣе, что онъ никого не заставлялъ повторить сказанное имъ и не обращался ни къ кому съ внезапнымъ вопросомъ. Позже кто-то изъ насъ догадался, что если Клавдій Яковлевичъ вызываетъ по алфавиту, не дѣлаетъ никогда переклички и не знаетъ, кто учится и кто не учится французскому,—можно вѣдь уходить вообще изъ класса. Сначала дѣлали это только смѣльчаки, потомъ это стало общимъ правиломъ. Когда урокъ французскаго языка былъ послѣднимъ, добрая половина изъ тѣхъ, кто учился французскому, уходила изъ класса и вообще изъ гимназіи. Одни шли домой, создавая себѣ такимъ путемъ лишній часъ; другіе, чьи родители строже слѣдили за выполненіемъ ихъ дѣтьми гимназическихъ обязанностей, отправлялись въ паркъ погулять. Оставались въ классѣ лишь робкіе и тѣ, кого Клавдій Яковлевичъ, вызывая по алфавиту, могъ въ этотъ день вызвать. Но въ одинъ прекрасный день этой продѣлкѣ положенъ былъ конецъ, и именно директоромъ, бывшимъ одновременно нашимъ класснымъ наставникомъ. Онъ вошелъ въ классъ во время французскаго языка, чтобы сдѣлать какое-то распоряженіе, и очень удивился, увидя чуть ли не пустой классъ Сдѣлана была перекличка, и имена самовольно ушедшихъ записаны. Моя фамилія была въ числѣ ихъ.

На слѣдующій день намъ товарищи, конечно, разсказали, что сдѣлана была перекличка и что намъ всѣмъ „нагоритъ". Какъ на бѣду, первый урокъ былъ греческій. Константинъ Андреевичъ явился въ классъ и приступилъ къ обычнымъ занятіямъ. Прошло полчаса, и мы уже думали, что гроза насъ миновала. Какъ вдругъ Константинъ Андреевичъ сталъ называть наши фамиліи, одну за другой, и спрашивать п причинѣ вчерашняго пропуска. Гимназисты оправдывались, чѣмъ могли: болѣзнью, тошнотой, опозданіемъ и нерѣшимостью войти въ классъ. Директоръ велѣлъ намъ сѣсть и только лишь ограничился одной угрозой общаго характера. Послѣ первой же перемѣны онъ уже влетѣлъ въ нашъ классъ разъяренный.

— Вонъ! кричалъ онъ не своимъ голосомъ.—Вонъ!

Мы всѣ стояли и не двигались съ мѣста. Тогда Константинъ Андреевичъ сталъ называть фамилію каждаго провинившагося и прибавлять къ ней грозный окрикъ: „Вонъ"! Названный покорно складывалъ вещи свои въ ранецъ и выходилъ изъ класса. Въ шинельной насъ набралось человѣкъ двѣнадцать. Мы стояли и обсуждали, что намъ дѣлать. Директоръ замѣтилъ, что мы въ шинельной стоимъ въ большой нерѣшительности, и крикнулъ:

— „Безъ родителей не являться!“

Черезъ часъ многіе изъ насъ уже пришли или пріѣхали съ родителями. Резолюція была вынесена намъ однообразная: на пять часовъ „безъ обѣда“. Съ того дня самовольные пропуски уроковъ французскаго языка прекратились; опасеніе, что ежеминутно можетъ войти директоръ для внезапной повѣрки, заставляло насъ гораздо меньше злоупотреблять добротой Клавдія Яковлевича. Этотъ новый періодъ длился что то мѣсяца три, до ближайшихъ лѣтнихъ каникулъ, во время которыхъ нашъ добрѣйшій преподаватель, самъ сильно огорченный описаннымъ случаемъ, умеръ въ Франціи. На панихиду въ мѣстномъ католическомъ соборѣ явились всего лишь два гимназиста. Изъ преподавателей же не явился ни одинъ.

Нашъ преподаватель нѣмецкаго языка умеръ, кажется, года на полтора раньше Клавдія Яковлевича; онъ преподавалъ въ нашемъ классѣ настолько недолго, что особенно правильнаго и особенно яркаго представленія я не могъ себѣ о немъ составить. Вспоминаю лишь, что это былъ человѣкъ большихъ внѣшнихъ размѣровъ съ типичной нѣмецкой физіономіей. Онъ былъ добръ, не требователенъ, довольствовался скромными познаніями воспитанниковъ и, какъ человѣкъ, производилъ впечатлѣніе недалекаго, глуповатаго нѣмца, какимъ намъ рисуютъ его ходячіе анекдоты. Онъ долго болѣлъ, а мы (вѣдь мы были еще совсѣмъ дѣти) радовались, потому что долго не было уроковъ нѣмецкаго языка. Когда онъ умеръ, намъ велѣли нарядиться въ мундирчики, и мы въ два ряда шли передъ катафалкомъ его до самаго кладбища.

Изъ числа стариковъ у насъ въ гимназіи, къ началу второго періода „эры формалистовъ“, остались только двое преподавателей, не знаю, потому ли, что они были оба далеко не стариками, или по тому, что тѣмъ лицамъ, кто призванъ былъ въ нашемъ округѣ провести разработаную и рѣшенную въ Петербургѣ реформу гимназическаго преподавательскаго персонала, они оба казались вполнѣ подходящими людьми для новыхъ порядковъ, вводимыхъ въ нашихъ гимназіяхъ въ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ. Одинъ изъ нихъ, преподаватель латинскаго и греческаго языковъ, Дмитріулъ имѣлъ, дѣйствительно, нѣкоторыя данныя, заставлявшія надѣяться, что онъ превосходно приспособится къ новому режиму. Другой же, преподаватель русскаго языка и словесности, Василій Макаровичъ Домбровскій этихъ надеждъ начальства не оправдалъ и, составляя въ средѣ другихъ нашихъ преподавателей второго періода какой то живой анахронизмъ, являлся самой живой и симпатичной фигурой среди нихъ. Имя Домбровскаго къ тому же, какъ и имя Нищенскаго, было окружено въ нашихъ глазахъ нѣкоторымъ ореоломъ, и это

обстоятельство способствовало усиленію нашихъ симпатій и нашей любви къ нему. Наша однообразная жизнь въ стѣнахъ гимназіи до того давила насъ, что какъ мы мало ни разбирались тогда во всемъ, происходившемъ вокругъ насъ, все, что хоть сколько нибудь и хоть чѣмъ нибудь выдѣлялось изъ окружающаго, всепоглощающаго шаблона, сильно интересовало насъ и пользовалось нашими симпатіями. Мы знали, что Василій Макаровичъ считается въ мѣстныхъ педагогическимъ сферахъ человѣкомъ даровитымъ и знающимъ, и мы слышали, будто онъ оставленъ при университетѣ и готовится къ званію профессора. Почему онъ, однако, остается только лишь скромныхъ гимназическимъ преподавателемъ, никто точно объяснить себѣ и товарищамъ не могъ. Однажды я вычиталъ въ газетѣ краткое сообщеніе о томъ, что Василію Макаровичу назначено пособіе для подготовки къ профессорской дѣятельности. Это подтверждало циркулировавшіе раньше въ нашей средѣ слухи, и я не замедлилъ разсказать объ этомъ товарищамъ. Однако, годы проходили за годами, а Василій Макаровичъ все еще продолжалъ преподавать намъ премудрости русской грамматики и объяснять значеніе и смыслъ памятниковъ русской письменности. Какова была причина? Точно мы этого не знали и склонны были объяснить это страстью Василія Макаровича къ водкѣ. Онъ пилъ, пилъ, какъ говорили, подчасъ запоемъ, и если въ гимназію онъ ни разу не явился пьянымъ, то слѣды безсонныхъ ночей, проведенныхъ гдѣ нибудь въ трактирѣ, можно было всегда легко прочитать на его симпатичномъ лицѣ. Мнѣ кажется, что Василій Макаровичъ представлялъ изъ себя тотъ хорошо знакомый намъ типъ русскаго даровитаго неудачника, котораго Господь одарилъ знаніями и талантами, но котораго преслѣдуетъ одна житейская неудача за другой, котораго всасываютъ житейская проза и пошлость, и который начинаетъ съ отчаянія и горя искать утѣшенія въ винѣ. А впрочемъ, можетъ быть, какъ разъ наоборотъ, именно запой, эта губительнѣйшая специфически-русская болѣзнь, препятствовалъ Василію Макаровичу сдѣлать карьеру и воспользоваться назначенной ему субсидіей, чтобы подготовиться къ болѣе широкой и ему, несомнѣнно, болѣе симпатичной профессорской дѣятельности. Фактъ тотъ, что каждое двадцатое число въ передней выростала фигура трактирнаго полового, и мы всѣ знали, что онъ ждетъ момента полученія Василіемъ Макаровичемъ его жалованья, чтобы взыскать съ него за выпитое и съѣденное въ трактирѣ въ долгъ.

Другой чертой характера Василія Макаровича, несомнѣнно вредившей его ученой карьерѣ, была безалаберность; и если онъ преподавалъ какъ то безалаберно, безъ опредѣленнаго плана, безъ вы-

держки и энергіи, безъ настойчивости, то и въ жизни онъ былъ ужъ навѣрно такимъ же человѣкомъ, не умѣющимъ распредѣлять свое время и примѣнять въ мѣру свои силы и познанія. Онъ часто опаздывалъ на уроки, если его урокъ былъ первымъ; онъ отмѣнялъ приказаніе, данное имъ только что или наканунѣ; онъ часто внезапно мѣнялъ намѣченный имъ планъ нашихъ занятій, гораздо чаще другихъ преподавателей пропускалъ уроки и т. д. Онъ никогда не дѣлалъ переклички, если даже его урокъ былъ первымъ; весьма рѣдко освѣдомлялся у дежурнаго о томъ, кто изъ учениковъ отсутствуетъ; никогда не записывалъ, подобно другимъ учителямъ, въ журналѣ, что имъ задано къ слѣдующему уроку, и многократно забывалъ ставить отмѣтки. Когда онъ задавалъ намъ сочиненіе на домъ и назначалъ срокъ, въ тотъ день, когда надлежало уже собирать тетрадки, онъ забывалъ объ этомъ, и въ большинствѣ случаевъ гимназисты напоминали ему объ этомъ сами, когда онъ уже собирался оставить классъ послѣ звонка. Собирая тетрадки, онъ опять таки не интересовался, кто отсутствуетъ, и на ближайшемъ своемъ урокѣ у нихъ тетрадокъ не требовалъ, вслѣдствіе чего тѣ, которые писать сочиненія были не мастера, ихъ и не писали, не являясь въ назначенный имъ день въ гимназію. Забравъ тетрадки съ собой, Василій Макаровичъ держалъ ихъ у себя мѣсяцъ, два или три. Иногда онъ приносилъ ихъ безъ напоминаній съ нашей стороны, иногда же гимназисты раза два - три напоминали ему, что тетрадки наши еще у него. Нѣсколько разъ, вспоминаю, онъ задавалъ намъ сочиненіе, когда еще прошлое сочиненіе не было имъ просмотрѣно. Мы напоминали ему объ этомъ.

— Ерунда! говорилъ въ такихъ случаяхъ Василій Макаровичъ купите себѣ другія тетради.

Мы исполняли это распоряженіе, представляли въ назначенный срокъ новое сочиненіе, и въ этихъ случаяхъ старыхъ тетрадокъ уже не получали обратно. Василій Макаровичъ ограничивался тѣмъ, что возвращалъ намъ черезъ два-три мѣсяца второе сочиненіе, а первое, повидимому, такъ и не просматривалъ. Въ тѣ дни, когда мы менѣе всего ожидали и дѣятельно готовились къ уроку, Василій Макаровичъ приносилъ съ собою наши сочиненія, и на разборъ и чтеніе ихъ уходилъ весь часъ. Тетрадки, принесенныя имъ, всегда были въ какомъ-то особенномъ безпорядкѣ; многія изъ нихъ бывали засалены или чѣмъ-либо залиты, и сочиненія бывали тоже иногда исправлены поспѣшно и небрежно. Одинъ разъ Василій Макаровичъ удивилъ насъ даже такимъ сюрпризомъ: послѣ трехъ мѣсяцевъ онъ принесъ съ собою наши тетради и велѣлъ раздать ихъ намъ, хотя сочиненія даже не были просмотрѣны и исправлены имъ. Почти

всегда, принеся тетрадки, онъ забывалъ ставить отмѣтки за сочиненіе также и въ журналъ, и тѣ изъ товарищей, которые получили хорошія отмѣтки, напоминали ему объ этомъ, къ великому неудовольствію тѣхъ, кто получилъ плохую отмѣтку. Въ томъ классѣ, гдѣ Василій Макаровичъ бывалъ класснымъ наставникомъ, гимназистамъ жилось превосходно. Василій Макаровичъ не любилъ наказывать, ни входить въ разсмотрѣніе гимназическихъ распрей, ни производить слѣдствій по поводу какихъ-либо проступковъ учениковъ. Опаздыванія никогда имъ не наказывались, отсутствіе того или другого изъ воспитанниковъ не отмѣчалось, и писемъ отъ родителей онъ не требовалъ. Переписывать отмѣтки изъ журнала въ записныя тетради онъ лѣнился, и гимназисты по нѣсколькимъ недѣлямъ подрядъ не получали своихъ отмѣтокъ, что лѣнивымъ и плохо успѣвающимъ бывало очень на руку. Но это все было до того времени—когда бразды правленія взялъ у насъ въ свои руки Константинъ Андреевичъ: онъ пересталъ назначать Василія Макаровича класснымъ наставникомъ, и если ученики огорчились, то Василій Макаровичъ несомнѣнно былъ радъ подобному освобожденію его отъ quasi воспитательныхъ, по существу сыскныхъ обязанностей. Выжить же Василія Макаровича изъ гимназіи совершенно нашему директору, въ силу какихъ-то причинъ, не удавалось, какъ мало ни подходилъ Василій Макаровичъ къ общему типу воцарившихся отнынѣ въ гимназіи воспитателей и учителей. Послѣднихъ, надо думать, возмущала безсистемность, съ какою Василій Макаровичъ руководилъ нашими занятіями по словесности: иногда онъ вызывалъ учениковъ къ доскѣ, задавалъ вопросы, ставилъ отмѣтки и потомъ объяснялъ къ слѣдующему уроку, какъ всегда дѣлали его коллеги. Очень часто Василій Макаровичъ сначала объяснялъ къ слѣдующему уроку, а затѣмъ уже, въ зависимости отъ отстававшагося времени, вызывалъ и спрашивалъ, чего всѣ его коллеги никогда не дѣлали. И уже полной ересью въ глазахъ этихъ священнослужителей божка-формализма было то, что иногда Василій Макаровичъ цѣлый часъ объяснялъ, иногда же ограничивался тѣмъ, что только спрашивалъ. Вызывалъ онъ безъ всякой системы, вызывалъ тѣхъ, чьи фамиліи ему попадались первыми на глаза. Иванова онъ, скажемъ, вызвалъ вчера, и тотъ хорошо отвѣтилъ, но сегодня взоръ Василія Макаровича снова падалъ на фамилію Иванова, и тотъ опять выходилъ къ доскѣ. Это заставляло почти всѣхъ заниматься по словесности довольно прилежно, и когда Василій Макаровичъ цѣлый часъ то и дѣло вызывалъ къ доскѣ, среди многихъ спрошенныхъ встрѣчалось мало застигнутыхъ врасплохъ, то есть совершенно не знающихъ урока. Когда же раздавался звонокъ, и Василій Макаровичъ, прер-

вавъ на полусловѣ, бралъ въ руки журналъ, чтобы своей развальной походкой выйдти изъ класса, а мы хоромъ спрашивали, что на слѣдующій разъ, Василій Макаровичъ только отмахивался рукой и говорилъ:

— Повторить.

Что повторить, не указывалось, и для насъ это было равносильно тому, что ничего не задано. Много разъ бывало, что Василій Макаровичъ, войдя въ классъ, самъ спрашивалъ, что задано на сегодня, и былъ до того разсѣянъ, что при подобныхъ „повтореніяхъ“ вызывалъ кого-либо вторично и задавалъ ему тѣ же вопросы, что въ прошлый разъ. Когда Василій Макаровичъ объяснялъ, мы слушали его внимательнѣе, чѣмъ кого-либо другого. Я не говорю уже о томъ, что памятники древне-русской письменности были живѣе и интереснѣе многихъ другихъ сухихъ и весьма мало говорящихъ уму и фантазіи нашей предметовъ. Къ тому же, Василій Макаровичъ умѣлъ вдохнуть въ разсказы и объясненія свои живую душу. Онъ говорилъ образно, подчасъ красиво и увлекательно, иногда даже поэтически-хорошо. Его объясненія и толкованія „Плача Ярославны“ мы всегда заслушивались; и только той сухости, съ какою читали съ нами другіе преподаватели Цицерона или Гомера, необходимо приписать полное отсутствіе у насъ художественнаго интереса къ великимъ писателямъ классической древности. Василій Макаровичъ былъ и единственнымъ изъ преподавателей второго періода, который устраивалъ намъ „бенефисы“. На послѣднемъ урокѣ словесности передъ пасхальными или рождественскими каникулами, когда Василій Макаровичъ являлся въ классъ, мы, настроенное уже на каникулярный ладъ, начинали кричать:

— Бенефисъ! Бенефисъ!

Онъ просматривалъ принесенныя нами изъ дому книги беллетристическаго содержанія, выбиралъ одну изъ нихъ, самъ читалъ вслухъ или вызывалъ кого-либо изъ наиболѣе успѣвающихъ въ классѣ читать вслухъ. Когда-то подобное чтеніе вслухъ передъ началомъ каникулъ было у насъ въ гимназіи традиціоннымъ, и это дѣлали всѣ „старики“. Формалистамъ это не позволяло дѣлать строгое слѣдованіе правиламъ и циркулярамъ, и мало-по-малу „бенефисы“ пріобрѣли характеръ чего-то и недозволеннаго, и свидѣтельствующаго о „либеральныхъ“ склонностяхъ. Константинъ Андреевичъ не могъ допустить подобнаго вольнодумства, и въ послѣдніе годы даже Василій Макаровичъ пересталъ устраивать намъ эти безвиннѣйшіе „бенефисы“. Если бы Константинъ Андреевичъ заглянулъ въ наши тетрадки съ сочиненіями, онъ, навѣрно, нашелъ бы тамъ много запретнаго и недозволеннаго, пришелъ бы и въ ужасъ,

и въ ярость. Темой для задаваемыхъ сочиненій Василій Макаровичъ всегда выбиралъ какую-либо русскую поговорку и самъ предварительно освѣщалъ ее съ различныхъ сторонъ. Я отчетливо вспоминаю, что его теоретическія объясненія были мало интересны. Когда же онъ намъ указывалъ на историческіе и литературные примѣры, поясняющіе, иллюстрирующіе и подтверждающіе смыслъ этихъ поговорокъ, выборъ его былъ, въ силу извѣстныхъ причинъ, весьма и весьма ограниченъ. Историческіе факты онъ могъ брать только такіе, которые намъ уже извѣстны были по урокамъ исторіи, а въ литературномъ отношеніи онъ также не могъ не считаться съ тѣмъ, что нами уже пройдено подъ его руководствомъ. Въ пятомъ или шестомъ классѣ, напримѣръ, мы еще до Пушкина не добирались, и иллюстрировать ссылками на Пушкина житейскій смыслъ и правдивость той или другой народной пословицы Василій Макаровичъ не имѣлъ права, хотя среди насъ было максимумъ два-три человѣка, которые прочитали уже и „Капитанскую дочку", и „Евгенія Онѣгина", и „Бориса Годунова". Я думаю, что, будучи подобнымъ образомъ ограниченъ въ выборѣ литературныхъ и историческихъ примѣровъ, Василій Макаровичъ принималъ это во вниманіе при выборѣ темъ сочиненій и, такъ сказать, подгонялъ темы къ тому, что нами было уже пройдено по исторіи и словесности. Вотъ почему я не припоминаю ни одного сочиненія, заданнаго намъ Василіемъ Макаровичемъ, къ которому не подходили бы самымъ превосходнымъ образомъ жизнеописанія Петра Великаго и Ломоносова. Онъ и рекомендовалъ намъ въ своихъ поясненіяхъ всегда брать въ примѣръ Петра Великаго или Ломоносова; но къ чести Василія Макаровича я долженъ сказать, что, если тотъ или другой ученикъ оказывался болѣе знакомымъ съ русской литературой, нежели это полагалось по программѣ даннаго класса, Василій Макаровичъ никогда не преслѣдовалъ подобныхъ „вольностей" въ представляемыхъ нами сочиненіяхъ.

Однажды заданная имъ намъ тема гласила: „Всякъ молодецъ своего счастья кузнецъ". Онъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній вполнѣ житейскаго характера (въ этомъ отношеніи Василій Макаровичъ, можетъ быть, въ силу постороннихъ обстоятельствъ, былъ сухъ и скученъ, не умѣя теоретизировать) и привелъ въ примѣръ того же Ломоносова и того же Петра Великаго. „Самыя лучшія сочиненія будутъ прочтены вслухъ", заинтересовалъ насъ и возбудилъ соревнованіе Василій Макаровичъ. Пишущій эти строки и одинъ мой, покойный уже, пріятель рѣшили на этотъ разъ отличиться. Я тогда сильно увлекался Викторомъ Гюго и вмѣсто общихъ разсужденій со

стереотипною ссылкой на Петра Великаго и Ломоносова, я далъ довольно обстоятельное изложеніе романа Гюго „Труженики моря". И, въ самомъ дѣлѣ, Жильятъ ли не былъ кузнецомъ своего счастья? А такъ какъ я сильно увлекался и стилемъ Гюго, то я сочиненіе написалъ короткими, старательно мною отточенными фразами. Мой товарищъ былъ еще смѣлѣе. Онъ тогда читалъ Бокля, не только читалъ, но и превосходно понималъ его, и на основаніи прочитанныхъ книгъ вообще доказалъ, что счастье человѣка зависитъ не отъ него, а отъ общественныхъ и соціальныхъ условій. Съ нетерпѣніемъ ждали мы результатовъ нашей дерзости. Когда Василій Макаровичъ принесъ намъ обратно наши сочиненія, онъ сказалъ, что мое сочиненіе и сочиненіе товарища самыя лучшія, но мое сочиненіе де написано „страннымъ" языкомъ, а сочиненіе моего товарища написано „не на тему". Я возразилъ, что этотъ странный языкъ стиль Виктора Гюго, но Василій Макаровичъ на это замѣчаніе не отвѣтилъ ни однимъ словомъ. Вскорѣ имъ было задано новое сочиненіе—темы не припомню. Я помню лишь, что изложилъ содержаніе подходившаго романа Гюго „Отверженные", а мой товарищъ опять написалъ не на тему, взявъ въ примѣръ Коперника, Галилея и еще кого то изъ мучениковъ науки. Но это сочиненіе принадлежало къ числу тѣхъ, которыя намъ Василіемъ Макаровичемъ возвращены не были. Добавлю еще, что раньше Василій Макаровичъ позволялъ намъ писать вмѣсто разсужденія на заданную тему собственные разсказцы, иллюстрирующіе данную пословицу, что нѣкоторые изъ насъ и дѣлали. Позже онъ, однако, заявилъ намъ строго, что писаніе собственныхъ разсказовъ возбраняется: очевидно, онъ получилъ отъ кого-нибудь изъ гимназическаго или „окружнаго" начальства нахлобучку и замѣчаніе.

М. Сукенниковъ.

(*Окончаніе будетъ*).

Изъ тридцатилѣтней жизни сельскаго учителя.

(1873—1903).

Отмѣчая въ школьной лѣтописи наиболѣе важные моменты изъ моей тридцатилѣтней учительской дѣятельности въ деревнѣ, я намѣренъ сказать нѣсколько словъ о своемъ первоначальномъ обученіи грамотѣ и о пребываніи въ Новгородской Александровской учительской школѣ, гдѣ получена мною педагогическая подготовка.

I.

Дореформенная школа.

Я родился крѣпостнымъ крестьяниномъ бѣлозерскаго помѣщика, проживавшаго въ Москвѣ. Хорошо помню восторженное настроеніе мѣстныхъ крѣпостныхъ по объявленіи манифеста девятнадцатаго февраля 1861 года.

Обученіе мое грамотѣ началось при обстоятельствахъ, про которыя сложились поговорки и пословицы: „корень ученія горекъ", „легче камни ворочать, нежели сидѣть за книгою". Несмотря на то, что у меня было сильное желаніе учиться, въ первые же дни мнѣ опротивѣла азбука. Въ учителя намъ дѣдушка поставилъ заштатнаго дьячка, старика, умѣвшаго читать только „печатное", писать же вовсе не умѣвшаго. Всѣхъ учениковъ у него было четверо. Учителя кормили и одѣвали понедѣльно наши родители: черезъ каждую недѣлю онъ вмѣстѣ со школьниками переселялся на новую квартиру. Перемѣщеніе особыхъ затрудненій не составляло: кромѣ букварей, или азбукъ, никакихъ учебныхъ пособій не было, классной мебели тоже; мы помѣщались за обыкновеннымъ столомъ на лавкахъ, а учитель сидѣлъ въ заднемъ углу избы и обыкновенно плелъ берестяные лапти на продажу. Подлѣ него на лавкѣ лежала довольно длинная березовая плетка—указчица и вдохновительница наша, въ случаѣ надобности возбуждавшая наше вниманіе къ мудрой наукѣ. Она была тѣмъ болѣе необходима, что всѣ ученики съ перваго-же дня почувствовали

полное отвращеніе къ азбукѣ и учителю. Меня нынѣ удивляетъ, какимъ образомъ мы, будучи восьмилѣтними и девятилѣтними дѣтьми, могли вынести пытку, которой насъ подвергали.

Ученье началось въ „Петровки", въ срединѣ іюня. Бывало, такъ манитъ въ поле, въ лѣсъ, къ лужамъ... а насъ заставляютъ сидѣть въ избѣ и зубрить *азы*. Около восьми часовъ утра начинался учебный день; кончался онъ, когда скотъ возвращался съ полей. Дѣленія дня на уроки не существовало, перемѣнъ не было. Твердили съ утра до полудня. Въ полдень насъ отпускали на обѣдъ, давали намъ отдыхъ отъ часу до двухъ приблизительно (часовъ въ деревнѣ не было: точно времени опредѣлить нельзя было); затѣмъ ученіе безъ перемѣнъ продолжалось до вечера, т. е. до возвращенія скота съ полей. Первые дни я часто плакалъ отъ невыносимой скуки, несмотря на то, что у меня была новенькая азбука съ картинками. Меня спрашивали о причинѣ слезъ; я хитрилъ и говорилъ, что нужно выйти *по нуждѣ*, или, что „ѣсть хочу"... Мнѣ, можетъ быть, не вѣрили; но снисходительно смотрѣли на мои немощи, догадываясь объ истинной причинѣ слезъ, и выпускали изъ избы на нѣсколько минутъ. Я рѣдко подвергался наказанію: учился успѣшно, легко запоминалъ буквы, скоро овладѣлъ *складами*: „буки-азъ — ба"; къ тому же въ дѣтствѣ былъ физически слабъ.

Въ воскресные и праздничные дни намъ тоже немного давалось отдыха: съ утра до полудня мы должны были читать „божественное", т. е. твердить: „Ангелъ, ангельскій архангелъ, архангельскій, Богъ, Божество, Богородица"... Только послѣ полудня въ праздники мы пользовались полной свободой: могли итти въ лѣсъ по грибы и ягоды.

Учитель, какъ замѣчено выше, сидѣлъ въ заднемъ углу избы и оттуда наблюдалъ за учениками, нараспѣвъ твердившими азбуку, поправлялъ произношеніе слова, если ученикъ невѣрно произносилъ послѣднее; а если школьникъ былъ невнимателенъ, уставалъ и останавливался, учитель подходилъ къ нему, и березовая плетка свистала по плечамъ „лѣнивца", причемъ учитель приговаривалъ: „ой, грѣхъ! ой, грѣхъ!"... Это была его любимая поговорка; за нее и самого его прозвали „Грѣхомъ". Въ гнѣвѣ иногда произносилъ онъ еще слова: „его на маски" и „въ ротъ тя глинкой". Человѣкъ онъ былъ скорѣе добрый, нежели злой; а все-таки мы его не любили, хотя и звали „дядюшкой"; рады были, если онъ отлучался въ лѣсъ за лыками и берестами для плетенія лаптей. Въ его отсутствіе наблюдала за нами „бабушка" Домна, старуха лѣтъ шестидесяти. Иногда мы отпрашивались у нея на улицу поиграть шарикомъ. Она отпускала.

Не всегда безнаказанно пользовались мы хотя бы и часовымъ отдыхомъ въ учебное время дня. Вотъ что случилось съ нами однажды.

Былъ знойный полдень. Мы пообѣдали; слѣдовало намъ, по обычаю, садиться за буквари; но насъ манило въ поле, къ лужѣ, гдѣ обыкновенно мы купались. Самовольно отлучиться не могли. Послали одного изъ товарищей къ учителю просить разрѣшенія. Сверстникъ живо вернулся и объявилъ намъ, что „дядюшка“ отпустилъ покупаться. Мы бросились въ поле, къ лужѣ... Плещемся ва водѣ. Сверстникъ, просившій разрѣшенія, выкупался наскоро, одѣлся и убѣжалъ, а мы пробыли въ лужѣ еще нѣсколько времени, вѣроятно, довольно долго, хотя намъ казалось, что мы купались совсѣмъ недолго. Только вбѣжали въ сѣни избы, гдѣ помѣщалась школа, тотчасъ же засвистала по нашимъ плечамъ березовая плетка: учитель притаился за дверью въ ожиданіи нашего возвращенія. Мы не могли понять, за что несли наказаніе. Послѣ дѣло разъяснилось. Сверстникъ насъ обманулъ: онъ не просилъ разрѣшенія учителя на отлучку нашу въ поле; учитель не зналъ, куда мы дѣвались, когда время было уже засѣсть за буквари. Кромѣ этого случая, березовая плетка еще оцинъ разъ свистала надъ моими плечами, значитъ—два раза за все время обученія моего у „Грѣха“; нѣкоторые же изъ товарищей частенько имѣли съ ней дѣло.

Разъ сидѣли мы въ избѣ за книгами, но не читали: учитель ушелъ въ лѣсъ за берестами для лаптей; бабушка Домна тоже кудато отлучилась. У насъ разыгралась фантазія... Толковали о лѣшемъ, о домовомъ и тому подобное. „Хорошо-бы было, если-бы учитель нашъ заблудился въ лѣсу и дольше-бы не возвращался“, разсуждали мы: „либо лѣшій-бы увелъ его подальше... Вѣдь уводитъ же другихъ! Нѣтъ, нашего не уведетъ: дядюшка молитвами отчитается“.— Наконецъ, тотъ же самый товарищъ, который обманулъ насъ и подвелъ подъ незаслуженное наказаніе, сказалъ намъ: „Ребята, спросить бы у Бога: выучимся-ли мы грамотѣ? Право, я спрошу“. Онъ всталъ на лавку и пристально всматривался въ ликъ Святителя Николая Чудотворца. Потомъ объявилъ намъ, что ему Богъ шепнулъ, что онъ выучится... Мы не повѣрили сначала, но не вытерпѣли и сами поочередно продѣлали то же. Я, помнится, также увѣрялъ, что и мнѣ Богъ будто-бы шепнулъ... „А мнѣ ничего не шепнулъ“, сказалъ одинъ изъ насъ:—„Тебѣ тоже шептать Богъ не будетъ“, обратился онъ къ первому мальчику: „ты все обманываешь... Богъ обманщиковъ не любитъ. Вотъ Павлухѣ, можетъ быть, шепнулъ“, добавилъ онъ. Мнѣ стало стыдно: какое-то непонятное, жгучее чувство овладѣло мною.

Занятія въ школѣ, какъ замѣчено выше, оканчивались ежедневно съ вечернимъ возвращеніемъ скота изъ полей. Мы съ нетерпѣніемъ ожидали этого момента. Какъ только показывались овцы или коровы на улицѣ, мы восклицали: „скотина идетъ!" Моментально закрывали азбуки и, не испрашивая разрѣшенія учителя, хотя бы онъ сидѣлъ тутъ же за плетеніемъ лаптей, выскакивали на улицу: на насъ лежала обязанность заставать скотъ на дворѣ и поить его.

Къ Рождеству я закончилъ ученіе у „Грѣха": научился читать „по складамъ", началъ чтеніе „по-верхамъ", какъ тогда называли обыкновенное, хотя и медленное чтеніе. Послѣ букваря читалъ часовникъ и псалтирь: другихъ книгъ не было.

Велика была моя радость, когда одна проѣзжая барыня, узнавъ, что у меня нѣтъ книгъ, кромѣ часослова и псалтиря, подарила мнѣ „Родное Слово, годъ второй", Ушинскаго. Много отрадныхъ часовъ провелъ я за этою книгою.

Писать я сначала учился у своего отца и, конечно, немногому могъ научиться: самъ кое-какъ выводилъ буквы по старинному. Онъ купилъ мнѣ грифельную доску. Обладая этимъ сокровищемъ, я упражнялся въ письмѣ при каждомъ удобномъ къ тому случаѣ и достигъ того, что рукопись мою только съ трудомъ можно было отличить отъ отцовской.

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитии вообще и въ письмѣ въ частности, въ раннемъ дѣтствѣ, я много обязанъ волостному писарю Никитѣ Филипповичу Филиппову. Это былъ прекрасный молодой человѣкъ, родомъ крестьянинъ, одаренный отъ природы богатыми способностями, имѣлъ возвышенную душу, былъ честенъ, справедливъ, не терпѣлъ лжи, довольствовался малымъ: получалъ жалованья 80 рублей въ годъ; волость любила и уважала его. Къ сожалѣнію, смерть похитила его въ самые цвѣтущіе годы. Онъ обучалъ меня современной рукописи, а когда я пріобрѣлъ въ письмѣ нѣкоторый навыкъ, давалъ мнѣ переписывать кое-какія бумаги; я незамѣтно для себя дѣлался его помощникомъ: въ его отсутствіе составлялъ приговоры, писалъ условія и билеты крестьянамъ волости.

II.

Въ новой школѣ.

Въ поздній осенній вечеръ 1868 года разнесся слухъ по нашей деревнѣ, что учитель пріѣхалъ, будетъ учить грамотѣ по-новому: сначала писать научитъ, а потомъ читать. Это показалось мнѣ нелѣпымъ: „какъ же", думалъ я, „научитъ писать, если человѣкъ еще

читать не умѣетъ!“ На другой день я отправился къ учителю. Отъ него узналъ, что онъ будетъ учить одновременно письму и чтенію. Я ушамъ своимъ не вѣрилъ: не понималъ, какъ можно обучать одновременно письму и чтенію! Въ нашей деревнѣ открылась земская школа. Учитель происходилъ изъ крестьянъ, съ дѣтства жилъ по монастырямъ, бывалъ пѣвчимъ въ архіерейскомъ хорѣ; чтобы подготовиться къ преподаванію, онъ прожилъ нѣсколько недѣль на педагогическихъ курсахъ въ Череповцѣ.

Я поступилъ во вновь открытую школу для изученія ариѳметики и грамматики. Изученіе грамматики состояло въ томъ, что учитель далъ мнѣ книжку И. П. Столпянскаго, если не ошибаюсь, подъ заглавіемъ „Самообучитель русскаго языка“, по которой я заучивалъ названія частей рѣчи. Изъ ариѳметики тоже немногому научился въ школѣ: выходя изъ нея, я не имѣлъ отчетливаго понятія о дѣйствіяхъ умноженія и дѣленія. Самъ учитель дѣлалъ ошибки въ этихъ дѣйствіяхъ, если въ срединѣ чиселъ встрѣчались нули. Все-таки въ общемъ школа очень благотворно повліяла на меня: въ ней я понялъ, какъ одновременно обучаютъ письму и чтенію, научился пѣть нѣкоторыя молитвы и пѣсни, прочелъ нѣсколько книжекъ и всей душой полюбилъ учителя, человѣка добраго, гуманнаго.

Въ ясное іюньское утро 1870 года изба наша была наполнена людьми: сосѣди и сосѣдки явились проститься со мною: я отправлялся въ Бѣлозерскъ для подготовки ко вступленію въ учительскую школу. Сосѣдки нанесли мнѣ вареныхъ яицъ, пироговъ, плакали, какъ будто бы меня отправляютъ въ солдаты, или навѣки разставались со мною. Я сидѣлъ съ родными за столомъ, накрытымъ по праздничному. Меня потчевали: „ѣшь, дорога дальная—пятьдесятъ четыре версты до города“. Но мнѣ было не до ѣды: не смотря на то, что учиться я желалъ страстно, грустное чувство разлуки съ родиной тяготило меня, и слезы текли струями. Толпа сосѣдей съ ропотомъ замѣчала, что моимъ родителямъ не слѣдовало бы отпускать меня на чужую сторону; что дома, слава Богу, есть, у чего жить; что парень я смышленый, какого не останется въ деревнѣ; а въ чужихъ краяхъ, Богъ знаетъ, что можетъ случиться со мною.

Послѣ обѣда, накинувъ на плечи бѣлую котомку, я въ сопровожденіи отца и матери пѣшкомъ отправился въ Бѣлозерскъ. Нѣкоторые сосѣди сопровождали насъ съ версту. Въ двѣнадцати верстахъ отъ родины, на холмѣ за деревней Чирокомъ, я простился съ матерью: дальнѣйшій путь совершалъ въ сопроволженіи отца. Мать съ холма наблюдала за нами, пока мы не скрылись изъ виду.

Въ Бѣлозерскѣ насъ, готовившихся ко вступленію въ учитель-

скую школу, собралось около десяти человѣкъ. Насъ помѣстили въ небольшой пристройкѣ при земской больницѣ, гдѣ мы пробыли около полутора мѣсяца. Намъ были выданы нѣкоторыя книжки, по которымъ мы должны были подготовляться къ вступительнымъ испытаніямъ. Въ Бѣлозерскѣ тогда проживало около двадцати человѣкъ сельскихъ учителей, готовившихся на педагогическіе курсы, имѣвшіе состояться въ Череповцѣ. Почти всѣ учителя были духовнаго званія: одни окончившіе курсъ семинаріи, другіе выбывшіе изъ нея до окончанія послѣдняго. Имъ-то и поручено было земской управой подготовить насъ: они поочередно должны были ежедневно заниматься съ нами по одному часу. Нѣкоторые изъ нихъ добросовѣстно относились къ дѣлу, не пропускали своей очереди; другіе совсѣмъ къ намъ не являлись: бывали дни, когда ни одного учителя мы не видѣли.

Въ іюлѣ готовившихся ко вступленію въ учительскую школу проэкзаменовали въ уѣздномъ училищѣ. Познанія наши были слабы. Въ началѣ августа на парѣ протяжныхъ земскихъ лошадей отправили насъ въ Новгородъ, куда мы и прибыли чрезъ одиннадцать дней по выѣздѣ изъ Бѣлозерска.

III.

Изъ воспоминаній о Новгородской Александровской учительской школѣ.

Александровская учительская школа была открыта въ 1869 году. Первымъ начальникомъ ея былъ извѣстный педагогъ баронъ Михаилъ Осиповичъ Косинскій, одинъ изъ сотрудниковъ по Смольному институту К. Д. Ушинскаго и его учениковъ въ дѣлѣ воспитанія.

Въ 1870 году насъ было принято въ школу 42 человѣка. Большинство поступило съ крайне неудовлетворительной подготовкой: немногіе имѣли достаточный навыкъ въ письмѣ и чтеніи, были знакомы только съ первыми дѣйствіями по ариѳметикѣ, знали лишь кое-что изъ краткой священной исторіи; были и такіе, которые читали *по-складамъ*, а писали чуть не *по-печатному*. Чтобы приготовиться въ теченіе трехъ учебныхъ лѣтъ ко вступленію въ учительскую должность, мы должны были усиленно работать. Наставники стояли на высотѣ своего призванія: съ искренней любовью и рвеніемъ относились къ дѣлу, будили наши силы, увлекая насъ задушевными бесѣдами. Можетъ быть, потому такъ пріятно поражали добрыя ихъ рѣчи, что для насъ все, что они ни говорили, имѣло прелесть новизны.

Знакомство съ русскимъ литературнымъ языкомъ началось съ чтенія книги Ушинскаго „Родное Слово, годъ второй“: это была классная книга для чтенія въ младшемъ отдѣленіи. Въ рукахъ такого даровитаго и отлично знавшаго свое дѣло наставника, какимъ былъ С. П. Коробковъ, она доставляла намъ истинное удовольствіе. Наставникъ много поработалъ надъ ней. Какъ мастерски читалъ онъ, какой интересъ способенъ былъ онъ придать самой обыковенной и, повидимому, незначительной статейкѣ! Да, это былъ мастеръ своего дѣла. Особенно хорошо онъ читалъ стихи. Уроки его такъ запечатлѣвались въ насъ, что и по выходѣ изъ класса занимали насъ неотступно; мы нерѣдко бредили ими даже и во снѣ.

Начавъ обученіе литературному языку съ „Родного слова“, наши наставники поступили вполнѣ цѣлесообразно, такъ какъ съ этой именно книгой пришлось намъ имѣть дѣло, когда мы сами начали учительствовать.

Пріятно вспомнить и объ учителѣ пѣнія, рисованія и чистописанія А. П. Шуммерѣ. Онъ тоже былъ мастеръ своего дѣла: нарисуетъ, бывало, мѣломъ картинку на классной доскѣ — залюбуешься; или возьметъ аккордъ на своей „четырехструнной“— душа затрепещетъ. Такія, напримѣръ, сцены едва-ли могутъ исчезнуть изъ памяти учившихся тогда въ школѣ. Алексѣй Петровичъ—дневный дежурный по классу. 10 часовъ вечера. Мы улеглись на койки: по инструкціи, мы должны спать, или, по крайней мѣрѣ, особенно не нарушать тишины залы-спальни, тускло освѣщенной двумя жестяными ночниками, наполненными водою, въ которую спущены сальныя свѣчи.

— Спите братцы!—говоритъ наставникъ проходя по спальнѣ.

— Спимъ, Алексѣй Петровичъ, отвѣчаетъ нѣсколько голосовъ.

Вдругъ разливаются въ тишинѣ чудные звуки: Алексѣй Петровичъ играетъ „какъ у нашихъ у воротъ“, играетъ обворожительно. Нѣсколько человѣкъ не выдерживаютъ, вскакиваютъ съ коекъ и начинаютъ отхватывать трепака...

Сергѣй Прокофьевичъ былъ скуповатъ на раздачу бумаги, перьевъ, карандашей и т. п., и мы рѣже безпокоили его: ждали, когда дежурнымъ по училищу будетъ А. П. Шуммеръ, который и вознаграждалъ насъ вполнѣ за терпѣніе. Бывало, стоитъ кому-нибудь попросить бумаги, и Алексѣй Петровичъ заглянетъ во всѣ классы, выкрикивая, подобно разносчикамъ: „кому бумаги, перьевъ, ручекъ, карандашей, крючковъ, нитокъ, иголокъ?“ Мы не заставляли долго ждать: поголовно окружали его и шли въ кабинетъ. Тамъ онъ выдавалъ все, что у него просили. Правда, иногда онъ считалъ долгомъ спросить

воспитанника, зачѣмъ послѣднему такъ много требуется бумаги. Торговался, но кончалъ всегда въ пользу просящаго.

Въ нашу бытность воспитанниками Новгородская Александровская школа была закрытымъ учебнымъ заведеніемъ. Она находилась въ мѣстечкѣ Колмовѣ, въ трехъ-четырехъ верстахъ отъ Новгорода. Кромѣ обычныхъ классныхъ занятій и занятій по столярной мастерской, на обязанности воспитанниковъ лежало мытье половъ, топка печей, уборка классовъ и проч. Спали въ одной общей спальнѣ, ѣли въ общей столовой. Обыкновенно подавали намъ щи и кашу, а въ посты—горохъ. Разъ, въ субботу на масляной недѣлѣ, подали намъ плохо пропеченный хлѣбъ; каша тоже не удалась. Мы роптали на дурную пищу: намъ тѣмъ болѣе было досадно, что масляницы для насъ вовсе не полагалось, то есть, насъ не освобождали отъ классныхъ занятій ни на одинъ день этой недѣли. Въ прощальное воскресенье, вечеромъ М. О. Косинскій спросилъ насъ: „правда-ли братцы, что пища очень дурна?“ „Правда“, отвѣчали мы.— „Жаль, но теперь ужъ поздно, не исправить ошибки“. По этому случаю А. П. Шуммеръ произнесъ на совѣтѣ наставниковъ, когда обсуждался вопросъ объ улучшеніи пищи: „Я вѣдь говорилъ вамъ, господа, что экономія есть мать всѣхъ пороковъ“.

Вотъ еще случай, характеризующій отношеніе наставника къ воспитанникамъ.

Однажды вышли мы на прогулку подъ наблюденіемъ А. П. Шуммера. Мы просили его, чтобы онъ велъ насъ на вокзалъ: Новгородская желѣзная дорога тогда еще строилась и насъ очень интересовала. Онъ согласился. Побыли на вокзалѣ. Нѣкоторые стали проситься въ городъ.

— Ну, ужъ чуръ, братцы, въ городъ не ходить!

— Алексѣй Петровичъ!..

— Нельзя... Маршъ-маршъ въ школу!

— Алексѣй Петровичъ, хоть до заставы: купить кое-что надо...

— Эхъ, братцы, нельзя!

— До заставы-то, Алексѣй Петровичъ, можно.

— Ну, такъ и быть, до заставы, а дальше—ни-ни!

— Дальше не пойдемъ...

Только вышли на Петербургскую улицу, попадается булочница съ лоткомъ.

— Братцы, на „ура!“ скомандовалъ наставникъ.

Лотокъ былъ очищенъ. . Ошеломленная булочница не знаетъ, что

бы это значило. Подвернулся мальчишка-булочникъ—тоже ни одной булки на лоткѣ не осталось.

— Чуръ, братцы,—кричитъ Алексѣй Петровичъ,—по двѣ не брать!

Я подошелъ къ нему и сказалъ:

— Мнѣ, Алексѣй Петровичъ, позвольте двѣ взять.

— Это почему? Я сказалъ, что по двѣ не брать!

— Сегодня день моего ангела...

— Въ такомъ случаѣ возьми.

Наставникъ расчитался съ булочниками. По возвращеніи въ школу, я обратился съ просьбой къ М. О. Косинскому, у котораго хранились наши деньги, выдать мнѣ шесть копеекъ.

— На что?

— Долгъ отдать Алексѣю Петровичу.

— Какой?—строго спросилъ онъ.

— Сегодня я бралъ двѣ булки. Алексѣй Петровичъ уплатилъ за нихъ.

— Зачѣмъ двѣ бралъ?

— Сегодня день моего ангела...

— А, поздравляю! приходи ко мнѣ чай пить.

У М. О. Косинскаго было постановлено за правило приглашать къ себѣ именинниковъ, и всѣ, кто желалъ, ходили къ нему на чай. Я же былъ очень застѣнчивъ и отказался отъ предложенія.

С. П. Коробковъ и А. П. Шуммеръ имѣли общую квартиру въ одной комнатѣ. Войдя къ нимъ, я предложилъ Алексѣю Петровичу свои шесть копеекъ. Онъ отказывался принять ихъ, говоря, что за всѣ булки заплатилъ онъ одинъ и денегъ ни съ кого не возьметъ. Я положилъ деньги на столъ и выбѣжалъ изъ комнаты. Онъ вслѣдъ: „Постой, постой! хоть чаю покушай съ нами!“ Не тутъ-то было. Я былъ слишкомъ застѣнчивъ, чтобъ пить чай у наставниковъ, хотя видѣлъ, что двое изъ моихъ товарищей, вовсе не именинники, пили съ ними преспокойно, а одинъ изъ нихъ даже курилъ, хотя куреніе и воспрещалось.

Законоучитель нашъ, отецъ Петръ Никольскій, тоже былъ человѣкъ добрый. Онъ не имѣлъ привычки жаловаться на воспитанниковъ начальнику или совѣту наставниковъ, когда замѣчалъ проступки и шалости первыхъ, а всегда ограничивался своимъ пастырскимъ наставленіемъ провинившемуся и совѣтовалъ воздержаться отъ дурныхъ дѣлъ на будущее время. Онъ былъ прекрасный преподаватель, и Закону Божію учились мы успѣшно.

Самъ М. О. Косинскій преподавалъ намъ въ младшемъ классѣ ариѳметику, геометрію, русскую исторію, а также географію Новго-

родской губерніи. По его словамъ, онъ основательно изучалъ математику долгое время. Считалъ онъ такъ быстро, какъ никто изъ тогдашнихъ нашихъ наставниковъ считать не могъ. Всѣ уроки его отличались точностью и ясностью изложенія. Во второмъ классѣ онъ преподавалъ намъ химію и физику.

Справедливость требуетъ сказать, что позднѣйшіе наставники, преподававшіе въ старшемъ отдѣленіи, уступали первымъ во многихъ отношеніяхъ: намъ казалось, что они не такъ хорошо знали свое дѣло, иногда прорывались въ классѣ: было очевидно, что входили въ классъ безъ предварительной подготовки къ уроку, чего напримѣръ, С. П. Коробковъ никогда не позволялъ себѣ дѣлать: онъ готовился къ каждому уроку.

М. О. Косинскій строго относился ко всѣмъ нашимъ шалостямъ, дѣлалъ грозные выговоры за небрежное отношеніе къ обязанностямъ, особенно за неподчиненіе старшимъ, хотя бы оно выразилось въ самой, повидимому, невинной формѣ. „Если услышишь звонокъ,—говаривалъ онъ,—лети, куда слѣдуетъ, точно пожарная команда.“ И распекалъ же онъ опоздавшихъ на призывъ звонка! Всѣ, которые прожили нѣкоторое время подъ начальствомъ М. О. Косинскаго, по возможности строго относились къ дѣлу; если кому-нибудь, напримѣръ, доставалось мыть полы—мылъ настолько чисто, насколько было въ его распоряженіи силъ и умѣнья. Тоже самое можно сказать и про всякое дѣло, касавшееся воспитанниковъ. Одни такъ серьезно привыкли относиться ко всякому дѣлу, что иначе и не могли относиться къ нему; другіе добросовѣстно относились ко всякой работѣ изъ боязни и нежеланія огорчить Михаила Осиповича: онъ вообще не отличался физическимъ здоровьемъ, а небрежность воспитанниковъ обыкновенно разстраивала его.

Жизнь наша подъ его начальствомъ текла довольно однообразно. Хотя мы были обременены работами, но свыклись со своимъ положеніемъ, рѣшили, что иначе и быть не можетъ: намъ было внушено и доказано, что мы готовимся къ трудному дѣлу, и потому должны пройти строгій школьный искусъ.

Единственнымъ развлеченіемъ и отдыхомъ отъ обычныхъ занятій были воскресные и праздничные дни, когда послѣ обѣдни часть воспитанниковъ, впрочемъ, не превышая одной трети всего числа, отпускалась въ городъ. Но далеко не всѣ ученики пользовались и этимъ правомъ, предпочитая оставаться въ Колмовѣ, побродить въ его окрестностяхъ, или почитать книжку. Я ходилъ въ городъ только два раза въ зиму.

Къ девяти часамъ вечера всѣ воспитанники должны были являться на перекличку. Послѣ вечерней молитвы никто не имѣлъ права выхо-

дить изъ дома безъ разрѣшенія начальства. Прогулки въ окрестностяхъ школы дозволялись ежедневно, иногда даже были обязательны: въ послѣднемъ случаѣ всегда подъ наблюденіемъ одного изъ наставниковъ, насъ сопровождавшихъ, чаще подъ наблюденіемъ самого начальника. Въ играхъ, на прогулкахъ мы обыкновенно дѣлились на двѣ партіи: къ первой принадлежали ученики юго-западной части губерніи, къ другой—сѣверо-восточной, и начиналась возня... Въ обычной жизни уѣздной розни между учащимися не замѣчалось; но при выборѣ старшихъ, или въ общихъ играхъ, почти всегда обнаруживались нѣкоторые признаки ея. Если же дѣло касалось безпристрастнаго отзыва о личности, напримѣръ, о томъ, кто успѣшнѣе учится, отзывъ класса былъ справедливъ, дѣлался безъ лицепріятія.

Старшій въ каждомъ классѣ выбирался на недѣлю. Его обязанности были довольно многочисленны: а) наблюденіе за чистотой и порядкомъ въ классѣ; б) наблюденіе за выполненіемъ воспитанниками работъ, на нихъ возложенныхъ, какъ-то: мытья половъ, топки печей, чистки лампъ; затѣмъ—получка чистаго бѣлья отъ экономки и сдача ей грязнаго; г) подаваніе звонковъ на уроки, на работу, обѣдъ и молитву. Старшіе младшихъ классовъ подчинялись старшему старшаго класса, который уже наблюдалъ за всей школой. Обязанности старшаго всѣми принимались охотно: съ ними были сопряжены и нѣкоторыя льготы; напримѣръ, старшій могъ не отвѣчать наставнику урока, если желалъ этого, и наставникъ оставлялъ его въ покоѣ. Выборъ старшаго производился такъ: начальникъ выдавалъ воспитанникамъ по лоскутку бумажки и предлагалъ написать на немъ до пяти фамилій, потомъ отбиралъ лоскутки и производилъ счетъ голосовъ. Получившій большинство считался избраннымъ. Въ старшіе избирались не всегда способнѣйшіе и исправнѣйшіе: избирали и слабоватыхъ—въ силу того, что послѣдніе были менѣе требовательны. Нѣкоторые ученики довольно часто были избираемы старшими. По прошествіи недѣли, Михаилъ Осиповичъ передъ вечернею молитвою благодарилъ ихъ за то, что за время ихъ завѣдыванія порядокъ не былъ нарушенъ и вездѣ замѣчались чистота и опрятность. Поблагодаривъ, подзывалъ къ себѣ и публично цѣловалъ. Было однако нами подмѣченно, что такой лестной награды удостаивались всегда одни и тѣ же лица, и не всегда заслуженно. Ихъ прозвали любимцами начальника, „*подлизами*", начали подозрѣвать ихъ въ доносахъ на товарищей, можетъ быть, и не всегда безосновательно. Такихъ было около 12 человѣкъ.

М. О. Косинскій учредилъ почетный судъ. Судьями опять-таки были любимцы, не менѣе десяти разъ бывшіе старшими. Но судъ

этотъ собирался всего нѣсколько разъ и былъ очень комиченъ. Онъ былъ очень вреденъ тѣмъ, что обыкновенная дѣтская шалость или незначительный проступокъ раздувались въ *важное дѣло*, въ преступленіе, котораго на самомъ дѣлѣ не существовало.

Всѣ такіе промахи Михаила Осиповича, какъ учрежденіе почетнаго суда, публичные поцѣлуи любимцевъ и признаніе за ними не существовавшихъ заслугъ, много вредили дѣлу, вносили раздоръ въ среду товарищей и ставили въ ложное положеніе самого начальника, однако же не поколебали общаго уваженія къ нему, не затмили его истинныхъ заслугъ, и онъ вообще пользовался любовью питомцевъ. Онъ сумѣлъ привить къ послѣднимъ любовь къ труду, добросовѣстное отношеніе къ дѣлу, отвращеніе къ карточнымъ и другимъ играмъ, сопряженнымъ съ матеріальнымъ интересомъ.

Наша школьная библіотека была въ самомъ жалкомъ состояніи: капитальныхъ сочиненій въ ней не было. Мы пробавлялись „Анчутками безпятыми“ и вообще мелкими по объему и содержанію книгами. Исключеніе составляли книги по духовно-нравственному отдѣлу.

М. О. Косинскій самъ занимался съ нами славянскимъ чтеніемъ. Три главы изъ Евангелія апостола Матѳея, составляющія нагорную проповѣдь, мы выучили наизусть.

Когда М. О. Косинскаго замѣнилъ въ должности начальника школы В. И. Ш., мы брали книги изъ его собственной библіотеки и такимъ образомъ начали знакомиться съ первоклассными русскими писателями. Это было уже въ послѣдній годъ моего пребыванія въ школѣ. Лермонтова я въ первый разъ прочелъ на Рождественскихъ каникулахъ и прочелъ съ большимъ трудомъ, ибо вовсе не понималъ его геніальныхъ твореній; прочелъ только потому, что взялъ книгу, такъ надо же прочесть до конца, тѣмъ болѣе, что наставники очень хвалили сочиненія Лермонтова. Мнѣ лично въ то время доступными оказались только „Воздушный корабль“, „Колыбельная пѣсня“ и еще кое-что, тому подобное.

Любопытенъ слѣдующій фактъ:

В. И. Ш. преподавалъ намъ словесность въ третьемъ классѣ. Онъ предложилъ намъ выучить наизусть извѣстный отрывокъ изъ „Бориса Годунова“ Пушкина: „Еще одно послѣднее сказанье“, предварительно расхваливъ его. Но мы ничего привлекательнаго не нашли тогда въ рекомендованномъ отрывкѣ: пятистопный ямбъ безъ риѳмъ насъ не интересовалъ. Прошло мѣсяца полтора. Къ В. И. Ш. пріѣхалъ

гость изъ Петербурга. Я намочилъ голову водой и причесался, зная по опыту, что безъ меня дѣло не обойдется, если въ классѣ будутъ гости. Явившись въ классъ съ гостемъ, В. И. Ш. вызвалъ меня первымъ и предложилъ прочесть вышеозначенную сцену. Я отказался. Онъ вызвалъ послѣ меня нѣсколько человѣкъ, которые тоже отказались прочесть, потому что никто не заучилъ отрывка. Начальникъ огорчился и ушелъ изъ класса. Дѣло не обошлось безъ бури. Предложено было немедленно выучить вышеозначенный отрывокъ, что и было сдѣлано нами въ тотъ же день.

Итакъ, творенія первоклассныхъ отечественныхъ писателей въ третьемъ классѣ намъ были еще недоступны. Я съ ними основательно познакомился уже впослѣдствіи, по выходѣ изъ школы. Въ школѣ же мы читали наперерывъ Никитина. Его сочиненія перечитывались нами по нѣсколько разъ, мы прятали ихъ другъ отъ друга въ спальнѣ подъ подушками; мы предпочитали ихъ даже сочиненіямъ Кольцова. Такъ слабо еще было развито въ насъ чутье къ прекрасному!

Кромѣ словесности, В. И. Ш. преподавалъ намъ въ третьемъ классѣ педагогику, психологію и логику. Но, по малому нашему развитію, въ словесности мы немного успѣвали; въ остальномъ еще меньше.

За перемѣною начальника слѣдовала и перемѣна наставниковъ а такъ какъ это случилось въ послѣдній годъ пребыванія въ школѣ второго выпуска, то нѣкоторые наставники рѣшительно не знали своихъ питомцевъ: не знали—кто изъ нихъ болѣе слабъ или болѣе силенъ. Въ результатѣ явилось постановленіе совѣта наставниковъ: не отмѣчать успѣховъ баллами 5 (отлично), изъ боязни осрамиться въ общественномъ мнѣніи. Лучшіе отвѣты оцѣнивались только балломъ 4. Но когда дѣло дошло до практическаго преподаванія въ начальной школѣ, наставники должны были измѣнить постановленіе въ нашу пользу. Въ первый же день одинъ изъ насъ (Ясновицкій, Старорусскаго уѣзда) далъ безукоризненный урокъ по родному языку. Волей-неволей пришлось поставить ему пять балловъ по практическому преподаванію.

Руководителемъ по начальной школѣ былъ NN. Излагая методы преподаванія, NN обыкновенно говорилъ: *„со мной же согласенъ и Руссо“*, или *„со мной же согласенъ и Ушинскій“*. Конечно, такой педагогъ не могъ пользоваться уваженіемъ слушателей, и мы надъ нимъ шутили безнаказанно.

Бывало, спроситъ кто-нибудь изъ насъ: „съ вами и *Руссо* согласенъ?“

— Да, да, — отвѣчаетъ наставникъ, не понимая своего комическаго положенія,—и *Руссо согласенъ со мною.*

Въ школѣ мы познакомились съ ремеслами: столярнымъ, токарнымъ, переплетнымъ; изъ нея же вынесли твердое убѣжденіе, что святъ всякій полезный и добросовѣстный трудъ. Благодаря этому, многіе изъ насъ по возвращеніи на родину работали на поляхъ наравнѣ съ другими членами семьи, не гнушаясь никакою черною работою. Такъ работаемъ и нынѣ. Нѣкоторые изъ насъ пріобрѣли по клочку собственной земли и занимаются сельскимъ хозяйствомъ.

Всегда съ чувствомъ глубокой благодарности нашему земству, начальникамъ и наставникамъ вспоминаемъ мы о дорогой намъ Александровской учительской школѣ и нерѣдко повторяемъ стихи великаго поэта:

Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Всѣмъ, мертвымъ и живымъ,
Къ устамъ поднявъ признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ.

IV.

На службѣ.

А) Въ Бубровѣ.

По зачисленіи на должность учителя въ 1873 году, я приступилъ къ выработкѣ расписанія ежедневныхъ занятій и распредѣленія учебнаго матеріала по частямъ года. Прежде всего предстояло рѣшить эту задачу. По моей тогдашней неопытности, я надѣялся легко справиться съ ней; но съ первыхъ же шаговъ убѣдился въ трудности ея рѣшенія.

Въ бытность нашу воспитанниками Александровской учительской школы, мы въ начальной школѣ практически давали ежедневно по три часовыхъ урока; учебный матеріалъ распредѣлялся такъ, что на каждые полчаса назначалась новая работа; при трехъ группахъ учащихся это составляло шесть различныхъ работъ въ урокъ, по двѣ на каждую группу. Подобное распредѣленіе матеріала мотивировалось тѣмъ, что однообразное часовое занятіе утомительно для учащихся.

Я рѣшился въ своей школѣ давать по шести уроковъ ежедневно, съ расчетомъ, чтобы каждая изъ трехъ группъ учащихся работала при моемъ личномъ содѣйствіи не менѣе двухъ часовъ. Слѣдовательно, мнѣ предстояло выработать расписаніе съ тридцатью шестью различными работами на учебный день. Нѣсколько дней упорнаго труда дали весьма грустные разультаты. Хотя мнѣ и удалось до нѣкоторой степени удовлетворительно распредѣлить учебный матеріалъ, но выполненіе классныхъ занятій по такому расписанію было

неосуществимо. Трудность дѣла увеличивалась еще и оттого, что въ школѣ ощущался недостатокъ въ учебныхъ пособіяхъ и классныхъ принадлежностяхъ. Волей-неволей пришлось выработать новое расписаніе съ назначеніемъ одной и той же работы на цѣлый урокъ.

Бубровская сельская школа, куда я сначала былъ назначенъ учителемъ, была открыта въ 1870 году. Она помѣщалась въ зданіи упраздненной „сельской расправы“, довольно запущенномъ и долгое время не ремонтированномъ. Сторожемъ при ней находился почтенный Терентій Никитичъ Борисовъ, съ которымъ мнѣ прежде всего пришлось имѣть дѣло. Онъ только въ зимнее время проживалъ при училищѣ, а лѣтомъ занимался пастушествомъ. У него всегда имѣлось около десятка куръ и нѣсколько собакъ: двѣ взрослыхъ и два-три щенка-подростка. Всѣ эти животныя помѣщались въ задней части зданія, составлявшей его квартиру и пріютъ для дѣтей. Добро было-бы ученикамъ Бубровской школы, если-бы Борисовъ проявлялъ къ нимъ такую-же любовь и нѣжность, какую обнаруживалъ онъ къ своимъ собакамъ, весьма неприглянымъ и грязнымъ существамъ. Дѣтей онъ иначе не называлъ, какъ „шалунами“, и грубо прикрикивалъ на нихъ; собакъ-же всегда ласкалъ: послѣднія, по его мнѣнію, всегда были правы, а „шалуны“ виноваты, если происходили столкновенія между людьми и животными. Въ назиданіе онъ при всякомъ удобномъ случаѣ напоминалъ сказку о „собачкѣ и кошечкѣ“, неоднократно спасавшихъ жизнь своему хозяину, и давалъ понять, что и его любимцы въ случаѣ надобности обнаружатъ необыкновенный умъ и самоотверженіе и постоятъ за него горою. Онъ весьма слабо отличалъ отъ дѣйствительности вымыселъ сказки и едва-ли не безусловно вѣрилъ въ него. Запустѣніе въ задней комнатѣ было полное. Терентій Никитичъ не только не считалъ нужнымъ опахивать пыль, толстымъ слоемъ покрывавшую потолокъ и стѣны, увѣшанныя паутиною, но и не выносилъ куринаго помета изъ-подъ печи за все время своего здѣсь пребыванія; полъ комнаты до того былъ грязенъ, что трудно было сказать съ перваго взгляда, изъ чего онъ сдѣланъ. Двѣ женщины около недѣли употребили на очистку отъ мусора, на мытье щелокомъ потолка, стѣнъ и пола школьнаго зданія и взяли съ меня за работу четыре рубля. Антушевскій волостной старшина нашелъ этотъ расходъ непроизводительнымъ, и только половину его принялъ на счетъ волостныхъ суммъ; остальные два рубля пришлось мнѣ уплатить изъ личныхъ средствъ, т. е. изъ числа 16 рублей получаемаго мною жалованья по должности. Старшина былъ правъ: я поплатился за свою неопытность—съ меня взяли безбожно дорого. Понятно, что Терентья Ни-

китича нерѣдко приходилось настойчиво просить о поддержаніи надлежащей чистоты и опрятности въ школьномъ зданіи.

Классная обстановка была въ самомъ неприглядномъ видѣ: мебели въ родѣ партъ вовсе не было: ее замѣняли длинные столы съ горизонтальными досками на крестообразныхъ ножкахъ, безъ ящиковъ, сколоченные плотникомъ. Для учителя имѣлся небольшой столишко, расклеившійся во всѣхъ своихъ частяхъ; былъ небольшой шкафъ для учебныхъ принадлежностей; печь мало нагрѣвала комнату, но много дымила. Въ переднемъ углу на стѣнѣ стоялъ большой церковный образъ темнаго цвѣта, изображавшій Іоанна Предтечу съ крыльями за спиной; передъ нимъ висѣла церковная мѣдная лампадка.

Хотя школа уже существовала три года, но строго систематическихъ классныхъ занятій въ ней не было; послѣднія состояли въ томъ, что, по выраженію учениковъ, „до обѣда читали, послѣ обѣда писали", иногда и наоборотъ: „до обѣда писали, а послѣ обѣда читали". Учитель часто допускалъ личныя забавы и развлеченія, иногда крайне непристойныя, на счетъ учащихся и Терентья Никитича. Поведеніе моего предмѣстника относительно подчиненныхъ ему тѣмъ болѣе казалось непонятнымъ, что онъ былъ неглупымъ молодымъ человѣкомъ, вышедшимъ изъ второго класса духовной семинаріи, хотя и не имѣлъ спеціальной педагогической подготовки. Розги царили въ полной силѣ. И что было особенно странно, такъ это то, что учащіеся наказывались ими не за дурное поведеніе, а за ошибки, допущенныя дѣтьми при списываніи съ книги,— по удару за каждыя десять: по истинѣ былъ „корень ученія горекъ".

При внесеніи въ списки именъ учениковъ, посѣщавшихъ школу въ предшествовавшіе годы, меня изумило, а потомъ разсмѣшило слѣдующее обстоятельство:

— Какъ твоя фамилія?—спрашиваю ученика.

— Батюшковъ.

— Твоя?

— Державинъ.

— Твоя?

— Пушкинъ.

— Твоя?

— Лермонтовъ.

— Твоя?

— Кольцовъ... и. д.; даже была Авдотья Мей. Ясно, что фамиліи учащимся даны были моимъ предмѣстникомъ, и мнѣ пришлось тутъ-же всѣхъ этихъ геніевъ разжаловать: Державина — въ Изотова, Пушкина — въ Степанова, Лермонтова — въ Богданова и т. д. и начать обученіе ихъ, какъ обыкновенныхъ смертныхъ.

Изъ второго выпуска воспитанниковъ Александровской учительской школы въ Бѣлозерскій уѣздъ поступили на службу въ 1873 году вмѣстѣ со мною шесть человѣкъ; трое изъ насъ состоятъ учителями по настоящее время. Намъ назначенъ былъ высшій окладъ содержанія по 200 рублей въ годъ, и предложено было выбрать школу по своему желанію. Какъ видите, счастье улыбнулось намъ съ перваго шага и большинству изъ насъ сопутствовало за все время службы; мы были піонерами въ созиданіи типа земской школы, соотвѣтствующаго современнымъ потребностямъ; до насъ не было въ мѣстности сельскихъ учителей со спеціальной педагогической подготовкой.

Три обстоятельства содѣйствовали успѣшному веденію дѣла: ревность преподавателей, стремившихся осуществить завѣтныя мечты, привить къ питомцамъ качества, возвышающія душу и облагораживающія сердце, расширить горизонтъ ихъ познаній; возрастъ учащихся отъ 10 до 15 лѣтъ и гуманное, заботливое отношеніе земства къ своему любимому дѣтищу—народной школѣ.

Въ первый годъ моей учительской дѣятельности въ Бубровѣ пріемъ учащихся продолжался около мѣсяца: ученики заманивали на уроки своихъ сверстниковъ, сестеръ и братьевъ, говоря, что нынче въ школѣ очень весело: каждый день поютъ пѣсни, розгами не наказываютъ. Поздно поступавшіе садились въ отдѣльную комнату; имъ удѣлялось по нѣсколько минутъ отъ урока; они быстро усваивали показанное, будучи десяти и двѣнадцати лѣтъ отъ роду. Всѣхъ учащихся собралось около 40; они были раздѣлены на три отдѣленія. Кромѣ обыкновенныхъ шести уроковъ старшее отдѣленіе занималось еще вечеромъ. Вечернія занятія не были обязательны: ихъ посѣщали только желающіе. Сначала они характеризовались оттѣнкомъ развлеченія и забавы: на нихъ пѣлись дѣтскія пѣсни, читались сказки; затѣмъ постепенно становились болѣе серьезными: на нихъ заучивались стихотворенія, знакомились съ грамматикой и ариѳметикой.

Въ школѣ проходились Законъ Божій, чтеніе церковной и гражданской печати, письмо и ариѳметика; сообщались учащимся нѣкоторыя историческія и географическія свѣдѣнія, свѣдѣнія по ботаникѣ и зоологіи изъ книги для класснаго чтенія, объяснялись обыденныя явленія природы. Законъ Божій тоже преподавался мною: старичокъ священникъ находилъ занятія съ дѣтьми непосильными для себя и ограничивался только наблюденіемъ, изрѣдка посѣщая школу и присутствуя на экзаменахъ. Кстати сказать, на баллы онъ былъ очень щедръ и всѣмъ безъ исключенія ставилъ 5. По остальнымъ предметамъ обученіе велось по возможности наглядно.

Недостатокъ учебныхъ пособій пополнялся моделями, изготовляемыми учениками, коллекціями, мною собираемыми. При объясненіи нумераціи, напримѣръ, и ариѳметическихъ дѣйствій употреблялись ровныя тонкія палочки, длиною въ обыкновенный карандашъ; онѣ были связаны въ пучки по двѣ, по три... по десятку; десятки связывались въ сотни. На палочку классной доски выставлялись, напримѣръ, три пучка, каждый съ десятью десятками, два пучка, содержащіе по одному десятку палочекъ, и одинъ въ пять штукъ; а подъ ними на доскѣ писалось 325. Письменный счетъ въ младшемъ отдѣленіи велся такъ, что одно и то же число, надъ которымъ работали дѣти, чтобы однообразіе не утомляло ихъ, изображалось различными знаками: прямыми крестиками, косыми, кружечками, точками, квадратиками, прямостоячими, прямолежачими и наклонными черточками. На первомъ-же десяткѣ дѣти знакомились со всѣми четырьмя дѣйствіями, уясняли краткое и разностное отношенія между числами, продѣлывали задачи по сборнику Евтушевскаго въ предѣлахъ пройденнаго и тѣмъ закрѣпляли въ памяти сущность основныхъ дѣйствій, чѣмъ значительно облегчалось дальнѣйшее прохожденіе курса.

При обученіи родному языку употреблялись такіе пріемы, чтобы большее число внѣшнихъ чувствъ питомцевъ участвовало въ образованіи представленія и въ выработкѣ понятія о предметѣ. Для младшихъ группъ составлялись иногда предметныя прописи. Онѣ состояли въ томъ, что на учительскомъ столѣ выставлялись различныя вещи, велась бесѣда о взаимномъ отношеніи ихъ и затѣмъ дѣти описывали группу. Въ результатѣ получался письменный разсказъ въ родѣ слѣдующаго: „Передъ нами стоитъ столъ. На столѣ лежитъ открытая книга. Она намъ знакома: вѣдь это „Родное Слово“. Мы его читали. Направо отъ книги толстая тетрадь, а налѣво длинная линейка. За книгой стеклянная чернильница съ чернилами. Возлѣ нея стальное перо. На немъ очиненный карандашъ. За чернильницей грифельная доска, а на ней длинный грифель. Все это учебныя вещи“. — Слѣдующія группы составлялись изъ моделей орудій, экипажей, игрушекъ и т. п. При прохожденіи синтаксиса предложеніе, послѣ надлежащаго объясненія, выписывалось отчетливо на классную доску, чтобы учащіеся восприняли его не только слухомъ, но и зрѣніемъ, ясно ощутили его особенности и уяснили разстановку знаковъ препинанія. Преобладающими видами письменныхъ работъ были: диктанты, изложеніе содержанія прочитанныхъ статей, списываніе съ книги, написаніе наизусть заученныхъ басенъ и стихотвореній. Какъ только замѣчались разсѣянность, утомленіе учащихся—пѣлись пѣсни, гимны, псалмы и другія церковныя пѣснопѣнія.

Успѣхи въ школѣ за первый годъ были удовлетворительны: ими остались довольны члены училищнаго совѣта, производившіе ревизію, общества и инспекторъ народныхъ училищъ. Онъ былъ тогда одинъ на всю губернію. Посѣтилъ школу зимою и нашелъ ее биткомъ набитою: классная комната была вся заставлена столами, между которыми оставался очень узкій проходъ: человѣкъ въ зимней одеждѣ могъ пройти только бокомъ. Онъ говорилъ мнѣ, что меня слѣдовало бы перевести въ Антушевское училище. А земство выдало мнѣ пятнадцать рублей, чѣмъ я остался очень доволенъ.

На второй годъ составилось четыре отдѣленія: многіе изъ окончившихъ курсъ пожелали продолжать образованіе. Съ дополнительнымъ отдѣленіемъ занимался вечеромъ, по окончаніи учебныхъ классныхъ занятій, отъ двухъ до трехъ часовъ ежедневно: изучали грамматику, вторую часть ариѳметики — дроби простыя и десятичныя, рѣшались задачи на сложное тройное правило; читали повѣсти и разсказы.

Въ послѣдующіе годы явилась потребность въ расширеніи классной комнаты, чего можно было достигнуть чрезъ удаленіе одной стѣны и перенесеніе печи на другое мѣсто. На это требовались деньги, но гдѣ ихъ было взять? Посовѣтовавшись съ мѣстными крестьянами, я предложилъ имъ доставить дрова для отопленія школы на одинъ годъ натурою: по одному возу съ учащагося, а деньги, назначенныя на этотъ предметъ, израсходовать на ремонтъ школьного зданія. Требовалось еще согласіе Антушевскаго волостного старшины. Онъ не только согласился удовлетворить мою просьбу, но и вполнѣ одобрилъ мое намѣреніе, только съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы я уже не просилъ у него денегъ на дрова, если заготовленныхъ не хватитъ на годъ, а недостатокъ ихъ пополнилъ бы чрезъ посредство учащихся натурою. Ремонтъ былъ произведенъ. На слѣдующій годъ все школьное зданіе было оклеено обоями, отчасти на мои личныя средства, отчасти на средства учениковъ, жертвовавшихъ на это дѣло отъ 10 до 25 копеекъ. Выше обоевъ, подъ потолкомъ классной комнаты я написалъ крупными славянскими буквами евангельскій текстъ: „Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененіи, и Азъ упокою вы; возьмите иго мое на себѣ и научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ: иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть“. Помѣщеніе приняло приличный видъ: было заново меблировано, неуклюжіе столы на скрещенныхъ ножкахъ замѣнились партами. Библіотека пополнилась новыми книгами.

Въ семидесятыхъ годахъ почетнымъ блюстителемъ Бубровской школы былъ назначенъ *Анатолій Васильевичъ Панинъ*. При пер-

вомъ же посѣщеніи онъ былъ пріятно пораженъ успѣхами учениковъ, чего не скрылъ отъ меня, и пожалъ мнѣ руку; тутъ же спросилъ: не нуждается ли въ чемъ-нибудь школа; предложилъ, въ случаѣ надобности, обращаться къ нему за помощью. Онъ нерѣдко посѣщалъ насъ въ теченіе учебнаго года и почти всегда присутствовалъ на экзаменахъ. Благодаря его необыкновенной щедрости, школа обогатилась ботаническими и зоологическими стѣнными таблицами, роскошнымъ стѣннымъ атласомъ географическихъ картъ и другими учебными пособіями.

Земская управа съ своей стороны старалась обставить школы, какъ можно лучше, развивая соревнованіе между нами, поощряя усерднѣйшихъ прибавкою жалованья и денежными пособіями, выдавая безплатные ярлыки на проѣздъ въ сосѣднія школы для собесѣдованія по педагогическимъ вопросамъ и обмѣна мыслей. Это было такое свѣтлое время, освященное любовью къ народному образованію лучшихъ силъ въ мѣстности, одно воспоминаніе о которомъ окрыляетъ духъ и приводитъ сердце въ восторженный трепетъ: при воспоминаніи о немъ чувствуется приливъ свѣжихъ силъ, какъ будто снова молодѣешь. Съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ въ школьной лѣтописи имена Петра Васильевича Пушторскаго, Михаила Алексѣевича Прокофьева, общаго любимца, едва ли не больше всѣхъ земскихъ дѣятелей поработавшаго на пользу уѣзда въ отношеніи развитія въ немъ грамотности. Въ бытность его предсѣдателемъ земской управы и членомъ училищнаго совѣта онъ говорилъ намъ, учителямъ: „вы требуйте отъ насъ все, что вамъ необходимо для школы; но позвольте и намъ требовать отъ васъ то, чего мы желаемъ". При такихъ условіяхъ мы работали самоотверженно. Я успѣвалъ, напримѣръ, по ариѳметикѣ познакомить дѣтей старшаго отдѣленія съ простыми и десятичными дробями, со среднимъ отдѣленіемъ производить дѣйствія надъ числами любой величины, отвлеченными и именованными.

У насъ обыкновенно жалуются на то, что дѣти по выходѣ изъ школы все забываютъ. Такое мнѣніе едва ли вѣрно: могутъ забыться частности, а суть ясно воспринятаго ученикомъ въ отрочествѣ не должна забываться. Черезъ нѣсколько лѣтъ по выходѣ изъ школы встрѣтилъ я Степана Рожина и спросилъ шутя: „скажи-ка, братецъ, сколько вершковъ отъ насъ до Питера?" — „А сколько верстъ?" — „Пятьсотъ".—Двѣнадцать милліоновъ вершковъ, отвѣчалъ онъ чрезъ минуту.—Предо мною письмо Тимофея Егоровича Добрякова, извѣстнаго земскаго дѣятеля, изъ Новгорода отъ 17 октября 1897 года, въ которомъ онъ, между прочимъ, пишетъ: „На-дняхъ былъ въ Питерѣ... Видѣлся съ Самуиломъ Потаповичемъ Шмаковымъ, который

служитъ артельщикомъ во 2-мъ конно-желѣзномъ обществѣ; деньги считаетъ ужасно скоро и цѣлыми мѣшками мелкое серебро вноситъ уже по вѣсу, безъ перечета, въ главную кассу... А что особенно меня поразило, такъ его умѣніе приспособиться къ такому живому дѣлу, какое теперь у него на рукахъ: артельщикъ это казначей, приходо-расходчикъ, или иначе какъ назовите; только на его обязанности лежитъ пріемъ выручаемыхъ ежедневно конками денегъ и выдача жалованья служащимъ, а ихъ многое множество. Гдѣ онъ учился счетоводству? Должно быть, въ Бубровѣ; въ былое время курсъ счетоводства изучался прекрасно, когда выходятъ впослѣдствіи такіе дѣльцы". Читая эти строки, переношусь духомъ въ далекое прошлое: мнѣ рисуется маленькая фигурка десятилѣтняго мальчика, сироты, лишившагося отца на трехлѣтнемъ возрастѣ, Самуила Потаповича Шмакова, съ мѣломъ въ рукѣ у классной доски, бойко производящаго ариѳметическія вычисленія. И не одинъ онъ, а многіе изъ моихъ бывшихъ питомцевъ по Бубровской школѣ нашли полезное дѣло въ Петербургѣ, въ другихъ городахъ и селахъ: одни служатъ учителями, другіе волостными писарями, третьи приказчиками и т. п.

Лѣтомъ 1876 года я посѣтилъ Вышегорскую учительскую семинарію. Здѣсь, въ физическомъ кабинетѣ, въ большихъ со стеклами шкафахъ, я увидѣлъ чучела птицъ и другихъ животныхъ. Коллекція птицъ особенно меня поразила: пернатыя были поставлены въ самыхъ разнообразныхъ позахъ, нѣкоторыя съ распростертыми крыльями. Я спросилъ г. директора, меня сопровождавшаго: „позвольте узнать—откуда у васъ эти чучела?" — „Ихъ приготовляетъ одинъ изъ наставниковъ семинаріи, Исаинъ".—„Нельзя ли съ нимъ познакомиться?" — „Съ удовольствіемъ бы познакомилъ, но его нѣтъ въ городѣ: онъ въ Петербургѣ". — Это былъ Николай Трифоновичъ Исаинъ, извѣстный всей Россіи пчеловодъ и сельскій хозяинъ. Мнѣ было досадно, что не удалось познакомиться съ Николаемъ Трифоновичемъ, пораспросить у него, какъ набиваются чучела. По прибытіи въ Буброво рѣшился приняться за новое дѣло. Настоящимъ охотникомъ я никогда не былъ. Въ отрочествѣ зашевелилось было въ душѣ желаніе „полѣсовать", но тогда ружья не имѣлъ; а когда представилась возможность имѣть ружье, убѣжденія измѣнились: истреблять птицъ только для того, чтобы ѣсть ихъ мясо, я считалъ жестокимъ, несогласнымъ съ правилами нравственности. Взялъ у сосѣда ружье и застрѣлилъ ворону... Конечно, первые экземпляры были неудачны, но — по пословицѣ: терпѣнье да трудъ все перетрутъ — впослѣдствіи я достаточно набилъ руку въ приготовленіи чучелъ. Объ этомъ узналъ Николай Трифоновичъ и написалъ мнѣ,

чтобы я зашелъ къ нему, когда побываю въ Череповцѣ; онъ былъ тогда уже наставникомъ Череповецкой семинаріи. При свиданіи съ нимъ онъ предложилъ мнѣ заготовлять чучела для ихъ склада, откуда они расходились въ разные концы Россіи. Въ осеннее время не было недостатка въ матеріалѣ: охотники доставляли мнѣ небольшихъ звѣрьковъ и всевозможныхъ птицъ въ изобиліи. Въ моемъ распоряженіи имѣлись породы совъ отъ громаднаго филина до экземпляра, немного больше воробья величиною; изъ куриной породы: рябчики, тетерева, глухари, куропатки; изъ лазающихъ: дятлы пяти-шести разновидностей; изъ болотныхъ: журавли, бекасы, кулики разныхъ породъ; изъ плавающихъ: гуси, лебеди, утки, гагары; изъ хищныхъ: ястреба, пустельги, копчики, орлы; изъ звѣрьковъ: рыси, куницы, горностаи, бѣлки, ласки, медвѣжата. Особенно рѣдкими экземплярами, прошедшими чрезъ мои руки, были: 1) прекрасный лебедь, убитый осенью, вѣсившій 35 фунтовъ; за одну шкуру его я заплатилъ охотнику три рубля: охотникъ самъ былъ человѣкъ смышленный и хотѣлъ изъ нея сдѣлать муфту, но я упросилъ его уступить мнѣ лебедя для чучела; 2) орелъ, ширина распростертыхъ крыльевъ его достигала 46 вершковъ; 3) очень большая пятнистая рысь, купленная мною за семь рублей. Нужно ли говорить о томъ, что мои коллекціи были прекраснымъ нагляднымъ пособіемъ при чтеніи статей изъ царства животныхъ и растеній. Въ какой восторгъ приходили дѣти при пѣніи пѣсенки „плыла лебедь съ лебедятами", когда я выносилъ къ нимъ изъ сосѣдней комнаты величественное чучело для предстоявшей бесѣды. Голова чучела, поставленнаго на столъ, сидѣвшая на картинно-изогнутой шеѣ, чуть не касалась потолка. Желавшія изъ дѣтей присутствовали при набивкѣ чучелъ, а старшіе мальчики помогали мнѣ въ работѣ. Нѣкоторые изъ нихъ сами научились набивать чучела очень хорошо. Нѣкоторые изъ учителей, посѣщая мою школу, распрашивали меня, какъ набивать чучела. Я не только дѣлился съ ними познаніями въ этомъ отношеніи, но и производилъ работу въ ихъ присутствіи, чтобы показать наглядно самое производство. Въ числѣ другихъ позаимствовался отъ меня и покойный Иванъ Андреевичъ Капустинъ, эта яркая звѣзда, двадцать два года сіявшая на педагогическомъ горизонтѣ Бѣлозерскаго уѣзда: посѣтивъ Тимонино, я встрѣтилъ у него небольшую коллекцію чучелъ птицъ, хотя и не отличавшихся изящностью.

6-го февраля 1878 года Бубровская школа преобразована въ одноклассное М. Н. П. училище. Это событіе, конечно, порадовало меня. При улучшеніи училищной обстановки улучшалось и мое матеріальное положеніе на тридцать рублей ежегодно: я уже получалъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ высшій въ уѣздѣ окладъ учитель-

скаго жалованья—триста рублей. Проектировалась постройка новаго классного зданія, а существовавшее предназначалось подъ квартиры учителя, сторожа и ночлежнаго пріюта для дѣтей. Мы со старичкомъ священникомъ объѣхали весь приходъ, убѣждали крестьянъ уступить для новаго зданія училища принадлежавшее имъ зданіе общественнаго магазина, находившееся въ Бубровѣ, много лѣтъ безполезно стоявшее пустымъ и требовавшее ремонта. Дѣло наше увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: сельскія общества составили приговоры о безвозмездной уступкѣ вышеозначеннаго зданія въ полное распоряженіе училища. Новое классное зданіе было построено. Оно сохранилось по настоящее время въ прежнемъ видѣ. Заниматься въ немъ было несравненно легче: не ощущалось одуряющей голову духоты, какъ въ прежнемъ помѣщеніи; свѣта и воздуха было достаточно.

Дѣти аккуратно посѣщали училище и очень привязались къ нему. Даже въ праздничные дни отъ нихъ трудно было отдѣлаться: заглянешь въ классъ, а они уже тамъ. Эти маленькіе друзья школы уже были проводниками полезнаго въ свою среду. Сколько разъ, напримѣръ, администрація предписывала произвести въ селеніяхъ посадку деревьевъ, какъ предохранительную мѣру отъ пожаровъ; но дѣло въ Бубровѣ не имѣло успѣха, пока не принялись за него дѣти: они развели декоративные садики около домовъ, впослѣдствіи такъ разросшіеся, что часть ихъ пришлось вырубать. Училище посѣщали не только ученики, но и подростки лѣтъ пяти. Позволяю себѣ помѣстить здѣсь маленькую сценку, уже напечатанную въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ. Одинъ почтенный старикъ явился ко мнѣ съ четырьмя внуками и внучкой. Двухъ старшихъ мальчиковъ и дѣвочку я принялъ, остальныхъ предложилъ ему увести домой.

— А этихъ развѣ не возьмешь?—спросилъ онъ.

— Не возьму: молоды еще, пускай подрастутъ.

— Ну, какъ хочешь: твоя воля... А я было думалъ, что всѣхъ примешь... Такъ до свиданья. Пойдемте, ребята.

Дня черезъ два опять онъ привелъ ко мнѣ младшихъ внуковъ.

— Возьми, пожалуйста, и этихъ, покою мнѣ не даютъ... Веди, говорятъ, дѣдо, въ школу...

— Нельзя, дѣдушка, принять ихъ: очень молоды... съ ними ничего не подѣлаешь...

— Да ужъ какое съ ними дѣло... Возьми, пусть хоть такъ-то сидятъ, да слушаютъ, хоть дома не мѣшаютъ.

— Да они здѣсь-то мѣшать будутъ.

— Оставь на денекъ-то, пусть послушаютъ, а завтра не отпущу.

Я согласился. Минутъ пять они вели себя прилично; потомъ одинъ изъ нихъ началъ тревожить сестру, подлѣ которой его посадили:

— Сто же заиньку-то не поесъ? Пой заиньку.

Послушай, другъ, обращаюсь къ нему: не мѣшай заниматься, пиши крестики, вишь всѣ пишутъ (чтобы завлечь его, я далъ ему грифель и доску).

— Я клестики написалъ... много написалъ, больсэ не буду.

— Пиши еще, не мѣшай заниматься.

— А спой заиньку, такъ не буду мѣсать...

— Теперь нельзя, послѣ споемъ всѣ вмѣстѣ.

— Ну, такъ я буду мѣсать... все буду мѣсать...

— А я тебя выведу на улицу, если будешь мѣшать.

— А я не пойду... я самого тебя на улицу...

— Классъ засмѣялся. Черезъ нѣсколько минутъ съ трудомъ удалили пятилѣтковъ.

Въ концѣ лѣта 1881 г. я получилъ новое назначенiе въ качествѣ учителя II класса и завѣдующаго Антушевскимъ двухкласснымъ М. Н. П. училищемъ. 1-го сентября дѣти, старики и старухи и всѣ, не отлучившiеся на работы, со слезами на глазахъ проводили меня въ Антушево.

Павелъ Вересовъ.

Изъ практики учителя отсталыхъ дѣтей.

Урокъ русской грамматики въ 4-мъ отдѣленіи большого двухкласснаго училища. Великовозрастный ученикъ-второгодникъ N, застревавшій въ каждомъ отдѣленіи по 2—3 года, вызванъ къ доскѣ. Онъ занятъ разборомъ предложенія: „мужикъ ѣдетъ въ лѣсъ за дровами“. Остановка на первомъ-же словѣ: N задумался надъ вопросомъ, какого рода слово „мужикъ“?

Изъ какого-то неуловимаго предательскаго источника доносится шопотъ: „женскаго“. N повторяетъ: „мужикъ“ — „женскаго рода“. Разумѣется, неудержимый смѣхъ учениковъ сопровождаетъ этотъ отвѣтъ...

Урокъ русской словесности въ томъ-же отдѣленіи. Изученныя раньше главнѣйшія стихотворенія Кольцова сопоставляются одно съ другимъ. Яркими, выпуклыми чертами вырисовывается передъ нами удалый, могучій духомъ и тѣломъ добрый русскій молодецъ, который смѣло борется съ препятствіями, твердо идетъ къ поставленной цѣли, радостно трудится на деревенскомъ привольѣ въ сознаніи великаго значенія своего труда. Дѣти, наперерывъ другъ передъ другомъ, приводятъ историческія иллюстраціи этого типа. Идетъ увлекательная творческая работа. Кажется, и N присмирѣлъ: общее увлеченіе какъ-будто охватило и его. Онъ даже порывается сказать что-то. Я тороплюсь спросить его, но разочаровываюсь: онъ спрашиваетъ, много-ли уроковъ на завтра. Я дѣлаю попытку привлечь и его къ общей работѣ, но напрасно... N скучаетъ. Онъ пользуется тѣмъ обстоятельствомъ, что на него не обращаютъ вниманія, и напоминаетъ о своемъ существованіи какой-нибудь „штукой“, вызывающей смѣхъ въ большинствѣ его товарищей и взрывъ безсильнаго, тщетнаго негодованія въ учителѣ. Урокъ продолжается уже безъ прежняго воодушевленія; многіе изъ учениковъ оглядываются на N и улыбаются.

Что же такое представляетъ собою этотъ злой демонъ учителя, этотъ N? Высокаго роста, плечистый, но неловкій и дряблый; небольшая голова съ покатымъ лбомъ; серьезные, но безсмысленные

глаза. Чѣмъ-бы ни было, трудно его расшевелить. Къ насмѣшкамъ товарищей относится, въ большинствѣ случаевъ, хладнокровно. Если надоѣдятъ черезъ мѣру, злится и дерется. Глубокія обиды долго помнитъ. Любитъ читать разсказы съ интересной фабулой, но содержанія связно передать не можетъ и скоро его забываетъ. Однимъ словомъ, N это то, что понимаютъ подъ словомъ „слабоумный“ „отсталый въ умственномъ развитіи“.

Такихъ дѣтей, какъ N, въ каждой школѣ найдется не меньше 10%.

Эти дѣти — предметъ насмѣшекъ и издѣвательства товарищей и предметъ муки для учителя. Никакія воспитательныя и образовательныя мѣры не привьются къ нашей школѣ, пока изъ нея не будутъ выдѣлены отсталые. Пока отсталые находятся среди нормальныхъ, классная дисциплина по необходимости должна быть суровою. Но такая дисциплина подавляетъ нормальныхъ, портитъ ихъ и нерѣдко на столько, что увеличиваетъ % ненормальныхъ. Такимъ образомъ, масса приносится въ жертву единицамъ и, главное, безрезультатно, потому что отношеніе здоровыхъ дѣтей къ ненормальнымъ озлобляетъ послѣднихъ и еше болѣе расшатываетъ ихъ неустойчивую волю.

Какъ показалъ опытъ за границей, для отсталыхъ дѣтей необходимы особыя школы съ растянутымъ вдвое, втрое общеобразовательнымъ курсомъ, гдѣ на первомъ планѣ стояли-бы предметы физическаго воспитанія и, главнымъ образомъ, преподаваніе ремеселъ на разумныхъ, педагогическихъ основахъ.

Въ виду того, что у насъ въ послѣднее время разрѣшеніе вопроса объ устройствѣ школъ для дѣтей слабоумныхъ и отсталыхъ поставленъ въ ближайшую очередь въ правительственныхъ сферахъ, нахожу своевременнымъ подѣлиться съ читателями тѣмъ, что я вынесъ изъ своей многолѣтней практики руководства отсталыми и больными дѣтьми, и указать, какою именно представляется мнѣ школа для нихъ.

I

Первая моя практика въ этомъ родѣ была съ десятилѣтнимъ мальчикомъ М. Небольшого роста, тонкій, стройный, подвижной, съ умными, живыми глазами, онъ произвелъ на меня прежде всего хорошее впечатлѣніе. Но скоро оказалось, что первое впечатлѣніе было глубоко-ошибочнымъ.

М.—сынъ алкоголика, ревматикъ. Въ его изможденномъ тѣлѣ, однако, жилъ какой-то неукротимый духъ. Онъ былъ большой мастеръ на всевозможныя шалости и гадости. Отецъ въ пьяномъ видѣ жестоко билъ его, но безъ всякаго результата: черезъ часъ послѣ

наказанія мальчикъ снова, какъ ни въ чемъ не бывало, продѣлывалъ свои обычныя шалости: дразнилъ и билъ своихъ сестеръ, портилъ вещи, курилъ, вѣшалъ кошекъ на деревѣ, бросалъ камнями въ прохожихъ. Сосредоточиться долго на чемъ нибудь онъ не могъ. Даже самое любимое занятіе его — устройство огнестрѣльнаго (при помощи спичекъ) оружія не могло на долго увлечь его. Про занятія науками и говорить нечего: большихъ усилій стоило мнѣ продержать его вниманіе минутъ 10—15 на одномъ предметѣ. Непремѣнно надо было давать ему отдыхъ и разнообразить ученье какимъ нибудь физическимъ трудомъ. И дѣлать это приходилось не безъ протестовъ со стороны родителей М. „Мальчикъ, кажется, не учится, а балуется", бросались мнѣ вскользь ехидныя замѣчанія. Съ теченіемъ времени мнѣ удалось сосредоточить вниманіе моего ученика на одномъ предметѣ въ теченіе 30—40 минутъ. Въ продолженіе двухъ лѣтъ большихъ успѣховъ я достичь не могъ. Къ тому времени мнѣ пришлось оставить семью М. вслѣдствіи того, что самъ М. допился до послѣдней крайности, и нерѣдко мнѣ приходилось, съ опасностью для собственной жизни, отнимать дѣтей отъ бѣшенаго алкоголика.

Послѣ годичнаго отдыха въ прекрасной семьѣ инженера К. среди милыхъ даровитыхъ дѣтей, я поступилъ домашнимъ учителемъ къ г. Д. У меня на рукахъ оказался девятилѣтній мальчикъ, туповатый, нервный, годъ тому назадъ перенесшій воспаленіе мозга. Къ сожалѣнію, мнѣ предстояла узкая задача — приготовить мальчика въ гимназію. Надо было набивать голову мальчугана предлогами, нарѣчіями, прилагательными, а это все отскакивало отъ него, какъ отъ стѣны горохъ. Мальчикъ скучалъ и только утомлялся. Очевидно, надо было, сначала, укрѣпивъ его физически, дать толчекъ его умственному развитію посредствомъ живыхъ бесѣдъ. Я предложилъ Д. отсрочить поступленіе ихъ сына въ гимназію. Мое предложеніе не было принято, и я разстался съ Д.

Вскорѣ послѣ этого мнѣ пришлось имѣть дѣло съ форменнымъ идіотомъ 18 лѣтъ.

Пробѣгая газетныя объявленія въ „Новомъ Времени" и не найдя для себя ничего подходящаго въ обычномъ мѣстѣ, гдѣ помѣщались предложенія для интеллигентныхъ работниковъ, я, случайно скользнувъ взоромъ дальше, увидѣлъ интересное объявленіе: „Въ модную мастерскую нужна корсажница. Здѣсь-же требуется воспитатель къ больному мальчику". Я недоумѣвалъ, что бы это могло значить. Неужели въ совмѣщеніи такого разнороднаго спроса проглядываетъ неимовѣрная тупость и скаредность: пожалѣли заплатить денегъ за особое объявленіе для вызова воспитателя къ больному мальчику и на первомъ планѣ поставили корсажницу, а не учителя. Я сначала

не хотѣлъ идти по этому объявленію; но потомъ рѣшилъ сходить удостовѣриться и, если мои предположенія о тупости и скаредности объявителя оправдаются, отказаться. Пошелъ, удостовѣрился въ справедливости моихъ догадокъ и... все же остался.

Меня очень заинтересовалъ мальчикъ, по виду—юноша высокаго роста, малоподвижный, неуклюжій, заплывшій жиромъ, съ сонными безсмысленными маленькими глазами на одутловатомъ лицѣ, склоненномъ впередъ и вправо. Отца у него не было; его мать г-жа С. содержала небольшую, но очень доходную модную мастерскую. Она оказалась женщиною очень неразвитою, скаредною, хотя страстно привязанною къ сыну. Прежде чѣмъ ставить условія для занятій съ ея сыномъ, я предложилъ дать послѣднему нѣсколько пробныхъ уроковъ.

Черезъ 3—4 дня для меня окончательно выяснилось, что передо мною безнадежный идіотъ, восемнадцатилѣтній по возрасту, но съ интеллектомъ трехлѣтняго ребенка, съ которымъ въ данной обстановкѣ едва-ли что можно было сдѣлать.

Я категорически заявилъ г-жѣ С., что занятія мои съ ея сыномъ могутъ продолжаться только послѣ совѣта съ какимъ нибудь опытнымъ психіатромъ и подъ его руководствомъ и что всѣ указанія его во что-бы то ни стало должны быть выполнены. Не безъ колебаній г-жа С. выразила свое согласіе. Я повезъ своего будущаго воспитанника М. С. въ психіатрическую клинику. Одинъ изъ ассистентовъ профессора Б., молодой, энергичный, полный вѣры въ свою науку, внимательно изслѣдовалъ М. и высказалъ, что хотя надежды мало на просвѣтлѣніе моего ученика, но интересно попробовать развивать его физически и умственно, тѣмъ болѣе, что пластичность мозга его еще не утратилась, и методическія упражненія могутъ, вызвавъ усиленный притокъ крови къ мозговымъ центрамъ, нѣсколько усовершенствовать его психику. У М. замѣчалось ослабленіе дѣятельности правой стороны тѣла и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ясное разстройство рѣчи (явленіе разстройства рѣчи почти у всѣхъ „лѣвшей“). Для улучшенія рѣчи докторъ далъ совѣтъ мнѣ дѣлать усиленную гимнастику правыхъ оконечностей и массажъ правой стороны туловища М.; этимъ должно возбудиться рефлекторное вліяніе на мозговой центръ, завѣдующій рѣчью. Талантливый врачъ внушилъ мнѣ вѣру въ возможность успѣха, и я горячо принялся за дѣло.

Занятія съ М. были распредѣлены мною такимъ образомъ: утромъ прогулка, отъ 10 до 12 часовъ занятія, состоявшія въ складываніи изъ палочекъ окна, колодца, домика и другихъ предметовъ (впослѣдствіи—буквъ) и срисовываніи ихъ по клѣткамъ; отъ 2 до 4,

три раза въ недѣлю, прогулка, три раза — сеансы въ гимнастическомъ заведеніи; по вечерамъ—игры, чтеніе и разсказы.

Мой воспитанникъ различно относился ко всѣмъ этимъ занятіямъ. Прогулки онъ очень любилъ; къ занятіямъ гимнастикой сначала относился враждебно, но скоро освоился и заинтересовался ими. Съ интересомъ складывалъ изъ палочекъ колодцы и домики, но рисованіе по клѣткамъ давалось ему очень туго рисованіе по другой системѣ, именно Jacob'а, состоявшей въ томъ, что заполняютъ штриховкой готовые контуры, шло у него напротивъ съ увлеченіемъ.

Черезъ два мѣсяца мой воспитанникъ могъ приступить къ изученію буквъ. Онъ складывалъ ихъ изъ палочекъ, потомъ срисовывалъ ихъ; затѣмъ сталъ складывать простѣйшія слова и выводилъ ихъ на бумагѣ. Въ тоже время онъ рисовалъ уже по клѣткамъ простѣйшія фигуры, не оставляя и системы Jacob'а, гдѣ перешелъ уже къ болѣе сложнымъ рисункамъ.

Приведу нѣсколько выдержекъ изъ моего дневника.

2 ноября (вечеромъ). Наконецъ-то, послѣ долгихъ усилій, сказалъ звукъ „Ф".

Окошечко изъ палочекъ сложилъ сразу, а утромъ, вмѣсто окна, складывалъ букву „М".

3 ноября. Очень трудно учить его, между прочимъ, и потому, что онъ пріобрѣлъ навыкъ неправильно произносить слова, искажать звуки. Надо придумывать слова, которыхъ онъ еще не знаетъ, наглядно объяснять ихъ и потомъ уже выдѣлять требуемые звуки.

Вмѣсто буквы „М", сложилъ окно, но *самъ* спохватился, что ошибся; однако самостоятельно не могъ исправить ошибки. Соображаетъ сегодня хуже.

Вечеромъ (опять *вечеромъ?!*) самъ догадался, какъ поставить проволочную фигуру.

4 ноября. Сложилъ окно самостоятельно.

Рѣшилъ отдѣльно вести построеніе вертикальныхъ и наклонныхъ палочекъ. При построеніи послѣднихъ, надо усиленно слѣдить за локтевой частью руки М., иначе, при ея малоподвижности, рядъ наклонныхъ палочекъ мало-по-малу переходитъ въ вертикальныя.

Во время рисованія *самъ* просилъ меня показать, какъ рисовать лапки.

7 ноября. Сегодня М. выглядитъ не совсѣмъ здоровымъ. Не хотѣлъ (послѣ гимнастики) идти за тетрадкой и не желалъ заниматься. Я принесъ ему картинки для рисованія, и М. сталъ охотно рисовать. Способъ построенія „М" изъ окошечка оказался удачнымъ.

Разскрашивая окошечки, М. самъ замѣтилъ, что одно изъ нихъ плохо раскрасилъ.

19 ноября. Усвоилъ нѣкоторые гимнастическіе пріемы и выполняетъ ихъ самостоятельно, *по слову*, очень хорошо.

Заинтересовался новою буквою „И“.

30 ноября. М. очень скучалъ безъ меня. Говорили, что онъ долго стоялъ у окна, поджидая меня; если раздавался звонокъ, онъ шелъ въ переднюю, думая, что это я пришелъ.

М. спрашивалъ у своей матери, гдѣ я. Она объяснила ему, что я хожу къ другимъ дѣтямъ.

Вечеромъ М. очень заинтересованъ былъ разсказомъ объ этихъ другихъ дѣтяхъ, къ которымъ я ходилъ.

Во время занятій М. соображалъ немного хуже. Урокъ рисованія прошелъ неудачно. М. бралъ ванну.

1 декабря. Рисованіе прошло плохо. Гимнастику дѣлалъ энергично.

4 декабря. Занимается третій день по буквамъ-картинкамъ очень туго. Сегодня, сравнивая буквы Г и Е, нашелъ въ нихъ сходство.

На урокѣ ручного труда самъ догадался подать мнѣ острогубцы.

8 декабря. Съ увлеченіемъ слѣдилъ за раскрашиваніемъ рисунка.

11 декабря. Началъ припоминать звукъ с въ словѣ серпъ, которое раньше произносилъ: „цепъ“.

16 декабря. Сдѣлалъ интересное наблюденіе... М. съ большимъ рвеніемъ дѣлалъ указанія матери, какъ надо дѣлать гимнастику. При этомъ малоподвижный, молчаливый М. преображался. У него появлялись энергичныя движенія и интонація голоса. „Ты не такъ, мама, не такъ!

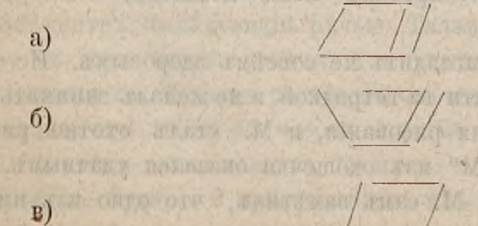
Смотли на меня, смотли...

Лазъ—два, лазъ—два. Плямо, плямо голову!“

18 декабря. Задалъ М. задачу—сложить самостоятельно домикъ изъ палочекъ такой фигуры:

1) складываніе квадратика было выполнено имъ въ три пріема:

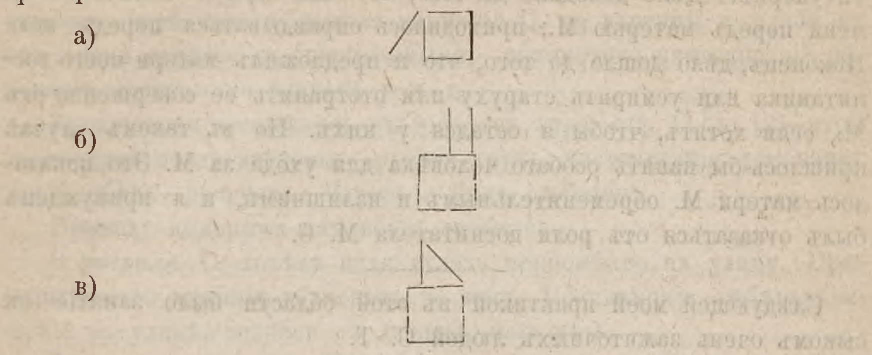

2) Пристройка крыши была выполнена (не совсѣмъ удачно) въ три пріема:

а)

б)

в)

30 декабря. На урокѣ ручного труда дѣлаетъ замѣтные успѣхи. Сегодня устраивали небольшой игрушечный столикъ. Провертывалъ дырочки самостоятельно.

Пристрастился къ разрисовыванію простыхъ фигуръ красками; сердится, если останавливаешь его во время рисованія.

Мальчикъ за все это время привыкъ ко мнѣ, скучалъ безъ меня — я пользовался правомъ нѣкоторой свободы: три дня въ недѣлю отъ 12 часовъ пополудни до утра слѣдующаго дня. Лично для меня занятія съ мальчикомъ были въ высшей степени утомительны: нужно было приноравливаться къ его настроенію въ выборѣ рода и времени занятій, надо было при томъ ограждать его отъ дурныхъ семейныхъ вліяній... Однако, степени трудности занятій соотвѣтствовала и степень ихъ интереса для меня, особенно въ послѣднее время, когда успѣшность ихъ для меня стала очевидною.

Но по мѣрѣ того какъ подвигались впередъ наши занятія, по мѣрѣ того какъ М. все болѣе и болѣе привязывался ко мнѣ, подготовлялись козни противъ меня со стороны бабушки моего воспитанника... Это была простая деревенская старуха, ходившая за своимъ несчастнымъ внукомъ и въ этомъ уходѣ видѣвшая своего рода подвижничество, которое, по ея мнѣнію, должно было искупить ея грѣхи. Такъ какъ часть ея обязанностей по отношенію къ М. я взялъ на себя, то этимъ какъ-бы умалилъ ея заслуги, сдѣлалъ ея подвижничество болѣе легкимъ и, слѣдовательно, менѣе цѣннымъ, за которое уже не зачтутся ея болѣе крупные грѣхи. И вотъ, она задалась цѣлью выжить меня изъ дому. Что-бы я ни предпринималъ: отправлялся-ли на прогулку съ М., укладывалъ-ли его спать, все вызывало ея воркотню: зачѣмъ я не укутываю М., зачѣмъ отворяю на ночь форточку въ спальнѣ, и т. д., до безконечности. И чѣмъ дальше,

тѣмъ назойливѣе становилась воркотня старухи и противодѣйствіе ея упорнѣе. Дѣло доходило до того, что она просто клеветала на меня передъ матерью М.; приходилось оправдываться передъ нею. Наконецъ, дѣло дошло до того, что я предложилъ матери моего воспитаника или усмирить старуху или отстранить ее совершенно отъ М., если хотятъ, чтобы я остался у нихъ. Но въ такомъ случаѣ пришлось-бы нанять особаго человѣка для ухода за М. Это показалось матери М. обременительнымъ и излишнимъ, и я принужденъ былъ отказаться отъ роли воспитателя М. С.

Слѣдующей моей практикой въ этой области было занятіе съ сыномъ очень зажиточныхъ людей С. Т.

Это былъ юноша 16 лѣтъ. Но въ умственномъ отношеніи ему нельзя было дать болѣе 7—8 лѣтъ. Онъ сносно писалъ и читалъ, удовлетворительно разсказывалъ прочитанное. По ариѳметикѣ былъ совершенно плохъ. Любилъ театръ. Къ сожалѣнію, воспитаніе его велось неудовлетворительно. Исторія его жизни была исторіей его порчи. По разсказамъ его матери, вся задача его воспитателей состояла въ томъ, чтобы озлоблять его. Они не понимали, что передъ ними отсталый въ умственномъ развитіи.

Такъ, когда ему было 14 лѣтъ, онъ игралъ совершенно по-дѣтски. Лѣтомъ на дачѣ наберетъ въ лѣсу палочекъ и, представляя себѣ, что это—живыя существа, разыгрываетъ съ ними цѣлыя сказки. Это вызывало негодованіе его гувернантки. Основываясь на томъ, что ея воспитанникъ уже не маленькій, что ему стыдно заниматься такою игрой, она безжалостно отбирала отъ него эти палочки и сжигала ихъ. Это вызывало въ мальчикѣ глубокое огорченіе и озлобленіе.

Такимъ отношеніемъ къ мальчику и можно было объяснить его угрюмый видъ, затаенно - озлобленный характеръ, привычку къ школьническимъ выходкамъ, которыми онъ мстилъ своимъ прежнимъ воспитателямъ за то, что они, вмѣсто того, чтобы давать ему свѣтлыя, радостныя впечатлѣнія, омрачали его бѣдную больную душу.

Посвятивъ нѣсколько дней на выясненіе особенностей моего новаго воспитанника, я выработалъ планъ занятій съ нимъ. Въ основу всѣхъ воспитательныхъ и образовательныхъ мѣръ я поставилъ физическія занятія и игры на воздухѣ; затѣмъ усиленно занимался съ С. ручнымъ трудомъ, въ который входили различныя отрасли мастерства, чтобы современемъ перейти къ основательному изученію той именно отрасли, къ которой мой воспитанникъ выкажетъ бо́льшую склонность. Изъ образовательныхъ мѣръ я поставилъ на первое мѣсто—выработку наиболѣе яснаго самосознанія; лучшимъ

средствомъ для этого я счелъ веденіе дневника самимъ С.; затѣмъ шли обычные школьные предметы: Законъ Божій, чтеніе съ пересказомъ,—при чемъ обращалъ вниманіе С. на картины и случаи въ его жизни сходные съ описываемыми,—ариѳметика, чистописаніе, рисованіе, составленіе плановъ и т. д.

Уроки наши начинались въ 9 часовъ утра; отъ 11 до 12—игры на воздухѣ; послѣ завтрака—ручной трудъ, чистописаніе, рисованіе; послѣ обѣда—прогулка. Вечера я былъ свободенъ.

Приведу выдержки изъ моего дневника.

8 февраля. С. хотѣлъ идти гулять непремѣнно на улицу. Причины своего желанія объяснить не могъ. Повидимому, любитъ движеніе на улицѣ, встрѣчи съ людьми, магазины.

Дѣлали палочки (пособіе для изученія счета). Заинтересовался этимъ занятіемъ.

Поймалъ маленькаго брата и сталъ дразнить его. На мой вопросъ: „Зачѣмъ ты трогаешь маленькаго?"—отвѣтилъ: „Я хочу, чтобы онъ заплакалъ... Мнѣ нравится, когда онъ плачетъ".

9 февраля. Считалъ, сколько дней до воскресенья. Оказывается, что С. проводитъ праздники, рѣшительно ничего не дѣлая. Повидимому, это бездѣлье ему очень нравится, и онъ ждетъ-не дождется праздника.

Очень пунктуаленъ. Раньше 9 часовъ не начинаетъ занятій.

Пачкалъ тетрадь, говоря, что это очень нравилось его прежней учительницѣ.

10 февраля. Любитъ *сжигать* старыя книги и ненужныя вещи.

При объясненіи призыванія молитвы Господней замѣтилъ мнѣ, что отцы иногда бываютъ строгіе, — онъ намекалъ на своего отца, строго обращавшагося съ нимъ.

Затрудняется придумывать числа бóльшія или мéньшія, чѣмъ данное число, на нѣсколько единицъ.

11 февраля. Читали „Божья коровка-садовникъ" (изъ книги Вагнера). Выказываетъ признаки нетерпѣнія при повтореніи неясно прочитанныхъ словъ. Разсказалъ содержаніе прочитанной статьи удовлетворительно.

12 февраля. Во время гимнастики бросалъ палку. Я остановилъ его угрозой заниматься гимнастикой въ воскресенье.

Попросилъ меня сдѣлать съ нимъ лишнюю ариѳметическую задачку.

Перечислялъ добрыхъ и злыхъ учительницъ своихъ. Меня причислилъ къ добрымъ.

15 февраля. Читали о гадюкѣ. Послѣ чтенія С. самъ, по своей иниціативѣ, разсказалъ про гадюкъ, которыхъ онъ видѣлъ. Содержаніе статьи разсказалъ прекрасно.

16 февраля. Очень заинтересовался статьей о дикобразѣ.

Удовлетворительно дѣлалъ разложеніе чиселъ 16 и 17.

17 февраля. Сегодня мой С. что-то очень вялъ. Не есть-ли это вліяніе дурной погоды? Быстрая утомляемость и легкая раздражительность особенно рѣзко проявляются сегодня.

18 февраля. У С. замѣчаю нѣкоторыя добрыя качества. Послѣ обѣда спрашиваетъ, остыло-ли у меня горло, и только тогда, когда получитъ утвердительный отвѣтъ, начинаетъ собираться гулять.

19 февраля. При счетѣ палочекъ С. иногда одну считаетъ два раза или наоборотъ—двѣ за одну. Неспособностью сосредоточиваться долго на одномъ предметѣ, неряшливостью рѣчи и письма напоминаетъ мнѣ моего перваго воспитанника М., но у С. всѣ эти недостатки проявляются въ бо́льшей степени, нежели у М.

С. плюнулъ на свою тетрадку во время урока — писалъ дневникъ. Я говорю ему, что это нехорошо, стыжу его. Черты лица его выражаютъ раскаяніе. Урокъ продолжается. Черезъ 10 минутъ мой Сережа, глядя изъ подлобья на меня, вытягиваетъ губы, дѣлая новую попытку пустить слюни на тетрадку. Я строго гляжу на него и укоризненно качаю головой; Сережа сдерживается. „Ну, не буду не буду!“ говоритъ онъ и продолжаетъ свою работу.

Читали статьи „Орелъ“ и „Бѣлый медвѣдь“. Разсказывалъ сознательно.

Смѣшиваетъ буквы „н“ и „м“.

Въ письмѣ пропускаетъ предлоги.

20 февраля. Сжегъ старую тетрадь по ариѳметикѣ. Оправдывался забывчивостью. „Я позабылъ, что вы не велѣли мнѣ сжигать старыхъ вещей“.

Ошибки С. въ письмѣ и чтеніи:

„пивычекъ“	вмѣсто	привычекъ.
„одицать“	—	одиннадцать
„сушалъ“	—	слушалъ
„капанъ“	—	капканъ
„покупай“	—	покупалъ
„пополамъ“	—	поломалъ
„пелестками“	—	лепестками.

Въ концѣ февраля, вслѣдствіе назначенія меня учителемъ въ N-училище, я долженъ былъ оставить С. Однако связи съ нимъ я не прерываю. Первыя лѣтнія вакаціи я провелъ въ ихъ семьѣ и теперь продолжаю переписку съ нимъ. При извѣстныхъ условіяхъ, несомнѣнно, изъ С. могъ-бы выработаться какой-нибудь посредственный мастеръ, помощникъ садовника или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Дѣтямъ, отсталымъ въ умственномъ развитіи, съ больной волей, не мѣсто въ семьѣ, даже въ интеллигентной семьѣ съ хорошимъ достаткомъ.

Такія дѣти—въ тягость семьѣ.

Невыносимо тяжело видѣть изо-дня въ день, въ теченіе цѣлыхъ годовъ, больного съ ненормальной психикой и, главное, видѣть и понимать, что состояніе его ухудшается; переносить соболѣзнованія знакомыхъ; ограждать отъ меньшихъ членовъ семьи, которые не прочь подшутить и часто зло подшутить надъ своимъ несчастнымъ сочленомъ; оставлять нерѣдко подъ присмотромъ прислуги, другими словами — на поруганіе и издѣвательство... Какая мать безропотно вынесетъ все это?

А затѣмъ весь этотъ ненормальный строй семьи: негигіеничность питанія и жилища (плохая вентиляція, воздухъ, пропитанный никотиномъ) отсутствіе регулярности въ общемъ ходѣ отправленія повседневныхъ нуждъ и обязанностей въ семьѣ, все это условія, такъ сказать, „добивающія" больного.

Ко всему тому надо добавить, что противъ семейнаго воспитанія психически ненормальныхъ дѣтей говоритъ самое происхожденіе этой ненормальности. Вѣдь это, въ большинствѣ случаевъ, — продуктъ наслѣдственности. Значитъ, въ семьѣ такого больного есть, если это только не случай атавизма, психически ненормальные, хотя стоящіе, можетъ быть, ступенью выше въ своемъ развитіи, чѣмъ больной ребенокъ, но все же не вполнѣ нормальные (съ повышенной нервозностью, и т. п.). Разумѣется, вліяніе такихъ родителей или старшихъ членовъ семьи на отсталаго ребенка должно быть неблагопріятнымъ.

„Какъ извѣстно, особую выдающуюся роль въ развитіи психическихъ заболѣваній играетъ расположеніе къ психозамъ, которое пріобрѣтается въ дѣтствѣ, благодаря ненормальному физическому и умственному воспитанію и тяжелымъ болѣзнямъ, или наслѣдуется отъ родителей, нервно-психическая организація которыхъ ненормальна"—подтверждаетъ вышеприведенныя соображенія д. Яковенко, авторъ „статистическихъ данныхъ о распространеніи психически больныхъ въ Россіи" („Р. М." 1899 г.). Это-же иллюстрируетъ приведенная далѣе таблица распредѣленія психическихъ больныхъ въ Московской губ. по возрастамъ, въ которыхъ у нихъ началась болѣзнь.

Началась болѣзнь

въ возрастѣ	0—10 л.	11—20 л.	21—30 л.	31—40 л.	41—50 л.	51—60 л.	61—70 л.	71 и св.
у	43,85%	14,61%	17%	12,64%	7,14%	3,24%	1,1 %	0,4%

II.

На Западѣ сравнительно недавно былъ возбужденъ вопросъ объ отсталыхъ и больныхъ дѣтяхъ, и сдѣлана попытка выдѣлить ихъ изъ общихъ школъ въ специальныя.

Такъ, въ Швейцаріи въ 1840 г. *), на союзномъ съѣздѣ д. Ауэръ обратилъ вниманіе на то, что отсталыя дѣти приносятъ въ школахъ вредъ дѣтямъ среднихъ способностей, тормозя ихъ обученіе и приносятъ вредъ также и себѣ, перенапрягаясь въ погонѣ за успѣхами своихъ болѣе одаренныхъ товарищей.

Статистика Швейцаріи показала, что между дѣтьми школьнаго возраста 13, 15%—идіоты и отсталыя, изъ которыхъ, однако, 59% годны были-бы къ воспитанію и обученію въ спеціальныхъ заведеніяхъ. Во всѣхъ городахъ Швейцаріи стали заводить такія школы, и онѣ дали прекрасные результаты. Преподаватель Лозанскаго спеціальнаго класса, Крюгеръ говоритъ: „Нѣтъ лучшаго отдыха для преподавателя, какъ видѣть оживленныя лица всѣхъ этихъ обиженныхъ судьбою дѣтей, для которыхъ школа явилась теперь раемъ".

Въ Брауншвейгѣ была основана школа для отсталыхъ въ 1881 году д. Кейльхорномъ, успѣшно примѣнявшимъ въ ней наглядный методъ. Потомъ такія школы стали возникать въ Кельнѣ, Дюссельдорфѣ, Грефельдѣ, Дрезденѣ, Лейпцигѣ и пр. Въ Кельнской спеціальной школѣ на одного учителя полагается не болѣе 20 дѣтей и четыре года обученія въ ней равны одному году обученія въ нормальныхъ школахъ.

Въ школахъ для отсталыхъ въ Копенгагенѣ на 200 дѣтей приходится 25 учителей; преобладаютъ ремесла; примѣняется строгая индивидуализація способовъ обученія.

(Свѣдѣнія эти заимствованы у П. И. Ковалевскаго).

III.

У насъ въ Россіи существуютъ не школы, а скорѣе — пріюты для ненормальныхъ, гдѣ смѣшаны дѣти различныхъ типовъ и степеней ненормальности, съ преобладаніемъ идіотовъ. Въ Петербургѣ такихъ пріютовъ три: — старѣйшій и, пока, лучшій — д-ра Маляревскаго, затѣмъ пріютъ Царицы Небесной и пріютъ на Удѣльной станціи Финляндской желѣзной дороги. Одинъ такой пріютъ есть

*) Собственно говоря, начало дѣлу призрѣнія о воспитаніи ненормальныхъ дѣтей положили въ 1801 г. французскіе врачи Итаръ, Пинель и Эскироль, затѣмъ, съ 1839 г. знаменитый Сегенъ.

въ Москвѣ и одинъ близъ Риги; въ послѣднемъ, кромѣ дѣтей, помѣщаются и взрослые.

Я не берусь судить здѣсь объ этихъ пріютахъ; но самое положеніе ихъ на туманномъ сѣверѣ, гдѣ дѣти могутъ пользоваться прогулками и играми на воздухѣ только 3—4 мѣсяца въ году, говоритъ уже не въ пользу ихъ. Развѣ можно держать такихъ дѣтей въ закрытыхъ помѣщеніяхъ большую часть года? Никакія гигіеническія и воспитательныя ухищренія не могутъ возмѣстить этого недостатка.

Затѣмъ, это смѣшеніе въ одно цѣлое дѣтей различныхъ типовъ и степеней ненормальности, порочныхъ и не знающихъ порока, тоже нельзя поставить въ заслугу для большинства перечисленныхъ пріютовъ.

Первое условіе надлежащей постановки школъ для ненормальныхъ, это—раздѣленіе всѣхъ такихъ школъ по категоріямъ типовъ ненормальности и самихъ школъ по степенямъ ненормальности дѣтей данной категоріи.

Мы различаемъ три категоріи психической ненормальности дѣтей:

1) Ненормальность, происходящая отъ физической причины, какъ общаго характера, напр.,—отъ общаго малокровія, такъ и частнаго—напр., опухоли въ носовой полости, замедляющей притокъ крови къ мозгу.

2) Ненормальность (слабость) памяти, вниманія, сообразительности, причина которой лежитъ въ психическихъ дефектахъ.

3) Ненормальность воли, влекущая за собой лѣность, злой нравъ, слабоволіе, извращенный характеръ.

Соотвѣтственно этому, и учрежденія для ненормальныхъ дѣтей должны быть также трехъ типовъ:

1) Дѣтскія санаторіи для малокровныхъ, маляриковъ и др. физически-больныхъ.

2) а) Школы для отсталыхъ и б) школы-санаторіи для идіотовъ.

3) Исправительныя колоніи для дѣтей третьей категоріи.

Всѣ эти учрежденія, въ особенности, первыхъ двухъ категорій, должны быть поставлены въ наилучшія условія для поднятія физическихъ силъ дѣтскаго организма. Только тогда, когда достигнется извѣстная степень физическаго развитія, должно приступать къ воздѣйствіямъ на психику дѣтей. Отсюда вытекаетъ, что всѣ эти учрежденія должны имѣть, такъ сказать, подготовительныя отдѣленія исключительно съ задачей физическаго воспитанія: укрѣпленія организма и совершенствованія органовъ чувствъ.

Вотъ общій характеръ учрежденій второго типа.

Они распадаются на два разряда, какъ уже сказано выше: на школы для отсталыхъ и школы-санаторіи для идіотовъ.

Школы для отсталыхъ имѣютъ восемь классовъ, — не считая указаннаго выше приготовительнаго отдѣленія.

Въ первомъ классѣ главный воспитательный предметъ—имѣя въ виду, что большинству отсталыхъ предстоитъ поприще ремесленника,—какая-нибудь отрасль ремесла. Разумѣется, въ этомъ классѣ изученіе ремесла сводится на занятія ручнымъ трудомъ и имѣетъ значеніе педагогической мѣры. Затѣмъ идутъ образовательныя бесѣды, рисованіе, лѣпка, пѣніе.

Во второмъ классѣ занятіямъ ручнымъ трудомъ придается болѣе утилитарный оттѣнокъ. Къ образовательнымъ бесѣдамъ присоединяются чтеніе разсказовъ и различныхъ статеекъ, по темѣ могущихъ заинтересовать данный составъ класса. Къ остальнымъ перечисленнымъ выше предметамъ присоединяется наблюденіе явленій природы, потомъ преподаются начала грамоты и счета.

Приступаютъ къ объясненію повседневныхъ молитвъ.

Въ третьемъ классѣ заканчивается изученіе звуковъ и сліянія ихъ. Естествознаніе преподается въ связи съ другими предметами школьнаго обученія (см. мое руководство). Совершенствуются въ избранномъ ремеслѣ.

Въ четвертомъ классѣ продолжается изученіе тѣхъ-же предметовъ. Естествознанію придается опредѣленная цѣль: ученикъ долженъ обособить себя среди великой природы и выработать сознательное отношеніе свое къ ней.

Въ пятомъ начинается преподаваніе географіи.

Въ шестомъ начинается сообщеніе нѣкоторыхъ событій изъ русской исторіи.

Въ седьмомъ продолжается исторія въ возможно-тѣсной связи съ другими предметами.

Въ восьмомъ заканчивается обзоръ главнѣйшихъ моментовъ русской исторіи. Ученикъ долженъ сознать себя членомъ великаго русскаго народа и выяснить свои задачи по отношенію къ окружающимъ его. Остальные предметы проходятся въ возможной полнотѣ, въ яркомъ, живомъ изложеніи.

Въ виду того, что „отсталые“ дѣти могутъ имѣть въ то же время и характеръ извращенный, для такихъ устраиваются, въ младшихъ классахъ, параллельныя отдѣленія.

Воспитанники, закончившіе въ теченіе 8—12 лѣтъ полный курсъ школы и уже, слѣдовательно, приблизившіеся къ типу нормальныхъ,

должны имѣть возможность поступить въ низшее техническое или промышленное училище.

Воспитанники, не подающіе большихъ надеждъ на то, что они окончатъ удовлетворительно полный курсъ, послѣ двухлѣтняго пребыванія въ пятомъ классѣ, поступаютъ въ особыя ремесленныя школы, гдѣ совершенствуются въ доступномъ имъ ремеслѣ.

Для совершенно безнадежныхъ можетъ быть два исхода:

1) переходъ въ школы для идіотовъ или 2) совершенствованіе въ какой-нибудь отрасли фабричнаго производства, гдѣ роль человѣка сводится къ роли мертвой машины, что тяжело и унизительно для нормальнаго человѣка.

Школы для идіотовъ, по характеру, скорѣе — санаторіи, гдѣ къ дѣтямъ примѣняютъ всѣ выработанныя наукой пріемы лѣченія: электризація мозга, органотерапія, комбинаціонная система пр. Митчеля и другихъ.

Въ то же время съ идіотами ведутся занятія по системѣ, выясненной мною выше (занятія съ М. С.).

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія въ школѣ, дѣти, въ случаѣ успѣха, переходятъ въ школу для отсталыхъ; въ противномъ случаѣ, поступаютъ въ особую колонію для хрониковъ или возращаются въ семью.

М. Рыбкинъ.

Русскіе писатели и вопросы воспитанія и народнаго образованія.

(*Продолженіе*).

II.

XVIII вѣкъ передалъ своему преемнику двухъ знаменитыхъ русскихъ писателей, Карамзина и Крылова, если не считать Державина, расцвѣтъ дѣятельности котораго относится къ вѣку Екатерины II, и Жуковскаго, выступившаго съ первыми незрѣлыми своими опытами въ царствованіе императора Павла. И Карамзинъ и Крыловъ сильно интересовались вопросами воспитанія. *Карамзинъ* еще въ ранней молодости сотрудничалъ въ „Дѣтскомъ Чтеніи", помѣщая тамъ, между прочимъ, переводы изъ журнала Вейсе „Другъ дѣтей". Впослѣдствіи знаменитый исторіографъ очень часто затрагивалъ вопросы воспитанія и народнаго образованія въ своихъ журнальныхъ статьяхъ и даже въ повѣстяхъ. Въ концѣ своей жизни онъ самъ руководилъ воспитаніемъ собственныхъ дѣтей и мечталъ, закончивши XII томъ „Исторіи Государства Россійскаго", уѣхать изъ Петербурга въ Москву или въ Германію и посвятить себя исключительно воспитанію своихъ дѣтей.

Карамзинъ не раздѣлялъ того пренебреженія и того страха къ развитію ума, которые мы встрѣчали у большинства русскихъ писателей XVIII вѣка, и написалъ въ защиту „просвѣщенія" много блестящихъ страницъ: „Просвѣщеніе всегда благотворно", говорится въ письмѣ Филарета къ Милодору, „просвѣщеніе ведетъ къ добродѣтели, доказывая намъ тѣсный союзъ частнаго блага съ общимъ и открывая неизсякаемый источникъ блаженства въ собственной груди нашей; просвѣщеніе есть лѣкарство для испорченнаго сердца и разума; одно просвѣщеніе живодѣтельною теплотою своею можетъ изсушить сію тину нравственности, которая ядовитыми парами мертвитъ все изящное, все доброе въ мірѣ; въ одномъ просвѣщеніи найдемъ мы

спасительный антидотъ для всѣхъ бѣдствій человѣчества!“ Та же мысль проводится и въ статьѣ „Нѣчто о наукахъ“, гдѣ опровергается парадоксъ Руссо о несовмѣстимости просвѣщенія и нравственности и гдѣ просвѣщеніе называется „палладіумомъ благонравія“. Опредѣленнѣе всего эта мысль выражена въ „Письмѣ сельскаго жителя“, гдѣ сказано: „человѣкъ съ умомъ образованнымъ имѣетъ тысячу побужденій быть добрымъ“.

Не раздѣлялъ также Карамзинъ и той вѣры въ неограниченную силу воспитанія, которая, вмѣстѣ съ признаніемъ неограниченной силы человѣческаго разума, характеризуетъ XVIII вѣкъ. „Духъ системы“, писалъ Карамзинъ въ 1803 году, „заставлялъ разумныхъ людей утверждать многія странности и даже нелѣпости: такъ, нѣкоторые писали и доказывали, что наши природныя способности и свойства одинаковы; что обстоятельства и случаи воспитанія не только образуютъ или развиваютъ, но и даютъ характеръ человѣку, вмѣстѣ съ особеннымъ умомъ и талантами... Нѣтъ! одна природа творитъ и даетъ; воспитаніе только образуетъ. Одна природа сѣетъ; искусство или наставленіе только поливаетъ сѣмя, чтобы оно лучше и совершеннѣе распустилось. Какъ умъ, такъ и характеръ людей есть дѣло ея; отецъ, учитель, обстоятельства могутъ помогать его дальнѣйшимъ развитіямъ, но не болѣе“ *).

Но защищая права умственнаго развитія, Карамзинъ въ то же время высоко ставилъ и воспитаніе нравственное. Ограничивая дѣйствіе воспитанія „природою“ или, какъ теперь сказали бы, наслѣдственностью, онъ признавалъ также, что „первое воспитаніе едва ли не всегда рѣшитъ и судьбу и главныя свойства человѣка“.

Особенно настойчиво указывалъ Карамзинъ на обязанность родителей заботиться о воспитаніи своихъ дѣтей. „Хорошо, если отецъ можетъ поручить сына мудрому наставнику; еще лучше, когда онъ самъ бываетъ его наставникомъ: ибо натура даетъ отцу такія права на юное сердце, какихъ никто другой не имѣетъ... Безъ хорошихъ отцовъ нѣтъ хорошаго воспитанія, несмотря на всѣ школы, институты и пансіоны“. „Во всякомъ вѣкѣ и состояніи одна нѣжная родительница можетъ наилучшимъ образомъ воспитать дочь“. Такія мысли были высказаны Карамзинымъ въ 1802 году.

Понимая такъ значеніе семейнаго воспитанія, Карамзинъ еще въ „Письмахъ русскаго путешественника“ вооружался противъ свѣтской разсѣянной жизни, отвлекающей родителей отъ дѣтей, и ставилъ въ примѣръ семейную жизнь въ Англіи, гдѣ „хозяйка всегда

---

*) Сочиненія Карамзина. Спб. 1848. Т. III, стр. 453—454.

**) Соч. Карамзина, т. III, стр. 618—619.

за рукодѣліемъ, за книгою, за клавесиномъ, или рисуетъ, или учитъ дѣтей“.

Ратуя за просвѣщеніе, Карамзинъ признавалъ его пользу для людей всѣхъ званій и состояній, не исключая и крѣпостныхъ крестьянъ. Во время своего путешествія по Западной Европѣ онъ видѣлъ „многихъ швейцарскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ поселянъ, которые пашутъ землю и собираютъ библіотеки, пашутъ землю и читаютъ Гомера“. Карамзинъ вѣрилъ, что и въ Россіи возможны будутъ подобныя же явленія, даже при существованіи крѣпостного права, если только будутъ учреждены въ достаточномъ количествѣ народныя школы. „Учрежденіе сельскихъ школъ“, писалъ онъ въ 1803 году, „несравненно полезнѣе всѣхъ лицеевъ, будучи *народнымъ* учрежденіемъ, истиннымъ основаніемъ государственнаго просвѣщенія“. „Онѣ могутъ и должны быть полезнѣе всѣхъ академій въ мірѣ, дѣйствуя на первые элементы науки“.

Вѣрный этой мысли, Карамзинъ въ просвѣтительной дѣятельности Екатерины II и Александра I выше всего цѣнилъ учрежденіе школъ для низшихъ классовъ населенія. „Кто благоговѣлъ передъ монархинею, говоритъ Карамзинъ въ „Историческомъ похвальномъ словѣ Екатеринѣ II“, среди ея пышной столицы и блестящихъ монументовъ славнаго царствованія, тотъ любилъ и восхвалялъ просвѣтительницу отечества, видя и слыша въ стѣнахъ мирной хижины юнаго ученика градской школы, окруженнаго внимающимъ ему семействомъ и съ благородною гордостью толкующаго своимъ родителямъ нѣкоторыя простыя, но любопытныя истины, свѣданныя имъ въ тотъ день отъ своего учителя“ *). Еще съ большимъ восторгомъ встрѣтилъ Карамзинъ учебную реформу императора Александра I вызвавшую учрежденіе приходскихъ училищъ въ селахъ и деревняхъ. „Петръ Великій, писалъ Карамзинъ, учредилъ первую академію въ нашемъ отечествѣ, Елисавета—первый университетъ, великая Екатерина—городскія школы, но Александръ, размножая университеты и гимназіи, говоритъ еще: да будетъ свѣтъ и въ хижинахъ. Новая эпоха начинается отнынѣ въ исторіи нравственнаго образованія Россіи, которое есть корень государственнаго величія, и безъ котораго самыя блестящія царствованія бываютъ только личною славою монарховъ не отечества, не народа“ **).

Такъ какъ учрежденіе приходскихъ училищъ въ значительной степени зависѣло отъ усердія помѣщиковъ, Карамзинъ взывалъ къ патріотической ревности дворянъ, указывая, что „дворянство ни-

---

*) Сочиненія Карамзина, т. VIII, сс. 153—4. М. 1804.

**) Соч. Карамзина, т. III, сс. 348—349. Изд. 1848 г.

когда не упадало тамъ, гдѣ оно любило жертвы для общаго блага". Мы не знаемъ, завелъ-ли самъ Карамзинъ школу для своихъ крѣпостныхъ, но изображенный имъ въ „Письмѣ сельскаго жителя" идеальный помѣщикъ называетъ указъ объ учрежденіи школъ въ деревняхъ „исполинскимъ шагомъ къ вѣрнѣйшему благоденствію поселянъ", заводитъ у себя школу для обученія крестьянскихъ дѣтей „не только грамотѣ, но и правиламъ сельской морали", и сочиняетъ для нихъ „простой и незатѣйливый катехизисъ, въ которомъ объясняются „должности поселянина, необходимыя для его счастія". Вообще Карамзина особенно занимало такое нравственное воспитаніе крѣпостныхъ, которое вполнѣ примирило бы ихъ со своимъ положеніемъ. По его словамъ, „сочиненіе нравственнаго катехизиса для приходскихъ школъ достойно перваго генія въ Европѣ: такъ оно важно и благодѣтельно!"

Карамзина занималъ также и вопросъ о подготовкѣ учителей для вновь учреждаемыхъ училищъ. Не надѣясь на дворянское сословіе, которое въ то время съ пренебреженіемъ относилось даже къ званію профессора, Карамзинъ на первыхъ порахъ ждалъ ученыхъ и особенно педагоговъ „единственно отъ низшихъ классовъ гражданства", находя, что „жалованье учителя городской школы есть уже избытокъ для человѣка, воспитаннаго въ незнаніи прихотей и по самой должности своей удаленнаго отъ „свѣтскаго вихря".

Изображая „выгоды педагогическаго состоянія", Карамзинъ съ особеннымъ сочувствіемъ относится къ народнымъ учителямъ. По его словамъ, „смиренный народный учитель, который дѣтямъ бѣдности и трудолюбія изъясняетъ буквы, ариѳметическія числа и разсказываетъ въ простыхъ словахъ любопытные случаи исторіи, или, развертывая нравственный катихизисъ, доказываетъ, сколь нужно и выгодно человѣку быть добрымъ, въ глазахъ философа почтенъ не менѣе метафизика, котораго глубокомысліе и тонкоуміе самимъ ученымъ едва вразумительно; или мудраго натуралиста, физіолога, астронома, знающихъ своею наукою только нѣкоторую часть людей" *).

Слѣдуетъ упомянуть еще объ отношеніи Карамзина къ вопросу о національномъ воспитаніи. Признавая „нравственный и политическій вредъ чужестраннаго воспитанія", считая „дурно воспитаннымъ человѣка, не знающаго родного языка", Карамзинъ вооружался противъ исключительнаго предоставленія дѣтей иностраннымъ гувернерамъ и, еще сильнѣе, противъ воспитанія дѣтей за границей, потому что человѣкъ всегда любитъ ту землю, въ которой воспитывался. Исключеніе въ данномъ случаѣ допускалось только тогда,

*) Соч. Карамзина, т. VIII, сс. 125–153. Изд. 1804 года.

когда самъ отецъ ѣхалъ за границу, чтобы руководить воспитаніемъ своихъ дѣтей. Такъ былъ воспитанъ Арисъ, герой повѣсти „Юлія", такъ-же думалъ воспитывать своихъ сыновей и самъ Карамзинъ.

Гораздо сильнѣе Карамзина ратовалъ за національное воспитаніе *Крыловъ*. Въ его сатирическихъ журналахъ, въ его комедіяхъ мы находимъ цѣлый рядъ самыхъ ѣдкихъ и язвительныхъ замѣчаній объ иностранныхъ учителяхъ и учительницахъ, особенно французскаго происхожденія. „Всякая наша дѣвушка, говорится въ „Почтѣ Духовъ", подъ присмотромъ искусной француженки въ пятнадцать лѣтъ становится хитрѣе своей матушки" и „не запинается совѣстью на всякомъ шагу своихъ тайныхъ приключеній". Тамъ-же въ уста одной француженки вкладываются такія рѣчи: „Считается три рода главныхъ упражненій, которыми мы здѣсь разоряемъ и приготовляемъ къ разоренію по нѣскольку тысячъ человѣкъ, а именно: торговля модными товарами, рукодѣлья и учительство... Еще не прошло вѣка, какъ жители здѣшніе сами воспитывали своихъ дѣтей и толковали имъ только о томъ, чтобъ были они честными людьми, храбрыми на войнѣ и твердыми въ перемѣнахъ счастья; къ такимъ наставленіямъ нерѣдко способствовали примѣры самихъ отцовъ, которые всегда старались содержать при себѣ дѣтей своихъ... Теперь же, по прошествіи варварскихъ временъ, вздумали, что тотъ не можетъ быть хорошимъ гражданиномъ, кто не умѣетъ танцовать, прыгать, вертѣться, говорить по-французски и болтать цѣлый день, не затворяя рта, въ бесѣдахъ. Къ такому воспитанію необходимо понадобились французы. Теперь не жалѣютъ ничего, чтобы сдѣлать дѣтей своихъ пріятными въ большомъ свѣтѣ, и для того учатъ ихъ хорошо кланяться, держать себя всегда въ лучшемъ положеніи и не говорить здѣшнимъ языкомъ, но иностраннымъ. Имъ не говорятъ ни слова о томъ, что есть добродѣтель и полезна ли она. Отцы совѣтуютъ всегда имѣть въ наличности деньги, которыя могутъ замѣнить достоинства и поправлять недостатки, а учители научаютъ промѣнивать эти деньги на кафтаны и на щегольство, которое здѣсь замѣняетъ иногда богатство." *)

Съ такими словами француженка обращается къ своему брату, бѣжавшему изъ Бастиліи отъ висѣлицы, убѣждая его сдѣлаться воспитателемъ юношества. Предложеніе сестры приводитъ этого висѣльника въ недоумѣніе, такъ какъ онъ „не только морали и науки преподавать, но даже и французской книги читать не способенъ."

Но француженка въ немногихъ словахъ разъясняетъ ему всѣ тайны французской педагогіи, примѣненной къ русскимъ нравамъ.

---

*) Собраніе сочиненій Крылова. Спб. 1859. т. 1. тр. 166—168.

„Довольно того, что ты французъ, говоритъ она,—чтобы заставить здѣсь тебя почитать знающимъ... Помни только мои наставленія: будь важенъ, показывай отвращеніе ко всему, что увидишь въ домѣ сдѣланное не по французскому вкусу, и чаще наказывай дѣтей за то, если они не почувствуютъ склонности къ щегольству и къ нашимъ уборамъ, что долженъ ты называть опрятствомъ. Главное твое правило будетъ состоять въ томъ, чтобы учить ихъ лепетать и кланяться по-французски. Какъ скоро достигнешь ты до этого совершенства, то родители почтутъ себя счастливыми; тебя назовутъ мудрецомъ, а дѣтей своихъ станутъ возить на показъ по городу *).

Въ другомъ мѣстѣ та-же самая француженка даетъ брату еще болѣе безнравственные совѣты: она совѣтуетъ потакать порокамъ дѣтей, пріучать ихъ къ разнымъ шалостямъ и особенно къ мотовству, ссорить ихъ съ родителями, пріучать ихъ „помаленьку бранить вѣру, а добродѣтель... называть предразсужденіемъ“ и т. д. „Отъ этого новаго воспитанія, говоритъ Крыловъ устами той же француженки, мало-по-малу искореняются здѣсь честные люди стараго вѣка, которыхъ называютъ теперь невѣжами, а на мѣсто ихъ вступаютъ люди большого свѣта, которые дѣлаются столько-же худыми воинами, сколько дурными гражданами, и которыхъ все совершенство состоитъ только въ томъ, что на нихъ кафтаны хорошаго покроя. Со всѣмъ тѣмъ родители объ этомъ мало заботятся и продолжаютъ воспитывать дѣтей по новому образу, который нашимъ землякамъ доставляетъ много пользы; ибо они молодыхъ людей здѣшней земли напередъ приготовляютъ къ роскоши и къ мотовству, а потомъ сами пользуются ихъ пороками и наживаются отъ ихъ слабостей. Итакъ, можно утвердительно сказать, что они этихъ дѣтей воспитываютъ не для отечества, но собственно для себя“ **).

Въ „Зрителѣ“ и „С.-Петербургскомъ Меркуріи“ Крыловъ не такъ зло и безпощадно клеймитъ французскихъ гувернеровъ; но и тамъ встрѣчаются ѣдкія выходки противъ нихъ въ родѣ слѣдующей: „Они-то изъ медвѣдей сдѣлали насъ людьми; они-то показали намъ необходимость перемѣнять въ годъ по пятидесяти кафтановъ; они-то открыли намъ ключъ, что удачнѣе можно искать счастія съ помощію портного, парикмахера и каретника, нежели съ помощію профессора философіи; они-то наконецъ, науча насъ танцовать, открыли намъ нужную для свѣтскаго человѣка тайну, что ученыя ноги въ большомъ свѣтѣ полезнѣе ученой головы ***).

---

*) Собраніе сочиненій Крылова, т. I, 158—159.
**) Собр. соч. Крылова, I, 169—170.
***) Собр. соч. Крылова, I, 308.

Изъ комедій Крылова особенно враждебнымъ отношеніемъ къ французскому воспитанію отличается „Урокъ дочкамъ“. Здѣсь мы находимъ, въ качествѣ воспитательницы, мадамъ Григри изъ Парижа, отъ которой дочери помѣщика Велькарова усвоили „кривлянье“, жеманство, мяуканье въ разговорахъ, кусанье и облизыванье губъ, полусонные глазки, журавлиныя шейки“. Выведенный изъ терпѣнія Велькаровъ такъ отзывается о воспитаніи своихъ дочерей: „Все ваше остроуміе въ томъ, чтобы перецыганивать и пересмѣшивать людей, часто почтеннѣе себя; вся ваша ловкость, чтобы не уважать ни лѣта, ни достоинства человѣка, а дѣлать грубости тѣмъ, кто васъ старѣе. Въ чемъ ваше знаніе?—Какъ одѣться или, лучше сказать, раздѣться и надъ которой бровью поманернѣе развѣсить волосы. Какія ваши дарованія?—Нѣсколько пѣсенокъ изъ модныхъ оперъ, нѣсколько рисунковъ учителевой работы и неутомимость прыгать и кружиться на балахъ; а самое-то главное ваше достоинство то, что вы болтаете по-французски; да только ужъ что болтаете, того не приведи Богъ слышать разсудительному человѣку ни на какомъ языкѣ“ *).

Затрогиваетъ Крыловъ педагогическіе вопросы и въ своихъ басняхъ. Басня „Воспитаніе льва“ съ знаменитымъ заключеніемъ:

. . . Важнѣйшая наука для царей
Знать свойства своего народа
И выгоды земли своей —

представляетъ собою сатиру не только на воспитаніе Императора Александра I республиканцемъ Лагарпомъ, но и вообще на иностранное воспитаніе дѣтей русской аристократіи. Въ баснѣ „Крестьянинъ и змѣя“ Крыловъ рѣзко высказывается противъ всѣхъ иностранныхъ педагоговъ безъ исключенія: „лучшая змѣя, по мнѣ, ни къ чорту не годится“. Въ баснѣ „Бочка“ указывается родителямъ на чрезвычайную важность юношескихъ впечатлѣній для послѣдующей жизни человѣка. Басня „Кукушка и горлинка“ изображаетъ послѣдствія такого воспитанія, которое производится „наемными руками“.

Заслуживаетъ упоминанія, что Крыловъ едва ли не первый изъ великихъ русскихъ писателей, выступилъ на поприщѣ практической педагогіи въ качествѣ домашняго учителя. Проживая въ царствованіе Императора Павла въ селѣ Казацкомъ, имѣніи князя С. Ѳ. Голицына, Крыловъ училъ русскому языку двухъ его сыновей, его родственницу М. П. Сумарокову и Вигеля, автора извѣстныхъ „записокъ“. И Вигель, крайне нерасположенный къ великому басно-

*) Собр. соч. Крылова, III, 447—449.

писцу, и Сумарокова, сохранившая о немъ хорошія воспоминанія, сходятся въ томъ, что Крыловъ былъ прекраснымъ учителемъ. „Уроки наши, вспоминаетъ Вигель, проходили почти всѣ въ разговорахъ: онъ умѣлъ возбуждать любопытство, любилъ вопросы и отвѣчалъ на нихъ также толковито, такъ-же ясно, какъ писалъ свои басни. Онъ не довольствовался однимъ русскимъ языкомъ: онъ къ наставленіямъ своимъ примѣшивалъ много нравственныхъ поученій и объясненій разныхъ предметовъ изъ другихъ наукъ *). По воспоминаніямъ Сумароковой, Крыловъ мало обращалъ вниманія на грамматику, упражняя своихъ учениковъ въ диктовкѣ и переводахъ и совѣтуя писать письма въ видѣ дневника **). Въ какомъ направленіи развивалъ Крыловъ свою ученицу, можно видѣть изъ его письма къ ней, гдѣ, между прочимъ, дается такой совѣтъ: „умножайте свои познанія, и вы далеко назади оставите тѣхъ пригоженькихъ куколъ, которыя только тогда живутъ, когда вальсируютъ“ ***).

Если Крыловъ занимался практической педагогіей между прочимъ, то *Жуковскій* съ ранней молодости и до глубокой старости былъ столько-же педагогомъ, сколько поэтомъ. Въ молодости онъ занимался обученіемъ своихъ племянницъ Протасовыхъ, а потомъ руководилъ воспитаніемъ братьевъ Кирѣевскихъ; съ 1817 года и до конца 1830-ыхъ годовъ онъ состоялъ придворнымъ педагогомъ, сначала преподавая русскій языкъ великимъ княгинямъ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и Еленѣ Павловнѣ, а потомъ руководя обученіемъ будущаго императора Александра II и другихъ дѣтей императора Николая I; наконецъ, въ послѣдніе годы своей жизни Жуковскій занимался обученіемъ собственныхъ дѣтей. Для своихъ учениковъ и ученицъ Жуковскій составилъ цѣлый рядъ учебныхъ пособій: для великой княгини Александры Ѳеодоровны онъ составилъ русскую грамматику на французскомъ языкѣ и рядъ грамматическихъ таблицъ; для цесаревича, кромѣ азбуки и раскрашенныхъ рисунковъ для объясненія физики и физической географіи, было составлено множество историческихъ картъ, а также географическихъ, хронологическихъ и генеалогическихъ таблицъ по русской и всеобщей исторіи; въ послѣдніе годы своей жизни Жуковскій занимался составленіемъ „полнаго, систематическаго курса домашняго ученія, который долженъ былъ обнять всѣ тѣ предметы, которые дѣти могутъ и должны изучить дома, отъ самихъ родителей“. Въ составъ

*) „Записки“ Ф. Ф. Вигеля, ч. I, сс. 136—137. М. 1891.

**) „Труды“ Я. К. Грота, III, 240. Спб. 1901.

***) „Русскій Архивъ“ 1865 г., с. 1317. Изд. 2-ое. Въ концѣ своей жизни, уже по выходѣ въ отставку, Крыловъ, по свидѣтельству Плетнева, обучалъ грамотѣ дѣтей своей крестной дочери.

этого курса, между прочимъ, должны были войти „живописная азбука", грамматическія таблицы, „живописная священная исторія", „мнемоническая ариѳметика" и атласъ по древней исторіи *).

Педагогическая дѣятельность увлекала Жуковскаго не менѣе, чѣмъ поэтическое творчество. Въ составленіи сухихъ историческихъ таблицъ онъ, по собственному признанію, находилъ такое же удовольствіе, какое испытывалъ въ моменты поэтическаго вдохновенія; обученіе собственной дочери чтенію, письму и счету Жуковскій называлъ „педагогической поэмой"; даже на смертномъ одрѣ поэтъ не упустилъ случая побесѣдовать о своей педагогической системѣ со священникомъ Базаровымъ.

Особенно сильно увлеченъ былъ Жуковскій педагогіей, когда ему поручили обученіе наслѣдника престола. Онъ принялъ это неожиданное назначеніе, какъ „волю Провидѣнія", и напрягъ всѣ свои физическія и духовныя силы, чтобы оправдать довѣріе государя и надежды Россіи. Онъ совѣтовался съ лучшими петербургскими педагогами, провелъ болѣе года за-границей, чтобы поправить здоровье, подготовиться къ своему „святому дѣлу" и накупить книгъ и другихъ учебныхъ пособій. По возвращеніи въ Петербургъ Жуковскій на первыхъ порахъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ самъ преподавалъ цесаревичу большую часть учебныхъ предметовъ, перерабатывая по собственной методѣ уроки своихъ помощниковъ и составляя „одно цѣлое" изъ такихъ предметовъ, какъ исторія, естествознаніе и христіанское ученіе. Даже отдыхая за-границей въ 1832—1833 годахъ, Жуковскій слѣдилъ за воспитаніемъ цесаревича и въ письмахъ къ нему давалъ ему высоко-нравственные совѣты. Онъ писалъ своему воспитаннику о необходимости для государя быть образцомъ нравственнаго достоинства, справедливости и любви къ общему благу, а также о необходимости „вслушиваться въ голосъ времени" и по его требованію производить государственныя реформы.

Всѣ мы хорошо знаемъ, что было результатомъ неутомимой и самоотверженной дѣятельности Жуковскаго въ качествѣ наставника цесаревича. „Сѣмена правды и добра, говоритъ біографъ императора Александра II, вложенныя въ его отзывчивую душу... въ особенности Жуковскимъ, разрослись въ ней пышнымъ цвѣтомъ. Возвышенному идеалу человѣчности Александръ II остался вѣренъ до конца **). Эти „сѣмена правды и добра" дали такіе прекрасные плоды, какъ

---

*) Изъ учебныхъ пособій, составленныхъ Жуковскимъ, были изданы только грамматика и нѣкоторыя историческія таблицы.

**) Татищевъ. „Императоръ Александръ II". Спб. 1903. Т. II, с. 661.

освобожденіе крестьянъ, уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній, новые судебные уставы, земское самоуправленіе и цѣлый рядъ другихъ реформъ, обновившихъ государственный строй Россіи.

Такіе блестящіе результаты педагогической дѣятельности Жуковскаго объясняются, главнымъ образомъ, вліяніемъ необыкновенно свѣтлой и гуманной личности поэта. Но не послѣднюю роль сыграли въ данномъ случаѣ и тѣ педагогическіе взгляды, которыми руководился Жуковскій.

Хотя въ ранней молодости Жуковскій былъ большимъ поклонникомъ Руссо, но въ своихъ педагогическихъ взглядахъ и пріемахъ онъ былъ, главнымъ образомъ, послѣдователемъ Песталоцци *). Уже въ 1810 году онъ мечталъ о путешествіи въ Швейцарію, чтобы провести у Песталоцци два-три года и потомъ „завести что-нибудь, подобное его институту, въ Россіи и быть черезъ то истинно полезнымъ". Побывать у Песталоцци Жуковскому не удалось; но во время пребыванія въ Дерптѣ и во время перваго заграничнаго путешествія онъ не упустилъ случая познакомиться съ примѣненіемъ на практикѣ воспитательныхъ принциповъ великаго швейцарскаго педагога. Послѣдователемъ Песталоцци является Жуковскій и въ „Планѣ ученія", составленномъ для цесаревича.

„Цѣлью воспитанія вообще и ученія въ особенности, говорится въ этомъ „планѣ",—есть образованіе для добродѣтели. Воспитаніе образуетъ для добродѣтели: 1) Пробужденіемъ, развитіемъ и сбереженіемъ добрыхъ качествъ, данныхъ природою, дѣйствуя на умъ и сердце и заставляя ихъ дѣйствовать. 2) Образованіемъ изъ сихъ качествъ характера нравственнаго, обращая добро въ привычку и подкрѣпляя привычку правилами разума, воспаленіемъ сердца и силою религіи. 3) Предохраненіемъ отъ зла, устраняя все вредное, могущее ослабить естественную склонность къ добру, и содержа душу, сколько возможно, въ спасительной неприкосновенности къ злу. 4) Искорененіемъ злыхъ побужденій и наклонностей, препят-

*) Въ статьѣ „Что такое воспитаніе?", написанной въ 1847 году, Жуковскій даетъ такіе отзывы о Руссо: „Многія отдѣльныя замѣчанія Руссо весьма справедливы и убѣдительны; но изо всѣхъ сихъ отдѣльно справедливыхъ замѣчаній выходитъ въ цѣломъ что-то чудовищное. Когда въ концѣ второй книги онъ излагаетъ результатъ младенческаго воспитанія и описываетъ своего Эмиля готовымъ ребенкомъ, мы видимъ передъ собою что-то несбыточное, существо, какого нѣтъ и быть не можетъ, созданіе парадоксальнаго ума, который все портилъ по своей системѣ и никогда не зналъ существеннаго. Система Руссо, такъ называемая, система природы есть уродство; онъ образуетъ своего Эмиля для такого порядка, котораго нѣтъ, никогда не бывало и быть не можетъ" (Соч. Жук. VI, 140. Спб. 1885).

ствуя имъ обратиться въ привычку и побѣждая вредныя привычки привычками добрыми. Ученіе образуетъ для добродѣтели, знакомя питомца: 1) Съ тѣмъ, что окружаетъ его. 2) Съ тѣмъ, что онъ есть. 3) Съ тѣмъ, что онъ быть долженъ, какъ существо нравственное. 4) Съ тѣмъ, для чего онъ предназначенъ, какъ существо безсмертное *).

При составленіи своего плана Жуковскій не упустилъ изъ виду требованій воспитанія какъ физическаго, такъ умственнаго и нравственнаго; но особенное вниманіе обращено имъ на воспитаніе нравственное. „Его высочеству,—говоритъ Жуковскій, – нужно быть не ученымъ, а просвѣщеннымъ... Просвѣщеніе (же) въ истинномъ смыслѣ есть многообъемлющее знаніе, соединенное съ нравственностью. Человѣкъ знающій, но не нравственный—будетъ вредить, ибо худо употребитъ извѣстные ему способы дѣйствія. Человѣкъ нравственный, но невѣжда будетъ вредить, ибо и съ добрыми намѣреніями не будетъ знать способовъ дѣйствія. Просвѣщеніе соединитъ знаніе съ правилами. Такое просвѣщеніе необходимо для частнаго человѣка, ибо каждый на своемъ мѣстѣ долженъ знать, что дѣлать и какъ поступать. Оно необходимо для народа, ибо народъ просвѣщенный болѣе привязанъ къ закону, въ которомъ заключается его нравственность, и къ порядку, въ которомъ заключается его благоденствіе и безопасность. Оно необходимо для народоправителя, ибо одно оно даетъ способы властвовать благотворно“ **).

По мысли Жуковскаго всѣ учебные предметы должны имѣть нравственное вліяніе; всѣ они должны напоминать, что „во всемъ главное есть *правило*“. Даже на гимнастику Жуковскій смотрѣлъ, какъ на средство не только для развитія и укрѣпленія физическихъ силъ, но и для пріобрѣтенія „мужества и способовъ владѣть собой во всѣхъ обстоятельствахъ жизни“. Даже военныя игры должны были преслѣдовать нравственныя цѣли. И здѣсь цѣлью ставилось не „одно знаніе фрунта“, но „пробужденіе высокихъ человѣческихъ качествъ—смѣлости, терпѣнія, расторопности, присутствія духа, осторожности, рѣшительности, хладнокровія“. Сообразно такой цѣли и въ руководители военными играми цесаревича требовался не простой знатокъ „фрунта“, а просвѣщенный знатокъ военнаго дѣла, который могъ бы „воспламенить душу ко всему великому и героическому“ ***).

Наиболѣе развивающимъ въ нравственномъ отношеніи и наиболѣе необходимымъ для государя учебнымъ предметомъ, послѣ рели-

*) Соч. Жуковскаго, т. VI, сс. 328—329. Изд. 8-ое. Спб. 1885.

**) Соч. Жуковскаго, VI, 348.

***) Соч. Жуковскаго, VI, 341.

гіи, конечно, Жуковскій, подобно Лагарпу, воспитателю императора Александра I, считалъ исторію. Онъ называетъ ее „сокровищницей воспитанія царскаго“ и „главной наукой наслѣдника престола“. Эта наука, по мнѣнію Жуковскаго, должна „воспламенить любовь къ великому, стремленіе къ благотворной славѣ, уваженіе къ человѣчеству“. Исторія должна научить правителя уважать законъ и общественное мнѣніе, любить и распространять просвѣщеніе, любить „свободу, то есть правосудіе“, владычествовать не силою, а порядкомъ, окружать себя достойными помощниками и т. д. *).

Тѣ-же приблизительно задачи должны были преслѣдовать и уроки Закона Божія. По мнѣнію Жуковскаго, высказанному имъ въ письмѣ къ императрицѣ по поводу программы законоучителя Павскаго, для государя нужна „религія сердца“, „религія просвѣщенная, благодушная, проникнутая уваженіемъ къ человѣчеству“, такая религія, которая уяснила-бы государю, что „пользоваться всемогуществомъ не значитъ царствовать“, которая подчинила-бы его долгу и внушила-бы ему „уваженіе къ праву, справедливости, свободѣ, просвѣщенію“; однимъ словомъ, такая религія, которая научила-бы „царствовать для блага народа, а не ради своего могущества“ **).

Не менѣе замѣчательны заботы Жуковскаго и объ умственномъ развитіи цесаревича. Онъ заботился о томъ, чтобы учебные предметы преподавались „въ ихъ естественной связи“ и съ сохраненіемъ надлежащей постепенности при переходѣ отъ легкаго къ трудному, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Онъ считалъ необходимымъ возбужденіе самодѣятельности воспитанника, чтобы онъ, по возможности, до всего доходилъ собственнымъ умомъ, а не усваивалъ механически чужое. Такъ, напримѣръ, при изученіи грамматики цесаревичъ долженъ былъ самъ извлекать правила изъ примѣровъ; при изученіи геометріи онъ долженъ былъ самъ при помощи, конечно, наставника доходить до разрѣшенія теоремъ; даже нравственныя правила должны были извлекаться изъ фактовъ.

Послѣдовательное примѣненіе этого метода требуетъ, какъ извѣстно, большой затраты времени. Но „дѣло не въ томъ, говоритъ Жуковскій, чтобы сдѣлать много, а въ томъ, чтобы мало, да хорошо. То, что ученикъ на первыхъ порахъ потеряетъ въ количествѣ полузнаній, онъ выиграетъ въ способности пріобрѣтать впослѣдствіи основательныя знанія самостоятельно“ *). Жуковскій считалъ также необходимымъ во всемъ соблюдать надлежащую мѣру, избѣгая лишнихъ подробностей и всего того, что впослѣдствіи легко можетъ

---

*) Соч. Жуковскаго, VI, 348—349.

**) Соч. Жуковскаго, VI, 271—272.

быть забыто. Онъ стремился не къ тому, чтобы „блистать показными успѣхами“, а къ тому, чтобы „положить солидное основаніе“, „дать ясныя идеи, хорошо связать ихъ между собою и вызвать охоту къ ученію“ *).

Считая однимъ изъ главныхъ средствъ для успѣшнаго преподаванія „соединеніе чувственнаго съ умственнымъ“, Жуковскій особенно настаивалъ на томъ, чтобы обученіе было обставлено всевозможными наглядными пособіями. Въ составленномъ имъ спискѣ пособій мы находимъ карты, виды городовъ, мѣстностей и зданій, портреты знаменитыхъ людей, костюмы древніе и новые, историческія и миѳологическія картины, рисунки по естествовѣдѣнію, физическіе, минералогическіе и технологическіе кабинеты, модели, рельефы и т. д. Впослѣдствіи предполагалось воспользоваться прогулками для обозрѣнія „разныхъ публичныхъ заведеній, зданій, кабинетовъ, мануфактуръ и пр.“ **).

Слѣдуетъ упомянуть также, что, будучи убѣжденнымъ классикомъ ***), Жуковскій въ то же время понималъ и педагогическое значеніе естественныхъ наукъ. По его словамъ, „ребенокъ гораздо лучше пойметъ то, что говоритъ его глазамъ, чѣмъ то, что говоритъ только его уму... Даже исторія не можетъ имѣть для ребенка столько привлекательности, какъ физика и естественная исторія. Его душа не развита еще настолько, чтобы интересоваться судьбой людей и народовъ, которыхъ онъ можетъ видѣть только въ воображеніи, тогда какъ физическія и химическія явленія—передъ его глазами, произведенія природы—на лицо, и въ любое время дня онъ можетъ найти случай приложить то, чему онъ учился, къ тому, что его окружаетъ“ ****).

Кромѣ „Плана ученія“, составленнаго для цесаревича, Жуковскій высказалъ свои педагогическіе взгляды и въ статьѣ „Что такое воспитаніе?“, написанной въ 1847 году и входящей въ составъ той „моральной системы“, которую выработалъ поэтъ-романтикъ въ концѣ

*) Соч. Жуковскаго, VI, 354.

**) Соч. Жуковскаго, VI, 360.

***) Соч. Жуковскаго, VI, 346.

****) Жуковскій находилъ, что „латинскій и греческій языки нужны для воспитанія“, самъ занимался этими языками въ зрѣломъ возрастѣ и внесъ ихъ въ программу обученія братьевъ Кирѣевскихъ. Считая латинскій языкъ „однимъ изъ дѣйствительныхъ средствъ развитія умственныхъ способностей“ и усматривая въ классикахъ латинскихъ „источникъ истиннаго просвѣщенія“, Жуковскій настаивалъ на преподаваніи латинскаго языка и цесаревичу, но встрѣтилъ упорное сопротивленіе со стороны императора Николая I.

*****) Соч. Жуковскаго, VI, 362.

своей жизни подъ сильнымъ вліяніемъ мистицизма и піэтизма. Цѣлью воспитанія въ этой статьѣ признается уже не добродѣтель, а развитіе вѣры въ Бога и безусловной преданности Его волѣ. Считая главной задачей воспитанія развитіе хорошихъ привычекъ души и тѣла, Жуковскій, согласно указанной цѣли, на первое мѣсто ставитъ привычку къ повиновенію сначала родителямъ, а потомъ волѣ Божіей.

Чтобы покончить съ Жуковскимъ, слѣдуетъ упомянуть еще, что въ 1808 году онъ приступалъ къ изданію „Вѣстника Европы“ съ желаніемъ не только развить охоту къ полезному чтенію и распространить истинное просвѣщеніе, но и „возвратить отнятыя права воспитанію, высокой, пренебреженной обязанности человѣка въ святѣйшемъ званіи отца, сближающей его съ Творцомъ, который счастіемъ и несчастіемъ воспитываетъ человѣческій родъ“. Въ этомъ же журналѣ, въ статьѣ о книгѣ „Училище бѣдныхъ“, Жуковскій высказалъ свои взгляды на просвѣщеніе народа, близко слѣдуя Карамзину. Считая просвѣщеніе благодѣтельнымъ „въ самой хижинѣ земледѣльца“, Жуковскій находилъ недостаточнымъ одно школьное обученіе и проектировалъ учрежденіе особой „академіи для просвѣщенія простолюдиновъ“, которая занялась-бы составленіемъ и изданіемъ для народа необходимыхъ и полезныхъ книгъ. Изъ такихъ книгъ Жуковскимъ указаны „Катехизисъ морали“, „Общія понятія о натурѣ“, „Энциклопедія ремесленниковъ и земледѣльцевъ“, правила о сохраненіи здоровья, повѣсти и сказки съ героями изъ народа, и народныя стихотворенія *).

Жуковскимъ заканчивается такъ называемый ученическій подражательный періодъ въ исторіи русской литературы. Съ Пушкина и Гоголя русская литература дѣлается вполнѣ самобытною, національною и, по своему воспитательному значенію, ничѣмъ незамѣнимою для русской школы, хотя геніальные творцы нашего литературнаго величія сравнительно мало интересовались вопросами воспитанія и образованія.

Пушкинъ только по офиціальному порученію написалъ въ 1826 году „записку о народномъ воспитаніи“, въ которой высказалъ нѣсколько интересныхъ взглядовъ и соображеній. Считая „воспитаніе или, лучше, отсутствіе воспитанія“ „корнемъ всякаго зла“, Пушкинъ находилъ нужнымъ „увлечь все юношество въ общественныя заведенія, подчиненныя надзору правительства“, чтобы такимъ образомъ избавить подрастающія поколѣнія и отъ „безнравственнаго“ домашняго

---

*) Ср. Ашевскій „Жуковскій, какъ педагогъ“ („Образованіе“) 1902 г., № 5—6).

воспитанія, среди „гнусныхъ примѣровъ“ крѣпостной обстановки, и отъ частныхъ пансіоновъ, содержимыхъ иностранцами далеко не всегда безупречной нравственности. „Что касается до воспитанія заграничнаго, говоритъ Пушкинъ, то запрещать его нѣтъ никакой надобности. Довольно будетъ опутать его однѣми невыгодами, сопряженными съ воспитаніемъ домашнимъ. Ибо 1) весьма немногіе станутъ пользоваться этимъ позволеніемъ; 2) воспитаніе иностранныхъ университетовъ, не смотря на всѣ свои неудобства, не въ примѣръ для насъ менѣе вредно воспитанія патріархальнаго“.

Далѣе Пушкинъ дѣлаетъ бѣглыя указанія относительно существовавшихъ въ то время среднихъ учебныхъ заведеній, указывая недостатки и предлагая мѣры для ихъ устраненія. Онъ требуетъ уничтоженія тѣлесныхъ наказаній, особенно въ кадетскихъ корпусахъ, такъ какъ слишкомъ жестокое воспитаніе дѣлаетъ изъ офицеровъ „палачей, а не начальниковъ“. Онъ находитъ необходимымъ продлить, по крайней мѣрѣ, на три года курсъ гимназій, лицеевъ и университетскихъ пансіоновъ, а также расширить курсъ „высшихъ политическихъ наукъ“. Онъ высказывается противъ латинскаго и греческихъ языковъ, считая ихъ „роскошью“, особенно для Россіи, „гдѣ чувствителенъ недостатокъ необходимаго“. Считая ближайшее знакомство съ отечествомъ крайне необходимымъ для правительственныхъ чиновниковъ, Пушкинъ требуетъ для университетовъ учрежденія особенныхъ каѳедръ исторіи, статистики и законодательства Россіи *)

Рядомъ съ этими взглядами въ „Запискѣ“ высказаны мнѣнія и совершенно иного рода. Пушкинъ требуетъ „во что-бы то ни стало подавить воспитаніе частное“. Поэту не нравится, что „во всѣхъ почти училищахъ дѣти занимаются литературою, составляютъ общества, даже печатаютъ свои сочиненія въ свѣтскихъ журналахъ. Все это, по его мнѣнію, отвлекаетъ отъ ученія, пріучаетъ дѣтей къ мелочнымъ успѣхамъ и ограничиваетъ идеи уже и безъ того слишкомъ у насъ ограниченныя“. Наконецъ, для исправленія „нравовъ“ въ кадетскихъ корпусахъ поэтъ предлагалъ (страшно сказать!) учрежденіе „полиціи, составленной изъ лучшихъ воспитанниковъ“. Относительно преподаванія исторіи въ первые годы обученія Пушкинъ высказалъ также странное мнѣніе: исторія въ это время должна быть

---

*) Для отношенія Пушкина къ образованію простого народа характерны, во-первыхъ, отзывъ его о ланкастерскихъ школахъ („ланкастерскія школы входятъ у насъ въ систему военнаго образованія и, слѣдовательно, состоятъ въ самомъ лучшемъ порядкѣ“), во-вторыхъ, слѣдущая запись въ дневникѣ: „церковь и при ней школа полезнѣе колонны съ орломъ и длинною надписью, которой безграмотный мужикъ нашъ долго не разберетъ“.

„голымъ хронологическимъ разсказомъ происшествій безо всякихъ нравственныхъ или политическихъ разсужденій“.

Въ поэтическихъ своихъ произведеніяхъ Пушкинъ также касался вопросовъ воспитанія, хотя и мимоходомъ. Онъ сообщаетъ намъ о старинномъ воспитаніи, когда дѣвушка „шила золотомъ и не знала грамоты“, когда „бывало, храбрый генералъ служилъ и грамотѣ не зналъ“. Еще больше сообщаетъ онъ о современномъ ему воспитаніи въ дворянскихъ семьяхъ, рѣдко обходившихся безъ иностранныхъ гувернеровъ и гувернантокъ. Цѣлая коллекція этихъ привозныхъ педагоговъ сохранена въ сочиненіяхъ Пушкина. Тутъ и мосье l'Abbé, „французъ убогій“, который „всему училъ шутя“; и мосье Трике, выдающій чужіе стихи за свои собственные; и мосье Дефоржъ, изъ кондитеровъ желающій попасть въ гувернеры, и мосье Бопре, бывшій парикмахеръ и прусскій солдатъ, пьяница и развратникъ; и мосье Дерори, лучшій изъ всѣхъ пушкинскихъ гувернеровъ, „простой и добрый старичокъ“, но научившій своего воспитанника одной только французской орѳографіи.

Несравненно симпатичнѣе изображены Пушкинымъ русскіе няни и дядьки, и въ этомъ несомнѣнная заслуга поэта. Даже такой націоналистъ, какъ Фонвизинъ, рѣзко высказался противъ крѣпостныхъ педагоговъ. „Сколько дворянъ-отцовъ, говоритъ Стародумъ, которые нравственное воспитаніе сынка своего поручаютъ своему рабу крѣпостному: лѣтъ черезъ пятнадцать и выходятъ вмѣсто одного раба двое,—старый дядька да молодой баринъ“. Пушкинъ отвѣтилъ на это обвиненіе созданіемъ своего Савельича и, кромѣ того, показалъ, что русскія няни, при всемъ своемъ суевѣріи и невѣжествѣ, служили противоядіемъ отъ легкомысленныхъ французенокъ и чопорныхъ англичанокъ.

Нѣсколько ближе Пушкина стоялъ къ педагогическимъ вопросамъ *Гоголь*. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ надеждою прославить себя на поприщѣ государственной службы; но нужда заставила восторженнаго мечтателя, говоря его словами, „вмѣсто министра сдѣлаться учителемъ“. Въ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ Гоголь преподавалъ исторію и географію въ Патріотическомъ институтѣ, давалъ частные уроки въ нѣсколькихъ аристократическихъ домахъ и даже читалъ лекціи по исторіи среднихъ вѣковъ въ Петербургскомъ университетѣ, впрочемъ очень неудачно. Въ это же время напечатаны Гоголемъ и двѣ статьи педагогическаго характера: „Мысли о географіи“ и „О преподаваніи всеобщей исторіи“.

Обѣ эти статьи интересны прежде всего тѣмъ, что Гоголь, какъ художникъ, требовалъ и отъ педагога умѣнья говорить на урокахъ исторіи и географіи такими образами, которые навсегда врѣзались-бы

въ память учащихся. Поэтому въ обѣихъ статьяхъ требуется, чтобы слогъ преподавателя былъ увлекательный, огненный, живописный. Кромѣ того въ статьѣ о географіи Гоголь высказываетъ нѣсколько такихъ взглядовъ, которыми онъ далеко опередилъ современную ему школьную рутину. Такъ, напримѣръ, онъ требуетъ концентрическаго расположенія учебнаго матеріала, вооружается противъ преподаванія политической географіи раньше физической, отрицаетъ пользу черченія картъ, протестуетъ противъ загроможденія памяти учащихся мелочами и т. д. *).

Еще большую честь дѣлаютъ Гоголю, какъ педагогу, заключительныя строки его „Мыслей о географіи". „Лѣность и непонятливость воспитанника, говоритъ двадцатилѣтній педагогъ, повторяя Амоса Коменскаго,—обращаются въ вину педагога и суть только вывѣски его собственнаго нерадѣнія: онъ не умѣлъ, онъ не хотѣлъ овладѣть вниманіемъ своихъ юныхъ слушателей; онъ заставилъ ихъ съ отвращеніемъ принимать горькія свои пилюли. Совершенной неспособности невозможно предполагать въ дитяти".

Послѣ увольненія изъ института и изъ университета Гоголь никогда уже больше не выступалъ на педагогическое поприще; но вопросами воспитанія онъ продолжалъ интересоваться до конца своей жизни, во-первыхъ, потому, что онъ считалъ воспитаніе „важнѣйшей государственной частью", во-вторыхъ, потому, что онъ слѣдилъ за воспитаніемъ сначала своихъ сестеръ, а впослѣдствіи своего племянника Трушковскаго. Поэтому въ письмахъ Гоголя нерѣдко встрѣчаются педагогическія замѣчанія и даже цѣлыя разсужденія, напримѣръ, о развитіи хорошихъ привычекъ, о внушеніи правилъ религіи, какъ „фундамента всего", **) о необходимости перевоспитанія для воспитателей, о силѣ любви, посредствомъ которой „можно все передать чековѣку" и т. д.

Такъ-же, какъ и Пушкинъ, Гоголь требовалъ усиленія націо-

---

*) Гоголь доходитъ до такой крайности, что отрицаетъ даже необходимость учебника географіи, потому что онъ будетъ „умерщвлять воображеніе" учащихся.

**) Относительно религіознаго воспитанія Гоголь даетъ матери такіе совѣты: „Не учите ее (сестру Лизу) какому-нибудь катехизису, который—тарабарская грамота для дѣтей. Это немного тоже сдѣлаетъ добра, если она будетъ безпрестанно ходить въ церковь. Тамъ для дитяти тоже все непонятно: ни языкъ, ни обряды. Она привыкнетъ на это глядѣть, какъ на комедію. Но вмѣсто всего этого говорите, что Богъ все видитъ, все знаетъ, что она ни дѣлаетъ. Говорите ей поболѣе о будущей жизни, опишите всѣми возможными и нравящимися для дѣтей красками тѣ радости и наслажденія, которыя ожидаютъ праведныхъ, и какія ужасныя, жестокія муки, ждутъ грѣшныхъ" („Письма" Гоголя, I, 260, IV, 461).

нальнаго элемента въ воспитаніи. Онъ высказалъ сожалѣніе о томъ, что „первое воспитаніе отдаляетъ насъ вдругъ отъ того, что вокругъ насъ", и о томъ, что „съ первыхъ-же дней набиваютъ насъ предметами, переносящими насъ въ другія земли, а не въ свою". „Оттого,— прибавляетъ Гоголь,—мы не годимся для земли своей" *). Въ одномъ письмѣ къ Шевыреву Гоголь проситъ накупить для своего племянника такихъ книгъ, которыя могутъ познакомить его съ Россіей, и прибавляетъ: „если въ немъ чтеніемъ этихъ книгъ возбудится *желаніе* любить и знать Россію, то это все, что я желаю: это, по-моему, лучше, чѣмъ если бы онъ зналъ языки и всякія науки". Считая „невѣдѣніе русскими собственной земли своей" едва-ли не главной причиной всѣхъ нестроеній и внутреннихъ безпорядковъ, Гоголь въ концѣ своей жизни думалъ о составленіи такой книги, которая представила бы „живое, а не мертвое изображеніе Россіи".

Затронуты вопросы воспитанія и въ художественныхъ произведеніяхъ Гоголя, гдѣ мы находимъ рядъ педагоговъ, начиная съ комической фигуры Ивана Осиповича въ малороссійской повѣсти Гоголя „Страшный кабанъ", и кончая идеальнымъ Александромъ Петровичемъ, начальникомъ того учебнаго заведенія, въ которомъ учился Тентетниковъ. Рядомъ съ этимъ педагогомъ-гуманистомъ, Гоголь изобразилъ намъ и педагога-формалиста и показалъ результаты дѣятельности того и другого. У Александра Петровича не было рѣчи о хорошемъ поведеніи. Онъ требовалъ прежде всего ума. Онъ предоставлялъ дѣтямъ такую свободу, что его воспитанниковъ съ перваго взгляда можно было принять за „необузданную вольницу". Но эта вольница относилась съ глубокимъ уваженіемъ и довѣріемъ къ своему наставнику. „Не было проказника и шалуна, говоритъ Гоголь, который-бы не пришелъ къ нему самъ и не разсказалъ всего, что ни напроказилъ. Малѣйшее движеніе ихъ помышленій было ему извѣстно... Никто изъ дѣтей не уходилъ отъ него съ повиснувшимъ носомъ; напротивъ, даже послѣ строжайшаго выговора чувствовалъ онъ какую-то бодрость и желанье загладить сдѣланную пакость и проступокъ". И дѣти любили этого наставника болѣе, чѣмъ своихъ родителей. „До гроба, до позднихъ дней, говоритъ Гоголь, благодарный воспитанникъ, поднявъ бокалъ въ день рожденія своего чуднаго воспитателя, уже давно бывшаго въ могилѣ, закрывалъ глаза и лилъ слезы по немъ". Этотъ необыкновенный педагогъ самъ преподавалъ большую часть учебныхъ предметовъ, передавая въ немногихъ словахъ „самую душу науки" и особенное вниманіе обращая на тѣ науки, которыя способны обра-

*) Письма Гоголя, IV. 260. „Письма" Гоголя, IV, 111.

зовать изъ человѣка гражданина земли своей". Впослѣдствіи воспитанники Александра Петровича, по свидѣтельству Гоголя, „не только не пошатнулись, но, умудренные познаньемъ человѣка и души, возымѣли высокое нравственное вліяніе даже на взяточниковъ и дурныхъ людей".

Преемникъ Александра Петровича, Өедоръ Ивановичъ, „точно наперекоръ своему предмѣстнику, объявилъ, что для него умъ и хорошіе успѣхи въ наукахъ ничего не значатъ, что онъ смотритъ только на поведенье, что если человѣкъ и плохо учится, но хорошо ведетъ себя, онъ предпочтетъ его умнику." Результаты получились самые плачевные. Запрещены были шалости явныя—„завелись шалости потаенныя. Все было въ струнку днемъ... а по ночамъ завелись кутежи... Однимъ словомъ, все пошло навыворотъ. Потерялось уваженіе къ начальству и власти: стали насмѣхаться и надъ наставниками, и надъ преподавателями; директора стали называть Өедькой, булкой и другими разными именами. Развратъ завелся уже вовсе не дѣтскій: завелись такія дѣла, что нужно было многихъ выключить и выгнать. Въ два года узнать нельзя было заведенія". Плодомъ такого рода воспитательной практики являлись и являются на Руси люди, подобные Павлу Ивановичу Чичикову, учитель котораго также былъ „большимъ любителемъ тишины и хорошаго поведенія" и также не терпѣлъ умныхъ и способныхъ мальчиковъ *).

Нельзя пройти молчаніемъ и отношеніе Гоголя къ образованію простого народа. Въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями" русскому помѣщику даются такіе совѣты: „Учить мужика грамотѣ затѣмъ, чтобы доставить ему возможность читать пустыя

*) Слѣдуетъ упомянуть, что и Пушкинъ, и Гоголь очень ѣдко отзывались о современныхъ имъ женскихъ пансіонахъ. У Пушкина („Графъ Нулинъ"):

Наталья Павловна совсѣмъ
Своей хозяйственною частью
Не занималася затѣмъ,
Что не въ отеческомъ законѣ
Она воспитана была,
А въ благородномъ пансіонѣ
У эмигрантки Фальбала.

У Гоголя въ „Мертвыхъ Душахъ" говорится: „Манилова была воспитана хорошо. А хорошее воспитаніе, какъ извѣстно, получается въ пансіонахъ; а въ пансіонахъ, какъ извѣстно, три главные предмета составляютъ основу человѣческихъ добродѣтелей: французскій языкъ, необходимый для счастія семейной жизни, фортепьяно, для доставленія пріятныхъ минутъ супругу, и, наконецъ, собственно хозяйственная часть: вязаніе кошельковъ и другихъ сюрпризовъ".

книжонки, которыя издаютъ для народа европейскіе человѣколюбцы, есть дѣйствительно вздоръ... Народъ нашъ не глупъ, что бѣжитъ, какъ отъ чорта, отъ всякой письменной бумаги; онъ знаетъ, что тамъ притонъ всякой человѣческой путаницы, крючкотворства и каверзничествъ. По настоящему, ему не слѣдуетъ и знать, есть ли какія-нибудь другія книги, кромѣ святыхъ".

Приведенныя слова въ свое время вызвали противъ Гоголя бурю негодованія, и Бѣлинскій обозвалъ великаго писателя „апостоломъ невѣжества". Въ отвѣтъ на это обвиненіе Гоголь писалъ въ „Авторской исповѣди", что онъ „всегда стоялъ за просвѣщеніе народное" и даже „полжизни думалъ о томъ, какъ бы написать истинно полезную книгу для простого народа". Но оправданію Гоголя не повѣрили тѣмъ болѣе, что и во второмъ томѣ „Мертвыхъ душъ" оказались вылазки противъ народныхъ школъ. Костанжогло, этотъ идеальный, по замыслу Гоголя, помѣщикъ, иронически отзывается о своемъ сосѣдѣ, заводящемъ школы, называя его „Донъ-Кихотомъ просвѣщенія". О школѣ, учрежденной Тентетниковымъ, Гоголь говоритъ: „изъ этого вышла такая чепуха, что онъ и голову повѣсилъ: лучше было и не задумывать".

Нѣтъ сомнѣнія, что Гоголь не понималъ пользы грамотности, а подъ просвѣщеніемъ народа разумѣлъ одно религіозно-нравственное обученіе его. Онъ не запрещалъ своимъ сестрамъ заниматься обученіемъ крестьянскихъ дѣтей, но большее значеніе придавалъ душеспасительнымъ бесѣдамъ, которыя должны были вести съ крестьянами священники по присланной имъ книжкѣ. Неудивительно поэтому, что и въ программу воспитанія сиротокъ, о чемъ Гоголь говоритъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи, обученіе грамотѣ не вошло.

Нѣкоторые изъ числа второстепенныхъ и третьестепенныхъ писателей первой половины XIX столѣтія также болѣе или менѣе близко стояли къ вопросамъ воспитанія и народнаго образованія. Такъ, напримѣръ, Александръ Измайловъ, баснописецъ и авторъ „перваго русскаго реальнаго романа", въ концѣ своей бурной жизни давалъ уроки словесности въ Пажескомъ корпусѣ и даже въ частныхъ домахъ. Гречъ, въ свое время извѣстный не только какъ журналистъ, но и какъ беллетристъ, въ молодости былъ учителемъ русскаго языка въ гимназіяхъ и однимъ изъ главныхъ распространителей въ Россіи ланкастерскихъ школъ *), а впослѣдствіи составилъ рядъ учебниковъ по словесности и грамматикѣ. Сергѣй Глинка, знаменитый своей патріотической дѣятельностью въ эпоху борьбы съ Наполеономъ, до изданія „Русскаго Вѣстника", въ теченіе трехъ

*) См. „Записки о моей жизни" Н. И. Греча, гл. X.

лѣтъ былъ домашнимъ учителемъ въ Малороссіи, а въ 1818—1819 годахъ содержалъ въ Москвѣ пансіонъ для сыновей донскихъ казаковъ *). Кромѣ того, Глинкѣ принадлежитъ цѣлый рядъ педагогическихъ изданій, напримѣръ, „Новое Дѣтское Чтеніе“, „Плутархъ для дѣтей“ и др. Квитка-Основьяненко былъ главнымъ основателемъ и руководителемъ учрежденнаго въ Харьковѣ въ 1812 году „Института для образованія бѣднѣйшихъ благородныхъ дѣвицъ“. Лажечниковъ, увлеченный народопросвѣтительною дѣятельностью русскаго правительства, бросилъ военную службу и болѣе десяти лѣтъ былъ директоромъ училищъ въ Пензѣ, въ Казани и въ Твери. Гребенка послѣднее десятилѣтіе своей кратковременной жизни занимался преподаваніемъ русскаго языка и словесности въ военно-учебныхъ заведеніяхъ Петербурга.

Особеннаго вниманія въ интересующемъ насъ отношеніи заслуживаетъ *кн. В. Ѳ. Одоевскій*, одинъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей своего времени. Двадцатилѣтнимъ юношей онъ уже вооружался въ „Вѣстникѣ Европы“ 1822—1823 годовъ („Письма къ Лужницкому старцу“) противъ невѣжества „большого свѣта“, противъ дурного воспитанія женщинъ **), противъ вреднаго вліянія иностранныхъ гувернеровъ и т. д. Въ тридцатыхъ годахъ кн. Одоевскій увлекся спеціально-педагогическими вопросами и написалъ большое сочиненіе „Наука до науки“, изъ котораго въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1845 года напечатана небольшая часть подъ заглавіемъ: „Опытъ о педагогическихъ способахъ при первоначальномъ образованіи дѣтей“. Тогда же были написаны имъ для дѣтей „Сказки дѣдушки Иринея“, приводившія въ восторгъ Бѣлинскаго и не утратившія своего значенія и до настоящаго времени ***). Наконецъ, въ это же время изданная Максимовичемъ „Книга Наума“ навела кн. Одоевскаго на мысль заняться изданіемъ книгъ для народнаго чтенія. Онъ бралъ на свой счетъ всѣ издержки по изданію, а всѣ выгоды предоставлялъ Максимовичу; но соглашенія между ними не состоялось. Только позже, въ сороковыхъ годахъ, кн. Одоевскому

---

*) См. „Записки С. Н. Глинки“, гл. XXII.

**) Позднѣе недостаточность женскаго воспитанія и образованія кн. Одоевскій изобразилъ въ повѣсти „княжна Мими“, гдѣ говорится: „Канва, танцовальный учитель, немножко лукавства, tenez vous droite; да два-три анекдота, разсказанные бабушкой, какъ надежное руководство къ сей и будущей жизни—вотъ и все воспитаніе.

***) Менѣе удачнымъ оказался изданный кн. Одоевскимъ „Сборникъ дѣтскихъ пѣсенъ“.

удалось осуществить свое намѣреніе. Вмѣстѣ съ Заблоцкимъ онъ издалъ четыре книги, „Сельскаго Чтенія", наполненныя статьями самаго разнообразнаго содержанія въ доступномъ грамотному народу изложеніи. Самъ Одоевскій написалъ для этихъ книжекъ до двадцати статей, въ которыхъ давались нравственные, гигіеническіе и врачебные совѣты, говорилось о „чертежѣ земли", о дѣдушкѣ Крыловѣ и т. д. *).

М. Столяровъ.

---

*) Сумцовъ. „Князь В. Ө. Одоевскій" Харьковъ 1884.

Праздникъ русскихъ женщинъ.

(25-лѣтіе Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ).

(*Окончаніе*).

V.

Первый періодъ существованія Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ („дореформенные курсы").

Въ маѣ 1878 г. послѣдовало, наконецъ, разрѣшеніе на открытіе высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ. Продолжительность занятій на курсахъ опредѣлена въ три года, причемъ самыя занятія были раздѣлены на три отдѣленія или факультета: словесно-историческое, физико-математическое и спеціально-математическое.

30 сентября (1878 г.) состоялось открытіе курсовъ. Число слушательницъ съ самаго начала нѣсколько превышало 800 (814), причемъ около половины ихъ были вольнослушательницы.

Наибольшія затрудненія были теперь чисто матеріальныя: устроительницы курсовъ имѣли на всѣ нужды 222 рубля, оставшіяся отъ прежнихъ курсовъ. Вслѣдствіе этого пока нельзя было думать о наймѣ особаго помѣщенія и пришлось съ благодарностью принять предложеніе Осинина воспользоваться для лекцій одной изъ петербургскихъ женскихъ гимназій. Выборъ остановился на Александровской гимназіи, такъ какъ эта гимназія находится въ наиболѣе центральной части города. Однако занятіе чужого помѣщенія обязывало назначать лекціи на вечеръ, что, конечно, причиняло массу неудобствъ слушательницамъ.

Желая болѣе прочно обезпечить матеріальныя нужды курсовъ, устроительницы ихъ заблаговременно обратились въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ прошеніемъ о разрѣшеніи „Общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ". Разрѣшеніе было получено двѣ недѣли спустя послѣ офиціальнаго открытія курсовъ; съ тѣхъ поръ и до сего дня это общество неизмѣнно работаетъ на

пользу дорого ему разсадника высшаго женскаго образованія въ Россіи, причемъ нѣкоторыя лица, какъ, напримѣръ, В. П. Тарновская и Философова работаютъ въ комитетѣ указаннаго общества съ самаго возникновенія его по сіе время, другихъ же (Н. В. Стасову) только смерть разлучила съ высшими женскими курсами.

Одной изъ первыхъ заботъ Общества доставленія средствъ было подысканіе для курсовъ подходящаго самостоятельнаго помѣщенія; послѣ многихъ хлопотъ такое помѣщеніе было, наконецъ, найдено на Сергіевской ул. въ домѣ Е. Боткиной за 8.000 р. въ годъ. Второй учебный годъ (1879—80) начался въ этомъ новомъ и сравнительно удовлетворительномъ помѣщеніи, на приспособленіе котораго подъ аудиторію потребовалось однако не мало добавочныхъ расходовъ.

Въ 1881 г. съ разрѣшенія учебнаго начальства продолжительность учебныхъ занятій на курсахъ была увеличена на одинъ годъ (съ 3 до 4 лѣтъ), вслѣдствіе чего первый выпускъ состоялся только въ 1882 г. Всего окончили курсъ 176 слушательницъ — 95 по словесному и 81 по физико-математическому. Къ первому выпуску принадлежатъ А. Е. Сырдобинская, В. У. Шиффъ и Е. В. Балабанова, которыя съ тѣхъ поръ непрерывно работаютъ на курсахъ (послѣдняя въ качествѣ завѣдующей библіотекой). Къ первому же выпуску принадлежитъ и Е. Н. Щепкина, руководившая занятіями слушательницъ на курсахъ въ 1885—6 и 1888—9 учебныхъ годахъ.

Около того времени, когда состоялся первый выпускъ, кончился контрактъ съ Е. Боткиной относительно найма помѣщенія въ ея домѣ. Г-жа Боткина уклонилась отъ возобновленія контракта на прежнихъ условіяхъ, да и домъ ея не былъ особенно пригоденъ для курсовъ. Поэтому у „Комитета“ (какъ мы будемъ для краткости называть Комитетское Общество для доставленія средствъ в. ж. курсамъ) весьма естественно возникла мысль о постройкѣ собственнаго дома для курсовъ. Не имѣя возможности обратиться открыто съ публичнымъ воззваніемъ къ русскому обществу о сборѣ пожертвованій на это дѣло, комитетъ отправилъ циркулярныя письма соотвѣтственнаго содержанія въ земскія управы разныхъ губерній и къ нѣкоторымъ частнымъ лицамъ, отъ которыхъ можно было ожидать помощи курсамъ.

Комитетъ не ошибся въ своемъ расчетѣ на русское общество: пожертвованія притекали въ достаточномъ количествѣ, несмотря на нѣкоторыя внѣшнія препятствія, описаніе которыхъ можно найти въ статьѣ г-жи Анненской. Въ іюнѣ 1884 г. была начата постройка дома для курсовъ на Васильевскомъ островѣ на участкѣ земли, купленномъ на выгодныхъ условіяхъ у Л. Ѳ. Пантелеева. Къ осени 1885 г. постройка была окончена и обошлась около 217.000: одна

треть этой суммы была получена путемъ пожертвованій *), нѣсколько болѣе трети было дано въ безсрочную ссуду разными лицами, желавшими выразить такимъ образомъ свое сочувствіе дѣлу высшаго женскаго образованія въ Россіи **); наконецъ, 52.000 было получено путемъ залога дома въ кредитномъ обществѣ.

Съ начала 1885—6 учебнаго года высшіе женскіе курсы переѣхали въ свой собственный домъ; 22 сентября происходило торжественное открытіе и освященіе этого дома.

Проф. А. Н. Бекетовъ обратился при этомъ къ собранію съ рѣчью, начавъ ее слѣдующими словами: „Торжество, на которомъ мы присутствуемъ сегодня, многозначительно для всей страны: это—освященіе и открытіе перваго зданія, воздвигнутаго въ Россіи высшему женскому образованію, и притомъ на частныя средства русскаго общества. Суммы, собравшіяся въ комитетѣ, заправляющемъ хозяйствомъ нашего учрежденія, на постройку этого дома стеклись со всѣхъ концовъ Имперіи: съ береговъ Амура, изъ Восточной и Западной Сибири, изъ Средней Азіи, съ Кавказа, изъ всѣхъ почти европейскихъ губерній и даже отъ русскихъ, живущихъ въ Пекинѣ“.

Далѣе проф. Бекетовъ изложилъ вкратцѣ исторію курсовъ и эту часть своей длинной рѣчи закончилъ такъ: „Изъ этого краткаго обзора исторіи курсовъ и дѣятельности нашего Общества съ его комитетомъ видно, что энергія тѣхъ, которые предположили дать русскому обществу учрежденіе для высшаго женскаго образованія, не ослабѣвала ни на минуту... Мы твердо надѣемся, что въ виду такой настойчивости, въ виду желанія значительной части русскаго общества доставить женщинамъ блага высшаго образованія, наконецъ, въ виду неослабнаго стремленія нашей женской молодежи воспользоваться этими благами, дѣло наше окончательно завершится прочно установленнымъ закономъ, утвержденнымъ уставомъ“.

Далѣе проф. Бекетовъ сталъ говорить о цѣли и значеніи высшихъ женскихъ курсовъ и высшаго женскаго образованія вообще; но мы не будемъ останавливаться на этой части рѣчи почтеннаго піонера высшаго женскаго образованія въ Россіи, не подозрѣвавшаго, что надъ только что ставшими на ноги курсами уже нависли грозовыя тучи.

---

*) Наиболѣе крупныя пожертвованія (по 10.000 р.) были отъ лица, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ, и отъ И. М. Сибирякова.

**) Наиболѣе значительную ссуду оказали Ю. А. Варгунина (20,000) и М. К. Цебрикова (5.000).

VI.

Тревожные годы.

Мы видѣли, что съ осени 1885 г. высшіе женскіе курсы основались въ собственномъ помѣщеніи и что всѣ лица, причастныя къ курсамъ, стали болѣе увѣренно, чѣмъ когда либо, смотрѣть на будущее курсовъ. Они были очень далеки отъ мысли, что въ томъ же учебномъ году ихъ ждало весьма горькое разочарованіе. Въ самомъ дѣлѣ, 8 мая 1886 г. въ Правительственномъ Вѣстникѣ появилось слѣдующее краткое сообщеніе:

„Въ виду производящагося въ особой коммиссіи, учрежденной при министерствѣ народнаго просвѣщенія, разсмотрѣнія вопроса о высшемъ женскомъ образованіи министерство народнаго просвѣщенія признало нужнымъ сдѣлать распоряженіе о прекращеніи нынѣ же пріема слушательницъ на существующіе высшіе женскіе курсы вѣдомства означеннаго министерства“.

Извѣстіе это, какъ громомъ, поразило педагогическій совѣтъ и „Комитетъ“ курсовъ, которые не только не ожидали какой либо подобной мѣры, но даже и не понимали, какого рода причины могли побудить министерство къ столь чрезвычайнымъ мѣрамъ. Все русское общество было также не мало озадачено этимъ сообщеніемъ, какъ это видно изъ массы писемъ, полученныхъ администраціей курсовъ съ просьбой дать какія-либо объясненія по поводу закрытія пріема и употребить всѣ мѣры къ скорѣйшему возобновленію пріема на курсы.

Такъ, напр., изъ Симферополя было получено письмо слѣдующаго содержанія, подписанное 24 лицами: „Мы, нижеподписавшіеся родители, имѣющіе дѣтей, кончающихъ и окончившихъ гимназіи и институты, съ глубокимъ прискорбіемъ прочитали неожиданное для насъ распоряженіе министерства народнаго просвѣщенія отъ 8 мая 1882 г. о прекращеніи пріема слушательницъ на в. ж. курсы. Намъ неизвѣстны мотивы, вызвавшіе это распоряженіе, искать же ихъ въ неудовлетворительномъ состояніи курсовъ мы не можемъ. На примѣрѣ близкихъ и хорошо намъ извѣстныхъ лицъ, бывшихъ и настоящихъ слушательницъ курсовъ, мы убѣдились вполнѣ въ ихъ благотворномъ вліяніи на русскую семью и русское общество. Не только своею всестороннею программою и строго научнымъ характеромъ преподаванія, но и глубоко нравственнымъ воспитаніемъ курсы подготовили уже многихъ новыхъ учительницъ, женъ и матерей. Теперь же съ прекращеніемъ пріема слушательницъ, наши дочери на неопредѣленное время лишаются возможности по-

лучить образованіе на в. ж. курсахъ, такъ какъ возобновленіе пріема связано съ окончаніемъ работъ нынѣ учрежденной коммиссіи для пересмотра вопроса о высшемъ женскомъ образованіи".

„Очевидно столь обширное и трудное дѣло не можетъ быть приведено къ концу въ короткій срокъ. Не желая лишить нашихъ дочерей благъ высшаго образованія, мы, нижеподписавшіеся, считаемъ своимъ нравственнымъ долгомъ, какъ родители, покорнѣйше просить Совѣтъ В. Ж. Курсовъ ходатайствовать передъ правительствомъ, не найдетъ ли оно возможнымъ нынѣ же возобновить пріемъ на прежнихъ основаніяхъ. О результатѣ же такого ходатайства мы просимъ, въ виду неотложности дѣла, увѣдомить насъ въ возможно скорѣйшемъ времени *)".

Мы не находимъ возможнымъ описывать неоднократныя и безплодныя попытки педагогическаго совѣта и „Комитета" курсовъ добиться какого-нибудь опредѣленнаго выясненія причинъ, побудившихъ прекратить пріемъ слушательницъ на курсы. Равнымъ образомъ оставались безплодны попытки выяснить характеръ или срокъ предполагаемой реформы въ организаціи Курсовъ. Князь Волконскій, назначенный предсѣдателемъ коммиссіи по реорганизаціи высшаго женскаго образованія въ Россіи, подобно тому какъ это сдѣлалъ въ свое время Деляновъ, не нашелъ нужнымъ пригласить въ свою коммиссію кого либо изъ профессоровъ В. Ж. Курсовъ, хотя присутствіе ихъ въ коммиссіи, какъ людей знакомыхъ съ вопросомъ практически, было бы не только весьма цѣнно, но и прямо-таки необходимо.

Озабочиваясь судьбой курсовъ, „Комитетъ" общества для доставленія средствъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ выпустилъ въ 1887 г. подробную историческую записку о Курсахъ, составленную главнымъ образомъ покойнымъ А. П. Страннолюбскимъ, исполнявшимъ въ то время обязанности секретаря „Комитета". Въ запискѣ были изложены не только исторія Курсовъ, но и тѣ взгляды на задачи высшаго женскаго образованія, къ которымъ пришелъ комитетъ на основаніи восьмилѣтняго опыта завѣдыванія Высшими Женскими Курсами. Записка была подана лично князю Волконскому А. Я. Гердомъ, какъ предсѣдателемъ „Комитета" и ректоромъ университета И. Е. Андреевскимъ, какъ однимъ изъ наиболѣе авторитетныхъ въ такого рода вопросахъ членовъ Общества для доставленія средствъ.

Мы не будемъ излагать повторныхъ ходатайствъ педагогическаго совѣта и „Комитета" курсовъ передъ министромъ Деляновымъ о разрѣшеніи хотя бы временнаго возобновленія пріема на курсы. Всѣ эти ходатайства оставались безуспѣшными. Комитетъ тогда рѣ-

---

*) Высшіе Женскіе Курсы за 25 лѣтъ, стр. 163.

шилъ прибѣгнуть къ послѣднему средству—повергнуть судьбу Высшихъ Женскихъ Курсовъ на всемилостивѣйшее воззрѣніе Государя. Было составлено соотвѣтственное прошеніе, которое было передано членомъ Комитета баронессой В. И. Икскуль черезъ генералъ адъютанта Черевина Государю Императору 10 февраля 1889 г., т. е. всего за нѣсколько мѣсяцевъ до времени выхода изъ курсовъ послѣдняго выпуска и необходимаго фактическаго закрытія Курсовъ. Вотъ это прошеніе, подписанное предсѣдательницей Комитета Е. Лихачевой:

Ваше Императорское Величество,
Всемилостивый Государь!

„Въ 1873 г. профессоромъ Бестужевымъ-Рюминымъ съ разрѣшенія бывшаго министра народнаго просвѣщенія графа Толстого учреждены въ Петербургѣ Высшіе Женскіе Курсы съ цѣлью доставленія возможности дѣвицамъ, окончившимъ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, дополнить общее образованіе изученіемъ историко-филологическихъ и физико-математическихъ наукъ. Потребность въ такомъ учебномъ заведеніи давно уже живо чувствовалась многими русскими семьями, убѣжденными, что истинно образованная женщина есть вѣрнѣйшая хранительница религіозности, нравственности и порядка въ семьѣ и обществѣ. Для поддержанія курсовъ со стороны матеріальной образовалось тогда же, съ разрѣшенія Министра Внутреннихъ дѣлъ, особое частное общество изъ лицъ, сочувствующихъ женскому образованію въ указанномъ духѣ. Бывшій Министръ Народнаго Просвѣщенія графъ Толстой, испрашивая въ 1878 г. ежегодное пособіе отъ правительства Высшимъ Женскимъ Курсамъ, которое и было Всемилостивѣйше даровано, засвидѣтельствовалъ передъ Государственнымъ Совѣтомъ, что „Курсы эти прямо отвѣчаютъ видамъ правительства какъ потому, что способствуютъ вообще развитію женской дѣятельности на педагогическомъ поприщѣ, такъ и потому, что могутъ служить къ предотвращенію прискорбныхъ явленій отбытія русскихъ женщинъ за границу для пріобрѣтенія высшаго образованія, при чемъ онѣ не могутъ возвращаться обратно иначе какъ съ идеями и направленіемъ, не соотвѣтствующими строю нашей жизни.“

„Общій итогъ суммъ, положенныхъ на Высшіе Женскіе Курсы, не считая массы безвозмезднаго труда многихъ лицъ, простирается нынѣ свыше 740.000 руб., изъ коихъ 32.500 отпущено изъ Государственнаго казначейства. Имущество Общества для доставленія средствъ Курсамъ состоитъ изъ обширнаго зданія, земли, обстановки и учебныхъ пособій, въ общей сложности на сумму 300.000 руб.

„Съ 1886 г. по распоряженію Министра Народнаго Просвѣщенія

прекращенъ пріемъ ученицъ на курсы въ виду разсмотрѣнія общаго вопроса о женскомъ образованіи въ Коммиссіи, учрежденной подъ предсѣдательствомъ Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія князя Волконскаго. Эта Коммиссія въ началѣ прошлаго 1888 г. закончила свои труды, распоряженіе же о прекращеніи пріема ученицъ остается въ силѣ. Весной текущаго года произойдетъ послѣдній выпускъ ихъ, и дѣятельность учебнаго заведенія прекратится. Вслѣдствіе этого Общество, поддерживающее курсы, вынуждено будетъ по лежащимъ на немъ обязанностямъ, приступить къ продажѣ всего имущества. Собранное долгохранительнымъ трудомъ, съ принесеніемъ, многихъ жертвъ, это имущество, въ цѣломъ его составѣ, представляетъ весьма цѣнное подспорье для высшаго женскаго учебнаго заведенія; разрозненное же и распроданное въ разныя руки погибнетъ безвозвратно и безплодно для дѣла просвѣщенія. Созданіе въ будущемъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній потребуетъ опять многолѣтнихъ трудовъ и огромныхъ затратъ, и принесенныя уже правительствомъ и частными лицами значительныя жертвы не послужатъ на пользу этого важнаго дѣла“.

„Посему Общество для доставленія средствъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ“ пріемлетъ смѣлость повергнуть на Всемилостивѣйшее воззрѣніе Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшую просьбу о разрѣшеніи пріема ученицъ на означенные курсы съ сентября текущаго 1889 г., хотя бы въ видѣ временной мѣры впредь до утвержденія правительствомъ новаго положенія о женскомъ образованіи“.

„Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и безпредѣльною преданностью имѣю счастіе быть

Вашего Императорскаго Величества

„подлинное подписала“

„вѣрноподданнѣйшая Предсѣдательница Комитета Общества для доставленія средствъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ, жена тайнаго совѣтника Елена Лихачева“.

1 января 1889 г.

Какъ мы уже упоминали, прошеніе взялся передать Государю генералъ-адъютантъ Черевинъ. Государь отнесся очень благосклонно къ прошенію и повелѣлъ министру народнаго просвѣщенія представить свое мнѣніе по всеподданнѣйшей просьбѣ „о разрѣшеніи пріема ученицъ на курсы съ сентября текущаго года.“

Такимъ образомъ гроза, нависшая надъ курсами, повидимому, ихъ миновала. Прежде чѣмъ переходить однако къ дальнѣйшей исторіи курсовъ мы считаемъ необходимымъ прослѣдить, насколько

это возможно, источникъ, изъ котораго зародилась эта гроза. Причиной общаго характера, опредѣлившей отрицательное отношеніе высшихъ сферъ къ Высшимъ Женскимъ Курсамъ, была реакціонная волна, охватившая всю русскую жизнь въ началѣ 80-ыхъ годовъ. Ближайшимъ же поводомъ къ образованію коммиссіи князя Волконскаго и прекращенію пріема на курсы была Записка о женскомъ образованіи баронесы Э. О. Раденъ, которую ей удалось передать Государынѣ Императрицѣ и вызвать интересъ Ея Величества къ высказываемымъ въ запискѣ взглядамъ. Послѣдствіемъ этого факта было назначеніе коммиссіи Волконскаго.

Записка баронесы Э. О. Раденъ представляетъ собой въ высшей степени любопытный и важный документъ; но, къ сожалѣнію, она не была до сихъ поръ опубликована. Намъ извѣстна поэтому только та незначительная часть этой записки, которая касается въ большей или меньшей мѣрѣ Высшихъ Женскихъ Курсовъ и которую помѣстили въ книгѣ, изданной по поводу юбилея Высшихъ Женскихъ Курсовъ. „Несомнѣнно“, говорится въ „Запискѣ“, „что во всемъ цивилизованномъ мірѣ обнаружилось стремленіе женщины къ высшему и основательному образованію. Это стремленіе, въ сущности справедливое, приняло всѣ черты болѣзненнаго увлеченія, потому что оно совпадаетъ съ ненормальнымъ состояніемъ семейства и общества. Если невозможно игнорировать подобное стремленіе, то съ другой стороны нельзя ему давать полную свободу.“

„Учрежденіе многочисленныхъ женскихъ гимназій безъ одновременнаго открытія школъ съ законченнымъ элементарнымъ курсомъ, а также достаточнаго числа начальныхъ школъ и школъ профессіональныхъ; права, даваемыя институтами и гимназіями; открытіе Высшихъ Учебныхъ Курсовъ, никѣмъ не контролируемыхъ; наконецъ, учрежденіе особой медицинской академіи для женщинъ — все это довело наше общество и въ особенности юное женское поколѣніе до безумнаго увлеченія фиктивнымъ образованіемъ“.

„Не мнѣ“, говорится далѣе въ „Запискѣ“, „обсуждать государственныя мѣры, которыя слѣдовало бы принять по этому поводу; мнѣ только хотѣлось бы обратить вниманіе вѣдомства Императрицы Маріи на нѣсколько пунктовъ, которые измѣнили бы настоящее положеніе, по крайней мѣрѣ, въ заведеніяхъ ему подвѣдомственныхъ“.

Подвергая суровой критикѣ различныя стороны женскаго образованія, баронесса Раденъ такимъ образомъ отзывается о курсисткахъ: „А что сказать о пагубномъ вліяніи на государство и семейство того полуобразованія, которое изъ поколѣнія въ поколѣніе передаетъ фальшивыя чувства и растлѣвающіе принципы и порождаетъ болѣзненныя явленія, какъ, напр., типъ нашего времени—„студентку?“.

Судя по дальнѣйшимъ, къ сожалѣнію, незначительнымъ, выдержкамъ изъ „Записки", которыя мы находимъ въ цитированной книгѣ, эта „Записка" отличается большой спутанностью и сбивчивостью изложенія и, какъ показываетъ г-жа Анненская, иногда рѣзко противорѣчитъ общеизвѣстнымъ фактамъ.

Какъ бы то ни было, результатомъ этой „Записки" было назначеніе „Высочайше утвержденной коммиссіи по вопросу объ изысканіи главнѣйшихъ основаній для лучшей постановки женскаго образованія въ Имперіи" *). Какъ мы уже говорили, предсѣдателемъ коммиссіи былъ назначенъ князь Волконскій, бывшій въ то время товарищемъ министра народнаго просвѣщенія; членами—директоръ канцеляріи оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода И. А. Ненароковъ, начальникъ петербургскихъ женскихъ гимназій И. Т. Осининъ, предсѣдатель Ученаго Комитета министерства народнаго просвѣщенія А. И. Георгіевскій, директоръ департамента народнаго просвѣщенія Н. М. Аничковъ.

Прежде, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію вопроса о Высшихъ Женскихъ Курсахъ, князь Волконскій затребовалъ отъ попечителей учебныхъ округовъ—петербургскаго, московскаго, казанскаго и кіевскаго—самыхъ подробныхъ свѣдѣній о находящихся подъ ихъ вѣдѣніемъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ. Затѣмъ онъ обратился къ товарищу министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдывавшему полиціей, генералу Оржевскому, съ покорнѣйшей просьбой — увѣдомить его, „сколько слушательницъ названныхъ курсовъ были замѣшаны въ политическихъ преступленіяхъ и демонстраціяхъ, оказались прикосновенными къ нимъ и привлекались къ отвѣтственности, сколько понесли наказаніе по суду или въ административномъ порядкѣ и сколько состояли и состоятъ подъ надзоромъ полиціи. Относительно подвергшихся наказанію по суду или высылкѣ,—писалъ далѣе князь Волконскій,—коммиссіи было бы весьма полезно знать ихъ имена и фамиліи. Какъ предсѣдатель коммиссіи, я счелъ бы себя весьма обязаннымъ вашему превосходительству, если бы при сообщеніи просимыхъ мной свѣдѣній вы изволили признать возможнымъ присоединить къ нимъ и другія, могущія служить къ вѣрной характеристикѣ курсовъ и къ составленію правильнаго о нихъ сужденія, въ особен-

*) Въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 27 декабря 1884 г. объ учрежденіи коммиссіи министерства народнаго просвѣщенія И. Д. Деляновъ повторялъ нападки г-жи Раденъ на курсы и указывалъ, что „большинство увлекается не столько научными занятіями, сколько ложнымъ стремленіемъ и желаніемъ выйти изъ своей семьи и своей среды, оставить обыденныя обязанности и добиться правъ, едва ли соотвѣтствующихъ призванію женщины".

ности съ воспитательной стороны, а равно благоволили бы выяснить и личный вашъ взглядъ на эти учрежденія".

Отзывъ генерала Оржевскаго, говоритъ г-жа Анненская, былъ весьма неблагопріятенъ для слушательницъ, причемъ указывалось, что многія изъ нихъ обратили на себя вниманіе своей недостаточной благонадежностью, съ точки зрѣнія политической.

Противоположный характеръ имѣлъ отзывъ о курсисткахъ попечителя казанскаго округа г. Масленникова, который, вообще, вовсе не отличался симпатіями къ высшему женскому образованію. Въ своемъ отвѣтѣ на запросъ князя Волконскаго, сообщивъ требуемыя свѣдѣнія о количествѣ и образѣ жизни слушательницъ Казанскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ, объ ихъ преподавателяхъ и т. д., г. Масленниковъ писалъ также слѣдующее:

„Изъ донесенія ректора Императорскаго Казанскаго университета видно, что слушательницы Высшихъ Женскихъ Курсовъ не принимали участія въ происходившихъ въ стѣнахъ университета безпорядкахъ или политическихъ демонстраціяхъ. Изъ секретнаго отношенія начальника губернскаго жандармскаго управленія видно, что изъ слушательницъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ подъ надзоромъ полиціи, а равно и подъ особымъ секретнымъ надзоромъ никто не находился и не находится. По имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, воспитанницы Высшихъ Женскихъ Курсовъ держатъ себя въ сторонѣ отъ всякихъ кружковъ, въ которыхъ можетъ съ успѣхомъ дѣйствовать какая бы то ни была вредная пропаганда"... „Слушательницы Курсовъ, насколько мнѣ извѣстно, отличаются скромностью и серьезностью. Большинство число дѣвушекъ бѣдныя, хотявъ числѣ ихъ встрѣчаются и дочери лицъ педагогическаго персонала, имѣющія средства. Все вышеприведенное показываетъ, что существованіе Высшихъ Женскихъ Курсовъ и по направленію преподаванія, и по малочисленному составу ученицъ ничего опаснаго для нравственнаго порядка не представляетъ".

Мы не имѣемъ возможности знакомить читателя съ ходомъ трудовъ коммиссіи князя Волконскаго, насколько они касались Высшихъ Женскихъ Курсовъ; да это и не такъ важно, такъ какъ борьба противъ курсовъ шла частью даже за предѣлами коммиссіи: такъ, напр., пріемъ слушательницъ на Высшіе Женскіе Курсы былъ прекращенъ согласно докладу Особаго Совѣщанія, состоявшаго, впрочемъ, преимущественно изъ высшихъ членовъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, министра (Делянова), товарища его (князя Волконскаго), директора департамента народнаго просвѣщенія (Н. М. Аничкова), завѣдующаго полиціей товарища министра внутреннихъ дѣлъ и директора департамента полиціи. На всеподданнѣйшемъ докладѣ, пред-

ставленномъ Особымъ Совѣщаніемъ (12 мая 1886 г., т. е. годъ спустя послѣ прекращенія пріема на курсы), Его Императорскому Величеству благоугодно было собственноручно начертать: „Совершенно раздѣляю мнѣніе Совѣщанія. Необходимо дать этимъ Курсамъ твердое и правильное основаніе“ *).

Этой Высочайшей отмѣткой вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи курсовъ въ принципѣ, въ сущности, былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, хотя, какъ мы видѣли, они фактически едва не закрылись вслѣдствіе непонятнаго промедленія въ выработкѣ проекта реформы Курсовъ.

Когда въ 1887 г. коммиссія князя Волконскаго, обсуждая послѣдовательно вопросы женскаго образованія, дошла, наконецъ, до вопроса о курсахъ, „члены коммиссіи“, говоритъ г-жа Анненская, „въ особенности А. И. Георгіевскій и Н. М. Аничковъ, съ особой настойчивостью проводили мысль о томъ, чтобы сдѣлать изъ Курсовъ институтъ для приготовленія свѣдущихъ преподавательницъ, какъ спеціально по новымъ языкамъ, такъ и по остальнымъ предметамъ преподаванія во всѣхъ классахъ женскихъ учебныхъ заведеній“.

Тайный совѣтникъ Георгіевскій, какъ сказано въ журналахъ коммиссіи, „высказался совершенно противъ того общераспространеннаго взгляда, что Высшіе Женскіе курсы, какъ и университеты, не должны будто бы преслѣдовать никакихъ практическихъ прикладныхъ цѣлей, а имѣютъ въ виду лишь общее научное образованіе... Высшіе Женскіе Курсы“, продолжалъ г-нъ Георгіевскій, „если только они должны существовать, необходимо должны имѣть въ виду практическія цѣли и, главнымъ образомъ, изготовленіе знающихъ, хорошихъ учительницъ новыхъ иностранныхъ языковъ, русскаго языка и исторіи“.

Эту же точку зрѣнія отстаивалъ и тайный совѣтникъ Аничковъ.

Любопытно сличить этого рода мнѣнія двухъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ коммиссіи съ нѣкоторыми мѣстами изъ записки баронессы Раденъ, послужившей ближайшей причиной самаго назначенія коммиссіи.

„Аномалія и несостоятельность настоящаго положенія очевидны“, писала г-жа Раденъ; „чтобы хоть сколько-нибудь помочь дѣлу, слѣдовало бы, по моему мнѣнію, стремиться къ распространенію правильныхъ понятій о томъ, что дѣти учатся ради образованія и хорошаго воспитанія, а не для поступленія въ какую-то іерархію преподавательницъ, о которомъ имъ говорятъ, какъ о высшей цѣли школы. Нынѣ всѣ мысли, всѣ чувства дѣтей поставлены на фаль-

---

*) Высшіе Женскіе Курсы за 25 лѣтъ, стр. 157.

шивую почву. Любовь къ ученью ради ученья, любовь къ добросовѣстному труду ради совѣсти понемногу исчезаютъ"... „Слѣдуетъ ли вообще всѣмъ дѣвицамъ, получившимъ образованіе, такъ сказать, навязывать званіе учительницъ? Не лучше ли предоставить однимъ спеціальнымъ учрежденіямъ право выдавать аттестаты на извѣстныя спеціальности?"

Между тѣмъ, ко взгляду, высказанному А. И. Георгіевскимъ и Н. М. Аничковымъ и совершенно расходящемуся съ только что приведенными словами „Записки" баронессы Раденъ, присоединилась и вся коммиссія. Въ засѣданіи отъ 18 апрѣля 1887 были окончательно приняты коммиссіей въ число другихъ проектовъ, касающихся разныхъ сторонъ женскаго образованія, два проекта „О Высшихъ Женскихъ Курсахъ" и „О Высшихъ Женскихъ Курсахъ новыхъ иностранныхъ языковъ".

Если читатель обратитъ вниманіе на только что сдѣланное нами сопоставленіе, онъ, можетъ быть, найдетъ нѣкоторое объясненіе того, что эти два проекта оказались мертворожденными, не получивъ не только законодательной санкціи, но не дойдя даже до Государственнаго Совѣта.

7 мая 1888 коммиссія князя Волконскаго окончила свои труды, а съ осени слѣдующаго года петербургскіе Высшіе Женскіе Курсы возродились къ новой жизни, но на основаніяхъ, гораздо болѣе близкихъ къ ихъ прежней организаціи, чѣмъ къ проектамъ, выработаннымъ коммиссіей князя Волконскаго. На послѣдующихъ страницахъ мы изложимъ этотъ послѣдній фазисъ въ исторіи петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ.

VII.

Возрожденіе Высшихъ Женскихъ Курсовъ.

Мы уже знаемъ, что Государь Императоръ отнесся благосклонно къ прошенію „Общества для доставленія средствъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ" о разрѣшеніи пріема на курсы и повелѣлъ министру народнаго просвѣщенія сдѣлать соотвѣтственный докладъ. Это было въ половинѣ февраля 1889 г. 28 февраля была получена Комитетомъ общества слѣдующая бумага отъ попечителя петербургскаго учебнаго округа. Бумага была адресована на имя г-жи Лихачевой, подписавшей прошеніе:

„Вслѣдствіе всеподданнѣйшаго ходатайства вашего о разрѣшеніи пріема ученицъ на Высшіе Женскіе Курсы, хотя бы въ видѣ временной мѣры, Его Императорскому Величеству благоугодно было

Всемилостивѣйше повелѣть г. министру народнаго просвѣщенія представить свое мнѣніе по вышеприведенной просьбѣ вашей.

„Во исполненіе сего Высочайшаго повелѣнія статсъ-секретаремъ графомъ Деляновымъ были повергнуты на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества соображенія, по какимъ возможно было бы допустить возобновленіе пріема на Высшіе Женскіе Курсы новыхъ слушательницъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы въ организаціи означенныхъ курсовъ нынѣ же были произведены измѣненія, соотвѣтственныя тѣмъ основнымъ началамъ, которыя приняты коммиссіею по вопросу о женскомъ образованіи:

1) Управленіе курсами должно быть сосредоточено въ лицѣ особаго директора, избирающаго преподавателей, а руководство воспитательной частью—въ лицѣ инспектрисы и ея помощницъ, назначаемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

2) При курсахъ можетъ быть образованъ Попечительный Совѣтъ, завѣдующій исключительно хозяйственной частью, при чемъ, однако, расходы по содержанію Курсовъ производятся изъ средствъ Общества и изъ суммы за слушаніе лекцій и подлежатъ контролю попечителя учебнаго округа.

3) На курсахъ устанавливается комплектъ слушательницъ.

4) Преподаваніе на курсахъ должно быть ведено по установленнымъ министерствомъ учебнымъ планамъ и должно состоять изъ двухъ отдѣленій: по наукамъ историко-филологическимъ и физико-математическимъ, но съ прекращеніемъ преподаванія физіологіи человѣка и животныхъ, естественной исторіи и гистологіи, какъ предметовъ, прямо входящихъ въ кругъ тѣхъ естественныхъ и медицинскихъ наукъ, которые будутъ преподаваться въ проектируемомъ Женскомъ Медицинскомъ Институтѣ.

5) При Курсахъ устраивается, преимущественно для иногородныхъ, интернатъ или общежитіе. Слушательницы должны жить или у родителей, у близкихъ родственниковъ, или въ интернатѣ или общежитіи, но не на частныхъ квартирахъ.

„Къ сему г. министромъ народнаго просвѣщенія было присовокуплено, что, если Общество, содержащее на свой счетъ Высшіе Женскіе Курсы въ Петербургѣ, готово будетъ подчиниться изложеннымъ выше условіямъ, то онъ полагалъ бы своевременнымъ войти по сему дѣлу съ представленіемъ въ Комитетъ Министровъ о временномъ продолженіи пріема слушательницъ на Курсы...

Его Императорское Величество собственноручно противъ сего мѣста начертать изволилъ: „*Съ этимъ и я согласенъ*“.

Общество долго обсуждало сообщеніе попечителя и въ концѣ концовъ, находя, что лучше что нибудь, чѣмъ ничего, рѣшило под-

чиниться всѣмъ предложеннымъ ему условіямъ возобновленія дѣятельности Курсовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, общество рѣшило просить министра, чтобы на курсахъ, какъ и во всѣхъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ былъ педагогическій совѣтъ изъ лицъ учащаго персонала и чтобы этому совѣту было присвоено право представленія кандидатовъ на должности преподавателей. Общество просило также, присоединяя къ своей просьбѣ обстоятельную записку А. И. Бекетова, о томъ, чтобы на Курсахъ были оставлены естественныя науки, справедливо указывая на то, что „естественная исторія на Высшихъ Женскихъ Курсахъ имѣетъ и должна имѣть совершенно иное значеніе, чѣмъ въ проектируемомъ Женскомъ Медицинскомъ Институтѣ".

Недостатокъ мѣста не дозволяетъ намъ останавливаться на нѣкоторыхъ другихъ менѣе важныхъ ходатайствахъ общества. 13 марта докладная „Записка" Комитета Общества была передана лично министру г-жей Лихачевой и академикомъ Имшенецкимъ (однимъ изъ членовъ Комитета).

Въ концѣ мая графъ Деляновъ внесъ свою „Записку" о Курсахъ съ историческими и иными данными въ Комитетъ Министровъ, гдѣ она обсуждалась 13 іюня. „По подробномъ обсужденіи всѣхъ изложенныхъ въ „Запискѣ" статсъ-секретаря графа Делянова обстоятельствъ, Комитетъ Министровъ полагалъ:

I. Разрѣшить временно, начиная съ августа 1889 г., впредь до изданія въ законодательномъ порядкѣ общихъ по сему предмету постановленій, пріемъ новыхъ слушательницъ на С.-Петербургскіе Высшіе Женскіе Курсы, на выработанныхъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія и удостоенныхъ Высочайшаго Его Императорскаго Величества одобренія 23 февраля сего года основаніяхъ и

II. Предоставить Министру Народнаго Просвѣщенія утвердить собственной властью составленныя, согласно означеннымъ выше, Высочайше одобреннымъ главнымъ началамъ, подробныя правила временнаго устройства и содержанія С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ".

25 іюня Государь утвердилъ эти положенія Комитета Министровъ, а въ началѣ іюля на курсахъ было получено объ этомъ офиціальное извѣщеніе отъ попечителя округа вмѣстѣ съ выработаннымъ въ министерствѣ „временнымъ положеніемъ" о Курсахъ.

Согласно временному положенію, всѣ заботы о матеріальномъ преуспѣяніи Курсовъ и завѣдываніе хозяйствомъ поручалось Попечительному Совѣту изъ 8 лицъ, въ число которыхъ министерствомъ могли быть назначены два члена отъ Общества для доставленія средствъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ. „Такимъ образомъ, — гово-

ритъ г-жа Анненская,—„Общество, поддерживающее Курсы своими средствами, принуждено было отдавать эти средства въ руки совершенно чуждыхъ дѣлу людей и лишено было вліянія на дѣло“.

„Непосредственный надзоръ за слушательницами и завѣдываніе устраиваемымъ при Курсахъ (на средства Общества) общежитіемъ возлагались на инспектрису, избираемую директоромъ. Что касается учебной части, то во главѣ ея ставился директоръ, которому предоставлялось право приглашать преподавателей. Онъ опредѣлялъ время занятій Совѣта и очередь для разсмотрѣнія вносимыхъ въ него вопросовъ, а въ случаѣ несогласія съ мнѣніемъ Совѣта, могъ рѣшать дѣло по собственному усмотрѣнію и только донести о своемъ распоряженіи попечителю“.

„Обществу для доставленія средствъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ, согласно „временному положенію“ оставлялась только забота о денежныхъ пожертвованіяхъ, употребленіе которыхъ Общество не имѣло возможности ни направлять, ни контролировать. Не смотря на это, Общество не отказалось отъ своихъ обязанностей по отношенію къ созданному имъ высшему учебному заведенію и продолжало неуклонно преслѣдовать свою единственную цѣль—посильное служеніе дѣлу истиннаго просвѣщенія русской женщины“ *).

27 сентября 1889 г. открылся наконецъ пріемъ новыхъ слушательницъ на курсы, директоромъ которыхъ былъ назначенъ В. П. Кулинъ, бывшій директоръ Александровской учительской семинаріи, находившійся передъ этимъ въ отставкѣ въ теченіе шести лѣтъ.

Не смотря на многіе недочеты въ организаціи учебной части, пореформенные курсы были все-таки въ то время лучшими и, можно даже сказать, единственнымъ *высшимъ* женскимъ учебнымъ заведеніемъ, такъ какъ такого названія едва ли заслуживали прежніе Педагогическіе Курсы при С.-Петербургскихъ женскихъ гимназіяхъ.

Весьма естественно поэтому, что среди русской женской молодежи скоро проявилось усиленное стремленіе на Высшіе Женскіе Курсы, вслѣдствіе чего стало совершенно невозможно удержать число слушательницъ въ томъ комплектѣ—400 человѣкъ, — какой былъ указанъ „временнымъ положеніемъ“. Н. П. Раевъ, новый директоръ Курсовъ, смѣнившій въ 1894 г. В. П. Кулина, выхлопоталъ поэтому увеличеніе комплекта курсистокъ до 500. Въ слѣдующемъ году (1895) число желающихъ поступить на курсы дошло до 400; по новому ходатайству Н. П. Раева министръ согласился увеличить штатъ Курсовъ до 600. Когда однако и такого увеличенія оказалось недоста-

*) „Высшіе Женскіе Курсы за 25 лѣтъ“, стр. 194.

точно, дѣло было доведено до свѣдѣнія Государя, который сказалъ министру: „Не слѣдуетъ отказывать желающимъ: пусть русскія женщины учатся въ Россіи". Эти Высочайшія слова заставили забыть о всѣхъ комплектахъ, и къ концу 1896 г. число слушательницъ дошло уже до 700.

Въ настоящее время число курсистокъ приближается, какъ извѣстно, къ полутора тысячѣ. При всемъ томъ множество русскихъ женщинъ отправляется учиться въ университеты Зап. Европы (особенно Германіи, Франціи и Швейцаріи), не говоря уже о значительномъ числѣ учащихся дѣвушекъ въ Женскомъ Медицинскомъ Институтѣ и въ недавно организованныхъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ въ Москвѣ.

Мы не будемъ слѣдить здѣсь за развитіемъ „пореформенныхъ курсовъ". Скажемъ лишь, что въ 1895 г. Обществомъ для доставленія средствъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ выстроено рядомъ съ Курсами общежитіе для слушательницъ, при чемъ эти постройки обошлись около 120.000 р., собранныхъ главнымъ образомъ путемъ пожертвованій разныхъ лицъ. Наплывъ слушательницъ на Курсы сдѣлалъ скоро недостаточнымъ это курсовое общежитіе, вслѣдствіе чего Общество для доставленія средствъ воспользовалось случаемъ купить (за 75.000) смежный съ курсами домъ и приспособило его подъ новое общежитіе для курсистокъ. Въ настоящее время на курсахъ имѣется помѣщеніе на 113 слушательницъ, при чемъ нѣкоторыя комнаты разсчитаны на двухъ, другія на одну курсистку.

Такое расширеніе дѣятельности „Общества" возможно лишь благодаря быстрому увеличенію числа слушательницъ и параллельному росту денежныхъ средствъ Курсовъ. Это же обстоятельство позволило съ 1895—96 учебнаго года повысить плату профессорамъ съ 200 до 250 р. за годовой часъ.

Кстати сказать, данныя, характеризующія послѣдовательное расширеніе состава предметовъ преподаванія на Курсахъ, не оставляютъ сомнѣній въ томъ, что нынѣшніе Курсы въ образовательномъ отношеніи нисколько не уступаютъ прежнимъ, т. е. „дореформеннымъ". Это справедливо даже относительно естественныхъ наукъ, которыя такъ стремилась изгнать съ Курсовъ коммиссія князя Волконскаго и министерство графа И. Д. Делянова вообще. Преподаваніе чисто математическихъ наукъ приняло на новыхъ Курсахъ болѣе обширный и серьезный характеръ, какъ это видно изъ интересной и поучительной таблицы, которую мы находимъ на 217 и 218 страницахъ сборника *), изданнаго по поводу юбилея Курсовъ.

*) И изъ „Историческаго обзора преподаванія научныхъ дисциплинъ на Высшихъ Женскихъ Курсахъ въ 1878 и 1903", входящаго въ составъ того же сборника.

Мы не считаемъ возможнымъ закончить нашу историческую справку о Высшихъ Женскихъ Курсахъ, не коснувшись положенія вопроса о правахъ лицъ, окончившихъ эти Курсы. Мы уже знаемъ, что баронесса Раденъ въ „Запискѣ“, послужившей ближайшимъ поводомъ къ закрытію пріема на Курсы, обвиняла современное ей молодое поколѣніе женщинъ въ слишкомъ матеріалистическомъ взглядѣ на ученье. „Любовь къ ученью ради ученья“, писала г-жа Раденъ, „любовь къ добросовѣстному труду ради совѣсти исчезаютъ. Все направлено къ тому, чтобы добыть право на званіе учительницы“. Между тѣмъ такого рода упрекъ былъ абсолютно неумѣстенъ по отношенію къ слушательницамъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ, такъ какъ эти Курсы именно никакихъ правъ не давали: тѣ, кто до поступленія на Курсы имѣли званіе домашней наставницы, съ этимъ же званіемъ выходили и по окончаніи Курсовъ. При томъ отношеніи къ Курсамъ, какое было господствующимъ въ 80-хъ годахъ, нельзя было и думать о томъ, чтобы хлопотать о какихъ-либо особыхъ правахъ для курсистокъ.

Этотъ вопросъ былъ поднятъ только въ концѣ 1898 г., когда совѣтъ преподавателей Курсовъ (12 ноября) постановилъ возбудить „ходатайство о предоставленіи окончившимъ полный курсъ наукъ на означенныхъ Курсахъ права преподаванія учебныхъ предметовъ во всѣхъ классахъ женскихъ гимназій министерства народнаго просвѣщенія и въ 4 низшихъ классахъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ съ зачетомъ времени преподаванія въ срокъ выслуги на пенсію“.

Это ходатайство было передано директоромъ Курсовъ черезъ попечителя министру (Н. П. Боголѣпову), который препроводилъ его на заключеніе въ Ученый Комитетъ Министерства. Вопросъ этотъ разбирался въ декабрѣ 1900 г., при чемъ на это засѣданіе Комитета былъ приглашенъ директоръ Курсовъ. Докладчикомъ былъ г. Беллярминовъ.

Г. Беллярминовъ отнесся къ ходатайству Курсовъ отрицательно и мотивировалъ это такими соображеніями *). Во-первыхъ, Курсы существуютъ на основаніи „Временнаго Положенія“, а потому прежде, чѣмъ ставить вопросъ о правахъ ихъ, они должны быть преобразованы изъ временнаго учрежденія въ постоянное. Во-вторыхъ, Высшіе Женскіе Курсы суть курсы общеобразовательные, а не спеціальные; цѣль ихъ состоитъ въ томъ, чтобы расширять и улучшать познанія, пріобрѣтенныя слушательницами въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

---

*) Послѣдующее резюме доклада И. И. Беллярминова заимствовано нами изъ статьи г-жи Анненской.

Изъ офиціальной переписки по вопросу о Высшихъ Женскихъ Курсахъ видно, что высшее правительство даже не желало придавать Курсамъ спеціально-педагогическаго оттѣнка (изъ этого видно, что докладчику была совершенно неизвѣстна исторія Курсовъ). Въ-третьихъ, дарованіе упомянутаго права было бы противорѣчіемъ закону, на основаніи котораго званіе учителя гимназіи и прогимназіи, а равно и учебныхъ заведеній вѣдомства Императрицы Маріи предоставляется исключительно лицамъ, выдержавшимъ спеціальное испытаніе въ университетской коммиссіи, а къ самому испытанію допускаются только лица, прошедшія классическую школу...

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ знакомить читателей съ другими, частью вовсе не идущими къ дѣлу „соображеніями" г-на Беллярминова (сославшагося даже для поддержки своего мнѣнія на то, что „большинство слушательницъ по окончаніи курсовъ выходятъ замужъ", а потому ихъ надо оберегать отъ „изнуренія", вызываемаго разными экзаменами).

Мнѣніе докладчика поддержали два другіе члена Комитета—И. Ѳ. Анненскій и Я. Г. Моръ, доказывавшіе, что просимое право не можетъ быть предоставлено курсамъ потому также, что среднее образованіе многихъ женщинъ должно быть признано неудовлетворительнымъ.

Съ мнѣніемъ докладчика и съ замѣчаніемъ гг. Анненскаго и Мора не соглашались ни директоръ курсовъ Н. П. Раевъ, ни члены Комитета гг. Шимкевичъ, Билибинъ, Хвольсонъ, и Платоновъ, т. е. именно тѣ лица, которыя въ то время или ранѣе состояли профессорами Курсовъ и могли по опыту говорить о развитіи и знаніяхъ бывшихъ слушательницъ Женскихъ Курсовъ. Въ концѣ концовъ Ученый Комитетъ большинствомъ голосовъ согласился съ заключеніемъ докладчика.

Вскорѣ послѣ этого состоялось назначеніе на министерскій постъ генералъ-адъютанта Ванновскаго, который отнесся къ ходатайству Курсовъ болѣе сочувственно, чѣмъ ученый Комитетъ министерства. Въ 1901 году по всеподданнѣйшему докладу генерала Ванновскаго о полезной педагогической дѣятельности окончившихъ курсъ наукъ на В. Ж. Курсахъ, Государь Императоръ изволилъ предоставить Министру Н. Просв. право давать по собственному усмотрѣнію разрѣшеніе на назначеніе окончившихъ В. Ж. Курсы учительницами старшихъ классовъ гимназій.

Вѣдомство Учрежденій Императрицы Маріи пошло въ этомъ отношеніи нѣсколько дальше и издало общее распоряженіе, согласно которому лица, окончившія В. Ж. Курсы и имѣющія пріобрѣтенное ранѣе званіе домашнихъ наставницъ, могутъ быть опредѣляемы

безъ какихъ либо особыхъ ходатайствъ на мѣста преподавательницъ старшихъ классовъ женскихъ гимназій этого вѣдомства.

XIII.

Взглядъ на настоящее и прошлое Курсовъ. Общественная дѣятельность окончившихъ курсы.

Мы обозрѣли главные моменты въ исторіи Высшихъ Женскихъ Курсовъ, хотя вслѣдствіе краткости изложенія мы не коснулись весьма многихъ фактовъ, характеризующихъ какъ самые Курсы, такъ и ту общественнную среду, въ которой они должны были развиваться. Болѣе любопытныхъ изъ нашихъ читателей мы направляемъ къ уже цитированной много разъ книгѣ, изданной по поводу юбилея и представляющей въ настоящее время самую полную, достовѣрную и всестороннюю исторію одного изъ наиболѣе замѣчательныхъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній, когда либо существовавшихъ въ Россіи.

Какъ ни интересно было бы сдѣлать нѣкоторые выводы и замѣчанія по поводу нѣкоторыхъ любопытныхъ и высокознаменательныхъ фактовъ, приведенныхъ въ настоящей статьѣ, мы за недостаткомъ мѣста должны отъ этого отказаться и ограничиться немногими сопоставленіями, показывающими, какъ великъ прогрессъ, который совершился въ нѣкоторыхъ сторонахъ В. Ж. Курсовъ, не смотря на массу затрудненій, которыя пришлось преодолѣть лицамъ, создавшимъ и поддерживавшимъ Курсы.

Общество для доставленія средствъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ, открывая Курсы въ 1878 г., располагало, — трудно повѣрить, —всего 222 рублями. Теперь, четверть вѣка спустя, то же общество располагаетъ имуществомъ, превышающимъ милліонъ рублей; изъ этого милліона 710.000 рубл. составляетъ цѣнность недвижимой собственности Общества. Одно движимое имущество Курсовъ составляетъ цѣнность почти въ 200.000.

Столь успѣшная дѣятельность Общества объясняется частью необыкновенной энергіей, преданностью идеѣ, поразительнымъ тактомъ лицъ, игравшихъ въ разное время, а частью и теперь (А. П. Философова, В. П. Тарновская), руководящую роль въ Обществѣ; частью сочувственнымъ отношеніемъ къ Курсамъ значительной части русской интеллигенціи.

Не имѣя возможности останавливаться на характеристикѣ прогресса въ организаціи учебной части, мы ограничимся однимъ лишь указаніемъ на то, что въ 1878 г. всѣ расходы на учебную и административную часть Курсовъ едва переходили за 15.000; теперь

они доходятъ почти до 80.000 рубл. Хотя здѣсь менѣе, чѣмъ гдѣ либо, умѣстно измѣрять прогрессъ рублями, нельзя забывать и того обстоятельства, какъ часто отсутствіе денежныхъ средствъ ставитъ непреодолимыя препятствія для сколько нибудь правильной постановки практическихъ занятій по физикѣ, химіи и другимъ естественнымъ наукамъ. Какъ это видно изъ данныхъ, собранныхъ г-жой Анненской, нѣтъ никакого сравненія между тѣмъ, какъ были обставлены во всѣхъ этихъ отношеніяхъ прежніе и теперешніе курсы. Въ самомъ дѣлѣ, напр., на библіотеку курсовъ въ теченіе 1878 года было израсходовано 750 рубл., а въ 1902 г. болѣе 6.000; на другія учебно-вспомогательныя средства въ 1878 г. было израсходовано 788 р., въ 1902 г. почти 11.000 рубл.

Не останавливаясь на отдѣльныхъ частностяхъ, можно указать, наконецъ, на то, что въ 1878 г. вся совокупность расходовъ на содержаніе Курсовъ не доходила до 21.500 рубл.; въ 1902 г. эти расходы перешли за 240 000 рубл. (изъ нихъ 103.000 поглотили хозяйственные расходы и 41.000 р. общежитіе).

Мы имѣли уже случай говорить о необыкновенномъ наплывѣ слушательницъ на Курсы, особенно въ послѣдніе пять лѣтъ. Въ 1878 г. число слушательницъ на Курсахъ немного не доходило до 800, максимальное же число слушательницъ дореформенныхъ курсовъ не превышало и тысячи (1881—2 учеб. годъ). Прекращеніе пріема на курсы, весьма естественно, стало быстро понижать число курсистокъ, достигшее въ 1888—9 учебномъ году до 140. Разрѣшая вновь пріемъ на курсы, правительство установило комплектъ въ 400 слушательницъ, но не могло не уступить необыкновенному стремленію русскихъ женщинъ на Курсы, тѣмъ болѣе, что многія изъ нихъ, не находя себѣ мѣста на петербургскихъ курсахъ, ѣхали учиться за-границу,—обстоятельство, которое считалось правительствомъ не желательнымъ во многихъ отношеніяхъ. Въ настоящемъ учебномъ году (1903—4) число слушательницъ доходитъ почти до полутора тысячи, при чемъ одна треть ихъ числится по физико-математическому отдѣленію.

Составъ курсистокъ за время существованія курсовъ не подвергался сколько нибудь значительнымъ колебаніямъ: огромное большинство курсистокъ (около 96%)—дѣвицы православнаго исповѣданія (въ началѣ православныя составляли около 75%; впослѣдствіи ограниченіе числа евреекъ повысило % православныхъ между курсистками до 89%), около 60% курсистокъ—дочери дворянъ, чиновниковъ или лицъ свободныхъ профессій. Наконецъ, провинціалки всегда составляли и теперь составляютъ доминирующій элементъ на Курсахъ (отъ 66 до 70%).

Какъ видно изъ свѣдѣній, собранныхъ г-жой Вѣтвѣницкой, за все время существованія курсовъ окончили ихъ 2.227 слушательницъ. По тѣмъ же свѣдѣніямъ, отличающимся достаточной полнотой и точностью, нѣсколько болѣе трети (826) бывшихъ курсистокъ занимаются педагогической дѣятельностью самаго разнообразнаго характера: 310 числятся учительницами гимназій и институтовъ, 110 состоятъ городскими и 71 сельскими учительницами, 190 человѣкъ работаютъ въ школахъ разныхъ типовъ (желѣзнодорожныя училища, школы Техническаго Общества и т. д.).

Девять изъ окончившихъ Высшіе Женскіе Курсы занимаютъ мѣста начальницъ женскихъ гимназій. Состояли болѣе или менѣе продолжительное время ассистентками, преподавательницами и руководительницами практическихъ занятій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ 35 лицъ, при чемъ 13 изъ нихъ работаютъ въ настоящее время на Высшихъ Женскихъ Курсахъ, двѣ состоятъ ассистентками въ Женскомъ Медицинскомъ Институтѣ, двѣ руководятъ занятіями по математикѣ на Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ Москвѣ, одна приглашена руководить занятіями по математикѣ слушательницъ только что открытыхъ Педагогическихъ курсовъ въ Одессѣ.

Какъ видно изъ таблицы, которую мы находимъ въ статьѣ г-жи Вѣтвѣницкой, послѣ педагогической дѣятельности наибольшее число бывшихъ курсистокъ, а именно 167 лицъ, продолжаютъ далѣе свое образованіе, причемъ большинство изъ нихъ, а именно 120—состоятъ слушательницами Женскаго Медицинскаго Института, куда, какъ извѣстно, бывшія слушательницы Высшихъ Женскихъ Курсовъ принимаются на льготныхъ условіяхъ. Нельзя, наконецъ, не упомянуть и того, что 14 бывшихъ курсистокъ (мы разумѣемъ, конечно, лицъ, окончившихъ курсы) учатся въ настоящее время въ заграничныхъ университетахъ.

Затѣмъ идутъ бывшія курсистки, занимающіяся разнаго рода литературной дѣятельностью: списокъ этихъ курсистокъ съ перечисленіемъ ихъ трудовъ составляетъ приложеніе къ статьѣ г-жи Вѣтвѣницкой и занимаетъ почти 29 страницъ мелкой печати въ два столбца.

Врачебной дѣятельностью занимаются теперь 86 бывшихъ курсистокъ: 54 изъ нихъ имѣютъ званіе врача, 21—фельдшерицы и акушерки и 11 зубныхъ врачей и массажистокъ. Изъ числа бывшихъ курсистокъ, занимающихся врачебной дѣятельностью, 14 изучили медицинскія науки въ заграничныхъ университетахъ—поразительное доказательство энергіи, которую иногда проявляетъ въ стремленіи къ образованію „слабый“ полъ.

Частной службой—въ правленіяхъ желѣзныхъ дорогъ, банкахъ

и т. д. — занимаются 64 бывшія курсистки. Въ ученыхъ учрежденіяхъ, лабораторіяхъ и обсерваторіяхъ работаютъ 34 курсистки. А. П. Преображенская (вып. 1884 г.) завѣдуетъ метеорологической станціей въ Новороссійскѣ, Е. В. Никитина (вып. 1885 г.) завѣдуетъ музеемъ при біологической лабораторіи въ Петербургѣ; П. В. Циклинская уже семь лѣтъ состоитъ ассистентомъ Бактеріологическаго Института при Московскомъ Университетѣ. Девять изъ окончившихъ курсы состояли вычислительницами при Пулковской обсерваторіи, при чемъ четверо изъ нихъ напечатали нѣкоторыя свои работы въ изданіяхъ Императорской Академіи Наукъ. Наконецъ, тринадцать бывшихъ курсистокъ служатъ въ лабораторіяхъ при заводахъ. Какъ говоритъ при этомъ г-жа Вѣтвѣницкая, спросъ на спеціалистокъ по химіи изъ окончившихъ Курсы со стороны заводовъ и нѣкоторыхъ техническихъ учрежденій настолько возросъ, что не можетъ быть удовлетворенъ наличными силами за недостаткомъ ихъ. Такимъ образомъ, всѣ выбравшія своей спеціальностью химію и желающія примѣнять пріобрѣтенныя свѣдѣнія на практикѣ, могутъ трудиться далѣе въ той же области знаній, которая даетъ имъ возможность занять самостоятельное положеніе въ жизни.

———————

На этомъ мы оканчиваемъ нашъ по необходимости слишкомъ краткій очеркъ развитія Петербургскихъ В. Ж. Курсовъ. Мы уже не разъ имѣли случай указать на то, въ какой степени русское общество обязано тѣмъ ревнительницамъ и ревнителямъ высшаго женскаго обрзованія, которые составили „Общество для доставленія средствъ В. Ж. Курсамъ“ и подъ флагомъ этого общества поддерживали съ непоколебимой твердостью и настойчивостью свое любимое дѣтище. Однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ этого общества слѣдуетъ несомнѣнно считать Над. Вас. Стасову, скончавшуюся въ сентябрѣ 1895 г.

„Имя Над. Васильевны“, говоритъ справедливо г-жа Анненская, „неразрывно связано съ исторіей высшаго женскаго образованія въ Россіи: она была одной изъ самыхъ убѣжденныхъ его поборницъ и отдала ему почти всю жизнь. Уже въ шестидесятыхъ годахъ, какъ только въ русскомъ обществѣ пробудилось сознаніе необходимости открыть женщинѣ путь къ знанію, Н. В., стала работать на пользу его. Она была одной изъ учредительницъ Владимірскихъ курсовъ, и при учрежденіи Высшихъ Курсовъ Н. В., по уполномочію Комитета, приняла на себя трудныя обязанности распорядительницы ихъ и болѣе десяти лѣтъ отдавала Курсамъ все свое время, всѣ свои силы. Она входила во всѣ подробности этого дорогого ей дѣла, знала всѣхъ слушательницъ, горячо принимала къ сердцу всѣ ихъ волненія и

нужды, всегда готовая придти имъ на помощь въ трудную минуту".

„Сердечное отношеніе Н. В. къ слушательницамъ не прерывалось и по выходѣ ихъ съ Курсовъ. Она группировала вокругъ себя тѣхъ изъ нихъ, которыя продолжали жить въ Петербургѣ; она вела дѣятельную переписку съ уѣзжавшими въ провинцію, и въ значительной степени благодаря ея иниціативѣ возникло „Общество" окончившихъ В. Ж. Курсы, ставящее себѣ цѣлью поддерживать связь между всѣми бывшими слушательницами ради взаимной матеріальной помощи и нравственнаго общенія".

„Вынужденная, при преобразованіи Курсовъ въ 1889 г., оставить непосредственное завѣдываніе ими, Н. В. продолжала относиться къ курсамъ съ горячимъ интересомъ и никогда не уклонялась отъ порученій, возлагавшихся на нее Комитетомъ, въ которомъ неустанно работала со дня основанія Общества до самой смерти".

„Такимъ образомъ, въ теченіе почти тридцати лѣтъ Н. В. служила дѣлу высшаго женскаго образованія. А рядомъ съ этимъ и все, что могло служить къ улучшенію положенія женщины, встрѣчало въ Н. В. горячее сочувствіе и дѣятельную поддержку.."

„Смерть застала Н. В. по дорогѣ на курсы: она умерла съ заботой о дорогомъ ей дѣлѣ. У ея гроба было учреждено дежурство изъ членовъ Комитета и изъ слушательницъ курсовъ; впереди похоронной процессіи шелъ большой женскій хоръ изъ учащейся молодежи, а за гробомъ шла тысячная толпа, гдѣ были и молодые, и старые, и ученые, и писатели..."

„Комитетъ устроилъ въ залѣ курсовъ торжественное засѣданіе въ честь ея. На этомъ засѣданіи присутствовали: попечитель округа, настоящіе и бывшіе профессора Курсовъ, администрація ихъ, всѣ члены Комитета, сотрудницы Н. В. по другимъ обществамъ, слушательницы курсовъ и семья покойной. Во всѣ доклады Комитета о дѣятельности Н. В. по В. Ж. Курсамъ было прочитано 9 сообщеній ея сотрудницъ по другимъ учрежденіямъ..."

„Въ одной изъ залъ Курсовъ Комитетомъ Общества повѣшенъ портретъ Н. В., и надо думать, говоритъ въ заключеніе г-жа Анненская, память о ней никогда не умретъ въ дорогомъ для нея учрежденіи".

Впрочемъ, память о Н. В. будетъ поддерживаться на Курсахъ инымъ способомъ. Еще при жизни Н. В. (въ 1888 г.) по иниціативѣ бывшихъ слушательницъ курсовъ основанъ фондъ имени Стасовой, проценты съ котораго идутъ на взносъ платы за одну изъ недостаточныхъ слушательницъ курсовъ. При жизни Надежды Васильевны избраніе этой стипендіатки принадлежало ей лично.

Черезъ два года послѣ смерти Надежды Васильевны, а именно

въ 1897 г., по инициативѣ В. П. Тарновской (безсмѣннаго казначея Общ. дост. средствъ) въ память Стасовой основано Общество вспомоществованія слушательницамъ В. Ж. Курсовъ. Возникновеніе этого общества было тѣмъ болѣе необходимо, что многія курсистки пріѣзжаютъ въ Петербургъ изъ далекихъ окраинъ Россіи, часто не имѣютъ ни достаточныхъ средствъ, ни близкихъ родственниковъ или знакомыхъ.

Поставивъ своей цѣлью (§ 1) „доставлять нуждающимся слушательницамъ В. Ж. Курсовъ средства къ существованію въ Петербургѣ для окончанія образованія на курсахъ", Общество открыло свою дѣятельность въ февралѣ 1898 г. Несмотря на сравнительно короткій срокъ существованія Общества, членскихъ взносовъ въ общемъ поступило около 8.500 р. Многія лица, не состоящіе членами Общества, оказывали ему содѣйствіе денежными пожертвованіями, указывая иногда, на что они должны быть употреблены: на обѣды слушательницъ, стипендіи, пособія и проч. Всего такихъ пожертвованій поступило пока до 9.000 р.

Такъ чтится на Курсахъ память Над. Вас. Стасовой, связавшей свою жизнь съ дѣломъ высшаго женскаго образованія въ Россіи.

П. Мижуевъ.

Приспособленіе классной мебели для нуждъ сельскихъ школъ.

Въ наше время приподнятаго вниманія къ начальной школѣ и напряженнаго стремленія къ внѣшкольному образованію, въ связи съ значительнымъ приростомъ населенія, недостатокъ средствъ на обстановку школъ даетъ себя знать съ каждымъ днемъ все чувствительнѣе и вызываетъ серьезныя затрудненія въ организаціи начальнаго образованія.

Прежде всего, вслѣдствіе переполненія школъ (по 48 учениковъ на школу въ среднемъ), ощущается тѣснота помѣщеній, влекущая за собою загрязненіе и антисанитарную обстановку классной комнаты въ частности. Приходится или мириться съ самыми ужасными неудобствами, или отказываться отъ проведенія въ жизнь школы самыхъ насущныхъ запросовъ деревни на внѣшкольное образованіе.

Такъ напр., не говоря уже о подвижныхъ играхъ, гимнастикѣ, хоровомъ пѣніи и т. д., зачастую тѣснота помѣщенія заставляетъ отказываться отъ устройства народныхъ чтеній, вечернихъ классовъ со взрослыми, горячихъ завтраковъ и ночлеговъ для учениковъ и многаго др., на что деревенская жизнь все настойчивѣе и настойчивѣе заявляетъ свои требованія.

Чтобы имѣть при школѣ приспособленное помѣщеніе для каждой выше намѣченной цѣли, надо имѣть школы-дворцы и тратить на ихъ содержаніе тысячи. При современномъ же требованіи на новыя школы, при составленіи сѣти школъ для всеобщаго обученія, такіе расходы прямо немыслимы.

Остается одинъ выходъ—приспособиться при наличномъ помѣщеніи и, удовлетворяя по возможности требованіямъ гигіены и санитаріи школы, совмѣстить въ одной классной комнатѣ и рекреаціонный залъ, и аудиторію, и ночлежную, и залъ для развлеченій и др. занятій.

Превращеніе класса въ рекреаціонный залъ мы считаемъ прямо таки необходимымъ потому, что пыль и бактеріи приносятся и

растираются ногами учениковъ ежедневно въ классѣ съ неподвижными партами. Нѣтъ ничего легче какъ вымести нѣсколько разъ въ день пустую избу, но изъ класса, заставленнаго чуть не вплотную партами, *вся* пыль никогда не удаляется и свободно подымается изъ подъ ногъ въ воздухъ.

Правда, парные столы размѣщаются вдоль стѣнъ класса и освобождаютъ середину пола, но это еще не даетъ дѣтямъ достаточно простора порѣзвиться и отдохнуть на простой скамейкѣ.

Въ данномъ случаѣ складная парта, превращенная въ диванчикъ. даетъ возможность классъ превратить въ рекреаціонный залъ.

Затѣмъ слѣдуетъ самая насущная потребность превращать классъ въ аудиторію для чтеній съ картинами волшебнаго фонаря *).

Для разрѣшенія этой задачи можетъ послужить оборудованіе класса такими же складными партами-диванчиками.

Третье приспособленіе класса—для ночлега учениковъ является часто роковою необходимостью въ школѣ, вслѣдствіе отдаленности жилища учениковъ, или-же на случай бурана, бездорожицы, отсутствія теплой одежды и обуви и т. д. Въ такомъ случаѣ дѣти зачастую вынуждены бываютъ спать въ повалку на полу, затоптанномъ ихъ же ногами, за невозможностью расположиться на ночлегъ на партѣ, приспособленной только для письма. Двѣ парты-диванчика, соединенныя какимъ либо щитомъ, дадутъ кроватку или нары, отучая дѣтей отъ небрежнаго отдыха и сохраняя ихъ силы и здоровье для слѣдующаго дня занятій.

Ниже мы помѣщаемъ изображенія класса, превращеннаго въ аудиторію, и класса, превращеннаго въ ночлежную.

Намъ теперь остается сказать о значеніи общепринятой неподвижной парты и парты-диванчика складной. Все вниманіе врачей и педагоговъ при конструктированіи парты направленно къ тому, чтобы привести тѣло ученика при сидѣніи въ такое положеніе, которое не оказывало бы вреднаго вліянія на здоровье и физическое развитіе его.

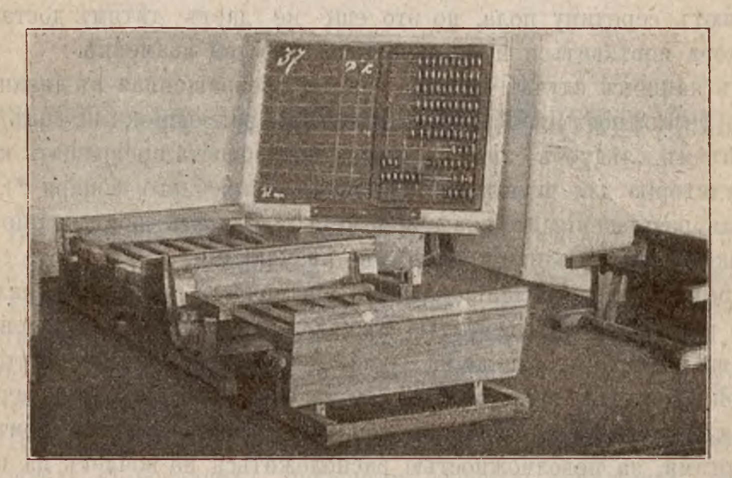
Обращено вниманіе на дистанціи, на крестцовую спинку, на наклонъ доски стола, на отношеніе высоты скамейки къ росту ученика ($^2/_7$) и еще на многое другое. Сколько вреда можетъ принести ребенку неправильный столъ и неправильное имъ пользованіе! Необходимо поэтому, по возможности избѣгать этого опаснаго стола-парты. Вѣдь въ преподаваніи начальной школы во многихъ случаяхъ не требуется какого либо опредѣленнаго держанія корпуса, какъ это требуется при письмѣ и др. подобныхъ работахъ. Возьмемъ хоть

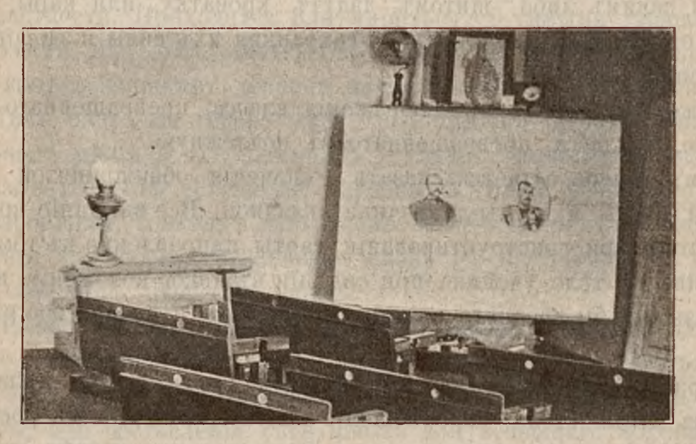
*) Укажемъ на Московскій уѣздъ, гдѣ изъ 112 школъ чтенія велись въ 98 школахъ при 120 тысячахъ посѣщеній. Прим. авт.

Законъ Божій (6 уроковъ въ недѣлю): учить молитвы, слушать и повторять священную исторію, Завѣта, а по ариѳметикѣ рѣшать устныя задачи, учиться пѣть молитвы и пѣсенки—для ученика и полезнѣе и легче, сидя въ непринужденной позѣ.

Предлагая вывести, во время 4-хъ—5-ти часоваго сидѣнья въ

Ночлежная.

Аудиторія.

классѣ за партой, ученика въ непринужденную позу на диванчикъ, мы тѣмъ самымъ даемъ возможность людямъ, забстящимся о свободномъ преподаваніи „въ принципѣ", исполнить это дѣло на практикѣ.

Теперь остается рѣшить вопросъ о совмѣщеніи. Классъ—рекреаціонный залъ, аудиторія, ночлежная и можетъ быть еще что нибудь?!

Да.—Все возможное въ видахъ класснаго и внѣкласснаго обученія, но только въ крайности. Если есть возможность ночлежную устроить отдѣльно,—устройте непремѣнно отдѣльно. Если аудиторія будетъ помѣщаться въ другомъ домѣ,—пусть и помѣщается. Если у васъ есть отдѣльный ракреаціонный залъ,—то все же устраивайте парты-диваны, потому что у васъ будетъ два рекреаціонныхъ зала и классъ.

Къ главнымъ недостаткамъ складной парты-дивана надо отнести непрочность и дороговизну (складныхъ шарнирныхъ его частей) и нѣкоторую трудность подчинить ее опредѣленнымъ гигіеническимъ размѣрамъ, требуемымъ отъ нормальнаго стола. Но уже самое устраненіе парты при складываніи ея въ диванъ дѣлаетъ эти требованія не столь строгими. При конструктированіи предлагаемой парты-дивана всѣ выше изложенныя соображенія и принимались во вниманіе. Насколько достигнуто въ этомъ совершенство, судить предлагаю читателю.

Предлагаемая складная парта-диванъ состоитъ ихъ 4-хъ основныхъ частей: 1) подстолья, 2) скамьи, 3) пюпитра о двухъ ножкахъ и 4) двухъ желѣзныхъ скобъ шарниковъ. (См. схематическое изображеніе на таблицѣ, прилагаемой въ концѣ статьи).

1) Подстолье связывается изъ двухъ брусковъ $1^1/_2 \times 1^1/_4$ вершка толщины и длиною не болѣе 15 вершковъ. На связь употребляютъ подножку (въ 5″ ширины) и назади доску шириною $1^1/_4$ вершка и длиною не менѣе $1^1/_2$ аршинъ.

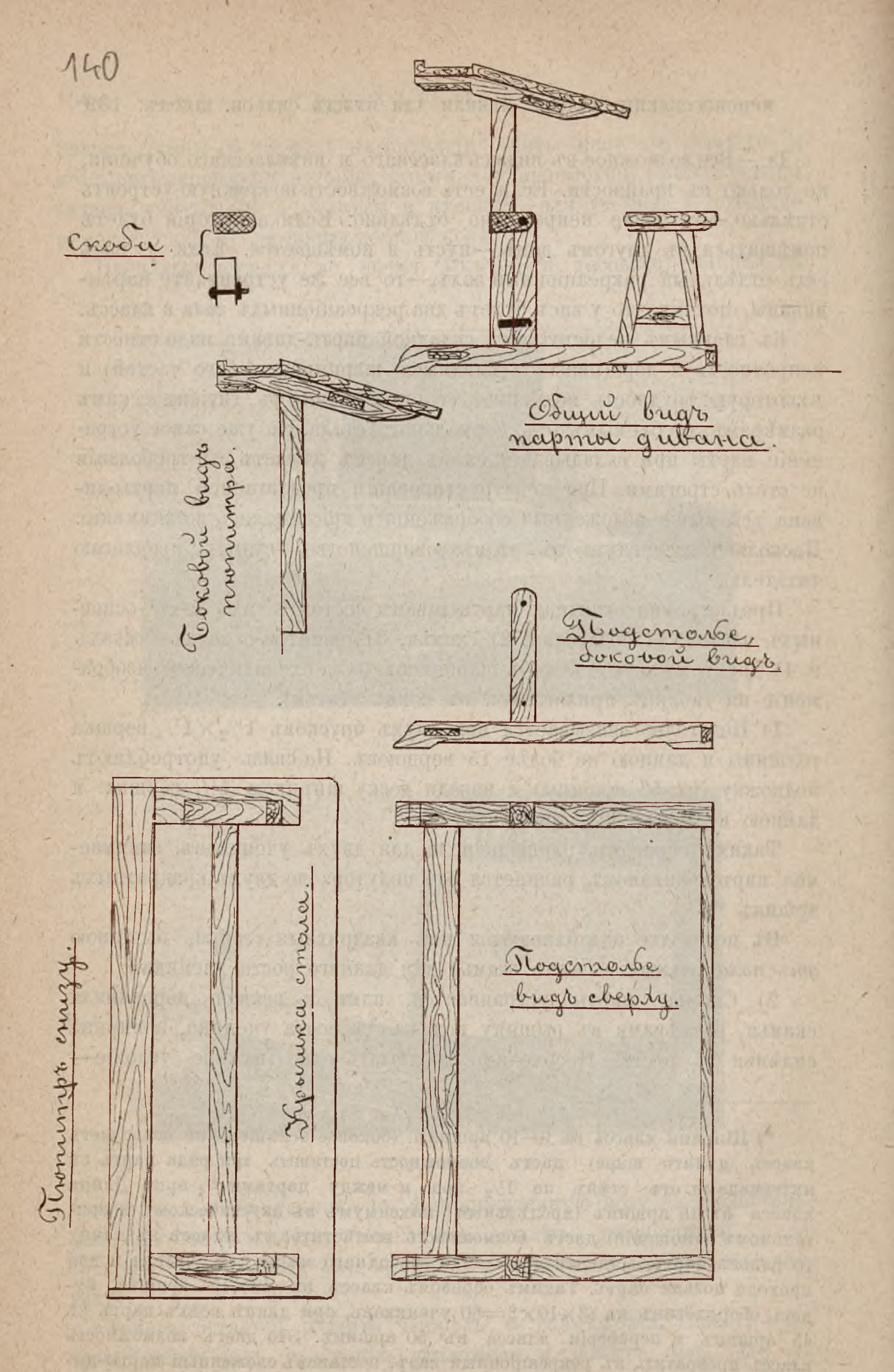
Такимъ образомъ, площадь пола для двухъ учениковъ, занимаемая партою-диваномъ, равняется отъ полутора до двухъ крадратныхъ аршинъ *).

Въ подстолье вдалбливаются двѣ квадратныя стойки, вышиною *отъ пола* равныя вышинѣ скамьи для даннаго роста ученика.

2) Скамья парты устраивается, какъ и всякая деревянная скамья, размѣрами въ вышину ножекъ $^2/_7$ роста ученика, а ширина сидѣнья $^1/_7$ роста. Необходимо соблюдать одно важное условіе—

---

*) Ширина класса въ 9—10 аршинъ (боковое освѣщеніе не позволяетъ классъ дѣлать шире) дастъ возможность поставить три ряда партъ съ интервалами отъ стѣнъ по $1^1/_2$ арш. и между партами $^3/_4$ арш. Длина класса въ 15 аршинъ (предѣльный максимумъ въ акустическомъ и зрительномъ отношеніи) дастъ возможность помѣстить въ классѣ въ длину 10 рядовъ партъ, оставляя достаточно свободнаго мѣста для учителя и для прохода позади партъ. Такимъ образомъ классъ въ 10×15 аршинъ будетъ оборудованъ на (3×10×2)=60 учениковъ, при длинѣ всѣхъ партъ въ 45 аршинъ и переферіи класса въ 50 аршинъ. Это даетъ возможность классъ превратить въ рекреаціонный залъ, поставивъ сложенныя парты-диваны вдоль стѣнъ. Прим. авт.

Скоба
Общій видъ
парты дивана.
Боковой видъ
пюпитра.
Подстолье,
боковой видъ.
Подстолье
видъ сверху.
Крышка стола
Пюпитръ снизу.
0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 14 16 18 верш.
Масштабъ.

чтобы ножки скамьи приходились внутри подстолья: этимъ опредѣлится дистанція при письмѣ.

Въ виду того, что скамья должна служить и для взрослыхъ, на прочность ея необходимо обратить особенное вниманіе.

3) Пюпитръ или столъ для письма, онъ-же и спинка дивана, устраивается изъ рамы, прикрытой сверху доскою, впереди скошенной для постановки чернильницы и принадлежностей письма,— и двухъ брусковъ ножекъ, укрѣпленныхъ въ боковые бруски рамы подъ угломъ въ 32 градуса, чѣмъ и обусловится уклонъ стола для письма въ 13 градусовъ.

Ножка пюпитра должна равняться $^3/_7$ роста ученика (*отъ пола*), что въ свою очередь дастъ нормальное разстояніе между скамейкой и краемъ стола въ $^1/_7$ роста.

4) Подстолье и пюпитръ соединяются посредствомъ двухъ П-образныхъ скобъ простыми шшурупами съ боковъ. Шшурупы эти будутъ служить осями вращенія при складываніи стола въ диванчикъ. Скоба изготовляется изъ кровельнаго желѣза,—полосы въ 1 вершокъ шириною и достаточной толщины, и обхватываетъ ножку и стойку съ трехъ сторонъ.

5) Для соединенія двухъ диванчиковъ-партъ въ нары можетъ служить щитъ, сбитый изъ планокъ въ $1^1/_2$ вершка съ такими же промежутками.

Заканчивая свою замѣтку о складныхъ столахъ для начальной школы, мы далеки отъ мысли разрѣшить вопросъ начальной народной школы подобнымъ проектомъ *). Только рядъ работъ въ этомъ направленіи (если намъ удастся ихъ только вызвать) можетъ подвинуть впередъ разрѣшеніе выдвинутой нами задачи.

А. Богословскій.

---

*) Лица, которыя пожелали бы получить какія нибудь разъясненія или добавочныя свѣдѣнія по вопросу объ устройствѣ классной мебели описаннаго здѣсь образца, благоволятъ обращаться къ автору изложеннаго проекта Алексѣю Николаевичу Богословскому по слѣдующему адресу: г. Торжокъ, Ямская ул., д. Тимофеева, мастерская для изготовленія классной мебели.

Педагогическій процессъ.

(*Продолженіе*).

VI.

Автономность педагогическаго процесса.

Педагогическій процессъ есть процессъ сложный: въ немъ много различныхъ элементовъ, оказывающихъ неодинаковое вліяніе на развитіе личности. Естественно поэтому, что въ педагогическомъ процессѣ есть сторона необходимая, вынудительная, и есть сторона свободная. Необходимая—это дѣйствіе внѣшней природы, народности съ ея различными проявленіями, антропологическихъ естественныхъ основъ, на которыхъ держится все воспитаніе. Избѣжать дѣйствія этихъ элементовъ никто не могъ; какъ скоро совершается педагогическій процессъ, онъ необходимо совершается дѣятельностью означенныхъ элементовъ, и самъ состоитъ въ значительной степени во взаимныхъ отношеніяхъ этихъ элементовъ и въ развитіи ихъ.

Но, кромѣ этой необходимой стороны въ педагогическомъ процессѣ есть еще сторона свободная, заключающаяся въ сознательномъ воздѣйствіи старшаго поколѣнія на младшее, которое можетъ быть такимъ и инымъ. Какъ скоро дѣятельность измѣняется согласно желанію и преслѣдуемой цѣли, она свободна. Въ чемъ собственно заключается свобода педагогическаго процесса?

Нѣкоторые полагаютъ ее въ выборѣ предметовъ и методовъ обученія. Школа, построенная на принципѣ свободы, будетъ всестороннею и самою разнообразною сознательною дѣятельностью одного человѣка съ цѣлью передачи знаній другому, не принуждая учащагося ни прямо насильственно, ни дипломатически, воспринимать то, что намъ хочется. Школа предоставитъ образовывающемуся полную свободу воспринимать то ученіе, которое согласно съ его требованіемъ, которое онъ хочетъ воспринимать настолько, насколько ему нужно, насколько онъ хочетъ, и уклоняться отъ того ученія, которое ему

не нужно и котораго онъ не хочетъ. Школа не должна считать ни одну науку, ни цѣлый сводъ наукъ необходимыми, а должна передавать тѣ знанія, которыми владѣетъ, предоставляя учащимся право воспринимать или не воспринимать ихъ. Устройство и программы школы должны основываться не на теоретическомъ воззрѣніи, не на убѣжденіи въ необходимости такихъ-то и такихъ-то наукъ, а на одной возможности, т. е. на знаніяхъ учителей и на опытѣ. „Единственный методъ образованія есть опытъ, а единственный критеріумъ его есть свобода" *).

Такой взглядъ весьма узокъ и неправиленъ. Предполагается, что мы не знаемъ, чему и какъ учить дѣтей, что будто бы, педагогика не разрѣшила еще этихъ вопросовъ даже по отношенію къ элементарной школѣ, и мы должны идти въ данномъ случаѣ чисто эмпирическимъ и даже экспериментальнымъ путемъ. Такое предположеніе несправедливо: мы знаемъ, чему и какъ нужно учить дѣтей. Чему учить? Родному языку, счету, природовѣденію, обществовѣденію, правиламъ нравственности. Помимо этихъ знаній и учить нечему, а безъ этихъ знаній обойтись нельзя. Вопросъ не въ томъ, чему учить,—это извѣстно,—а въ томъ, въ какихъ размѣрахъ учить, чему больше, чему меньше, и въ какой послѣдовательности поставить учебные предметы. Точно также извѣстно, какъ учить: элементарная методика развита весьма достаточно, методы выяснены и оцѣнены; выбирай любой. Конечно, навязывать какой либо одинъ, какъ единственно правильный и для всѣхъ обязательный, нельзя. Вообще же свобода педагогическаго процесса не можетъ заключаться въ отрѣшеніи современнаго воспитанія отъ его историческихъ основъ, отъ всего того, что человѣчество раньше, большимъ трудомъ и опытомъ, выработало для лучшаго развитія личности. Нѣтъ никакихъ основаній настоящему времени отказываться отъ культурныхъ пріобрѣтеній прежнихъ временъ по части педагогическаго процесса. Если отказываться отъ этой части культурнаго наслѣдства и все дѣло начинать сызнова, то, логически поступая, слѣдуетъ отказаться и отъ культуры вообще и начать жить сначала, какъ будто человѣчество, съ началомъ XX вѣка, только что появилось на Божій свѣтъ. Но какая же отъ этого будетъ польза и кому? Какой нибудь теоретикъ можетъ признать такое положеніе превосходнымъ, но собственно толку, смысла въ немъ очень мало. Не только отдѣльный человѣкъ представляетъ собою рядъ степеней органическаго развитія, но и развитіе всего человѣчества имѣетъ такой же, есте-

---

*) Теорія Л. Н. Толстого. См. болѣе подробное ея изложеніе и критику въ нашей статьѣ въ „Педагогическомъ Сборникѣ" за 1888 г. № 9.

ственно-необходимый, органическій характеръ. Слѣдовательно, отбросить все добытое въ области педагогіи въ прежнее время и начать жить сначала неразумно. Слѣдуетъ критически относиться къ прошлому, переоцѣнивать его результаты, съ выборомъ примѣнять ихъ къ настоящему; но отбрасывать всѣ болѣе раннія пріобрѣтенія цѣликомъ нѣтъ достаточныхъ основаній.

Практическій выводъ изъ разсмотрѣннаго взгляда на свободу педагогическаго процесса будетъ заключаться въ необходимости устранить принудительность образованія, царящаго почти всюду. Чѣмъ скуднѣе, элементарнѣе образованіе, тѣмъ оно болѣе однообразно. Каждому человѣку, жаждущему образованія, необходимо овладѣть разными начатками, т. е. выучиться читать, писать, считать, элементамъ природовѣдѣнія и обществовѣдѣнія. Поэтому всего легче опредѣлить составъ элементарнаго курса. Но далѣе постановка образованія значительно затрудняется: одинъ охотно занимается однимъ предметомъ, другой—другимъ. Общее развитіе и образованіе можетъ быть пріобрѣтено самыми различными путями, причемъ вынужденіе проходить именно такой то курсъ стѣсняетъ личность, противорѣчитъ ея естественнымъ склонностямъ и вмѣстѣ притупляетъ ее. Очевидно, свобода образованія требуетъ множественности параллельныхъ учебныхъ курсовъ, чтобы главнѣйшія особенности умственнаго склада учащихся могли находить въ нихъ себѣ удовлетвореніе. Между тѣмъ въ этомъ отношеніи дѣло поставлено очень плохо.

Въ большинствѣ образованныхъ странъ есть два-три типа школъ. При этомъ типы считаются не равноцѣнными, и права оканчивающихъ курсъ въ разныхъ общеобразовательныхъ школахъ не одинаковы: въ однихъ больше, въ другихъ меньше. Словомъ, педагогическое убожество неимовѣрное и крайне грустное; давнія школьныя преданія о преимуществахъ классической системы образованія и теперь еще господствуютъ въ большинствѣ странъ; самыя простыя педагогическія соображенія, противорѣчащія школьной рутинѣ, усвояются съ крайнимъ трудомъ даже и педагогами. Очевидно, школы должны предлагать учащимся многочисленныя и разнообразныя сочетанія учебныхъ предметовъ, чтобы каждый могъ образоваться безъ нарушенія существенныхъ требованій своей личной природы, причемъ права всѣхъ этихъ разнообразно образующихся людей должны быть одинаковы, такъ какъ всѣ они, хотя и различными путями, получаютъ одно и то же, т. е. общее образованіе и развитіе.

Самое большее, что можно сдѣлать въ разсматриваемомъ отношеніи, это такъ устроить школы, чтобы онѣ были въ состояніи предлагать каждому все, что только можно пожелать по части образо-

ванія. Въ настоящее время школы говорятъ учащимся: непремѣнно учись тому-то и тому-то. Но можно представить себѣ положеніе учащихся и школъ и въ совершенно другомъ видѣ: учащіеся приходятъ въ школу и заявляютъ, что они хотятъ учиться тому-то и тому-то, а школы удовлетворяютъ ихъ желанія. Вотъ тогда обученіе будетъ вполнѣ свободнымъ. Препятствія къ осуществленію такого порядка могутъ заключаться въ слѣдующемъ: можетъ быть, желанія учащихся будутъ слишкомъ разнообразны и удовлетворить ихъ окажется невозможнымъ, если бы школа и была цѣлымъ университетомъ. Этого бояться нечего: желанія будутъ повторяться. Въ Англіи есть такія школы, и онѣ не встрѣчаютъ особенныхъ трудностей въ данномъ отношеніи.

Единственное ограниченіе въ выборѣ предметовъ состоитъ въ подобныхъ школахъ въ правѣ директора налагать запрещеніе на такія родительскія фантазіи, которыя несовмѣстимы съ воспитаніемъ, достойнымъ этого имени. Тѣмъ не менѣе остается фактъ, что каждый отецъ, съ согласія директора, можетъ составить для своего сына программу учебнаго курса и слѣдить за ея примѣненіемъ. Справедливость требуетъ прибавить, что подобныхъ школъ, съ указанной организаціей, немного *); но нужно имѣть въ виду и то, что умственныя потребности все равно, что и физическія, существенно одинаковы, а видоизмѣненія также часто повторяются. Учащіеся будутъ требовать не столько новыхъ предметовъ, сколько новыхъ сочетаній предметовъ, уже извѣстныхъ, такъ что школы могутъ обходиться наличными силами, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ. Позволимъ такое прозаическое сравненіе: устройте ресторанъ и предоставьте каждому требовать изъ кушаньевъ и напитковъ все, что угодно. Спустя нѣкоторое время легко будетъ убѣдиться, что требованія повторяются, что они распадаются на извѣстные разряды, а необычайныя требованія встрѣчаются очень рѣдко. То же будетъ и по отношенію къ духовному питанію.

Могутъ ли дѣти разумно выбирать предметы изученія? Конечно, такой выборъ нельзя иначе допускать, какъ лишь въ извѣстномъ возрастѣ, при условіи, что онъ можетъ быть вполнѣ сознательнымъ, и притомъ послѣ обстоятельнаго совѣта съ родителями и школьными педагогами, которые, на основаніи своихъ наблюденій, могутъ дать весьма цѣнныя указанія.

Въ видѣ перехода къ такому свободному образованію отъ принудительнаго, нужно желать введенія въ каждой школѣ препо дава

---

*) Леклеркъ. „Воспитаніе и общество въ Англіи“, перев. Шишмаревой. Спб. 1889. Стр. 101—103, 154.

нія нѣкотораго числа необязательныхъ предметовъ, которые учащіеся могли бы избирать для занятій по своему желанію.

Нѣкоторые полагаютъ, что свобода педагогическаго процесса нарушается воспитательнымъ воздѣйствіемъ старшаго поколѣнія на младшее. Ради сохраненія этой свободы, всѣ воспитательныя задачи должны быть устранены изъ школы и образованія, потому что воспитаніе, какъ умышленное формированіе людей по извѣстнымъ образцамъ, неплодотворно, незаконно и невозможно; правъ на воспитаніе, правъ одного человѣка или небольшого собранія людей дѣлать изъ другихъ такихъ, какихъ хочется, не существуетъ. Воспитаніе есть насиліе, есть возведенное въ принципъ стремленіе къ нравственному деспотизму: его основаніе есть произволъ. Только образованіе можетъ быть свободнымъ и разумнымъ. Цѣль свободной школы и образованія—одна наука, а не результаты вліянія науки на человѣческую личность. Школа не должна пытаться предвидѣть послѣдствія, производимыя наукой, а передавая ее, предоставлять полную свободу ея примѣненія. Наука же сама никакого воспитательнаго элемента не имѣетъ. Школа не должна и не имѣетъ права награждать и наказывать: лучшая полиція и администрація школы состоятъ въ предоставленіи полной свободы ученикамъ учиться и вѣдаться между собою, какъ имъ хочется.

Если не допускать теоріи, принятой за основу изложеннаго разсужденія авторомъ его, Толстымъ, о совершенствѣ дѣтской природы и испорченности взрослыхъ, теоріи неудобопріемлимой во многихъ отношеніяхъ *), то трудно согласиться съ приведенными соображеніями о необходимости воздвигнуть средостѣніе между взрослыми и дѣтьми. Преградить доступъ воспитательнымъ вліяніямъ отцовъ на дѣтей рѣшительно невозможно, какъ бы это ни старался даже самъ воздержаться отъ всякаго вліянія на дѣтей. Вѣдь взрослые, формирующіе личность дитяти по своимъ взглядамъ, имѣютъ извѣстныя убѣжденія, въ истинѣ и святости которыхъ они увѣрены. Какъ же они должны отнестись къ воспитанію дитяти? Убѣжденія говорятъ имъ, что они должны бороться съ такимъ то дѣтскимъ недостаткомъ, что это плевелъ, который такъ или иначе долженъ быть исторгнутъ и устраненъ. Неужели они должны подавить въ себѣ это убѣжденіе и предоставить плевелу цвѣсти? Въ такомъ случаѣ положеніе ихъ было бы совершенно неестественное, и они должны были бы насиловать свою личность для избѣжанія предполагаемой опасности угнетенія дѣтской личности и нарушенія ея свободы. Старшему поколѣнію тогда слѣдуетъ

*) См. объ этомъ нашу брошюру „О природѣ дѣтей“ въ „Энциклопедіи семейнаго воспитанія“ (вып. 17) и выше указанную статью въ „Педагогич. Сборникѣ“.

прямо и рѣшительно отказаться отъ воспитанія, какъ усовершенствованія дѣтской личности, и остаться лишь при воспитаніи, какъ процессѣ саморазвитія организма. Но выше было доказано, что невозможно ограничиться такимъ пониманіемъ педагогическаго процесса.

Притомъ слѣдуетъ вообще замѣтить, что, насколько убѣжденія срослись съ воспитателемъ, сдѣлались нераздѣльною частью его существа, настолько неизбѣжно будетъ зараженіе воспитываемаго взглядами воспитателя. Никто, конечно, не въ правѣ требовать отъ воспитателя, чтобы онъ, приближаясь къ воспитываемому, отбросилъ свои убѣжденія или перемѣнилъ ихъ и явился другимъ, — это требованіе неисполнимое и безсмысленное. Слѣдовательно, воспитатель неизбѣжно будетъ заражать воспитываемаго своими взглядами и убѣжденіями, насколько послѣдніе невольно выражаются во всемъ существѣ воспитателя, въ его манерахъ, отношеніяхъ къ людямъ, рѣчи и пр., подобно тому, какъ государство и церковь невольно заражаютъ дѣтей своими идеалами, выражающимися во внѣшнихъ учрежденіяхъ, съ которыми дитя сталкивается по неволѣ. Воспитатель можетъ идти далѣе и прямо, въ силу своего убѣжденія и идеала, бороться съ недостатками дѣтей; но это совсѣмъ не значитъ, чтобы онъ имѣлъ право сдѣлать педагогическій процессъ орудіемъ какихъ либо своихъ партійныхъ идеаловъ и убѣжденій—религіозныхъ, политическихъ, общественныхъ, партійныхъ вкусовъ, расположеній, симпатій, пристрастій, вражды. Если въ странѣ борются нѣсколько религіозныхъ сектъ, политическихъ партій и общественныхъ теченій, то было бы нарушеніемъ свободы педагогическаго процесса скрыть отъ воспитываемыхъ существованіе другихъ сектъ, партій и теченій кромѣ той или того, къ которому принадлежитъ воспитатель. Воспитатель долженъ совершенно открыто объяснить воспитываемымъ, когда это будетъ можно и нужно, что онъ имѣетъ такіе-то взгляды и убѣжденія и ими руководится въ своей дѣятельности; но что другіе люди имѣютъ другіе взгляды и убѣжденія и въ совершенномъ правѣ руководиться ими въ своей дѣятельности. Величайшій грѣхъ воспитателя—фанатизмъ религіозный, политическій, національный, вообще нетерпимость, внушеніе воспитываемымъ, что то, что онъ, воспитатель, считаетъ истиннымъ, есть дѣйствительная полная истина, а что другіе считаютъ истиной, то ложь. Вѣрь самъ въ истинность своихъ убѣжденій и поступай согласно съ ними; но помни, что другіе имѣютъ такое же право вѣрить въ истинность своихъ убѣжденій и поступать согласно съ ними. На чьей сторонѣ находится истина—неизвѣстно; всего вѣроятнѣе ни на чьей: въ искреннихъ, честно составленныхъ, убѣжденіяхъ обыкновенно перемѣшивается истина съ ложью, благіе порывы съ ограниченностью человѣка.

Нельзя быть въ воспитанiи фанатикомъ и педагогическiй процессъ направлять къ укрѣпленiю какихъ-либо узкихъ партiйныхъ идеаловъ; нужно твердо помнить, что созданiе убѣжденiй религiозныхъ, политическихъ, общественныхъ—дѣло болѣе или менѣе зрѣлыхъ возрастовъ и падаетъ на послѣшкольный перiодъ. Въ воспитательные перiоды партiйныя убѣжденiя, узкотенденцiозные взгляды и идеалы не имѣютъ приложенiя: въ это время дѣло идетъ о вѣчныхъ истинахъ, объ общечеловѣческихъ и общенацiональныхъ началахъ, а не о партiйныхъ убѣжденiяхъ. Послѣднiя выступаютъ на первый планъ въ жизни, при рѣшенiи разныхъ практическихъ задачъ, которыя ни въ какомъ случаѣ не составляютъ предмета вѣдѣнiя школъ и учащихся. Школа лишь подготовляетъ созданiе убѣжденiй, но не навязыванiемъ идеаловъ извѣстнаго класса и окраски, а возможно правильнымъ и всестороннимъ развитiемъ личности. Создать убѣжденiя и идеалы—обязанность каждаго образованнаго человѣка; но эту обязанность каждый долженъ выполнить самъ, своими силами и средствами. Брать убѣжденiе и идеалы на прокатъ, какъ платье или музыкальный инструментъ, пассивно примѣняться къ модѣ и господствующему теченiю—постыдно. Педагогъ долженъ открыто заявить, что онъ держится такихъ-то убѣжденiй и идеаловъ, а они, воспитываемые, должны сами составить свои собственные идеалы и убѣжденiя. Лишить другихъ свободы въ составленiи убѣжденiй и идеаловъ значитъ придавить ихъ личность, отнять у нихъ самое дорогое и, вмѣстѣ, совершенно извратить педагогическiй процессъ. Онъ будетъ тогда заключаться не въ развитiи самобытныхъ личностей, а въ фабрикацiи мелкихъ людишекъ съ однимъ общимъ клеймомъ. Это будетъ все, что угодно, но только не педагогiя, или если и педагогiя, то это будетъ iезуитская педагогiя, существеннѣйшая задача которой заключалась въ покоренiи ума и воли воспитываемыхъ игу извѣстныхъ, внушаемыхъ имъ, убѣжденiй, въ обезволенiи и въ притупленiи воспитываемыхъ, чтобы они никогда уже не могли выбиться изъ подъ обаянiя навязанныхъ имъ взглядовъ, чтобы святѣе этихъ взглядовъ для нихъ ничего не было, чтобы они ничего не допускали лучше, умнѣе, благороднѣе идей и стремленiй отцовъ-воспитателей. Но вѣдь это не воспитанiе дѣтей, а духовное убiйство ихъ, превращенiе ихъ въ фанатиковъ, въ крайне одностороннiя личности; это есть плѣненiе ума и воли воспитываемыхъ, заключенiе ихъ въ подвалъ, въ которомъ только и свѣту, что въ iезуитскомъ окошкѣ. Никто, ни родители, ни школа, ни одно лицо изъ старшаго поколѣнiя не имѣетъ права подрывать у дѣтей способность и потребность образованiя самостоятельныхъ убѣжденiй, навязывать имъ свои, якобы непогрѣшимые взгляды и мнѣнiя.

Но все это не исключаетъ воспитательнаго воздѣйствія старшаго поколѣнія на младшее. Воспитаніе идетъ, совершается въ духѣ извѣстныхъ идеаловъ старшаго поколѣнія; происходитъ борьба съ дѣтскими недостатками также во имя извѣстнаго идеала; но при этомъ старшимъ поколѣніемъ бережно охраняется дѣтская личность, поощряется ея самодѣятельность, подготовляется почва къ образованію самостоятельныхъ взглядовъ и убѣжденій. Кто-нибудь можетъ сказать: но вѣдь старшему поколѣнію легко ошибиться, легко составить неправильные, недостаточные идеалы. И вотъ по такимъ-то идеаламъ будетъ формироваться дѣтская личность. Но что же дѣлать? Какъ завладѣть полной истиной? Кто ее знаетъ? Вѣдь идеалы не лежачіе камни, подъ которые, по пословицѣ, и вода не течетъ; образованіе идеаловъ есть дѣятельность человѣка, неизбѣжно претерпѣвающая измѣненія въ связи съ общимъ ходомъ его развитія. Дѣло въ искренности и возможной разумности ихъ образованія, а не въ ихъ неподвижности и неизмѣнности.

Итакъ, въ чемъ же заключается свобода педагогическаго процесса?

Свобода педагогическаго процесса заключается въ его автономіи. Педагогическій процессъ не можетъ руководиться чѣмъ-либо ему чуждымъ, навязаннымъ извнѣ, со стороны, несоотвѣтствующимъ его природѣ: онъ можетъ развиваться только по присущимъ ему законамъ и цѣлямъ, имѣя единственную задачу—органическое саморазвитіе и усовершенствованіе личности. Свобода каждаго существа состоитъ въ томъ, что оно дѣйствуетъ само по себѣ, сообразно своей природѣ, и не вынуждается къ дѣятельности чѣмъ-либо постороннимъ. Свобода педагогическаго процесса состоитъ въ такой же самобытности и независимости.

Свобода педагогическаго процесса постоянно нарушается съ различныхъ сторонъ, чаще всего давленіемъ государства, потомъ церкви, сословныхъ интересовъ и даже претензій отдѣльныхъ лицъ.

Государство, какъ наиболѣе могучее изъ общественныхъ учрежденій, чаще другихъ факторовъ, можно сказать, постоянно стремится подчинить себѣ педагогическій процессъ, сдѣлать его орудіемъ въ своихъ рукахъ. Вслѣдствіе этого наши школы и все воспитаніе носятъ политическій характеръ: онѣ формируются не сообразно своимъ собственнымъ потребностямъ, а согласно измѣняющимся политическимъ видамъ государства. На первый планъ государство выдвигаетъ укрѣпленіе политической благонадежности, т. е. преданности существующему порядку, соединенной съ отсутствіемъ его критики, развитіе дисциплинарности и послушанія, укрѣпленіе патріотизма, понимаемаго довольно узко и односторонне, т. е. такихъ свойствъ которыя нисколько не вытекаютъ изъ собственныхъ задачъ педаго-

гическаго процесса и являются ему совершенно чуждыми, навязанными. Государство, конечно, имѣетъ право требовать и преданности существующему строю и порядку и пр., но имѣетъ право требовать этого отъ гражданъ, вступившихъ въ жизнь, рѣшающихъ разныя практическія дѣла и отдающихъ себѣ полный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ; ставить же педагогическому процессу такія цѣли значитъ нарушать его автономію. Подобныя требованія совершенно чужды ему. Спрашивается: что общаго между усовершенствованіемъ личности и развитіемъ послушанія или дисциплинарности? Послушливость, очевидно, не добродѣтель, а скорѣе порокъ, нѣчто противоположное самостоятельному развитію организма; порядокъ необходимъ въ общественной жизни, но порядокъ и дисциплинарность—не одно и то же. Дисциплинарность напоминаетъ о казармѣ, а казарма и воспитательное заведеніе—учрежденія не только различныя, но часто и противоположныя одно другому. Правительства часто требуютъ отъ школъ, чтобы на урокахъ исторіи, литературы и географіи (отечественныхъ) учащимся внушался патріотизмъ. Но такое требованіе есть посторонняя примѣсь къ указаннымъ предметамъ и выполненіе его скорѣе можетъ ослаблять, чѣмъ усиливать патріотическое настроеніе. Всѣ признаютъ, что тенденціозно-нравоучительные дѣтскіе разсказы самые плохіе и наименѣе способные укрѣплять нравственное чувство дѣтей; лучшіе тѣ, въ которыхъ мораль не привязана искусственно къ разсказу, а заключена въ самой сущности передаваемаго дѣйствія. То же нужно сказать и про указанные предметы: они не средство для выжиманія патріотизма, а отрасли знанія. Если самымъ своимъ существомъ они будутъ пробуждать патріотическое чувство, то прекрасно; а если ихъ разсматривать спеціально, какъ средство укрѣпленія патріотизма, то это, можетъ быть, будетъ политично, но не будетъ педагогично. Если мы хотя въ одномъ чемъ-либо допустимъ нѣчто, чуждое педагогическому процессу, если мы внесемъ въ педагогическій процессъ хотя крупицу непедагогическаго, то не будетъ уже основаній отказать въ допущеніи въ педагогическій процессъ и второму, и третьему, и десятому непедагогическимъ элементамъ, что поведетъ къ полному извращенію педагогическаго процесса, къ уничтоженію его настоящаго характера. Не секретъ, что въ настоящее время, при множествѣ школъ и педагогическаго персонала, нѣтъ настоящей педагогики, настоящаго педагогическаго процесса; царитъ государственно-чиновничья педагогика, имѣющая не особенно много точекъ соприкосновенія съ истинной педагогикой, чаще же всего противорѣчащая ей. Политика—дѣло весьма измѣнчивое: это рядъ комбинацій, приспособленныхъ къ текущему моменту и весьма много зависящихъ отъ свойствъ лицъ, зани-

мающихся политикой. Поэтому и выходитъ, что сегодня преслѣдуется классицизмъ, и насаждается естествознаніе; завтра естествознаніе преслѣдуется, и вводятся въ самой широкой степени древніе языки; сегодня выдвигаютъ на первый планъ тѣлесное развитіе, тѣлесныя упражненія въ соединеніи съ военно-школьными экзерциціями и военно-школьными прогулками, завтра — хоровое пѣніе, преимущественно патріотическихъ пѣсенъ, послѣ завтра — занятіе ремеслами и профессіональное образованіе. Во всемъ этомъ политика, по измѣняющимся обстоятельствамъ, усматриваетъ для себя важныя средства орудія для своихъ цѣлей и навязываетъ ихъ педагогическому процессу, не заботясь много о томъ, нужно-ли это по природѣ педагогическаго процесса, или не нужно. А педагогъ долженъ отдать себѣ строгій отчетъ въ томъ, что такое настоящій педагогическій процессъ и что такое случайные и вредные наросты на немъ.

Отношеніе церкви къ педагогическому процессу совершенно подобно отношенію государства. Только государственная политика гораздо измѣнчивѣе церковной; послѣдняя болѣе постоянна и притомъ неизмѣнно консервативна: она защищаетъ непогрѣшимость и вѣчную состоятельность принятыхъ положеній. Церковь изъ года въ годъ, изъ вѣка въ вѣкъ требуетъ, чтобы учащимся внушалась твердая, недопускающая никакихъ сомнѣній, вѣра въ догматы и обряды, недовѣріе къ разуму и наукѣ, особенно естествознанію, и смиреніе, чтобы прививались начала аскетизма и т. п. Эти требованія церкви, какъ и требованія государства, совершенно чужды природѣ педагогическаго процесса, совсѣмъ въ немъ не заключаются и являются навязанными ему. Всего этого церковь можетъ требовать отъ своихъ послѣдователей, внушать имъ, но совершенно невозможно подобныя задачи вносить въ педагогическій процессъ: иное дѣло задачи воспитанія, а иное—задачи церкви.

Полагаемъ нелишнимъ замѣтить, что не слѣдуетъ ни на минуту упускать изъ вида различіе между общественностью и государственностью, между религіозностью и церковностью. Необходимо воспитывать человѣка, какъ общественное существо; но отсюда совсѣмъ не слѣдуетъ подчиненіе педагогическаго процесса государству и измѣнчивой политикѣ. Точно также необходимо воспитывать человѣка какъ существо, снабженное религіознымъ сознаніемъ; но отсюда очень далеко до необходимости внесенія въ педагогическій процессъ церковныхъ требованій.

Сословныя давленія на педагогическій процессъ обыкновенно заключаются въ раздробленіи воспитанія на виды соотвѣтственно сословіямъ, ихъ положенію въ государствѣ и матеріальнымъ средствамъ. Суть дѣла заключается въ томъ, чтобы для каждаго сословія

выработать особый типъ воспитанія и школы и, затѣмъ, не допускать перехода ни изъ сословія въ сословіе, ни изъ школы въ школу, особенно же изъ школъ низшихъ сословій въ школы высшихъ.

Очевидно, сословность образованія есть дѣло не педагогики, а больше всего результатъ эгоизма преобладающихъ сословій и политическаго разсчета и попустительства со стороны государства: сословность и педагогическій процессъ не имѣютъ ничего общаго. Утвержденіе, что педагогика должна измѣняться по сословіямъ, столь же основательно, какъ и такое положеніе, что медицина должна различаться по сословіямъ: благородныхъ должно лѣчить такъ и въ такихъ размѣрахъ, а простыхъ совершенно по другому и въ иныхъ размѣрахъ. Школы, какъ и больницы, педагогика, какъ и медицина, равно существуютъ для всѣхъ сословій и отъ различія сословій не измѣняются.

Наконецъ, отдѣльныя личности лишаютъ педагогическій процессъ необходимой ему свободы, ставя ему какія либо узкія цѣли въ отношеніи къ данной личности. Такъ, одинъ отецъ желаетъ съ малолѣтства подготовлять сына для дипломатической карьеры; мать стремится сдѣлать свою дочь музыкантшей съ пеленокъ; другой отецъ, другая мать преслѣдуютъ другія столь же узкія и искусственныя цѣли и искажаютъ широкій, по природѣ, педагогическій процессъ, насильственно втискивая его въ извѣстныя рамки. Обыкновенно цѣли, преслѣдуемыя отдѣльными лицами при воспитаніи своихъ дѣтей, бываютъ совершенно чужды природѣ педагогическаго процесса и выражаютъ собою родительскій эгоизмъ и нерѣдко ограниченность пониманія своего дитяти, а равно крайнюю скудость педагогическихъ знаній.

Такимъ образомъ, свобода педагогическаго процесса заключается въ его автономіи, въ томъ, чтобы старшія поколѣнія не навязывали педагогическому процессу чуждыхъ ему задачъ и цѣлей, нисколько не вытекающихъ изъ его природы, будутъ ли эти задачи имѣть видъ коллективныхъ требованій—государственныхъ, церковныхъ, классовыхъ, или личныхъ, исходящихъ отъ отдѣльныхъ индивидуумовъ. Педагогическій процессъ свободенъ, когда онъ будетъ развиваться сообразно своей природѣ, внѣ всякихъ чуждыхъ давленій со стороны. И было бы ошибочно думать, что государство или церковь скорѣе достигнутъ своихъ цѣлей, если они къ самостоятельному педагогическому процессу примѣшаютъ нѣкоторые собственные, чуждые ему, элементы—такъ, напримѣръ, придадутъ школѣ характеръ отчасти казармы, а отчасти монастыря. Смѣшеніе различныхъ процессовъ есть самое большое зло и въ научномъ, и въ общественномъ отношеніи. Каждый процессъ, имѣющій свои задачи, отъ примѣси чу-

ждыхъ элементовъ лишь разстраивается, не достигаетъ своихъ цѣлей и, понятно, не можетъ достичь поставленныхъ ему извнѣ задачъ, какъ чуждыхъ, къ которымъ онъ совершенно неприспособленъ. Не достигая поставленной ему природою цѣли, процессъ тѣмъ самымъ наноситъ невознаградимый ущербъ общественности, потому что никакой другой процессъ не въ состояніи сдѣлать того дѣла, которое природой возложено на него, для выполненія котораго онъ только и существуетъ, такъ какъ всѣ другіе процессы, опять же по природѣ дѣла, имѣютъ свои особенныя задачи. Укрѣплять политическую благонадежность и вѣру въ догматы могутъ и государство и церковь помимо школы, обращаясь не къ дѣтямъ или юношамъ, а къ взрослымъ гражданамъ и послѣдователямъ извѣстнаго вѣроисповѣданія; но помогать органическому саморазвитію дѣтей и юношей и усовершенствованію человѣческой личности ни государство, ни церковь непосредственно не могутъ, это не ихъ задача; а посредственно могутъ настолько, насколько ихъ стремленія, взгляды и средства становятся элементами педагогическаго процесса, т.-е. теряютъ свою самостоятельность, распускаются въ немъ, когда, напримѣръ, религіозное наставленіе превращается въ особый учебный предметъ—Законъ Божій—и служитъ средствомъ нравственнаго развитія учащихся. Между тѣмъ, для государства и церкви самое важное и нужное, чего они ждутъ отъ педагогическаго процесса, это подготовка просвѣщенныхъ и самодѣятельныхъ личностей, потому что только такія личности могутъ быть разумными гражданами и твердыми сынами церкви. Государство и церковь, опирающіяся на темную невѣжественную массу, строятъ на шаткомъ основаніи, такъ какъ подобная масса, при всей ея политической благонадежности и твердой вѣрѣ, легко можетъ быть вовлечена въ беззаконныя дѣянія, что неоспоримо и засвидѣтельствовано народными бунтами во время голодовокъ, эпидемій, появленія самозванцевъ и т. п. Такая масса оказывается неблагонадежной и въ политическомъ и въ церковномъ отношеніяхъ: вообще она въ соціальномъ отношеніи опасна.

Нельзя при этомъ не указать еще на одно соображеніе: защитники примѣшиванія къ педагогическому процессу государственныхъ и церковныхъ элементовъ какъ будто боятся, что безъ помощи школы государство и церковь ослабѣютъ, расшатаются, будутъ не въ состояніи выполнить своихъ задачъ. Напрасный страхъ! Не нужно забывать, что народность всѣми своими формами и проявленіями дѣйствуетъ на насъ съ колыбели, что мы всасываемъ народные элементы съ молокомъ матери, что они составляютъ часть нашего я. Смѣшно бояться за ихъ твердость, если къ этому могучему и неотразимому вліянію народности, въ которой видные элементы состав-

ляютъ государственный и церковный строй, не прабавится помощь школы. Оборонять въ школѣ то, что само по себѣ стоитъ твердо, нѣтъ никакой нужды. Вотъ, другое дѣло, оборонять ихъ въ государственной и церковной жизни взрослыхъ, когда развивается критика и столкновеніе различныхъ интересовъ. Но это дѣло есть непосредственная задача государства и церкви, и сущность движенія будетъ опредѣляться качествами строя государства и церкви, хороши они илинѣтъ, дѣлаютъ ли счастливой или несчастной человѣческую личность.

Охраненіе автономіи педагогическаго процесса не предполагаетъ уменьшенія вліянія церкви или государства на образованіе. Оно просто обозначаетъ устраненіе спутанности процессовъ и выясненіе „несбыточности надеждъ, возлагаемыхъ на педагогическій процессъ" при его спутанности. И государство, и церковь имѣютъ право требовать, чтобы педагогическій процессъ и воплощающія его учрежденія не служили орудіемъ для враговъ государственныхъ и церковныхъ началъ. По самой своей сущности педагогическій процессъ долженъ оставаться совершенно чуждымъ какой бы то ни было партійности, гражданской или церковной, будетъ ли эта партійность имѣть направленіе, согласное съ господствующимъ въ церкви и государствѣ настроеніемъ и тономъ, или несогласное, будетъ ли она словомъ за государство и церковь, или противъ государства и церкви. Подобныя теченія общественно-государственной и церковной мысли не могутъ имѣть мѣста въ школахъ, такъ какъ затрогиваемые ими вопросы не по силамъ дѣтямъ, подросткамъ и зеленой молодежи, вообще учащимся, и составляютъ достояніе позднѣйшихъ возрастовъ. Не вмѣшиваясь въ ходъ педагогическаго процесса, государство и церковь въ правѣ требовать, чтобы и педагогическій процессъ не захватывалъ ихъ областей, не рѣшалъ ихъ вопросовъ по своему. Поэтому они въ правѣ наблюдать чрезъ соотвѣтственные органы за выполненіемъ руководителями педагогическаго процесса указаннаго требованія. Вообще дѣятельность государства и церкви по отношенію къ осуществленію педагогическаго процесса должна быть болѣе наблюдательной и вспомогательной въ матеріальномъ отношеніи, заключаться въ надзорѣ за школами и въ постройкѣ училищъ, обезпеченіи ихъ средствами, распредѣленіи этихъ послѣднихъ согласно мѣстнымъ и инымъ потребностямъ и т. п., чѣмъ въ прямомъ руководительствѣ образованіемъ.

Вся положительная творческая сторона образованія, его внутренній строй и характеръ должны опредѣляться задачами и свойствами педагогическаго процесса.

Итакъ, въ видѣ вывода, остановимся на мудрой латинской пого-

воркѣ: Suum Cuique—каждому свое. Отдадимъ педагогическому процессу, что ему слѣдуетъ по природѣ дѣла, предоставивъ государству и церкви вѣдать ихъ задачи собственными силами и средствами, не прибѣгая къ вполнѣ вредному и нецѣлесообразному смѣшенію процессовъ общественной жизни, но, конечно, и не требуя отъ нихъ отказа отъ принадлежащихъ имъ по существу дѣла правъ; будемъ чаще настаивать, чтобы все, стороннее педагогическому процессу, не вмѣшивалось въ его теченіе, будемъ противостоять всякой попыткѣ направлять его по чуждымъ ему началамъ...

Слѣдовательно, автономность педагогическаго процесса заключается въ томъ, что педагогическій процессъ выполняетъ лишь задачу, вытекающую изъ самого существа его,—т. е. идеалосообразное усовершенствованіе личности, настойчиво устраняя всѣ стороннія требованія, къ нему не относящіяся, отъ кого бы или отъ чего бы такія требованія ни исходили, причемъ педагогическій процессъ не долженъ допускать покушеній на области, принадлежащія другимъ процессамъ, ихъ права и задачи. Къ частнымъ свойствамъ автономности педагогическаго процесса принадлежатъ: свобода и полноправность разныхъ видовъ образованія и свобода въ выработкѣ учащимися убѣжденій и взглядовъ, руководящихъ практическою дѣятельностью человѣка въ областяхъ религіозной, государственной и общественной.

Признаніе автономности педагогическаго процесса въ теоріи безъ соотвѣтствующей автономности педагогическаго персонала—дѣло, мало полезное въ практическомъ отношеніи. На словахъ можно все признать; важно хотя бы часть признаваемаго исполнить на дѣлѣ. Ни малѣйшей долей автономности педагогическій персоналъ у насъ не владѣетъ, а при такомъ положеніи учительствующаго сословія педагогическое дѣло можетъ идти только плохо, какъ оно и идетъ.

Автономность положенія педагогическаго персонала выражается слѣдующими свойствами:

1. Въ каждой школѣ, имѣющей нѣсколько преподавателей или воспитателей, главнымъ органомъ, вѣдающимъ и рѣшающимъ всѣ школьныя дѣла, является совѣтъ школы, состоящій изъ всѣхъ преподавателей и воспитателей, а не директоръ.

2. Преподаватели и вообще дѣятели каждаго вида школъ имѣютъ право собираться на съѣзды и группироваться въ общества для обсужденія и выясненія потребностей, а равно средствъ удовлетворенія тѣхъ заведеній, въ которыхъ они работаютъ. Рѣшенія, постановляемыя подобными съѣздами и обществами, подлежатъ самому внимательному обсужденію въ главномъ управленіи, вѣдающемъ образовательныя дѣла страны.

3. Въ педагогическомъ вѣдомствѣ администрація должна быть педагогическая. Попечители учебныхъ округовъ, обыкновенно мало знакомые съ педагогіей, должны быть замѣнены коллегіями изъ опытныхъ педагоговъ, раздѣляющихъ между собою фактическое наблюденіе надъ разными видами школъ, а возлѣ министра народнаго просвѣщенія долженъ быть полномочный совѣтъ изъ такихъ же опытныхъ педагоговъ.

4. Матеріальное и правовое положеніе педагогическаго персонала должно быть улучшено настолько, чтобы сдѣлать педагогическую дѣятельность привлекательной и для способныхъ людей, которые нынѣ бѣгутъ съ этого поприща. Погоня за множествомъ уроковъ и большая зависимость отъ директоровъ подрываютъ въ корнѣ учительское самосознаніе и лишаютъ учителей возможности заниматься собственнымъ самообразованіемъ и улучшеніемъ пріемовъ преподаванія.

Безъ такого улучшенія положенія учителей и созданія нѣкоторой автономности педагогическаго персонала трудно ожидать правильной постановки педагогическаго процесса даже и при теоретическомъ признаніи его автономности.

VII.

О высшихъ началахъ педагогическаго процесса.

При изслѣдованіи сущности педагогическаго процесса, естественно задаться вопросомъ о томъ, нельзя-ли сущность этого процесса выразить въ одной краткой формулѣ, въ одномъ сжатомъ обобщеніи, которое и должно служить высшимъ руководительнымъ началомъ при воспитаніи подрастающихъ поколѣній. Такимъ вопросомъ педагоги и задавались. Многіе полагали, что ничего не можетъ быть выше и первоначальнѣе такого педагогическаго закона: воспитывай природосообразно и культуросообразно. Что можетъ быть выше, шире и глубже природы и культуры? Онѣ обнимаютъ все; все заключено въ нихъ, и нѣтъ ничего помимо нихъ. Чѣмъ же и руководиться, какъ не природой и культурой? Очевидно, что невозможно никакое иное воспитаніе, какъ лишь согласное съ природой. Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно. Было бы, конечно, странно и совсѣмъ неразумно при такой продолжительной и серьезной дѣятельности, какъ воспитаніе, не руководиться природой воспитываемаго, пренебрегать ею или идти ей наперекоръ. Точно также очевидно неблагоразуміе отверженія культурныхъ средствъ при воспитаніи того, что создалъ человѣческій геній. Культура есть самое высшее созданіе человѣка, самое цѣнное, и педагогическій процессъ есть также куль-

турная дѣятельность. Поэтому не можетъ воспитаніе идти противъ культуры, т. е. культура противъ культуры, дочь противъ матери. Коль скоро же будетъ принятъ этотъ основной педагогическій законъ, всѣ остальныя педагогическія правила и положенія явятся только его выводами и частными примѣненіями къ различнымъ областямъ и видамъ педагогическаго процесса.

Въ общемъ видѣ этотъ законъ имѣетъ, несомнѣнно, извѣстную долю справедливости, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается неопредѣленнымъ, а потому лишеннымъ руководящаго значенія и даже отчасти неправильнымъ. Что значитъ воспитывать согласно съ природой? Въ человѣческой природѣ есть и недостатки: человѣческая природа не можетъ быть признана совершенной. Слѣдовательно, просто руководиться правиломъ—воспитывай природообразно—нельзя: это правило нужно и ограничить и дополнить. Точно также несомнѣнно есть недостатки и весьма темныя стороны и въ культурѣ, съ которыми сообразоваться при воспитаніи было бы неблагоразумно. Не считая культуру зломъ, какъ думали и думаютъ нѣкоторые, а признавая ее благомъ, мы все же должны правило—воспитывай культуросообразно—ограничить и поставить болѣе опредѣленно и ясно.

Такимъ образомъ, и природосообразность, и культуросообразность, какъ руководящіе принципы воспитанія, неудобны: въ нихъ много неопредѣленнаго и прямо непримѣнимаго въ педагогическомъ процессѣ. Принимая за основу самую сущность этихъ началъ, ихъ нужно измѣнить, ограничивъ и дополнивъ такъ, чтобы они могли получить руководящее, направительное положеніе въ воспитаніи.

Нѣкоторые усматриваютъ высшее начало педагогическаго процесса въ такомъ положеніи: самостоятельное служеніе истинному, доброму и прекрасному. Самостоятельность—черта весьма важная, но во всякомъ случаѣ частная и весьма далекая отъ того, чтобы исчерпать сущность педагогическаго процесса; что же касается ссылки на прекрасное, доброе и истинное, то это такія неопредѣленныя, растяжимыя понятія, указаніе на которыя нисколько не можетъ руководить педагога въ его практической дѣятельности. Что такое истина? Что такое добро и красота? Это такіе журавли въ небѣ, которыхъ изловить чрезвычайно трудно.

На основаніи изложеннаго въ предшествующихъ главахъ изслѣдованія сущности педагогическаго процесса, мы находимъ четыре высшихъ начала его и первое изъ нихъ, наиболѣе общее, формулируемъ такъ: *всѣ физическія и духовныя силы воспитываемаго подлежатъ усовершенствованію соотвѣтственными систематическими упражненіями.*

Выше было подробно изложено, что педагогъ имѣетъ дѣло не

просто съ развитіемъ силъ, а съ ихъ усовершенствованіемъ, въ коромъ развитіе является лишь подчиненнымъ моментомъ.

Всѣ силы воспитываемаго, и физическія и духовныя, подлежатъ усовершенствованію.

Для упражненія физическихъ силъ или, точнѣе, органовъ мы имѣемъ въ настоящее время разнообразныя средства. Для каждаго изъ органовъ внѣшнихъ чувствъ имѣются свои особенныя упражненія; для мускуловъ—гимнастика, развѣтвляющаяся въ настоящее время по отдѣльнымъ группамъ мускуловъ; для нѣкоторыхъ внутреннихъ органовъ—массажъ; для всѣхъ внутреннихъ органовъ — спеціальное лѣченіе и уходъ, составляющіе непрямыя, косвенныя лишь средства для усовершенствованія этихъ органовъ. Вообще медицина дробится по органамъ тѣла, и въ настоящее время по уходу и лѣченію почти каждаго органа тѣла имѣются спеціалисты, и воздвигнуты особыя клиники. Спеціализація въ этомъ направленіи ушла очень далеко.

Усовершенствованіе духовныхъ силъ находится въ другомъ положеніи; по этой части сдѣлано гораздо меньше, чѣмъ для усовершенствованія тѣлесныхъ органовъ. Къ сожалѣнію, педагогика развивалась нѣсколько иначе, чѣмъ медицина. Послѣдняя шла вполнѣ естественнымъ путемъ: она постепенно изучала весь тѣлесный организмъ, всѣ органы тѣла и для каждаго почти создала болѣе или менѣе цѣнные пріемы по уходу и лѣченію. Продолжаетъ она и нынѣ развиваться въ томъ же направленіи, чуждая какихъ либо давленій со стороны, которыя нарушали бы естественный ходъ ея развитія.

Педагогика находится въ иномъ положеніи: она рано подпала вліянію политики, классовыхъ интересовъ обществъ и господствующей церкви; и ея развитіе получило искусственное направленіе. Вмѣсто того, чтобы, подобно медицинѣ, тщательно изучать душевныя дѣятельности и изыскивать средства для ихъ усовершенствованія, педагогика, подъ давленіемъ классовыхъ интересовъ, занялась развитіемъ ученія объ образованіи низшемъ, среднемъ и высшемъ, причемъ всегда подразумѣвалось, что низшее образованіе приличествуетъ низшимъ классамъ—сѣрому крестьянству, мѣщанству и т. п; среднее образованіе есть достояніе болѣе состоятельныхъ и именитыхъ людей, а высшее образованіе, предваряемое среднимъ, достается на долю исключительно высшихъ классовъ общества. Въ связи въ этими образовательными классовыми интересами педагогика чрезвычайно много занималась древними языками, можно сказать, завязла въ нихъ. Не одно столѣтіе она наполнялась разсужденіями объ обученіи латинскому и греческому языкамъ, которые считались основами средняго и высшаго образованія, т. е. только нѣкоторыхъ классовъ общества, а не всѣхъ; объ

отношеніяхъ языческихъ классическихъ писателей къ христіанству, свѣтскихъ наукъ къ богословію, о тривіумѣ и квадривіумѣ въ образовательномъ курсѣ. Наконецъ, были столѣтія, когда педагогика много занималась вопросомъ о воспитаніи принцевъ и людей самыхъ высшихъ и богатыхъ слоевъ общества, весьма мало помышляя объ образованіи всего общества и народа.

Результатомъ давленія на педагогику классовыхъ интересовъ узкаго профессіонализма и традиціонныхъ, авторитетныхъ церковныхъ и иныхъ взглядовъ было то, что педагогика накопила цѣлыя горы сочиненій по обученію латинскому и греческому языкамъ, массу учебниковъ по Закону Божію, и единую по существу школу и образовательную систему разбила на сословныя школы и сословныя образовательныя системы. Она, какъ будто, очень хорошо прилаживалась къ жизни и ея запросамъ, но на самомъ дѣлѣ была и есть въ положеніи весьма неудовлетворительномъ и не отвѣчающемъ жизненнымъ нуждамъ. Если обратиться къ современной педагогикѣ съ запросомъ о средствахъ и способахъ усовершенствованія слабой памяти, вялаго и скуднаго воображенія, тупой эстетической способности и шаткаго характера, то мало найдется въ ней по этимъ вопросамъ цѣннаго матеріала. Точно также, если у воспитываемаго замѣчаются недочеты по части чувствованій, если онъ гнѣвливъ, трусливъ и эгоистиченъ, предается сильнымъ порывамъ грусти, радости, недовѣрчивъ и пр., если онъ вообще представляется труднымъ въ воспитательномъ отношеніи, то опять въ современной педагогикѣ мы найдемъ мало помощи въ подобныхъ случаяхъ. Для дѣтей, медленно развивающихся, нѣтъ ни особыхъ пріемовъ воспитанія, ни особыхъ школъ: они учатся наряду съ другими и единственно, что съ ними дѣлаютъ, это оставляютъ на повторительные курсы въ тѣхъ же классахъ. Для дѣтей, мало способныхъ, также нѣтъ ни особыхъ школъ, ни пріемовъ: они учатся или, точнѣе, начинаютъ учиться въ обыкновенныхъ школахъ и затѣмъ исключаются. Словомъ, за чѣмъ бы мы ни обратились къ современной педагогикѣ по части собственно усовершенствованія той или другой душевной дѣятельности и искорененія какого либо недостатка, а не по части методикъ, учебныхъ программъ и состава общеобразовательныхъ и профессіональныхъ курсовъ, мы мало найдемъ въ ней помощи: она этими вопросами почти не занималась, или занималась недостаточно, совсѣмъ несоотвѣтственно важности вопросовъ. Вопросы объ усовершенствованіи душевныхъ дѣятельностей и о способахъ борьбы съ недостатками человѣческой природы составляютъ предметъ будущей педагогики. А они весьма обширны и серьезны, и разрѣшеніе ихъ

въ корнѣ измѣнить современную постановку всего учебнаго и воспитательнаго дѣла.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что всѣ тѣлесныя и духовныя силы человѣка могутъ и должны быть усовершенствуемы. Изъ тѣлесныхъ силъ и органовъ на первомъ мѣстѣ должны быть поставлены органы внѣшнихъ чувствъ, по ихъ большому значенію для духовной и тѣлесной жизни, и мускульная система по значенію не только самой мускульной системы для здоровья тѣла, но и по вліянію ея дѣятельности на дѣятельность многихъ внутреннихъ органовъ тѣла. Для усовершенствованія органовъ внѣшнихъ чувствъ есть особенныя системы упражненій для каждаго органа; для упражненія мускуловъ—гимнастика и разные виды спорта; для упражненія внутреннихъ органовъ—отчасти тѣ же средства, что и для развитія мускуловъ, и сверхъ того массажъ. Для усовершенствованія духовныхъ силъ должны быть выработаны средства, и тѣ намеки и замѣтки, которые имѣются въ настоящее время въ педагогикѣ по этому предмету, должны быть широко развиты и пополнены, чтобы образовать новую педагогику.

Въ какомъ отношеніи должны находиться эти двѣ стороны педагогическаго процесса—усовершенствованіе тѣлесныхъ и духовныхъ силъ? Слѣдуетъ ли одну сторону подчинить другой, или заботиться о гармоніи между ними? Были попытки подчинить одну сторону другой: чаще всего пытались подчинять тѣло духу. Тѣло, говорили, должно сдѣлаться послушнымъ органомъ духа. Недостойно человѣка, а особенно христіанина, чтобы тѣло преобладало надъ духомъ: это было бы грубымъ язычествомъ и грубою чувственностью. Тѣло—темница души, тѣло—источникъ грѣха; оно съ своими инстинктами и потребностями влечетъ человѣка на неправильный путь. Отсюда широкое развитіе аскетизма во всѣхъ почти религіяхъ и тѣ жизненныя теченія, которыя направлены на обузданіе и утѣсненіе тѣлесныхъ потребностей. Въ такомъ взглядѣ, очевидно, весьма много старой суровости, старой догматики и метафизики, совершенно отдѣлявшей душу отъ тѣла. Нынѣ господствуютъ другія, болѣе правильныя идеи о весьма значительной цѣнности тѣла и его равноправности съ духомъ.

Противоположный взглядъ—о преобладаніи тѣла надъ духомъ—также встрѣчался, главнымъ образомъ, въ изнѣженномъ воспитаніи высшихъ классовъ общества и въ частности женщинъ, отчасти въ древнемъ греческомъ и римскомъ воспитаніи, а отчасти встрѣчается въ настоящее время у англичанъ. По мнѣнію послѣднихъ, человѣкъ прежде всего долженъ быть „сильнымъ животнымъ“. Этой теоріи о сильномъ животномъ придерживаются многія отдѣльныя

лица. Но очевидно, животная сторона едва ли по справедливости можетъ преобладать надъ человѣческой въ человѣкѣ. Человѣкъ есть человѣкъ, т. е. физическо-духовный организмъ, и какъ таковой и долженъ быть воспитываемъ. Отдайте Божіе Богови, а Кесарево Кесарю, т. е. каждому свое: тѣлу тѣлесное, духу духовное, сообразно съ ихъ естественными требованіями и запросами. Угнетать одну сторону человѣка другой не подобаетъ: та и другая сторона равноцѣнны, своеобразны и въ то же время неразрывно связаны между собою, сильно вліяютъ одна на другую, и ихъ благополучіе и совершенство дѣятельности взаимно обусловлены: одна безъ другой правильно развиваться и процвѣтать не можетъ. Слѣдовательно, подчиненія одной стороны другой не должно быть, а должна быть гармонія.

Къ изложенному наиболѣе общему началу педагогическаго процесса слѣдуетъ прибавить еще три, дополняющія и развивающія первое и охватывающія педагогическій процессъ съ различныхъ сторонъ:

2) *усовершенствованіе личности основывается на самодѣятельныхъ упражненіяхъ, развиваемыхъ организмомъ въ силу присущей ему самобытности;*

3) *усовершенствованіе личности имѣетъ индивидуально-общественный характеръ;*

4) *усовершенствованіе личности и весь вообще педагогическій процессъ есть процессъ автономный.*

Говорить что либо объ этихъ началахъ послѣ того, что сказано въ предыдущихъ главахъ настоящаго изслѣдованія, было бы излишнимъ повтореніемъ. Указанныя высшія начала являются лишь краткой формулировкой сущности педагогическаго процесса, его главныхъ сторонъ и моментовъ. Ими исчерпывается сущность педагогическаго процесса; его постоянная сторона та, что онъ есть не что иное, какъ всестороннее усовершенствованіе личности, индивидуально-общественной и самодѣятельной по самой своей природѣ. Но въ педагогическомъ процессѣ, кромѣ постоянной всенародной или общечеловѣческой стороны, кромѣ его сущности, есть еще другая сторона, измѣнчивая разнообразная, вносящая въ основу его оттѣнки, своеобразныя формы. Эта сторона педагогическаго процесса въ формулировкѣ наиболѣе общаго (перваго) его начала выражена словами, что усовершенствованіе личности достигается „соотвѣтственными" систематическими упражненіями. Что такое соотвѣтственныя упражненія? Чему они должны соотвѣтствовать? Прежде всего, конечно, самой сущности педагогическаго процесса. Но дѣло въ томъ, что педагогическій процессъ въ дѣйствительности не является одною голою сущностью безъ всякихъ дополнительныхъ чертъ: онъ на практикѣ имѣетъ оттѣнки и спе-

ціальныя черты. Такъ, у различныхъ народовъ онъ является нѣсколько различнымъ, будучи по существу одинаковымъ; различныя свойства внѣшней природы также накладываютъ на педагогическій процессъ свою особенную печать; педагогическій процессъ замѣтно измѣняется въ зависимости отъ пола, возраста и личности воспитываемаго. Какъ отнестись къ этимъ измѣненіямъ педагогическаго процесса: упражненія, способствующія усовершенствованію личности, должны соотвѣтствовать имъ или нѣтъ? Очевидно, должны, потому что иначе воспитаніе не будетъ соотвѣтствовать природѣ воспитываемаго; очевидно, что упражненія не могутъ быть одинаковыми для 5-лѣтняго ребенка и 15-лѣтняго юноши, для русскаго и китайца, для мужчины и женщины. Слѣдовательно, если мы хотимъ отдать себѣ полный отчетъ въ педагогическомъ процессѣ, то мы должны изучить его не только въ его сущности, но и въ его главнѣйшихъ измѣненіяхъ. Такое изученіе и составитъ предметъ нашего дальнѣйшаго изслѣдованія.

Считаемъ нужнымъ указать читателю на попытку выяснить сущность педагогическаго процесса, его законы, правила, теоріи и задачи, сдѣланную г. Демковымъ въ „Педагогическомъ Сборникѣ“ за 1899 г. (№№ 8 и 9—„Педагогическія правила и законы“) и 1900 г. (№№ 4, 5 и 6—„Педагогическія гипотезы и теоріи, ихъ историческое и современное значеніе“).

П. Каптеревъ.

(*Продолженіе будетъ*).

———————

О хедерахъ.

(*Окончаніе*).

III.

Сіонизмъ и такъ называемые „образцовые хедеры“. Превращеніе хедеревъ изъ школъ частныхъ въ общественныя. Секуляризація хедера. Предполагаемое преобразованіе хедеровъ.

Еще недавно еврейская интеллигенція съ презрѣніемъ относилась къ хедеру, но за послѣднее время, подъ вліяніемъ распространившагося среди нея и извѣстнаго подъ именемъ сіонизма стремленія ко всему національному, она измѣняетъ свои воззрѣнія на хедеръ. „Въ хедерѣ, по еврейскимъ понятіямъ, не только получаются познанія и образованіе, но развивается и кристаллизуется (?) духъ ребенка. Въ хедерѣ мальчикъ долженъ сдѣлаться евреемъ, здѣсь онъ долженъ получить свою религіозную и національную физіономію“ *). „Хедеръ—главный разсадникъ еврейской грамотности, еврейскихъ религіозно-нравственныхъ началъ и ученій **). Поэтому хедеръ пользуется особыми симпатіями сіонистовъ, „и старая, сгнившая, рутинная програма хедеровъ, по выраженію г. А. Шифа, еще дерзновеннѣе и выше подняла голову, почуя въ словахъ интеллигентовъ - сіонистовъ что-то близкое, родное“ ***).

„Особой заботой сіонистовъ, — говоритъ г. Шульковскій, — пользуются талмудъ—торы и хедеры, въ виду того, что въ нихъ воспитывается большинство еврейскихъ дѣтей, что со школами этого типа народъ сросся и что для такихъ школъ у евреевъ всѣхъ классовъ легче получить средства“ ****).

Нѣтъ сомнѣнія, что обратить свои симпатіи на хедеръ побуж-

*) „Восходъ“ 1902 г. № 52, ст. г. С. С. Вермеля „Старый вопросъ“ стр. 1.

**) Протоколъ совѣщанія Комитета Общества для распространенія просвѣщенія между евреями. Стр. 62.

***) С.-Петербургскія Вѣдомости за 1902 г. № 265.

****) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ за 1902 г. № 222.

даетъ сіонистовъ также ограниченный доступъ еврейскимъ дѣтямъ въ общія учебныя заведенія. „Члены Общества распространенія просвѣщенія между евреями, — пишетъ въ 20 № „Восхода“ за 1902 годъ г. С. З—нъ,—смотрѣли долго на хедеры, какъ на своего рода устарѣлые мѣха, въ которые лить новое вино не слѣдуетъ, и поэтому отказывались отъ всякаго воздѣйствія на нихъ, совершенно игнорируя ихъ существованіе. Однако, при существующихъ въ нашемъ отечествѣ условіяхъ, невозможно пренебрегать какими бы то ни было учебными заведеніями и быть разборчивыми не приходится, тѣмъ болѣе, что попытки придать хедерамъ характеръ—болѣе соотвѣтствующій требованіямъ времени,—оказались довольно удачными“ *). „Мы,—говоритъ въ январьской книжкѣ „Восхода“ за 1902 годъ г. С. Дубновъ,—должны особенно дорожить этимъ типомъ школы, какъ однимъ изъ немногихъ чисто-народныхъ *автономныхъ* **) учрежденій“ ***).

Создается особый типъ хедеровъ,—такъ называемые „образцовые“ хедеры ****). Они довольно подробно описаны г. Шульковскимъ въ 265 № „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ за 1902 годъ.

„Новые хедеры,—пишетъ онъ,—(такъ называемые образцовые) ни въ чемъ не уступаютъ любой еврейской школѣ. Они помѣщаются въ просторныхъ и совершенно отдѣльныхъ квартирахъ, гдѣ много свѣта и воздуха, и которыя удовлетворяютъ всѣмъ гигіеническимъ и санитарнымъ требованіямъ. Школьная мебель вездѣ устраивается лучшей конструкціи. Для этихъ школъ изданы прекрасные учебники и учебныя пособія для нагляднаго обученія, а издательство „Тушія“ въ Варшавѣ выпускаетъ даже весьма удовлетворительный иллюстрированнный дѣтскій журналъ „Оламъ Катанъ“. Въ хедеръ принимаются дѣти не моложе семи лѣтъ. Занятія продолжаются не болѣе шести часовъ въ день, съ перерывомъ въ два часа на обѣдъ. Учащіеся, по своему возрасту и умственному развитію, распредѣлены на отдѣльныя группы и отдѣленія: каждая группа имѣетъ особаго учителя *). Еврейскій языкъ преподается по „натуральному методу (какъ извѣстно, этотъ методъ давно уже получилъ право гражданства въ лучшихъ русскихъ школахъ при преподаваніи иностранныхъ языковъ)“.

По сообщенію г. З—на, высказываясь противъ субсидированія образцовыхъ хедеровъ, многіе выставляютъ тотъ доводъ, что, по су-

---

*) Стр. 19.

**) Курсивъ подлинника.

***) Стр. 86.

****) По еврейски: „хедеръ—мсуконъ“, т.-е. „настоящій хедеръ“.

*****) По разъясненію Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 20 октября 1894 г. за № 19.716, не разрѣшается меламдамъ имѣть помощниковъ въ преподаваніи въ содержимыхъ ими хедерахъ.

ществующимъ законоположеніямъ, въ хедерахъ могутъ преподаваться только еврейскіе предметы *). На практикѣ же, въ образцовыхъ хедерахъ, по словамъ г. Шульковскаго, преподаются далеко не одни еврейскіе предметы.

„Во всѣхъ образцовыхъ хедерахъ,—говоритъ онъ,—обязательно (?) преподаются русскій языкъ, ариѳметика, естественная исторія и т. п. общеобразовательные предметы. Дѣти обучаются тамъ также пѣнію и гимнастикѣ. Въ хедерахъ и талмудъ-торахъ заведены подвижныя игры на свѣжемъ воздухѣ; съ дѣтьми время отъ времени устраиваются загородныя прогулки и образовательныя экскурсіи. При многихъ хедерахъ имѣются хорошія библіотеки и пр. Въ то время, какъ въ дореформенныхъ хедерахъ меламдомъ могъ быть всякій еврей-неудачникъ (разорившійся мелкій торговецъ, больной ремесленникъ и т. п.), нерѣдко безграмотный даже по-еврейски; въ то время, какъ званіе меламда (учитель) считалось у народа позорнымъ и заработокъ этого несчастнаго труженика давалъ ему лишь средства не умирать съ голоду,—учителями образцовыхъ хедеровъ состоятъ люди образованные и опытные въ педагогическомъ дѣлѣ, и средній заработокъ такого учителя не ниже 600 рублей въ годъ, при готовой квартирѣ и освѣщеніи. Оклады этихъ учителей нерѣдко доходятъ до 1000 р. въ годъ и болѣе. Теперь нѣтъ (?) города и мѣстечка, гдѣ бы не было образцоваго хедера. Подъ вліяніемъ этихъ школъ учебное дѣло постепенно улучшается и въ остальныхъ хедерахъ города".

По сообщенію г. Шульковскаго, при многихъ образцовыхъ хедерахъ открыты даже педагогическіе курсы или учительскіе семинаріи, институты. „При образцовыхъ хедерахъ въ Гомелѣ, Пинскѣ, Николаевѣ и др.,—говоритъ онъ,—образованъ институтъ кандидатовъ на учительскія должности. Эти кандидаты—молодые люди, отлично владѣющіе русскимъ языкомъ и хорошо знающіе предметы еврейскаго вѣроученія. Они работаютъ въ этихъ школахъ подъ руководствомъ опытныхъ педагоговъ, а затѣмъ направляются въ разные центры для основанія новыхъ образцовыхъ хедеровъ" **).

Совѣщаніе Комитета Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи съ иногородними членами 27 декабря 1902 г. приняло слѣдующія рѣшенія:

1) Общество въ своихъ заботахъ о просвѣщеніи евреевъ оказываетъ содѣйствіе, наравнѣ съ общеобразовательными школами, и хедерамъ.

---

*) „Восходъ", 1902 г., № 20, стр. 19.
**) „Спб. Вѣдом.", 1902 г., № 265.

2) Желательно возбудить ходатайство о допущеніи въ хедерахъ преподаванія общеобразовательныхъ предметовъ.

3) Слѣдуетъ принять мѣры къ улучшенію учительскаго персонала въ хедерахъ.

4) Признается желательною выработка нормальныхъ учебныхъ плановъ и руководствъ для хедеровъ.

5) Рекомендуется мѣстнымъ членамъ Общества содѣйствовать улучшенію хедера въ гигіеническомъ и педагогическомъ отношеніяхъ.

6) Рекомендуется Комитету принять мѣры къ облегченію условій (?) для открытія женскихъ хедеровъ.

7) Матеріальная помощь со стороны Общества можетъ быть оказываема а) хедерамъ, въ которыхъ введено преподаваніе общеобразовательныхъ предметовъ, и б) хедерамъ такъ называемымъ образцовымъ или улучшеннымъ.

8) Всѣмъ прочимъ хедерамъ Общество не должно оказывать матеріальной помощи *).

Въ настоящее время открытіе и содержаніе „образцовыхъ" хедеровъ принимаютъ на себя общества и кружки. Напр, въ 68-мъ № „Восхода" за 1901 г. помѣщена корреспонденція изъ Риги объ открытіи здѣсь образцовыхъ хедеровъ, и корреспондентъ пишетъ: „У насъ (т. е. въ Ригѣ) уже имѣются 2 такихъ образцовыхъ хедера. Первый хедеръ былъ открытъ на Московскомъ форштадтѣ въ прошломъ году. Инициативу взялъ на себя г. Лацкинъ вмѣстѣ съ г. Рашкесомъ и сгруппировавшійся около нихъ кружокъ молодежи. Однако, не смотря на всѣ благія намѣренія этого кружка, имъ не доставало самаго главнаго—денегъ на обзаведеніе хедера, на жалованіе учителю и на наемъ помѣщенія (хедеръ предположено было сдѣлать безплатнымъ). Представители мѣстнаго еврейскаго общества отнеслись сначала къ новому дѣлу довольно сдержанно, быть можетъ, не довѣряя юности и недостаточному жизненному опыту иниціаторовъ. Гораздо болѣе сочувствія встрѣтила мысль г. Лацкаго у небогатыхъ обывателей. Многіе изъ нихъ обязались ежемѣсячно выплачивать опредѣленные взносы въ пользу хедера. Такимъ образомъ составилось до

*) Протоколъ совѣщанія... Стр. 69.—Такъ какъ „ждать, пока всѣ хедеры превратятся въ „образцовые" некогда", — то г. Вермель рекомендуетъ, въ видахъ улучшенія хедернаго воспитанія и обученія, организовать „въ каждомъ городѣ небольшой кружокъ („хедерный кружокъ") интеллигентныхъ и преданныхъ дѣлу еврейскаго просвѣщенія людей", преслѣдующій, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, лишь двѣ цѣли: 1) улучшеніе, по возможности, помѣщеній хедеровъ и 2) изгнаніе изъ послѣднихъ тѣлеснаго наказанія. („Восходъ", № 52 за 1902 г., стр. 1 и слѣд.).

60 руб. въ мѣсяцъ, и хедеръ могъ быть открытъ. Подавляющее количество этихъ взносовъ не превышаетъ 20—50 коп. и принадлежитъ разной мелкотѣ: ремесленникамъ, лавочникамъ, приказчикамъ и т. п. По инициативѣ г. Лацкаго былъ открытъ и второй хедеръ нынѣшнимъ лѣтомъ на Московскомъ форштадтѣ. Но на этотъ разъ на помощь ужъ пришелъ сіонисткій кружокъ, гарантировавшій до 1.000 руб. въ годъ на содержаніе хедера. Вмѣстѣ съ тѣмъ кружкомъ было обращено вниманіе и на первый хедеръ, такъ что теперь оба хедера имѣютъ подъ собою твердую почву" *).

Въ 1902-мъ году Комитетъ Рижскаго Отдѣленія Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи, „признавая реформу хедера весьма желательною" и „выслушавъ заключеніе по сему вопросу особаго подготовительнаго совѣщанія, назначилъ постоянную коммиссію по реорганизаціи хедера. Коммиссія остановилась на трехъ образцовыхъ хедерахъ, расположенныхъ въ трехъ частяхъ города Риги, выдавая имъ требуемыя на содержаніе хедера деньги, за вычетомъ (?) платы, поступающей отъ учениковъ", и въ 1902 году на хедеры израсходовала 2.232 р. 53 к. **). Въ № 19 „Восхода" за 1902-ой годъ изъ Бердичева сообщаютъ: „Мѣстные сіонисты, въ числѣ 20, желая дать своимъ дѣтямъ хорошее первоначальное образованіе въ еврейскомъ духѣ и сознавая крайнюю неудовлетворенность существующихъ хедеровъ, въ особенности же преподаванія меламедовъ, — учредили полгода тому назадъ на свои средства т. наз. образцовый хедеръ въ хорошо приспособленномъ помѣщеніи. Образцовый хедеръ давалъ такіе блестящіе результаты и число желавшихъ опредѣлить въ него дѣтей своихъ до того возрастало, что многимъ приходилось отказать, за отсутствіемъ вакантныхъ мѣстъ. Это-то обстоятельство и навело учредителей хедера на мысль устроить для бѣднѣйшаго населенія и второй *безплатный* хедеръ на благотворительныхъ началахъ, и для этой цѣли сіонисты стали собирать среди еврейскаго населенія пожертвованія единовременныя и годичныя. Но тутъ-то встрѣтились внѣшнія препятствія, вызванныя, надо думать, „стараніями" мѣстныхъ меламедовъ, убоявшихся конкурренціи образцоваго хедера" ***).

---

*) Стр. 19.

**) При этой коммиссіи, „для осуществленія фактическаго контроля надъ отдѣльными хедерами образованы 3 подкоммиссіи, на четвертую же подкоммиссію возложенъ общій педагогическій надзоръ, составленіе образцовыхъ программъ преподаванія и т. п." (Отчетъ Рижскаго Отдѣленія Общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи за 1902 г. Рига, 1903 г., стр. 15 и слѣд.).

***) Стр. 21.

Въ 28-мъ № „Восхода“ за тотъ же годъ помѣщена корреспонденція г. П. Арндта объ образцовыхъ, мужскомъ и женскомъ *), хедерахъ, открытыхъ въ Екатеринославѣ мѣстными „дѣятелями“ **).

Съ другой стороны, образцовые хедеры предназначаются не для религіознаго обученія. Не съ этою цѣлью учреждаютъ ихъ сіонисты. Цѣль учрежденія образцовыхъ хедеровъ болѣе или менѣе обстоятельно излагается г. П. Дубновымъ въ январской книжкѣ „Восхода“ за 1902-ой годъ.

„Старая наша школа,—говоритъ г. Дубновъ,—хедеръ и іешива, — воспитывала только *еврея* ***), а не *человѣка*, да и „еврея“ воспитывала крайне односторонне, дѣйствуя только на его религіозное чувство или религіозное мышленіе. Новая общеобразовательная школа, наоборотъ, совершенно забываетъ о „евреѣ“ и воспитываетъ только „человѣка“, т. е. фактически-русскаго, поляка или нѣмца, смотря по тому, какой духъ и какой языкъ господствуютъ въ данной школѣ. Таковъ тезисъ и такова его антитеза. Синтезъ напрашивается самъ собою: одновременное воспитаніе и „человѣка“ и „еврея“. Школа должна готовить питомца къ борьбѣ и за свое личное и за свое національное *я*“, ибо въ жизни еврея борьба за первое тѣсно связана съ борьбою за второе: враждебный намъ міръ преслѣдуетъ насъ не только какъ отдѣльныхъ людей, сталкивающихся съ нимъ на почвѣ личныхъ интересовъ, но и какъ членовъ извѣстной націи... *Національзація воспитанія и обученія*—вотъ одинъ изъ главныхъ путей, ведущій къ укрѣпленію еврейства въ близкомъ будущемъ... Главный недостатокъ стараго хедера заключается въ томъ, что, будучи общенародной школой, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, замыкался въ узкихъ рамкахъ спеціальнаго богословскаго образованія и какъ будто готовилъ всѣхъ своихъ питомцевъ въ раввины. Хедеръ былъ естественнымъ продуктомъ эпохи, когда національность отождествлялась у насъ съ ортодоксальной религіозностью. Сохраненіе этой схоластической школы съ ея примитивными пріемами преподаванія и средневѣковой обстановкой стало невозможнымъ. И сама жизнь нынѣ выдвигаетъ типъ новаго, реформированнаго хедера, отвѣчающаго современнымъ потребностямъ еврейства. Такъ называемый *образцовый хедеръ* представляетъ собою первую попытку секуляризаціи еврейскаго элементарнаго воспитанія,

---

*) Согласно разъясненію Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ 15 января 1897 г. за № 1.151, открытіе хедеровъ для дѣвочекъ не можетъ быть разрѣшаемо, въ виду, между прочимъ, того обстоятельства, что, съ точки зрѣнія религіи (Sepa Dea; гл. 246, § 6), обученіе дѣвочекъ закону вѣры является предосудительнымъ.

**) Стр. 4.

***) Курсивъ вездѣ подлинника.

первый опытъ созиданія *національной* школы на мѣстѣ *синагогальной*. Въ новомъ хедерѣ главное мѣсто занимаетъ правильное изученіе древнееврейскаго *языка*, какъ орудія національнаго объединенія, затѣмъ идетъ изученіе библейской и талмудической *литературы*, въ связи съ религіозными и этическими основаніями юдаизма" *).

Итакъ, образцовый хедеръ заведеніе не религіозное, а свѣтское.

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ различныхъ условій общественной жизни, характеръ хедеровъ существенно измѣняется. Эту метаморфозу ихъ отмѣчаетъ и учебное начальство.

Такъ, на бывшемъ въ ноябрѣ 1902 года съѣздѣ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ Рижскаго учебнаго округа было „доложено, что за послѣднее время нѣкоторые хедеры пріобрѣтаютъ характеръ общеобразовательныхъ школъ, субсидируемыхъ сіонистами и Обществомъ распространенія просвѣщенія среди евреевъ, что существуетъ особая неизвѣстная закону еврейская инспекція надъ хедерами, и со стороны евреевъ замѣтно стремленіе поставить учебное дѣло въ этихъ хедерахъ, по возможности, внѣ контроля Министерства Народнаго Просвѣщенія, что при дѣйствіи закона 1 марта 1893 года и Правилъ о меламдахъ 5 сентября того же года невозможно услѣдить за возникшимъ со стороны сіонистовъ вліяніемъ на хедеры и за тѣми цѣлями, которыя ими при этомъ преслѣдуются". **) Съѣздомъ начальниковъ учебныхъ дирекцій и инспекторовъ народныхъ училищъ Варшавскаго учебнаго округа въ мартѣ 1903 года разработанъ, между прочимъ, „вопросъ о пересмотрѣ правилъ 1888 г. о хедерахъ, установленіи испытаній для учителей (меламедовъ) еврейскихъ вѣроисповѣдныхъ училищъ (хедеровъ) и minimum'а образовательныхъ требованій, которыя должны предъявляться меламедамъ...

Такимъ образомъ, хедеры уклонились отъ своего первоначальнаго типа вѣроисповѣдныхъ, или молитвенныхъ школъ и обратились въ особаго рода еврейскія учебныя заведенія, преподаваніе въ которыхъ происходитъ на непонятномъ для русскихъ учебныхъ властей жаргонѣ.

„По слухамъ, Министерство Народнаго Просвѣщенія окончательно рѣшило преобразовать еврейскіе хедеры. Содержателямъ хедеровъ будетъ поставлено въ обязанность преподавать въ нихъ русскій языкъ и ариѳметику. Разрѣшеніе на открытіе хедера будетъ даваться только такимъ лицамъ, у которыхъ есть образовательный цензъ и права учителей начальныхъ училищъ." ***)

---

*) Стр. 82 и слѣд.

**) Приложеніе къ № 3 циркуляровъ по Рижскому учебному округу за 1903 годъ, стр. 46—47.

***) Русская Школа за февраль 1903 г., стр. 118.

Относительно такого преобразованія хедеровъ г. А. Тарновскій въ „Русской Школѣ“ за истекшій годъ высказываетъ ту мысль, что этимъ преобразованіемъ „хедеры врядъ-ли могутъ быть улучшены“, такъ какъ „тотъ еврей, который получилъ хоть нѣкоторое русское образованіе, знаетъ русскій языкъ и ариѳметику, владѣетъ свидѣтельствомъ на званіе учителя, не можетъ быть въ глазахъ евреевъ (?) меламедомъ. Такому учителю евреи не поручаютъ (?) хедера“. Въ видахъ содѣйствія улучшенія хедеровъ, г. Тарновскій предлагаетъ, „оставляя меламедовъ въ неприкосновенности, поставить требованіе, чтобы въ каждомъ хедерѣ былъ учитель русскаго языка и ариѳметики изъ евреевъ-же, но имѣющій званіе учителя начальнаго училища. Такихъ лицъ между евреями нынѣ не мало Они съ большой охотой пошли-бы въ хедеры учителями русскаго языка и ариѳметики“. *)

Но по заявленію самихъ же евреевъ, „только чисто экономическія причины заставляютъ еврейскую массу посылать своихъ дѣтей въ хедеры. Страшная нищета, постоянная забота о средствахъ къ существованію заставляетъ работницу дома—мать освобождаться отъ своихъ многочисленныхъ дѣтей хоть на извѣстное время въ теченіе дня. И вотъ дѣти отсылаются въ хедеры. Лучшіе знатоки еврейскаго вопроса единогласно указывали на то, что необходимо замѣнить хедеры настоящими школами“. **) „Нужна не еврейская школа, а школа для евреевъ. Евреи—люди, а школа, не годящаяся для людей, не годится и для евреевъ“. „Можно и слѣдуетъ устроить хорошую элементарную школу съ еврейскими предметами и внѣ хедера“ ***).

Такимъ образомъ, нельзя не пожелать замѣны хедеровъ школами.

М. Успенскій.

---

*) Ibid. Стр. 118 и слѣд.

**) „Книжка Восхода“ за декабрь 1902 года, ст. Чужого „Народное образованіе въ Сѣв.-зап. краѣ“, стр. 123.

***) Протоколъ совѣщанія Комитета Общества распространенія просвѣщенія между евреями. Стр. 67—68.

О нѣкоторыхъ явленіяхъ въ жизни начальной народной школы.

Въ средѣ начальныхъ народныхъ учителей привился такой взглядъ, что задача народной школы заключается въ подготовкѣ питомцевъ ея къ сдачѣ экзамена. По этому взгляду всѣ ученики 3-го отдѣленія, представленные къ экзамену, обязательно должны его выдержать по всѣмъ предметамъ; въ противномъ случаѣ на дѣятельность учителей и учительницъ якобы падаетъ тѣнь и подрывается авторитетъ ихъ—какъ хорошихъ учителей. И это убѣжденіе такъ глубоко вкоренилось, что иногда разъясненія этого неправильнаго взгляда принимаются прямо съ недовѣріемъ.

Въ виду привившагося, указаннаго выше, неправильнаго взгляда на задачу начальной народной школы, къ ней въ постановкѣ дѣла примѣняется режимъ, существующій въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, т. е. въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ учились сами учащіе, какъ напр. въ гимназіяхъ, городскихъ по положенію 1872 года училищахъ и т. п. Въ силу такого обстоятельства установился обычай—ученика, не успѣвающаго въ какомъ-либо предметѣ, оставлять въ томъ же отдѣленіи на повторительный курсъ еще на годъ. Такъ, напр., ученикъ младшаго или средняго отдѣленія, хорошо и съ толкомъ читающій и понимающій читаемое, а также успѣвающій по закону Божію и письму, оказывается слабымъ по ариѳметикѣ—можетъ быть по винѣ самого учителя или по прирожденной малоспособности,—и за это онъ оставляется еще на годъ въ томъ же отдѣленіи. Также бываетъ и съ другими предметами изъ курса начальной школы. Результатомъ такого порядка вещей является то, что громадное большинство оставляемыхъ на повторительный курсъ дѣтей выбываетъ изъ школы. Въ данномъ случаѣ между дѣтьми и родителями является полная солидарность: дѣти оставляютъ школу, потому что у нихъ пропадаетъ интересъ къ ученію, а родители,

принимая сторону своихъ дѣтей, обыкновенно разсуждаютъ такъ: „а для че учить, коли плохо понимаетъ; пусть дома сидитъ—и по домашности будетъ помогать и лопатины меньше износитъ“. Нужно замѣтить, что въ крестьянской средѣ нѣтъ принужденія со стороны родителей къ посѣщенію дѣтьми школы—дѣти обыкновенно сами идутъ въ нее, иногда помимо всякаго участія со стороны родителей. Итакъ, приходится сознаться въ томъ, что школа въ значительной мѣрѣ сама способствуетъ преждевременному оставленію ея дѣтьми. По нашему мнѣнію, въ начальной народной школѣ на повторительный курсъ должны быть оставляемы только такіе ученики, которые положительно не могутъ итти дальше, какъ, напр., не научившіеся читать или писать. Въ особенности ученики не должны быть оставляемы на повторительный курсъ изъ-за ариѳметики, орѳографіи, а также Закона Божія—вслѣдствіе механическаго неусвоенія наизусть какой-либо части курса по этому предмету. Такой взглядъ вытекаетъ не изъ того, что мы не придаемъ Закону Божію надлежащаго значенія какъ нѣкоторые, можетъ быть, склонны будутъ сдѣлать заключеніе изъ только что приведенныхъ нами словъ, а изъ того, наоборотъ, что мы ему придаемъ весьма важное значеніе. Дѣло въ томъ, что механическое неусвоеніе какой-либо части курса по Закону Божію, съ одной стороны,—есть въ большинствѣ случаевъ результатъ неумѣлаго или небрежнаго отношенія къ своему дѣлу со стороны законоучителя, съ другой—оно нисколько не препятствуетъ усвоенію и пониманію дальнѣйшаго курса Закона Божія, такъ какъ основная цѣль преподаванія Закона Божія, согласно утвержденной программѣ, заключается „не въ суммѣ сообщаемыхъ дѣтямъ знаній, а въ томъ, чтобы учащійся изъ каждаго урока законоучителя вынесъ мысль, чувство, стремленіе, способныя служить ему сѣменами жизни религіозно-нравственной“. Ясное дѣло—если ученикъ не будетъ лишенъ возможности слушать бесѣды своего законоучителя, то онъ изъ этихъ бесѣдъ и будетъ выносить мысли, чувства и стремленія, способныя стать ему сѣменами жизни религіозно-нравственной, хотя онъ механически и не усвоитъ всего сообщаемаго ему матеріала. Все зависитъ отъ того, какъ поставлено дѣло преподаванія Закона Божія. Если исходить изъ того взгляда, какой положенъ въ объяснительной запискѣ къ программѣ Закона Божія 7 февраля 1897 года на преподаваніе Закона Божія въ начальной народной школѣ, то мы должны притти къ заключенію, что знанія по Закону Божію не должны оцѣниваться баллами и по этому предмету не должно производиться экзаменовъ: всѣ ученики должны быть вполнѣ просвѣщены религіозно-нравственно, недостиженіе этого есть дѣло совѣсти за-

коноучителя. Эта мысль, кажется, кѣмъ-то гдѣ-то уже была высказана, едва ли не на страницахъ „Русской Школы“.

Если мы примемъ положеніе, что въ начальной народной школѣ вообще не должно оставлять дѣтей на повторительный курсъ, за исключеніемъ, конечно, крайнихъ случаевъ, то этимъ самымъ мы уменьшимъ число оставляющихъ школу раньше времени, задержимъ учениковъ въ школѣ на болѣе продолжительное время и достигнемъ того, что въ старшемъ отдѣленіи будетъ учиться не 14—15% общаго числа учащихся, какъ это имѣетъ мѣсто нынѣ, а по крайней мѣрѣ 25—30%, т. е. приблизимъ это число къ нормѣ. Болѣе продолжительное пребываніе дѣтей въ школѣ должно, безъ сомнѣнія, принести для нихъ и болѣе положительные результаты. Особенно благотворно долженъ повліять послѣдній годъ, когда дѣти становятся болѣе или менѣе уже развитыми и способными къ сознательному воспріятію сообщаемаго имъ матеріала. Пусть нѣкоторыя дѣти не будутъ имѣть нѣкоторыхъ знаній, положенныхъ программой, все же черезъ посредство бесѣдъ законоучителя и учителя и черезъ посредство болѣе или менѣе значительнаго количества упражненій, они получатъ не мало положительныхъ впечатлѣній и пріобрѣтутъ достаточно познаній и, такимъ образомъ, оставятъ школу болѣе развитыми какъ въ религіозно-нравственномъ, такъ и въ умственномъ отношеніи. Пусть по окончаніи курса многіе изъ нихъ и не получатъ установленнаго свидѣтельства на льготу по отбыванію воинской повинности, которое дѣвочкамъ, напр., и не нужно, все же эти дѣти выйдутъ изъ школы съ большимъ запасомъ впечатлѣній и знаній, чѣмъ если бы они вышли изъ школы послѣ одного или двухъ лѣтъ пребыванія въ ней. При такомъ веденіи дѣла начальная народная школа съ несомнѣнно большею пользою и несомнѣнно правильнѣе выполнила бы свою задачу, которая ей начерчена Законодателемъ въ 3469 ст. т. XII ч. I, Свода Законовъ, гласящей, что „начальныя народныя училища имѣютъ цѣлью утверждать въ народѣ религіозныя и нравственныя понятія и распространять первоначальныя полезныя знанія“, такъ какъ религіозно-нравственное развитіе и пріобрѣтеніе полезныхъ знаній можетъ совершаться не однимъ только механическимъ способомъ, а и, главнымъ образомъ, путемъ бесѣдъ законоучителя и учителя со своими питомцами, къ воспріятію же такихъ, умѣло ведущихся, бесѣдъ, мы считаемъ способными всѣхъ нормальныхъ дѣтей, хотя бы и имѣющихъ разныя умственныя способности и не обладающихъ всѣми положенными программою знаніями.

Другой, весьма важный, по нашему мнѣнію, вопросъ изъ жизни начальной народной школы—это исключеніе учащихся изъ школы за проступки. Во многихъ учебныхъ заведеніяхъ широко примѣняется

мѣра исключенія учениковъ изъ заведенія; иногда остракизму подвергаются дѣти цѣлыми группами за совершеніе какого-либо проступка. Исключеніе изъ школы нельзя считать наказаніемъ, налагаемымъ на провинившагося ученика, такъ какъ ученикъ въ этомъ случаѣ большею частію не чувствуетъ никакого лишенія, а, наоборотъ—бываетъ доволенъ, что вырвался изъ ненавистной ему школы; иногда онъ даже систематически этого добивается, и такимъ образомъ въ фактѣ исключенія изъ училища ученикъ получаетъ только удовлетвореніе своему желанію и, слѣдовательно, не терпитъ никакого наказанія. Здѣсь наказываемыми являются родители, часто совершенно неповинные въ проступкахъ своихъ дѣтей, находившихся на воспитаніи въ школѣ и совершившихъ свой проступокъ вслѣдствіе неудовлетворительнаго воспитательнаго надзора со стороны ближайшихъ, приставленныхъ къ тому, лицъ. Исключеніе ребенка изъ учебнаго заведенія имѣетъ оправданіе въ томъ случаѣ, если исключаемый, будучи нравственно испорченнымъ, не поддается никакому воздѣйствію и вредно вліяетъ на своихъ товарищей, такъ что чрезъ его исключеніе имѣется въ виду оградить отъ его вреднаго вліянія нѣсколько десятковъ другихъ дѣтей. Насколько съ этой точки зрѣнія примѣнимо исключеніе дѣтей изъ начальной народной школы? т. е. исключеніемъ ученика изъ школы изолируемъ ли мы отъ общенія съ нимъ остальныхъ учениковъ? Безусловно нѣтъ. Главное общеніе крестьянскихъ деревенскихъ дѣтей происходитъ на улицѣ, гдѣ они собираются для общихъ игръ. Во внѣклассное время исключенный всегда будетъ приходить со своими сверстниками въ общеніе и, слѣдовательно, будетъ на нихъ оказывать вліяніе. Такимъ образомъ, тѣ, которые остаются въ школѣ, чрезъ исключеніе товарища ничего не пріобрѣтаютъ, а исключенный весьма много теряетъ: онъ лишается благотворнаго вліянія школы и предоставляется улицѣ. Не цѣлесообразнѣе-ли провинившагося ученика подчинить особенному надзору и вліянію законоучителя и учителя? Пребываніе въ школѣ подъ благотворнымъ вліяніемъ законоучителя и учителя, чрезъ изученіе Закона Божія и чтеніе религіозно-нравственныхъ статей, не должно-ли заронить въ сердце этого ученика добрыхъ и плодотворныхъ сѣмянъ, которыя, проросши и развившись, и направятъ его дальнѣйшую дѣятельность на добрый путь? Хотя здѣсь по отношенію къ этому ученику школѣ и приходится исполнять роль исправительной колоніи, но по существу такова и есть роль начальной народной школы, въ которую приходятъ дѣти со всевозможными нравственно-грубыми недостатками некультурной крестьянской семьи; съ этими-то недостатками школѣ и приходится бороться, ихъ-то и приходится искоренять (укажемъ хотя бы на сквернословіе, которому во многихъ

крестьянскихъ семьяхъ съ ранняго возраста подвержены не только мальчики, но даже и дѣвочки).

Итакъ, по нашему крайнему разумѣнію, въ начальной народной школѣ не должно примѣняться къ дѣлу—ни оставленіе учащихся на повторительный курсъ, за весьма крайними случаями, указанными выше, ни тѣмъ болѣе исключеніе изъ школы за какіе-либо проступки, обычно влекущіе за собой это исключеніе.

И. Пактовскій.

Заботы Одесскаго Городского Общественнаго Управленія по народному образованію.

Въ послѣднія пять лѣтъ (съ 1897 по 1902 г.) Одесское Городское Общественное Управленіе проявило не малую энергію въ дѣлѣ народнаго образованія, что усматривается какъ изъ изданнаго недавно отчета Городской Управы за 1902 г., такъ и по отчетамъ ея за предыдущіе годы. Пользуясь данными отчетовъ, постараемся дать хотя краткій очеркъ дѣятельности города въ области народнаго образованія.

Изъ общей городской смѣты расходовъ 1902 г. въ 6.148.256 р. 72 к. на народное образованіе отчислено было 596.344 р. 53 к., т. е. 9,7%, изъ нихъ:

1. На начальное образованіе. . . .	361.172	р.	08 к.	(5,9%)
2. На среднее общеобразовательное.	64.447	„	22 „	(1,1%)
3. На „ профессіональное . .	47.781	„	40 „	(0,7%)
4. На высшее	55.394	„	83 „	(0,9%)
5. На общія мѣры по распространенію образованія (публичная библіотека, народныя читальни-библіотеки, аудиторіи для народныхъ чтеній и систематическихъ лекцій, въ пособіе публичнымъ лекціямъ и проч.	66.552	„	— „	(1,1%)
Итого .	596.344	р.	53 к.	(9,7%)

На 1903 годъ на народное образованіе внесена сумма въ 628.036 р. 73 коп., болѣе ассигнованія 1902 года на 31.692 р. 20 к., что составитъ 10,14% общихъ расходовъ города, исчисленныхъ въ 6.191.854 р. 11 к.

За послѣднія пять лѣтъ ассигнованіе города на народное образованіе возросло на 60%. По годамъ это возрастаніе распредѣлялось:

Въ 1897 г. было ассигновано.	397.378 р. 16 к.	
„ 1898 „ „ „ .	438.591 „ 80 „	(болѣе на 41.213 р 64 к.)
„ 1899 „ „ „ .	482.987 „ 80 „	(болѣе на 43.896 „ — „)
„ 1900 „ „ „ .	513.270 „ 08 „	(болѣе на 30.282 „ 28 „)
„ 1901 „ „ „ .	551.446 „ — „	(болѣе на 38.175 „ 92 „)
„ 1902 „ „ „ .	596.344 „ — „	(болѣе на 44.898 „ 53 „)

Что касается ассигнованій на содержаніе городскихъ народныхъ училищъ, то постепенный ростъ ихъ усматривается изъ нижеслѣдующихъ данныхъ:

Въ 1897 г. было ассигновано.	209.324 р. 33 к.	
„ 1898 „ „ „ .	229.035 „ — „	(болѣе на 19.710 р. 67 к.)
„ 1899 „ „ „ .	253.330 „ — „	(болѣе на 24.295 „ — „)
„ 1900 „ „ „ .	264.685 „ 88 „	(болѣе на 11.355 „ 88 „)
„ 1901 „ „ „ .	296.530 „ — „	(болѣе на 31.844 „ 12 „)
„ 1902 „ „ „ .	355.591 „ — „	(болѣе на 39.061 „ — „)
„ 1903 „ „ „ .	357.604 р. — к.	(болѣе на 15.328 р. — к.)

Изъ приведеннаго видно, что, хотя за послѣдніе годы ассигнованіе на содеражніе народныхъ училищъ увеличилось на 60%, но по отношенію къ общему городскому расходу оно въ 1902 г. составляло всего 5,9%. На сколько такое отчисленіе незначительно, выясняется изъ нижеслѣдующаго сравненія: 1) Петербургское Городское Общественное Управленіе отчисляетъ на начальное образованіе 10% своего общаго расхода; 2) по своду данныхъ о доходахъ и расходахъ земствъ 34 губерній, по смѣтамъ 1900 г., оказывается, что на народное образованіе расходуется 15 м. м., или 17,5% земскаго бюджета. Ежегодное увеличеніе на народное образованіе составляетъ 1.200.000 р., т. е. 13%, при чемъ ростъ земскаго расходнаго бюджета на народное образованіе идетъ вдвое быстрѣе роста общаго земскаго бюджета, который составляетъ всего 6,8%. Въ Одессѣ же ростъ городского бюджета на народное образованіе идетъ пропорціонально росту общаго городского бюджета.

Въ 1902 году городъ содержалъ 258 одноклассныхъ городскихъ народныхъ училищъ съ рукодѣльными отдѣленіями и классами ручного труда и 9 воскресныхъ школъ, а всего 267. Обученіе безплатное. Учащихся было 11.936, изъ нихъ 50% мальчиковъ и 50% дѣвочекъ.

За пять лѣтъ увеличеніе числа классовъ и числа учащихся выражалось:

Въ 1897 г. было	157 кл. при	5.860	учащихся
„ 1902 „ „	267 „ „	11.936	„

т. е. увеличилось на 110 классовъ и на 6.076 учащихся, а слѣдующее почти удвоилось.

Число отказовъ въ принятіи въ народныя училища по неимѣнію свободныхъ вакансій постепенно уменьшается съ увеличеніемъ вновь открываемыхъ училищъ:

Въ 1897 г.	было отказовъ	665	и	принято вновь	2.236,	общ.	чис.	уч.	6.187
„ 1898 „	„	„	616 „	„	„	2.414,	„	„	„	6.508
„ 1899 „	„	„	349 „	„	„	2.529,	„	„	„	7.263
„ 1900 „	„	„	266 „	„	„	2.875,	„	„	„	8.068
„ 1901 „	„	„	153 „	„	„	3.215,	„	„	„	8.972
„ 1902 „	„	„	106 „	„	„	3.430,	„	„	„	9.920

По отчету 1902 г. окончило курсъ въ народныхъ училищахъ 11,8% и выбыло до окончанія курса 32,2%. Указанный процентъ оканчивающихъ курсъ малъ (въ петербургскихъ начальныхъ училищахъ онъ достигаетъ 23%). Одна изъ главныхъ причинъ, вліяющихъ на столь малый процентъ оканчивающихъ курсъ въ одесскихъ городскихъ народныхъ училищахъ,—это продолжительность курса обученія. По законоположенію народная школа должна быть съ 3-хгодичнымъ курсомъ, и только въ исключительныхъ случаяхъ курсъ можетъ быть продленъ еще на годъ. Въ Одессѣ же большинство школъ съ 4-хгодичнымъ курсомъ, отсюда и малый процентъ оканчивающихъ (11,8%) и большой выбывающихъ до окончанія курса (32,2%). При сравненіи училищъ съ 3-хгодичнымъ съ училищами съ 4-хгодичнымъ, оказывается:

Въ учил. съ 3-хгодич. курсомъ.		Въ учил. съ 4-хгодич. курсомъ.	
Въ младшихъ отдѣленіяхъ	39%	Въ первыхъ отдѣленіяхъ. .	40%
„ среднихъ „	39%	„ вторыхъ „ . .	30%
„ старшихъ, выпускныхъ	22%	„ третьихъ „ . .	20%
		„ 4-хъ, выпускныхъ	10%

Слѣдовательно, въ первыхъ отдѣленіяхъ почти одинъ и тотъ же процентъ, но затѣмъ картина мѣняется: въ то время, какъ въ школахъ съ 3-хгодичнымъ курсомъ и въ среднихъ отдѣленіяхъ сохраняется тотъ же процентъ учащихся, въ школахъ съ 4-хгодичнымъ курсомъ онъ уже падаетъ до 30%, а въ выпускныхъ отдѣленіяхъ въ школахъ съ 3-хгодичнымъ курсомъ процентъ равенъ 22, а въ школахъ съ 4-хгодичнымъ онъ всего 10, т. е. вдвое меньше. Такимъ образомъ, главной мѣрой къ поднятію числа оканчивающихъ курсъ въ Одесскихъ городскихъ народныхъ училищахъ было-бы строгое установленіе курса обученія въ теченіе трехъ лѣтъ,

а 4-ый годъ обученія допускать только въ исключительныхъ случаяхъ. Естественно, что при маломъ количествѣ оканчивающихъ курсъ, процентъ выбывающихъ до окончанія курса долженъ быть великъ, и въ Одессѣ въ 1902 году онъ достигъ 32,2%. Надо думать, что, кромѣ указанной причины, продолжительности курса обученія, есть еще и другія причины, такъ какъ при нормальномъ ходѣ всего учебнаго строя, процентъ выбывающихъ не долженъ превышать 10—15%. Отчетъ Управы не даетъ поясненій по этому вопросу, а фактъ—заслуживающій вниманія, такъ какъ изъ 9.920 учащихся выбыла въ теченіе 1902 г. треть всѣхъ учащихся.

Распредѣленіе учащихся по полу даетъ такія цыфры:

Въ 1898 г. было	мальчиковъ	55,6%	и дѣвочекъ	44,4%
„ 1899 „ „	„	54,8%	„ „	45,2%
„ 1900 „ „	„	52,1%	„ „	47,9%
„ 1901 „ „	„	52,1%	„ „	47,9%
„ 1902 „ „	„	50,5%	„ „	49,5%

Изъ указаннаго усматривается, что процентное отношеніе числа мальчиковъ къ общему числу учащихся сравнительно уменьшается, а дѣвочекъ увеличивается, и въ 1902 г. процентное отношеніе тѣхъ и другихъ почти сравнялось. На такой отрадный фактъ немало повліяло введеніе въ число обязательныхъ предметовъ въ послѣднее пятилѣтіе преподаванія рукодѣлія, а также существованіе спеціально рукодѣльныхъ отдѣленій, въ которыя и принимаются дѣвочки, окончившія курсъ народной школы.

Между учащимися главный контигентъ составляютъ мѣщане (64,4%) и крестьяне (32,4%), на долю же дворянъ приходится 0,5%, духовныхъ—0,2 и разныхъ—2,5%. Такимъ образомъ оказывается, что расходы города на начальное образованіе направляются на главныхъ плательщиковъ, что и нужно признать нормальнымъ.

Среди учащихъ въ городскихъ народныхъ училищахъ числится

Законоучителей.	38
Учителей	32
Учительницъ.	203
Учительницъ рукодѣлія.	13
Итого. . . .	286

Образовательный цензъ указанныхъ лицъ далекъ отъ желательнаго. Изъ 38 законоучителей съ академическимъ образованіемъ—5,1% и съ семинарскимъ—94,9%.

Изъ 32 учителей всего 3% съ высшимъ, 15,2% съ среднимъ и 81,8% имѣющихъ званіе начальнаго учителя.

Изъ 203 учительницъ съ среднимъ образованіемъ (окончившія 7 кл. женскихъ гимназій) 92,6% и 7,4% имѣющихъ званіе начальныхъ учительницъ.

Если сравнить, напр., вышеприведенныя данныя съ таковыми же въ петербургскихъ начальныхъ училищахъ, то окажется, что въ петербургскихъ школахъ законоучителей съ академическимъ образованіемъ болѣе 40% (въ Одессѣ 5,1%). Между учителями въ одесскихъ школахъ подавляющій процентъ приходится на имѣющихъ званіе начальнаго учителя, и совершенно отсутствуютъ окончившіе педагогическіе курсы, учительскія семинаріи, между тѣмъ какъ въ петербургскихъ довольно значительный процентъ съ указанной подготовкой. Среди учительницъ въ петербургскихъ школахъ насчитывается свыше 70% окончившихъ высшіе женскіе курсы, педагогическіе курсы, учительскія семинаріи, въ Одессѣ же такихъ лицъ нѣтъ.

Какъ выше сказано, число законоучителей въ одесскихъ школахъ 38 на 240 классовъ, при чемъ лица эти не исключительно заняты преподаваніемъ, а имѣютъ свои приходы, гдѣ у нихъ много обязательной работы, какъ священнослужителей. Отсюда частое пропусканіе уроковъ, соединеніе нѣсколькихъ классовъ на урокахъ Закона Божія. Выйти изъ этого ненормальнаго положенія возможно, привлекая въ училища лицъ съ академическимъ образованіемъ и не имѣющихъ приходовъ. Петербургъ постепенно проводитъ эту мѣру и имѣетъ въ настоящее время почти половину законоучителей съ академическимъ образованіемъ въ то время, когда Одесса имѣетъ таковыхъ всего 5,1%. Расходы города на вознагражденіе законоучителей достаточны: они получаютъ до 1.800 р. въ годъ сообразно числу часовыхъ уроковъ. Увеличивая число законоучителей и привлекая лицъ съ академическимъ образованіемъ, городъ могъ-бы поставить дѣло преподаванія Закона Божія на желательную высоту. Назначеніе законоучителей находится въ рукахъ не города, а епархіальнаго вѣдомства, которое, согласно предложенію г. инспектора народныхъ училищъ, назначаетъ законоучителей въ школы. Если городу предоставлено право предлагать учителей и учительницъ въ народныя школы, при чемъ утвержденіе ихъ въ должности дѣлаетъ городской училищный совѣтъ, то городу слѣдовало-бы ходатайствовать о предоставленіи ему того-же права и относительно законоучителей, разумѣется, при условіи одобрительнаго отзыва со стороны епархіальнаго вѣдомства относительно предлагаемыхъ имъ лицъ. Вообще, существующее законоположеніе относительно назначенія служащихъ въ начальныя училища нуждается въ коренной реформѣ. По закону и городъ и инспекторы народныхъ училищъ пользуются правомъ

дѣлать предложеніе Училищному Совѣту о назначеніи преподавателя или преподавательницъ, при чемъ городу предоставлено это право даже преимущественно передъ инспекторомъ народныхъ училищъ; но Училищный Совѣтъ не можетъ допустить данное лицо, имъ назначенное, къ преподаванію, такъ какъ законъ право это предоставляетъ не Училищному Совѣту, а инспектору народныхъ училищъ. При допущеніи даннаго лица къ преподаванію Училищный Совѣтъ утверждаетъ его въ должности, а также пользуется правомъ и уволить его отъ должности. Если инспекторъ народныхъ училищъ только одинъ изъ членовъ городского Училищнаго Совѣта (дѣлопроизводитель его), то становится непонятнымъ, почему право допущенія къ преподаванію, послѣ назначенія со стороны Училищнаго Совѣта, принадлежитъ только инспектору народныхъ училищъ, а не тому-же Училищному Совѣту.

Какъ сказано выше, среди учительницъ одесскихъ народныхъ школъ нѣтъ ни окончившихъ высшіе женскіе курсы, ни учительскихъ семинарій, ни педагогическомъ курсовъ. Этотъ существенный пробѣлъ могъ-бы быть пополненнымъ, если-бы принято было за правило отдавать преимущество съ указанной подготовкой при назначеніи учительскаго персонала. Въ виду открытія въ Одессѣ Женскихъ Педагогическихъ Курсовъ такая мѣра была бы весьма желательна. Нашлось-бы не мало лицъ, пожелавшихъ занять мѣсто учительницъ, что видно, напр., на составѣ учительницъ въ Петербургѣ, гдѣ процентъ ихъ доходитъ до 72,6%, и гдѣ существуетъ правило отдавать преимущество при замѣщеніи вакантныхъ мѣстъ лицамъ съ указанной подготовкой. Нужно помнить, что въ Одессѣ нѣтъ никакихъ строго установленныхъ правилъ при замѣщеніи учительскихъ мѣстъ. Часто случай, умѣло направленное ходатайство, а не педагогическія заслуги, рѣшаютъ вопросъ о представленіи должности учительницѣ. Въ другихъ случаяхъ принимается во вниманіе матеріальное положеніе ищущей должности и въ то-же время игнорируется педагогическая ея приспособленность. Это едва-ли можно признать нормальнымъ: никто не станетъ отрицать, что школа не пріютъ для бѣдныхъ учительницъ, а образовательное учрежденіе, успѣхъ котораго зависитъ отъ умѣлаго веденія дѣла. Въ Одессѣ придерживаются того правила, чтобы замѣщеніе должностей производилось изъ числа такъ называемыхъ дѣйствующихъ кандидатокъ, списокъ которымъ ежегодно составляется Управою и утверждается Училищнымъ Совѣтомъ. Эти кандидатки, зачисленныя въ списокъ, приглашаются, по мѣрѣ надобности, для временнаго замѣщенія заболѣвшаго или отсутствующаго по другимъ уважительнымъ причинамъ, штатнаго преподавателя или преподавательницы, а затѣмъ, при от-

крытіи вакансіи, зачисляются на штатныя мѣста. Вопросъ о томъ, насколько педагогически пригодна та или иная дѣйствующая кандидатка, остается не выясненнымъ, такъ какъ не существуетъ никакого контроля надъ ея занятіями. А между тѣмъ было-бы возможно принять хоть слѣдующія мѣры: 1) Изъ числа дѣйствующихъ кандидатокъ, поработавшихъ не менѣе года, назначаются, согласно строго установленной очереди, временно, напр., на годъ, на мѣсто учительницъ; 2) по истеченіи указаннаго срока учащіеся подвергаются экзамену въ присутствіи инспектора народныхъ училищъ, попечителя училищъ и лица, командируемаго Управою, для выясненія успѣшности въ ихъ обученіи; 3) въ присутствіи тѣхъ-же лицъ учительница должна дать два пробныхъ урока. Если присутствующими на экзаменахъ учащихся и на пробныхъ урокахъ учительницъ даны будутъ одобрительные отзывы, то только тогда учительница утверждается штатной преподавательницей; въ противномъ случаѣ вакантное мѣсто предоставляется другой, болѣе этого заслуживающей. И при такой постановкѣ дѣла желающихъ будутъ сотни. Окончившія же учительскія семинаріи, педагогическіе и высшіе женскіе курсы получаютъ мѣста безъ указаннаго испытанія.

Привлечь къ преподаванію въ начальныхъ школахъ лицъ съ большимъ образовательнымъ цензомъ и лучшей практической подготовкой не трудно, такъ какъ вознагражденіе за трудъ достаточное. Въ среднемъ оно не менѣе 900 р. въ годъ. Если преподающій прослужитъ болѣе 10 лѣтъ, если ему поручается завѣдываніе хозяйствомъ училища, преподавать пѣніе, обучать рукодѣлью или иному ручному труду, за что городъ выдаетъ добавочное вознагражденіе, то заработокъ его можетъ достигнуть до 1.300 р. въ годъ, а это даетъ право по пенсіонному уставу чрезъ 15 лѣтъ на половинную пенсію (отъ 225 до 325), а чрезъ 21 годъ на полную пенсію (отъ 450 до 650 р.). Насколько труды преподающаго въ одесскихъ городскихъ народныхъ училищахъ сравнительно хорошо вознаграждается доказываетъ масса подаваемыхъ прошеній о предоставленіи мѣстъ. Въ 1902 г. было всего 20 вакантныхъ мѣстъ, а подано было до 2.000 прошеній. Получившіе мѣста дорожатъ ими, что усматривается изъ того, что изъ числа всѣхъ преподающихъ прослужвшихъ менѣе 5 лѣтъ 43%, а болѣе 5 лѣтъ 57%. Выслужившихъ пенсію, т. е. прослужившихъ болѣе 21 года, насчитывается 14 человѣкъ, причемъ есть лица, прослужившія и болѣе 40 лѣтъ.

Въ отчетѣ Управы за 1902 г. ничего не сказано о заботахъ города по физическому воспитанію учащихся въ начальныхъ училищахъ. Пять лѣтъ тому назадъ практиковалась такъ называемая военная гимнастика. Опытъ нѣсколькихъ лѣтъ показалъ, что такой

способъ физическаго воспитанія, кромѣ вреда, ничего не приноситъ. Военная гимнастика была упразднена. Управа приняла мѣры, чтобы предварительно сами учащіе были достаточно ознакомлены съ раціональными способами физическаго воспитанія и примѣняли-бы ихъ въ школахъ. Проектировались лекціи проф. Лесгафта съ практическими занятіями, но по независящимъ отъ Управы обстоятельствамъ лекціи эти не могли состояться, хотя уже были ассигнованы необходимыя средства, и получено было согласіе проф. Лесгафта пріѣхать въ Одессу съ цѣлью прочесть нужное число лекцій для учителей и учительницъ городскихъ народныхъ школъ. Указанная неудача Управы не должна останавливать ее въ благихъ ея намѣреніяхъ. Возможно, что среди профессоровъ мѣстнаго медицинскаго факультета нашлось-бы лицо, которое взялось-бы за это дѣло. Тогда только теоретически ознакомленный преподаватель народной школы будетъ въ состояніи примѣнять ихъ въ своей школѣ, а тѣмъ самымъ устранитъ и чрезмѣрное утомленіе учащихся умственнымъ трудомъ, введя игры, пѣніе и проч., что всегда оживляетъ уставшій мозгъ и вноситъ должное оживленіе въ самую работу.

Съ сожалѣніемъ нужно упомянуть и о другой неудачѣ Управы по вопросу о физическомъ воспитаніи учащихся—это организація школьнаго врачебнаго надзора въ училищахъ, и не только для поданія необходимой медицинской помощи и для своевременнаго принятія мѣръ къ предохраненію отъ распространенія заразныхъ заболѣваній, но и для постояннаго надзора за состояніемъ здоровья учащихся, школьнаго помѣщенія, классной мебели и проч. Проектировался расходъ на школьный врачебный надзоръ всего 7.700 р., слѣд. около 70 к. на учащагося въ годъ. Если принять во вниманіе, что городъ затрачиваетъ всего 5,9% своего общаго расходнаго бюджета на начальное образованіе, то становится крайне печальнымъ явленіемъ, что Дума отказала въ указанномъ ассигнованіи, ссылаясь на недостатокъ средствъ.

Забота города о помощи бѣднымъ учащимся ограничивается выдачей пособія въ 3.000 р. Обществу вспомоществованія учащимся въ народныхъ училищахъ. По расчету это приходится не болѣе 30 к. на учащагося, а между тѣмъ, напр., въ петербургскихъ народныхъ школахъ такая помощь выражается по 1 р. 20 к. на каждаго учащагося. Городъ обязанъ больше дѣлать въ этомъ направленіи, такъ какъ масса учащихся не знаетъ, что такое горячая пища, а существующее Общество пособія бѣднымъ учащимся въ народныхъ школахъ не въ состояніи много сдѣлать по ограниченности своихъ средствъ.

Расходы города на книги и пособія для школъ нельзя признать

достаточными. На каждый классъ расходуется въ годъ 27 р. 40 к.; изъ нихъ: а) на письменныя классныя принадлежности 4 р. 20 к., б) на періодическія изданія для учащихъ и учащихся 7 р. 20 к., в) на пополненіе ученическихъ и учительскихъ библіотекъ 10 р. и г) на учебныя пособія 6 р.; кромѣ того, на каждое рукодѣльное отдѣленіе при народныхъ школахъ по 27 р. 20 к. Изъ приведеннаго ясно, что, при ассигнованіи 7 р. 20 к. на періодическія журналы для учащихся и учащихъ, невозможно выписать даже по одному журналу, такъ какъ стоимость ихъ, напр., „Родника" не менѣе 6 р. въ годъ. Выходятъ изъ этого положенія только такимъ способомъ, что выписываютъ одинъ экземпляръ для нѣсколькихъ классовъ, что нельзя признать нормальнымъ. На пополненіе ученическихъ и учительскихъ библіотекъ расходъ въ 10 р. совсѣмъ ничтоженъ; малъ также расходъ на учебныя пособія въ 6 р. Такое положеніе дѣла не могло не обратить вниманія города. Въ отчетѣ Управы за 1902 г. приводятся тѣ мѣры, которыя предприняты въ этомъ направленіи. Мѣры эти задуманы городомъ еще года четыре тому назадъ, но привести ихъ въ исполненіе удалось только въ 1902 г. Это—1) организація педагогическаго музея и 2) открытіе центральной библіотеки для учителей и учительницъ учебныхъ заведеній, содержимыхъ на средства города.

Педагогическій музей имѣетъ цѣлью способствовать наилучшей постановкѣ учебнаго дѣла путемъ ознакомленія лицъ, служащихъ дѣлу народнаго просвѣщенія, съ лучшими образцами наглядныхъ учебныхъ и воспитательныхъ пособій, школьной мебели и сочиненіями по всѣмъ отраслямъ педагогической науки, а также путемъ посредничества по снабженію школъ и всякаго рода просвѣтительныхъ учрежденій книгами и учебными пособіями. Онъ долженъ прежде всего удовлетворять потребностямъ начальнаго образованія и, лишь по достиженіи этой главной своей задачи, служить школамъ высшихъ типовъ. Къ 1 января 1903 г. въ педагогическомъ музеѣ числилось учебныхъ пособій 384 названій, стоимостью въ 4.367 р. 64 к.; кромѣ того, въ образцовой школьной библіотекѣ при музеѣ было 688 названій въ 763 томахъ на сумму въ 300 р. и различныхъ образцовъ классной мебели на 300 р. Ежегодно городъ ассигнуетъ на содержаніе музея 1.900 и напополненіе музея 600 р. Вотъ этотъ-то городской педагогическій музей много помогаетъ народнымъ школамъ въ дѣлѣ пользованія учебными пособіями, и указанная ранѣе затрата на учебныя пособія для каждаго класса въ 6 р. окажется уже достаточной, такъ какъ музей можетъ пополнить нужду школы во многихъ учебныхъ пособіяхъ.

Какъ сказано выше, на пополненіе учительскихъ и ученическихъ

библіотекъ, городскихъ народныхъ школъ отпускалось городамъ всего 10 р. въ годъ на каждый классъ. Ничтожность указанной суммы, особенно имѣя въ виду учительскія библіотеки, для которыхъ книги требуютъ не малыхъ расходовъ, побудило городъ организовать центральную библіотеку для учителей и учительницъ, помѣстивъ таковую при городскомъ педагогическомъ музеѣ. Исторія открытія указанной библіотеки имѣетъ общій интересъ, а потому приведемъ то мѣсто отчета городской Управы за 1902 г., гдѣ говорится о ней. Коммиссія, избранная городскою Думою для переработки устава педагогическаго музея, ознакомившись съ дѣятельностью этого музея, остановилась также на слѣдующемъ обстоятельствѣ. Въ помѣщеніи педогогическаго музея находилась довольно богатая библіотека, предназначенная для учителей и учительницъ городскихъ народныхъ училищъ и заключающая въ себѣ съ 1 янв. 1903 г. 1.849 названій въ 2.679 том. стоимостью въ 3.803 р. 7 к., не считая переплетовъ. Все это книжное богатство вовсе не утилизировалось, такъ какъ книги изъ библіотеки не выдавались. Причиной бездѣйствія являлось то обстоятельство, что „Временныя правила“, на основаніи которыхъ музей функціонировалъ, не предусматривали существованія при музеѣ такой библіотеки; между тѣмъ это обстоятельство не могло бы служить препятствіемъ къ открытію дѣйствія собранной уже библіотеки. На городскія общественныя управленія возложено закономъ попеченіе о развитіи народнаго образованія, и учрежденіе библіотеки для учащихъ въ народныхъ училищахъ, содержимыхъ на средства города, какъ имѣющее тѣсное отношеніе къ предоставленному городскимъ учрежденіямъ попеченію о развитіи народнаго образованія, не можетъ быть признана выходящимъ изъ округа вѣдомства городского Общественнаго Управленія, что неоднократно разъяснялось Правительствующимъ Сенатомъ. Въ то же время въ существующихъ законоположеніяхъ нѣтъ никакихъ ограниченій, касающихся пользованія учителями и учительницами народыхъ школъ книгами, разрѣшенными, конечно, общей цензурой, изъ какихъ бы то ни было библіотекъ, содержимыхъ-ли частными лицами, или учрежденіями, находящимися внѣ училищъ. Такого рода учительскія библіотеки какъ со спеціальнымъ педагогическимъ отдѣломъ, такъ и съ общими отдѣлами организованы, напр., Воронежскимъ, Херсонскимъ и др. земствами и безпрепятственно существуютъ въ настоящее время. Руководящее подтвержденіе компетенціи земскихъ и городскихъ общественныхъ учрежденій въ дѣлѣ организаціи библіотекъ для учителей и учительницъ дано Правительственнымъ Сенатомъ въ указѣ его 11 мая 1898 г. по жалобѣ Воронежской губернской Земской Управы на постановленіе губерн-

скаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія. Въ означенномъ указѣ Сенатъ, разсмотрѣвъ дѣло, нашелъ: 1) что по X ст. 2 Полож. о земскихъ учрежденіяхъ на земскія учрежденія возложены заботы о развитіи средствъ народнаго образованія; при чемъ въ законѣ не содержится никакихъ ограничительныхъ указаній на тѣ средства, путемъ которыхъ земства могутъ осуществлять упомянуныя заботы; 2) что однимъ изъ условій развитія средствъ народнаго образованія, несомнѣнно, является предоставленіе учителямъ земскихъ школъ возможности получать книги для чтенія, съ цѣлью удовлетворенія своихъ духовныхъ и умственныхъ потребностей и вообще повышенія уровня своего умственнаго развитія; 3) что, предполагая для объясненной цѣли устраивать библіотеки при уѣздныхъ управахъ или поручить выдачу книгъ учителямъ изъ какой-либо уже существующей въ уѣздѣ библіотеки, не касаясь въ то же время библіотекъ, находящихся при народныхъ училищахъ, Воронежское Губернское Земство состоявшимся въ этомъ смыслѣ постановленіемъ не могло нарушить § 19 Высочайше утвержденной 29 октября 1871 г. инструкціи инспекторамъ народныхъ училищъ, въ которой говорится лишь объ учрежденіи при народныхъ училищахъ такъ называемыхъ „учительскихъ библіотекъ", и 4) что ни въ § 19 упомянутой инструкціи, ни въ какомъ либо другомъ законѣ не содержится требованія, чтобы учителя народныхъ училищъ не имѣли права, для удовлетворенія своихъ умственныхъ потребностей, пользоваться книгами изъ другихъ библіотекъ, помимо библіотекъ при народныхъ училищахъ. Въ виду этого, Правительственный Сенатъ подтвердилъ законность дѣйствій земскаго собранія, рѣшившаго учредить внѣшкольныя библіотеки для учителей и учительницъ земскихъ школъ.

На основаніи изложеннаго, коммиссія предложила городской Думѣ просить Управу немедленно открыть дѣйствія библіотекъ для безплатнаго пользованія учителями и учительницами учебныхъ заведеній, содержимыхъ на средства города и озаботиться пополненіемъ ея книгами къ началу предстоящаго учебнаго года (1902/03 г.), разрѣшивъ израсходовать на этотъ предметъ до 500 р. изъ остатковъ суммъ по народному образованію, и затѣмъ поручить Управѣ вносить ежегодно въ смѣту необходимыя суммы на пополненіе этой библіотеки. Городская Дума, выслушавъ докладъ коммиссіи объ открытіи библіотеки, руководствуясь п. п. IX и X ст. 2 Город. Полож. и указомъ Правительственнаго Сената отъ 11 мая 1898 г. за № 5.218, постановила принять всѣ вышеуказанныя предложенія коммиссіи.

При открытіи библіотеки для учителей и учительницъ город-

скихъ народныхъ школъ отпускаемая сумма на пополненіе учительскихъ и ученическихъ библіотекъ въ размѣрѣ 10 р. на каждый классъ могла быть израсходована исключительно на пополненіе только ученическихъ библіотекъ, что, разумѣется, должно было отразиться на улучшеніи указанныхъ библіотекъ. Для того же, чтобы еще улучшить дѣло пополненія ученическихъ библіотекъ, не увеличивая ассигнованія, можно было бы предложить организовать дѣло пополненія этихъ библіотекъ на иныхъ началахъ, чѣмъ практикуется въ настоящее время, и тѣмъ самымъ достигнуть болѣе желательныхъ результатовъ. Слѣдуетъ только сконцентрировать ученическія библіотеки для нѣсколькихъ одноклассныхъ народныхъ училищъ въ одномъ мѣстѣ, при одномъ изъ училищъ. Есть такіе районы города, гдѣ нѣсколько училищъ, съ десятками классовъ, сгруппированы близко другъ отъ друга. Предположимъ, что такихъ классовъ 30. Тогда, имѣя на каждый классъ по 10 р., получимъ сумму въ 300 р., на которую можно пріобрѣсти достаточно книгъ, благо онѣ не дороги, а затѣмъ производить ежемѣсячно, или въ два мѣсяца разъ, обмѣнъ книгъ между училищами. При пополненіи ученической библіотеки каждаго класса, какъ практикуется теперь, на 10 р. всѣ могутъ пріобрѣсти не болѣе 50 книгъ, считая каждую въ среднемъ по 20 к. Пріобрѣтенныя 50 книгъ будутъ прочтены учащимися мѣсяца въ 2, а впереди еще долгій учебный годъ, а книгъ для чтенія нѣтъ. При указанномъ же обмѣнѣ книгами неудобство это устраняется. Кромѣ того, при затратѣ сразу 300 р. для даннаго числа классовъ, книги могутъ быть пріобрѣтены и болѣе дорогія и болѣе разнообразныя.

Къ 1 января 1903 г. городскія народныя училища располагаютъ книгами на 20.147 р. 52 к. и учебными пособіями на 8.727 р. 31 к.

Такимъ образомъ, городскія народныя школы не бѣдны книгами въ библіотекахъ и учебными пособіями.

Въ общемъ это выразится такъ:

1. Книгъ въ ученическихъ библіотекахъ при училищахъ на	20.147	р.	52
2. Учебныхъ пособій при училищахъ	8.727	р.	31
3. Книгъ въ центральной учительской библіотекѣ	3.803	р.	07
4. Разныхъ учебныхъ пособій въ педагогич. музеѣ	5.000	р.	—
Всего .	37.677	р.	90 к.

На пополненіе ежегодно городомъ расходуется:

1. На ученическія библіотеки и учебныя пособія при училищахъ . . . . 6.950 р.

2.	На центральную учительскую библіотеку . . .	500 р.
3.	На пособія для педагогич. музея	600 р.
	Итого . .	8.050 р.

Для учащихся во всѣхъ городскихъ народныхъ училищахъ городъ устраиваетъ обыкновенно рождественскія праздничныя развлеченія, ассигнуя на это 1.500 р. Устраиваются елки, происходятъ чтенія, показываются свѣтовыя картины, организуются живыя картины, поетъ ученическій хоръ и проч. Во время празднества играетъ и музыка, а дѣтямъ раздаются лакомства и недорогіе подарки.

Еще въ 1898 г. городская Управа возбудила вопросъ объ учрежденіи должности инспектора народныхъ училищъ по выбору городского общественнаго управленія, съ содержаніемъ изъ городскихъ средствъ, для завѣдыванія учебнымъ дѣломъ городскихъ народныхъ училищъ. Управа усматривала, что правительственному инспектору народныхъ училищъ нѣтъ никакой возможности сколько-нибудь правильно слѣдить за ходомъ учебнаго дѣла въ городскихъ школахъ, такъ какъ ему подчинены, кромѣ 250 городскихъ классовъ народныхъ училищъ съ воскресными школами, еще городскія по положенію 1872 г. училища, частныя училища 1-го, 2 го и 3-го разрядовъ, училища при церквахъ иностранныхъ исповѣданій, казенныя и общественныя еврейскія училища, вечерніе курсы при училищахъ, ремесленныя, техническія и профессіональныя училища, а всего съ городскими народными училищами до 400 училищъ. Если принять во вниманіе, что въ теченіе года учебныхъ дней не болѣе 200, то окажется, что инспекторъ отъ правительства не имѣетъ возможности даже по одному разу въ теченіе года посѣтить училища, такъ какъ изъ 400 подчиненныхъ ему училищъ многія 6, 4, 3 и 2-хклассныя и только начальныя училища одноклассныя. Но если даже онъ умудрится побывать во всѣхъ, что онъ обязанъ сдѣлать въ теченіе учебнаго года, то какой же это будетъ надзоръ за учебной частью, въ особенности въ начальныхъ училищахъ?

Предположеніе Управы о выборѣ инспектора городскимъ Общественнымъ Управленіемъ для городскихъ начальныхъ училищъ не было даже доложено Думѣ, такъ какъ оказывается, что законъ не дозволяетъ городскимъ общественнымъ управленіямъ выборъ и увольненіе инспектора, хотя бы городъ и принялъ на себя всѣ расходы по содержанію инспектора.

Въ 1901 г. городская Дума, желая улучшить контроль по учебной части въ своихъ начальныхъ училищахъ, имѣя въ виду, между прочимъ, малый процентъ оканчивающихъ курсъ и большой выбывающихъ до окончанія курса, подняла вопросъ объ учрежденіи при

Управѣ, въ ея отдѣленіи по народному образованію, должности эксперта по учебной части, поручивъ Управѣ представить по этому вопросу докладъ въ Думу.

Въ отчетѣ за 1902 г. ничего не сказано по этому вопросу, а слѣдовательно, надо думать, что Управа постановленій Думы не исполняла въ теченіе 1902 года. Не отрицая пользы отъ учрежденія должности эксперта по учебной части, мы думаемъ, что необходимо городской Думѣ возбудить ходатайства объ организаціи, по примѣру Петербурга и Москвы, Коммиссіи по народному образованію, куда вошли бы и эксперты по учебной части, и школьные врачи, и архитекторы, и гласные по выбору Думы. Указанное ходатайство имѣетъ много шансовъ быть удовлетвореннымъ, если принять во вниманіе то законоположеніе, по которому для Петербурга, Москвы и Одессы введены однообразной организаціи Училищные Совѣты подъ предсѣдательствомъ городскихъ головъ.

Вызвано было это законоположеніе количествомъ школъ въ указанныхъ городахъ по начальному образованію. Примѣры Петербурга и Москвы ясно говорятъ, насколько полезны указанныя коммиссіи, а Одесса въ дѣлѣ начальнаго образованія и затратъ на него занимаетъ видное мѣсто, а потому организація Коммиссіи по народному образованію—назрѣвшая потребность.

По отношенію къ воскреснымъ школамъ отчетъ Управы за 1902 г. дастъ такія данныя.

Въ Одессѣ числится 4 городскихъ воскресныхъ школы въ чертѣ города и 2 въ пригородныхъ селахъ, всего 6; частныхъ же воскресныхъ школъ, содержаніе которыхъ городъ принялъ на себя, всего 3. Итого всѣхъ воскресныхъ школъ 9; изъ нихъ 5 мужскихъ и 4 женскихъ.

Въ воскресныхъ школахъ въ чертѣ города (7) было 85 преподающихъ и 1.523 учащихся, въ среднемъ на каждую по 12 преподающихъ и по 218 учащихся. Въ сельскихъ (2) было 6 преподающихъ при 75 учащихся, въ среднемъ на каждую по 3 преподающихъ при 37 учащихся. Наибольшій процептъ учащихся въ возрастѣ отъ 12 до 20 лѣтъ, по сельскому положенію—холосты и незамужнія, по сословію—мѣщане, по роду занятій—ремесленники и фабричные рабочіе и по степени грамотности—малограмотные, побывавшіе, но не окончившіе народной школы.

Въ городскихъ школахъ въ чертѣ города трудъ преподающаго вознаграждается по 1 р. за каждый часъ работы, въ сельскихъ же и частныхъ воскресныхъ школахъ трудъ преподающаго не оплачивается: тамъ люди работаютъ изъ любви къ дѣлу безвозмездно. Эта-то любовь къ дѣлу отражается и на числѣ учащихся: въ то время

какъ въ 4-хъ городскихъ воскресныхъ школахъ, гдѣ трудъ преподающаго оплачивается, числится всего 427 учащихся, или по 107 ч. на каждую, въ 3-хъ частныхъ воскресныхъ школахъ, гдѣ трудъ преподающаго не оплачивается, числится 1.096 учащихся, или по 365 на каждую.

Расходы города по воскреснымъ школамъ выражаются:

Въ 4-хъ школахъ въ чертѣ города (городскія), по 1.000 р. на каждую	4.000 р.
„ 2-хъ школахъ въ селахъ, по 150 р. на каждую	300 р.
„ 3-хъ частныхъ школахъ (пособіе) по 416 р. 66 на каждую	1.250 р.
Всего . .	5.550 р. —

Опытъ нѣсколькихъ лѣтъ показываетъ, что было бы возможно суммы, отпускаемыя на содержаніе городскихъ воскресныхъ школъ въ чертѣ города, по 1.000 р. на каждую въ годъ, немного сократимъ. По отчету Управы видно, что 1.000 р. распредѣляются:

На вознагражденіе преподающихъ	718 р. 62
На прислугу	27 р. —
На учебныя пособія и книги	170 р. 44
На хозяйственные и канцелярскіе	52 р. 92
На устройство празднествъ	31 р. 02
	1.000 р. —

(Всѣ воскресныя школы помѣщаются въ училищныхъ зданіяхъ, пользуется, слѣдовательно, безвозмездно помѣщеніемъ, учебными пособіями и библіотекой училища).

Статью расхода на вознагражденіе труда преподающихъ возможно было сократить, ввидя такую норму: 5 преподающимъ по 2 р., а всего 10 р., а за 30 воскресныхъ дней въ году всего 300 р.; законоучителю за 30 уроковъ, по 1 р. 50 к., всего 45 р., а всего учащимъ 345 р.; остальные расходы по школѣ—355 р., а всего въ годъ 700 р. Такимъ образомъ, остается сбереженіе каждой школы по 300 р.; а отъ всѣхъ 4—1.200 р. На указанныя сбереженія, съ добавкой всего 200 р., можно открыть 2 новыя воскресныя школы, въ чемъ уже давно ощущается необходимость, т. е. въ настоящее время, какъ указано выше, въ частныхъ воскресныхъ школахъ приходится по 365 ч. на каждую. Обстоятельства дѣла указываютъ, что городу слѣдуетъ приравнять сельскія воскресныя школы къ городскимъ и оплачивать въ сельскихъ школахъ трудъ преподающаго такъ же, какъ практикуетъ городъ въ школахъ въ чертѣ города. От-

четъ Управы за 1902 указываетъ, что „для мужской воскресной школы въ селѣ Усатовѣ обстоятельства сложились въ отчетномъ году крайне неблагопріятно: за отсутствіемъ лицъ, могущихъ удѣлить часть своего времени этой школѣ, занятія въ ней должны были прекратиться въ октябрѣ". А между тѣмъ въ томъ же отчетѣ указано, что желающихъ посѣщать воскресную школу было 37 ч., что для села достаточно. Воскресная школа тоже начальная школа для взрослыхъ, какъ и народная для дѣтей школьнаго возраста. Она имѣетъ утвержденную программу и подчинена тому же Училищному Совѣту, какъ и начальная для дѣтей. Оканчивающіе въ ней курсъ пользуются правами на льготу по воинской повинности. Между тѣмъ въ Одессѣ ни одна изъ воскресныхъ школъ не даетъ выпусковъ, не производитъ экзаменовъ. Въ Петербургѣ, напр., до 100 ч. оканчиваютъ воскресныя школы, а, слѣдовательно, получаютъ право на льготу по воинской повинности. Вотъ почему желательно было бы не только увеличить число школъ, но принять нужныя мѣры къ тому, чтобы для желающихъ были бы установлены экзамены и выдача свидѣтельствъ объ успѣшномъ окончаніи курса обученія въ воскресной школѣ.

Кромѣ воскресныхъ школъ, городъ сдѣлалъ опытъ организаціи вечернихъ школъ для взрослыхъ. Такая школа была открыта въ селѣ Нерчбольскомъ въ помѣщеніи городского народнаго училища. Занятія происходили 4 раза въ недѣлю съ 5 до 9 ч. вечера. Учащихся было 69 ч. На содержаніе указанной школы городъ отпускаетъ 350 р. въ годъ, изъ которыхъ 200 р. на вознагражденіе преподавателямъ, завѣдывающимъ школой и 150 р. на книги и проч. Я думаю, что въ вечерней школѣ для взрослыхъ, столь успѣшно функціонировавшей въ первый годъ своего существованія, слѣдовало бы не только вознаграждать трудъ завѣдывающаго школой, но и остальныхъ преподавателей, имѣя въ виду указанный ранѣе фактъ закрытія Усатовской воскресной школы.

Отчетъ Управы за 1902 г. даетъ нижеслѣдующія данныя о внѣшкольномъ образованіи.

Народныхъ читаленъ-библіотекъ въ Одессѣ всего 3, т. е. одна читальня на 150.000 жителей. Если принять во вниманіе, что изъ городской публичной библіотеки книгъ на домъ не выдаютъ, что въ Одессѣ нѣтъ ни одной общественной библіотеки, то народныя читальни-библіотеки являются единственными учрежденіями для многочисленнаго грамотнаго рабочаго люда къ возможному полученію безвозмездно для прочтенія книги на домъ. Увеличеніе числа читаленъ-библіотекъ давно назрѣвшая потребность трудящагося класса населенія Одессы. Народная школа для дѣтей и воскресная или ве-

черняя для взрослыхъ — могучія орудія въ распространеніи грамотности среди народа. Но грамотенъ не тотъ человѣкъ, кто *умѣетъ читать*, а тотъ, кто дѣйствительно *читаетъ*, кто привыкъ въ хорошей книгѣ находить и отдыхъ и поученіе въ вопросахъ практическихъ, и нравственное руководство для жизни. Читальня-библіотека даетъ возможность не только читать книги въ самой читальнѣ, но и получать ее на домъ, если посѣщать читальню у рабочаго человѣка времени нѣтъ. Взрослый ремесленникъ или торговецъ, окончившій работу въ 6—7 ч. вечера, рѣдко пойдетъ въ читальню; ему нуженъ отдыхъ дома, въ семьѣ. Если онъ дѣйствительно грамотный человѣкъ и успѣлъ полюбить книжку—найти книжку дома у себя для него истинное благодѣяніе. Если онъ утомленъ дневной работой, ему почитаетъ вслухъ сынъ или дочь, посѣщающіе народную школу. По назрѣла-ли потребность у городского рабочаго къ чтенію? Отвѣтомъ могутъ служить нижеслѣдующія данныя, извлекаемыя изъ Отчета Управы за 1902 г.

Городскія читальни-библіотеки открыты въ теченіе года 350 дней отъ 12 ч. дня до 9 ч. вечера, а въ праздники до 10 ч. вечера. По отчету 1902 г. записалось для чтенія въ читальнѣ въ 3-хъ читальняхъ 17.817 г., или по 5.939 ч. въ каждой, при чемъ 80% мужчинъ и 20% женщинъ. По возрасту изъ указаннаго числа приходится на подростковъ до 16 лѣтъ—53.8% и на взрослыхъ 46,2%. По роду занятій большинство составляютъ учащіеся, а меньшинство ремесленники и вообще люди, живущіе своимъ трудомъ. Указанное число записавшихся (17.817) сдѣлало въ теченіе года 94.219 посѣщеній, что составитъ на каждую читальню по 31.409 г. Во время указанныхъ посѣщеній выдано было книгъ для чтенія въ читальнѣ 129.328, или по 43.109 книгъ на каждую. Въ среднемъ ежедневно выдавалось болѣе 20 книгъ въ каждой читальнѣ.

Если теперь сравнить Одессу съ Петербургомъ, то окажется, что и въ Петербургѣ, какъ и въ Одессѣ, 1 читальня приходится на 150.000 жителей, что записей въ петербургскихъ читальняхъ было всего 14.009, значитъ менѣе, чѣмъ въ одесскихъ (17.817), что число взрослыхъ посѣтителей было 30%, а въ Одессѣ 46,2%; но преимущество петербургскихъ читаленъ то, что ремесленниковъ и другихъ рабочихъ было 40%, а въ Одессѣ всего 10%. Что касается сдѣланныхъ посѣщеній въ читальнѣ, то опять Одесса ихъ имѣла болѣе Петербурга, а именно при 94.219 посѣщеніяхъ въ Одессѣ (по 31.409 на каждую читальню) въ Петербургѣ всего 82.174 (по 13.695 на каждую читальню), при этомъ книгъ было выдано въ Одессѣ 129.328 (по 43.109 на читальню и по 200 въ день), а въ Петербургѣ книгъ было выдано 116.181 (по 19.363 на читальню и по 66 кн. въ день).

Все это ясно указываетъ, что читаленъ въ Одессѣ недостаточно и существующія три переполнены, а зачастую не могутъ вмѣстить всѣхъ желающихъ посѣтить ее, такъ что администраціи читаленъ приходится устраивать очереди.

Теперь обратимся къ читальнямъ, какъ библіотекамъ, изъ которыхъ книги выдаются на домъ для прочтенія. Въ Одессѣ въ трехъ читальняхъ-библіотекахъ записалось на полученіе книгъ на домъ 4.121 ч., въ среднемъ по 1.374 на читальню, а въ петерб. читальняхъ по 610 на читальню, причемъ изъ числа читателей на дому процентъ взрослыхъ въ петерб. читальняхъ немного большій, чѣмъ въ одесскихъ, и при томъ онъ является преобладающимъ надъ процентомъ малолѣтнихъ. Въ Одессѣ явленіе совершенно обратное. Въ одесскихъ читальняхъ между читателями на дому малолѣтніе почти всѣ учащіеся въ народныхъ училищахъ, а въ петерб. читальняхъ наибольшій элементъ учащихся приходится на средне-учебныя заведенія. Надо думать, что начальныя училища Петербурга лучше обставлены собственными библіотеками для учащихся, которымъ поэтому и нѣтъ надобности обращаться въ народную читальню-библіотеку (объ ученическихъ библіотекахъ одесскихъ городскихъ народныхъ училищъ было сказано ранѣе). Въ петерб. читальняхъ изъ числа читателей на дому ремесленники составляютъ 30%, а вмѣстѣ съ другими лицами, живущими своимъ трудомъ, 50%, а въ одесскихъ читальняхъ этотъ контингентъ лицъ достигаетъ только 10%. Число выданныхъ книгъ на домъ на каждую читальню-библіотеку Петербурга приходится 11.227 въ годъ, въ среднемъ по 33 книги въ день, а въ одесскихъ 22.392 въ годъ, при 46 кн. въ день.

Всѣ вышеприведенныя данныя и сравненіе ихъ съ аналогичными данными петерб. читаленъ-библіотекъ приводятъ къ мысли, что въ Одессѣ большая потребность въ этихъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ, и существующихъ трехъ читаленъ-библіотекъ слишкомъ мало при 450.000 населеніи.

На содержаніе читаленъ-библіотекъ городъ затрачиваетъ 15.573 р., а на каждую 5.191 р. въ годъ.

Другимъ городскимъ учрежденіемъ для внѣ-школьнаго образованія служитъ аудиторія для народныхъ чтеній и систематическихъ общедоступныхъ лекцій. На сколько разнообразна дѣятельность аудиторіи, усматривается изъ отчета Управы за 1902 г. Въ теченіе указаннаго года въ аудиторіи было устроено:

1) 98 лекцій	съ 52.475 посѣт.,	по	536 ч. на кажд.
2) 76 уроковъ	„ 4.316 „	„	57 ч. „ „
3) 5 развлеченій для учащихся въ народн. училищахъ .	„ 6.041 „	„	1.208 ч. „ „

4) 2 праздника нар. училищъ. „	1.488	„ „	744 ч.	„ „
5) 1 актъ народ. училищъ . „	1.277	„ „	1.277 ч.	„ „
6) 1 народный вечеръ . . . „	916	„ „	916 ч.	„ „
7) 30 драматич. вечеровъ. . „	24.315	„ „	810 ч.	„ „
8) 25 народныхъ чтеній . . „	11.523	„ „	461 ч.	„ „
9) 4 чтенія былинъ. . . . „	2.297	„ „	574 ч.	„ „
10) 8 посѣщеній учебн. заведеніями . . . . „	392	„ „	49 ч.	„ „
250	105.040		420	

Всего 250 чтеній, развлеченій и зрѣлищъ, на которыхъ перебывало 105.040 ч., или въ среднемъ по 420 ч. на каждомъ. Плата взимается только за посѣщеніе лекцій, уроковъ, а также драматическихъ вечеровъ. На лекціяхъ и урокахъ взимается за разные билеты по 5 к., за курсъ по одному предмету 50 к., за полный курсъ по всѣмъ предметамъ—3 р. Освобожденіе отъ платы примѣняется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Лекціи и уроки ведутся особымъ лекціоннымъ комитетомъ, образовавшимся при городской аудиторіи изъ профессоровъ мѣстнаго университета, преподавателей разныхъ учебныхъ заведеній и др. лицъ. Всѣ члены лекціоннаго комитета несутъ свой трудъ безплатно. Лекціи и уроки посѣщаются очень охотно, что видно изъ того, что въ 1902 г. записалось на слушаніе ихъ 1.463 м. и 544 ж. а всего 2.007.

На драматическихъ вечерахъ, которыми завѣдуетъ особый комитетъ по выбору городской Думы, плата взимается отъ 5 к. до 1 р.

Городъ расходуетъ на содержаніе аудиторіи:

1.	На организаціи лекцій	15.632 р.
2.	„ „ „ безпл. народ. чтеній.	2.000 р.
3.	„ „ „ драмат. вечеровъ .	3.300 р.
	Всего . .	20.932 р.

Дѣло поставлено хорошо и приноситъ много добра и пользы трудящемуся люду. Было бы желательно уничтоженіе дохода отъ аудиторіи въ суммѣ 1.000 р., которые поступаютъ въ городскую кассу на общегородскія нужды. Если принципіально слѣдуетъ получать доходъ, то онъ всецѣло долженъ принадлежать аудиторіи и расходоваться или на вознагражденіе труда лекторовъ, или на изданія тѣхъ лекцій, которыя произносятся въ аудиторіи. Тогда и не посѣтившій аудиторію найдетъ возможнымъ ознакомиться съ тѣми идеями, мыслями и знаніями, которыя аудиторія распространяетъ среди посѣтителей ея.

Кромѣ указаннаго городъ поддерживаетъ распространеніе начальнаго образованія, выдавая пособія: 1) Церковно-приходскимъ школамъ—2.000 р. 2) Школѣ при тюрьмѣ—600 р. 3) Женскому благотворительному Обществу на содержаніе мужской и женской начальныхъ школъ—1.624 р. 4) Исправительному пріюту для малолѣтнихъ преступниковъ на содержаніе начальной школы—1.000 р. и на стипендіи 422 р. 58 к. 5) Обществу садоводства на содержаніе начальной школы 2.170 р. 7) Пріюту неимущихъ для найма помѣщенія подъ школу, сверхъ содержанія 2-хъ классовъ народныхъ училищъ, 700 р. Всего на начальное образованіе было израсходовано въ 1902 г. 361.172 р. 08 к., что составляетъ, какъ сказано выше, 5,9% общаго расходнаго бюджета города.

Перейдемъ теперь къ затратамъ города на среднее образованіе. Городъ исключительно на свои средства содержитъ 2 женскія 8-ми классныя гимназіи съ параллельными классами при 23 классахъ, взимая за право ученія во всѣхъ классахъ до 8-го по 65 р. въ годъ а въ 8-мъ—100 р. Всѣхъ учащихся было 900. Расходъ города на содержаніе указанныхъ 2-хъ женскихъ гимназій выразился въ 1902 г. въ 73.531 р. 99 к.; на покрытіе этого расхода городъ употребилъ полученную сумму въ 50.458 р. отъ платы за ученіе и выдалъ, согласно постановленію городской Думы, еще 23.073 р. 99 к. изъ общихъ городскихъ средствъ. Такимъ образомъ, одна ученица, если принять во вниманіе стоимость помѣщенія (обѣ гимназіи помѣщаются въ городскихъ зданіяхъ) обходится городу около 100 р., а одна окончившая 8 классовъ въ 573 р. Дѣло преподаванія поставлено вполнѣ хорошо, чему доказательствомъ служатъ, между прочимъ, указанныя въ отчетѣ Управы цыфры оканчивающихъ (17%) и цыфры выбывающихъ до окончанія курса (5,4%). Нельзя не пожалѣть, что плата за ученіе еще высока, достигая 65 р. въ семи классахъ и 100 р. въ 8-мъ; но городъ большаго не можетъ сдѣлать для средняго женскаго образованія, а Министерство Народнаго Просвѣщенія не принимаетъ никакого участія въ расходахъ по содержанію не только городскихъ женскихъ гимназій, но и всѣхъ остальныхъ женскихъ гимназій г. Одессы, которыя существуютъ исключительно на средства, получаемыя отъ платы за право ученія, причемъ плата эта доведена до 200 р. въ годъ. Въ то же время Министерство Народнаго Просвѣщенія содержитъ на общегосударственныя средства 5 мужскихъ съ параллельными классами гимназій и реальное училище. Почему подростающее женское поколѣніе не должно быть въ такомъ же положеніи, какъ мужское, почему оно должно оплачивать свое образованіе въ два-три раза дороже, чѣмъ мужское—совершенно непонятно. Почему воспитаніе мальчика обхо-

дится въ 65-70 р. въ годъ, а дѣвочки, кромѣ городскихъ женскихъ гимназій, гдѣ плата та-же, что и въ мужскихъ министерскихъ гимназіяхъ, обходится до 200 р. въ годъ? Вѣдь только 900 дѣвочекъ могутъ быть приняты въ городскія женскія гимназіи, а для остальныхъ тысячъ остаются гимназіи (такихъ гимназій 7, всѣ онѣ пользуются правами министерскихъ гимназій) съ платой отъ 75 до 200 р. въ годъ. Какой нуженъ заработокъ родителямъ, чтобы воспитывать своихъ дѣтей при указанной платѣ! Правильный и желательный былъ бы тотъ выходъ, чтобы Министерство Народнаго Просвѣщенія удѣляло и для женскихъ гимназій хоть какія-либо средства, а не предоставляло ихъ только частной иниціативѣ. Недавно бывшій въ Одессѣ на открытіи женскихъ педагогическихъ курсовъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія Лукьяновъ въ своей рѣчи, между прочимъ, выразилъ пожеланіе о томъ, чтобы Общество побольше приходило на помощь Министерству Народнаго Просвѣщенія, такъ какъ Министерство, при всѣхъ своимъ искреннихъ желаніяхъ, не въ состояніи, по ограниченности отпускаемыхъ въ его распоряженіе средствъ, многое и необходимое сдѣлать. Мысль вполнѣ правильная; но Одесса, пожалуй, единственный городъ въ Россіи съ 450.000 населеніемъ, гдѣ Министерство Народнаго Просвѣщенія ни копейки не затрачиваетъ на среднее женское образованіе, предоставляя его или частной или общественной иниціативѣ. Городъ въ состояніи отпускать на содержаніе своихъ женскихъ гимназій пособія до 23.000 р. въ годъ въ добавленіе къ суммѣ, получаемой за право ученія, что составитъ около 1.000 р. на классъ, и только при этомъ условіи установить размѣръ платы за ученіе 65 р. въ годъ, т. е. такую же плату, какъ въ мужскихъ казенныхъ гимназіяхъ. Гимназіи же, открытыя частными лицами и выхлопотавшія себѣ права министерскихъ гимназій, должны всѣ расходы по содержанію гимназіи покрывать изъ суммъ, получаемыхъ за право ученія. Отсюда и естественное повышеніе размѣра платы за право ученія. Нормировать это дѣло въ интересахъ населенія Министерство Народнаго Просвѣщенія могло бы, отпуская на каждую изъ 7 существующихъ въ Одесѣ частныхъ женскихъ гимназій, съ правами министерскихъ, пособія въ размѣрѣ по 2.000 р. на классъ. Только тогда Министерство Народнаго Просвѣщенія, давши права и пособіе данной гимназіи, могло бы потребовать пониженія размѣра платы за ученіе, доведя таковую до той нормы, которая существуетъ въ Одессѣ для городскихъ женскихъ гимназій.

Въ Одессѣ числится 3 городскихъ 6-ти классныхъ училища, съ параллельными классами по положенію 1872 г., при чемъ для одного изъ нихъ городъ построилъ зданіе въ 60.000 р. и выдаетъ ежегодно

пособіе въ 900 р. на расходы по содержанію домовой церкви, остальные же расходы по этому училищу производятся изъ такъ называемыхъ спеціальныхъ средствъ училищъ, т. е. получаемыхъ отъ взноса платы за право ученія. Два остальныхъ училища, одно имени почетнаго гражданина города Ефрусси и другое имени бывшаго городского головы Лигина, содержатся какъ на городскія средства, такъ и на средства отъ платы за право ученія. Хотя указанныя училища и называются городскими, но городъ играетъ роль только учрежденія, дающаго пособіе, т. к. онъ устраненъ отъ расходованія спеціальныхъ средствъ училища. Назначеніе размѣра платы за ученіе, получаемые остатки отъ спеціальныхъ средствъ училища находятся въ распоряженіи не города, а учебной администраціи. По училищу „Ефрусси", напр., остатокъ отъ спеціальныхъ средствъ къ 1902 г., было 11.469 р. 41 к., который сдавался училищемъ въ казначейство. Еще въ 1899 г. городъ, усмотрѣвъ, что плата за ученіе повышена въ училищѣ до 29 р. въ годъ и что остатки училища составляютъ до 14.000 р., возбудилъ ходатайство о ненормальности такого порядка, ссылаясь на то, что при открытіи этого училища въ 1882 г. плата за ученіе была опредѣлена городомъ въ 6 р. съ учащагося, при томъ, согласно законоположенію, съ согласія г. попечителя учебнаго округа, который въ своемъ отношеніи въ Управу говорилъ: „Такъ какъ содержаніе училища принялъ на себя городъ безъ всякаго пособія со стороны казны, то и всѣ должные расчеты по содержанію училища, согласно штатному назначенію, имѣютъ быть производимы тѣмъ способомъ, какой будетъ признанъ Управою болѣе цѣлесообразнымъ". Между тѣмъ, безъ вѣдома Управы, плата за ученіе постепенно повышалась и достигла 29 р. въ годъ, при чемъ въ 1899 году накопилось остатковъ отъ этихъ средствъ до 14.000 р. Всѣ расходы по училищу, достигшіе въ 1899 году до 22.000 р., производились безъ всякаго вѣдома и участія городской Управы. Указанное ходатайство города имѣло одинъ только результатъ: согласно распоряженію г. попечителя учебнаго округа плата за ученіе понижена была съ 29 до 20 р. Ходатайство же города о поступленіи всѣхъ суммъ, получаемыхъ за право ученія, въ городскую кассу, было отклонено. Имѣя въ виду дать большій доступъ къ обученію въ училищахъ, а этого достигнуть можно только пониженіемъ платы за ученіе, городъ возбудилъ новое ходатайство, представивъ проектъ смѣты по содержанію училища и опредѣляя размѣръ платы за ученіе не болѣе 15 р. въ годъ, а также вновь настаивалъ на возстановленіи даннаго городу права при открытіи училища, чтобы суммы отъ платы за ученіе поступали въ городскую кассу, чтобы городу принадлежало право участія въ расходованіи указанныхъ суммъ и въ установле-

нiи размѣра платы за ученiе. И вотъ, несмотря на то, что права, данныя городу при открытiи училища не были отняты какимъ-либо распоряженiемъ правительственной власти, городъ не можетъ пользоваться тѣмъ, что принадлежитъ ему по праву. Какого-либо общаго законоположенiя не было; городъ, содержа 2 городскихъ женскихъ гимназiи, оказывается полнымъ хозяиномъ, такъ какъ суммы отъ платы за ученiе поступаютъ въ городскую кассу и расходуются согласно смѣтамъ, составленнымъ исполнительнымъ органомъ города—Попечительнымъ Совѣтомъ городскихъ женскихъ гимназiй, избираемымъ городскою Думою. Такое нарушенiе правъ города по отношенiю къ городскимъ 6-тиклассным училищамъ, по положенiю 1872 г., заставитъ городъ совсѣмъ отказаться отъ расходовъ по содержанiю ихъ, предоставивъ ихъ заботамъ правительства, а освобождаемыя такимъ образомъ суммы затрачивать на начальное образованiе, что и составляетъ его первѣйшую обязанность. Шестиклассныя городскiя училища, по положенiю 1872 г., давно нуждаются въ коренной реформѣ, такъ какъ оканчивающiе въ нихъ курсъ совершенно являются не подготовленными къ какой-либо общественной работѣ. Годъ тому назадъ прошелъ слухъ о реформѣ ихъ, но затѣмъ все осталось по прежнему. На содержанiе городскихъ 6 классныхъ училищъ, по положенiю 1872 г., городъ затрачиваетъ около 23.000 р. Освобождая себя отъ такого расхода, въ виду устраненiя отъ участiя въ расходованiи отпускаемыхъ суммъ, городъ получилъ бы нужныя средства для расширенiя начальнаго образованiя.

Къ числу расходовъ города на среднее образованiе нужно отнести еще: 1) пособiе Одесской 4-ой мужской гимназiи въ суммѣ 5.460 р. 65 к. Городское Общественное Управленiе возбудило уже ходатайство о прекращенiи указаннаго пособiя; такъ какъ въ настоящее время нѣтъ никакихъ основанiй къ продолженiю его; 2) пособiе реальному училищу Св. Павла достигаетъ 8.000 р., причемъ городъ пользуется правомъ имѣть 10 городскихъ стипендiатовъ. Училище это могло бы обойтись и безъ указаннаго пособiя, благодаря богатству Общества, содержащаго его. Поэтому выдача пособiя городомъ въ 8.000 р. съ правомъ имѣть 10 степендiатовъ—слишкомъ неразсчетливо. Считая даже по 100 р. въ годъ за каждаго степендiата, городъ приплачиваетъ безъ всякой къ этому нужды по 7.000 р. въ годъ; 3) пособiе Институту благородныхъ дѣвицъ выдается въ размѣрѣ 2.120 р. 57 к. съ правомъ имѣть 5 город. степендiатокъ на полномъ содержанiи въ учебномъ заведенiи; 4) наконецъ, городъ отпускаетъ 10.607 р. 50 к. на степендiи въ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведенiяхъ. Такимъ образомъ общiй расходъ города на среднее образованiе выразится въ суммѣ 64.447 р. 22 к., что соста-

витъ 1,1% его расходовъ вообще на народное образованіе. Изъ указанныхъ расходовъ въ 64.447 р. 22 к. можно было не производить 5.460 р. 65 к. въ пособіе 4-ой гимназіи и 8.000 р. реальному училищу Св. Павла, а освобожденную такимъ образомъ сумму съ большей пользой затратить на расширеніе школьнаго и внѣшкольнаго начальнаго образованія.

На среднее профессіональное образованіе городъ расходуетъ 47.781 р. 40 к., что составляетъ 0,7% общаго расхода на народное образованіе, содержа городское реальное училище въ вечерними курсами черченія, рисованія, математики и физики (при расходѣ въ 19.260 р.), городское дѣвичье училище, съ спеціальными отдѣлами— портняжнымъ, бѣлошвейнымъ и др. (при расходѣ въ 21.021 р. 40 к.) и выдаетъ пособіе почтово-телеграфному классу (500 р.), школѣ десятниковъ (2.000 р.), музыкальнымъ классамъ (5.000 р.). Расходы города на профессіональное образованіе не велики и можно пожелать увеличеніе ихъ открытіемъ новыхъ. Какъ видно изъ отчета Управы за 1902 г., количество свободныхъ вакансій въ училищахъ въ два раньше меньше числа желающихъ поступить. Особенно желательны среднетехническое училище и низшія ремесленныя училища для оканчивающихъ народную школу, а таковыхъ у города нѣтъ ни одной.

На высшее образованіе городъ расходуетъ: 1) Попечительству о недостаточныхъ студентахъ мѣстнаго университета 5.391 р. 83 к. 2) на постройку зданія для медицинскаго факультета Новороссійскаго университета 50.000 р. въ годъ въ теченіе 10 лѣтъ, начиная съ 1896 г. Всего на высшее образованіе 55.391 р. 83 к,, т. е. 0,9% общаго расхода города на народное образованіе. Что касается выдаваемаго пособія по 50.000 р. на постройку зданія медицинскаго факультета, то расходъ этотъ временный и продолжаться будетъ еще только 4 года, по истеченіи которыхъ ассигнуемая сумма останется свободной, и городъ могъ бы удовлетворить насущную потребность для своихъ городскихъ начальныхъ училищъ, затрачивая ее на постройку школьныхъ зданій. Опытъ 1900 года показалъ, что при затратѣ городомъ всего 35.000 р. на сооруженіе зданія для начальныхъ школъ получилась даже экономія сравнительно съ затратой на наемныя помѣщенія, не говоря уже о томъ, что сооруженное зданіе вполнѣ соотвѣтствовало современнымъ требованіямъ школьнаго помѣщенія, чего недостаетъ въ наемныхъ помѣщеніяхъ. По расчету даже 7% годовыхъ на капиталъ, считая проценты и погашеніе въ теченіе долгаго срока, городъ могъ бы произвести заемъ потребной суммы для постройки училищныхъ помѣщеній, и ежегодные его расходы были бы даже меньше, чѣмъ въ настоящее время

на наемъ помѣщеній у частныхъ лицъ, не говоря уже о томъ, что чрезъ извѣстный срокъ городъ имѣлъ бы собственное имущество. Хотя отчетъ Управы за 1902 г. и говоритъ, что изъ 10 милліоннаго облигаціоннаго займа г. Одессы будетъ отпущено 400.000 р. на постройку школьныхъ зданій, но можно сомнѣваться, что это будетъ исполнено. При заключеніи указаннаго займа опредѣлена была сумма на этотъ предметъ въ 1.500.000 р., затѣмъ ее уменьшили до 700.000 р., а въ настоящее время еще уменьшили до 400.000 р. Постоянные недочеты по разнымъ отраслямъ городского хозяйства вызовутъ, навѣрно, новыя требованія, и ассигнованная сумма въ 400.000, пожалуй, сократится до нуля. Вотъ почему было бы вѣрнѣе ежегодно отчислять на постройку школьныхъ зданій тѣ 50.000 р., которыя въ настоящее время вносятся въ расходную смѣту по народному образованію для медицинскаго факультета, и которые будутъ свободны чрезъ 3 года.

Что касается, наконецъ, затратъ города на общія мѣры по распространенію народнаго образованія, то къ числу ихъ можно отнести: содержаніе публичной библіотеки (12.070 р.), содержаніе дѣтскихъ садовъ (4.127 р.), пособіе университету для организаціи публичныхъ лекцій (3.000 р.), содержаніе педагогическаго музея (2.500 р.), содержаніе музея (городского) изящныхъ искусствъ (1.200 р.), пособіе частному музею изящныхъ искусствъ съ рисовальной школой (6.000 р.). Если присоединить къ указанному содержаніе аудиторіи и читаленъ-библіотекъ, о которыхъ говорилось ранѣе, то весь расходъ на общія мѣры по распространенію образованія выразится суммою въ 66.552 р., что составитъ 1,1% общаго расхода на народное образованіе.

Дѣлая общій выводъ, нельзя не усмотрѣть, что городъ въ послѣднее пятилѣтіе значительно увеличилъ свои расходы по народному образованію, а именно до 60%, а въ 34 земскихъ губерніяхъ увеличеніе всего въ среднемъ достигаетъ 39,2% (отъ 61,6% до 16,5%). Тѣмъ не менѣе земскія 34 губерніи тратятъ 17% своего общаго бюджета на народное образованіе, а Одесса всего 9,7%, причемъ на начальное 5,9%. Если у города, при ростѣ общаго бюджета, являются неотложными и другія нужды и расходовать на народное образованіе болѣе 10% общаго своего расходнаго бюджета ихъ не можетъ, то было бы желательно уменьшить до возможнаго минумума расходъ по среднему и высшему образованію, предоставляя его заботамъ правительства, и увеличивать расходъ по начальному и профессіональному образованію, такъ какъ это первая обязанность города по смыслу городового положенія.

Какихъ же результатовъ достигло Одесское городское общественное управленіе за послѣднее пятилѣтіе?

Главнѣйшіе изъ нихъ слѣдующіе:

1. Ассигнованіе на народное образованіе увеличилось на 60%.

2. Число начальныхъ школъ увеличилось на 110, а число учащихся на 6.076 (Въ 1897 г. было 157 школъ съ 5.860 уч., а въ 1902 г. 267 школъ съ 11.937 уч.), т. е. въ пятилѣтіе число школъ возросло на 70%, а число учащихся на 100%.

3. Число отказовъ въ принятіи въ школу по неимѣнію свободныхъ вакансій съ 665 ч. въ 1897 пало въ 1902 г. до 106.

4. Введены такъ называемые смѣнные классы, въ которые принимаются всѣ, не получившіе возможности быть зачисленными въ нормальные классы. Число ихъ ежегодно колеблется и мало-по-малу уменьшается. Такъ, въ 1900 г. ихъ было 18, въ 1901 г.—14, въ 1902 уже всего 6. Надо думать, что года черезъ 2—3 они окажутся ненужными, т. к. возрастающее съ каждымъ годомъ число вновь открываемыхъ училищъ даетъ возможность размѣстить всѣхъ желающихъ поступить въ школу по нормальнымъ классамъ.

5. Открыто 6 городскихъ воскресныхъ школъ, изъ которыхъ 4 въ чертѣ города и 2 въ пригородныхъ селахъ, и назначено пособіе 3-мъ частнымъ воскреснымъ школамъ (до 1898 г. была всего 1 воскресная школа).

6. Открыто 2 народныхъ читальни-библіотеки (до 1898 г. было 1).

7. Открыто 1 шестиклассное училище по положенію 1872 г.

8. Открытъ городской педагогическій музей съ учительской библіотекой при немъ.

9. При начальныхъ школахъ организованы классы ручного труда (пока еще при 4-хъ училищахъ) и классныя рукодѣлія при 14 училищахъ (до 1898 г. ихъ не было).

10. Открытъ городской музей изящныхъ искусствъ.

11. Постановлено выдавать ежегодно 3.000 р. Новороссійскому университету для организаціи публичныхъ лекцій.

12. Организованы общедоступныя систематическія лекціи и уроки въ городской аудиторіи.

13. Увеличено жалованье учащимъ.

14. Организовались порайонныя пріемныя коммиссіи дая пріема учащихся въ народныя училища.

15. Организовались педагогическіе курсы для учителей и учительницъ начальныхъ школъ.

16. Организовались совѣщанія учителей и учительницъ народныхъ училищъ по вопросамъ школьной санитаріи и гигіены.

17. Командировались учителя и учительницы начальныхъ школъ на курсы и съѣзды въ другіе города.

18. Наконецъ, возбуждено много ходатайствъ, не получившихъ еще удовлетворенія, къ числу которыхъ относятся: объ открытіи технологическаго института, средне-техническаго училища, о постройкѣ центральнаго школьнаго зданія, объ измѣненіи времени экзаменовъ для учащихся въ начальныхъ училищахъ, о врачебномъ школьномъ надзорѣ и др.

Въ послѣднее пятилѣтіе городъ приложилъ много энергіи и труда въ дѣлѣ развитія народнаго образованія; тѣмъ не менѣе многое еще не сдѣлано. Говоря объ отчетѣ городской Управы по народному образованію за 1902 г., мы намѣтили тѣ задачи и цѣли, которыя предстоятъ городу въ дѣлѣ развитія и совершенствованія народнаго образованія. Къ числу ихъ относятся: 1) увеличеніе ассигнованія на начальное и профессіональное образованіе, 2) озаботиться о привлеченіи къ преподавательскому труду въ начальныхъ училищахъ лицъ съ большимъ образовательнымъ цензомъ, 3) сдѣлать обязательнымъ 3-хлѣтній курсъ начальной школы при настоящей программѣ, 4) ходатайствовать объ измѣненіи положенія о городскихъ училищныхъ совѣтахъ съ цѣлью болѣе правильнаго его отношенія къ учебному дѣлу, 5) ходатайствовать объ учрежденіи коммиссіи по народному образованію, по примѣру Петербурга и Москвы, 6) обратить больше вниманія на физическое воспитаніе учащихся въ начальныхъ училищахъ, 7) увеличить число воскресныхъ школъ и читаленъ-библіотекъ, 8) понизить плату за ученіе въ городскихъ училищахъ, по положенію 1872 г.

Надо надѣяться, что Управа, сдѣлавшая такъ много въ послѣднее пятилѣтіе, пойдетъ и въ дальнѣйшей своей работѣ съ тою же энергіей и съ тѣми же добрыми просвѣтительными намѣреніями по пути усовершенствованія дѣла народнаго образованія.

И. К.

Обзоръ дѣятельности земствъ по народному образованію за 1903 годъ.

(*Продолженіе*) *).

(Губерніи: Калужская, Тульская, Рязанская, Владимірская, Московская, Тверская, Ярославская).

Калужскою губернскою земскою управой въ 1903 г. полученъ былъ отвѣтъ на ходатайство калужскаго губернскаго земскаго собранія о предоставленіи земству права учреждать передвижныя школы. Министерство увѣдомило, что по неоднократномъ сношеніи съ учебно-окружнымъ начальствомъ для выясненія типа предположенныхъ къ учрежденію школъ выработанныя попечителемъ московскаго учебнаго округа правила разсмотрѣны особымъ отдѣломъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія.

Но указанный типъ школъ существующими постановленіями не предусмотрѣнъ, и означенныя правила могутъ воспріять силу не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ. Посему и такъ какъ отдѣльное разсмотрѣніе проектированныхъ правилъ внѣ связи съ общими училищными постановленіями не представляется удобнымъ, то министерство полагаетъ имѣть настоящій вопросъ въ виду при обсужденіи проекта общаго училищнаго устава".

Калужскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ было возбуждено ходатайство предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія объ изданіи для всеобщаго пользованія трудовъ московскаго (1901 г.) съѣзда дѣятелей по народному образованію на счетъ земствъ, входящихъ въ составъ московскаго учебнаго округа.

Необходимость изданія этихъ трудовъ была признана на съѣздѣ всѣми участвовавшими въ немъ земскими дѣятелями и большинствомъ представителей дворянства. Отвѣтъ министерства былъ полученъ только къ XXXIX губернскому собранію. Министерство народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, „направило оное къ отклоненію" черезъ комитетъ мини-

стровъ, который, „за отсутствіемъ въ виду комитета уважительныхъ основаній къ напечатанію трудовъ для общаго пользованія“, предоставилъ министерству народнаго просвѣщенія ходатайство калужскаго земскаго собранія отклонить. Губернскому земскому собранію оставалось лишь этотъ отвѣтъ „принять къ свѣдѣнію“.

Мещовское, Калужск. губ., земское собраніе постановило, для увѣковѣченія памяти Царя-Освободителя, ежегодно ассигновать по 500 руб. на устройство въ Мещовскѣ ремесленнаго училища и въ уѣздѣ народныхъ училищъ имени Императора Александра II-го.

Жиздринское той-же губерніи земское собраніе въ 1903 г. сдѣлало рядъ постановленій по народному образованію, а именно: ходатайствовать у министра народнаго просвѣщенія объ увеличеніи продолжительности обученія въ сельскихъ народныхъ школахъ до четырехъ лѣтъ; объ образованіи особаго фонда для заимообразныхъ выдачъ сельскимъ обществамъ денегъ на постройку школьныхъ зданій изъ 4%; объ ежегодномъ отпускѣ отъ казны суммъ на увеличеніе жалованья учителямъ и учительницамъ сельскихъ школъ.

Малоярославское земское собраніе единогласно присоединилось къ предложенію коммиссіи губернскаго земства объ учрежденіи общегубернскаго фонда по народному образованію въ память Императора Александра II. По докладу члена училищнаго совѣта отъ земства И. М. Кашкарова собраніемъ сдѣланы слѣдующія постановленія по введенію рѣшеннаго уже принципіально въ здѣшнемъ земствѣ *всеобщаго обученія*:

1) принять къ исполненію составленную школьную сѣть съ трехверстнымъ радіусомъ; 2) ходатайствовать о займѣ на введеніе всеобщаго обученія изъ губернскаго страхового капитала 20-ти тыс. рублей на 50 лѣтъ; 3) установить размѣръ содержанія учащихъ земскихъ школъ въ 300 руб.; 4) установить періодическія прибавки къ жалованію учащихъ по 60-ти руб. въ годъ черезъ каждыя 10 лѣтъ съ зачетомъ прежней службы въ уѣздѣ; 5) учредить при управѣ учительскую библіотеку; 6) отпустить средства на устройство учительскаго съѣзда, необходимаго, по мнѣнію училищнаго совѣта, при введеніи въ уѣздѣ всеобщаго обученія; 7) принять на земскій счетъ уплату пенсіонныхъ вычетовъ съ учащихъ земскихъ школъ; 8) замѣнить выдачу похвальныхъ листовъ въ земскихъ школахъ награжденіемъ учениковъ книгами, согласно предложенію училищнаго совѣта; 9) назначить тысячу руб. на снабженіе земскихъ школъ учебными пособіями. Внесенный однимъ изъ гласныхъ до-

---

*) См. „*Р. Шк.*“ №№ 3 и 4 за 1904 годъ.

кладъ о пособіи церковно-приходскимъ школамъ собраніемъ отклоненъ.

При обсужденіи предложенія училищнаго совѣта о выпискѣ во всѣ земскія школы уѣзда изданія кн. Мещерскаго „Дружескія Рѣчи“, предсѣдатель собранія заявилъ, что онъ „не можетъ (?) допустить по этому предмету преній“...

Малоярославская Уѣздная земская управа въ 1903 г. обращалась въ сенатъ за разъясненіемъ вопроса, касающагося интересовъ земскихъ учителей и учительницъ.

Уѣздное земское собраніе въ 1901 году, по предложенію ревизіонной коммиссіи, постановило пересылать впредь жалованье учителямъ и учительницамъ земскихъ школъ по почтѣ за счетъ земства въ виду того, что процедура полученія ими жалованья вынуждаетъ ихъ производить расходы изъ своего скуднаго содержанія. Постановленіе это было опротестовано калужскимъ губернаторомъ и, по 88-й ст. пол. о зем. учрежд., передано на разсмотрѣніе губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія; послѣднее въ журнальномъ постановленіи своемъ обратило вниманіе на слѣдующее: „Циркуляромъ министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 4-го декабря 1878 года было указано, чтобы деньги, слѣдующія отъ городскихъ и сельскихъ обществъ и земскихъ учрежденій на содержаніе училищъ, высылались заблаговременно въ подлежащія волостныя правленія; порядокъ выдачи жалованья учителямъ былъ слѣдующій. земства высылали волостнымъ правленіямъ необходимыя суммы, у волостныхъ же старшинъ были книжки, въ которыхъ расписывались учителя и учительницы въ полученіи жалованья; книжки эти служили оправдательными документами при отчетѣ старшинъ земству. Съ изданіемъ Полож. о земск. учреж. 1890 г. установленіе новаго порядка расходованія земскихъ суммъ, согласно коему большая часть земскихъ расходовъ, а въ томъ числѣ и расходъ по выдачѣ жалованья учителямъ народныхъ училищъ, производится непосредственно казначействами, явилось причиной несоблюденія изложеннаго въ приведенномъ циркулярѣ требованія, почему министерство внутреннихъ дѣлъ циркуляромъ отъ 27-го іюля того года, подтверждая циркуляръ 1878 г., въ цѣляхъ устраненія неудобствъ, связанныхъ съ поѣздками учащихъ для полученія жалованья, рекомендовало земскимъ управамъ своевременно озабочиваться полученіемъ изъ казначействъ по сборнымъ ассигновкамъ необходимыхъ для выдачи денежныхъ суммъ и таковыя разсылать въ подлежащія волостныя правленія“. Основываясь на этомъ и „усматривая изъ обстоятельствъ дѣла, что малоярославецкое уѣздное земское собраніе, согласившись съ мнѣніемъ ревизіонной коммиссіи и постановивъ высылать содержаніе

учителямъ народныхъ училищъ по почтѣ, а не черезъ волостныя правленія, нарушило установленный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ по сему предмету порядокъ, для земства обязательный",—губернское по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіе означенное постановленіе малоярославецкаго уѣзднаго земства отмѣнило. Это опредѣленіе присутствія земскимъ собраніемъ 1903 г. постановлено обжаловать въ сенатъ.

Тульская губернская земская управа получила въ 1903 г. отвѣты на два ходатайства по вопросамъ народнаго образованія.

На ходатайство о томъ, чтобы предсѣдатели уѣздныхъ земскихъ управъ входили въ составъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ сверхъ двухъ членовъ, избираемыхъ земскими собраніями, министерство народнаго просвѣщенія увѣдомило, что, въ виду послѣдовавшихъ Высочайшихъ указаній, приступлено къ пересмотру дѣйствующихъ постановленій о составѣ училищныхъ совѣтовъ. Второе ходатайство управы касалось освобожденія отъ обложенія промысловымъ налогомъ содержимаго при земскомъ книжномъ складѣ склада съ продажей учебныхъ пособій и канцелярскихъ принадлежностей. Министерство финансовъ увѣдомило, что въ настоящее время признано возможнымъ освободить земскіе книжные склады съ продажей писчебумажныхъ и письменныхъ принадлежностей отъ платежа государственнаго промыслового налога, о чемъ и сообщено казеннымъ палатамъ для свѣдѣнія и руководства.

18 іюля 1903 г. состоялось закрытіе тульскихъ губернскихъ педагогическихъ курсовъ, начавшихся 1 іюля.

Въ качествѣ руководителей принимали участіе: Л. П. Бѣльскій (русскій языкъ), С. И. Шохоръ-Троцкій (ариѳметика), В. А. Вагнеръ (естествознаніе), В. Е. Игнатьевъ (школьная гигіена) и А. П. Нечаевъ (педагогическая психологія). На курсы допускались посторонніе слушатели (не командированные учащіе и кандидаты на учительскія мѣста), за исключеніемъ лицъ, принадлежащихъ къ іудейскому вѣроисповѣданію.

Во время курсовъ была устроена при участіи гг. Бѣльскаго, Шохоръ-Троцкаго и Нечаева общая бесѣда по слѣдующимъ вопросамъ, поставленнымъ самими слушателями: 1) Должны ли имѣть мѣсто въ народной школѣ баллы и награды? 2) Слѣдуетъ ли задавать уроки на домъ учащимся въ народной школѣ? 3) Какая форма экзаменовъ должна быть признана наиболѣе желательной? 4) Какую роль должна играть учебная книга въ сельской школѣ? 5) Когда и въ какой формѣ можно сообщать дѣтямъ отвлеченныя понятія? 6) При какихъ условіяхъ обученіе въ сельской школѣ можетъ имѣть наибольшее воспитательное вліяніе на крестьянскую среду? По этимъ вопросамъ

состоялись слѣдующія заключенія аудиторіи: 1) Балльная система въ ея современной постановкѣ должна быть признана не только безполезной, но даже вредной, такъ какъ за невозможностью вполнѣ точной и справедливой оцѣнки знаній учащихся въ каждый данный моментъ является опасность возбужденія постановкой балловъ нежелательныхъ настроеній въ средѣ учащихся. Награды за ученье въ правильно поставленной народной школѣ не должны имѣть мѣста, такъ какъ надо вести учащихся къ тому, чтобы они видѣли самую высшую награду въ пріобрѣтеніи знаній. 2) Обязательное задаваніе уроковъ на домъ совершенно нежелательно въ сельской школѣ отчасти изъ опасенія переутомленія учащихся, отчасти (въ огромномъ большинствѣ случаевъ) вслѣдствіе невозможности для нихъ исполнить заданную работу при неудобной домашней обстановкѣ. 3) Установленные закономъ выпускные экзамены по своей формѣ не должны рѣзко отличаться отъ обычныхъ школьныхъ занятій, руководство которыми принадлежитъ учителю. 4) На первомъ планѣ при обученіи въ начальной школѣ должны стоять объясненія учителя, учебная же книга (достоинство которой опредѣляется соотвѣтствіемъ ея психическому развитію учащихся) имѣетъ хотя и важное, но только вспомогательное значеніе. 5) Всякая правильно поставленная школа должна стремиться сообщить учащимся извѣстную сумму общихъ знаній, которыя соотвѣтственно характеру интересовъ, возбужденныхъ въ сознаніи учащихся, могутъ принимать форму или обобщенныхъ образовъ, или строго логическихъ занятій, причемъ точныя словесныя опредѣленія данныхъ понятій въ громадномъ большинствѣ случаевъ слѣдуетъ признать недоступными для учащихся. 6) Правильно поставленное обученіе въ сельской школѣ должно имѣть огромное воспитательное вліяніе на учащихся. Это вліяніе станетъ тѣмъ глубже, чѣмъ больше учитель будетъ имѣть возможность принимать во вниманіе наличные интересы учащихся и побуждать ихъ къ дальнѣйшему внѣшкольному образованію.

Еще въ 1902 г. директоръ народныхъ училищъ обратился въ тульскую губернскую управу съ просьбой высказаться по вопросу объ устройствѣ учительской семинаріи въ Тульской губерніи.

Признавая, что учрежденіе ея, несомнѣнно, отвѣчаетъ также интересамъ городского управленія, губернская управа вошла съ ходатайствомъ въ городскую Думу объ отводѣ участка земли въ гор. Тулѣ подъ постройку учительской семинаріи. Дума постановила предоставить губернскому земству для этой цѣли участокъ земли площадью 1.200 кв. саж. на окраинѣ города, вблизи желѣзнодорожнаго училища, причемъ выразила пожеланіе, чтобы при семинаріи было

организовано двухклассное министерское училище съ пятилѣтнимъ курсомъ.

Тульское уѣздное земское собраніе въ 1903 г. постановило: увеличить жалованье учащихъ въ земскихъ училищахъ гор. Тулы до тѣхъ предѣловъ, которые установлены по отношенію къ учащимъ въ сельскихъ училищахъ, а именно основное жалованье опредѣлено въ 240 руб., которое увеличивается черезъ пять лѣтъ службы до 300 руб. и черезъ десять лѣтъ до 360 руб.; ассигновать 1.000 руб. въ пособіе вновь открытому трехклассному городскому училищу. Наконецъ, заслушанъ былъ обстоятельный докладъ управы о нуждахъ народнаго образованія въ Тульскомъ уѣздѣ. Докладъ этотъ вызванъ предложеніемъ министерства народнаго просвѣщенія придти на помощь земству въ дѣлѣ осуществленія общедоступности обученія въ Тульскомъ уѣздѣ. При осуществленіи плана общедоступности обученія въ уѣздѣ потребуется, по разсчету управы, ежегоднаго расхода со стороны земства 47.680 руб. и со стороны министерства — 27.175 р.

Собраніе приняло предложеніе управы, что министерство должно всецѣло оплачивать трудъ учащихъ, а также предложеніе гласнаго Я. Я. Гуревича о томъ, чтобы назначеніе учащихъ и при новомъ порядкѣ содержанія школъ производилось во всѣхъ подробностяхъ на прежнемъ основаніи, согласно точному смыслу циркулярнаго предложенія министерства народнаго просвѣщенія отъ 5 мая 1875 года, и чтобы субсидія министерства на содержаніе учительскаго персонала вносилась имъ въ земскую кассу. По тому же докладу было принято предложеніе гласнаго А. П. Воейкова о томъ, чтобы пенсіонные вычеты изъ жалованья учащихъ производились въ земскую пенсіонную кассу и въ томъ случаѣ, если министерство ассигнуетъ субсидію земству на содержаніе учительскаго персонала.

Закончимъ наши свѣдѣнія о Тульской губерніи характернымъ инцидентомъ, показывающимъ отношеніе духовенства къ учащимъ въ народныхъ школахъ, даже къ собственнымъ питомцамъ. Общество взаимопомощи учащимъ Тульской губ., озабочиваясь привлеченіемъ по возможности бо́льшаго числа иногородныхъ членовъ на общее собраніе, заручилось предложеніемъ начальницы епархіальнаго училища пріютить въ стѣнахъ послѣдняго тѣхъ пріѣзжихъ учительницъ, которыя были ученицами епархіальнаго училища. Къ сожалѣнію, прибывшія на собраніе учительницы не могли воспользоваться даровыми помѣщеніями по слѣдующей причинѣ. По предложенію тульскаго епископа Питирима, попечительный совѣтъ епархіальнаго училища запросилъ начальницу,—съ чьего разрѣшенія состоялось рѣшеніе о предоставленіи помѣщенія училища для пріѣз-

жихъ учительницъ. На этотъ запросъ послѣдовалъ со стороны начальницы отвѣтъ, что, обѣщая пріютъ учительницамъ, бывшимъ воспитанницамъ епархіальнаго училища, она руководилась, съ одной стороны, цѣлью поддержать теплыя отношенія между учительницами и тѣмъ учебнымъ заведеніемъ, которое ихъ воспитало, съ другой—считала своимъ долгомъ предотвратить бывшихъ своихъ воспитанницъ отъ неудобствъ, связанныхъ съ пребываніемъ въ дешевыхъ гостиницахъ въ послѣдніе дни масляной. Попечительный совѣтъ постановилъ резолюцію, которой, поставивъ на видъ начальницѣ необоснованельность ея обѣщанія, призналъ недопустимымъ пребываніе учительницъ въ стѣнахъ епархіальнаго училища.

Въ силу такого рѣшенія правленіе общества вынуждено было ассигновать извѣстную сумму на пріемъ иногородныхъ членовъ.

„Все это было бы смѣшно, если бы не было такъ грустно"...

Рязанское губернское земство въ 1903 году было озабочено курсами и съѣздами учителей; но нынѣ неизвѣстно, осуществились ли его мечты. Такъ, еще раннею весною названнаго года появилось извѣстіе, что въ іюнѣ мѣсяцѣ губернское земство организуетъ трехнедѣльные учительскіе курсы. Въ руководители курсовъ приглашены по закону Божію—магистръ богословія Н. Поповъ (приватъ-доцентъ московскаго университета), по русскому языку и по ариѳметикѣ наставники учительской семинаріи Н. П. Сидоровъ и С. А. Бокулинъ, по психологіи — приватъ-доцентъ московскаго университета Д. В. Викторовъ и по русской литературѣ — преподаватель московской практической академіи Ф. Ф. Нелидовъ.

Затѣмъ въ маѣ сообщалось, что вслѣдъ за окончаніемъ учительскихъ курсовъ здѣсь предполагается устройство ежедневнаго (съ 22-го по 29-е іюня) съѣзда учащихъ Рязанскаго уѣзда.

Къ обсужденію съѣзда намѣчено 80 вопросовъ, изъ которыхъ можно указать слѣдующіе: 1) изученіе географіи своего уѣзда и всей губерніи, составленіе картъ волости и уѣзда; 2) пороки и недостатки среди учащихся, мѣры воспитательнаго воздѣйствія на учащихся, вліяніе школьно-сберегательныхъ кассъ на характеръ учащихся, майскіе союзы, различіе между нравственнымъ и умственнымъ состояніемъ крестьянъ, учившихся и неучившихся въ школѣ; 3) санитарно-медицинскіе осмотры училищъ, какія болѣзни чаще встрѣчаются среди учащихся, пренія и бесѣды съ учениками по гигіенѣ, участіе учащихъ въ постройкѣ новыхъ зданій и школьной мебели; 4) порядокъ выписки книгъ въ училищныя библіотеки, контроль надъ внѣкласснымъ чтеніемъ, вкладные опросные листы для каждой книги; 5) внѣшкольное образованіе; 6) неблагопріятныя условія въ жизни учащихъ, вредно отражающіяся на ихъ здоровьѣ, пробѣлы въ об-

щемъ и специально-педагогическомъ развитии учащихъ, посторонние заработки учащихъ; 7) совмѣстная выработка учащими плана уроковъ на цѣлый учебный годъ; 8) фактическое участіе попечителей въ жизни земскихъ училищъ и др. Большинство какъ перечисленныхъ, такъ и другихъ вопросовъ служатъ какъ бы непосредственнымъ продолженіемъ вопросовъ прошлаго съѣзда. Новостью настоящаго съѣзда является приглашеніе на него законоучителей, которымъ уже разосланы предложенія приготовить рефераты по отдѣламъ: Законъ Божій, церковно-славянскій языкъ, пѣніе, воспитательная часть и по вопросу: права и обязанности законоучителя земскаго училища.

И вотъ, послѣ всѣхъ этихъ мечтаній и проектовъ въ іюнѣ появилось извѣстіе, что „къ сожалѣнію, разрѣшеніе на открытіе курсовъ до сего времени рязанскимъ земскимъ земствомъ еще не получено, что ставитъ въ большое затрудненіе устроителей курсовъ“.

Рязанское губернское собраніе 1903 г. постановило: ходатайствовать о возмѣщеніи 339.000 р. убытковъ, понесенныхъ сельскими обществами отъ введенія винной монополіи, съ тѣмъ, чтобы деньги находились въ распоряженіи губернскаго земства и расходовались на призрѣніе душевно-больныхъ и народное образованіе; снабдить школы библіотеками-читальнями и сельскохозяйственными брошюрами. Наконецъ, собраніе высказалось за удовлетвореніе ходатайства зарайскаго земства о выдачѣ изъ оборотнаго капитала 15.000 руб. для ссудъ сельскимъ обществамъ, учрежденіямъ и частнымъ лицамъ на постройку школьныхъ зданій въ пунктахъ, намѣченныхъ школьною сѣтью.

Въ *Зарайскомъ* и *Пронскомъ* уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ были заслушаны доклады по ходатайству егорьевскаго земства объ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія окончившихъ курсъ въ начальныхъ школахъ.

Это ходатайство обсуждалось еще въ 1902 г. въ рязанскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, которое постановило запросить мнѣніе всѣхъ уѣздныхъ собраній въ губерніи о желаніи распространенія этой мѣры на всѣ уѣзды. Докладывая объ этомъ уѣздному собранію, зарайская управа полагала присоединиться къ ходатайству егорьевскаго земства; однако въ собраніи нашлись два лица, несочувствовавшихъ данному предложенію: земскій начальникъ В. А. Змѣевъ находилъ возбужденіе упомянутаго ходатайства излишнимъ, такъ какъ земскіе начальники и безъ того не утверждаютъ приговоровъ суда о тѣлесномъ наказаніи. Затѣмъ гласный отъ крестьянъ Ф. М. Меркуловъ категорически высказался противъ отмѣны тѣлеснаго нака-

занія, такъ какъ съ уничтоженіемъ его не будетъ никакихъ тѣлесныхъ угрозъ противъ провинившихся дѣтей. Но эти два голоса не повліяли на рѣшеніе собранія, постановившаго присоединиться къ ходатайству егорьевскаго земства. Въ пронскомъ собраніи эта просьба егорьевскаго земства сочувствія не встрѣтила. Въ пользу ея подали голосъ *только двое гласныхъ*—А. Н. Ждановъ и А. М. Горбачевъ, волостной старшина 3-го земскаго участка. Всѣ остальные гласные отъ крестьянъ заодно со своими земскими начальниками подали голосъ противъ возбужденія по этому вопросу какого либо ходатайства.

Въ *Данковскомъ* собраніи, по предложенію предсѣдателя, единогласно рѣшено прекратить выдачу пособій церковно-приходскимъ школамъ и школамъ грамоты вслѣдствіе того, что средствъ на ихъ содержаніе достаточно у епархіальнаго вѣдомства.

Затѣмъ большинствомъ $^2/_3$ голосовъ собраніе согласилось съ докладомъ управы о необходимости возбудить ходатайство объ освобожденіи окончившихъ земскую школу отъ тѣлеснаго наказанія. Изъ доклада управы по этому вопросу видно, что приговоры о наказаніи розгами, сравнительно обильные въ началѣ послѣдняго десятилѣтія, съ каждымъ годомъ все рѣже и рѣже постановляются судами. Всего за десять лѣтъ приговоровъ было 350; изъ нихъ приведено въ исполненіе 204, отмѣнено, замѣнено и прекращено 146. Изъ числа наказанныхъ почти треть были грамотные! А зарайскій земскій начальникъ Змѣевъ, какъ мы видѣли, утверждалъ на своемъ земскомъ собраніи, что земскіе начальники не утверждаютъ приговоровъ.

Въ *Егорьевскомъ* уѣздѣ въ 1903 году состоялся съѣздъ учителей, учительницъ и законоучителой народныхъ школъ гор. Егорьевска и его уѣзда, организованный на средства уѣзнаго земства. На съѣздѣ, продолжавшемся семь дней, были разсмотрѣны и обсуждены какъ учебные, такъ и хозяйственные вопросы, составляющіе недочеты народныхъ школъ, и намѣчены пути къ устраненію факторовъ, тормозящихъ дѣло народнаго образованія въ уѣздѣ. Подъ руководительствомъ предсѣдательствовавшаго на съѣздѣ инспектора народныхъ училищъ г. Одинцова почти всѣ члены съѣзда ѣздили въ Москву на три дня для посѣщенія музеевъ и тому подобныхъ учрежденій.

Владимірскому губернскому земскому собранію губернскою управой представлены были на обсужденіе собранія, между прочимъ, слѣдующія доклады: по народному образованію: 1) объ устройствѣ въ 1904 г. общеобразовательныхъ курсовъ для учителей, 2) объ учрежденіи при губернской управѣ коммиссіи по народному образованію 3) о воскресныхъ повторительныхъ классахъ, 4) о допущеніи въ на-

родныя библіотеки-читальни всѣхъ сельскохозяйственныхъ книгъ, разрѣшенныхъ цензурой.

Всѣ вопросы по народному образованію прошли замѣчательно гладко; замѣчанія и возраженія клонились обыкновенно не къ урѣзыванію предлагаемыхъ мѣропріятій и не къ сокращенію расходовъ, а, наоборотъ, къ болѣе широкой постановкѣ дѣла. Характерно, что нѣкоторые гласные, относившіеся еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ отрицательно къ вмѣшательству губернскаго земства въ дѣло низшаго образованія, явились въ 1903 г. горячими сторонниками подобнаго вмѣшательства. Изъ представленнаго собранію доклада членовъ отъ земства губернскаго училищнаго совѣта П. В. Кутанина и Н. П. Муратова видно, что въ 1903 г. во Владимірской губерніи числилось 719 школъ, подвѣдомственныхъ совѣту, и 675 церковно-приходскихъ (въ этомъ числѣ значительное число школъ грамоты). Въ среднемъ по губерніи 1 школа приходится на 28, 3 кв. версты и 1.203 жителя. Наименьшее число жителей на одну школу приходится въ переяславскомъ уѣздѣ (996 человѣкъ), а наибольшее въ Суздальскомъ (1.333) и Владимірскомъ (1.311 чел.). На одну земскую школу приходится учащихся: въ городахъ—по 129 и въ селеніяхъ—по 64 человѣка. 58% всѣхъ учащихъ въ земскихъ школахъ получаютъ вознагражденіе въ годъ по 300 руб. и выше, 36%—отъ 200 р. до 300 р. и 6%--отъ 150 р. до 200 руб.

Члены отъ земства Владимірскаго губернскаго училищнаго совѣта въ докладѣ своемъ губернскому земскому собранію, указавъ на широкое участіе губернскаго земства въ главныхъ отрасляхъ народнаго образованія, пришли къ заключенію, что для выполненія всѣхъ задачъ, принятыхъ или только намѣченныхъ земствомъ, необходимо прежде всего точное знаніе дѣйствительнаго положенія дѣла, знаніе во всѣхъ подробностяхъ нуждъ и успѣховъ народнаго образованія и разработка возникающихъ въ этомъ дѣлѣ вопросовъ. Такъ какъ во Владимірской губерніи все это возлагается на губернскую управу, на которой въ то же время лежитъ значительная текущая работа по народному образованію, то члены училищнаго совѣта предложили собранію въ помощь управѣ учредить особую коммиссію по народному образованію, составъ которой долженъ быть избранъ согласно 105-ой ст. полож. о земск. учрежд. губернскимъ земскимъ собраніемъ.

Члены училищнаго совѣта сослались на примѣръ коммиссій, существующихъ въ Тульской, Ярославской, Курской и Тверской губерніяхъ. Собраніе съ этимъ докладомъ согласилось, и коммиссія была избрана. Въ составъ коммиссіи входятъ: вся губернская управа, члены отъ земства въ губернскомъ училищномъ совѣтѣ, всѣ пред-

сѣдатели уѣздныхъ управъ, шесть гласныхъ по выбору губернскаго земскаго собранія, губернскій земскій санитарный врачъ и дѣлопроизводитель губернской управы по народному образованію въ качествѣ секретаря коммиссіи. Выборъ предсѣдателя коммиссіи предоставляется самой коммиссіи. Всѣ доклады коммиссіи вносятся въ губернское земское собраніе чрезъ губернскую управу и съ ея заключеніемъ. Означенной коммиссіи земское собраніе уже дало порученіе разработать вопросы объ организаціи текущей школьной статистики и о причинахъ слабаго посѣщенія школъ дѣвочками. Но администрація стала на пути этого прекраснаго начинанія земства.

Владимірскій губернаторъ на основаніи 87-ой ст. полож. о земск. учрежд. опротестовалъ это постановленіе, такъ какъ согласно 105-ой ст. полож. о земск. учрежд. земскія собранія могутъ избирать въ помощь управѣ особыхъ лицъ для завѣдыванія отдѣльными отраслями земскаго хозяйства исключительно изъ гласныхъ и избирателей, а между тѣмъ владимірское губернское земское собраніе предоставило избранной имъ коммиссіи по народному образованію право приглашать въ свои засѣданія съ правомъ голоса всѣхъ лицъ, интересующихся народнымъ образованіемъ, и такимъ образомъ допустило пополненіе этой коммиссіи членами не по избранію собранія. Кромѣ того, коммиссія избрана открытой подачей голосовъ, чѣмъ, по мнѣнію губернатора, нарушена 76 ст. полож. о земск. учрежд. Владимірское губернское по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіе согласилось съ мнѣніемъ губернатора и постановленіе объ учрежденіи коммиссіи отмѣнило.

Словомъ, повторилась та же исторія, что и въ курскомъ земствѣ.

Народное образованіе, сдѣлавшееся обязательнымъ для всего населенія даже въ странахъ Востока, какъ, напримѣръ, въ Японіи, у насъ разсматривается, какъ нѣчто недозволенное!..

Состоялся рядъ и другихъ, достойныхъ вниманія, постановленій владимірскаго губернскаго земскаго собранія. Такъ, на пополненіе имѣющихся въ школахъ коллекцій наглядныхъ пособій и на снабженіе вновь открытыхъ школъ такими коллекціями стоимостью въ 15 руб. ассигновано 4 тыс. руб. На покупку картинъ для волшебныхъ фонарей и на вознагражденіе лекторовъ ассигновано, по примѣру прошлаго года, 800 руб. Еще губернскимъ земскимъ собраніемъ 1902 г. было ассигновано 1.300 р. на уплату за учителей части подписной платы за выписываемые ими газеты и журналы. Мѣра эта оказалась очень полезною, что подтвердили и инспектора народныхъ училищъ. Въ 1903 г. губернское собраніе увеличило кредитъ по этой статьѣ до 2.275 руб. Губернское земство выдаетъ на выписку половину подписной платы избраннаго учащимъ журнала, но не болѣе

6-ти руб.; журналы или газеты выписываются губернской управой и только по полученіи ею половины подписной суммы и точнаго подробнаго адреса отъ подписчика - учителя; подписка принимается только до 1-го марта и т. д. На устройство лѣтомъ 1904 г. въ г. Владимірѣ общеобразовательныхъ курсовъ для народныхъ учителей ассигновано 5.000 руб. и вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено ходатайствовать объ измѣненіи правилъ 5-го августа 1875 г. и особенно о томъ, чтобы а) приглашеніе руководителей курсовъ было предоставлено лицамъ и учрежденіямъ, принимающимъ на себя расходы по устройству курсовъ; б) чтобы право приглашенія учащихъ на курсы было предоставлено учредителямъ курсовъ; в) чтобы исключена была необходимость на курсахъ образцовой школы и обязанность назначенія на уроки практикантовъ, и г) чтобы исключенъ былъ § 12-й правилъ, устанавливающій лишь опредѣленное число слушателей на курсахъ по отношенію къ числу руководителей. Дѣйствующія правила выдачи пособій и ссудъ уѣзднымъ земствамъ и сельскимъ обществамъ на постройку школьныхъ зданій нѣсколько видоизмѣнены и пополнены согласно указаніямъ опыта. Ходатайства о подобныхъ пособіяхъ и ссудахъ удовлетворяются при условіи, чтобы школы строились непремѣнно въ селеніяхъ, намѣченныхъ выработанною земствомъ школьною сѣтью. Собраніе остановилось также на вопросѣ объ устройствѣ въ земскихъ школахъ горячихъ завтраковъ для учащихся. Еще въ 1900 г. собраніе постановило ввести ихъ, въ видѣ опыта, въ нѣкоторыхъ школахъ—по четыре на уѣздъ, или по $1^1/_4$ коп. въ день на учащагося. Опытъ продолжался два года. Всѣ учителя, доставившіе въ губернскую управу свои отзывы, утверждаютъ, что горячая пища значительно улучшила самочувствіе учащихся и выгодно отразилась на ихъ успѣхахъ не только во время классныхъ занятій, но даже и при выполненіи учениками заданныхъ имъ на домъ уроковъ. Стоимость приварки въ разныхъ школахъ колебалась отъ 0,55 коп. до 2,7 коп. въ день на человѣка. Собраніе ассигновало на школьные завтраки на 1904 г. 3.400 руб., причемъ пособіе на завтраки должно выдаваться по разсчету въ 25 коп. на каждаго пользующагося завтракомъ учащагося, а право на безплатный завтракъ предоставлено всѣмъ учащимся, живущимъ въ селеніяхъ, отстоящихъ отъ школы далѣе полуверсты. О результатахъ опыта должно быть доложено по каждому уѣзду мѣстному земскому собранію, такъ какъ предполагается, что въ будущемъ половину расходовъ на завтраки должны давать уѣздныя земства, а другую половину приметъ на себя губернское земство. На поддержаніе существующихъ въ губерніи 110 народныхъ библіотекъ и на открытіе новыхъ ассигновано на 1904 г. 10.000 руб.

При обсужденіи вопроса о пособіяхъ на постройку зданій для земскихъ школъ въ селеніяхъ, гдѣ есть и церковно-приходскія школы, выяснилось, что школы послѣдняго типа весьма неудовлетворительны, причемъ земскій начальникъ Владимірскаго уѣзда П. Д. Артыновъ привелъ изъ своей служебной практики слѣдующій примѣръ: пять или шесть крестьянъ села Овчухи Владимірскаго уѣзда, учившіеся въ церковно-приходской школѣ, совершенно не могли подписаться подъ приговоромъ за неграмотностью.

Въ 1900 году Владимірское земство возбуждало ходатайство объ упрощеніи открытія библіотекъ и читаленъ. Земство просило, чтобы разрѣшеніе на открытіе народныхъ библіотекъ и читаленъ, а равно и назначеніе завѣдующихъ ими, примѣнительно къ существующему порядку (законъ 25-го мая 1874 г.) открытія начальныхъ училищъ и назначенія въ нихъ учителей, были предоставлены власти инспектора народныхъ училищъ по предварительномъ сношеніи его съ разными лицами и учрежденіями. Далѣе, взамѣнъ одного или нѣсколькихъ лицъ учебнаго и духовнаго вѣдомствъ, на коихъ правилами 15-го мая 1900 года возлагается завѣдываніе народными библіотеками и читальнями, владимірское земство полагало бы учредить особые совѣты. Въ послѣдніе должны войти предсѣдателемъ попечитель народной библіотеки и читальни и членами по назначенію— представители духовнаго вѣдомства, министерствъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, по одному отъ каждаго, и по выбору отъ учредителей—не менѣе трехъ членовъ. Земство также ходатайствовало, чтобы выборъ книгъ для народныхъ библіотекъ и читаленъ опредѣлялся общими правилами о публичныхъ лекціяхъ и библіотекахъ. На это министерство народнаго просвѣщенія въ 1903 году высказалось, что ходатайство владимірскаго земства въ части, касающейся вопроса о порядкѣ открытія народныхъ библіотекъ и читаленъ и устройства популярныхъ лекцій, представляется неопредѣленнымъ и необоснованнымъ: названное земство не выясняетъ, въ чемъ заключается неудобство существующаго порядка, и въ чемъ должно бы состоять его упрощеніе. Владимірская губернская земская управа въ дополнительномъ своемъ объясненіи по настоящему вопросу высказала, что, по ея мнѣнію, въ виду единства цѣли, преслѣдуемой какъ начальною школой, такъ и учрежденіями для внѣшкольнаго образованія, распространеніе послѣднихъ должно подчиняться правиламъ, аналогичнымъ съ правилами положенія о начальныхъ училищахъ 25-го мая 1874 года; выборъ же книгъ для означенныхъ библіотекъ и чтеній долженъ опредѣляться общими правилами о публичныхъ лекціяхъ и библіотекахъ. „Если въ данномъ случаѣ управа является выразителемъ мнѣнія земства, то разсматриваемое

ходатайство послѣдняго, по мнѣнію министра народнаго просвѣщенія, нельзя не признать нецѣлесообразнымъ: не внося упрощенія въ порядокъ устройства популярныхъ лекцій, оно, очевидно, внесло бы осложненіе въ дѣло открытія народныхъ библіотекъ и читаленъ и завѣдыванія ими". Учрежденіе особаго совѣта для завѣдыванія библіотеками и читальнями „внесло бы, по мнѣнію министерства, замедленіе въ разрѣшеніи текущихъ дѣлъ названныхъ учрежденій и притомъ безъ пользы для самаго дѣла, такъ какъ, не обезпечивая для представителей министерствъ и духовнаго вѣдомства активнаго участія въ завѣдываніи народными библіотеками и читальнями, оно поставило бы эти учрежденія подъ вліяніе случайныхъ лицъ, не всегда въ учебномъ дѣлѣ компетентныхъ". Помимо этихъ соображеній министерства департаментъ общихъ дѣлъ, съ своей стороны, обращаетъ вниманіе губернскаго земства на то, что „существованіе совѣтовъ въ качествѣ хозяйственныхъ органовъ при народныхъ библіотекахъ-читальняхъ, хотя и не предусмотрѣно правилами 15-го мая 1890 г., тѣмъ не менѣе ими не запрещается, а потому къ учрежденію совѣтовъ, имѣющихъ цѣлью своей дѣятельности лишь устройство и поддержаніе народныхъ библіотекъ-читаленъ въ хозяйственномъ отношеніи и предназначенныхъ въ помощь завѣдующимъ этими учрежденіями лицамъ и подъ ихъ отвѣтственностью, препятствій встрѣтиться не можетъ". Что же касается ходатайства земства о томъ, чтобы выборъ книгъ для народныхъ библіотекъ - читаленъ опредѣлялся общими правилами о публичныхъ библіотекахъ, то таковое, по заключенію министерства, не можетъ быть удовлетворено: „названныя учрежденія разсчитываютъ на такого читателя, который по своему малому образованію и умственному развитію нуждается въ иномъ подборѣ для него книгъ, чѣмъ обычный читатель публичныхъ библіотекъ". Этого „иного подбора" имѣется такое количество, что на практикѣ не встрѣчается затрудненія со стороны заполненія имъ свободныхъ полочекъ библіотечныхъ шкафовъ „не только при открытіи названныхъ учрежденій и первое время ихъ дѣятельности, но и на продолжительное время послѣдующей ихъ дѣятельности".

Лѣтомъ 1903 г. во Владимірѣ были общеобразовательные курсы для учащихъ въ земскихъ училищахъ Владимірской губерніи. Курсы были устроены по образцу Павловскихъ курсовъ Петербургской губерніи, причемъ приглашеніе лекторовъ и всѣ переговоры съ ними взяло на себя лекціонное бюро коммиссіи для организаціи домашняго чтенія, состоящей при учебномъ отдѣлѣ общества распространенія техническихъ знаній.

Участіе въ этомъ дѣлѣ принималъ предсѣдатель бюро проф. В. Э. Денъ. Лекторы были приглашены по слѣдующимъ предметамъ:

1) педагогическая психологія, 2) русская литература, 3) русская исторія и 4) физика и химія, какъ основные предметы естествознанія. Лекціи по основнымъ началамъ физики и химіи читалъ приватъ-доцентъ московскаго университета С. Г. Крапивинъ. Что касается Закона Божія, то митрополитъ петербургскій Антоній не нашелъ возможнымъ допустить къ участію на общеобразовательныхъ курсахъ во Владимірѣ въ качествѣ лектора по Закону Божію священника Михайловской артиллерійской академіи о. Григорія Петрова.

Въ *Суздальскомъ* уѣздѣ, Владимірской губ., за послѣднія пять лѣтъ замѣчается бѣгство учителей и учительницъ.

За это время ушло со службы земства болѣе 60-ти человѣкъ. Главною причиною этого явленія служитъ недостаточное жалованье: учащіе получаютъ 20 руб. въ мѣсяцъ, черезъ 10 лѣтъ—первая прибавка въ 5 руб., черезъ двадцать—наивысшій окладъ—30 руб. Изъ ушедшихъ до 30-ти человѣкъ перешли въ школы другихъ земствъ—шуйскаго, ковровскаго, владимірскаго, — гдѣ они получили, кромѣ болѣе высокаго оклада жалованья, еще и добавочныя суммы съ зачетомъ выслуги каждыхъ пяти лѣтъ.

Общество взаимопомощи учащихъ Суздальскаго уѣзда предложило уѣздному собранію увеличить содержаніе учителей: первый окладъ оставить 240 руб. и установить прибавки черезъ каждыя пять лѣтъ до предѣльнаго оклада 480 руб., но собраніе отклонило это ходатайство. Это же собраніе сдѣлало постановленіе о выдачѣ на руки земскаго пособія на содержаніе помѣщеній земскихъ школъ вмѣсто попечителей самимъ учащимъ, какъ близко знающимъ школьныя нужды. Основанія для этой передачи слѣдующія.

Попечителями расходуется земское пособіе безконтрольно,—управа не въ состояніи провѣрить, дѣйствительно ли деньги пошли на нужды школы: нѣкоторые изъ нихъ никакого отчета не представляютъ. Многіе изъ попечителей не принимаютъ никакого участія въ хозяйственныхъ дѣлахъ школы, а нѣкоторые даже не проживаютъ въ Суздальскомъ уѣздѣ. Управѣ не разъ приходилось выслушивать справедливыя жалобы учителей на то, что дровъ для отопленія и керосина для освѣщенія попечителями не доставляется, и на всѣ просьбы послѣдніе отвѣчаютъ отказомъ. „Нѣкоторые изъ попечителей оказались совершенно неудовлетворяющими своему назначенію". Главный же недостатокъ прежняго порядка выдачи пособій тотъ, что учитель становится въ зависимое положеніе отъ попечителей. Наконецъ, *юрьевское* земство, Владимірской губ., приняло на себя всецѣло содержаніе сельскихъ школъ. Рѣшено открыть пять новыхъ съ пособіями отъ казны и въ восьми пунктахъ уѣзда открыть продажу книгъ.

Увеличена ассигновка на школьныя библіотеки; вводится внѣшкольное образованіе.

Земства *Московской* губерніи уже настолько окрѣпли и установились въ дѣятельности по народному образованію, что мы отмѣтимъ лишь нѣкоторые факты, причемъ относительно губернскаго земства сообщимъ только объ одномъ засѣданіи коммиссіи по вопросамъ народнаго образованія, происходившемъ, подъ предсѣдательствомъ Д. Н. Шипова, въ концѣ 1903 года. Въ этомъ засѣданіи признано желательнымъ возбужденіе ходатайства о передачѣ учрежденій попечительства о народной трезвости въ Московской губерніи въ вѣдѣніе земства.

Затѣмъ разсматривался докладъ А. А. Громбака о вечернихъ занятіяхъ со взрослыми. Согласно мнѣнію докзадчика, коммиссія установила, что занятія со взрослыми могутъ быть трехъ видовъ: 1) обученія грамотѣ неграмотныхъ, 2) занятія повторительныя и 3) занятія, дающія знаній больше, чѣмъ начальная школа. Что касается занятій перваго рода, то коммиссія постановила, что обученіе грамотѣ взрослыхъ должно лежать на обязанности уѣздныхъ земствъ, а не губернскаго. Повторительныя же занятія, какъ не имѣвшія успѣха во многихъ мѣстахъ, гдѣ земствами различныхъ губерній они устраивались, коммиссія признала нецѣлесообразными.

Относительно третьяго вида занятій со взрослыми коммиссія въ виду того, что въ нашемъ законодательствѣ не предусмотрѣно соотвѣтствующей организаціи для такихъ занятій, постановила разработать этотъ вопросъ и намѣтить организацію на подобіе существующихъ курсовъ для рабочихъ или торговыхъ классовъ московскаго общества распространенія коммерческаго образованія, приспособивъ такую организацію какъ съ формальной, такъ и съ внутренней стороны къ потребностямъ деревни. Впредь до законодательнаго утвержденія новой предполагаемой организаціи общеобразовательныхъ курсовъ для взрослыхъ коммиссія по предложенію докладчика признала необходимымъ пользоваться новѣйшими правилами о народныхъ чтеніяхъ для сообщенія взрослымъ знаній высшихъ, чѣмъ тѣ, которыя могутъ быть даны начальною школой, причемъ на устройство систематическихъ чтеній уѣздныя земства могутъ получать пособіе отъ губернскаго въ размѣрѣ половины расходовъ, произведенныхъ ими на это.

Въ *Рузскомъ* уѣздѣ Моск. губ., подъ впечатлѣніемъ отъ бывшаго въ Москвѣ съѣзда представителей учительскихъ обществъ взаимопомощи, учащіе въ земскихъ школахъ рѣшили въ 1903 г. поспѣшить съ открытіемъ своего мѣстнаго общества.

По предложенію земской управы, они съѣхались въ Рузѣ для

выработки и подписи устава вновь организуемаго общества. Собраніе учащихъ проектировало внести въ нормальный уставъ учительскаго общества слѣдующее существенное измѣненіе. По нормальному обычному уставу „почетные члены-соревнователи пользуются всѣми провами дѣйствительныхъ членовъ (за исключеніемъ правъ на пособіе). Не лишая членовъ-соревнователей ни права рѣшающаго голоса, ни права избранія почти во всѣ должности по обществу, до члена правленія включительно, собраніе учащихъ сдѣлало одно важное исключеніе, постановивъ, что предсѣдателемъ правленія можетъ быть только дѣйствительный членъ общества Въ самомъ концѣ засѣданія былъ поднятъ вопросъ: не лучше ли послать пока на утвержденіе нормальный уставъ, такъ какъ на утвержденіе его можно расчитывать въ самый кратчайшій срокъ. Большинство, боясь, что утвержденіе выработаннаго устава потребуетъ долгаго времени, высказалось за это предложеніе. Что же касается внесенныхъ собраніемъ въ нормальный уставъ измѣненій, то ходатайство о нихъ рѣшено поднять тотчасъ же по утвержденіи нормальнаго устава.

Въ селеніи Рубцовѣ Васильевской волости Рузскаго уѣзда, лѣтомъ 1903 г. происходило освященіе новой школы. Она построена на средства уѣзднаго земства по постановленію очереднаго уѣзднаго земскаго собранія 1902 г., въ ознаменованіе десятилѣтней дѣятельности кн. Павла Дмитріевича Долгорукова, какъ предсѣдателя училищнаго совѣта. На торжество открытія прибыли: предсѣдатель и члены рузской уѣздной земской управы, гласные земскаго собранія, учителя, земскіе врачи и масса крестьянъ селенія Рубцова и сосѣднихъ съ нимъ селеній. Отъ имени крестьянъ селеній Рубцовскаго школьнаго района выражена кн. Долгорукову признательность за его десятилѣтнюю полезную дѣятельность по народному образованію. Затѣмъ старшиною былъ прочтенъ адресъ, въ которомъ говорится, между прочимъ, что крестьянами постановлено внести въ уѣздную земскую управу 100 руб. на устройство народной библіотеки имени князя П. Д. Долгорукова при только что выстроенной школѣ.

Дмитровское очередноо земское собраніе приняло предложеніе управы объ учрежденіи для обсужденія и разрѣшенія вопросовъ народнаго образованія постоянной коммиссіи изъ пяти гласныхъ и пяти попечителей училищъ по избранію земскаго собранія и 10 лицъ педагогическаго персонала земскихъ школъ по назначенію управы. На пополненіе народныхъ библіотекъ ассигновано—602 р., на пополненіе школьныхъ—500 р. и на управскую—250 р.; внесено въ смѣту 300 р. на проектируемые въ 1904 году губернскимъ земствомъ общеобразовательные курсы для учителей; ассигнована суб-

сидія въ 150 р. мѣстной общественной библіотекѣ. Вся смѣта на народное образованіе исчислена почти въ 70.000 руб.

Въ с. Орудьевѣ того же уѣзда Подчерковской волости состоялось открытіе народной библіотеки. Библіотека устроена уѣзднымъ земствомъ при содѣйствіи губернскаго по ходатайству крестьянъ села Орудьева и дер. Непейно, обязавшихся ежегодно уплачивать извѣстную сумму (18 руб.) изъ мірскихъ суммъ на ея содержаніе. Помимо этого среди мѣстной интеллигенціи было собрано около 90 руб. За неимѣніемъ у земства въ селѣ свободнаго помѣщенія библіотека находится въ наемной избѣ крестьянки-бобылки, что освобождаетъ скромный бюджетъ библіотеки отъ расходовъ по отопленію и содержанію сторожа при библіотекѣ. Попечителемъ библіотеки состоитъ мѣстный земскій врачъ, а безплатнымъ библіотекаремъ — учитель.

Въ земской школѣ села Гари, Дмитріевскаго у., происходило въ 1903 г. чествованіе народнаго учителя И. П. Рахманова по случаю исполнившагося 25-ти лѣтія его дѣятельности. Въ чествованіи принимала участіе уѣздная земская управа въ лицѣ предсѣдателя Н. А. Грушки и члена ея Ф. Т. Тимофѣева, которые, привѣтствуя юбиляра отъ имени управы, поднесли ему хлѣбъ-соль. Членомъ училищнаго совѣта Н. П. Поливановымъ было прочитано привѣтствіе отъ имени училищнаго совѣта, а городскимъ волостнымъ старшиной былъ прочитанъ адресъ отъ мѣстныхъ крестьянъ и была поднесена икона. Учителя и учительницы земскихъ школъ предподнесли товарищу золотые часы и въ своемъ привѣтствіи указывали на юбиляра какъ на хорошаго товарища и неутомимаго работника на нивѣ народнаго просвѣщенія. Были высказаны привѣтствія собравшимися земскими врачами, одною изъ земскихъ учительницъ, бывшей его ученицей, и однимъ изъ присутствовавшихъ на чествованіи школьниковъ. Получены также были поздравленія отъ члена губернской земской управы г. Хмѣлева, отъ инспектора г. Молчанова и другихъ лицъ. На юбилей собралось много бывшихъ учениковъ изъ крестьянъ и мѣстной сельской интеллигенціи. Всѣ принимали горячее участіе въ торжествѣ, отмѣчая заслуги И. П. какъ въ школѣ, такъ и во внѣшкольной просвѣтительной дѣятельности: въ устройствѣ и участіи въ земской народной библіотекѣ, народныхъ чтеніяхъ, спектакляхъ и проч.

Можайское земское собраніе постановило: 1) увеличить постепенными прибавками окладъ учащихъ до 450 руб., сравнявъ въ содержаніи помощниковъ со старшими преподавателями; 2) ввести четырехгодичный курсъ въ школахъ съ двумя преподавателями; 3) организовать во всѣхъ земскихъ школахъ народныя чтенія; 4) от-

крыть при управѣ библіотеку имени Императора Александра II. По предложенію предсѣдателя управы гр. Ѳ. А. Уварова, собраніе высказалось за ограниченіе полномочій врачебно - санитарнаго совѣта, предоставивъ усмотрѣнію управы исполненіе его постановленій и приглашеніе на его засѣданія постороннихъ врачей съ правомъ совѣщательнаго голоса. Отъ 31 учащаго земскихъ школъ было подано въ собраніе ходатайство объ организаціи при управѣ „совѣта по народному образованію на коллегіальныхъ началахъ“; но это ходатайство почему-то не было доложено земскому собранію.

Наконецъ, въ *Клинскомъ* земскомъ собраніи постановлено: 1) въ виду недостаточности бюджета ходатайствовать объ участіи земства въ доходахъ казенной винной монополіи, съ тѣмъ, чтобы доходы эти шли на медицинскую помощь народу и на культурно-просвѣтительныя учрежденія; 2) ассигновать 300 р. на устраиваемыя въ Клинскомъ уѣздѣ въ видѣ опыта двѣ воскресныя школы; 3) уравнять въ правахъ учителей земскихъ школъ и ихъ помощниковъ; 4) ассигновать 360 руб. на расширеніе книжнаго склада и распространеніе въ народѣ книгъ.

Переходимъ къ земствамъ *Тверской* губерніи. Тверское губернское земство возбудило въ 1903 г. ходатайство о возможно широкомъ развитіи обществъ, имѣющихъ цѣлью внѣшкольное народное образованіе, губернскихъ, городскихъ съ уѣздными отдѣленіями, съ тѣмъ, чтобы эти общества могли дѣйствовать вполнѣ самостоятельно.

По поводу ходатайства губернскаго земскаго собранія о расширеніи программы учительскихъ семинарій министерство народнаго просвѣщенія увѣдомило, что имъ возбужденъ вопросъ о продленіи курса учительскихъ семинарій съ трехъ до четырехъ лѣтъ. Осуществленіемъ этого мѣропріятія обезпечивается какъ возможность сообщенія воспитанникамъ семинарій всѣхъ необходимыхъ по научнымъ и прикладнымъ предметамъ свѣдѣній, такъ и практическое ознакомленіе воспитанниковъ съ дѣломъ начальнаго образованія. По поводу другого ходатайства губернскаго земскаго собранія о томъ, чтобы всѣ книги, не запрещеныя ученымъ комитетомъ для обращенія въ школьныхъ библіотекахъ, считались разрѣшенными для послѣднихъ, и чтобы въ народныя библіотеки и читальни, а равно и въ учительскія библіотеки допускались всѣ книги и произведенія періодической печати, допускаемыя къ обращенію въ публичныхъ библіотекахъ и общественныхъ читальняхъ,—министерство народнаго просвѣщенія увѣдомило, что въ 1902 г. предпринятъ пересмотръ нынѣ дѣйствующихъ правилъ о порядкѣ разрѣшенія къ обращенію въ ученическихъ и учительскихъ библіотекахъ народныхъ

училищъ, а также въ народныхъ читальняхъ книгъ и учебныхъ пособій въ особой коммиссіи, организованной при министерствѣ, подъ председательствомъ товарища министра, причемъ коммиссіей выработанъ уже проектъ новыхъ по сему предмету правилъ, коими имѣется въ виду устранить неудобства существующаго порядка допущенія книгъ для народнаго чтенія, лишающаго указанныя учрежденія возможности своевременнаго и правильнаго пополненія вновь выходящими изданіями.

По поводу ходатайства тверского губернскаго земскаго собранія о разрѣшеніи устройства воскресныхъ школъ по программамъ двухклассныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, съ введеніемъ въ нихъ дополнительныхъ предметовъ какъ общеобразовательныхъ, такъ и профессіональныхъ, по усмотрѣнію устроителей, а также о разрѣшеніи имѣть библіотеки для учащихся по каталогу безплатныхъ народныхъ библіотекъ-читаленъ—получено увѣдомленіе, что министерствомъ народнаго просвѣщенія въ 1903 году утверждены правила объ урокахъ, учреждаемыхъ при учебныхъ заведеніяхъ для взрослаго населенія, на основаніи §§ 3, 4 п. в. 5, 6 и 7-го коихъ настоящее ходатайство земства въ первомъ его пунктѣ—о разрѣшеніи воскресныхъ школъ съ указаннымъ курсомъ можетъ быть разрѣшено мѣстнымъ учебнымъ начальствомъ въ положительномъ смыслѣ. Равнымъ образомъ не можетъ представиться препятствій къ удовлетворенію и второго пункта объясненнаго ходатайства—о разрѣшеніи имѣть для учащихся въ проектируемыхъ къ учрежденію школахъ библіотекъ по каталогу для безплатныхъ народныхъ библіотекъ-читаленъ.

Лѣтомъ 1903 г. въ Твери состоялось въ высшей степени интересное общее собраніе Общества взаимопомощи учащихъ и учившихъ въ Тверской губерніи.

Большая часть его была посвящена обсужденію тѣхъ ходатайствъ, которыя общество рѣшило возбудить передъ уѣздными земскими собраніями. Ходатайства эти, намѣченныя еще московскимъ съѣздомъ представителей учительскихъ обществъ взаимопомощи, касались самыхъ разнообразныхъ сторонъ учительскаго быта и условій учительскаго труда. Между прочимъ было рѣшено просить уѣздныя земскія собранія о продолженіи курса ученія до четырехъ лѣтъ, объ учрежденіи второго штата во всѣхъ школахъ, гдѣ число учащихся на одного учащаго превосходитъ цифру 40, о снабженіи всѣхъ школъ наглядными учебными пособіями, объ уничтоженіи должности учительскихъ помощниковъ и сравненіи ихъ со старшими учителями. Рядомъ съ этимъ рѣшено возбудить ходатайства объ учрежденіи при управахъ уѣздныхъ школьныхъ совѣтовъ съ уча-

стіемъ представителей учительской корпораціи, по примѣру врачебно-санитарныхъ коммиссій или совѣтовъ. Совершенною новостью въ школьномъ дѣлѣ является ходатайство о предоставленіи учащимъ, по выбору уѣзднаго школьнаго совѣта, годичнаго отпуска съ сохраненіемъ содержанія для пополненія образованія и о предоставленіи всѣмъ лицамъ, прослужившимъ въ данномъ уѣздѣ болѣе 15-ти лѣтъ, права годичнаго отпуска съ сохраненіемъ содержанія для отдыха. Относительно помощи учащимъ въ воспитаніи дѣтей рѣшено просить одиннадцать уѣздныхъ земскихъ собраній ввести у себя въ этомъ отношеніи порядокъ, принятый уже нѣсколько лѣтъ въ новоторжскомъ уѣздномъ земствѣ, гдѣ каждый учащій получаетъ на каждаго ребенка школьнаго возраста, обучающагося въ какомъ-нибудь учебномъ заведеніи хотя бы и на казенный счетъ, по 50 руб. въ годъ. Указывая на то, что московскій съѣздъ представителей учительскихъ обществъ пришелъ къ заключенію, что дѣло народнаго образованія въ Россіи можетъ быть значительно улучшено только тогда, когда будетъ улучшено положеніе учащихъ, Тверское общество высказало надежду, что земскія учрежденія, плодотворная дѣятельность которыхъ въ дѣлѣ народнаго образованія была также отмѣчена съѣздомъ, не оставятъ безъ вниманія возбуждаемыхъ ходатайствъ, и если осуществленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ окажется непосильнымъ земству при нынѣшнихъ его матеріальныхъ средствахъ, тѣмъ не менѣе выскажется принципіально по поводу такихъ ходатайствъ, которыя не могутъ быть осуществлены немедленно.

Предсѣдательствовалъ на засѣданіи одинъ изъ сельскихъ учителей, что̀ вообще является большою рѣдкостью на учительскихъ собраніяхъ. Вечеромъ того-же дня состоялась лекція извѣстнаго приватъ-доцента петербургскаго университета Е. В. Аничкова въ пользу общества: „Современная драма и „На днѣ“ Максима Горькаго“. Интересъ темы и цѣль лекціи привлекли значительное число слушателей, среди которыхъ преобладали учителя и учительницы начальныхъ школъ. Зала была совершенно переполнена, и публика наградила лектора продолжительными рукоплесканіями. Основная мысль лекціи—возрожденіе трагизма въ современной драмѣ и непосредственная связь между драмами А. Чехова и М. Горькаго, рисующими спеціально русскій трагизмъ современной жизни, сущность котораго—въ той безысходной тоскѣ и мертвящей скукѣ, которыя царятъ въ обществѣ.

Въ ноябрѣ 1903 года состоялось знаменитое очередное тверское губернское земское собраніе, которое, въ лицѣ выдающихся своихъ представителей, горячо отстаивало права земства въ дѣлѣ народнаго образованія.

Поводомъ къ этому послужило извѣстное постановленіе тверского очереднаго уѣзднаго земскаго собранія. Именно 9-го ноября въ вечернемъ засѣданіи тверского уѣзднаго земскаго собранія, послѣ разсмотрѣнія и утвержденія доклада уѣздной управы о народномъ образованіи въ уѣздѣ, гласный уѣзднаго земства Столпаковъ внесъ предложеніе о преобразованіи всѣхъ земскихъ школъ въ уѣздѣ въ церковно-приходскія и, о передачѣ земствомъ дѣла образованія въ вѣдѣніе духовенства. Предложеніе это энергично поддерживалъ предсѣдатель собранія уѣздный предводитель Трубниковъ. Противъ предложенія горячо говорили гласные: фонъ-Дервизъ и Петрункевичъ, а также предсѣдатель уѣздной земской управы Нѣмовъ, указывавшій на блестящую постановку школьнаго дѣла въ уѣздѣ, а также и на то, что земство создало это трудное дѣло безъ всякой посторонней помощи, что цѣль земства—широкое развитіе начальнаго образованія—почти достигнута, и что передать дѣло народнаго образованія значитъ отказаться отъ прямыхъ своихъ обязанностей, которыя всегда исполнялись земствомъ честно и добросовѣстно. Уѣздное собраніе, большинствомъ 16-ти голосовъ противъ 7-ми, принявъ предложеніе гласнаго Столпакова, постановило поручить уѣздной земской управѣ разработать проектъ о передачѣ школъ къ будущему 1904 года. Баллотировка предложенія была произведена посредствомъ вставанія. Въ числѣ принявшихъ предложеніе Столпакова находились девять волостныхъ старшинъ и представитель духовенства.

Это „*вставаніе*“, вмѣсто закрытой баллотировки, и рѣшило вопросъ въ желательномъ направленіи.

И вотъ на очередномъ тверскомъ губернскомъ земскомъ собраніи возникли выдающіяся пренія по поводу этого инцидента.

Гласный С. В. де-Роберти первый поднялъ вопросъ о предполагаемой передачѣ школъ Тверского уѣзда въ духовное вѣдомство. По мнѣнію оратора, губернское собраніе должно сказать, что оно не сочувствуетъ тверскому уѣздному земству. Гл. И. И. Петрункевичъ внесъ предложеніе о необходимости подвергнуть принципіальное рѣшеніе тверского уѣзднаго земства относительно передачи школъ духовенству обсужденію губернскаго земскаго собранія, послѣ предварительной разработки его въ редакціонной коммиссіи. Уѣздное земство, по мнѣнію оратора, не имѣло права сдѣлать принципіальное постановленіе о передачѣ школъ духовенству, не испросивъ на то согласія губернскаго земства, на средства котораго строятся школьныя зданія, подготовляется учительскій персоналъ, открываются библіотеки, устраиваются для учащихъ педагогическіе общеобразовательные курсы и т. п.

Попеченіе о народномъ образованіи составляетъ главнѣйшую

задачу земства, возложенную на него закономъ, и если оно не въ силахъ справиться съ этой задачей, или не хочетъ выполнять возложенное на него дѣло, то обязано передать его въ руки губернскаго земства и никакъ не въ распоряженіе духовенства!

Вѣдь духовенство съ грѣхомъ пополамъ справляется даже и со своими-то церковно-приходскими школами.

Что же будетъ съ земскими школами по превращеніи ихъ въ церковно-приходскія? Да, наконецъ, согласится ли населеніе на подобное превращеніе? А спросить его объ этомъ согласіи непремѣнно придется, такъ какъ многія школьныя зданія выстроены на средства населенія. Собраніе постановило передать вопросъ въ редакціонную коммиссію. Противъ передачи были гласные Трубниковъ, Воскресенскій, Паскинъ, Корвинъ-Литвицкій и представитель духовнаго вѣдомства.

Въ представленномъ затѣмъ собранію докладѣ редакціонная коммиссія предложила принять слѣдующія мѣры въ случаѣ, если тверское уѣздное земство не отмѣнитъ полностью своего постановленія о предполагаемой передачѣ школъ: 1) лишить уѣздное земство всякаго кредита, 2) потребовать немедленно возвращенія ссудъ, взятыхъ на постройку школъ, 3) отклонить ходатайство уѣзднаго земства о займѣ 13 тысячъ руб. на постройку школъ впредь до отмѣны имъ своего постановленія и 4) сообщить уѣздному земству о необходимости выплатить эмеритальные взносы за 178 учащихъ земскихъ школъ, остающихся безъ мѣста въ случаѣ осуществленія предположеній уѣзднаго земства. Послѣ рѣчей И. И. Петрункевича и В. Д. Кузьмина-Караваева собраніе большинствомъ всѣхъ противъ восьми постановило принять цѣликомъ докладъ редакціонной коммиссіи.

Одно изъ лучшихъ въ тверской губерніи уѣздныхъ земствъ — *новоторжское* земство въ 1903 году переживало необычайно тяжелое время. Начать съ того, что въ управу поступилъ запросъ по поводу совѣщаній учащихъ земскихъ школъ при земской управѣ. Совѣщанія эти имѣютъ свою исторію, содержаніе которой сводится къ возникновенію различныхъ препятствій къ участію въ нихъ учителей Новоторжскаго уѣзда. Попытки низшей мѣстной учебной администраціи воспретить послѣднимъ это участіе до 1903 года не получали санкціи высшихъ учрежденій, и правильная дѣятельность этихъ совѣщаній чрезвычайно подняла дѣло народнаго образованія въ уѣздѣ. Запросъ, обращенный въ земскую управу, указывая на то, что на одномъ изъ учительскихъ собраній „было постановлено образовать при земской управѣ для завѣдыванія въ уѣздѣ народнымъ образованіемъ особый комитетъ изъ учителей и учительницъ съ правомъ выбрать кандидатовъ на учительскія должности, правомъ суда и удаленія учащихъ

и подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя уѣздной управы, отмѣчаетъ, что „такимъ образомъ, постановленія бывшаго въ Москвѣ въ январѣ сего года съѣзда представителей Обществъ взаимопомощи учащихъ, не получившія надлежащаго утвержденія, проводятся въ жизнь народной школы новоторжскаго уѣзда“. Въ виду этого предлагалось увѣдомить, „дѣйствительно ли существуетъ означенный комитетъ, и въ утвердительномъ случаѣ объяснить, на какихъ основаніяхъ онъ образованъ“. Въ отвѣтѣ на этотъ запросъ управа указала, что предсѣдатель управы созываетъ совѣщанія учащихъ на основаніи предоставленнаго ему закономъ права.

Вслѣдъ за этимъ запросомъ, полились „протесты“ и на цѣлый рядъ другихъ постановленій очереднаго новоторжскаго земскаго собранія. Достаточно сказать, что на разсмотрѣніе губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія передано 20 постановленій: и о томъ, что каждый учащій, уволенный отъ службы по независящимъ отъ него и отъ земства причинамъ, получаетъ единовременно пособіе въ размѣрѣ $1/3$ годового оклада; и о томъ, что учащій, проболѣвшій болѣе четырехъ мѣсяцевъ, жалованья не получаетъ, но ранѣе года не представляется управой къ увольненію; и о правѣ прослужившаго болѣе 15-ти лѣтъ учащаго на годовой отпускъ съ сохраненіемъ содержанія; объ установленіи во всѣхъ земскихъ школахъ четырехгодичнаго курса обученія; далѣе, объ устройствѣ ночлежныхъ пріютовъ для учениковъ изъ отдаленныхъ отъ школъ селеній; объ обязательномъ для управы приглашеніи учащихъ въ совѣщанія ея и коммиссіи гласныхъ по вопросамъ народнаго образованія и о выработкѣ порядка этого приглашенія; объ объявленіи всѣмъ учащимъ, что управа не будетъ выдавать содержанія тѣмъ учащимъ, которые будутъ командированы въ школы инспекціей безъ согласія земской управы; о займѣ въ 15 тыс. руб. на постройку школъ. Далѣе, помимо училищнаго совѣта были уволены шесть учителей. Начальникъ губерніи потребовалъ отъ новоторжской земской управы свѣдѣній о томъ, съ чьего разрѣшенія и для обсужденія какихъ именно вопросовъ 12-го сентября было созвано управой собраніе 150-ти человѣкъ учащихъ.

Предсѣдатель новоторжской управы сообщилъ собранію о дѣйствіяхъ мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ Н. В. Лилеева преслѣдующаго земскихъ учителей незаконными требованіями, самовольно распоряжающагося въ земскихъ школахъ и т. д. Одинъ изъ гласныхъ предложилъ не платить жалованья учителямъ, безъ согласія и вѣдома управы занимающимся въ земскихъ школахъ. Предложеніе поручить управѣ жаловаться на дѣйствія г. Лилеева въ установленномъ порядкѣ до высшихъ инстанцій было собраніемъ принято, при-

чемъ было рѣшено ходатайствовать черезъ губернское собраніе объ изданіи инструкціи гг. инспекторамъ народныхъ училищъ, точно опредѣляющей ихъ права и обязанности, въ виду крайней неопредѣленности настоящаго положенія вещей.

Экстренное *Ржевское* земское собраніе сдѣлало постановленіе объ организаціи горячихъ завтраковъ для учащихся въ земскихъ школахъ уѣзда. Постановленіе было вызвано неурожаемъ 1903-го года; учащіеся нѣкоторыхъ школъ вынуждены идти „на кусочки", бросая занятія. По словамъ врачей, приглашенныхъ въ засѣданіе собранія, въ уѣздѣ развились эпидеміи на почвѣ недоѣданія. Лишенное возможности серьезно помочь населенію уѣзда за передачей продовольственнаго дѣла въ съѣздъ, земство нашло у себя остатки жертвованнаго капитала, которые и постановило предоставить управѣ на подачу помощи школьникамъ.

Ярославская губернская земская управа въ 1903 г. получила отъ директора народныхъ училищъ Мочульскаго бумагу, въ которой сообщался отзывъ особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія о временныхъ педагогическихъ курсахъ для народныхъ учителей ярославской губ., устроенныхъ въ 1900 году губернскимъ земствомъ въ гор. Ярославлѣ.

Особый отдѣлъ, разсмотрѣвъ отчетъ о курсахъ, нашелъ слѣдующіе *недостатки* въ постановкѣ и веденіи курсовыхъ занятій. Во-первыхъ, на курсахъ присутствовали представители печати и лица постороннія, что противорѣчитъ правиламъ объ устройствѣ курсовъ; во-вторыхъ, преподаваніе велось въ видѣ курсовъ и лекцій и не соотвѣтствовало уровню подготовленности и развитія съѣхавшихся на курсы учителей и учительницъ; въ третьихъ, содержаніе и характеръ лекцій педагога Бунакова также не могутъ считаться подходящими для слушателей, не получившихъ средняго и спеціальнаго образованія. Кромѣ того указывается, что отчетъ о курсахъ составленъ неудовлетворительно и неясно. Особый отдѣлъ признаетъ на будущее время нежелательнымъ представленіе подобныхъ отчетовъ въ министерство народнаго просвѣщенія.

Вообще особый отдѣлъ ученаго комитета признаетъ какъ веденіе, такъ и организацію курсовъ неправильными. Что же касается общей успѣшности курсовыхъ занятій и вліянія ихъ на слушателей, то особый отдѣлъ, не имѣя надлежаще составленнаго отчета о курсахъ, затрудняется придти къ какому-либо опредѣленному по сему предмету заключенію.

Таковы „недостатки" земскихъ педагогическихъ курсовъ, съ точки зрѣнія особаго отдѣла ученаго комитета.

Ярославское губернское собраніе въ 1903 году началось рѣчью ярославскаго губернатора, Роговича.

Губернаторъ заявилъ на собраніи, что имъ опротестовано постановленіе пошехонскаго уѣзднаго земскаго собранія, отказавшаго въ пособіи 2.000 р. церковно-приходскимъ школамъ, каковое выдавалось въ предыдущіе годы; полагая, что церковно-приходскія школы обслуживаютъ интересы значительной части населенія, губернаторъ призналъ постановленіе пошехонскаго земства не соотвѣтствующимъ мѣстнымъ пользамъ и нуждамъ и потому передалъ его на заключеніе губернскаго собранія.

Изъ постановленій ярославскаго губернскаго земскаго собранія отмѣтимъ нижеслѣдующія:

1) ассигновать на образовательныя экскурсіи учителей и учительницъ 200 руб., по 20 руб. на учащаго; 2) признать желательнымъ снабженіе наглядными пособіями всѣхъ школъ и устройство музея наглядныхъ учебныхъ пособій при земской управѣ, ассигновавъ на это въ дополненіе къ 125 руб., внесенныхъ въ смѣту на каждый уѣздъ губернскою управой. еще 125 руб., на приглашеніе завѣдующаго этимъ музеемъ собраніе ассигновало 420 р.; 3) относительно введенія четырехгодичнаго курса въ начальныхъ женскихъ школахъ гласные изъ крестьянъ единодушно провалили этотъ вопросъ. Они стояли на той точкѣ зрѣнія, что разъ курсъ преподаванія въ начальной школѣ остается тотъ же самый, то и не имѣетъ смысла увеличивать продолжительность обученія.

Губернская школьная коммиссія, предсѣдателемъ которой состоитъ извѣстный земскій и общественный дѣятель, кн. Д. И. Шаховской, разослала по губерніи запросы о томъ, насколько населеніе въ лицѣ сельскихъ обществъ и частныхъ лицъ готово помочь земству по введенію въ губерніи всеобщаго обученія ко времени 50-лѣтія со дня освобожденія крестьянъ, т. е. къ 19-му февраля 1911 года.

Особенно сильное напряженіе средствъ потребуется для введенія всеобщаго обученія въ Пошехонскомъ уѣздѣ, гдѣ придется выстроить вновь 46 училищъ. Въ остальныхъ уѣздахъ число имѣющихъ быть открытыми училищъ менѣе, именно: въ Романовскомъ и Угличскомъ по 37, Даниловскомъ 30, Мологскомъ 29, Мышкинскомъ 25, Ростовскомъ и Рыбинскомъ по 24, Любимскомъ 22 и Ярославскомъ 21.

По иниціативѣ предсѣдателя *Кинешемской* уѣздной земской управы П. В. Калачова въ 1903 г. организовалась заграничная экскурсія учительницъ земскихъ школъ—Кинешемскаго уѣзда, ярославской губерніи. Цѣль поѣздки—осмотрѣть школы, музеи, галлереи и т. д. болѣе выдающихся городовъ Германіи, Швейцаріи и

Австріи. Средства для задуманнаго путешествія пожертвованы частью самимъ иниціаторомъ этого дѣла, частью купцами мѣстнаго края; каждая изъ экскурсантокъ должна будетъ уплатить 75 руб., причемъ земство согласилось сдѣлать такого рода льготу: за августъ мѣсяцъ (время отправленія за границу) вычитало у учительницъ полностью все жалованье, а въ остальные пять мѣсяцевъ—по 10 руб.

Кинешемское уѣздное земское собраніе постановило въ видѣ опыта ввести четырехгодичный курсъ обученія въ одномъ изъ начальныхъ училищъ; для окончившихъ курсъ начальныхъ училищъ организовать дополнительные курсы.

Очередное *Мологское*, ярославской губ. уѣздное земское собраніе 1902 года постановило ассигновку на церковно-приходскія школы уменьшить съ 1.200 руб. до 900 руб. Это постановленіе отмѣнено губернскимъ по городамъ и земскимъ дѣламъ присутствіемъ. Экстренное собраніе, соглашаясь съ докладомъ управы, постановило принести жалобу въ правительствующій сенатъ на постановленіе губернскаго присутствія.

(*Окончаніе будетъ*).

И. П. Бѣлоконскій.

Къ вопросу объ упрощеніи русскаго правописанія.

(*Продолженіе*).

Въ § 1 авторъ „Опыта“ перечисляетъ буквы русской азбуки, при чемъ, въ отличіе отъ общепринятаго алфавита, отводитъ особое мѣсто буквамъ *ё*, *й* и исключаетъ буквы *ѣ* и *ѳ* *).

Такъ какъ дѣйствительно *ё* и *й* обозначаютъ особые звуки сравнительно съ звуками, изображаемыми подобными же начертаніями (*е*, *и*), то, несомнѣнно, буквы эти на законномъ основаніи могутъ требовать для себя и особаго мѣста среди своихъ товарищей.

Съ изгнаніемъ изъ русскаго алфавита *ѳ*, противъ которой вооружался еще Тредьяковскій, можно, конечно, примириться, если принять во вниманіе, что буква эта употребляется лишь въ иностранныхъ словахъ для обозначенія звука, несвойственнаго русскому языку и замѣняемаго вполнѣ звукомъ, для котораго есть уже болѣе употребительная буква *ф*. Для лицъ, незнакомыхъ съ иностранными языками, удаленіе *ѳ* будетъ, конечно, нѣкоторымъ облегченіемъ.

Что касается уничтоженія буквы *ѣ* и замѣны ея буквою *е*, то объ удобствѣ такого нововведенія, самаго крупнаго въ „Опытѣ“, мы поговоримъ ниже.

Въ слѣдующихъ трехъ параграфахъ, заключающихъ въ себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія по фонетикѣ, мы находимъ два мѣста, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ правописанію: въ § 2 авторъ „Опыта“ говоритъ объ употребленіи буквъ *и*, *і*, а въ § 4—объ употребленіи буквы *ъ*.

Объ употребленіи *и*, *і* мы скажемъ теперь же, а объ употребленіи *ъ*—нѣсколько ниже, когда будемъ говорить о буквѣ *ь*.

Правило объ употребленіи буквъ *и*, *і*, предлагаемое проф. Воеводскимъ **), дѣйствительно нѣсколько упрощаетъ дѣло, такъ какъ,

---

*) Проф. Воеводскій напрасно въ числѣ буквъ общепринятой азбуки помѣщаетъ ижицу—она и такъ уже исключена.

**) „Гласный мягкій предъ согласнымъ и въ концѣ слова“ обозначается „буквою и, предъ гласнымъ или полугласнымъ—буквою і“ („Опытъ“, § 2, стр. 1).

благодаря ему, уничтожается необходимость запоминать, при теперешнемъ правописаніи, два исключенія изъ этого правила: слово *миръ* въ обоихъ значеніяхъ будетъ писаться одинаково, какъ это предлагалъ и Вл. П. Шереметевскій („Сочиненія Вл. П. Шереметевскаго“, 1897 г.); такія слова, какъ *шестиэтажный*, *ниоткуда*, получатъ начертанія *шестіэтажный*, *ніоткуда*.

Кажется однако, что при той точкѣ зрѣнія, какой держится авторъ „Опыта“, можно было бы пойти еще дальше и предложить полное уничтоженіе одной изъ двухъ буквъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Въ самомъ дѣлѣ: если держаться при установленіи правописанія преимущественно фонетическаго принципа и отчасти этимологическаго, какъ это дѣлаетъ проф. Воеводскій, если стараться избѣгать всякихъ случайныхъ уклоненій,—то зачѣмъ же оставлять для одного и того же звука двѣ буквы, различеніе которыхъ является результатомъ лишь условнаго соглашенія, хотя и давнишняго, и не имѣетъ никакихъ, какъ кажется, основаній ни съ этимологической точки зрѣнія, ни съ фонетической?

Можно, пожалуй, возразить на это, что такое уничтоженіе одного изъ знаковъ для звука *і* было бы рѣзкимъ нарушеніемъ того, къ чему мы давно уже привыкли; но вѣдь еще болѣе рѣзкимъ нарушеніемъ и того, къ чему привыкъ нашъ глазъ, и того, что имѣетъ за собою прочное историческое основаніе, является уничтоженіе буквы *ѣ*, которую изгоняетъ же проф. Воеводскій изъ нашего алфавита. Положимъ, правило относительно начертанія *і* и *и* отличается удобопонятностью, и потому несравненно легче правильно различать на письмѣ *и* и *і*, чѣмъ *ѣ* и *е*; но зачѣмъ же это все-таки лишнее правило, если оно не имѣетъ никакихъ основаній, кромѣ привычки, которой однако и быть не можетъ у тѣхъ, которымъ впервые будетъ сообщаться это правило?

Можно еще отвѣтить словами Ломоносова, что *і* оставлено лишь для того, „чтобы частое стеченіе подобныхъ буквъ непріятнымъ видомъ взору не казалось противно и въ чтеніи запинаться не принуждало“ *).

Но опять-таки подобное возраженіе можетъ имѣть значеніе лишь по отношенію къ тѣмъ, которые дѣйствительно уже привыкли писать въ однихъ случаяхъ *и*, въ другихъ *і*; „взору“ же тѣхъ лицъ, которыя только будутъ еще обучаться, не можетъ казаться „противно“ то, къ чему ихъ станутъ пріучать съ самаго начала обученія, какъ нашему „взору“ не кажется „противной“, напр., постановка рядомъ одинаковыхъ гласныхъ или согласныхъ,—такихъ, положимъ, соглас-

---

*) „Филологическія разысканія“, т. II, стр. 172 (изд. 1885 г).

ныхъ, какъ *ѣ*, похожихъ по начертанію на *и*. Каждому, вѣроятно, учителю попадались такіе учащіеся, которые нисколько не стѣснялись ставить рядомъ два *и*, хотя и правило знали и ужъ не разъ, конечно, и не два видѣли иное начертаніе въ книгѣ.

Кромѣ того, и тѣ лица, которыя занимались изученіемъ церковно-славянскаго текста, могутъ, вѣроятно, сказать, что необычная съ точки зрѣнія укоренившагося у насъ правила постановка *и* едва-ли долгое время смущала ихъ взоръ, хотя глазъ ихъ долженъ былъ привыкнуть къ иной постановкѣ этой буквы.

Такимъ образомъ двоякое начертаніе звука *і* можетъ быть оправдано лишь давнишнимъ употребленіемъ его. Сохраненіе такого начертанія въ „Руководствѣ" Грота вполнѣ понятно, такъ какъ Гротъ прямо намъ говоритъ, что онъ, не желая рѣзко измѣнять установившееся уже правописаніе, оставлялъ то, что, не имѣя научныхъ основаній, тѣмъ не менѣе, въ силу обычая, прочно утвердилось въ нашемъ правописаніи. По всей вѣроятности, и проф. Воеводскій на томъ же основаніи оставилъ безъ особыхъ измѣненій двоякое начертаніе звука *і*, хотя объ этомъ можно лишь догадываться, такъ какъ авторъ „Опыта" признаетъ лишь два начала правописанія—фонетическое и этимологическое, въ силу чего долженъ былъ бы уничтожать все то, что не оправдывается этими началами, какъ это и сдѣлано по отношенію къ буквамъ *ѣ* и *ѳ*.

Въ §§ 6, 7, 8, 16, 17 проф. Воеводскій даетъ отдѣльныя правила правописанія, касающіяся согласныхъ.

Въ § 6—„Уподобленіе звуковъ"—авторъ „Опыта" говоритъ такъ: „въ концѣ этимологическихъ элементовъ переходъ основного *звонкаго* согласнаго въ соотвѣтствующій *глухой*, и, наоборотъ, *глухого* въ *звонкій* на письмѣ не обозначается".

Дается, слѣдовательно, обычное правило, при чемъ указывается и обычный пріемъ, какъ примѣнять его на практикѣ „...слѣдуетъ пріискать такое слово, или, если дѣло идетъ о предлогѣ, такое сочетанье словъ, въ которомъ за элементомъ, кончающимся на подлежащій опредѣленію звукъ, слѣдовалъ бы гласный, носовой, или плавный звукъ".

Какой же принципъ положенъ въ основу этого правила? Несомнѣнно, этимологическій, а не фонетическій, что̀ видно какъ изъ формулировки правила, такъ и изъ того, что предлагаемымъ правиломъ уничтожается, повидимому, исключеніе, примѣняемое въ общепринятой системѣ правописанія по отношенію къ приставкамъ *воз*, *из*, *низ*, *раз*, въ которыхъ, подъ вліяніемъ произношенія, принято, въ извѣстныхъ всѣмъ случаяхъ, замѣнять *з* чрезъ *с*.

Уничтоженіе этого исключенія, вызывавшаго и продолжающаго вызывать нападки со стороны многихъ лицъ (см., напр., „Сочиненія В. П. Шереметевскаго“, стр. 245 и слѣд.), облегчаетъ, конечно, дѣло, особенно, если принять во вниманіе, что поблажка фонетическому принципу въ этомъ случаѣ распространяется почему-то лишь на 4 упомянутыя приставки, не трогая приставокъ *без* и *чрез*; но облегченіе-то это основано на болѣе широкомъ примѣненіи этимологическаго начала, а не фонетическаго; слѣдовательно, въ данномъ случаѣ проф. Воеводскій идетъ дальше Грота.

Является затѣмъ такой вопросъ: возможно-ли при примѣненіи указаннаго правила руководствоваться „достаточной ясностью этимологическаго состава“, и какъ опять-таки понимать эту „ясность“. Если разбираемое нами правило, какъ требуетъ этого прямой смыслъ его, мы должны примѣнять на практикѣ безусловно, то при написаніи тѣхъ словъ, которыя заканчиваются въ произношеніи какой-бы то ни было согласной и въ которыхъ слышатся рядомъ какіе-бы то ни было согласные—различные или одинаковые, придется обращать вниманіе исключительно на этимологическій составъ слова и писать сообразно съ этимъ составомъ. Поэтому, если составъ какого-нибудь слова указаннаго нами типа окажется для пишущаго неяснымъ, то въ такомъ случаѣ не будетъ соблюдено правило, предлагаемое проф. Воеводскимъ. Для того же, чтобы соблюсти его, пишущій, не полагаясь на свое личное мнѣніе, которое можетъ быть весьма ошибочно, долженъ въ томъ или иномъ сомнительномъ для него случаѣ справиться въ какомъ-либо надежномъ источникѣ, справедливо-ли его сомнѣніе насчетъ ясности этимологическаго состава.

Самымъ надежнымъ, конечно, источникомъ является наука, которая или объяснитъ намъ составъ извѣстнаго слова, или отвѣтитъ, что тѣ данныя, которыми она располагаетъ въ настоящій моментъ, не даютъ ей возможности опредѣленно рѣшить этотъ вопросъ, или, наконецъ, признается откровенно, что предложеннаго вопроса она, пока, по крайней мѣрѣ—вовсе не можетъ рѣшить.

Вполнѣ подходящимъ для большинства руководствомъ при такихъ справкахъ можетъ служить „Русское правописаніе“ Грота.

Быть можетъ, однако, никакихъ особыхъ справокъ относительно этимологическаго состава словъ и не требуется? Быть можетъ, для опредѣленія состава словъ достаточно и тѣхъ знаній у пишущихъ, которыя предлагаетъ проф. Воеводскій (знаніе элементарной грамматики и литературнаго произношенія)? Утвердительный отвѣтъ на эти вопросы вполнѣ естественъ, если имѣть въ виду формулировку основного правила „Опыта“. Но возможно ли примириться съ такимъ отвѣтомъ? Если предоставить пишущимъ полную свободу въ

опредѣленіи состава словъ на основаніи тѣхъ знаній, которыя предлагаетъ проф. Воеводскій, то, какъ мы говорили уже, получится крайнее разнообразіе какъ въ примѣненіи правилъ „Опыта“ вообще, такъ и разбираемаго правила въ частности. Однако такого свободнаго отношенія къ этимологическому составу словъ и къ своимъ правиламъ проф. Воеводскій не допускаетъ, что видно, между прочимъ, изъ начертанія указанныхъ уже нами словъ — *изкаженье*, *изподволь* и *распря*, *востокъ*, изъ которыхъ первыя два написаны сообразно съ этимологическимъ ихъ составомъ, а послѣднія два согласно съ произношеніемъ, хотя трудно сказать, почему это составъ словъ *изкаженье*, *изподволь* долженъ быть вполнѣ ясенъ для знающихъ лишь элементарную грамматику, а составъ словъ *распря*, *востокъ* вовсе неясенъ *). Очевидно, степень ясности состава словъ опредѣляется проф. Воеводскимъ на основаніи какихъ-то особыхъ соображеній, едва ли достаточно ясныхъ, особенно для тѣхъ лицъ, для облегченія которыхъ составленъ „Опытъ“. Можно ли, напр., считать яснымъ, съ точки зрѣнія автора „Опыта“, составъ такихъ словъ, какъ *распятъ*, *воскресъ*, *расторгнутъ* и многихъ другихъ подобныхъ, или нѣтъ?

Слѣдовательно, пишущій на основаніи „Опыта“ проф. Воеводскаго очутится, какъ кажется, въ болѣе непріятномъ положеніи, чѣмъ пользующійся „Руководствомъ“ Грота: справляться относительно этимологическаго состава словъ придется все же и тому и другому, но послѣдователь Грота въ состояніи въ тѣхъ или иныхъ сомнительныхъ случаяхъ разрѣшить свои сомнѣнія, а послѣдователь проф. Воеводскаго сдѣлать этого не можетъ, такъ какъ опредѣленныхъ указаній относительно „достаточной ясности“ состава слова въ „Опытѣ“ онъ не найдетъ.

Кромѣ того, слѣдуетъ ли при примѣненіи разбираемаго правила принимать во вниманіе степень рѣзкости нарушенія фонетическаго принципа, о чемъ говоритъ проф. Воеводскій въ основномъ правилѣ?

---

*) Какъ видно изъ начертанія словъ *распря*, *востокъ*,—и проф. Воеовдскій допускаетъ исключеніе изъ своего правила въ пользу фонетическаго начертанія нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, приставокъ (*раз*, *воз*). Положимъ, приставки эти, съ точки зрѣнія проф. Воеводскаго, теряютъ въ такомъ случаѣ значеніе приставокъ и входятъ въ составъ корня; но дѣло въ томъ, что, опираясь на „достаточную ясность“ состава слова, проф. Воеводскій тѣмъ самымъ не даетъ прочной опоры для правильнаго примѣненія указаннаго исключенія. Если извѣстное исключеніе относительно приставокъ *воз*, *из*, *низ*, *раз*, рекомеднуемое Гротомъ, и можно вполнѣ основательно считать лишнимъ, то нельзя все же не сказать, что формулировано оно вполнѣ ясно и опредѣленно, чего мы не видимъ у проф. Воеводскаго.

Кажется, что не слѣдуетъ, какъ мы говорили уже объ этомъ при разборѣ основного правила. Такое предположеніе подтверждается, по отношенію къ разсматриваемому правилу, объясненіемъ правописанія снова *гладкій*, приведеннымъ въ примѣчаніи къ § 5: „сохраненье основной формы (глад-кій) не представляетъ рѣзкаго нарушенія фонетическаго принципа, согласно которому слѣдовало бы писать *глаткій*“ *). Можно, кажется, вывести отсюда заключеніе, что и вообще при замѣнѣ звонкихъ согласныхъ глухими и глухихъ звонкими въ случаяхъ, указанныхъ въ разсматриваемомъ § 6, не можетъ быть рѣзкаго нарушенія фонетическаго принципа.

При такихъ условіяхъ пользованіе правиломъ проф. Воеводскаго объ уподобленіи согласныхъ, несомнѣнно, облегчается; но облегченіе то это основывается на полномъ уничтоженіи возможности фонетическаго начертанія въ тѣхъ словахъ, къ которымъ примѣнимо разбираемое правило.

Итакъ, правило объ уподобленіи звуковъ выдвигаетъ на первый планъ принципъ этимологическій, совершенно устраняя фонетическій принципъ; примѣненіе этого правила на практикѣ не будетъ вызывать недоразумѣній въ томъ лишь случаѣ, если проф. Воеводскій ясно и опредѣленно укажетъ пишущимъ, чѣмъ именно слѣдуетъ руководствоваться при опредѣленіи ясности этимологическаго состава словъ.

Вызываетъ недоразумѣнія и правило объ удвоеніи согласныхъ (§ 7). Вопросъ объ удвоеніи согласныхъ, весьма важный самъ по себѣ, по отношенію къ правописанію разработанъ—до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ—не вполнѣ удовлетворительно, что объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что довольно таки трудно, при общепринятомъ начертаніи словъ, объединить различные случаи удвоенія (преимущественно фонетическаго) и дать для обозначенія его на письмѣ вполнѣ опредѣленныя правила, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ не особенно легко опредѣленно рѣшить вопросъ, съ ка-

*) Это объясненіе проф. Воеводскаго подтверждаетъ отчасти высказанное уже нами мнѣніе о томъ, на сколько трудно пользоваться на практикѣ ссылкой автора „Опыта“ на „рѣзкое нарушеніе фонетическаго принципа“. Не будетъ, кажется, ошибки, если мы скажемъ. что начертаніе *гладкій* представляетъ собою довольно-таки рѣзкое нарушеніе произношенія: если мы попытаемся при произношеніи слова *гладкій* въ точности воспроизвести звукъ *д*, то или произойдетъ рѣзкое раздѣленіе слова на двѣ части *глад—кій*), или, при стараніи произнести обѣ части слитно, между звуками *д* и *к* появится неопредѣленный гласный звукъ. Произношеніе въ томъ и другомъ случаѣ значительно отличается отъ дѣйствительнаго произношенія.

кимъ именно видомъ удвоенія мы имѣемъ дѣло—съ фонетическимъ или этимологическимъ.

Какъ же по отношенію къ правописанію рѣшаетъ вопросъ объ удвоеніи согласныхъ проф. Воеводскій?

„Изъ числа *удвоеній* звука, говорится въ § 7, на письмѣ отмѣчается *этимологическое* удвоеніе въ словахъ, этимологическій составъ которыхъ вполнѣ ясенъ; а также фонетическое удвоеніе звука *н*, когда оно слышится отчетливо".

Правило, повидимому, простое; но что выходитъ при примѣненіи его на практикѣ?

Такъ какъ, по мнѣнію проф. Воеводскаго, основнымъ началомъ правописанія, для облегченія пишущаго, долженъ быть принципъ фонетическій, то пишущій при начертаніи слова долженъ прежде всего обращать вниманіе на произношеніе и затѣмъ уже, основываясь на произношеніи, примѣнять къ такъ или иначе произносимому слову подходящее правило „Опыта".

Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ мысль о примѣненіи правила объ удвоеніи согласныхъ, предлагаемаго проф. Воеводскимъ, можетъ явиться у пишущаго лишь тогда, когда въ произношеніи вполнѣ ясно, отчетливо, какъ говоритъ проф. Воеводскій, слышится удвоеніе; если же этого удвоенія не слышится вовсе, то пишущему, конечно, и въ голову не придетъ рѣшать вопросъ, этимологическое ли здѣсь удвоеніе, или фонетическое, такъ какъ не можетъ и вообще быть мысли объ удвоеніи.

Естественно, что въ такихъ случаяхъ у пишущаго окажется одна буква, соотвѣтствующая одному звуку, который ясно слышится въ произношеніи, хотя бы на самомъ дѣлѣ, по этимологическому составу слова, буквъ должно бы было быть двѣ—такихъ случаевъ, при теперь принятомъ правописаніи, найдется достаточно.

Съ точки зрѣнія теперешняго правописанія, въ которомъ господствуетъ начало этимологическое, такое написаніе должно быть признано ошибочнымъ,—а съ точки зрѣнія проф. Воеводскаго? Вѣроятно, правильнымъ, такъ какъ основой правописанія должно быть произношеніе. Оказывается однако на дѣлѣ, что и съ точки зрѣнія проф. Воеводскаго предполагаемыя нами начертанія должны быть признаны тоже ошибочными.

Обращая вниманіе на правописаніе самого проф. Воеводскаго, который пишетъ въ „Опытѣ" сообразно съ своими же правилами, мы невольно останавливаемся надъ словомъ *русскій*, которое проф. Воеводскій изображаетъ обычно. Почему же такъ? Вѣдь въ произношеніи слова *русскій* не слышно „отчетливо" двухъ *с*? Что же заставило проф. Воеводскаго написать здѣсь два *с*, что можетъ заста-

вить и всякаго пишущаго сдѣлать то же? Несомнѣнно, авторъ „Опыта" свое начертаніе слова *русскій* чрезъ два *с* долженъ объяснить, сообразно съ даннымъ имъ правиломъ, такимъ образомъ: такъ какъ этимологическій составъ слова *русскій* вполнѣ ясенъ (корень *рус* + суффиксъ *скій*), то являющееся здѣсь этимологическое удвоеніе отмѣчается на письмѣ.

Что этимологическій составъ разбираемаго слова ясенъ, это несомнѣнно; но несомнѣнно также и то, что мысль о такомъ составѣ можетъ явиться не подъ вліяніемъ произношенія этого слова, а подъ вліяніемъ чего-то иного,—убѣжденія, что прежде, чѣмъ написать слово, необходимо обратить особенное вниманіе на составъ его, а не на произношеніе, которое часто вовсе не соотвѣтствуетъ тому, что должно получиться на письмѣ.

Но какой же въ такомъ случаѣ принципъ, при примѣненіи разбираемаго правила, выступаетъ на первый планъ? Ясно, что этимологическій, а не фонетическій.

Обычно же, подобно слову *русскій*, пишетъ проф. Воеводскій и слово *одиннадцать*.

Если при общепринятомъ правописаніи зачастую встрѣчается ошибочное начертаніе этого слова (пишутъ нерѣдко одно *н*), то едва ли придетъ въ голову мысль о правильномъ начертаніи его при пользованіи „Опытомъ" проф. Воеводскаго, такъ какъ произношеніе даетъ лишь одно *н*. Почему же проф. Воеводскій пишетъ два *н*? Очевидно, потому, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ этимологическимъ удвоеніемъ *н*. Какъ же узнать это? Опять-таки, не довѣряя слуху, слѣдуетъ прежде всего разсмотрѣть составъ слова.

Мы взяли примѣры, когда этимологическое удвоеніе не обозначается въ произношеніи, но къ необходимости сообразоваться прежде всего съ этимологическимъ составомъ слова мы можемъ придти и въ тѣхъ случаяхъ, когда удвоеніе согласнаго ясно въ произношеніи. Мы имѣемъ въ виду тѣ случаи, когда удвоеніе согласнаго въ произношеніи есть результатъ уподобленія согласныхъ какъ въ корняхъ словъ, такъ и при соединеніи различныхъ элементовъ слова,—напр., въ словахъ *подтянуть* (въ произношеніи приблизительно — *поттянуть*), *сшибить* (шшибить), *разсѣлина* (рассѣлина), *сжечь* (жжечь), *брюзжать* (брюжжать), *высшій* (вышшій) и т. д. *).

---

*) Судя по общему характеру письма въ „Опытѣ" и по начертанію слова *высшихъ* (стр. 12), мы можемъ предположить, что перечисленныя нами слова, въ отношеніи согласныхъ, проф. Воеводскій пишетъ такъ, какъ принято.

Какъ же долженъ разсуждать пишущій по „Опыту“ при начертаніи перечисленныхъ словъ?

Прежде всего, подъ вліяніемъ произношенія, должна у него явиться мысль объ удвоеніи; удвоеніе въ этихъ словахъ можетъ быть лишь этимологическое (фонетическое удвоеніе, по словамъ проф. Воеводскаго, бываетъ только по отношенію къ *н*); нужно, слѣдовательно, разсмотрѣть составъ словъ. Если составъ словъ окажется для пишущаго яснымъ, то онъ невольно придетъ къ правилу объ уподобленіи согласныхъ, основанному, какъ мы видѣли, на началѣ этимологическомъ; если же составъ нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ нами словъ окажется недостаточно яснымъ (вполнѣ возможно допустить это по отношенію къ такимъ словамъ, какъ *разсѣлина*, *брюзжать*, *сжечь*, *высшій*), то получатся, на основаніи примѣненнаго точно правила объ удвоеніи согласныхъ, такія начертанія: *расѣлина*, *брюжать*, *жечь*, *вышій*.

Правильны-ли такія начертанія?

Пишущій основывался на произношеніи, примѣнилъ точно правило объ удвоеніи — слѣдовательно и написалъ правильно. Но такъ какъ проф. Воеводскій пишетъ *высшій*, то начертаніе этого слова, предположенное нами, во всякомъ случаѣ должно быть признано неправильнымъ; для того же, чтобы написать и это слово и подобныя ему правильно, необходимо, не обращая вниманія на произношеніе, имѣть въ виду прежде всего этимологическій составъ ихъ.

Выйдутъ недоразумѣнія и при примѣненіи правила проф. Воеводскаго о фонетическомъ удвоеніи *н*, которое изображается на письмѣ лишь тогда, „когда оно слышится отчетливо“.

Просматривая „Опытъ“, мы видимъ, что во всѣхъ случаяхъ полныя формы причастій прошедшаго времени страд. залога проф. Воеводскій пишетъ, какъ и принято, чрезъ двойное *н* (*образованныхъ*, *готованный*, *розчлененнаго*, *построеннаго*, *допущенныя*, *заимствованныя*, *изложеннаго*, *подобраннымъ* и т. д.); чрезъ двойное же *н* проф. Воеводскій пишетъ и встрѣчающіяся въ „Опытѣ“ имена прилагательныя какъ полной, такъ и краткой формы, въ которыхъ принято, по „Руководству“ Грота, писать два *н* (напр., *подлинныя*, *существенны*); наоборотъ, одно *н* встрѣчаемъ тамъ же, гдѣ и обычно пишется одно *н*. Кажется, въ правѣ мы заключить, что, если и не всѣ, быть можетъ, прилагательныя, въ которыхъ теперь пишется два *н*, также будутъ изображены и проф. Воеводскимъ, то во всякомъ случаѣ причастія прош. времени страд. залога какъ въ полной, такъ и въ краткой формѣ проф. Воеводскій изображаетъ согласно съ общепринятымъ обычаемъ *).

---

*) Такъ, проф. Воеводскій пишетъ: *признана*, *обозначена*, *установлено*,

Но вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ утверждать, что во всѣхъ такъ называемыхъ полныхъ причастіяхъ всегда „отчетливо“ слышится двойное *н*, если, конечно, мы будемъ произносить ихъ такъ, какъ они обыкновенно произносятся, а не станемъ нарочно удваивать согласный, чтобы доказать, что слышатся два *н*.

Нельзя также утверждать и того, что въ произношеніи краткихъ формъ разсматриваемыхъ причастій и намека нѣтъ на удвоеніе *н*, за исключеніемъ, конечно, формъ мужескаго рода ед. числа, въ которыхъ, вслѣдствіе отсутствія послѣ *н* гласнаго, дѣйствительно не слышно удвоенія.

Думается намъ, что мы не ошибемся, если скажемъ, что какъ полныя формы разсматриваемыхъ причастій, такъ и краткія, за исключеніемъ формъ муж. рода ед. числа, произносятся — въ большинствѣ, по крайней мѣрѣ, случаевъ — одинаково, при чемъ въ однихъ словахъ произношеніе болѣе склоняется къ удвоенію *н*, въ другихъ—-менѣе.

Въ виду такой неустойчивости въ произношеніи разсматриваемыхъ формъ причастій едва-ли удобно пользоваться правиломъ проф. Воеводскаго, въ силу котораго фонетическое удвоеніе *н* слѣдуетъ отмѣчать на письмѣ лишь тогда, когда оно слышится „отчетливо“. Если мы захотимъ въ точности слѣдовать правилу проф. Воеводскаго, то какъ въ полныхъ формахъ причастій, такъ и въ краткихъ мы должны будемъ писать то два *н*, то одно, что однако, съ точки зрѣнія самого же проф. Воеводскаго, должно быть признано ошибочнымъ, такъ какъ проф. Воеводскій, судя по начертанію словъ въ „Опытѣ“, полныя формы причастій пишетъ всегда чрезъ два *н*, а краткія — чрезъ одно *н*, руководствуясь при этомъ, конечно, не своимъ правиломъ, а правиломъ общепринятаго правописанія. Не можетъ быть сомнѣнія, что, зная общепринятое правило, заставляющее насъ полныя формы причастій писать чрезъ два *н*, а краткія— чрезъ одно, мы можемъ, безъ особыхъ усилій, заставить себя и произнести данныя формы причастій согласно съ ихъ начертаніемъ— получится такимъ образомъ полное, повидимому, подтвержденіе правила, рекомендуемаго проф. Воеводскимъ. Надо думать, однако, что правила проф. Воеводскаго предназначаются не для тѣхъ лицъ, которыя и безъ нихъ уже умѣютъ правильно писать, отдавая себѣ отчетъ въ тѣхъ или иныхъ начертаніяхъ словъ, а для тѣхъ, которыя незнакомы ни съ какой системой правописанія; для послѣднихъ

употреблены (стр. 3, 5, 10). Нѣсколько примѣровъ полныхъ формъ прич. мы привели выше.

же правило проф. Воеводскаго можетъ быть лишь источникомъ недоумѣній и ошибокъ *).

Если правильное употребленіе на письмѣ удвоеннаго *н* и представляетъ затрудненія при пользованіи правилами общепринятаго правописанія, основаннаго на „Руководствѣ" Грота, то во всякомъ случаѣ въ означенномъ „Руководствѣ" нѣкоторые разряды словъ объединены по отношенію къ употребленію двойного или простого *н* въ опредѣленныя группы, для которыхъ даются вполнѣ опредѣленныя правила (напр., полныя и краткія формы причастій, причастія, потерявшія глагольное значеніе, и т. д.); правописаніе прилагательныхъ, которыхъ нельзя соединить въ одну группу, указывается и объясняется, при чемъ дѣлается ссылка или на произношеніе или на обычай. Можно, конечно, многое сказать противъ примѣненія традиціоннаго принципа, противъ того, что иной разъ по отношенію къ одному и тому же разряду словъ примѣняется не одинъ принципъ; можно возставать и противъ отсутствія вполнѣ опредѣленнаго общаго правила, охватывающаго всѣ случаи употребленія двойного *н*;, но нельзя сказать, чтобы „Руководство" Грота не давало вполнѣ опредѣленнаго и обоснованнаго отвѣта на вопросъ, какъ поступить въ такомъ-то сомнительномъ случаѣ, касающемся удвоенія *н*, — тѣмъ болѣе, что въ случаѣ возможности, на извѣстныхъ основаніяхъ, двоякаго начертанія это двоякое начертаніе и указывается. Усвоеніе всего этого, конечно, не такъ-то легко и не такъ-то просто; но вѣдь не всегда и то хорошо и вѣрно, что просто, и не всегда просто то, что кажется таковымъ. Авторъ „Опыта", напр., формулируетъ разбираемое нами правило и кратко и просто; но эта-то краткость и эта кажущаяся простота являются источникомъ неопредѣленности, которая заставляетъ насъ постоянно мучиться сомнѣніями, вѣрно-ли мы пишемъ,—и сомнѣнія эти, какъ мы видѣли, не напрасны, такъ какъ самъ же проф. Воеводскій пишетъ не всегда такъ, какъ рекомендуетъ въ своемъ правилѣ.

Указанные недостатки правила проф. Воеводскаго о фонетическомъ удвоеніи дѣлаютъ его вовсе непримѣнимымъ въ школѣ.

Учащіеся, даже при самыхъ лучшихъ условіяхъ, при наилучшемъ усвоеніи общепринятаго произношенія и грамматики, весьма часто будутъ наталкиваться на такіе случаи, которые не входятъ въ общее

---

*) Мы все время говорили преимущественно о формахъ прич. прош. времени страд. залога, какъ о такихъ, по отношенію къ которымъ легче прослѣдить, пользуясь начертаніями ихъ въ „Опытѣ", недостатки разбираемаго правила; но то-же самое можетъ быть въ сущности отнесено и къ другимъ словамъ, пользующимся тѣмъ же суффиксомъ, что и прич. страд. залога.

правило, что, конечно, должно вызвать полное недовѣріе къ такому правилу, которое допускаетъ нерѣдкія исключенія, на которыя однако и намека нѣтъ въ „Опытѣ". Мы не говоримъ уже о томъ, что у болѣе развитыхъ учащихся можетъ явиться полное недовѣріе и къ господствующему, по словамъ проф. Воеводскаго, фонетическому принципу.

При затруднительности во многихъ случаяхъ уловить отчетливое произношеніе по отношенію къ звуку *н* во многихъ причастіяхъ и другихъ частяхъ рѣчи, въ диктовкѣ, напр., предложенной цѣлому классу, непремѣнно отъ времени до времени должны будутъ попадаться различныя написанія одного и того же слова—у одного мы найдемъ одно *н*, у другого—два. Долженъ-ли учитель остановиться на чемъ-нибудь опредѣленномъ? Конечно, долженъ, если какое-либо изъ предложенныхъ учащимися начертаній признается неправильнымъ. Какое-бы однако начертаніе ни предпочелъ учитель на тѣхъ или иныхъ основаніяхъ, —во всякомъ случаѣ учащійся, написавшій хотя-бы разъ по слуху не такъ, какъ этого требуетъ учитель, долженъ будетъ почувствовать недовѣріе къ своему слуху, которе, сообразно съ характеромъ дѣлаемыхъ имъ ошибокъ, непремѣнно приведетъ его или къ излишнему удвоенію *н* какъ въ произношеніи, такъ и на письмѣ, или, наоборотъ, къ излишней опять-таки осторожности въ употребленіи двойного *н* (легко можно предположить, что многіе изъ учащихся,—благодаря именно правилу проф. Воеводскаго, заставляющему пробовать, отчетливо-ли слышится въ словѣ двойное *н*,—станутъ и въ краткихъ формахъ причастій, какъ и во многихъ другихъ словахъ, писать двойное *н*, которое, въ силу свойствъ русскаго языка, не можетъ быть противно слуху).

Въ концѣ концовъ учащійся будетъ находиться подъ постояннымъ страхомъ сдѣлать ошибку, такъ какъ руководящее начало оказывается для него, по крайней мѣрѣ—несостоятельнымъ, вслѣдствіе чего теряется и довѣріе къ нему, а исключеній, повидимому, не полагается.

Получится, при такихъ условіяхъ, письмо по догадкѣ, а не на основаніи правила. Если же учитель, руководствуясь слухомъ учащихся, не у всѣхъ одинаковымъ, — подобныхъ разногласій исправлять не станетъ, то тогда, конечно, дѣло окончательно упростится—учитель долженъ будетъ признать правильнымъ письмо, не основачное ни на какихъ правилахъ.

Быть можетъ, однако, „Опытъ" проф. Воеводскаго въ настоящемъ его видѣ и не предназначается для учащихся? Можетъ быть, учитель, руководясь разбираемымъ нами правиломъ, долженъ методически разработать затронутый въ немъ вопросъ?

Но въ чемъ же будетъ заключаться эта методическая разработка?

Исходя изъ предлагаемаго общаго правила, учитель долженъ, имѣя въ виду всѣ явленія, обобщаемыя имъ, разбить ихъ на отдѣльныя группы въ извѣстной послѣдовательности отъ болѣе легкаго къ болѣе трудному; послѣ изученія по частямъ каждой отдѣльной группы онъ долженъ дать частные выводы по отношенію къ каждой изъ изученныхъ группъ, а затѣмъ и выводъ, обнимающій всѣ частные выводы. Послѣдній общій выводъ долженъ быть тождественнымъ— по крайней мѣрѣ, по содержанію своему — съ тѣмъ правиломъ, какое даетъ проф. Воеводскій.

Что-же выйдетъ изъ всего этого?

Стремясь къ тому, чтобы общій выводъ вполнѣ соотвѣтствовалъ выводамъ частнымъ, а эти послѣдніе явленіямъ отдѣльныхъ группъ, учитель, при такой разработкѣ, будетъ, конечно, избѣгать—на первыхъ порахъ—тѣхъ уклоненій отъ общаго правила, которыя встрѣтятся ему.

Въ такомъ случаѣ получится нѣчто дѣйствительно стройное, строго опредѣленное и легко воспринимаемое. Къ сожалѣнію, стройность эта можетъ продержаться лишь до перваго столкновенія съ тѣмъ или инымъ уклоненіемъ, которыхъ нельзя же избѣжать, если учитель пожелаетъ учить не тому, что онъ самъ выдумалъ, а тому, что есть на самомъ дѣлѣ, съ чѣмъ въ концѣ концовъ придется же встрѣтиться учащимся и помимо учителя. Тогда должна начаться новая работа—разрушеніе съ бо̀льшимъ или меньшимъ трудомъ построеннаго красиваго зданія, которое будетъ давать все бо̀льшія и бо̀льшія трещины, пока совсѣмъ не рухнетъ.

Можно на это возразить, что и при теперешней системѣ правописанія приходится имѣть дѣло съ исключеніями, а нѣкоторые утверждаютъ даже, что исключеній, пожалуй, больше, чѣмъ правилъ.

Въ предполагаемомъ возраженіи заключается, къ сожалѣнію, значительная доля правды; но во всякомъ случаѣ—отъ чего бы ни зависѣли исключенія: отъ уклоненій-ли, свойственныхъ самому языку, какъ предмету живому, отъ неправильной-ли точки зрѣнія на тѣ или другія явленія, отъ неправильнаго-ли обобщенія — исключенія эти, при общепринятой системѣ правописанія, указываются и перечисляются, а потому дается полная возможность, по усвоеніи правила и исключеній, пользоваться правиломъ въ тѣхъ случаяхъ, которыхъ не захватываютъ исключенія. Проф. Воеводскій исключеній изъ разбираемаго правила не указываетъ, но они должны быть, какъ мы видѣли, говоря о письмѣ самого проф. Воеводскаго.

И если преподаватель долженъ будетъ въ концѣ концовъ ука-

зать на эти исключенія, то вѣдь въ сущности мы придемъ къ тому же, что теперь даетъ намъ Гротъ въ формѣ болѣе опредѣленной и ясной.

Итакъ, если признавать желательнымъ возможное однообразіе въ правописаніи, то мы, послѣ многихъ горькихъ разочарованій при примѣненіи разбираемаго правила о фонетическомъ удвоеніи, должны будемъ въ концѣ концовъ придти къ тѣмъ же правиламъ и исключеніямъ, которыя находимъ у Грота; если же мы захотимъ примѣнять правило проф. Воеводскаго безусловно, руководствуясь исключительно произношеніемъ, то должны будемъ примириться съ чрезвычайнымъ разнообразіемъ письма, которое заставитъ насъ признать лишнимъ и самое правило. Слѣдовательно, въ томъ и другомъ случаѣ правило проф. Воеводскаго само себя обрекаетъ на уничтоженіе.

Правило объ этимологическомъ удвоеніи, какъ мы видѣли, также не удовлетворяетъ, кажется, той цѣли, которую преслѣдовалъ авторъ „Опыта“: во-первыхъ, оно вовсе не упрощаетъ дѣла, такъ какъ заставляетъ, какъ этого требуетъ и общепринятое правописаніе, обращать вниманіе прежде всего на этимологическій составъ слова—иначе мы можемъ удвоенія и не замѣтить; во-вторыхъ, предлагая намъ отмѣчать на письмѣ этимологическое удвоеніе лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда составъ слова достаточно ясенъ, и не давая надлежащей опоры при опредѣленіи ясности состава,—проф. Воеводскій тѣмъ самымъ вноситъ въ свое правило неопредѣленность, которая лишаетъ насъ увѣренности при примѣненіи правила и можетъ привести къ нежелательному разнообразію въ правописаніи.

Въ чемъ же упрощеніе?

Если же, кромѣ сказаннаго нами относительно правила о фонетическомъ удвоеніи, мы обратимъ вниманіе на то, что удвоеніе *н* можетъ быть и фонетическимъ и этимологическимъ, и что, слѣдовательно, для того, чтобы отличить одинъ видъ удвоенія отъ другого, необходимо всякій разъ, какъ только явится мысль объ удвоеніи въ томъ или иномъ словѣ, подвергнуть это слово разбору со стороны его состава, — то окажется, что и для примѣненія правила о фонетическомъ удвоеніи, въ основу котораго положено, повидимому, произношеніе, придется руководствоваться не произношеніемъ въ сущности, а этимологическимъ составомъ слова.

Такимъ образомъ, правило проф. Воеводскаго объ удвоеніи вообще выдвигаетъ на первый планъ опять-таки этимологическій принципъ, а не фонетическій. При этомъ болѣе или менѣе точное примѣненіе этого правила возможно лишь, какъ кажется, послѣ изученія „Руководства“ Грота.

Въ § 8 идетъ рѣчь о сліяніи звуковъ: „въ случаѣ сліянія въ произношеніи двухъ похожихъ другъ на друга согласныхъ звуковъ, на письмѣ обозначаются оба звука“ (стр. 5).

Что выйдетъ при примѣненіи этого правила, если основываться на произношеніи?

Воспользуемся тѣми примѣрами, которые приведены въ поясненіе правила.

Произносимъ: *найти*, *пойти*, *извощикъ*, *перепищикъ*, *мущина*; но написать такъ не смѣемъ, а должны дать этимъ словамъ начертанія: *найдти*, *пойдти*, *извозщикъ*, *переписщикъ*, *мужщина*, которыя рѣзко расходятся съ произношеніемъ, особенно *найдти*, *пойдти**). Почему же мы должны писать такъ, какъ предлагаетъ проф. Воеводскій? Потому, что звукъ *т* въ первыхъ двухъ словахъ и звукъ *щ* въ послѣднихъ трехъ представляютъ собою „сліяніе въ произношеніи двухъ похожихъ другъ на друга согласныхъ звуковъ“ (дт, зщ, сщ и жщ), а въ такихъ случаяхъ „на письмѣ обозначаются оба звука“. Но откуда же мы узнали, что въ данныхъ случаяхъ произносимые звуки—*т* и *щ*—представляютъ въ сущности сліяніе двухъ похожихъ согласныхъ? Узнали мы это изъ разсмотрѣнія этимологическаго состава словъ. Какой же выводъ изъ всего этого? Такъ какъ предлагаемое правило должно имѣть общій характеръ, относясь не только къ вышеприведеннымъ примѣрамъ, но и ко многимъ другимъ словамъ, въ которыхъ при произношеніи слышится одинъ согласный звукъ, а писать надо двѣ буквы, что мы можемъ увѣренно рѣшить лишь на основаніи состава слова, то мы невольно—опять таки послѣ многихъ разочарованій, являвшихся слѣдствіемъ того, что мы писали одну букву по произношенію, когда надо было писать двѣ,—придемъ къ такому выводу: слуху своему не довѣряй, такъ какъ не всегда пишется одна буква, когда слышится одинъ звукъ, а прежде всего, что бы ни подсказывалъ тебѣ коварно слухъ,

---

*) Проф. Воеводскій пишетъ *найдти*, *пойдти* потому, конечно, что въ простой формѣ этихъ глаголовъ считаетъ болѣе правильнымъ начертаніе *идти* (см. § 6 „Опыта“). Скорѣе, кажется, можно согласиться съ мнѣніемъ академика Грота и другихъ ученыхъ, которые, на основаніи вполнѣ достаточныхъ данныхъ, предлагаютъ писать *итти*, *найти* и т. д. (Филологическія разысканія, т. II, стр. 297—8). Съ той точки зрѣнія, которой долженъ держаться проф. Воеводскій, признающій господствующимъ въ нашемъ правописаніи фонетическій принципъ, слѣдовало бы предпочесть формы *итти*, *найти* и т. д. формамъ *идти*, *найдти*, которыя вовсе не находятъ себѣ опоры въ произношеніи. Начертанія *идти* и т. д. представляютъ собою чисто этимологическія начертанія, если считать правильнымъ образованіе неопредѣл. н. въ этихъ глаголахъ отъ основы *ид*.

обращайся къ разбору составныхъ частей слова и пиши на основаніи этимологическаго состава: онъ надежный руководитель.

Но зачѣмъ же въ такомъ случаѣ предлагаемое проф. Воеводскимъ правило, и при чемъ здѣсь фонетическій принципъ?

Очевидно, здѣсь какое-то недоразумѣніе, такъ какъ все остается по старому. Впрочемъ, не все: въ примѣненіи этимологическаго принципа проф. Воеводскій идетъ дальше Грота, что видно изъ начертаній *извозщикъ*, *переписщикъ* *), *мужщина*.

Такія начертанія, на нашъ взглядъ, желательны, но вовсе не съ точки зрѣнія фонетическаго принципа.

Итакъ, формулировка правила о сліяніи звуковъ, какъ и раньше разсмотрѣнныхъ правилъ, вовсе не соотвѣтствуетъ тому, что даетъ намъ проф. Воеводскій въ своемъ основномъ правилѣ, предлагающемъ руководствоваться при правописаніи прежде всего произношеніемъ.

Кромѣ того, нельзя не замѣтить, что и само по себѣ правило, только что разсмотрѣнное нами, выражено не вполнѣ ясно и точно, что обусловливается слишкомъ широкимъ значеніемъ, придаваемымъ проф. Воеводскимъ слову „похожихъ" (см. приведенное выше дословно правило проф. Воеводскаго). Какое въ самомъ дѣлѣ сходство по произношенію, напр., между *з* и *щ*? Къ слишкомъ искусственнымъ объясненіямъ придется прибѣгнуть для того, чтобы показать это сходство.

———

Преобладаніе этимологическаго начала мы видимъ и въ правилахъ, касающихся употребленія буквъ *щ* и *ч*.

О буквѣ *щ* проф. Воеводскій говоритъ такъ: „буква *щ* пишется для обозначенія сочетанія звуковъ *шч*, когда послѣднее принадлежитъ нераздѣльно или корню, или окончанію", а въ примѣчаніи добавлено: „обыкновенно *щ* происходитъ отъ смягченья сочетаній *ск*, и *ст*, какъ, наприм., въ словахъ *вощу* (кор. *воск-*), *льщу* (кор. *лест-*)" (§ 17, стр. 8).

Такъ какъ для слуха безразлично, принадлежитъ ли звукосочетаніе *шч* нераздѣльно корню или окончанію, или въ немъ соединяются звуки, принадлежащіе различнымъ этимологическимъ ча-

---

*) Послѣ этого слова мы читаемъ у проф. Воеводскаго замѣчаніе такое: „не отъ слова *писчикъ*, которое является уменьшительнымъ слова *писецъ*". Замѣчаніе это, вызванное, по всей вѣроятности, начертаніемъ *переписчикъ*, предлагаемымъ Гротомъ, кажется намъ совершенно лишнимъ, такъ какъ, если не ошибаемся, слова *писчикъ*, уменьшительнаго отъ слова *писецъ*, не существуетъ, какъ не существуетъ и слова *переписецъ*.

стямъ слова, а между тѣмъ на письмѣ одно и то же звукосочетаніе *шч* изображается различно (то одною буквою, то двумя) въ зависимости отъ этимологическаго состава слова,—то ясно, что и въ этомъ случаѣ, при начертаніи звукосочетанія *шч*, слѣдуетъ руководиться не слухомъ, который заставитъ вездѣ писать *щ*, а исключительно этимологическимъ составомъ слова.

Такимъ образомъ, и по отношенію къ звуку *шч* нельзя писать, какъ слышишь. Кромѣ того, едва ли можно сказать, что правило проф. Воеводскаго исчерпываетъ всѣ случаи употребленія буквы *щ*. Такъ, напр., у проф. Воеводскаго мы не находимъ указаній на то, что буквою *щ* изображается и звукъ *ш* (передъ н). Положимъ, въ южно-русскомъ говорѣ слышится въ такихъ случаяхъ звукосочетаніе *шч*, а не *ш*; но вѣдь не для южанъ только предназначаетъ проф. Воеводскій свой „Опытъ", долженствующій вполнѣ замѣнить „Руководство" Грота.

Такое упущеніе со стороны проф. Воеводскаго тѣмъ болѣе странно, что среди примѣровъ къ разбираемому нами правилу мы находимъ, между прочимъ, слово *всенощная*, въ которомъ *щ* произносится обыкновенно какъ *ш*, хотя, по точному смыслу правила проф. Воеводскаго, придется произносить *щ* въ этомъ словѣ какъ *шч*, что особенно неудобно при произношеніи слова *всенощная* съ удареніемъ на слогѣ *все*.

Говоря о примѣрахъ къ разсматриваемому правилу, нельзя не обратить вниманія на слово *переписщикъ*, начертаніе котораго не вполнѣ подходитъ къ правилу, такъ какъ звукосочетанію *шч* соотвѣтствуетъ въ написаніи даннаго слова *сщ*, а не просто *щ*.

Жаль также, что въ числѣ примѣровъ мы не находимъ слова *песчаный*, такъ какъ составъ его для лицъ, знакомыхъ лишь съ элементарной этимологіей, не можетъ быть вполнѣ ясенъ; въ виду того, что въ словѣ *песокъ* звуки *с* и *к* принадлежатъ корню, слѣдуетъ предположить, что проф. Воеводскій долженъ писать *пещаный*,—такое начертаніе должно считаться болѣе правильнымъ и съ точки зрѣніи общепринятаго правописанія.

Итакъ, разсмотрѣнное нами правило, не охватывая всѣхъ случаевъ употребленія буквы *щ*, не можетъ служить подтвержденіемъ и основного правила, такъ какъ заставляетъ насъ, при начертаніи словъ съ звукосочетаніемъ *шч*, опираться исключительно на разборъ слова со стороны его этимологическаго состава, при чемъ этимологическій принципъ примѣняется проф. Воеводскимъ даже по отношенію къ тѣмъ словамъ, составъ которыхъ, кажется, едва ли можетъ

быть достаточно ясенъ для лицъ съ требуемою проф. Воеводскимъ подготовкой *).

Если по отношенію къ употребленію буквы *щ* и не выдержанъ фонетическій принципъ, то, по крайней мѣрѣ, самое правило формулировано—въ общемъ—достаточно ясно, что нельзя сказать относительно правила, касающагося буквы *ч*.

Объ употребленіи буквы *ч* проф. Воеводскій говоритъ такъ: „въ случаяхъ, когда *ч* можетъ произноситься и какъ *ш*, слѣдуетъ (это слово написано чрезъ *ѣ* и въ оригиналѣ) писать *ч*,—между прочимъ и въ окончаніи—*ична*", причемъ приведены такіе примѣры: „***скучно***", „***прачечная***", „***своя*ч(е)*ница***", „***Фомична***" (***Фоминична?***), „***Ильинична***" (§ 16).

Прежде всего, что слѣдуетъ разумѣть въ словахъ проф. Воеводскаго подъ первымъ *ч*—букву или звукъ?

Судя по тому, что эта неизвѣстная величина обозначена жирнымъ шрифтомъ, которымъ проф. Воеводскій послѣдовательно обозначаетъ то, что служитъ главнымъ предметомъ того или иного параграфа и что указано въ заголовкѣ его,—можно было бы съ достаточной вѣроятностью заключить, что подъ искомымъ *ч* разумѣется буква, такъ какъ въ заголовкѣ параграфа стоитъ: „О буквѣ *ч*".

Такое пониманіе словъ проф. Воеводскаго заставило бы насъ предположить, что, давая свое правило, проф. Воеводскій рекомендуетъ опираться, при начертаніи словъ, готовымъ уже правильнымъ ихъ начертаніемъ, что было бы, конечно, крайне странно, хотя и просто; остается поэтому остановиться на менѣе странномъ пониманіи—подъ *ч* слѣдуетъ разумѣть звукъ.

Что же выходитъ? Въ словѣ, напр., *прачечная* мы должны написать *ч*; а не *ш* потому, что здѣсь звукъ *ч* можетъ произноситься и какъ *ш*! Упоминаніе о звукѣ *ш* вполнѣ понятно, такъ какъ въ словѣ *прачечная*, какъ и во многихъ другихъ словахъ такого же построенія, употребительныхъ и въ народномъ говорѣ и въ говорѣ образованнаго класса, дѣйствительно слышится въ произношеніи *ш*. Но откуда же возьмется звукъ *ч*? Вѣдь у лица, говорящаго чистымъ русскимъ языкомъ и не искушеннаго еще въ правописаніи, можетъ и мысли не быть о звукѣ *ч* по отношенію ко многимъ словамъ разсматриваемаго типа.

Въ южно-русскомъ говорѣ во всѣхъ такихъ словахъ отчетливо

---

*) Проф. Воеводскій пишетъ, напр., *счастье* (см. примѣры къ правилу о буквѣ *щ*); но можно ли съ увѣренностью сказать, что составъ этого слова ясенъ для тѣхъ, которые знакомы лишь съ элементарной грамматикой?

слышится *ч*, но за то, съ другой стороны, для этого говора слишкомъ странно звучитъ въ такихъ случаяхъ произношеніе звука *ш*.

Получается какое-то странное правило. Еще слова, даваемыя проф. Воеводскимъ въ качествѣ примѣровъ, мы будемъ писать правильно, хотя руководствоваться будемъ въ этомъ случаѣ не правиломъ проф. Воеводскаго, а только тѣмъ, что эти слова такъ именно написаны въ „Опытѣ“, а съ другими подобными словами неизвѣстно, какъ и быть.

Правило проф. Воеводскаго кажется намъ тѣмъ болѣе неудобнымъ, что оно стремится, повидимому, обобщить то, что вовсе не поддается такому обобщенію, такъ какъ далеко не всегда буква *ч* въ словахъ разсматриваемаго образованія произносится одинаково (звукъ *ч* или *ш* въ такихъ словахъ получается обыкновенно изъ *к* или *ц* передъ *н*) : то въ произношеніи слышится только *ш*, то *ч*; то допускается и то и другое произношеніе.

Какой же принципъ проведенъ по отношенію къ разбираемому правилу?

Не фонетическій, такъ какъ многія слова, которыя можно подвести подъ это правило, мы будемъ писать вопреки произношенію; не этимологическій, такъ какъ происхожденіе звуковъ *ч* или *ш* не указывается.

Такой исходъ, при стремленіи сохранить общепринятое начертаніе, основанное во многихъ случаяхъ на этимологическомъ составѣ словъ, и въ то же время поставить на первое мѣсто фонетическій принципъ, вполнѣ понятенъ. Если мы примемъ во вниманіе, что звукъ *ш*, при общепринятой системѣ правописанія, изображается то посредствомъ *ш*, то *ч*, то *щ*,—намъ станетъ ясно, что фонетичскому принципу въ такихъ случаяхъ дѣлать нечего. Если же мы пожелаемъ построить правописаніе на произношеніи, то, во избѣжаніе путаницы, должны создать новую систему фонетики и, сообразно съ нею дать новыя начертанія многимъ словамъ.

Обратимся теперь къ правиламъ проф. Воеводскаго, касающимся правописанія гласныхъ (§§ 10, 11, 12, 13, 14, 15).

Относительно ударяемыхъ слоговъ дается обычное правило: „въ ударяемыхъ слогахъ буквы *а*, *о* пишутся согласно произношенію“ (§ 10, стр. 5). Примѣняется однако это общее правило болѣе широко, чѣмъ въ общепринятомъ правописаніи.

Какъ видно изъ примѣровъ, проф. Воеводскій предлагаетъ писать *о* и послѣ шипящихъ, когда на этотъ слогъ, при основномъ *е*, падаетъ удареніе, между тѣмъ какъ въ общепринятомъ правописаніи въ однихъ случаяхъ пишетси *е*, а въ другихъ *о*.

Само собою разумѣется, предлагаемое проф. Воеводскимъ написаніе *о* послѣ шипящихъ въ ударяемыхъ слогахъ во всѣхъ случаяхъ—и въ корняхъ, и въ флексіяхъ, и въ суффиксахъ—значительно, повидимому, упрощаетъ дѣло, тѣмъ болѣе, что и общепринятое правописаніе, стараясь удержать этимологическое начертаніе, не выдерживаетъ однако этого вполнѣ и во многихъ случаяхъ уступаетъ обычаю, допуская *о* вмѣсто *е* не только въ флексіяхъ, но и въ корняхъ нѣкоторыхъ словъ. Впрочемъ указанія на возможность такого именно упрощенія правописанія мы встрѣчаемъ задолго до настоящаго времени (см. филологическія разысканія, т II, стр. 255); такое же предложеніе, въ интересахъ школы, мы находимъ и у Шереметевского. *)

Страннымъ нѣсколько кажется намъ одно обстоятельство: почему это проф. Воеводскій, полагая въ основу правописанія начало фонетическое и вводя въ алфавитъ въ качествѣ особой буквы для обозначенія звука *jo* букву *ё*, предлагаетъ тѣмъ не менѣе послѣ всѣхъ шипящихъ писать *о* вмѣсто основного *е*?

Вѣдь основной звукъ *е*, находясь подъ удареніемъ, произносится вовсе не одинаково послѣ всѣхъ шипящихъ. Послѣ *ж* и *ш* коренное *е* подъ удареніемъ дѣйствительно, произносится какъ *о* (ножомъ, шолкъ), но едва ли можно сказать, что точно такъ же произносится оно и послѣ *ч* и *щ*. Стоитъ только, напр., въ словахъ *течетъ*, *ученый*, *щетка* постараться произнести настоящее *о*, чтобы убѣдиться, что здѣсь на самомъ дѣлѣ произносится не *о*, а *jo*, т. е. тотъ звукъ, для изображенія котораго проф. Воеводскій предлагаетъ *ё*. Намъ кажется, что, если бы проф. Воеводскій не помѣстилъ

---

*) На нашъ взглядъ однако, особенныхъ удобствъ и особеннаго облегченія при примѣненіи указаннаго правила нельзя ожидать, такъ какъ, при отсутствіи ударенія, придется все же писать не *о*, а *е*, нерѣдко притомъ въ одной и той же собственно формѣ слова. Получатся, напр., такія начертанія: *шолъ*, *пришолъ*, *рѣшонъ*, *жоны*, но—*вышелъ*, *рѣшена*, *жены*. Развѣ не придется дать какое-либо новое правило, чтобы учащіеся могли безошибочно различать эти формы при написаніи? Развѣ не могутъ, при отсутствіи такого правила, получиться у учащихся такія начертанія: *вышолъ*, *рѣшона* и т. п.? При теперешней системѣ, когда стараются въ правописаніи удерживать основную форму и суффиксамъ извѣстной формы давать однообразное начертаніе, едва ли написаніе *е* послѣ шипящихъ и въ слогахъ ударяемыхъ можетъ представлять особыя затрудненія. Притомъ однообразное начертаніе *е* послѣ шипящихъ даетъ гораздо больше возможности понять взаимную связь между формами словъ и родство между отдѣльными словами, чѣмъ едва ли можно пренебрегать (*прочесть-прочелъ*; *рѣшенъ-схваченъ-купленъ*; *ученый-ученіе*; *щетка-щетина* и т. д.).

Ужъ лучше вмѣсто *о* писать *ё*, переходъ отъ котораго къ *е*—и наоборотъ—вовсе не затруднителенъ.

при своемъ правилѣ примѣровъ, изъ которыхъ видно, что, по его мнѣнію, слѣдуетъ писать *о* въ ударяемыхъ слогахъ послѣ *ч* и *щ*, *) то, имѣя въ виду стремленіе автора „Опыта“ установить правописаніе на основаніи произношенія и особое мѣсто, отведенное въ алфавитѣ для буквы *ё*, многіе, нисколько не колеблясь, написали бы въ указанныхъ случаяхъ *ё*, и такое начертаніе, кажется намъ, наиболѣе соотвѣтствовало бы взгляду самого проф. Воеводскаго.

Кромѣ того, не совсѣмъ умѣстнымъ кажется намъ примѣчаніе къ § 10: „слѣдуетъ м. проч. имѣть въ виду, что *о* подъ удареніемъ переходитъ въ *а* въ глаголахъ многократнаго вида, оканчивающихся въ неопред. наклон. на—*ывать*,—*ивать*, какъ, напр., въ глаголѣ выбрасывать (ср. бросить)“.

Въ сущности—какое дѣло фонетическому письму до того, что *о* переходитъ въ *а* въ глаголахъ многократнаго вида, разъ этотъ переходъ вполнѣ точно обозначается и въ произношеніи?

Если сказано это для того, чтобы пишущему не казалось страннымъ, почему это въ одной формѣ слова пишется *о*, а въ другой—*а*, то почему же тогда проф. Воеводскій ничего не говоритъ о переходахъ другихъ гласныхъ? Положимъ, о переходѣ вообще гласныхъ однихъ въ другіе мы найдемъ свѣдѣнія въ элементарной грамматикѣ, на которую въ предисловіи ссылается проф. Воеводскій; но тамъ же мы найдемъ указаніе и на разбираемый нами случай перехода *о* въ *а*. Если приведенному нами примѣчанію придавать значеніе, то, повидимому, оно можетъ имѣть лишь одинъ смыслъ: проф. Воеводскій хочетъ, какъ кажется, обобщить правило объ образованіи многократнаго вида и примѣчаніемъ своимъ сказать, что *всегда* въ глаголахъ многократнаго вида, образующихся отъ глаголовъ съ основнымъ *о*, надо произносить и писать *а*, что подтверждается, между прочимъ, и даннымъ имъ примѣромъ—*озабачивать*.

Но въ такомъ случаѣ проф. Воеводскій дѣлаетъ вовсе не то, что ему слѣдовало бы дѣлать согласно съ устанавливаемымъ имъ фонетическимъ принципомъ правописанія. Вѣдь далеко не во всѣхъ глаголахъ разбираемаго типа слышится въ литературномъ произно-

*) Впрочемъ, въ числѣ примѣровъ къ § 10 нѣтъ ни одного слова съ *щ*, и если мы такъ увѣренно приписываемъ проф. Воеводскому написаніе *о* въ ударяемомъ слогѣ и послѣ *щ*, то потому, что въ другихъ мѣстахъ его труда не разъ встрѣчаются слова съ такимъ именно начертаніемъ—напр., *ещо* на стр. 16 и т. п. Встрѣчаются, однако, и иныя начертанія, которыя, надо думать, объясняются просто недосмотромъ со стороны проф. Воеводскаго: Черная рѣчка (стр. 12), *сокращенный* (стр. 7), *при чемъ* (стр. 10), *въ ученыхъ* (стр. 2). При шаткости правилъ „Опыта“ такіе недосмотры едва ли удобны.

шеніи *а*; наоборотъ, во многихъ изъ нихъ слышится ясно ударяемое *о*, какъ въ глаголѣ *озабочивать*, *уполномочивать*, *сосредоточивать* (см. „Руководство" Грота, стр. 22). Если вопросъ о болѣе правильномъ произношеніи того или иного отдѣльнаго глагола можетъ быть, пожалуй, спорнымъ, то во всякомъ случаѣ нельзя отрицать того, что переходъ *о* въ *а* вовсе не является въ настоящее время присущимъ *всѣмъ* глаголамъ многократнаго вида—одни глаголы требуютъ такого перехода, другіе оставляютъ *о*, а третьи допускаютъ и ту и другую форму *).

Предлагая во всѣхъ случаяхъ при образованіи многократнаго вида писать *а*, проф. Воеводскій тѣмъ самымъ не письмо подчиняетъ произношенію, какъ слѣдовало бы ожидать, а произношеніе письму.

Даже въ „Руководство" Грота, въ основу котораго положенъ принципъ этимологическій, допускающій—по самому существу своему—даже рѣзкое различіе между начертаніемъ слова и его произношеніемъ, мы не находимъ требованія измѣнять *о* на *а* при образованіи глаголовъ многократнаго вида: акад. Гротъ, очевидно не желалъ навязывать языку то, чего въ немъ—пока, по крайней мѣрѣ,—нѣтъ. Можно, конечно, возразить, что не во всѣхъ мѣстностяхъ и не у всѣхъ лицъ, владѣющихъ литературной рѣчью, произношеніе глаголовъ разсматриваемаго типа одинаково: одни, напр., говорятъ *обрабатывать*, другіе *обработывать* и т. д.

Но въ такомъ случаѣ по фонетическому письму, если обѣ формы возможно считать дѣйствительно употребительными, слѣдуетъ признать ихъ правильными и на письмѣ; въ крайнемъ случаѣ—слѣдуетъ выбрать изъ двухъ формъ такую, которая дѣйствительно можетъ считаться преобладающей въ извѣстный моментъ развитія языка. Правило же проф. Воеводскаго можетъ заставить лицъ, руководствующихся имъ, употреблять такія формы, которыя употребительны лишь въ мѣстныхъ говорахъ (на югѣ, напр.) или вовсе неупотребительны. По правилу проф. Воеводскаго придется помириться съ весьма неблагозвучной формой *разсрачивать;* едва ли также можно будетъ что-либо имѣть и противъ такихъ формъ, какъ *ободарадывать*, даже *образавывать*, *разрисавывать* и т. п.

Чѣмъ же однако объясняется такое правило проф. Воеводскаго? Объясненіе очень простое: составляя свои правила, проф. Воеводскій имѣлъ предъ глазами „Руководство" Грота и старался, пользуясь тѣми же примѣрами, что и у Грота, замѣнять его правила

---

*) Говоря такъ, мы имѣемъ въ виду сѣверное произношеніе, а не произношеніе южныхъ окраинъ, руководствоваться которымъ, конечно, нельзя.

своими, притомъ такъ, чтобы правила эти захватывали и тѣ слова, помѣщенныя у Грота, правописаніе которыхъ не входитъ въ общія правила, рекомендуемыя Гротомъ. При такихъ условіяхъ получаются правила болѣе широкія, болѣе удобныя для запоминанія, но, къ сожалѣнію, далеко не всегда вѣрныя, такъ какъ при составленіи ихъ приняты во вниманіе лишь тѣ слова, которыя нужны были для подтвержденія правилъ, построенныхъ на совершенно иныхъ началахъ *).

Въ „Руководствѣ" Грота (стр. 22, по изд. 1898 г.) мы дѣйствительно находимъ, послѣ правила объ ударяемомъ *а*, примѣчаніе, въ которомъ Гротъ указываетъ на то, что „обращеніе *о* въ *а* при образованіи многократнаго вида у насъ еще не вполнѣ установилось".

Чтобы показать это, Гротъ приводитъ примѣры, причемъ беретъ такія слова, въ которыхъ допускается и то и другое произношеніе (*обрабатывать* и *обработывать*, *успокаивать* и *успокоивать*), и такія, въ которыхъ литературное произношеніе предпочитаетъ звукъ *о*, (*озабочивать*, *разсрочивать*, *уполномочивать*). Такихъ примѣровъ вполнѣ достаточно для подтвержденія словъ Грота. Чтобы уничтожить такую двойственность, хотя она и коренится въ самомъ языкѣ, проф. Воеводскій примѣчаніе Грота замѣняетъ своимъ, основываясь на тѣхъ же примѣрахъ, что и у Грота, и не обращая вниманія на то, что при болѣе широкой формулировкѣ его однихъ этихъ примѣровъ уже недостаточно.

Едва ли также можетъ быть серьезное основаніе для того, чтобы, какъ это дѣлаетъ проф. Воеводскій въ томъ же примѣчаніи, не считать правильной въ отношеніи произношенія форму *уплоченъ*. Тѣ которые произносятъ *уплаченъ*, руководствуются исключительно начертаніемъ этого слова согласно „Руководству" Грота, а не общеупотребительнымъ произношеніемъ его; то же самое мы видимъ нерѣдко и по отношенію къ другимъ словамъ: слова, напр., *запрячь*, *ея* произносятся нерѣдко такъ же, какъ и пишутся (на югѣ такое произношеніе слова *ея* вошло въ обычай и среди образованныхъ лицъ).

---

*) Такъ какъ акад. Гротъ держится преимущественно этимологическаго начала, а проф. Воеводскій—фонетическаго, то естественно, что кругъ явленій, обнимаемыхъ правилами того и другого, не можетъ быть одинъ и тотъ же.

**) Стр. 6, 7.

***) Въ качествѣ примѣровъ помѣщены или такія слова, начертаніе которыхъ, по правилу „Опыта", дѣйствительно соотвѣтствуетъ общепринятому написанію, или такія, въ которыхъ общепринятое .правописаніе, въ виду неясности ихъ происхожденія, допускаетъ и *а* и *о*.

Относительно правописанія *а* и *о* въ неударяемыхъ слогахъ проф. Воеводскій предлагаетъ такое правило: „въ неударяемыхъ слогахъ *а* пишется лишь тогда, когда звукъ *а* является *основнымъ*; *о* пишется не только тогда, когда звукъ *о* является основнымъ, но и во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда онъ произносится, или можетъ произноситься безъ искаженія слова“ (§ 11, стр. 6).

Такъ какъ для примѣненія этого правила ннобходимо знать, когда бываютъ основными *а* и *о*, то проф. Воеводскій и говоритъ объ этомъ въ примѣчаніи къ § 11: „звукъ *а* бываетъ *основнымъ* въ тѣхъ слогахъ, которые удерживаютъ его, находясь подъ удареніемъ, и никогда не замѣняютъ звукомъ *о* (таковъ корень *дар*—, ср. *даръ*, *подарокъ*, *дарить*, *даровать* и т. д.)“.

„Звукъ *о* слѣдуетъ считать основнымъ въ тѣхъ слогахъ, которые, находясь подъ удареніемъ имѣютъ или исключительно *о* (какъ, напр., корень *дом*—; ср. *домъ*, *домикъ*, *бездомный*, и т. д.), или же *о* на ряду съ *а* (какъ, напр., корень ход—; ср. ходъ, хаживать)“.

„Относительно тѣхъ слоговъ, которые никогда не встрѣчаются подъ удареніемъ, приходится для опредѣленія основного гласнаго звука руководиться чутьемъ языка: если данный слогъ, въ которомъ слышится *а*, можетъ произносится (произноситься?) и со звукомъ *о* безъ искаженія слова, то основнымъ слѣдуетъ считать *о* (поэтому слѣдуетъ писать, напр., *ковычки*, а не *кавычки*); въ противномъ случаѣ основнымъ бываетъ *а*“.

„При опредѣленіи основного гласнаго слѣдуетъ также имѣть въ виду: 1) что основное *а* въ неударяемыхъ слогахъ произносится иногда, какъ *е*, напр., въ словахъ *чапракъ, шалунъ*; 2) что основное *о*, въ неударяемыхъ слогахъ, особенно въ предшествующихъ ударенію, часто произносится какъ *а*, какъ, напр., въ словахъ *поворотъ*, *говорить*“ *).

Первая половина приведеннаго нами обширнаго примѣчанія, касающаяся опредѣленія основного звука въ тѣхъ словахъ, которыя въ той или иной формѣ произносятся съ удареніемъ на сомнительномъ слогѣ, изложена вполнѣ опредѣленно, чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать о второй половинѣ, гдѣ указываются признаки, по которымъ слѣдуетъ отличать основныя *а*, и *о* въ тѣхъ словахъ, которыя не допускаютъ ударенія на сомнительномъ слогѣ, такъ какъ въ такихъ, случаяхъ проф. Воеводскій предлагаетъ опираться на „ чутье языка“, которое не всѣмъ подскажетъ одно и то же.

Указывая признаки отличій основныхъ *а*, и *о*, въ тѣхъ словахъ, которыя бываютъ то съ удареніемъ на сомнительномъ слогѣ, то безъ него, и формулируя, сообразно съ этимъ, правило о правописаніи *а*, и *о*, въ неударяемыхъ слогахъ, проф. Воеводскій, по всей вѣроят-

ности, предполагалъ, что примѣненіе его правила не заставитъ рѣзко уклониться отъ общепринятаго правописанія, что видно, между прочимъ, изъ тѣхъ примѣровъ, которые помѣщены въ подтвержденіе правила, изъ указанныхъ при этомъ правилѣ исключеній, а также изъ того, что всѣ почти слова, въ которыхъ встрѣчается *а* или *о*, изображаются проф. Воеводскимъ въ текстѣ его „Опыта“ согласно съ общепринятымъ правописаніемъ, за весьма немногими исключеніями, о которыхъ мы скажемъ ниже.

На самомъ дѣлѣ однако трудно и предвидѣть всѣ тѣ уклоненія отъ обычнаго правописанія, которыя явятся слѣдствіемъ точнаго примѣненія правила проф. Воеводскаго, и уклоненія эти вовсе не будутъ представлять собою „незначительныхъ колебаній правописанія въ единичныхъ случаяхъ“, о позволительности которыхъ говоритъ проф. Воеводскій въ предисловіи.

Попробуемъ указать главнѣйшія уклоненія—далеко, конечно, не всѣ, такъ какъ для опредѣленія всѣхъ возможныхъ уклоненій пришлось бы разсмотрѣть всѣ слова, въ которыхъ встрѣчается *а* или *о*.

I. Уклоненіямъ отъ обычнаго правописанія должны подлежать тѣ слова съ кореннымъ *а*, которыя никогда не имѣютъ ударенія на этомъ звукѣ и не допускаютъ въ произношеніи *е* вмѣсто *а*.

По указаніямъ проф. Воеводскаго, при отсутствіи ударенія, *а* слѣдуетъ писать только тогда, когда „чутье языка“ не позволяетъ произнести *о* „безъ искаженья слова“, и тогда, когда этотъ сомнительный гласный, произносимый какъ *а*, можетъ быть произнесенъ и какъ *е*.

Но, во-первыхъ, къ числу словъ, въ которыхъ вмѣсто *а* можно произнести *е*, относятся лишь тѣ, въ которыхъ этотъ сомнительный гласный стоитъ послѣ шипящаго, а такихъ словъ окажется немного; а во-вторыхъ, звуки *о* и *а* настолько близки другъ къ другу, что едва ли въ разсматриваемомъ нами случаѣ можно возлагать большія надежды на „чутье языка“ и предполагать, что „чутье“ это во многихъ случаяхъ заставитъ видѣть искаженіе слова, если мы въ неударяемомъ слогѣ произнесемъ *о* вмѣсто *а*.

Развѣ существованіе у насъ такъ называемыхъ „окающихъ“ и „акающихъ“ говоровъ не указываетъ на тѣсную связь между звуками *а* и *о*? Въ такъ называемой литературной рѣчи всѣ эти рѣзкости произношенія по отношенію къ звукамъ *а* и *о*, положимъ, сглаживаются; но именно это отсутствіе въ произношеніи образованнаго человѣка той рѣзкости, которая отличаетъ говоры „окающіе“ отъ „акающихъ“, и сближаетъ въ его произношеніи звукъ *а* со звукомъ *о*,—и *о* и *а* въ его устахъ звучатъ совершенно одинаково, а именно какъ средній звукъ между *о* и *а* (въ виду такого произно-

шенія, при отсутствіи ударенія, обоихъ звуковъ, едва ли можетъ имѣть значеніе приведенное выше указаніе проф. Воеводскаго на то, что „основное *о* въ неударяемыхъ слогахъ, особенно въ предшествующихъ ударенію, часто произносится, какъ *а*“: вполнѣ чистаго *а* на самомъ дѣлѣ не слышно, а слышится средній звукъ между *а* и *о*; но точно также произносится и основное *а* безъ ударенія).

Что это такъ, ясно доказывается, между прочимъ, различнымъ начертаніемъ тѣхъ словъ, корень которыхъ неясенъ по происхожденію. Такъ, напр., одни пишутъ — *казакъ*, *калачъ*, *каравай*, *тварогъ*, *тароватый*, а другіе—*козакъ*, *колачъ*, *коровай*, *творогъ*, *тороватый*. Всѣ эти слова проф. Воеводскій пишетъ чрезъ *о*, такъ какъ, очевидно, „чутье языка“ позволяетъ ему произнести *о*. Но „чутье языка“, въ виду полнаго сходства въ произношеніи неударяемыхъ *а* и *о*, ничего, вѣроятно, не будетъ имѣть противъ произношенія *о* во всѣхъ вообще словахъ съ кореннымъ *а*, которыя придется писать, по правилу проф. Воеводскаго, чрезъ *о*.

Тѣсная связь между звуками *а* и *о* еще рѣзче проявляется въ тѣхъ случаяхъ, когда коренное *а*, даже подъ удареніемъ, произносится какъ *о* (*сóдишь*, *покóтишь*, *подóришь*, *брóнишься*, *плóтишь*, *уплóченъ*). Положимъ, такая замѣна наблюдается преимущественно въ простонародномъ говорѣ, но нѣкоторыя слова съ такой замѣной вошли и въ литературную рѣчь (напр., уплòченъ); и если въ литературную рѣчь вошли не всѣ такія формы, то произошло это вовсе не вслѣдствіе отвращенія въ данныхъ случаяхъ къ звуку *о*, а скорѣе всего подъ вліяніемъ этимологическаго начертанія всѣхъ этихъ словъ на письмѣ.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что, если лицу, вполнѣ владѣющему разговорною литературною рѣчью, придется, руководствуясь правиломъ проф. Воеводскаго, написать слово съ кореннымъ *а*, не допускающимъ ударенія, то лицо это, послѣ долгихъ и безплодныхъ попытокъ рѣшить вопросъ, произойдетъ ли искаженіе слова, если произнести *о*, придетъ, пожалуй, въ полное отчаяніе, не добившись несмотря на всѣ свои усилія, никакихъ положительныхъ результатовъ *). Въ концѣ концовъ, если это необходимо, слово будетъ написано, но выборъ буквы *а* или *о* будетъ чисто случайнымъ; намъ кажется даже, что при необходимости пробовать произносить *о*, получится на письмѣ скорѣе *о*, чѣмъ *а*. Проф. Воеводскій въ примѣ-

---

*) Мы, конечно, предполагаемъ, что лицо, о которомъ идетъ рѣчь, ни разу не видѣло правильно написаннымъ того слова, надъ изображеніемъ котораго оно трудится. Въ противномъ случаѣ слово можетъ быть написано правильно подъ вліяніемъ сохранившихся зрительныхъ впечатлѣній, а вовсе не на основаніи правила проф. Воеводскаго.

рахъ къ разбираемому правилу удачно избѣжалъ подобныхъ недоразумѣній, поставивъ такія слова, въ которыхъ обычно пишется *о*, и такія, которыя допускаютъ двоякое начертаніе, какъ *казакъ* и другія, приведенныя уже нами выше (всѣ эти примѣры взяты опять таки изъ „Руководства“ Грота, но не приняты во вниманіе многія другія слова, которыхъ нѣтъ у Грота, такъ какъ правила свои онъ строитъ на совсѣмъ иныхъ началахъ, чѣмъ проф. Воеводскій, которому, при построеніи новой системы правописанія, слѣдовало бы, по отношенію къ разсматриваемому случаю, пересмотрѣть всѣ слова съ *а* и *о*, а не только тѣ, которыя даетъ Гротъ).

Возьмемъ однако изъ книги уже проф. Воеводскаго такія слова съ кореннымъ *а*, которыя и проф. Воеводскій пишетъ чрезъ *а*: *изкаженье* (стр. 6), *палашъ* (9), *фамильныя* (5), *аналогичныхъ* (10), *категорьи* (13), *характеризующіе* (13), *казначей* (13), *кабинете* (18), *академикъ* (стр. I), *старался* (I) и т. д. Почему проф. Воеводскій во всѣхъ этихъ словахъ пишетъ, при отсутствіи ударенія, букву *а*, а не *о*?

Неужели произношеніе въ этихъ словахъ *о* исказитъ эти слова? Думается намъ; что нѣтъ; и если проф. Воеводскій пишетъ эти слова такъ, какъ и мы всѣ ихъ теперь пишемъ, то дѣлаетъ это не на основаніи своего уже правила, не потому, что „чутье языка“ предостерегаетъ его отъ искаженія слова, а, потому, что привыкъ такъ писать, потому, что знаетъ составъ этихъ словъ.

Мы нарочно взяли изъ книги проф. Воеводскаго и заимствованныя изъ другихъ языковъ слова, по отношенію къ которымъ, по словамъ проф. Воеводскаго, слѣдуетъ руководиться исключительно фонетическимъ принципомъ, такъ какъ этимологическій составъ ихъ съ точки зрѣнія русскаго языка не можетъ считаться яснымъ“.

Намъ однако кажется, что начертанія *категорьи*, *аналогичныя*, *академикъ*, *характеризующіе* получились у проф. Воеводскаго не съ точки зрѣнія русскаго языка, а съ точки зрѣнія языка греческаго.

Съ точки же зрѣнія русскаго языка, при точномъ примѣненіи правила проф. Воеводскаго, совершенно свободно—особенно у лицъ, незнакомыхъ съ иностранными языками и не искушенныхъ еще въ правописаніи (такихъ лицъ и имѣетъ въ виду, вѣроятно, проф. Воеводскій)—получатся такія начертанія: *окодемикъ*, *котегорьи*, *онологичныя*, *хороктеризующіе* и т. д...

Правильными также, съ той же точки зрѣнія, придется считать начертанія: *изкоженье*, *полашъ*, *кобинете*, *фомильныя* и т. д.

Если, кромѣ того, дать нѣкоторый просторъ субъективной точкѣ зрѣнія на этимологическій составъ слова, то едва ли возможно протестовать и противъ такихъ начертаній: *зопятая*, *облодаетъ*, *выро-*

женному, *устронивъ* и т. д. (мы беремъ лишь тѣ слова, которыя встрѣчаются въ книгѣ проф. Воеводскаго и написаны имъ согласно съ общепринятымъ начертаніемъ).

Такимъ образомъ, на нашъ взглядъ, правило проф. Воеводскаго можетъ повести лишь къ полному искаженію на письмѣ словъ съ кореннымъ *а*, и уклоненія отъ обычнаго правописанія вовсе не ограничатся немногими отдѣльными случаями, какъ думаетъ проф. Воеводскій.

Къ числу такихъ уклоненій, послѣдовательно проведенныхъ проф. Воеводскимъ въ „Опытѣ", относятся начертаніе слова *кавычки* чрезъ *о* и употребленіе приставки *раз* въ формѣ *роз*.

Такое начертаніе приставки *раз* дѣйствительно вполнѣ оправдывается правиломъ проф. Воеводскаго объ основномъ *о*; оправдывается оно и фонетическимъ принципомъ, такъ какъ дѣйствительно въ громадномъ большинствѣ случаевъ (за исключеніемъ слова *разумъ*) эта приставка, находясь подъ удареніемъ, получаетъ въ произношеніи форму *роз*. Нельзя однако не замѣтить, что форма *роз* является лишь видоизмѣненіемъ настоящей коренной формы *раз*, видоизмѣненіемъ, образовавшимся подъ вліяніемъ ударенія такъ же, какъ и формы *плотишь*, *уплоченъ*, *покотишь* и т. д.

Едва ли поэтому есть нужда въ измѣненіи принятой въ нашемъ правописаніи формы *раз* безъ ударенія. Такое сохраненіе формы *раз* при отсутствіи ударенія рядомъ съ формой *роз* подъ удареніемъ, удовлетворяя принципу этимологическому, не было бы вовсе нарушеніемъ и фонетическаго принципа.

II. Уклоненіямъ отъ обычнаго начертанія должны подвергнуться также тѣ слова съ кореннымъ *о*, которыя, не имѣя ударенія въ формѣ со звукомъ *о*, имѣютъ его въ формахъ со звукомъ *о*: *горѣть-гарь*, *угорѣть-угаръ*. По правилу проф. Воеводскаго, основнымъ гласнымъ слѣдуетъ считать въ этихъ словахъ *а*; слѣдовательно, вполнѣ, какъ кажется, правильными, съ точки зрѣнія автора „Опыта", будутъ такія начертанія: *гарѣть*, *угорѣть*.

III. Несогласно съ общепринятымъ правописаніемъ должны писаться и тѣ слова, которыя, имѣя въ нѣкоторыхъ формахъ *о* безъ ударенія, образовавшееся изъ другого коренного звука, въ другихъ формахъ имѣютъ *а* съ удареніемъ: *пловецъ-плавать*. По правилу проф. Воеводскаго, можно писать *плавецъ*, такъ какъ основнымъ гласнымъ слѣдуетъ считать—*а*.

IV. Отступать отъ обычнаго начертанія должны также тѣ глагольныя формы, въ которыхъ мы находимъ чередованіе *а* и *о*, не находящихся подъ удареніемъ: возможно, по правилу проф. Воеводскаго, писать *косаться*.

По всей вѣроятности, мы указали не на всѣ уклоненія, но, кажется намъ, достаточно и упомянутыхъ нами, чтобы видѣть, что необычныхъ начертаній, по отношенію къ буквамъ *а* и *о*, должно быть, если пользоваться правиломъ проф. Воеводскаго, довольно таки много, и эти необычныя написанія—что самое главное—должны, съ точки зрѣнія самого же проф. Воеводскаго, считаться ошибками, такъ какъ самъ онъ пишетъ, какъ мы видѣли, вовсе не такъ, какъ слѣдовало бы по его же правиламъ. Выходитъ, слѣдовательно, что, примѣняя точно правило проф. Воеводскаго, мы тѣмъ не менѣе пишемъ не такъ, какъ хотѣлось бы автору „Опыта", а это происходитъ главнымъ образомъ оттого, что, формулируя свое искусственное правило, вызванное стремленіемъ избѣжать ссылки на этимологическій составъ слова, проф. Воеводскій опирается на дѣлѣ вовсе не на чутье языка въ произношеніи, какъ это предлагаетъ онъ намъ въ правилѣ, а на чутье языка, если можно такъ выразиться, на письмѣ,—другими словами, писать болѣе или менѣе правильно, безъ особыхъ колебаній, на основаніи правила проф. Воеводскаго можетъ лишь тотъ, кто, зная дѣйствительныя коренныя формы слова, знаетъ уже и то, какъ изображаются на письмѣ, на основаніи общепринятаго правописанія, измѣненія коренныхъ гласныхъ въ тѣхъ или иныхъ формахъ, тотъ, по крайней мѣрѣ, глазъ котораго уже привыкъ къ обычному начертанію того или иного слова.

Тѣхъ же, которые не искушены еще въ правописаніи, правило проф. Воеводскаго заставитъ постоянно колебаться, такъ какъ на основаніи одного лишь произношенія въ очень многихъ случаяхъ будетъ трудно и даже невозможно съ достаточной увѣренностью рѣшить вопросъ о преимуществѣ *а* предъ *о* и наоборотъ. Насколько искусственно и даже случайно правило, настолько же случайны и исключенія, которыя даетъ при своемъ правилѣ проф. Воеводскій; при этомъ формулировка этихъ исключеній такова, что, при примѣненіи ихъ, пишущій во многихъ случаяхъ долженъ будетъ колебаться въ выборѣ того или иного начертанія.

Проф. Воеводскій говоритъ: „въ неударяемомъ слогѣ вмѣсто основного *о* пишется *а* въ словахъ:... ***влагать***, ***полагать***, и прочихъ образованныхъ отъ корня *лаг*—, чередующагося съ *лог*—(*ср.* ***налогъ*** и т. п.)".

Указывая такое исключеніе, проф. Воеводскій хотѣлъ, вѣроятно, сохранить обычное правописаніе словъ съ звукосочетаніями *лог* и *лаг*. Общепринятое правописаніе объясняетъ такое чередованіе *лог* и *лаг* на почвѣ этимологической, и объясненіе это, вполнѣ ясное и опредѣленное, даетъ возможность правильно употреблять эти формы отъ корня *лег*.

Но возможно ли изъ словъ проф. Воеводскаго вывести безошибочное заключенiе, а когда слѣдуетъ писать *лог* и когда *лаг*?

Въ словахъ *влагать*, *полагать*—на основанiи того лишь, что такъ пишетъ самъ проф. Воеводскiй, и мы напишемъ—*лаг*; безошибочно напишемъ и слово *налогъ*, данное проф. Воеводскимъ, и вообще всѣ слова, которыя имѣютъ удареніе на звукосочетаніи *лог*,—а остальныя слова, производимыя отъ разсматриваемыхъ корней? Какъ написать *прилагательный*, *приложить* и т. д.? Проф. Воеводскiй въ текстѣ своего труда пишетъ *прилаглтельный* (стр. 7), но почему же? Развѣ я не могу думать, что въ слово *прилагательный* входитъ корень *лог*, а не *лаг*,—въ слово *приложить*, наоборотъ, *лаг*, а не *лог*, тѣмъ болѣе, что нѣтъ слова *прилогъ* съ удареніемъ на коренномъ слогѣ?

Руководствуясь теперешнимъ правописаніемъ, я не имѣю права здѣсь колебаться, но проф. Воеводскiй не даетъ ничего, что бы могло предостеречь отъ ошибки, такъ какъ избѣгаетъ ссылки на этимологическій составъ слова.

Выходитъ, слѣдовательно, что для того, чтобы правильно употреблять на письмѣ эти корни, надо пользоваться не правиломъ проф. Воеводскаго, а правилами того же правописанія, противъ котораго такъ горячо возстаетъ авторъ „Опыта", хотя самъ же пользуется ими вопреки своимъ правиламъ.

Еще исключеніе: ...„*возрастъ*, *возрастный* (*рост*—слѣдуетъ писать предъ и подъ удареньемъ,—*ростенье*, *выростить* (?), подростокъ, и т. д.)".

Здѣсь мы видимъ нѣчто болѣе опредѣленное, чѣмъ относительно корней *лог* и *лаг*, хотя признаки, по которымъ слѣдуетъ отличать начертаніе *рост*—и *раст*—, отличаются искусственностью.

При чемъ однако здѣсь слово *выростить*?. Вѣдь удареніе здѣсь падаетъ на слогъ *вы*, а не на коренной и не на слѣдующій за нимъ? Быть можетъ, здѣсь опечатка—читать слѣдуетъ *выростить*?

Если и такъ, то чѣмъ же лучше это различеніе корней *раст* и *рост* теперь принятаго?

Если дѣло лишь въ упрощеніи правописанія, допускающемъ произвольныя и искусственныя толкованія, то отчего бы не предложить во всѣхъ словахъ писать *рост*, гдѣ *а* не требуется удареніемъ?

Почему того же не сдѣлать и по отношенію къ корнямъ *лог* и *лаг*? Вѣдь для проф. Воеводскаго чередованіе этихъ корней въ зависимости отъ этимологической формы не имѣетъ никакого значенія,—зачѣмъ же тогда всѣ эти придуманныя правила, отъ которыхъ избавляться надо, а не нагромождать ихъ какъ можно больше?

Кромѣ того, проф. Воеводскій предлагаетъ во всѣхъ словахъ отъ слова *разумъ* писать *раз*, хотя во всѣхъ другихъ случаяхъ (впрочемъ, не во всѣхъ) приставку *раз* изображаетъ, какъ мы видѣли, чрезъ *роз*.

Что въ словѣ *разумъ* слѣдуетъ писать *а*, это вполнѣ понятно; но почему же, преслѣдуя главнымъ образомъ цѣли произношенія и почти вовсе не обращая вниманія на этимологическую связь между словами, предлагать и въ производныхъ словахъ, не имѣющихъ ударенія на слогѣ *роз*, писать *а*, а не *о*, хотя послѣднее начертаніе вполнѣ соотвѣтствовало бы правилу проф. Воеводскаго и обычному у него написанію приставки *раз* въ формѣ *роз*? Одно изъ двухъ: или проф. Воеводскій дѣлаетъ это для того, чтобы не отступать отъ общепринятыхъ начертаній, что однако не должно было бы особенно смущать автора „Опыта", такъ какъ во многихъ другихъ случаяхъ отступленія все же есть, или проф. Воеводскій поступаетъ такъ ради единообразія, находя неудобнымъ слова производныя писать съ другою гласною, чѣмъ коренное слово.

Но, во-первыхъ, однообразіе письма все же будетъ нарушено, такъ какъ приставку *раз* безъ ударенія мы въ однихъ случаяхъ должны будемъ писать чрезъ *роз*, а въ другихъ—чрезъ *раз*; а во-вторыхъ, однообразіе въ начертаніи словъ коренныхъ и производныхъ, не нарушаемое по отношенію къ слову *разумъ* и производнымъ отъ него, нарушается и будетъ нарушаться по отношенію ко многимъ другимъ словамъ кореннымъ и производнымъ,—между прочимъ, и по отношенію къ тѣмъ словамъ, о которыхъ говорится въ томъ же § 11: *полагать—положить, возрастъ—выростать.*

Быть можетъ однако, по мнѣнію проф. Воеводскаго, этимологическій составъ слова *разумъ* и производныхъ отъ него неясенъ? Можетъ быть, хотя и странно нѣсколько, если принять во вниманіе, что составъ словъ съ кореннымъ *лаг* или *лог* проф. Воеводскій заставляетъ, повидимому, считать яснымъ, не поясняя перехода *лог* въ *лаг*.

Таковы исключенія, предлагаемыя проф. Воеводскимъ.

Если, кромѣ того, имѣть въ виду начертанія словъ въ „Опытѣ", то придется, быть можетъ, число исключеній еще увеличить.

Такъ, напр., проф. Воеводскій не всегда одинаково изображаетъ приставку *раз* — встрѣчаемъ то *раз*, хотя, по правилу, слѣдовало бы писать всегда *роз*.

Проф. Воеводскій пишетъ: *подразделенье* (стр. 13), *нераздельное* (22), *расходилось* (3) *), *раздался* (118), *вразсыпную* (11), *разло-*

---

*) Въ начертаніи этого слова мы видимъ нарушеніе двухъ правилъ—§§ 11 и 6.

-женье (10), *различный* (6), хотя въ большинствѣ случаевъ встрѣчаемъ приставку *роз: роздался* (21), *розкрылъ* (13), *розсеянный* (10), *розполагаетъ* (18) и т. д.

Какое же правило можно вывести изъ такихъ начертаній, особенно если обратить вниманіе на то, что слово *раздался* въ одномъ мѣстѣ написано чрезъ *а* въ приставкѣ, а въ другомъ—чрезъ *о*?

Одно изъ двухъ: или самому автору „Опыта" трудно писать по своимъ правиламъ, или слова первой группы слѣдуетъ считать опечатками;—но право же, въ такихъ работахъ, которыя предлагаютъ новую систему правописанія, не слѣдовало бы допускать подобныхъ опечатокъ, тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли, во многихъ случаяхъ лишь на основаніи начертаній тѣхъ или иныхъ словъ въ „Опытѣ" можно узнать, какъ слѣдуетъ примѣнять то или иное правило проф. Воеводскаго.

Быть можетъ также, въ число исключеній придется помѣстить и слова производныя отъ слова *разный*, такъ какъ у проф. Воеводскаго мы встрѣчаемъ начертаніе *разнообразный* (стр. I)? Вѣдь здѣсь то же самое *раз*, что и въ приставкѣ, только въ первоначальномъ значеніи самостоятельнаго корня. Быть можетъ, составъ слова слѣдуетъ здѣсь считать неяснымъ?

Не совсѣмъ также понятно намъ, почему проф. Воеводскій пишетъ *равняется* (стр. 18)—чрезъ *а*? Есть слово *равный*, но есть и слово *ровный*; такъ какъ подъ удареніемъ является и *о* и *а*, то, по правилу проф. Воеводскаго, основнымъ слѣдуетъ считать *о*, а потому и писать надо *ровняется*. Проф. Воеводскій пишетъ однако *равняется*, какъ и принято. Почему же такъ? Можно сказать, что слово *равняется* происходитъ отъ слова *равный*, а не *ровный*, которыя различаются по значенію; но, во-первыхъ, у проф. Воеводскаго мы вовсе не находимъ указаній на то, что именно такихъ соображеній слѣдуетъ держаться при выборѣ того или иного начертанія, а во-вторыхъ, признаніе законными такихъ соображеній могло бы, пожалуй, нарушить тѣ начала, которыхъ придерживается проф. Воеводскій при построеніи своей системы.

Притомъ, различіе въ значеніи слова *равный* и *ровный* вовсе не настолько велико, чтобы слѣдовало строго его придерживаться при стремленіи упростить правописаніе и подвести подъ общее правило возможно большее число явленій, чего, повидимому, и желаетъ проф. Воеводскій.

Въ сущности значеніе обоихъ словъ, произведенныхъ отъ корня *рав*, одно и то же; разница между ними лишь та, что слово *равный* есть форма ц.-славянская, а слово *ровный*—форма чисто русская; литературный языкъ, принявъ обѣ формы, различаетъ ихъ въ упо-

требленіи, какъ дѣлаетъ это и по отношенію ко многимъ другимъ словамъ, живущимъ въ литературной рѣчи въ той и другой формѣ. Основной формой слѣдуетъ считать форму *равный*, а форма *ровный* появилась такимъ же путемъ изъ нея, какъ форма *роз* изъ *раз*, *розный* изъ *разный*, *дор*—(подоришь) изъ *дар*— (даръ) и т. д., о чемъ мы уже говорили выше. Какъ же писать слова, производимыя отъ такихъ корней, въ тѣхъ случаяхъ, когда на коренномъ гласномъ нѣтъ ударенія? Возможны, конечно, различныя начертанія въ зависимости отъ того, какого начала въ правописаніи мы придерживаемся.

При этимологическомъ письмѣ—придется, принимая во вниманіе основную форму корня, имѣть въ виду тѣ измѣненія гласныхъ коренныхъ, которыя характеризуютъ тѣ или иныя этимологическія формы, въ тѣхъ случаяхъ, когда существуютъ формы съ различными коренными гласными подъ удареніемъ, не совсѣмъ одинаковыя по значенію; придется обратить вниманіе и на связь по значенію между формами съ удареніемъ на коренномъ гласномъ и формами безъ ударенія,—если, конечно, кореннымъ гласнымъ будетъ такой, который въ произношеніи, при отсутствіи ударенія на немъ, легко смѣшать съ другимъ, какъ, напр., *а* и *о*.

При системѣ проф. Воеводскаго дѣло значительно упрощается, хотя правило, предложенное имъ и изложенное нами выше, отличается искусственностью, такъ какъ за основную форму слова придется принимать во многихъ случаяхъ вовсе не ту, которая признается таковою въ наукѣ. На основаніи своего правила проф. Воеводскій формѣ *раз*, при отсутствіи ударенія, предпочитаетъ форму *роз*; на томъ же основаніи проф. Воеводскій долженъ былъ бы, какъ кажется, формѣ *равняется* предпочесть форму *ровняется*, чего на самомъ дѣлѣ мы не видимъ.

Могутъ выйти недоразумѣнія и по поводу слѣдующаго замѣчанія проф. Воеводскаго въ концѣ того же 11 §: „во избѣжаніе смѣшенія окончаній—*ила*,—*ишка*, и—*ило*—*ишко* можно придерживаться правила, что окончанія—*ила*,—*ишко* принадлежатъ словамъ, означающимъ одушевленные предмемы (какъ, напр., *Гаврила*, *кутила*, *мальчишка*) окончанія же—*ило*,—*ишко*--неодушевленные (напр., *шило*, *домишко*)“. Само по себѣ правило выражено вполнѣ опредѣленно и ясно; но почему проф. Воеводскій предостерегаетъ отъ смѣшенія лишь окончаній *ила*, *ило* и *ишка*, *ишко*? А если передъ *л* и *ш* будутъ стоять другіе гласные—какъ тогда быть? Какъ, напр., писать: *запѣвала* или *запѣвало*, *чучело* или *чучела* и т. д.? Или въ такихъ словахъ можно смѣшивать окончанія? Если проф. Воеводскій скажетъ, что отвѣтъ на такой вопросъ мы найдемъ въ элементар-

ной грамматикѣ, которую слѣдуетъ знать прежде, чѣмъ руководствоваться правилами „Опыта", то въ такомъ случаѣ не надо было говорить и объ окончаніяхъ *ила*, *ило*, *ишка*, *ишко*, такъ какъ и это мы можемъ найти тамъ же; если же проф. Воеводскій счелъ необходимымъ сказать объ этихъ окончаніяхъ, то слѣдовало бы, во избѣженіе недоразумѣній, сказать и о другихъ, или формулировать свое замѣчаніе болѣе широко.

Такимъ образомъ, и по отношенію къ употребленію буква *а* и *о* проф. Воеводскому, при его желаніи избѣгнуть разнообразія въ письмѣ и не нарушить особенно общепринятаго правописанія, не удается какъ слѣдуетъ примѣнить фонетическій принципъ: авторъ „Опыта" то опирается—лишь повидимому—на особенности перехода гласныхъ при образованіи словъ отъ корней, придерживаясь такимъ образомъ принципа этимологическаго, то прибѣгаетъ къ выдуманнымъ, ни на чемъ прочномъ не основаннымъ, обобщеніямъ, которыхъ, право, и такъ достаточно во многихъ нашихъ руководствахъ, особенно въ тѣхъ, которыя выкраиваются изъ „Руководства" Грота съ цѣлью облегчить якобы усвоеніе нашего правописанія; правила такія вовсе не облегчаютъ дѣла, а лишь вносятъ путаницу.

Причина неудобопримѣнимости разсматриваемаго правила проф. Воеводскаго вполнѣ понятна: если желать придерживаться фонетическаго начала по отношенію къ употребленію гласныхъ *а* и *о*, то слѣдуетъ или предоставить полную свободу, сообразно со вкусомъ каждаго, въ постановкѣ или *а* или *о* (если, конечно, слоги эти не находятся подъ удареніемъ), или придумать особый знакъ для обозначенія звука средняго между *а* и *о* и такимъ знакомъ отмѣчать какъ неударяемый звукъ *а*, такъ и неударяемый звукъ *о*.

Кромѣ того, къ неудобствамъ пользованія правиломъ проф. Воеводскаго слѣдуетъ отнести также то, что, отыскивая основное *а* или *о*, мы во многихъ случаяхъ получимъ основныя формы вовсе не тѣ, которыя признаются таковыми въ нашей грамматикѣ.

Во избѣжаніе такого нежелательнаго противорѣчія слѣдовало бы сдѣлать одно изъ двухъ: или проф. Воеводскому придумать новые термины для обозначенія его основныхъ *а* и *о*, или перестроить грамматику сообразно съ „Опытомъ".

П. Селивановъ.

(*Продолженіе будетъ.*)

———

Бесѣды по исторіи русской словесности *).

I.

Происхожденіе слова „словесность". Что такое слово? Два главныхъ рода знаковъ, употребляемыхъ человѣкомъ для обозначенія понятій. Особенности знака звукового. Двѣ стороны въ словѣ. Что такое словесность и изученіе ея исторіи. Словесность и литература. Словесность, какъ часть науки объ языкѣ. Что такое языкъ. Значеніе словесности.

Первый вопросъ, который является при изученіи всякой, а слѣдовательно и русской словесности, есть: что такое „*словесность*". Слов-ес-н-ост-ь есть слово производное отъ прилагательнаго *словесный*, которое въ свою очередь происходитъ отъ коренного выраженія: *слово*. Что такое слово? Слово это не что иное, какъ звуковой знакъ — сочетаніе изъ одного или нѣсколькихъ звуковъ, употребляющееся для обозначенія того или другого понятія. Природа и особенности этого звукового знака выяснятся для насъ путемъ сравненія его съ другими знаками, которыми пользуется человѣкъ для обозначенія понятій, ибо слово не есть единственное для этого средство.

Кромѣ *слова* человѣкъ обозначаетъ понятія еще *черточками* или *красками*. Этимъ послѣднимъ родомъ знаковъ обыкновенно пользуются рисовальщики и живописцы. Ясна разница между этими двумя родами знаковъ: слово дѣйствуетъ на умъ человѣка при посредствѣ слуха; черточки и краски говорятъ его глазамъ. Слово—сочетаніе звуковъ, слѣдующихъ одинъ *послѣ* другого *во времени*:

---

*) Изъ приготовляемой къ печати книги подъ тѣмъ же заглавіемъ. Это—рядъ уроковъ, даннымъ авторомъ въ качествѣ преподавателя русскаго языка. Здѣсь измѣнена только форма уроковъ: вмѣсто живой бесѣды, наводящей ученика на извѣстнаго рода выводы, здѣсь даны самые эти выводы въ связномъ изложеніи. Мысль написать эти „уроки" возникла въ то время, когда въ виду ожидаемыхъ преобразованій обсуждались въ печати разныя точки зрѣнія на преподаваніе русской словесности. Авторъ, сторонникъ историческаго ея преподаванія, старался въ своихъ бесѣдахъ доказать возможность такого преподаванія, что многіе отрицали, да и теперь отрицаютъ.

выговаривая слово *крестъ*, я сперва произношу звукъ *к*, потомъ *р*, потомъ *е*, *с*, *т* и, наконецъ, *ъ*; каждый звукъ слышится здѣсь *послѣ* другого; черточки и краски располагаются одна *подлѣ* другой въ *пространствѣ* и могутъ быть видимы одновременно. Черточками и красками можно изобразить только вещественные, конкретные предметы, т. е. только такіе, которые мы можемъ видѣть или осязать; словомъ обозначаются рѣшительно всѣ предметы, существующіе въ мірѣ—и конкретные и такіе отвлеченные, только въ умѣ существующіе, какъ *мысль*, *вниманіе*, *существительное* и т. п. Нѣтъ такого предмета, котораго нельзя было бы обозначить словомъ. Въ этомъ смыслѣ слово есть совершеннѣйшій изъ всѣхъ знаковъ, употребляемыхъ человѣкомъ для обозначенія понятій.

Изъ предыдущаго ясно, что въ каждомъ отдѣльномъ словѣ надо отличать двѣ стороны—одну, такъ сказать, внѣшнюю, звуковой значокъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, другую—внутреннюю,—ту, что скрывается за этимъ внѣшнимъ звуковымъ знакомъ или, лучше сказать, тотъ предметъ, что имъ обозначается. Прилагательное *словесный* есть не что иное, какъ *выраженный словомъ*, а потому и происходящее отъ него слово „словесность" обозначаетъ все то, что выражено словомъ; а такъ какъ словомъ, какъ мы видѣли, выражается рѣшительно все, что существуетъ и въ мірѣ вещественномъ, природномъ и въ мірѣ умственномъ, духовномъ, то и словесность даннаго народа обнимаетъ собой всѣ представленія, мысли и чувства этого народа—весь знакомый ему міръ природный и всю доступную ему область духа. Изучить словесность народа значитъ ознакомиться съ этимъ народомъ вплоть до самыхъ глубокихъ тайниковъ его народной души. Изучить исторію его словесности это значитъ изучить исторію его духовнаго роста, узнать, какъ постепенно расширялся кругъ его представленій, какъ углублялась, крѣпла и росла его мысль, какъ проявлялись и воспитывались заложенныя Богомъ въ его душу чувства, какъ развивался его характеръ.

Словесность иногда обозначается другимъ, иностраннымъ словомъ, *литература*; но это слово, какъ показываетъ самое его происхожденіе, гораздо хуже соотвѣтствующаго ему русскаго слова. Оно происходитъ отъ слова littera—буква, а буква это письменный значокъ для обозначенія на письмѣ того звукового значка, который мы называемъ словомъ. Итакъ, если слово есть только тѣнь обозначаемаго имъ понятія, то буква есть тѣнь тѣни, а потому и происходящее отъ него слово литература менѣе выражаетъ сущность дѣла, чѣмъ словесность, не говоря уже о томъ, что по самому объему своему оно уже и можетъ быть примѣнено только къ словесности письменной.

Изученіе словесности не есть какой-нибудь особый предметъ; это—лишь продолженіе изученія языка, такъ какъ, если словесность есть все то, что выражено словомъ, то вѣдь языкъ есть не что иное, какъ совокупность всѣхъ словъ и ихъ взаимоотношеній. Какъ и въ каждомъ отдѣльномъ словѣ, въ языкѣ надо отличать двѣ стороны— внѣшнюю-формальную и внутреннюю существенную. Внѣшняя это все то, что касается собственно самихъ звуковыхъ знаковъ, которые мы называемъ словами. Сюда относится прежде всего грамматика языка—1) фонетика и правописаніе, т. е. ученіе о правильномъ произношеніи звуковъ и изображеніи ихъ буквами, 2) этимологія, т. е. ученіе объ образованіи и измѣненіи словъ, 3) синтаксисъ, т. е. ученіе о соединеніи и взаимоотношеніи словъ и предложеній и, наконецъ, 4) стилистика, подраздѣляющаяся въ свою очередь на лексику, ученіе о значеніи словъ и ихъ оттѣнкахъ, фразеологію, ученіе объ излюбленныхъ даннымъ народомъ сочетаніяхъ словъ и стилистику въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. ученіе о подборѣ и извѣстномъ расположеніи словъ для той или другой цѣли. Высшей ступенью въ изученіи языка является изученіе собственно словесности. Уже въ самыхъ корняхъ словъ, въ томъ или другомъ выборѣ звуковъ для обозначенія даннаго предмета сказывается міросозерцаніе народа, его взглядъ на окружающую его жизнь и отношенія людей другъ къ другу. Выросшій подъ яркоголубымъ небомъ Аттики съ ея зелеными платанами и журчащими по очаровательнымъ долинамъ рѣчками, веселый и жизнерадостный грекъ, для котораго жизнь была прежде всего наслажденіемъ, прощаясь навсегда съ любимымъ и дорогимъ для себя существомъ, недаромъ говорилъ ему: χαῖςε—„радуйся“; трезвый и практическій римлянинъ, сочинившій пословицу mens sana in corpore sano—здоровая душа въ здоровомъ тѣлѣ—говорилъ *vale*—будь здоровъ; славянинъ, чьи взоры всегда направлены къ высшей цѣли, къ высшимъ идеаламъ Божественной правды, на прощанье желаетъ оставаться „съ Богомъ“, а русскій человѣкъ, чью землю, по словамъ поэта *),

Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ благословляя,

разставаясь проситъ прощенія—„прощай“—прости,—и какъ ярко уже въ одномъ этомъ различномъ выборѣ словъ, употребляемыхъ при одномъ и томъ же случаѣ, сказалась разница въ міросозерцаніи различныхъ народовъ **). Но нигдѣ съ такою полнотою и яркостью

---

*) Тютчева.

**) Примѣръ этотъ указанъ проф. Ѳ. Зелинскимъ.

не выражаются всѣ взгляды народа на жизнь, какъ въ произведеніяхъ словесности, и, подразумѣвая прежде всего эту послѣднюю, сказалъ князь Вяземскій объ языкѣ:

Языкъ есть *исповѣдь* народа,
Въ немъ слышится его природа,
Его душа и бытъ родной.

Изучая языкъ на этой высшей его ступени, человѣкъ, для котораго онъ—родной, учится наилучшимъ завѣтамъ предковъ и запасается ихъ лучшими чувствами и мыслями, черпая въ нихъ для себя опору и руководство въ предстоящей ему жизни. Если же изучаемый языкъ для него чужой, онъ, изучая его и вникая въ эту откровенную исповѣдь чужого норода, который раскрываетъ передъ нимъ самые глубочайшіе тайники своего духа, тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ себѣ новаго друга: обогащаются не только знанія его, но расширяется сердце сочувствіемъ къ ближнему, и провѣряется совѣсть, потому что въ правдѣ народной жизни, каковъ бы ни былъ данный народъ, всегда есть отблескъ правды Божіей.

Велико значеніе слова. Оно есть одинъ изъ величайшихъ даровъ Бога человѣку—даръ, отличающій его отъ всей живущей твари и приближающій его непосредственно къ Богу, который самъ есть Слово: „Въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ Богъ и Богъ бѣ Слово". Самое слово „языкъ" указываетъ на высокое нравственное значеніе этого дара Божья людямъ. Яз-ык-ъ=польскому iez-yk; корень этого слова яз — iez — есть тотъ же, что уз — въ словѣ уз-ы, у-зел-ъ, с-в-язь, со-юз-ъ. Языкъ это узелъ, связывающій людей въ единое цѣлое, это—средство къ ихъ общенію, это—путь къ единенію. Не для личнаго и эгоистическаго счастья создалъ Богъ людей и народы, не для того, чтобы они жили, отдѣлившись другъ отъ друга непроницаемой китайской стѣной, точно улитки, самодовольно замкнувшись въ своей скорлупѣ, но для того, чтобы они сообща дѣлали великое Божіе дѣло, исполняя первую и высочайшую заповѣдь Бога: „любите Бога всею душою своей и всей крѣпостью своей и любите ближняго своего, какъ самого себя". И даръ слова данъ человѣку, какъ необходимое средство къ исполненію этой заповѣди. Этимъ нравственнымъ значеніемъ его мѣряется и высокое нравственное значеніе словесности, которое сознаютъ и сами истинные художники слова. „Изучая чужую словесность", пишетъ нѣмецкій поэтъ Боденштедтъ, мы заглядываемъ народамъ въ сердца и научаемся цѣнить и любить ихъ лучшія стороны, узнаемъ, что одна внутренняя связь одинаково объемлетъ ихъ всѣхъ и всѣхъ взаимно притягиваетъ. И чѣмъ больше растетъ и расширяется такое познаніе, тѣмъ болѣе

является у нихъ основаній для взаимной любви“. На то же самое указываетъ въ своихъ лекціяхъ и великій славянскій поэтъ Мицкевичъ: „Словесность“, говоритъ онъ, „есть поле, на которое всѣ славянскіе народы сносятъ плоды своей умственной и нравственной дѣятельности безъ всякой ненависти и раздоровъ. О, если бы встрѣча на этомъ прекрасномъ полѣ была залогомъ ихъ соединенія на другомъ, болѣе обширномъ поприщѣ“! То, что сказано здѣсь о славянскихъ народахъ, относится и ко всѣмъ народамъ вообще. Дѣйствительно, словесность является въ настоящее время той областью, гдѣ враги безбоязненно сходятся другъ съ другомъ въ одномъ лагерѣ, какъ свои. Больше: какъ друзья. Она есть не только уже путь къ единству, но до извѣстной степени и выраженіе человѣческаго единенія. И чѣмъ больше народъ служитъ въ своей жизни правдѣ Божіей, чѣмъ лучше онъ нравственно, тѣмъ богаче и тѣмъ краше цвѣтъ его народной жизни—его словесность. Люди чувствуютъ это и потому то такъ цѣнятъ великихъ служителей слова. Зная это, и каждый изъ насъ долженъ всею жизнью своею доказать, что ему недаромъ было дано Богомъ средство къ единенію во взаимной любви—даръ слова.

II.

Начало и происхожденіе словесности. Словесности столько же лѣтъ, сколько и человѣчеству. Измѣненія въ формѣ и характерѣ народнаго творчества въ зависимости отъ измѣненій въ жизни. Три періода въ развитіи словесности. Періодъ безличнаго творчества и преимущественнаго господства устной словесности, соотвѣтствующій родовому быту. Словесность настоящаго—періодъ развитія личнаго творчества. Словесность будущаго. Конечная цѣль, къ которой стремится словесность. Недостаточное пониманіе значенія словесности, особенно устной, въ старину. Поворотъ, происшедшій въ этомъ отношеніи въ XVIII вѣкѣ. Богатство народной словесности у славянскихъ народовъ.

Словесности столько же лѣтъ, сколько и человѣчеству. Когда первый человѣкъ съ сердцемъ, преисполненнымъ благодарности Богу за дарованіе ему жизни, обратился взоромъ къ небу и уста его впервые раскрылись для молитвы Творцу, родилась и словесность. Еще не придумали люди никакихъ обозначеній для звуковъ и словъ, еще не было письменности и въ зародышѣ, а уже существовала словесность устная, и изъ устъ въ уста переходили ея произведенія. Радовался ли народъ счастью или удачѣ, просилъ ли свыше новыхъ милостей, онъ собирался вмѣстѣ и славилъ Бога или своихъ языческихъ боговъ въ религіозномъ гимнѣ,—и вотъ явились первые образцы религіознаго творчества:

Весна, Весна красная!
Приди, Весна, съ радостію,
Съ радостію, радостію,
Съ великою милостію,
Со льномъ высокимъ,
Съ корнемъ глубокимъ,
Съ хлѣбами обильными.

Мать, закачивая своего ребенка, напѣвала ему убаюкивающую пѣснь,—и это была первая колыбельная пѣсня. Дѣвушка, готовясь къ вѣнцу, горько плакала при мысли о томъ,

Какъ хочетъ ее батюшка,
Какъ хочетъ ее матушка,
Что отдать ли во чужи люди,
Во чужи люди незнакомые,
На чужу дальну сторонушку,
Ко чужому отцу, къ матери—

и зарождалась пѣсня свадебная. Добрый молодецъ, которому „соизволилъ родной батюшка, приказала родная матушка, чтобъ женился онъ на иной женѣ", размыкивалъ свое горе въ жалобной пѣснѣ „семейной":

Ужъ я батюшки не ослушаюсь,
Родной матушки я послушаюсь,
Обвѣнчаюсь я со иной женой,
Я съ иной женой, съ смертью раннею.

Наконецъ, когда, собравшись, „бойцы вспоминали минувшіе дни и битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они", раздавалась пѣсня-разсказъ о былыхъ богатыряхъ, что спокойно и невозмутимо спятъ теперь подъ безмолвными могильными курганами, и, величавая, неслась она тысячелѣтія, нетлѣнно передаваясь отъ поколѣнія къ поколѣнію, и донеслась до нашего времени, сохраняя на себѣ иногда отпечатокъ такой глубокой древности, о которой не запомнять ни историки ни лѣтописцы.

Но незапамятно старая, словесность въ то же время и вѣчно юная. Она связываетъ давно минувшее съ настоящимъ, а потому и съ будущимъ, ибо въ настоящемъ уже кроются зародыши будущаго и отъ того, что мы дѣлаемъ и сѣемъ, зависятъ будущіе всходы.

O, piesni gminna! Ty arko przymierza
Między dawnemi i młodszemi laty.
W tobie lud składa bron swego rycerza
Swych mysli przędzę, i swych uczuc' kwiaty.
Родное слово, рѣчь народа!
Въ твои хранительныя грани

Народъ слагаетъ въ видѣ дани
Всю жизнь свою, свои мечты,
Геройскій мечъ питомца брани,
Понятій нити, мыслей ткани
И чувства свѣжіе цвѣты! *)

Пѣсня это „ткань народной мысли“, это „цвѣтъ народныхъ чувствъ“, а мысль и чувство неразлучны съ человѣкомъ и народомъ. Покуда народъ живетъ, онъ мыслитъ, чувствуетъ и выражаетъ свои мысли въ словѣ, а потому нѣтъ и не можетъ быть такой ступени въ жизни народа, гдѣ не было бы словесности, и кто знаетъ, можетъ быть, въ ту самую минуту, гогда мы говоримъ это, гдѣ-нибудь крестьянинъ, хотя за плугомъ, слагаетъ пѣсню, или въ кругу другихъ крестьянъ бросаетъ свое мѣткое наблюденіе надъ тѣмъ или другимъ жизненнымъ явленіемъ, и въ сжатой оправѣ пословицы оно пойдетъ потомъ гулять по свѣту, пока не будетъ записано какимъ-нибуть любителемъ народнаго устнаго творчества. Въ Цетиньѣ еще на нашей памяти одинъ изъ предковъ теперешняго черногорскаго князя, не умѣвшій ни читать ни писать, пѣлъ по вечерамъ въ кругу своихъ боевыхъ товарищей сложенныя имъ пѣсни о Черногоріи, о сербскихъ юнакахъ и о кровавыхъ битвахъ ихъ съ турками, и эти пѣсни, подхваченныя народомъ, сдѣлались общимъ народнымъ достояніемъ, потому что выражали то, что чувствовалъ и думалъ весь сербскій народъ. Кто прислушивался къ удалымъ и залихватскимъ пѣснямъ русскихъ солдатъ объ ихъ вождяхъ и генералахъ въ послѣднюю войну, тотъ могъ наблюцать ходъ народнаго творчества почти въ самую минуту его возникновенія. Неисчерпаемый родникъ устной словесности можетъ изсякнуть только со смертью безпрестанно создающаго ее народа.

Безсмертно человѣчество, не умретъ никогда и словесность. Но постоянно измѣняются условія человѣческой жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнятся и форма и характеръ народнаго творчества. Иною была словесность въ прошедшемъ, и иною, чѣмъ теперь, будетъ она въ будущемъ. Въ началѣ своего существованія люди жили на землѣ, связанные одною только, крѣпкою, но чисто физическою, связью кровнаго родства. Это было время общиннаго, родового быта, черты котораго и теперь еще почти въ полной силѣ сохранились въ Черногоріи, гдѣ народъ живетъ цѣлыми семьями въ 30-70 человѣкъ въ

*) Стихи Мицкевича, переводъ Бенедиктова. Для не знающихъ по-польски вотъ ключъ къ ученію: ie=ѣ, y=ы, rz=ж (вмѣсто русскаго р), ę=ен (носовое), l—мягкое л, ł твердое л, sz=ш, c=ц, ch=x, cz=ч, значекъ ′ указываетъ на смягченіе звука: ń=нь, ś=сь, ć=ць. Arka przymierza=завѣтъ ковчега.

такъ называемыхъ задругахъ, изъ которыхъ каждая, находясь въ дальнемъ родствѣ съ другими подобными же задругами, составляетъ вмѣстѣ съ ними братство въ 300—700 человѣкъ, а братства образуютъ племя. Въ этомъ семейно-общинномъ бытѣ нѣтъ мѣста для проявленія личнаго начала, личныхъ чувствъ и воли, особыхъ стремленій и желаній каждаго отдѣльнаго человѣка. Здѣсь все—общее и одинаковое: занятія, интересы, цѣли. Даже собственности человѣкъ не имѣетъ своей лично, и земля, какъ и теперь еще въ великорусскихъ деревняхъ принадлежитъ не отдѣльному лицу, не Андрею, не Ивану или Петру, а всей деревенской общинѣ вмѣстѣ. При такой одинаковости условій жизни, болѣе или менѣе одинаковы у всѣхъ и образъ мыслей и строй наполняющихъ душу чувствъ. Что думаетъ и говоритъ одинъ, то думаютъ и говорятъ всѣ; и вотъ отчего въ эту пору и творчество народное—безлично, и мы, которые можемъ перечислить всѣхъ, и второстепенныхъ даже, поэтовъ позднѣйшихъ временъ, не знаемъ, кто создалъ дивныя сербскія пѣсни о гибели Сербскаго царства на Косовомъ полѣ, о Марко Королевичѣ или наши русскія былины о „Владимирѣ, князѣ стольно-кіевскомъ". Кто ихъ создалъ? На это можетъ быть одинъ только отвѣтъ: *народъ*, хотя безъ сомнѣнія они прежде всего были плодомъ личнаго творчества. Но пѣвецъ, привыкшій жить общею жизнью, не думалъ о личной славѣ; онъ пѣлъ, потому что пѣлось, и слова, выражавшія то, что чувствовали всѣ отъ мала до велика, сами просились наружу, слагаясь въ пѣсню, которую весь народъ признавалъ своей, не запоминая имени ея создателя. Въ эту пору, если и всплывало наверхъ что-нибудь личное, отдѣльное, особенное, то оно тотчасъ же расплывалось въ общей жизни, какъ теряется отдѣльная поднявшаяся волна въ необъятномъ и однообразномъ просторѣ моря.—Но единство кровное, связь чисто физическая, какъ она ни крѣпка, не можетъ быть идеаломъ человѣческаго общежитія, такъ какъ человѣкъ тѣмъ и отличается отъ прочихъ живыхъ существъ, что онъ прежде всего существо духовное, свободная и разумная личность. Какъ духовное существо, онъ долженъ стремиться и дѣйствительно стремится къ единенію, но не по крови только, а и въ духѣ; какъ свободно-разумная личность, онъ не можетъ быть только „пальцемъ отъ ноги", только расплывающеюся въ морѣ волною; онъ имѣетъ цѣнность самъ по себѣ; по своей собственной совѣсти, по своему личному свободному произволенію долженъ онъ придти къ Богу, чтобы при Его Божественной помощи осуществить и между людьми то высшее духовное единство, къ созданію котораго онъ призванъ. Но для этого личность человѣческая должна прежде всего выдѣлиться изъ безразличнаго единства родового общества. Вотъ почему вездѣ и всюду родовой поря-

докъ постепенно распадается, и начинается новый періодъ въ жизни человѣчества—періодъ развитія личности. Это тотъ періодъ, который переживаемъ мы. Семейныя связи сохраняются и здѣсь, но онѣ теряютъ свое руководящее значеніе: не онѣ опредѣляютъ и направляютъ жизнь человѣчества. Братъ зачастую живетъ теперь на разстояніи нѣсколькихъ тысячъ верстъ отъ брата, нерѣдко ближе по своимъ интересамъ къ чужимъ людямъ, чѣмъ къ своимъ роднымъ, подъ вліяніемъ совершенно разныхъ условій. Жизнь безконечно усложняется: изъ общей массы народа выдѣляются сословія, классы; съ раздѣленіемъ труда дробятся интересы, является разница въ занятіяхъ, и это различіе внѣшнихъ условій отзывается и на безконечномъ разнообразіи чувствъ и мыслей. Иной характеръ и складъ мыслей у пахаря, вѣчно живущаго со своей сохой, и у фабричнаго рабочаго, весь день проводящаго при стукѣ машинъ и дымѣ заводскихъ трубъ, а тѣмъ болѣе у мѣщанина, купца или ученаго. Прежняго безразличнаго единства уже нѣтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ и прежняго безличнаго народнаго творчества. Словесность, въ значительной части своей становясь письменной, одновременно съ этимъ принимаетъ личный характеръ, и уже отъ самыхъ первыхъ лѣтъ новаго періода до насъ доходятъ имена новыхъ пѣвцовъ, каково у насъ имя вѣщаго Бояна. Выдѣляется особый классъ образованныхъ людей, гдѣ сосредоточивается умственная дѣятельность. Теперь, если появляется въ нижнихъ слояхъ народа человѣкъ, свыше одаренный даромъ пѣсни, онъ обыкновенно выбивается наверхъ и получаетъ имя, какъ получилъ его въ прошломъ вѣкѣ сынъ пермскаго крестьянина Мерзляковъ, Цыгановъ или простой и малообразованный воронежскій мѣщанинъ Кольцовъ. Съ другой стороны, замѣчается и обратное явленіе: и на высотахъ образованности люди, отмѣченные особою печатью дара Божьяго, становятся общенародными избранниками, и подъ ихъ произведеніями народъ молчаливымъ признаніемъ какъ бы подписываетъ свое имя, считая ихъ своими. Изъ множества писателей это тѣ, которые выражаютъ въ своихъ произведеніяхъ чувства и мысли *всего* народа, это тѣ, которые имѣютъ право сказать о себѣ: „я—милліонъ, потому что любилъ и страдалъ за милліонъ“. По слову Пушкина, къ нимъ не зарастетъ народная тропа, и пѣсни ихъ рано или поздно зайдутъ подъ соломенныя крыши деревенскихъ хатъ, въ тѣ низины, гдѣ пока въ свой чередъ продолжается, хотя и въ уменьшенныхъ размѣрахъ, устное народное творчество.—Но и этотъ періодъ развитія личнаго творчества не послѣдній въ исторіи человѣчества. Личность выдѣлилась изъ прежняго безразличія въ родѣ не затѣмъ, чтобы остаться одинокой и, замкнувшись въ себѣ, застыть въ узкомъ и себялюбивомъ самодовольствѣ, но затѣмъ, чтобы

свободно и сознательно отречься во имя Божіе отъ своего личнаго счастья, отдавшись на служеніе всѣмъ людямъ, какъ своимъ братьямъ не по крови уже, а по духу, какъ сыновьямъ Единаго Небеснаго Отца. Это духовное единеніе и есть то царство Правды и Свѣта царство беззакатнаго свободнаго счастья, къ которому безсознательно, стремится и котораго жаждетъ человѣчество. Когда оно осуществится, настанетъ новый завершительный періодъ въ жизни человѣчества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новая словесность. Каждый будетъ отъ себя славословить Бога, но такъ какъ каждый тогда забудетъ о себѣ, думая о другихъ, то голоса всѣхъ сольются въ одинъ согласный хоръ и запоютъ величавую пѣснь,—пѣснь конченнаго плѣна, пѣснь замолкшихъ распрей и раздоровъ, торжествующую пѣснь любви, подобную той, которую пѣли ангелы, привѣтствуя на землѣ рожденіе Бога: „Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!“ Предвѣстія этой пѣсни уже и теперь долетаютъ до насъ во вдохновенныхъ созданіяхъ нашихъ величайшихъ поэтовъ, когда они зовутъ людей къ добру, напоминая имъ о временахъ грядущихъ,

Когда всѣ народы, распри позабывъ,
Въ одну великую семью соединятся.

Вся человѣческая словесность—и бывшая, и настоящая, и устная, и письменная,—служитъ только подготовкой къ этому будущему славословію, и въ этомъ, какъ мы уже видѣли, и заключается ея великое значеніе въ жизни человѣчества.

Значеніе это и теперь многими понимается не въ полной мѣрѣ, а въ старину понималось еще меньше. Особенно несправедливымъ было отношеніе образованныхъ классовъ къ словесности устной. Видя въ ней мѣстами отзвуки прежнихъ языческихъ вѣрованій, ее преслѣдовало духовенство, клеймя народныя пѣсни названіемъ „бѣсовскихъ“; и, можетъ быть, еще съ большимъ пренебреженіемъ отнеслись къ ней далекіе отъ всякихъ религіозныхъ соображеній мыслители XVIII вѣка: для нихъ всѣ созданія народнаго творчества были глупыми и вредными побасенками, плодами грубаго суевѣрія, которое надо всячески уничтожать. Поворотъ въ другую сторону былъ совершенъ здѣсь только въ самомъ концѣ XVIII вѣка, когда ученый нѣмецкій философъ и богословъ Гердеръ издалъ свои „Голоса народовъ“,—сборникъ поэзіи различныхъ народовъ, культурныхъ и некультурныхъ, а въ томъ числѣ и славянскихъ. Онъ первый указалъ на глубокую поэзію старинныхъ народныхъ былинъ, на ихъ важность для изученія народной жизни, и съ его легкой руки плодами народнаго творчества заинтересовались и ученые люди и люди изъ образованнаго общества. Два евангелическихъ пастора, братья Яковъ и Карлъ Гриммы,

своими открытіями и изысканіями въ этой области создали цѣлую эпоху, и передъ всѣми воочію раскрылось великое богатство народной поэзіи и ея высокій нравственный характеръ. Съ особенной ревностью принялись за собираніе остатковъ народнаго творчества, и особенно плодотворными оказались эти розыски въ славянскихъ земляхъ. Въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія знаменитый Вукъ Караджичъ издалъ замѣчательныя, на всѣ почти европейскіе языки переведенныя сербскія народныя пѣсни. Константинъ Миладиновъ на средства католическаго хорватскаго епископа Штроссмайера напечаталъ въ 1861 году въ Загребѣ собранныя имъ вмѣстѣ съ братомъ пѣсни болгарскія. Еще раньше у чеховъ Божена Нѣмцова и Эрбенъ собрали чешскія народныя сказки и легенды; у поляковъ на полѣ изученія народной словесности потрудились Войцицкій и Кольбергъ. Что касается до насъ, русскихъ, то мы, едва-ли не первые изъ славянъ, обратили вниманіе на народную словесность. Еще въ половинѣ XVIII вѣка для Демидова на горныхъ заводахъ его былъ составленъ сборникъ былинъ казака Кирши Данилова. Въ 1804 г. его напечаталъ Якубовичъ, а въ 1818 году появилось уже второе его изданіе, сдѣланное Калайдовичемъ. Въ 20-хъ годахъ выпустилъ въ свѣтъ свои „Сказанія русскаго народа“ Сахаровъ. Потомъ собиранію пѣсенъ посвятилъ почти всю свою жизнь Петръ Кирѣевскій. Молодой Рыбниковъ, судьбою заброшенный въ глушь Олонецкаго края, открылъ тамъ новый и такой неистощимый кладъ народной поэзіи, что пошедшій по его слѣдамъ Гильфердингъ въ 1871 г. въ короткій срокъ 48 дней успѣлъ собрать тамъ 318 новыхъ былинъ, прослушавъ 70 пѣвцовъ. Это было изумительное явленіе. Изъ непроходимыхъ дебрей онежскихъ лѣсовъ, куда почти не проникали лучи просвѣщенія, черезъ уста безграмотныхъ крестьянъ, никогда и не слышавшихъ про русскую исторію, до насъ долетѣли пѣсни о старомъ Владимірѣ Красное Солнышко и о его славныхъ Кіевскихъ богатыряхъ, давно забытыхъ у самаго Кіева. Исполнились вѣщія слова поэта:

Огнемъ писанье истребится,
Казну злой хищникъ унесетъ,
По пѣсня..... пѣсня сохранится,
Уйдетъ и міръ весь обойдетъ.
Когда же низкіе невѣжды
Не захотятъ ее хранить,
Она уйдетъ въ долины, горы,
Найдетъ въ развалинахъ пріютъ,
Чтобъ съ настоящимъ въ разговоры
Вступать о славномъ прошломъ тутъ. *)

---

[1]) Переводъ Бенедиктова. Стихи Мицкевича.

Одновременно съ пѣснями были записаны и другіе образцы устнаго народнаго творчества. Неутомимый Аѳанасьевъ издалъ свой замѣчательный сборникъ русскихъ сказокъ и легендъ, Даль собралъ наши пословицы. Въ результатѣ всѣхъ этихъ трудовъ оказалась

Płomien' rozgryzie malowane dzieje,
Skarby mieczoni spustosza, Złodzieje:
Pies'n ujdzie cało! Tłum ludzi obilga,
A je'lli podłe dusze nie umieja,
Karmic' jej zalem i poir nadzieja,
U cieka w góry, do gruzów przylega
I ztamtad dawne opowiada czasy..

богатѣйшая сокровищница устной народной словесности, вполнѣ оправдавшая стихи словацкой пѣсни о нашемъ племени:

Чо е славикъ мези птакми,
То е слованъ мези народми. *)

Недаромъ мы носимъ имя славянъ—служителей слова. Обильная количественно, наша устная словесность блещетъ всею яркостью художественныхъ красокъ и—что еще важнѣе—проникнута высокимъ нравственнымъ чувствомъ. Вотъ почему намъ должны быть памятны и дороги имена лицъ, открывшихъ для насъ кладъ этой поэзіи: они добрымъ подвигомъ потрудились на пользу науки и на славу всему славянскому племени, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ братья Константинъ и Дмитрій Миладиновы, даже жизнью своей поплатились за служеніе наукѣ.

Андрей Сиротининъ.

---

*) Славикъ—соловей; мези—между; птакъ—птица; чо—что.

За славянскимъ языкомъ.

(Сцена изъ школьной жизни).

Въ IV классѣ женскаго учебнаго заведенія на первомъ урокѣ послѣ завтрака стоитъ полная тишина. Кажется, если бы пролетѣла муха, и ту можно было бы услышать. Никому изъ ученицъ, находящихся на лицо, и въ голову не приходитъ двинуться, оглянуться, даже просто пошевелиться. Онѣ увѣрены, что Илья Александровичъ Макушинъ, учитель русской и славянской грамматикъ, все видитъ, все слышитъ, все замѣчаетъ и ничего не спускаетъ, и потому онѣ превратились въ полумертвыхъ, чуть только онъ вошелъ въ классъ.

Макушинъ сидитъ на каѳедрѣ уже минуты 3; онъ уже вынулъ изъ кармана свою записную книжку, внимательно посмотрѣлъ въ нее, положилъ на столъ и окинулъ взглядомъ классъ, всматриваясь въ лица ученицъ, съ намѣреніемъ убѣдиться, всѣ-ли глядятъ на него. По его мнѣнію, во время урока ученицы обязаны не спускать глазъ съ учителя, и онъ всячески добивается этого. Сегодня, однако, онъ доволенъ: мало того, что ученицы впились въ него глазами: въ трехъ, къ своему торжеству, онъ замѣтилъ не просто страхъ, а трепетъ. Это были Кологривова, у которой отъ напряженія вздрагивала слегка голова, затѣмъ маленькая Таврова, которая вытянула шею и не то заискивающе, не то покорно поглядывала на Илью Александровича, и Матвѣева, которая успѣла нѣсколько разъ перевести тяжелое дыханіе. Даже Шатова, или „сорви-голова“, какъ звала ее классная дама, сегодня не опускала глазъ, и Макушинъ съ удовольствіемъ пришелъ къ заключенію, что онъ покорилъ, наконецъ, и Шатову. На его лицѣ показалось даже что-то вродѣ улыбки, а это случалось рѣдко: улыбку въ классѣ онъ считалъ совершенно неумѣстной и старался придать своему лицу безстрастное выраженіе, что, впрочемъ не всегда удавалось ему.

Вотъ поднялась съ мѣста Коноплянникова. Она сегодня дежурная и, въ качествѣ таковой, должна, по заведенному Макушинымъ обычаю, заявлять не только о томъ, кого нѣтъ въ классѣ, но и что задано къ уроку.

— Въ классѣ нѣтъ... начинаетъ она.

— Илья Александровичъ,—вдругъ раздается пискливый и жалобный голосъ Ройской—я... тетрадка... у меня дома осталась тетрадка... я забыла ее...

Ройская долго боролась съ собой. Спрошенная въ прошлый разъ, она рѣшила было не признаваться, что тетрадка, которую Макушинъ всегда просматриваетъ, когда спрашиваетъ, осталась у нея дома; но, поглядѣвъ на учителя, она ужаснулась того, что можетъ произойти, если обнаружится ея проступокъ, и послѣ долгаго колебанія, сочла, наконецъ, необходимымъ открыть этотъ проступокъ. Къ несчастью, она не успѣла сдѣлать своего заявленія ранѣе, чѣмъ поднялась Коноплянникова, и теперь ее ожидала кара, такъ какъ были нарушены порядки, установленные Макушинымъ.

Въ крайнихъ случаяхъ Макушинъ обращался къ классной дамѣ, какъ бы взыскивая съ нея; такъ онъ поступилъ и сейчасъ.

— Розалія Яковлевна,—сказалъ онъ—что же это такое?

— Я не знаю, Илья Александровичъ,—тономъ оправданія отвѣчала классная дама,—20 разъ твердишь этимъ безтолковымъ одно и то же, а онѣ все никакъ понять не могутъ.

— Кого же я долженъ слушать,—рѣзко и сурово произнесъ Макушинъ—васъ, Ройская, или васъ, Коноплянникова?!.. Сколько разъ я повторялъ, что постороннія заявленія должны предшествовать рапорту дежурной!.. Я принужденъ буду жаловаться начальницѣ. Да-съ... Такъ вы, Ройская, забыли тетрадку, а завтракать сегодня вы не забыли? Получаете точку, въ слѣдующій разъ крестъ. Да-съ, понесете крестъ за ничѣмъ не оправдываемую забывчивость.

Къ остротѣ Макушина по поводу креста, которую онъ повторяетъ при каждомъ удобномъ случаѣ, всѣ относятся равнодушно. Самъ Макушинъ наклонился къ журналу, чтобы поставить въ немъ точку, а потомъ поставилъ ее у себя въ записной книжкѣ. Эта точка означала, что при первомъ спросѣ Ройская получитъ на баллъ меньше, а грозящій ей крестъ уменьшитъ достоинство ея отвѣта на два балла. Ройская стоитъ и мигаетъ глазами, стоитъ и Коноплянникова. Макушинъ поднимаетъ голову отъ своей книжки.

— Чего же вы стоите?—кричитъ онъ на провинившуюся ученицу,—садитесь!

Та садится и глубоко вздыхаетъ.

— А вы, — накидывается Макушинъ на Коноплянникову, — не знаете порядковъ? Или вы не дежурная? Не знаете, что передъ урокомъ нужно опросить, кто что имѣетъ сказать?

— Я спрашивала.

— Этого мало, что вы спрашивали. Вы—дежурная, ваша обязан-

ность знать все, что дѣлается въ классѣ. Берегитесь, я могу вамъ убавить баллъ изъ поведенія. Ну-съ, кого-же нѣтъ въ классѣ?

— Амосовой и Кочегаровой.

— Гм!—отзывается Макушинъ—достойно вниманія: Кочегарова уже третій разъ пропускаетъ славянскій урокъ. Это систематическое уклоненіе отъ славянскаго языка слѣдуетъ отмѣтить.

Онъ раскрываетъ свою записную книжку и начинаетъ что-то записывать въ нее.

Въ это время Шатова, или „сорви-голова", взволнованная обращеніемъ Макушина съ ея пріятельницей Ройской и возмущенная его взыскиваніями и отчитываніями, чувствуетъ, что, несмотря на данное себѣ слово вести себя хорошо, чтобы не раздражать учителя, не въ состояніи больше сидѣть тихо. Желая чѣмъ-нибудь выразить свой протестъ и нѣсколько успокоить себя, она начинаетъ быстро перелистывать книгу, и шуршаніе листовъ шумно разносится по классу. Одновременно на Шатову взглядываютъ учитель и классная дама, первый съ недоумѣніемъ и гнѣвомъ, вторая—съ испугомъ на лицѣ.

— Что вы дѣлаете?—не своимъ голосомъ кричитъ Макушинъ,— гдѣ вы?

Шатова приподнимается съ мѣста и дѣлаетъ видъ, что не понимаетъ, чего надо отъ нея, устремивъ свой взглядъ прямо въ упоръ въ лицо учителю.

— Развѣ вы не знаете, что безъ моего позволенія вы не имѣете права раскрывать книгу?

— Вѣдь сегодня же разборъ,—съ наивнымъ видомъ замѣчаетъ Шатова.

— Да развѣ мы начали разбирать? Смотрите, Шатова: дѣло можетъ кончиться очень плохо: вы перелистываете и производите этимъ...

Шатова не даетъ договорить Макушину и съ легкой гримасой садится. Классная дама съ шумомъ повертывается на своемъ стулѣ: она знаетъ, что у Макушина нельзя садиться раньше его приглашенія, такъ какъ у него, по его словамъ, „все должно ходить по стрункѣ". И дѣйствительно, онъ багровѣетъ, теряетъ всякое самообладаніе и разражается:

— Будетъ конецъ вашимъ вольностямъ или нѣтъ? Я спрашиваю васъ, гдѣ вы, кто съ вами говоритъ, и какъ вы позволяете себѣ, какъ, я говорю, вы позволяете себѣ... Да встаньте же, наконецъ!

Шатова встаетъ.

— Нѣтъ, я не могу больше говорить съ вами... Розалія Яковлевна!

Розалія Яковлевна быстро направляется къ Шатовой и шопотомъ уговариваетъ ее извиниться передъ Макушинымъ, а Макушинъ сидитъ нѣсколько секундъ съ закрытыми глазами, словно приходя въ себя, потомъ порывисто хватается за часы и произноситъ упавшимъ голосомъ:

— Боже мой, цѣлыхъ 15 минутъ потеряно, Богъ знаетъ на что, а славянскій языкъ ждетъ.

Далѣе онъ снова окидываетъ взоромъ классъ и видитъ Коноплянникову, продолжавшую стоять почти съ самаго начала урока. Сморщивъ лобъ, онъ спрашиваетъ:

— Что же вы не говорите, что задано?

— Разборъ: отъ Матѳея II глава, стихи 1, 2, 3 и 4.

— Садитесь,—приглашаетъ Макушинъ.

Коноплянникова, наконецъ, садится.

— Мигуева,—вызываетъ Макушинъ.

— Простите меня,—говоритъ въ это время Шатова,—я больше не буду.

— Да-съ, прощеніе, хорошо; но вы напишете мнѣ 5 склоненій именъ прилагательныхъ, все равно какихъ, знаете, изъ образцовъ подъ таблицей склоненій. Садитесь!

Шатова садится и, потупившись, закрываетъ ротъ рукой, чтобы подавить зѣвокъ.

— Ну-съ,—продолжаетъ Макушинъ, —раскрываемъ книги.

У всѣхъ заложены закладки на мѣстѣ, гдѣ должна раскрыться книга, и потому искать не приходится; этого требовалъ Макушинъ.

— Итакъ, Мигуева; „придоша“ форма?

— Аористъ,—отвѣчаетъ Мигуева.

— Опредѣленіе аориста?

Добиваться опредѣленій—слабая сторона Макушина. Несмотря на доводы своихъ сослуживцевъ, что точныхъ опредѣленій дать подчасъ невозможно, что опредѣленія трудны для учащихся и ни къ чему не ведутъ, Макушинъ убѣжденъ, что именно опредѣленіями онъ научитъ правильно говорить и разовьетъ учениць.

— Аористъ,—даетъ опредѣленіе Мигуева,—есть такое время, которое...

— Вздоръ,—прерываетъ Макушинъ,—Кологривова, опредѣленіе аориста?

— Аористъ—бойко начинаетъ Кологривова,—есть прошедшее время совершеннаго...

— Пустяки!.. Костюкъ, опредѣленіе аориста?

— Аористъ это есть названіе...

Она неожиданно останавливается, какъ бы сбитая съ толку.

— Ахъ, какая неразвитость!—восклицаетъ Макушинъ.—Всѣхъ бы васъ перевести въ младшій классъ. Логично ни одного предложенія сказать не умѣете. Ни одна о наклоненіи не сказала! Аористъ есть прошедшее время изъявительнаго наклоненія совершеннаго вида. Вотъ полное и точное опредѣленіе. Поняли?

Всѣ молчатъ.

— Повторите!

По классу разносится неразборчивый гулъ.

— Мигуева, „волсви" падежъ?

— Именительный падежъ множественнаго числа.

— Рода?—нетерпѣливо спрашиваетъ Макушинъ.

— Мужескаго рода,—добавляетъ Мигуева.

— Опредѣленіе именительнаго падежа? Впрочемъ, гдѣ вамъ? Какъ будетъ творительный двойственнаго числа?

Мигуева съ минуту молчитъ.

— Садитесь, двойка!

Макушинъ ставитъ двойку и вызываетъ Ройскую. Вся красная, Мигуева садится и опускаетъ глаза въ книгу. У нея закипаетъ на сердцѣ: она—самолюбивая дѣвочка; ей и обидно, и совѣстно передъ другими за полученную двойку, и она рѣшаетъ больше сегодня не слушать: пускай Макушинъ ставитъ хоть единицу.

На смѣну Мигуевой встаетъ Ройская. Она заикается, съ трудомъ переводитъ дыханіе, вся устремлена на учителя и всетаки такъ тверда въ славянскихъ формахъ и опредѣленіяхъ, что совсѣмъ не дѣлаетъ ошибокъ. Однако Макушинъ не можетъ помириться съ этимъ: по его мнѣнію, Ройская должна быть сегодня наказана; она же вѣдь и безотвѣтное существо, не то, что Васина, Гаунтъ или Смоленская, которыя умѣютъ постоять за себя и, оставаясь въ границахъ правилъ и узаконеній, установленныхъ Макушинымъ, не позволяютъ ему мудрствовать надъ собой. Случалось даже, что онѣ сбивали его своими вопросами. Ройская—другое дѣло: съ ней все можно; кстати же отвѣтъ ея тянется довольно долго, она доведена до полнаго изнеможенія и, по всѣмъ даннымъ, должна сейчасъ стать въ тупикъ.

— Образуйте мнѣ—довольно мягко, хотя и серьезно говоритъ Макушинъ—неопредѣленное наклоненіе отъ слова „пророкъ".

Ройская въ затрудненіи, но съ напряженіемъ соображаетъ что-то и даже перебираетъ губами, какъ бы шепча про себя.

— Сейчасъ, сейчасъ—словно умоляя подождать, произноситъ она и смотритъ въ потолокъ, продолжая соображать.

— Ну-съ?—провозглашаетъ Макушинъ.

— Пророкти,—говоритъ Ройская, но такъ какъ на лицѣ учителя видна усмѣшка, быстро поправляется:—пророцци.

— Недурно,—заявляетъ Макушинъ, вполнѣ довольный, что планъ его удался, и Ройская таки сбилась,—весьма недурно; такой нелѣпости и Ластина не скажетъ. Вы какъ думаете, Ластина, можетъ быть отъ слова „пророкъ“ неопредѣленное наклоненіе?

Толстая и неповоротливая Ластина—плохая ученица и предметъ постоянныхъ насмѣшекъ Макушина. Она грузно поднимается съ мѣста и, подтолкнутая сосѣдкой, говоритъ:

— Нѣтъ, не можетъ.

— Ну вотъ видите-ли, даже Ластина знаетъ, что у именъ существительныхъ не бываетъ неопредѣленнаго наклоненія. Садитесь, Ройская; больше двойки, согласитесь сами, вы не могли бы получить, а вамъ сегодня поставлена точка, слѣдовательно, единица.

Съ мѣста Ройской раздаются всхлипыванія, и въ тотъ же моментъ встаетъ Шатова; къ удивленію Макушина, она идетъ мимо него, держа у носа платокъ, и подходитъ къ Розаліи Яковлевнѣ. Шатовой рѣшительно не въ моготу слушать дальнѣйшія издѣвательства учителя, а стало-быть и оставаться за его урокомъ и, доставъ при помощи булавки нѣсколько капель крови изъ руки, она намочила этой кровью носовой платокъ, который поднесла къ носу, и показываетъ его классной дамѣ, чтобы та отпустила ее изъ класса. Классная дама отпускаетъ Шатову, но въ волненіи бросаетъ взглядъ на Макушина и, замѣтивъ его недоумѣніе, совершенно теряется: Богъ знаетъ, что еще подумаетъ учитель, а она боится его не менѣе ученицъ.

Макушинъ внимательно слѣдитъ глазами за Шатовой, и чуть только она исчезаетъ за дверью, онъ обращается къ Розаліи Яковлевнѣ съ вопросомъ:

— Въ чемъ дѣло?

— Носъ кровью,—впопыхахъ отвѣчаетъ Розалія Яковлевна.

Кто-то фыркаетъ, кто-то звонко смѣется.

— Т. е. кровь носомъ,—поправляется Розалія Яковлевна.

Однако Макушинъ уже не слушаетъ ее. Позабывъ и о Шатовой, и о Розаліи Яковлевнѣ, онъ смотритъ на классъ, который успѣлъ уже притихнуть, но своимъ смѣхомъ позволилъ себѣ неслыханную дерзость.

— Кто смѣетъ смѣяться? — слышится грозный вопросъ Макушина.—Кажется, вы, Смоленская?

— Я, Илья Александровичъ, — заявляетъ Смоленская съ свойственнымъ ей умѣніемъ вывертываться — дѣйствительно смѣялась надъ обмолвкой Розаліи Яковлевны; но мнѣ казалось, что сейчасъ мы ничѣмъ не занимаемся; впрочемъ, и у васъ, и у Розаліи Яковлевны я прошу извиненія.

— Ваше раскаяніе дѣлаетъ вамъ честь, а всетаки позвольте вашу

тетрадку, позвольте и вы, Мигуева; вы тоже смѣялись, хотя получили двойку. Кстати же я спрашивалъ сегодня васъ, но не смотрѣлъ у васъ тетрадки. . Посмотримъ, много-ли смѣшного у васъ въ тетрадкѣ?

Смоленская и Мигуева подаютъ Макушину свои тетрадки, и онъ углубляется въ разсматриваніе ихъ. Въ классѣ продолжаютъ раздаваться всхлипыванья Ройской.

— Не хнычьте, Ройская,—недовольнымъ тономъ замѣчаетъ Макушинъ,—дѣла все равно не поправите, а между тѣмъ вы мѣшаете мнѣ просматривать тетрадки.

Послѣ этого всхлипыванія раздаются еще сильнѣе: Ройская разрыдалась до того, что Розалія Яковлевна принуждена, наконецъ, подойти къ ней и выйти съ ней изъ класса.

— Ну что же, — произноситъ черезъ нѣсколько секундъ Макушинъ,—въ вашей тетрадкѣ, Смоленская, по обыкновенію все обстоитъ благополучно, а въ вашей, Мигуева, много непонятнаго: буквы написаны неразборчиво, поля загнуты слишкомъ мало, числа, въ которыя вы писали упражненія, не обозначены, окончанія подчеркнуты не ясно,—однимъ словомъ, слѣдовало бы уменьшить вамъ баллъ, но оставлю до будущаго раза. И потомъ, сегодня мы мало сдѣлали: некогда познакомиться, какъ слѣдуетъ, съ веденіемъ вашей тетрадки за послѣднюю недѣлю; однако это успѣется еще и въ будущій разъ. Ну-съ, а теперь, Таврова, извольте отвѣчать.

Ранѣе, чѣмъ Макушинъ задаетъ какой-нибудь вопросъ маленькой Тавровой, эта послѣдняя разражается слезами: она отличается крайней нервозностью и болѣзненностью, а сегодня за урокомъ славянскаго языка собралось столько причинъ для ея волненій, что достаточно малѣйшаго предлога, чтобы она расплакалась. Такимъ предлогомъ является приглашеніе Макушина отвѣчать: хотя она всегда добросовѣстно готовитъ уроки, но возможность ошибиться слишкомъ сильно дѣйствуетъ на нее. Слезы Тавровой, однако до такой степени неожиданны, что даже самъ Макушинъ смягчается:

— Что съ вами, Таврова? Выпейте воды.

И онъ ищетъ глазами воды. Коноплянникова, какъ дежурная, наливаетъ изъ графина стаканъ и подноситъ его Тавровой. У Тавровой, когда та пьетъ, стучатъ зубы о края стакана, и она рѣшительно не можетъ успокоиться. Тогда Макушинъ приглашаетъ ее сѣсть и обращается къ первой своей ученицѣ Золотаревой. Эта Золотарева ни у кого изъ другихъ учителей не успѣвала такъ, какъ у Макушина; а онъ считалъ ее лучшей ученицей, потому что она отвѣчала ему всегда и на все безъ заминки; временами она даже не давала Макушину договаривать вопросовъ, которые были у него

довольно однообразны, и хватала ихъ на лету,—до того „вызубрила“, она, по отзывамъ ея подругъ, славянскую грамматику вмѣстѣ со всѣми опредѣленіями.

По обыкновенію, Макушинъ ставитъ Золотаревой 5 и вслѣдъ за ней вызываетъ Костюкъ. Тутъ онъ сходитъ съ каѳедры и подходитъ къ той партѣ, за которой помѣщается Костюкъ. Она у него давно на замѣчаніи. Разъ какъ-то, очень давно ей подсказали. Макушинъ услыхалъ подсказъ, но какъ ни старался, не могъ отыскать, кто именно подсказалъ, и съ этихъ поръ Костюкъ онъ спрашивалъ не иначе, какъ или подойдя къ ней, или подозвавъ ее къ себѣ. Въ то время, когда онъ спрашивалъ ее, при малѣйшемъ затрудненіи съ ея стороны, онъ то-и-дѣло замѣчалъ: „что, ждете, чтобы вамъ подсказали?“ или: „посмотримъ, кто-то нынче подскажетъ“ и т. д.

Сегодня разговоръ съ Костюкъ у Макушина выходитъ очень непродолжительный, потому что скоро раздается звонокъ, и урокъ долженъ кончиться.

Макушинъ морщится и говоритъ:

— Боже мой,—какъ мало сегодня сдѣлано! Извольте къ слѣдующему разу письменно просклонять причастіе „рождь“ и „слышавъ“; само собой разумѣется, и въ краткомъ и въ полномъ видѣ.

Затѣмъ онъ подходитъ къ каѳедрѣ, кладетъ на нее книгу, по которой производился разборъ, списываетъ сегодняшніе баллы изъ журнала къ себѣ въ записную книжку и повертывается къ двери, не спуская глазъ съ класса. Даже и при уходѣ онъ остается строгимъ исполнителемъ закона и нравственнаго долга, какимъ считаетъ ебя: онъ наблюдаетъ, чтобы ученицы всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ и не садились вплоть до того момента, когда онъ будетъ за дверью; онъ наблюдаетъ чтобы онѣ сохраняли на лицахъ покорность и спокойствіе; онъ наблюдаетъ, чтобы никто изъ нихъ не позволилъ себѣ улыбнуться.

Наконецъ, онъ выходитъ изъ класса, спускается въ швейцарскую, гдѣ надѣваетъ пальто и калоши и остается совершенно спокойнымъ: все, что произошло сейчасъ въ IV классѣ, его ни мало не тревожитъ. Въ теченіе 10-лѣтняго преподаванія онъ всегда вѣрилъ въ строгую и педантичную дисциплину, и за все это время ему никогда не приходило въ голову, что славянскій языкъ въ школахъ существуетъ не для славянскаго языка.

Между тѣмъ, по уходѣ Макушина, въ IV классѣ замѣчается сильное возбужденіе: Матвѣева крестится, что ее не вызывали, Гаунтъ вздыхаетъ облегченнымъ вздохомъ, что какъ-ни-какъ, а урокъ кончился, Ройская и Таврова не могутъ прійти въ себя, и лица ихъ съ красными опухшими глазами постоянно вздрагиваютъ, несмотря на

успокоенія подругъ и, главнымъ образомъ, вернувшейся Шатовой; Кологривова, на потѣху окружающихъ, дѣлаетъ какіе-то уморительные па, и вообще весь классъ двигается, волнуется и шумитъ. Такого настроенія здѣсь не бываетъ никогда послѣ другихъ уроковъ. Розалія Яковлевна, снова появившаяся въ классѣ только послѣ окончанія урока, больше дѣтей рада, что урокъ прошелъ; для очищенія совѣсти она водворяетъ тишину и порядокъ, но ей хорошо извѣстно, что ни тишины, ни порядка сейчасъ добиться нельзя. Не ранѣе какъ при началѣ слѣдующаго урока классъ понемногу приходитъ въ норму, однако силъ у ученицъ потеряно слишкомъ много, чтобы онѣ сохранили должное вниманіе и воспріимчивость. Лица у дѣтей блѣдны, глаза смотрятъ вяло, утомленіе сквозитъ во всемъ ихъ поведеніи. Урокъ славянскаго языка оставилъ по себѣ слишкомъ замѣтный слѣдъ.

И. Котловъ.

О преподаваніи родного языка въ младшихъ классахъ коммерческихъ училищъ.

(Докладъ, читанный въ IV секціи съѣзда по техническому и профессіональному образованію 28-го декабря 1903 года.)

На съѣздѣ гг. директоровъ и представителей попечительныхъ совѣтовъ коммерческихъ училищъ въ іюнѣ 1901 года, въ Петербургѣ, подкоммиссія по русскому языку и исторіи такъ опредѣлила главную цѣль или, какъ она выразилась, „ближайшую задачу“ преподаванія родного языка: „Научить учащихся сознательно относиться къ строю русской рѣчи и логически ясно и стройно излагать свои мысли“.

Средствомъ для достиженія этой цѣли подкоммиссія полагаетъ „изученіе родного языка на произведеніяхъ словесности, не придавая самостоятельнаго значенія изученію учебниковъ грамматики“.

Въ младшихъ классахъ „сознательное отношеніе къ строю русской рѣчи“ должно выразиться прежде всего въ *сознательномъ чтеніи*, на которомъ только и можно построить разумное и продуктивное прохожденіе какъ дальнѣйшаго курса русскаго языка, такъ и другихъ предметовъ. Поэтому выполненіе задачи, поставленной подкоммиссіей, возможно только въ томъ случаѣ, когда въ младшихъ классахъ на урокахъ родного языка вниманіе учителя главнымъ образомъ будетъ обращено не на изученіе грамматическихъ тонкостей, не на сухой грамматическій разборъ, ровно ничего не дающій ни уму, ни сердцу ученика, а на достиженіе разумнаго сознательнаго чтенія, на достиженіе развитія учениковъ, посредствомъ этого чтенія, на развитіе ихъ интеллекта, чувства, воли, языка, благодаря которому они *свободно* могли бы формулировать и выражать *свободно* явившуюся въ ихъ головѣ мысль.

Средствомъ для достиженія всего этого можетъ быть только одно, — *разумно поставленное классное объяснительное чтеніе, которое и должно лечь въ основу преподаванія родного языка въ младшихъ классахъ*.

Мысль, конечно, не новая, давно признанная и рѣшенная въ положительномъ смыслѣ. Въ любой программѣ средней школы мы найдемъ ее, стоящей во главѣ объяснительной записки къ преподаванію родного языка въ 3-хъ младшихъ классахъ.

Но почему же результаты преподаванія родного языка въ нашей школѣ остаются все на томъ же уровнѣ, на которомъ они были и раньше? Почему школа и теперь не научаетъ учениковъ читать сознательно, сразу схватывать и представлять себѣ образно картину прочитаннаго, не научаетъ ихъ свободно, стройно и ясно выражать свои и заимствованныя изъ чтенія мысли? Всякій учитель изъ своей практики знаетъ, какъ часто ученики не только младшихъ классовъ, но и старшихъ, передаютъ прочитанное исключительно по памяти, припоминая часто только посредствомъ зрительной памяти слѣдующія другъ за другомъ предложенія. Даже не только прочитанное, а и выученный ими урокъ, т.-е. прочитанный не одинъ, а нѣсколько разъ, они передаютъ по большей части, не представляя себѣ общей картины прочитаннаго или разумной связи между сужденіями, выражающими какую-либо истину, а исключительно видя передъ собою только извѣстныя мѣста развернутой книги, съ написанными въ нихъ извѣстными предложеніями, такъ что усвоеніе урока, усвоеніе читаемаго основывается у нихъ не на разсудочныхъ ассоціаціяхъ, не на ассоціаціяхъ по сходству или контрасту, а исключительно на ассоціаціяхъ мѣста въ книгѣ. Отсюда ясно, что школа не выполнила своей главной задачи—не научила учениковъ *читать*, не дала имъ умѣнья схватывать прочитанное въ его основной идеѣ, представлять себѣ эту идею образно и давать ей выраженіе своими *собственными мыслями*. Я говорю собственными мыслями, такъ какъ исходною точкою разсказа, въ случаѣ образнаго его представленія и полнаго усвоенія идеи, будетъ не припоминаніе отдѣльныхъ чужихъ мыслей или даже предложеній, слѣдующихъ другъ за другомъ, (какъ это часто бываетъ), а образное представленіе прочитаннаго, и ученикъ, передавая разсказъ тѣми же мыслями, даже пусть въ тѣхъ же предложеніяхъ, будетъ распоряжаться этими мыслями, какъ вполнѣ своими собственными. Но разъ школа не научила учениковъ читать, не научила ихъ усваивать заданный урокъ, то и усвоеніе его, конечно, не дастъ душѣ ученика ровно ничего, кромѣ безсмысленнаго матеріала, ничѣмъ не связаннаго съ душевнымъ міромъ его и потому всегда готоваго улетѣть изъ его головы.

Поэтому-то нашими учениками такъ скоро и такъ много забывается изъ всего того громаднаго матеріала, который имъ приходится заучивать въ школѣ; поэтому-то у нихъ часто является потребность „зубрить“ заданный урокъ; а такъ какъ „всякое знаніе,

какъ говоритъ Бартельсъ въ своей „Педагогической психологіи по Лоотцу“, пріобрѣтенное безъ яснаго пониманія, является мертвымъ капиталомъ, притупляющимъ и убивающимъ духъ“, а не развивающимъ его, то вполнѣ понятно, почему ученики нашей средней школы получаютъ такое слабое развитіе.

Въ чемъ же причина такихъ печальныхъ результатовъ? Повидимому, дѣло должно бы обстоять вполнѣ благополучно, разъ въ основѣ преподаванія родного языка въ младшихъ классахъ лежитъ, какъ и сказано въ программахъ, объяснительное чтеніе, имѣющее своею непосредственною задачею достиженіе сознательнаго чтенія. Очевидно, здѣсь что-то не такъ. Что-то мѣшаетъ осуществленію намѣченной и, повидимому, вполнѣ достижимой цѣли.

Рѣшить этотъ вопросъ не трудно. Что-нибудь одно изъ двухъ: или объяснительное чтеніе не на дѣлѣ, а только въ программахъ, лежитъ въ основѣ преподаванія родного языка, или же оно стоитъ на ложномъ пути, почему и не выполняетъ своего назначенія. А можетъ-быть, и то и другое.

Постараемся разобраться въ этомъ и выяснить себѣ этотъ вопросъ.

Сперва посмотримъ, чему, собственно, учатъ на урокахъ родного языка въ нашей средней школѣ? Насколько мнѣ извѣстно, учатъ всему, чему угодно, только не сознательному чтенію. Учится грамматика, дѣлаются разборы, пишутся диктовки, и все это вполнѣ самостоятельно, даже часто независимо другъ отъ друга*). Объяснительнымъ же чтеніемъ занимаются такъ, между прочимъ. Изъ 5 - 6 уроковъ русскаго языка въ I и II классахъ на чтеніе отводится обыкновенно только *одинъ* урокъ; все же остальное время уходитъ, какъ разъ въ разрѣзъ высказанному мнѣнію подкоммиссіи, именно на „самостоятельное изученіе грамматики и разныхъ орѳографическихъ тонкостей“. А въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ во второмъ классѣ класснымъ чтеніемъ вовсе не занимаются, и хрестоматія, предназначенная главнымъ образомъ для чтенія, вынимается учениками только тогда, когда нужно дѣлать грамматическій разборъ.

Что касается пріученія учениковъ къ письменному изложенію своихъ мыслей, хотя бы въ видѣ передачи прочитаннаго, то это начинается, за рѣдкими исключеніями, только съ третьяго класса. Мнѣ невольно вспоминается мое время ученья. Это было не такъ давно.

---

*) Не дальше, какъ въ нынѣшнемъ году, мнѣ пришлось слышать мнѣніе одного экзаменатора, которое онъ передавалъ репетитору объ его ученикѣ: „Грамматику то вашъ ученикъ знаетъ,—говорилъ онъ,—только разбираетъ плохо“. — Что онъ подразумѣвалъ подъ грамматикой и что подъ разборомъ—я не знаю.

12—15 лѣтъ назадъ. Я учился въ двухъ учебныхъ заведеніяхъ; и за все время своего дѣтскаго ученія, въ продолженіе 5—6 лѣтъ, я не помню ни одного урока класснаго чтенія ни въ первомъ, ни во второмъ учебномъ заведеніи, исключая развѣ приготовительнаго класса. Первое переложеніе мы писали въ 4-мъ классѣ, какъ сейчасъ помню, „Вороны и Лисицы“ Крылова,—т. е. на 6-й годъ своего обученія, считая два приготовительныхъ класса.

За 15 лѣтъ, какъ видно, наша школа мало подвинулась впередъ.

Но отбросимъ воспоминанія, перейдемъ къ настоящему.

Соотвѣтственно занятіямъ и успѣшность учениковъ въ родномъ языкѣ оцѣниваютъ не общимъ развитіемъ ученика, не умѣньемъ его сознательно воспринимать читаемое, понимать его и видѣть въ немъ извѣстное содержаніе, его основную идею, и не умѣньемъ излагать свои мысли устно и письменно, а исключительно—въ такъ называемомъ „русскомъ устномъ“—знаніемъ грамматики, въ которой зачастую ученикъ ничего не понимаетъ, а въ „русскомъ письменномъ“—диктовкою.

Чему учатъ въ томъ и оцѣниваютъ.

Конечно, при такой постановкѣ дѣла странно было бы и ожидать, чтобы ученики научились читать сознательно, развились бы умственно и пріобрѣли бы умѣнье излагать свои мысли какъ устно, такъ и письменно.

Но можно надѣяться, что въ только что нарождающихся коммерческихъ училищахъ, стремящихся вдохнуть живую струю въ постановку всего дѣла обученія и воспитанія, которымъ при этомъ даны въ руководство труды съѣздовъ по коммерческому образованію 1901 и 1902 гг., причина эта будетъ устранена, и объяснительное чтеніе, дѣйствительно, будетъ положено въ основу преподаванія родного языка. Тогда, въ этомъ случаѣ, достигнемъ ли мы желанныхъ результатовъ на урокахъ родного языка? Приведетъ ли объяснительное чтеніе, при современной его постановкѣ, къ тѣмъ цѣлямъ, которыя оно имѣетъ въ виду, т.-е. научитъ ли оно учениковъ, во-первыхъ, сознательному, разумному и продуктивному усвоенію читаемаго, во-вторыхъ, дастъ ли оно имъ должное развитіе и, наконецъ, въ третьихъ, научитъ ли ихъ ясно и точно излагать свои мысли въ предѣлахъ, доступныхъ ихъ пониманію?

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, разсмотримъ вкратцѣ тотъ методъ, который рекомендуется нашими методическими руководствами и по которому ведется въ настоящее время объяснительное чтеніе.

Методъ этотъ заключается въ слѣдующемъ: ученикъ читаетъ статью; по прочтеніи ея учитель ставитъ ученику рядъ вопросовъ, которые имѣютъ цѣлью, во-первыхъ, выяснить ему содержаніе статьи,

а во-вторыхъ, дать возможность ему усвоить ее; потомъ ученикъ передаетъ статью по вопросамъ учителя и, наконецъ, уже, послѣ всего этого, передаетъ ее въ видѣ связнаго разсказа. Такимъ образомъ, усвоивается матеріалъ читаемаго. Когда матеріалъ усвоенъ, рекомендуется использовать его для развитія душевныхъ силъ и языка ученика: сравнить прочитанное съ раньше читаннымъ, измѣнить по данному плану, вывести частныя и главную мысль, составить планъ прочитаннаго и т. п.

Такимъ образомъ, сущность метода сводится къ тому, чтобы, во-первыхъ, заставить учениковъ посредствомъ ряда вопросовъ усвоить прочитанный матеріалъ, а во-вторыхъ, работая съ учениками надъ этимъ матеріаломъ, развить ихъ языкъ и душевныя силы.

Теперь, если мы сравнимъ цѣли, которыя ставитъ себѣ объяснительное чтеніе, и которыя оно преслѣдуетъ при такой его постановкѣ, то мы увидимъ, что оно упускаетъ изъ виду самое важное: это *пріученіе ученика къ сознательному чтенію*, при которомъ бы ученикъ, читая, видѣлъ за читаемымъ извѣстное содержаніе. Напротивъ, у насъ получается то, что ученикъ читаетъ статью безсознательно и только послѣ, черезъ вопросы учителя, выясняетъ себѣ и усвоиваетъ ея содержаніе, такъ что не во время чтенія и не отъ чтенія создается въ душѣ ученика картина прочитаннаго, а послѣ чтенія, отъ вопросовъ учителя (если только можно допустить ея возникновеніе послѣ прочтенія статьи); не при чтеніи ученикъ видѣлъ связь между сужденіями, выражающими извѣстную истину, а уразумѣлъ ее послѣ, изъ разсужденій учителя! Какое же значеніе имѣло тогда чтеніе, къ чему оно привело, чему научило ученика?

Но, можетъ-быть, невозможно требовать отъ ученика I класса, чтобы онъ могъ сознательно относиться къ читаемому и понимать его? Думаю, что съ этимъ трудно согласиться, и, пожалуй, сами авторы методикъ, какъ будто бы и признающіе это въ своихъ руководствахъ, скажутъ: нѣтъ, возможно! Вѣдь, надѣюсь, никто же не будетъ давать для чтенія ученику вещь, непосильную для его пониманія? А тогда, странно, почему же, читая, онъ не понимаетъ?

Отвѣтить на это легко: *потому что его раньше всегда пріучали читать безсознательно*. Учитель никогда не стремился направить его вниманіе и внутренній міръ *передъ чтеніемъ* на читаемое и тѣмъ, какъ бы поощряя, упражнялъ его *въ безсознательномъ чтеніи*. Что это такъ, мы ниже увидимъ.

Но какъ бы ученикъ ни прочелъ статью, учителю необходимо, чтобы онъ усвоилъ прочитанное: иначе какое же значеніе будетъ имѣть прочитанное, и надъ чѣмъ онъ будетъ упражнять его душевныя силы? Для усвоенія предлагается, какъ мы видѣли, рядъ во-

просовъ. Посмотримъ, допустимо ли полное усвоеніе прочитаннаго черезъ вопросы учителя? Для примѣра возьмемъ изъ методики г. Тихомирова чтеніе стихотворенія Пушкина „Утро":

Румяной зарею
Покрылся востокъ:
Въ селѣ за рѣкою
Потухъ огонекъ...

Авторъ предлагаетъ, по прочтеніи этого стихотворенія, состоящаго, къ слову сказать, изъ *восьми* предложеній, поставить *сорокъ вопросовъ*. Кажется, вполнѣ достаточно! Скажу откровенно, я никогда не пробовалъ ставить эти 40 вопросовъ при чтеніи этого стихотворенія, такъ что практически не знаю, приводятъ ли они учениковъ къ полному пониманію прочитаннаго, къ ясному представленію чудной картины сельскаго утра; но теоретически склоненъ думать, что, если ученики при чтеніи даже вполнѣ поняли прочитанное, ясно представили дышащую свѣжестью эту картину утра, можетъ быть, перенеслись душой въ своихъ воспоминаніяхъ къ подобному же утру, которое когда-либо видѣли и ощущали, — то даже и въ этомъ случаѣ, выслушавши сорокъ вопросовъ и отвѣтивши на нихъ, они отупѣютъ и позабудутъ все, что читали. Такъ что эти сорокъ вопросовъ поведутъ не къ усвоенію произведенія и не къ выясненію его содержанія, а скорѣе къ его забвенію и затемненію содержанія.

Я не спорю, ученики, можетъ быть, и узнаютъ, если не знали, когда бываетъ роса. Что было со стадами до ихъ пробужденія? Зачѣмъ летаютъ гуси на луга и т. д. и т. д.? *) Но какое отношеніе будетъ имѣть все это къ пониманію художественно-поэтическаго произведенія и къ укрѣпленію его въ памяти, какимъ образомъ ученики черезъ эти вопросы почувствуютъ всю перлесть описанія поэтической, художественной картины—этого я никакъ не знаю.

И такое объяснительное чтеніе недалеко уйдетъ отъ толкованія на урокѣ по поводу каждаго слова цѣлый часъ, какъ когда-то предлагалось методикою барона Корфа.

Да наконецъ, какъ можно составить цѣнное, ясное представленіе о картинѣ, которую намъ показывали по частямъ? Показали намъ сперва одинъ уголъ, потомъ другой, третій, четвертый; показали румяную зарю, гусей, стада, людей, солнце и все это отдѣльно, независимо другъ отъ друга, и говорятъ: вообразите, какая это будетъ прелестная картина, если все это вмѣстѣ соединить. А вы и воображайте! Большое нужно воображеніе!

Но разъ вопросы учителя не могутъ привести ученика къ пол-

*) Вопросы взяты изъ методики.

ному усвоенію прочитаннаго, то надъ чѣмъ же учитель будетъ работать съ учениками? Какимъ образомъ онъ разовьетъ ихъ душевныя силы, языкъ?

Очевидно, что здѣсь получается большое недоразумѣніе. Составители методическихъ руководствъ, не выяснивши себѣ, насколько допустимо усвоеніе прочитаннаго, какъ цѣлаго, по вопросамъ учителя, построили на этомъ допущеніи, какъ на вполнѣ рѣшенномъ и доказанномъ, свою теорію объяснительнаго чтенія. Правда, въ послѣднее время г. Тростниковъ въ своей книжкѣ: „Обученіе чтенію правильному, сознательному и выразительному", предлагая всѣ упомянутыя нами средства при веденіи чтенія, сознаетъ, что эти пути не даютъ ученику яснаго и полнаго пониманія читаемой статьи, что „статья,—какъ говоритъ онъ,—не можетъ быть вполнѣ понятна, какъ бы хорошо она ни была объяснена", и что „учитель дурно бы поступилъ, если бы старался, чтобы дѣти сразу все поняли" *).

Какъ видите, г. Тростниковъ ясно сознаетъ, что учитель этого не достигнетъ и только убьетъ время. Потому онъ совѣтуетъ спокойно взять въ помощники „всепомогающее время". „Что сегодня непонятно,—говоритъ онъ,—станетъ понятно черезъ два-три мѣсяца". Но тогда зачѣмъ же читать то, что сегодня непонятно? И предлагаетъ одну и ту же статью читать вновь сперва черезъ одинъ, а потомъ черезъ каждые два-три мѣсяца. Авось, когда-либо поймутъ!

Изъ всего изложеннаго нами, хотя и въ краткихъ чертахъ, видно, что современная постановка объяснительнаго чтенія, основанная на какихъ-то предположеніяхъ и догадкахъ, измышленныхъ авторами методикъ или, лучше сказать, ни на чемъ не основанная, приводитъ не къ положительнымъ результатамъ, а, напротивъ, къ отрицательнымъ; она не пріучаетъ ученика къ осмысленному, сознательному чтенію, а отучаетъ его отъ него; она не выясняетъ ученику прочитаннаго, а затемняетъ его смыслъ. И, несомнѣнно, пока объяснительное чтеніе будетъ поставлено въ нашей школѣ такимъ образомъ, мы никогда не достигнемъ тѣхъ цѣлей, которыя мы преслѣдуемъ при объяснительномъ чтеніи, но которыя *могутъ и должны быть достигнуты при раціональной его постановкѣ*, а вмѣстѣ *мы и никогда не достигнемъ желанныхъ результатовъ отъ преподаванія родного языка въ школѣ*.

Но какъ же должно быть поставлено объяснительное чтеніе, чтобы оно вполнѣ, во всѣхъ отношеніяхъ, выполняло свое назначе-

*) Конечно, учитель будетъ выяснять ученикамъ статью, насколько она доступна ихъ пониманію, и никто не станетъ выяснять дѣтямъ то, чего они не могутъ понять. А все, доступное дѣтямъ, думаю, можно выяснить; потому оно и называется „доступнымъ".

ніе, чтобы оно дѣйствительно и научало бы учениковъ читать сознательно, и научало бы отличать при чтеніи существенное отъ второстепеннаго, и воспитывало бы ихъ душу, развивало умъ, языкъ?

Постараемся рѣшить этотъ вопросъ не на основаніи догадокъ и предположеній, а на основаніи тѣхъ психологическихъ данныхъ, которыя выработала въ настоящее время общая и экспериментальная психологія.

Для этого рѣшимъ прежде всего такой вопросъ: почему ученикъ, прочитавши разсказъ, вполнѣ ему доступный, вполнѣ ему понятный, часто не можетъ понять и усвоить его, а потому и передать? Именно понять и усвоить, потому что предположеніе, что ученикъ понялъ разсказъ, но не можетъ передать его, не имѣетъ никакого основанія. Ребенокъ 10—12 лѣтъ уже настолько свободно владѣетъ рѣчью, что вполнѣ можетъ передать доступный его пониманію прочитанный разсказъ. Разскажите вы ему его содержаніе, и онъ прекрасно передастъ вамъ его, передастъ потому, что пойметъ. Да не только 10-лѣтній, 3—4-лѣтній ребенокъ уже передаетъ вамъ сказку, разсказанную ему матерью, часто еще не вполнѣ владѣя рѣчью, но уже тѣмъ сознательнымъ лепетомъ, въ которомъ вы чувствуете живое воспріятіе. Наконецъ, послушайте тѣхъ же учениковъ въ разговорѣ внѣ урока, какъ они плавно, ясно передаютъ другъ другу вещи гораздо болѣе трудныя по содержанію, чѣмъ какой-либо разсказъ. Итакъ, причина того, что ученикъ не можетъ передать прочитанный разсказъ, лежитъ исключительно въ его непониманіи.

Но почему же, выслушавши его изъ устъ другого, онъ пойметъ его, читая же самъ, не понимаетъ? Отвѣтъ на это можетъ быть такой: *потому что, слушая рѣчь другого, онъ слышитъ,—какъ говоритъ Селли,—„живые звуки“, ему понятные, которыми онъ мыслитъ; читая же, онъ видитъ на бумагѣ извѣстные символы, произноситъ ихъ, но они не обращаются у него въ живые звуки*: потому что, прослушавши, разсказъ другого, онъ образно представляетъ себѣ картину разсказаннаго, видитъ ее своимъ внутреннимъ взоромъ въ своей душѣ и, смотря на нее, потому-то и разскажетъ вамъ о ней все, что видитъ. Прочитанное же не входитъ въ его сознаніе, не даетъ ему этой картины.

Теперь намъ ясно, что первая наша забота при чтеніи должна сводиться къ тому, чтобы символъ слова, изображенный на бумагѣ, при произношеніи являлся для ученика живымъ словомъ, вмѣстѣ съ которымъ непосредственно возникало бы въ его душѣ представленіе, связанное съ этимъ словомъ.

Къ сожалѣнію, до настоящаго времени вопросъ о томъ, какъ

„странный, безсмысленный,—какъ говоритъ Селли въ своихъ „Очеркахъ по психологіи дѣтства“,—на видъ символъ слова, на отпечатанной страницѣ замѣняется для ребенка живымъ звукомъ, который въ глазахъ его принадлежитъ къ самому предмету и участвуетъ въ его жизни, еще никогда, какъ мнѣ извѣстно (прибавляетъ онъ), не былъ изслѣдованъ“. Несомнѣнно, когда этотъ вопросъ въ психологіи будетъ точно установленъ, тогда, опираясь на научное его основаніе, намъ будетъ легче установить тотъ путь, который непосредственно ведетъ къ достиженію сознательнаго чтенія.

Но хотя въ настоящее время этотъ вопросъ еще и не установленъ, зато точно установлены посредствомъ экспериментальныхъ данныхъ другіе вопросы, не менѣе важные въ рѣшеніи вопроса о достиженіи сознательнаго чтенія, это—тѣ необходимыя и наилучшія условія воспріятія читаемаго, при которыхъ „безсмысленные символы“ обращаются въ живые звуки, при которыхъ эти живые звуки вызываютъ въ душѣ читающаго ясную картину прочитаннаго, прочно укрѣпляющуюся въ его душѣ.

Разсмотрѣніемъ этихъ необходимыхъ и наилучшихъ условій воспріятія читаемаго мы и займемся.

Несомнѣнно, высшая продуктивность чтенія будетъ достигнута только тогда, когда ученикъ при чтеніи статьи дѣйствительно будетъ переживать всѣ тѣ психическія состоянія, въ которыя хотѣлъ бы перенести его авторъ, когда онъ будетъ воспринимать, представлять и чувствовать все то, что воспринималъ, представлялъ и чувствовалъ авторъ при писаніи своего произведенія. Это будетъ наивысшая сознательность читаемаго. Къ такому чтенію мы и должны стремиться при чтеніи ученикомъ каждой статьи, такъ какъ въ этомъ случаѣ читаемое не только будетъ воспринято ученикомъ во всей полнотѣ, но и прочно укрѣпится въ его душѣ, связавшись посредствомъ различныхъ ассоціацій и чувствъ съ его душевнымъ міромъ.

Такое чтеніе можетъ быть достигнуто только при извѣстныхъ условіяхъ, которыя каждый учитель долженъ имѣть въ виду во время урока объяснительнаго чтенія.

Первое условіе, безъ котораго немыслимо возникновеніе въ душѣ какихъ бы то ни было представленій и понятій, это—*вниманіе*, причемъ вниманіе строго опредѣленное, направленное именно на воспріятіе извѣстныхъ понятій и представленій, имѣющихъ черезъ чтеніе войти въ душу учащихся. Всякій изъ насъ знаетъ, что, когда мы смотримъ на какой-либо предметъ, то вмѣстѣ съ нимъ видимъ также и всѣ, его окружающіе, но въ наше сознаніе входитъ только тотъ, на который обращено наше вниманіе, всѣ же другіе, оставляя

слѣдъ въ нашей душѣ, не входятъ въ наше сознаніе. Такъ, напримѣръ, читая книгу, мы видимъ передъ собою всю страницу, всѣ слова на ней написанныя, но сознаемъ только слово, которое читаемъ, остальныя же всѣ остаются внѣ нашего сознанія. Совершенно такъ же и при чтеніи статьи: содержаніе ея лишь только въ томъ случаѣ можетъ войти въ сознаніе ученика, если его вниманіе всецѣло будетъ направлено къ воспріятію данной статьи.

Отсюда ясно, что первое, о чемъ долженъ позаботиться учитель, это подготовить и сосредоточить вниманіе ученика для воспріятія читаемой статьи, а для этого онъ долженъ прежде всего удалить причины, отвлекающія вниманіе ученика. Причины эти могутъ быть двухъ родовъ: во-первыхъ, *внѣшнія*, а во-вторыхъ, *внутреннія*. О первыхъ мы не будемъ говорить, такъ какъ онѣ всегда почти предусмотрѣны въ школѣ, и если иногда разсѣиваютъ вниманіе учащихся, какъ-то: стукъ, шумъ, открытыя окна и т. п., то сейчасъ же обыкновенно бываютъ удаляемы учителемъ, да, наконецъ, онѣ и не имѣютъ такого существенно важнаго значенія. Гораздо большее значеніе имѣютъ вторыя, внутреннія. Ученикъ 10—13 лѣтъ настолько еще не привыкъ управлять своимъ вниманіемъ, что ему трудно по своему желанію сосредоточить послѣднее на томъ, чего требуетъ урокъ, надъ чтеніемъ статьи имъ самимъ или чаще его товарищемъ. И невольно,—за что его никакъ нельзя винить, а тѣмъ болѣе ставить единицы, какъ это часто практикуется,—его вниманіе, разъ онъ не заинтересованъ читаннымъ, отвлекается тѣми понятіями и представленіями, тѣмъ матеріаломъ, который въ данный моментъ имѣется въ его душѣ. И какъ часто мы видимъ учениковъ, прекрасно сидящихъ въ классѣ, повидимому прекрасно слушающихъ, особенно у строгаго учителя, а между тѣмъ въ концѣ концовъ ничего или во всякомъ случаѣ очень мало выносящихъ изъ урока. Въ результатѣ потерянный урокъ, и почему? Потому что учитель, позаботившись объ удаленіи внѣшнихъ причинъ, разсѣивающихъ вниманіе, совершенно упустилъ изъ виду самое важное, внутреннія причины. И будучи самъ же виноватъ, обвиняетъ учениковъ въ томъ, что они не слушаютъ.

Поэтому *первая забота* учителя должна сводиться къ тому, чтобы удалить изъ души учениковъ понятія и представленія, дѣйствующія въ данный моментъ развлекающимъ образомъ на ихъ вниманіе, и замѣнить ихъ другими, необходимыми для направленія вниманія въ сторону, наиболѣе благопріятную для воспріятія данной статьи.

Но удаленіемъ какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ причинъ, разсѣивающихъ вниманіе, не ограничивается еще забота учителя,

желающаго создать благопріятное направленіе вниманія. Учитель долженъ, устраняя одни обстоятельства, создавать другія. Изъ такихъ обстоятельствъ на первомъ мѣстѣ должно стоять „*внушеніе*". Чтобы показать все значеніе этого дѣйствія со стороны учителя на классъ, я воспользуюсь одной страницей изъ книги г. Нечаева „Современная экспериментальная психологія въ ея отношеніи къ вопросамъ школьнаго обученія".

„Не говоря уже о гипнотическомъ внушеніи,—говоритъ онъ на стр. 110,—при которомъ загипнотизированный погружается въ море галлюцинацій, возьмемъ для примѣра болѣе обыденный случай, когда подъ вліяніемъ внушенія данное представленіе пріобрѣтаетъ ясность реальнаго ощущенія. Подобнаго рода примѣрами могутъ служить хотя бы нѣкоторые школьные опыты Бинэ и Гильберта. Бинэ давалъ испытуемымъ нюхать пустые флаконы, напередъ сказавъ, что въ нихъ содержится слабый запахъ разныхъ веществъ—фіалки, одеколона, табака и т. п. Подъ вліяніемъ внушеннаго такимъ образомъ представленія многіе испытуемые, нюхая совершенно чистые и пустые флаконы, ощущали разные запахи. Гильбертъ заставлялъ испытуемыхъ опредѣлять вѣсъ двухъ одинаково тяжелыхъ цилиндровъ разной величины. При этомъ подъ вліяніемъ привычной ассоціаціи, многіе сильно склонялись къ тому, чтобы предметъ, большій по объему, считать большимъ и по вѣсу. Не трудно замѣтить, что въ томъ и другомъ случаѣ существеннымъ элементомъ является ожиданіе ощущенія (запаха или извѣстной степени тяжести)".

„Это ожиданіе и служитъ ближайшей причиной того, что представленіе достигаетъ наивысшей ясности. Отсюда можно заключить, что *настроеніе ожиданія является самымъ благопріятнымъ условіемъ вниманія* *). Можно сказать даже больше: ожиданіе является существеннымъ признакомъ произвольнаго вниманія. Поэтому, желая создать въ классѣ настроеніе, наиболѣе благопріятное для вниманія, учитель долженъ стараться возбудить въ ученикахъ ожиданіе того, что онъ скажетъ (или того, что они прочтутъ). Примѣры Бинэ и Гильберта показываютъ, что ожиданіе въ данномъ случаѣ должно имѣть довольно опредѣленный характеръ. Оно не должно быть ожиданіемъ *чего-нибудь*, но ожиданіемъ чего-нибудь *опредѣленнаго*".

Съ этою цѣлью желательно, чтобы ученики имѣли опредѣленное представленіе о томъ, о чемъ они будутъ читать. „Если ученикъ, говоритъ онъ дальше, всегда имѣетъ передъ собою опредѣленный

---

*) Курсивъ вездѣ автора.

вопросъ, на который ожидается отвѣтъ со стороны учителя (или, добавимъ, книги), то это лучшій залогъ его вниманія".

Но вышеупомянутымъ еще не исчерпывается все значеніе внушенія и связаннаго съ нимъ ожиданія. Есть еще одна сторона—это *интересъ*, который является у ученика вслѣдствіе ожиданія извѣстнаго явленія. О томъ, какое значеніе имѣетъ интересъ для воспріятія читаемаго—нечего говорить. Достаточно сказать, что вслѣдъ за Гербартомъ почти всѣми выдающимися педагогами Германіи онъ признается не только средствомъ, но цѣлью всякаго успѣшнаго обученія. И разъ мы вызовемъ у учениковъ интересъ къ читаемому, мы тѣмъ самымъ вызовемъ у нихъ такое душевное состояніе, которое наиболѣе благопріятно для дѣятельнаго отношенія къ послѣднему.

Въ виду всего этого *вторая забота* учителя передъ чтеніемъ статьи должна сводиться къ тому, чтобы возбудить ожиданіе и вызвать интересъ у учащихся къ читаемому. А для этого онъ долженъ заранѣе, передъ чтеніемъ, дать ученикамъ ясное, вполнѣ опредѣленное понятіе о томъ, что они могутъ ожидать отъ содержанія предназначенной для чтенія счатьи.

Наконецъ, остается сказать еще объ одномъ условіи наилучшаго воспріятія.

Современная психологія точно установила тотъ фактъ, что между воспріятіемъ звуковъ и воспроизведеніемъ связанныхъ съ ними образцовъ протекаетъ извѣстное время. При этомъ экспериментальныя данныя показали, что время, протекающее между впечатлѣніемъ и его сознаніемъ, тѣмъ болѣе увеличивается, чѣмъ неожиданнѣе будетъ это впечатлѣніе. Отсюда ясно, что возникновеніе представленія при произношеніи ученикомъ даннаго слова тѣмъ болѣе будетъ затруднительно, чѣмъ въ меньшей связи находится образъ этого слова, съ имѣющимися въ настоящее время въ душѣ ученика представленіями. Поэтому, если въ душѣ ученика въ данный моментъ находятся представленія и понятія, не имѣющія ничего общаго съ тѣми образцами, которые должны войти въ его сознаніе черезъ чтеніе, то можетъ случиться, что ученикъ, слушая или читая слова понятныя, ему извѣстныя, *не будетъ успѣвать* воспроизводить за этими словами соотвѣтствующихъ имъ представленій; и въ этомъ случаѣ эти совершенно ясныя и понятныя ему слова будутъ являться для него пустыми звуками.

Поэтому *третья забота* учителя сводится къ тому, чтобы подготовить учениковъ къ воспріятію извѣстныхъ образцовъ, а потому онъ долженъ передъ чтеніемъ ввести въ сознаніе учениковъ образы, соотвѣтствующіе содержанію читаемой статьи, и разъ это будетъ

сдѣлано, мы можемъ быть увѣрены, что символы, видимые учениками на бумагѣ и произносимые ими, скорѣе и легче будутъ соединяться съ понятіями и представленіями, уже имѣющимися въ сознаніи учениковъ, скорѣе и легче будутъ обращаться въ живые звуки, вызывающіе въ душѣ учениковъ извѣстную картину.

Теперь, резюмируя все сказанное нами о достиженіи наилучшаго воспріятія, мы видимъ, что условія такого воспріятія суть слѣдующія: *вниманіе, ожиданіе, интересъ и легкость воспріятія.* При этомъ, средствомъ къ достиженію этихъ условій служитъ только одно дѣйствіе со стороны учителя—это *вызовъ въ сознаніи учениковъ тѣхъ представленій и понятій, которыя имѣютъ много общаго или которыя проникнуты одними и тѣми же чувствами съ представленіями, имѣющими черезъ чтеніе войти въ душу учащагося,* или другими словами: *настроеніе внутренняго міра учащихся, соотвѣтственно содержанію читаемой статьи.*

И дѣйствительно, разъ мы подготовимъ, настроимъ учениковъ такъ, что весь душевный міръ ихъ будетъ направленъ по той прямой, на которой стоитъ содержаніе статьи, мы тѣмъ самымъ и вызовемъ въ нихъ опредѣленное вниманіе и возбудимъ въ нихъ ожиданіе и интересъ къ читаемому, и достигнемъ легкости воспріятія. Безсознательнаго чтенія въ этомъ случаѣ уже никакъ не можетъ быть. Каждый учащійся будетъ весь поглощенъ читаемымъ, и настроеніе для каждаго изъ нихъ явится той точною почвою, на которой упавшее сѣмя принесетъ стократные плоды. И если чтеніе въ нашей школѣ будетъ поставлено такимъ образомъ, можно смѣло надѣяться, что мы пріучимъ учениковъ къ толковому, осмысленному чтенію, мы пріучимъ ихъ читать сознательно.

Какими же дидактическими пріемами долженъ пользоваться учитель для вызова въ своихъ ученикахъ извѣстнаго настроенія?

Пріемы эти могутъ быть самые разнообразные. Въ этомъ отношеніи средство не играетъ существенной роли: была бы достигнута цѣль.

Такъ, учитель можетъ воспользоваться собственнымъ изложеніемъ, знакомящимъ учениковъ съ предметомъ или явленіемъ, изображеннымъ въ предназначенномъ для чтенія произведеніи, можетъ воспользоваться картиной или дѣйствительнымъ предметомъ; но главнымъ образомъ для этого могутъ служить бесѣды учителя, вводящія въ сознаніе учениковъ соотвѣтствующія содержанію статьи понятія и представленія.

Нужно замѣтить, что указанія на такія предварительныя бесѣды мы можемъ найти въ любомъ методическомъ руководствѣ, такъ что бесѣды эти, собственно, не есть новость. Но только всѣ методиче-

скія руководства, рекомендуя и предлагая ихъ, совершенно не имѣютъ въ виду той главной цѣли, для которой онѣ должны быть предназначены, именно настроенія, необходимаго для воспріятія и усвоенія *всякаго* читаемаго произведенія. Авторы методическихъ руководствъ, чувствуя необходимость этихъ бесѣдъ, но не имѣя яснаго представленія, почему онѣ необходимы, предлагаютъ ихъ обыкновенно для какихъ-либо особыхъ случаевъ, при чемъ каждый по-своему. Такъ, одинъ говоритъ, что бесѣды должны предшествовать чтенію только въ томъ случаѣ, „если преподаватель находитъ, что въ выбранной статьѣ для чтенія говорится о такомъ предметѣ, о которомъ дѣти не имѣютъ никакого представленія*). Другой говоритъ, что бесѣды должны предшествовать чтенію какихъ-то „дѣловыхъ статеекъ“ (что это за дѣловыя статейки—я не знаю) и то *только* **) въ томъ случаѣ, когда усвоеніе содержанія читаемаго не можетъ быть достигнуто путемъ одного чтенія (?), когда при чтеніи для разъясненія этого содержанія пришлось бы отвлекаться въ сторону и прерывать, такимъ образомъ, чтеніе“ ***). Третій совѣтуетъ употреблять бесѣды при чтеніи научно-популярныхъ статей, и то только въ началѣ обученія ****). Наконецъ, четвертый просто не говоритъ, при чтеніи какихъ статей, а ограничивается однимъ словомъ „иногда“ *****). А между тѣмъ бесѣды должны предшествовать классному чтенію *всякой статьи*: и научно-популярной, и дѣловой (что бы авторъ ни подразумѣвалъ подъ словомъ „дѣловая статья“), и содержащей въ себѣ описаніе незнакомаго дѣтямъ предмета и тѣмъ болѣе—что упускается всѣми авторами методикъ—при чтеніи всякаго поэтическаго произведенія, которыя составляютъ главный предметъ чтенія въ школѣ. Потому что, при чтеніи поэтическихъ произведеній *только* настроеніемъ мы можемъ помочь ученику создать и понять рисуемую авторомъ художественную картину, освѣщенную и проникнутую извѣстнымъ чувствомъ. Здѣсь, кромѣ настроенія, намъ ничего не можетъ помочь; никакой анализъ произведенія, никакіе вопросы не могутъ заставить ученика и почувствовать всю прелесть поэтическаго произведенія, согрѣтаго глубокимъ сердечнымъ чувствомъ автора, и проникнуться ею.

Чтобы яснѣе показать всю необходимость и важность настроенія при чтеніи всякихъ статей, я постараюсь иллюстрировать это примѣрами, которыхъ могъ бы привести очень много, но я ограничусь нѣсколькими изъ своей практики и изъ практики другихъ. Причемъ для примѣра возьму чтеніе именно поэтическихъ произведеній.

---

*) Тростниковъ. **) Курсивъ автора. ***) Тихомировъ.
****) Бунаковъ. *****) Ельницкій.

Нѣсколько разъ за время моего учительства мнѣ приходилось читать съ учениками стихотвореніе Жуковскаго: „Сельскій вечеръ“, всѣмъ извѣстное:

Солнышко заходитъ, и темнѣетъ день:
Отъ горы упала на селенье тѣнь... и т. д.

Въ первое время послѣ чтенія я никакъ не могъ добиться, чтобы ученики толково передали мнѣ содержаніе прочитаннаго, уже не говоря о пониманіи прелести лѣтней вечерней картины и наступающаго праздника для „селянина“; никакой разборъ, дѣланный мною послѣ чтенія для выясненія содержанія, ни вопросы, предложенные для помощи пересказа, не могли помочь ученикамъ. И вполнѣ понятно: ученики при чтеніи не усвоили, не представили себѣ образно картины прочитаннаго въ своей душѣ; имъ не о чемъ было разсказывать. Только нѣкоторые, обладающіе большою памятью, и то не по своему желанію, а вызванные мною, передали стихотвореніе сбивчиво, по памяти, припоминая отдѣльныя книжныя предложенія.

Припоминается мнѣ другое чтеніе въ послѣднее время. Прежде чѣмъ прочесть стихотвореніе, я пять минутъ употребилъ съ учениками на бесѣду. Я не буду излагать здѣсь этой бесѣды: ее всякій можетъ провести по-своему; скажу только, что къ концу бесѣды всѣ дѣти перенеслись душою въ село, на дачу, гдѣ вечеромъ они гуляли, слышали звонъ къ вечернѣ и видѣли рабочихъ, возвращающихся съ работы, и людей, идущихъ въ церковь, и вспомнилось нѣкоторымъ, какъ они, заходя въ церковь въ селѣ, видѣли умиленныхъ молящихся послѣ трудовой недѣли... Потомъ мы прочли. И послѣ чтенія на мой вопросъ: „кто желаетъ передать?“ вызвалась большая половина класса, и всѣ наперерывъ предлагали свои услуги. Всѣ спрошенные передавали толково, сознательно, каждый представляя себѣ картину, вызванную этимъ стихотвореніемъ, проникнутую у каждаго своимъ собственнымъ воспоминаніемъ и чувствомъ. Одинъ ученикъ прямо заявилъ: „позвольте мнѣ разсказать: я все это видѣлъ, когда шелъ съ папой купаться!“ Думаю, что чтеніе этого стихотворенія въ послѣднемъ случаѣ было вполнѣ сознательно.

Другой примѣръ, переданный мнѣ однимъ учителемъ. Ученикъ—его сынъ, нѣмецъ, русскою рѣчью владѣетъ вполнѣ, но все-таки дома всегда говоритъ и думаетъ по-нѣмецки. Учится второй годъ. Заданъ на домъ для чтенія разсказъ „Волкъ и старуха“, гдѣ старуха обѣщается отдать мальчика волку. Ученикъ прочелъ разсказъ нѣсколько разъ, но, спрошенный отцомъ, передать его не можетъ. Тогда отецъ оставилъ чтеніе, нашелъ картинку, изображающую волка

вдали отъ деревни въ зимнюю ночь и, независимо отъ чтенія, началъ разсматривать ее съ мальчикомъ, задавая ему вопросы: Кто это нарисованъ? гдѣ, когда? зачѣмъ онъ здѣсь? къ чему прислушивается? и т. д. Потомъ взялъ книжку и заставилъ мальчика прочитать. Прочитавши, мальчикъ немного подумалъ и говоритъ: „А знаешь, папа, вѣдь это я про того волка прочелъ, что мы сейчасъ съ тобою разсматривали, вѣдь это онъ слушаетъ, какъ мальчикъ плачетъ.“ И на вопросъ отца разсказать ему, что онъ прочелъ про волка, онъ свободно передалъ содержаніе разсказа, прибавляя даже подробности, не имѣвшіяся въ книгѣ и запечатлѣвшіяся у него отъ картины. Онѣ невольно вошли въ душу ребенка вмѣстѣ съ полученнымъ содержаніемъ изъ прочитаннаго и вызвали въ ней ясную картину прочитанной статьи. И всѣ предшествующія чтенія ученика не имѣли никакого значенія для усвоенія и пониманія статьи: они были безсознательны. Было же сознательное только одно чтеніе—это *послѣднее*.

Хочется мнѣ привести еще одинъ примѣръ, который особенно покажетъ намъ всю важность настроенія передъ чтеніемъ поэтическаго произведенія.

Однажды мнѣ пришлось быть на урокѣ въ одной школѣ, учитель которой велъ объяснительное чтеніе вышеописаннымъ мною образомъ. Читали стихотвореніе Пушкина „Осеннюю пѣсню“:

Вянетъ, вянетъ лѣто красно,
Улетаютъ ясны дни!
Стелется туманъ ненастный
Ночи въ дремлющей тѣни!.. и т. д.

Такъ какъ пѣсня является выраженіемъ не только мыслей, но, главнымъ образомъ, чувствъ человѣка, то и чтеніе ея только тогда можно назвать сознательнымъ, когда ученики не только поймутъ умомъ мысли, высказанныя въ ней, но также—что самое важное—почувствуютъ *сердцемъ* тѣ чувства, которыя вложены авторомъ въ слова пѣсни, будетъ ли то широкое веселье, или глубокая грусть—все равно. Итакъ, пѣсня должна восприниматься больше *сердцемъ*, чѣмъ умомъ. И въ этомъ случаѣ никакіе вопросы не помогутъ намъ. Здѣсь можетъ помочь *только настроеніе*. Чтобы настроить учениковъ, учитель постарался воскресить въ памяти картину увядающей осени и вмѣстѣ вызвать въ ихъ сердцахъ то грустное чувство, которое производитъ на душу человѣка умирающая природа. Когда они были подготовлены къ этому и прочли стихотвореніе,—въ классѣ водворилась глубокая тишина, всѣ какъ бы поддались гипнозу грусти, которою глубоко проникнуто все стихотвореніе. Въ это время

пробилъ звонокъ, учитель всталъ и вышелъ, не говоря ни слова, не нарушая этого молчанія. И когда мы выходили, то я услышалъ какъ одинъ за другимъ, почти половина класса, какъ бы отвѣчая на свои мысли, проговорили:

Вянетъ, вянетъ лѣто красно,
Улетаютъ ясны дни...

Нужно было слышать, съ какимъ чувствомъ, съ какою грустью были произнесены эти строки! Въ каждомъ словѣ, въ каждомъ звукѣ было слышно, какъ глубоко подѣйствовало на нихъ чтеніе этого стихотворенія. И здѣсь я увидѣлъ, что безъ всякихъ вопросовъ, только однимъ настроеніемъ было достигнуто глубокое дѣйствіе произведенія на душу учащихся. А это дѣйствіе могло явиться только при полномъ сознательномъ чтеніи.

Не могу не привести еще одинъ интересный примѣръ, сильно запавшій мнѣ въ душу. Мы читали въ классѣ „Весну" Майкова:

Весна! Выставляется первая рама...

Какъ только мы прочли, подымается одинъ ученикъ и спрашиваетъ (его собственныя слова): „А что, Майковъ всегда такіе веселые стихи писалъ?" Онъ почувствовалъ веселье, высказанное въ стихахъ! И это ученикъ приготовительнаго класса!

Все время до сихъ поръ мы говорили только о наилучшемъ воспріятіи учениками читаемаго. Но этимъ еще не ограничивается забота учителя на урокѣ объяснительнаго чтенія по родному языку. Ему необходимо также позаботиться и объ укрѣпленіи въ памяти учениковъ полученнаго матеріала, т.-е. ему необходимо имѣть въ виду также наилучшіе способы *запоминанія*, такъ какъ недостаточно того, чтобы ученики только восприняли читаемое, а необходимо также, чтобы читаемое прочно укрѣпилось въ ихъ душѣ. Поэтому мы и займемся теперь выясненіемъ условій наилучшаго запоминанія.

Въ настоящее время психологіею точно установлено, что самыя ясныя и самыя прочныя представленія получаются у насъ отъ зрительныхъ впечатлѣній. Французскій ученый Рибо своими экспериментальными данными ясно показалъ легкость ассоціированія и прочность запоминанія зрительныхъ образовъ.

Онъ опросилъ болѣе сотни лицъ разнаго положенія и профессій о тѣхъ образахъ, которые непосредственно вызываютъ у нихъ слова: собака, животное, цвѣтъ, форма, справедливость, доброта, добродѣтель, законъ, число, сила, время, отношеніе, причина, безконечность. Анализъ полученныхъ результатовъ далъ экспериментатору возмож-

ность установить три различныхъ типа: типъ *конкретный*, характеризующійся зрительными и отчасти мускульными образами, типъ *зрительный-типографскій*, представители котораго, слыша извѣстное слово, воспроизводятъ въ своемъ сознаніи его внѣшнюю форму въ напечатанномъ или написанномъ видѣ, и типъ *слуховой*, особенность котораго состоитъ въ томъ, что въ сознаніи субъекта господствуетъ одинъ только слуховой образъ даннаго слова, не сопровождаемый ни конкретнымъ представленіемъ, ни образомъ его внѣшней формы въ напечатанномъ или написанномъ видѣ. „Конкретный типъ, говоритъ Рибо, представляется наиболѣе распространеннымъ"*). То же самое показываетъ намъ и Стетсонъ. По его изслѣдованію изъ ста лицъ 82 обладали преимущественно зрительными образами**). Отсюда ясно, что зрительные образы являются самыми прочными въ душѣ человѣка. Нужно замѣтить, что опыты производились надъ взрослыми; тѣмъ болѣе, слѣдовательно, прочность зрительныхъ образовъ должна быть у дѣтей, такъ какъ мысль ихъ, отъ начала до конца, по словамъ Сѣченова ***), вращается въ области доступной чувству", и почти всѣ ихъ образы суть зрительные.

Но какимъ же образомъ учитель полученныя ученикомъ отъ чтенія представленія можетъ подвергнуть зрительнымъ воспріятіямъ? Американская школа, которая въ смыслѣ сознательности обученія чтенію и письму сдѣлала никѣмъ не превзойденные успѣхи, давно разрѣшила этотъ вопросъ. Тамъ, на ряду со словами и взамѣнъ ихъ даютъ дѣтямъ и рисунки. Цѣль, которую при этомъ преслѣдуютъ, состоитъ въ томъ, чтобы дѣти въ написанномъ или напечатанномъ видѣли не слова, а самые образы, чтобы напечатанное слово такъ же ярко и живо заставляло ученика воспроизводить образъ или дѣйствіе, какъ и картинка. Въ этомъ отношеніи они даже такимъ отвлеченнымъ понятіямъ, какъ число, стараются дать реальное выраженіе. Мнѣ самому пришлось видѣть ариѳметическія тетрадки американскихъ школъ съ французской выставки 1900 года.

Какъ видно, учили сложеніе. Налѣво написано 2+1=3; направо, на поляхъ, нарисованы двѣ сидящія мыши, и къ нимъ подбѣгаетъ третья. Тамъ же на выставкѣ были тетрадки съ изложеніями и сочиненіями учениковъ, при чемъ всѣ поля были испещрены рисунками. Ученикъ пишетъ исторію о Жаннѣ д'Аркъ и на поляхъ иллюстрируетъ свое изложеніе.

Такимъ образомъ, вопросъ о томъ, какъ подвергнуть полученныя

---

*) Нечаевъ. „Современная экспериментальная психологія" стр. 134

**) Тамъ же, стр. 136.

***) „Элементы мысли". Научное слово. Январь, стр. 41.

отъ чтенія представленія зрительному воспріятію, разрѣшается очень легко: *заставьте только ученика нарисовать картинку того, что онъ прочиталъ.* И когда онъ нарисуетъ ее, когда отвлеченныя понятія и представленія воплотитъ въ конкретные образы, онъ отчетливо и прочно запечатлѣетъ въ своей душѣ все содержаніе прочитаннаго, со всѣми подробностями. Я говорю со всѣми подробностями потому, что при воспроизведеніи главнаго въ его сознаніе помимо его воли будутъ входить и припоминаться всѣ подробности, непосредственно связанныя съ главнымъ; и эти подробности, будучи воспроизведены, прочно укрѣпятся въ его сознаніи.

Такое воплощеніе прочитаннаго въ видѣ рисунка дастъ ученику возможность на своей же картинкѣ, какъ бы наяву, какъ бы въ дѣйствительности, увидѣть все содержаніе прочитаннаго. Онъ непосредственно будетъ ощущать его, и оно, какъ дѣйствительность, войдетъ въ его душу. И потомъ при разсказѣ, при сравненіяхъ прочитаннаго съ извѣстными уже ему произведеніями, при выводѣ частныхъ и главной мысли, онъ будетъ всегда ясно видѣть передъ своими глазами прочитанное, какъ нѣчто реальное, которое онъ самъ видѣлъ.

Но я чувствую, что мнѣ сейчасъ же возразятъ: какъ это можно заставить ученика перваго или даже приготовительнаго класса рисовать, да еще что рисовать—все: и жанръ, и пейзажъ, и море. Онъ и не сумѣетъ, и времени употребитъ на это въ десять разъ больше, чѣмъ на чтеніе самой статьи. Да, господа, если мы будемъ требовать отъ него рисунка, а не воплощенія понятій и представленій въ конкретные образы, тогда, дѣйствительно, онъ и нарисовать не сумѣетъ, а если и сумѣетъ, то на это употребитъ не часъ, можетъ-быть, и не два, а гораздо больше. Дѣло въ томъ, что намъ рисунка съ технической стороны не нужно. Пусть каждый нарисуетъ такъ, какъ онъ умѣетъ. А что всякій сумѣетъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Пятилѣтній ребенокъ нарисуетъ вамъ все, что угодно: и человѣка, и животное, и птицу и дерево. Посмотрѣвши на его рисунокъ, вы, можетъ-быть, и не увидете тамъ ничего похожаго на человѣка или лошадь, но онъ-то будетъ видѣть въ своемъ рисункѣ человѣка. Такъ и ученикъ: пусть у него птица будетъ изображена однимъ кружечкомъ, съ черточкой для носа и двумя для ногъ, намъ это не важно—онъ видитъ въ этомъ кружечкѣ птицу, а для насъ это только и нужно.

Учитель даже самъ долженъ показывать при всякомъ случаѣ самыя простыя очертанія предметовъ и всегда повторять ученикамъ, что не нужно вырисовывать: лучше просто, какъ умѣешь, но все подробно. И ученики при такомъ условіи рисованія скоро осваива-

ются съ этой работой, и черезъ недѣлю послѣ начала рисованія они свободно нарисуютъ вамъ любую картинку въ классѣ, самое большее за пять минутъ. Замѣчу: у меня во время класснаго чтенія на рисованіе картинки на классной доскѣ употреблялось никакъ не болѣе 2—3-хъ минутъ.

Такимъ образомъ, какъ видно, съ внѣшней стороны это вполнѣ выполнимо.

Теперь, какъ выполнить этотъ рисунокъ въ классѣ при объяснительномъ чтеніи?

По прочтеніи статьи, не задавая никакихъ вопросовъ, вызвать ученика или того же, который читалъ, а еще лучше другого, къ доскѣ и заставить нарисовать. Ученикъ быстро набрасываетъ рисунокъ, говоря, что онъ рисуетъ; другіе ученики по вызову учителя помогаютъ ему, указывая или его неточности, или подробности, упущенныя имъ. Черезъ 3—5 минутъ рисунокъ готовъ. И вы можете приступить къ разбору и выясненію произведенія, къ выводу главной мысли и т. д.

Часто прочитанную статью нельзя изобразить однимъ рисункомъ. Обыкновенно, сколько въ ней частей, столько и надо рисунковъ. Тогда на доскѣ на разныхъ углахъ ея помѣщаются три-четыре картины.

Иногда, на первыхъ порахъ иллюстрированія прочитанныхъ статей нѣкоторые ученики, не вполнѣ представляя себѣ, какъ это нужно дѣлать, отказываются и говорятъ, что они не умѣютъ этого сдѣлать. Поэтому лучше всего сначала учителю самому иллюстрировать на доскѣ подъ диктовку учениковъ прочитанную статью, въ самыхъ простыхъ, скорѣе условныхъ очертаніяхъ. И такъ какъ эта же статья потомъ дается ученикамъ на домъ для самостоятельнаго чтенія, то попросить ихъ подобнымъ же образомъ иллюстрировать ее у себя въ тетрадяхъ. Такимъ путемъ ученики послѣ двухъ-трехъ уроковъ поймутъ въ чемъ дѣло и научатся свободно изображать въ картинкахъ любую статью.

Всѣ статьи, которыя даются ученикамъ на домъ для самостоятельнаго чтенія, иллюстрируются ими въ особыхъ тетрадкахъ. И здѣсь иллюстрированіе статей имѣетъ особенно важное значеніе, потому что ученикъ только тогда нарисуетъ картинку, когда пойметъ и представитъ себѣ все содержаніе статьи. Въ этомъ случаѣ мы достигнемъ очень многаго: во-первыхъ, того, что ученикъ прочтетъ статью и прочтетъ ее очень внимательно:—онъ всей душой будетъ стремиться къ сознательному чтенію, будетъ стараться уловить не только общее, но и всѣ подробности читаемаго; во-вторыхъ, разъ картинка нарисована, мы можемъ быть увѣрены, что ученикъ по-

нялъ и усвоилъ статью; наконецъ, въ-третьихъ, нарисованная картинка прямо покажетъ намъ, какъ ученикъ усвоилъ прочитанное, что было имъ не такъ понято при чтеніи, что имъ было упущено.

Во второмъ классѣ иллюстрированіе статей читаемыхъ въ классѣ можно даже прекратить и ограничиться только иллюстраціей того, что задается на домъ для самостоятельнаго чтенія, потому что къ этому времени ученики при такомъ веденіи дѣла настолько уже достигнутъ яснаго пониманія и образнаго представленія прочитаннаго, что будетъ вполнѣ достаточно только спросить, какъ представляетъ ученикъ себѣ картину прочитаннаго? Ученикъ въ нѣсколькихъ словахъ передастъ вамъ эту картину, и вы, убѣдившись въ ясности его представленія, можете приступить къ пересказу статьи и ея разбору. Собственно иллюстрированіе читаемаго, какъ пріучающее учениковъ къ сознательному чтенію и къ образному мышленію, должно начинаться съ перваго же года обученія. Если бы это было такъ, то тогда и въ 1-мъ классѣ можно было бы иллюстрированіе статей въ классѣ прекратить.

Чтобы показать, какъ дѣйствительно велико значеніе иллюстрированія статей для яснаго представленія и усвоенія прочитаннаго, я постараюсь опять показать это на примѣрахъ изъ своей личной практики.

Какъ всегда, бываетъ въ классѣ нѣсколько учениковъ, которымъ въ высшей степени трудно дается пересказъ прочитаннаго; даже послѣ того, какъ статья бываетъ прочтена не одинъ разъ, пересказана нѣсколькими учениками, разобрано и выяснено ея содержаніе,— все-таки эти нѣсколько учениковъ затрудняются самостоятельно передать ее; прочтенная статья не дала имъ образнаго представленія картины. Въ прошломъ году у меня въ приготовительномъ классѣ было такихъ три-четыре ученика. Изъ нихъ одному совершенно не давался пересказъ прочитаннаго. Онъ учился уже второй годъ въ классѣ. Въ продолженіе перваго года, несмотря на всѣ мои усилія, я ни разу не могъ добиться отъ него связной передачи простого разсказа. И вотъ въ прошломъ году, когда я началъ вести вышеизложеннымъ способомъ чтеніе, чтобы самому убѣдиться на опытѣ въ продуктивности этого способа, я рѣшился произвести на этомъ мальчикѣ, какъ наиболѣе слабомъ, такой опытъ.

Я взялъ для чтенія стихотвореніе Некрасова „Несжатую полосу“. Настроивши предварительно учениковъ для чтенія этого стихотворенія, я заставилъ слабаго ученика прочесть стихотвореніе и потомъ разсказать его. Результатъ получился какъ и всегда: онъ совершенно не могъ передать прочитаннаго. Тогда я вызвалъ его къ доскѣ и заставилъ нарисовать картинку прочитаннаго. Съ помощью

другихъ учениковъ, которые указывали ему подробности иллюстраціи, картина была нарисована. Я опять попросилъ его передать то, что онъ *прочиталъ и нарисовалъ*. И онъ, имѣя передъ собою картинку, вполнѣ связно и ясно передалъ все произведеніе. И помогла этому только картинка, потому что безъ картинки, мы видѣли, онъ совершенно не могъ передать прочитаннаго. Впослѣдствіи, при разсказѣ прочитаннаго, я всегда велѣлъ брать ему въ помощь картинки, и онъ всегда связно и ясно разсказывалъ. Такъ постепенно, благодаря рисованію картинокъ, пріучался онъ къ образному представленію прочитаннаго и передачѣ этого прочитаннаго сперва по картинкѣ, а потомъ только по образу, имѣющемуся въ его душѣ, и къ концу года его пересказъ ничѣмъ не отличался отъ пересказа другихъ.

То же самое можно сказатъ и о другихъ ученикахъ, которые были слабы въ пересказѣ: они къ концу года, исключительно помощью картинокъ, достигли вполнѣ свободнаго пересказа.

Картинка помогаетъ ученикамъ передавать самыя большія и трудныя статьи совершенно свободно. При этомъ въ своихъ картинкахъ ученики передаютъ и видятъ не одинъ только фактическій матеріалъ, нѣтъ: они передаютъ, а также и видятъ всю художественность, все настроеніе, которымъ проникнуто произведеніе, самыя отвлеченныя идеи, такъ что въ своихъ условныхъ образахъ они видятъ, напр., не просто „камышъ", а именно „дремлющій камышъ", не просто „колосья", а „грусть и скуку тучныхъ колосьевъ", не просто „лису" или „волка", а „хитрую лису" и „одураченнаго волка" и т. д.

Въ одномъ мѣстѣ кружечекъ съ двумя черточками для рукъ и двумя для ногъ, изображаетъ у нихъ веселаго, радующагося мальчика, потому что руки его подняты, въ другомъ же мѣстѣ съ опущенными руками — онъ грустный и печальный. Въ этомъ случаѣ сила ихъ дѣтскаго воображенія даетъ имъ возможность видѣть въ своихъ рисункахъ все, что для нихъ нужно! По этому поводу мнѣ припоминается мальчикъ Сережа въ разсказѣ Чехова „Дома". Онъ, говоритъ Чеховъ, находилъ возможнымъ передавать карандашомъ, кромѣ предметовъ, и свои ощущенія. Такъ, звуки оркестра онъ изображалъ въ видѣ сферическихъ дымчатыхъ пятенъ, свистъ—въ видѣ спиральной линіи... Въ его понятіи звукъ тѣсно соприкасался съ формой и цвѣтомъ, такъ что, раскрашивая буквы, онъ всякій разъ неизмѣнно звукъ Л красилъ въ желтый цвѣтъ, М—въ красный, А—въ черный и т. д.".

Насколько свободно и ясно усваивается статья учениками при такомъ веденіи чтенія, особенно хорошо показываетъ желаніе почти

всѣхъ учениковъ класса разсказать прочитанное. Всѣ наперерывъ предлагаютъ свои услуги, при чемъ многіе приводятъ при этомъ такіе неопровержимые аргументы, дающіе имъ право на разсказъ, какъ: „Вѣдь это я самъ видѣлъ, это я хорошо разскажу!" или „Такое происшествіе со мной случилось, я лучше разскажу!" И это вполнѣ понятно: образъ прочитаннаго такъ ярко всталъ въ душѣ ученика, такъ хорошо онъ его видитъ и представляетъ, что у него является неотразимое желаніе передать и описать его. Наблюдается ли это на урокахъ объяснительнаго чтенія, которые ведутся традиціоннымъ способомъ вопросовъ, не знаю. У меня лично раньше это никогда не наблюдалось.

Содержаніе прочитанныхъ статей помощью иллюстрацій такъ прочно укрѣпляется въ душѣ учениковъ, что они совершенно свободно впослѣдствіи пользуются этимъ матеріаломъ. Очень часто по выводѣ главной мысли, желая развить воображеніе, логическое мышленіе, языкъ учениковъ, я предлагалъ имъ придумать и передать по плану прочитанной статьи свой разсказъ съ такою же идеею или припомнить какой-либо раньше ими читанный. И многіе изъ нихъ, придумывая свой разсказъ, припоминали и всѣ раньше ими читанные съ сходною идеею.

Съ выводомъ главной мысли, а тѣмъ болѣе частныхъ, благодаря рисункамъ, ученики справляются очень легко. Рисуя картинку, они прямо подписываютъ подъ картинкой, что на ней нарисовано, и этимъ по большей части выражается частная или главная мысль. Къ наводящимъ вопросамъ здѣсь рѣдко приходится прибѣгать.

Изъ всего вышеизложеннаго видно, что воспроизведенная картинка во всей силѣ закрѣпитъ прочитанное на душѣ ученика. Она станетъ полнымъ его достояніемъ, его собственностью. *А это и есть конечная цѣль при чтеніи.*

Теперь мы можемъ предлагать ему вопросы, уясняющіе отношеніе одной части къ другой и выясняющіе ему содержаніе статьи—онъ смѣло и увѣренно будетъ отвѣчать на нихъ, твердо обладая всѣмъ матеріаломъ, полученнымъ изъ чтенія, и видя образно все содержаніе статьи передъ своими глазами. Можемъ заставить его дѣлать сравненія—онъ свободно будетъ сравнивать намъ прочитанную статью съ раньше имъ читанною, содержаніе которой цѣльностью находится въ его душѣ. Наконецъ можемъ заставить и разсказать статью,—онъ разскажетъ намъ ее, разскажетъ свободно, безъ всякихъ вопросовъ, видя въ своей душѣ все, взятое имъ изъ чтенія; разскажетъ такъ же, какъ разсказалъ бы намъ любое событіе, случившееся съ нимъ въ его жизни. А такъ какъ каждый ученикъ видитъ картину прочитаннаго въ своей душѣ по-своему, вполнѣ

субъективно, то и разскажетъ намъ такъ, какъ она ему представляется. При такомъ способѣ мы не будемъ, развивая учениковъ, подгонять весь классъ подъ одну общую мѣрку. Каждый будетъ мыслить и излагать мысли по-своему. Каждый будетъ развиваться сообразно своимъ индивидуальнымъ особенностямъ. Полный просторъ самодѣятельности!

Ученикъ безъ труда раздѣлитъ намъ теперь все произведеніе на части; оно раздѣлено уже у него: каждую часть онъ изобразилъ отдѣльнымъ рисункомъ, каждую часть представляетъ себѣ отдѣльно.

Для него нѣтъ теперь никакого труда вывести главную мысль, идею произведенія: онъ знаетъ, о чемъ онъ читалъ, онъ знаетъ, о чемъ онъ разсказываетъ, онъ видитъ тотъ фокусъ, около котораго сгруппированы всѣ мысли, и совершенно свободно скажетъ вамъ о немъ, скажетъ такъ же свободно, какъ отвѣтилъ бы вамъ на вашъ вопросъ, что съ нимъ случилось, вмѣсто того, чтобы разсказывать длинную повѣсть о случившемся. И сдѣлаетъ нравоучительный выводъ такъ же, какъ бы вывелъ онъ его изъ событія, случившагося съ нимъ.

Теперь мы можемъ вопросами, сравненіями, измѣненіями выяснять всю сущность содержанія статьи; заставлять его производить самыя разнообразныя комбинаціи уже *усвоеннаго* матеріала и такимъ образомъ развивать его память, воображеніе, логическое мышленіе и т. д., вообще всѣ стороны его душевной дѣятельности.

Но, кромѣ всего вышесказаннаго, иллюстраціи имѣютъ еще одно громадное, мнѣ кажется, ничѣмъ незамѣнимое, значеніе при пріученіи учениковъ къ письменному изложенію своихъ мыслей.

Собственно, въ настоящее время въ трехъ младшихъ классахъ, въ особенности въ первыхъ двухъ, ученики не учатся письменному изложенію своихъ мыслей. Правда, въ графѣ, по оцѣнкѣ успѣшности учащихся въ русскомъ языкѣ, отмѣчается, начиная уже съ приготовительнаго класса и русскій „устный“, и русскій „письменный“. Но въ чемъ же состоитъ этотъ „письменный“ русскій языкъ? Въ первыхъ двухъ классахъ и отчасти въ третьемъ онъ состоитъ въ *письменной провѣркѣ устныхъ знаній, именно въ письменномъ разборѣ и диктовкѣ.* Но вѣдь подъ „письменнымъ“ русскимъ языкомъ, я думаю, нужно подразумѣвать умѣнье ученикомъ *письменно излагать свои мысли.* Вѣдь *главная задача* школы не въ томъ, чтобы ученикъ зналъ, гдѣ писать ѣ, а гдѣ е, а въ томъ, чтобы онъ *умѣлъ ясно и точно на письмѣ выразить свою мысль.* Тогда какое же письменное изложеніе мыслей мы оцѣниваемъ? Письменный разборъ, какъ провѣрку устныхъ знаній? Въ такомъ случаѣ, почему же у насъ нѣтъ и „письменной“ исторіи, географіи, естествовѣдѣ-

нія? Вѣдь въ старшихъ классахъ очень часто въ концѣ четверти учителю приходится письменно провѣрять знанія учениковъ. Такимъ образомъ получается, что мы оцѣниваемъ успѣшность учениковъ въ томъ, чему ихъ не учимъ. А между тѣмъ задача школы на урокахъ родного языка не толькко научить ученика *читать*, но и *писать*, въ самомъ широкомъ смыслѣ значенія этихъ словъ. И было бы большимъ недоразумѣніемъ, упражняя учениковъ въ одномъ, совершенно оставить въ сторонѣ другое. Мы должны съ перваго же класса учить учениковъ и тому, и другому. И это вполнѣ возможно, даже начиная съ приготовительнаго класса. Въ этомъ отношеніи намъ могутъ помочь все тѣ же иллюстраціи.

Дѣло въ томъ, что всякое переложеніе ученикъ только тогда хорошо напишетъ, когда будетъ вполнѣ ясно представлять себѣ прочитанное, когда онъ будетъ видѣть его въ своей душѣ и писать о томъ, что видитъ. Конечно, для ученика въ началѣ обученія, когда онъ еще не привыкъ образно представлять себѣ прочитанное, трудно написать какое-либо переложеніе. Но вѣдь мы можемъ заставить ученика нарисовать картину прочитаннаго: тогда содержаніе статьи онъ будетъ видѣть прямо передъ собою на бумагѣ. И пусть пишетъ себѣ то, что онъ видитъ.

Когда въ первый разъ я приступалъ съ учениками приготовительнаго класса къ письму переложенія, я сдѣлалъ такъ: взялъ басню „Лисица и виноградъ"; мы прочли ее въ классѣ, разобрали, пересказали. Потомъ я попросилъ учениковъ нарисовать картинку на листкѣ бумаги. Когда они нарисовали, я попросилъ, смотря на картинку, написать то, что они нарисовали. Ученики безъ всякаго затрудненія всѣ написали, и у насъ получилось переложеніе басни, при чемъ для перваго раза вполнѣ удовлетворительное.

Чтобы убѣдиться, имѣла ли здѣсь значеніе нарисованная картинка, я въ другой разъ сперва заставилъ учениковъ выучить басню „Волкъ и лисица" наизусть, думая, что если картинка не будетъ имѣть никакого значенія, то ученики при неопытности еще изложенія непремѣнно напишутъ книжныхъ фразъ, что у меня раньше въ моей практикѣ и бывало. Ученики выучили, и все-таки переложили, нарисовали вмѣстѣ и картинку, совершенно не употребляя никакихъ заученныхъ фразъ, т. е. вполнѣ самостоятельно описали нарисованную картинку. Такъ что и въ первомъ, и во второмъ случаѣ они не излагали безсмысленно книжныхъ предложеній (какъ это часто бываетъ при письмѣ переложеній), а писали свои собственныя мысли. Они именно *упражнялись въ изложеніи своихъ мыслей.* Чтобы они меньше дѣлали ошибокъ, я просилъ ихъ при всякомъ сомнительномъ случаѣ обращаться ко мнѣ.

Для примѣра я приведу здѣсь нѣсколько переложенiй „Крестьянской пирушки“ Кольцова, изъ которыхъ ясно будетъ видно, насколько различно представленiе картины прочитаннаго стихотворенiя у каждаго изъ учениковъ, и какъ каждый ученикъ по своему, вполнѣ субъективно описываетъ эту картину. Переложенiе это мы писали послѣ „Волка и лисицы“. Одинъ ученикъ пишетъ:

„Наступила осень. Хлѣбъ крестьяне убрали, и начали ѣздить въ гости другъ къ другу. Ворота одного дома растворились, и туда въѣхали гости. Хозяинъ встрѣтилъ гостей и повелъ ихъ къ себѣ въ горницу. Тамъ все уже было готово для пирушки. Гости помолились и сѣли. Хозяинъ началъ угощать ихъ брагой, хозяйка здоровалась съ гостями и разносила вино, а дочь потчивала медомъ. Гости рѣчи гуторили. Наступила полночь. Пѣтухи пропѣли. Въ горницѣ стало темно. Это гости уѣхали. Виденъ былъ только поворотъ отъ саней по снѣгу“.

Другой пишетъ: „У одного крестьянина былъ пиръ. Къ нему прiѣхали гости. Онъ вышелъ ихъ встрѣчать и отворилъ имъ ворота Потомъ повелъ ихъ въ горницу. Гости впередъ помолились и сѣли за столъ. На столѣ было много всего. Гости ѣли и пили. Хозяинъ хозяйка и дочь угощали ихъ. Они сидѣли до самой полночи и обо всемъ крестьянскомъ разговаривали. Послѣ полуночи гости уѣхали. Въ горницѣ стало темно и глухо“.

Третiй: „У одного крестьянина собрались гости. Крестьянинъ для ихъ прiѣзда приготовилъ много угощенiй. На столѣ были куры, гуси, ветчина и пироги, а также стояло вино и медъ. Когда гости подъѣзжали, хозяинъ надѣлъ шубу и вышелъ встрѣчать ихъ. Онъ привелъ ихъ въ горницу, гдѣ гости сѣли за приготовленный столъ. Жена хозяина, дочь его и онъ самъ угощали гостей. Гости ѣли и разсуждали о томъ, какъ уродитъ имъ Богъ хлѣбъ, и какое будетъ въ степи сѣно. Гости провели время до перваго переклика пѣтуховъ. Но вотъ затихло въ горницѣ. Гости разъѣхались по своимъ домамъ. Только отъ ихъ саней остался слѣдъ“.

Еще одинъ примѣръ: „Къ крестьянину прiѣхали гости. Онъ ихъ встрѣтилъ. Гости пировали и разговаривали до полночи. Потомъ они уѣхали. Въ горницѣ стало темно. Подлѣ воротъ былъ виденъ поворотъ отъ саней“.

И теперь я всегда, когда ученики пишутъ переложенiе, заставляю ихъ иллюстрировать его на поляхъ или въ текстѣ, что они и исполняютъ съ большимъ удовольствiемъ.

Въ заключенiе выскажу свое глубокое убѣжденiе, что если мы поставимъ дѣло преподаванiя родного языка въ нашихъ младшихъ классахъ на такое основанiе; что если мы *прiучимъ нашихъ учени-*

ковъ образно схватывать прочитанное, пріучимъ ихъ описывать видимые въ душѣ образы устно и письменно,—мы вмѣстѣ и научимъ ихъ читать, и научимъ ихъ мыслить, и научимъ ихъ излагать свои мысли, научимъ тому, что составляетъ всю важность обученія во всякой школѣ на урокахъ родного языка.

Тезисы.

1. Всякое устное обученіе въ школѣ возможно только тогда, когда ученики умѣютъ разумно усвоивать читаемое.

2. Объяснительное классное чтеніе въ младшихъ классахъ должно лежать въ основѣ преподаванія родного языка не въ программахъ только, а на дѣлѣ.

3. Успѣшность въ знаніи родного языка въ младшихъ классахъ должна оцѣниваться главнымъ образомъ не знаніемъ грамматики, не разборами и диктовкою, а умѣніемъ ученика сознательно воспринимать читаемое, понимать его, видѣть въ немъ содержаніе и умѣньемъ его устно и письменно излагать свои мысли въ предѣлахъ, доступныхъ его пониманію.

4. Объяснит. клас. чтеніе при современной его постановкѣ не достигаетъ тѣхъ цѣлей, которыя преслѣдуетъ: сознательности чтенія, развитія учащихся и свободнаго изложенія ими мыслей.

5. Настроеніе внутренняго міра учащихся является единственнымъ условіемъ наилучшаго воспріятія учениками читаемаго, такъ какъ непосредственно влечетъ за собою вызовъ въ ученикахъ вниманія, ожиданія, интереса и легкости воспріятія.

6. Конкретное воспроизведеніе прочитанной статьи въ видѣ рисунка, пріучая учениковъ къ образному представленію прочитаннаго, служитъ лучшимъ условіемъ усвоенія прочитаннаго.

7. Пріученіе учениковъ къ письменному изложенію мыслей должно начинаться съ 1-го класса; при чемъ пособіемъ для пріученія къ этому можетъ служить *предварительное* иллюстрированіе излагаемой статьи.

И. И. Трояновскій.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

А. Ѳ Семеновъ. Къ вопросу о малоуспѣшности учениковъ нашихъ гимназій. Кіевъ. 1904.

Въ послѣдніе годы вниманіе и участіе русскаго общества къ судьбѣ отечественнаго просвѣщенія развилось и возросло до высочайшей степени. Съ напряженнымъ нетерпѣніемъ общество слѣдитъ за всякимъ проявленіемъ дѣятельности въ этой области, гдѣ бы оно ни обнаружилось, — въ правительственныхъ ли распоряженіяхъ, или въ текущей литературѣ. При такомъ всеобщемъ настроеніи надо думать, что книжка г. Семенова „Къ вопросу о малоуспѣшности учениковъ нашихъ гимназій“ прочтется съ особеннымъ вниманіемъ. Всякая попытка освѣтить съ какой бы ни было стороны вопросъ о нашей средней общеобразовательной школѣ несомнѣнно вызоветъ сочувствіе и благодарность читателя.

Въ самомъ началѣ своей книги г. Семеновъ высказываетъ мысль о томъ, что вопросъ объ устройствѣ нашихъ учебныхъ заведеній вообще и среднеучебныхъ въ особенности есть одинъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ, обратившихъ на себя въ послѣднее десятилѣтіе наибольшее вниманіе нашего интеллигентнаго общества. Всѣмъ извѣстно, что просвѣщенные люди всѣхъ временъ и народовъ согласно высказывали свои взгляды на высокое значеніе образованія и воспитанія юношества. Заботы о правильной постановкѣ и направленіи просвѣщенія всегда считались важнѣйшею и труднѣйшею задачей. Величіе государства и внутреннее его благосостояніе всегда находилось въ зависимости отъ удачнаго разрѣшенія этой задачи. Въ нашемъ отечествѣ вопросъ этотъ выросъ и назрѣлъ въ общественномъ сознаніи тѣхъ неурядицъ, которыя наша школа переживала въ теченіе долгихъ лѣтъ. Впрочемъ, и въ настоящее время школа представляетъ зданіе, расшатанное по всѣмъ направленіямъ, зданіе, которое и чинятъ, и надстраиваютъ безъ всякаго плана: къ однѣмъ стѣнкамъ ставятъ подпорки, къ другимъ — пристройки, а въ результатѣ такихъ частичныхъ и сомнительныхъ починокъ является нѣчто почти безформенное, не отвѣчающее цѣли и назначенію.

Сознаніе такой несостоятельности нашей средней школы высказано, какъ

извѣстно, въ томъ циркулярѣ, съ которымъ покойный министръ народнаго просвѣщенія Н. П. Боголѣповъ обратился, лѣтъ пять тому назадъ, къ попечителямъ всѣхъ учебныхъ округовъ, приглашая ихъ внимательно обсудить въ своихъ спеціальныхъ коммиссіяхъ подробности недостатковъ школы и средства къ улучшенію ея положенія, и тѣмъ облегчить министерству возможность осуществить планъ обширнаго и радикальнаго преобразованія въ области отечественнаго просвѣщенія.

Вспоминая эти недавнія подготовительныя работы учебныхъ округовъ и самого министерства, вспоминая, съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ общество слѣдило за постепеннымъ ихъ развитіемъ, естественно, съ большимъ интересомъ читаешь начало книги г. Семенова, привлекательной не только своимъ заглавіемъ, но также и подборомъ многихъ отзывовъ о великомъ значеніи просвѣщенія — и для семьи, и для общества, и для государства. Къ сожалѣнію, уже въ началѣ книжки, неожиданно для читателя, является какъ бы поворотъ автора отъ принятаго первоначально направленія въ сторону. Чуть коснувшись двухъ главныхъ системъ образованія — гуманистической и реальной, на которыхъ издавна, съ перемѣннымъ успѣхомъ, учреждаются и совершенствуются учебно-воспитательныя заведенія европейскихъ государствъ, авторъ пріостанавливается и говоритъ (стр. 12): „мы вовсе не имѣемъ цѣли заниматься здѣсь разсужденіями о преимуществахъ той или иной системы образованія. Классическая и реальная системы, съ точки зрѣнія этической, ведутъ къ одной и той же цѣли — къ облагороженію души, возвышенности мысли и воспитанію сердца“. И при этомъ приводится свидѣтельство Н. И. Пирогова: „въ рукахъ дѣльнаго педагога и древніе, и новые языки, и всѣ предметы общественнаго образованія не останутся безъ послѣдствій для развитія способностей. Посредствомъ ли изученія древнихъ языковъ и математики, или посредствомъ новыхъ и естествознанія совершится образованіе вашего сына, все равно, лишь бы оно сдѣлало его человѣкомъ“. И затѣмъ г. Семеновъ, какъ бы въ оправданіе того, почему онъ отклонилъ разсужденіе о преимуществахъ той или другой системы образованія, утверждаетъ (впрочемъ—бездоказательно), что „не система, господствующая въ нашей средней школѣ, въ настоящее время неблагопріятно вліяетъ на успѣшность учениковъ, но цѣлая масса *постороннихъ* причинъ, независимыхъ отъ системы; и если *онѣ* удержатся, то и преобразованная школа вскорѣ подвергнется тѣмъ же нареканіямъ, какъ и нынѣ существующая“.

И вотъ разсмотрѣнію и обсужденію этихъ-то, какъ говоритъ авторъ, *постороннихъ* причинъ посвящается вся книга. Нѣкоторымъ изъ этихъ постороннихъ причинъ авторъ придаетъ особенное значеніе, въ смыслѣ противодѣйствія ихъ успѣшности учениковъ гимназій, и здѣсь онъ разсматриваетъ въ послѣдовательномъ порядкѣ слѣдующія обстоятельства: 1) весьма плохую учебную и воспитательную подготовку большинства поступающихъ въ гимназіи дѣтей, и въ связи съ этимъ — ошибочное старинное, еще со временъ Фихте,

мнѣніе, будто бы „*всѣ* дѣти безъ исключенія пылаютъ страстной любовью къ наукамъ“; 2) недостаточное у насъ число начальныхъ училищъ, далеко не соотвѣтствующее количеству дѣтей школьнаго возраста; другими словами—недостаточность средствъ для того, чтобы дать дѣтямъ полную подготовку и тѣмъ избавить гимназіи отъ совершенно неудобнаго для нихъ учрежденія у себя приготовительныхъ классовъ; 3) переполненіе классовъ гимназій вслѣдствіе рѣзкаго несоотвѣтствія наличности другого типа общеобразовательныхъ заведеній сравнительно съ быстро прогрессирующимъ количествомъ дѣтей, желающихъ получить гимназическое образованіе; 4) весьма слабый домашній надзоръ не только въ смыслѣ правильнаго наблюденія за исполненіемъ дѣтьми уроковъ, но еще и въ смыслѣ крайне непедагогической обстановки дѣтской жизни, при чемъ почти повсемѣстно отсутствуетъ благотворное воспитательное вліяніе на развитіе характера подрастающаго поколѣнія; 5) матеріальная нужда и связанная съ нею непрерывная борьба за существованіе, при чемъ дѣтямъ неизбѣжно приходится изнемогать въ постороннихъ дѣлу ученія занятіяхъ; 6) преобладаніе въ нашихъ гимназіяхъ предметной системы преподаванія надъ классною системою, при чемъ и учителя, и ученики терпятъ неудобства отъ частой смѣны учителей и учениковъ; 7) непомѣрное развитіе репетиторства, какъ естественнаго слѣдствія слабой подготовки дѣтей къ гимназіи, легкости пріема въ нее, существующей въ гимназіи системы преподаванія по спеціальностямъ, частой смѣны преподавателей и значительнаго переполненія классовъ; 8) недостаточный и неумѣлый уходъ за физическимъ здоровьемъ дѣтей, при чемъ изобличается невѣжественность въ этомъ отношеніи и взрослыхъ людей къ самимъ себѣ, и обсуждается вредное вліяніе алкоголизма родителей на младшее поколѣніе, и устанавливаются факты болѣзней школьнаго возраста: нервозность, губительное вліяніе куренія табака, ослабленіе зрѣнія и слуха; наконецъ, 9) переутомленіе дѣтей какъ отъ ученія, такъ въ особенности отъ совокупности изложенныхъ причинъ, вліяющихъ на общее состояніе дѣтей школьнаго возраста. Тутъ же разсматривается и переутомленіе учителей, обусловленное какъ недостаточно правильнымъ распредѣленіемъ между ними преподавательскихъ и воспитательскихъ обязанностей, такъ въ особенности — недостаточностью матеріальнаго обезпеченія, вслѣдствіе чего учителя поставлены въ неблагопріятныя экономическія и гигіеническія условія частной жизни, отъ чего терпятъ они сами и терпитъ ихъ служебная дѣятельность.

Надо отдать справедливость автору за весьма добросовѣстный и умѣлый анализъ всѣхъ этихъ вышеприведенныхъ *постороннихъ* причинъ неуспѣшности учениковъ нашихъ гимназій. Кромѣ внимательнаго отношенія автора къ изобличаемымъ имъ условіямъ нашей частной и общественной жизни, онъ приводитъ убѣдительныя указанія въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ факты, выхваченные изъ нашей жизни, подкрѣплены статистическими данными и сдѣланы особенно наглядными, благодаря приводимымъ имъ параллельно подоб-

нымъ же фактамъ, взятымъ изъ обстановки учебно-воспитательныхъ заведеній другихъ государствъ: Германіи, Англіи, Франціи. Но все же подъ конецъ всего изложенія, самъ собою, въ мысли читателя снова подымается тотъ вопросъ, который авторъ произвольно, безъ объясненія причинъ, въ началѣ своего сочиненія отклонилъ и оставилъ безъ отвѣта, именно: вопросъ объ устройствѣ учебно-воспитательной части въ нашихъ гимназіяхъ; вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ это устройство, по существу, со всею своею основною и детальною организаціей, благотворно или вредоносно отражается на всемъ ходѣ многолѣтнихъ учебныхъ занятій и даже какъ на послѣдующемъ періодѣ ученія въ высшей школѣ, такъ и на дальнѣйшей дѣятельности молодого гражданина, обязаннаго, въ свою очередь, честно, мужественно и плодотворно отслужить обществу. Правда, въ концѣ книги авторъ говоритъ: „Итакъ, повторяемъ, что никакія измѣненія въ устройствѣ нашей средней школы не могутъ дать благопріятныхъ результатовъ, пока не измѣнятся къ лучшему условія частной жизни учащихся, и учащихъ и пока общество не оставитъ свои узко - практическія воззрѣнія на цѣль образованія вообще и не придетъ къ убѣжденію, что задача гимназій состоитъ въ широкомъ развитіи духовныхъ способностей учениковъ, предоставляя въ будущемъ на волю каждаго примѣнять ихъ по своему усмотрѣнію“. Но это заключеніе автора вполнѣ произвольно и бездоказательно, какъ вообще бездоказательны попадающіеся въ разныхъ мѣстахъ его книги намеки на то, что причины неуспѣшности учениковъ гимназій заключаются не въ системѣ, не въ древнихъ языкахъ, не въ сбивчивости и неполнотѣ общеобразовательнаго курса, а въ чемъ-то другомъ, въ *постороннихъ* обстоятельствахъ. Такимъ образомъ, читатель, привлеченный заглавіемъ книги, довѣрившійся аргументаціи автора, теперь сознаетъ, что онъ не получилъ законнаго удовлетворенія своей любознательности. Какъ при этомъ не вспомнить начало вышеупомянутаго циркуляра министра народнаго просвѣщенія Н. П. Боголѣпова, гдѣ, обращаясь къ содѣйствію попечителей всѣхъ учебныхъ округовъ, министръ отчетливо ставитъ основной тезисъ для обсужденія: какъ подготовить мѣры къ наилучшему исполненію задуманнаго министерствомъ преобразованія, чтобы средняя школа, признанная несостоятельною и въ смыслѣ классицизма, и въ смыслѣ общеобразовательности, могла бы возродиться къ новой жизни, могла бы сдѣлаться дѣйствительно и сполна общеобразовательною, національно-русскою и вмѣсто псевдо-классической—истинно классическою. А вѣдь работы окружныхъ коммиссій давно закончены; въ министерствѣ имъ сдѣланъ сводъ и дана оцѣнка *).

*) Покойный министръ Н. П. Боголѣповъ, въ первой половинѣ мая 1900 года—въ сопровожденіи члена совѣта А. Г. Баранова и чиновника особыхъ порученій П. И. Прозорова, а также попечителя Кіевскаго учебнаго округа, его помощника, директора народныхъ училищъ Черниговской губ., директора Нѣжинскаго Филологическаго Института и инспекторовъ народныхъ училищъ 2-го и 3-го районовъ той же губерніи—цѣлую недѣлю по-

Автору разбираемой книги это, конечно, извѣстно. Совсѣмъ непонятно, почему онъ вовсе отклонилъ обсужденіе системы, которая, будучи положена въ семидесятыхъ годахъ въ основу нашей средней школы, по прошествіи тридцати лѣтъ заслужила себѣ названіе несостоятельной.

П. В. Евстафіевъ.

Н. В. Тулуповъ и П. М. Шестаковъ.—Для народнаго учителя. Выпускъ I. 53 стр. Цѣна 7 коп. Выпускъ II. 36 стр. Цѣна 5 коп. Москва 1904 г. Изданіе неофиціальное Сытина.

Предпринятое гг. Тулуповымъ и Шестаковымъ дешевое справочное изданіе для народныхъ учителей можно только привѣтствовать. До сихъ поръ такихъ справочныхъ книжекъ, доступныхъ по цѣнѣ каждому учителю народной школы, у насъ въ печати не было. Справочныя книги по народному образованію, составленныя Чарнолусскимъ и Фальборкомъ, Пругавинымъ, хотя и цѣнныя изданія, не всякій учитель можетъ купить.

Въ первомъ выпускѣ собраны всѣ законы, правительственныя распоряженія и другія свѣдѣнія, относящіяся къ быту народныхъ учителей, за 1903 годъ: пенсіонныя кассы народныхъ учителей; Высочайшія отмѣтки, касающіяся контингента учащихъ въ народныхъ школахъ; уѣздныя отдѣленія обществъ взаимнаго вспомоществованія учащимъ и учившимъ; правила кассы взаимопомощи дѣйствительныхъ членовъ общества взаимнаго вспомоществованія учителей и учительницъ Нижегородской губерніи; педагогическіе курсы и совѣщанія; служебныя права учащихъ въ начальныхъ училищахъ; прочія свѣдѣнія, касающіяся начальныхъ учителей.

Второй выпускъ посвященъ просвѣтительнымъ учрежденіямъ при народныхъ училищахъ. Въ немъ напечатаны новыя правила о книжныхъ складахъ, народныхъ библіотекахъ и народныхъ чтеніяхъ при начальныхъ народныхъ училищахъ и другія справочныя свѣдѣнія, относящіяся къ устройству и веденію названныхъ учрежденій. Въ этомъ выпускѣ приводятся свѣдѣнія, очень полезныя въ практическомъ отношеніи: о земскихъ книжныхъ складахъ и фирмахъ, издающихъ дешевыя книги. Составителями не указаны такія фирмы, какъ: В. И. Раппъ и В. И. Потаповъ (въ Харьковѣ), Д. Г. Алексѣевъ (С.-Петербургъ), „Книжное Дѣло“ (Москва), Петербургское благотворительное общество, издающее книги на малороссійскомъ языкѣ, „Современная библіотека“ (изданіе „Общественной Пользы“ въ Петербургѣ). Кромѣ того, указаны во второмъ выпускѣ: изданія и систематическіе каталоги, необходимые

святилъ осмотру учебныхъ заведеній Глуховскаго и Нѣжинскаго уѣздовъ, въ томъ числѣ и народныхъ училищъ, министерскихъ и земскихъ. Въ одной изъ вечернихъ конференцій министръ съ особеннымъ уваженіемъ отозвался о доставленныхъ въ министерство работахъ окружныхъ коммиссій по вопросу о предстоящемъ преобразованіи школы.

для народныхъ библіотекъ, народныхъ чтеній, форма вѣдомости для записи подписчиковъ библіотеки, свѣдѣнія о Московской коммиссіи по составленію коллекцій тѣневыхъ картинъ при Московскомъ Политехническомъ музеѣ, литература о книжныхъ складахъ (составители не сдѣлали указанія на статью В. Я. Муринова „Земскіе книжные склады“, помѣщенную въ сборникѣ „Всеобщее образованіе въ Россіи“), списокъ произведеній, разрѣшенныхъ къ произнесенію въ 1888—9 учеб. году на общедоступныхъ литературныхъ вечерахъ, устраиваемыхъ Одесскимъ славянскимъ благотворительнымъ Обществомъ въ г. Одессѣ.

Нельзя не пожелать, чтобы слѣдующіе выпуски предпринятаго изданія поскорѣе появились въ свѣтъ.

А. Локтинъ.

В. Зелинскій. Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію. М. 1904 г.

Цѣну этой рублевой книги большого формата въ 200 слишкомъ страницъ, очевидно, предназначенной для преподавателей низшихъ школъ и классовъ, нельзя никакъ назвать дешевою. Вдобавокъ, и самъ издатель нимало не поощрительно для покупателя и читателя заявляетъ въ предисловіи: „Отдѣлъ подъ рубрикой: „Общія положенія и указанія относительно веденія объяснительнаго чтенія“—отдѣлъ, по существу своему наиболѣе важный, состоитъ только изъ трехъ статей... да и эти статьи помѣщены тутъ главнымъ образомъ за ихъ сравнительную краткость“. И тѣмъ не менѣе книжка выходитъ 4 изданіемъ. Несомнѣнно, иныхъ соблазняютъ и подзаголовокъ: „Сводъ методическихъ разъясненій и примѣрныхъ уроковъ, разработанныхъ извѣстными педагогами“, и титулъ составителя: „бывшій преподаватель методики русскаго языка“. Видимо, у насъ еще много такихъ педагоговъ, которые ищутъ для себя сторонняго руководительства и по частностямъ своей техники. Оно, какъ будто, и хорошо: непроизводительно „доходить до всего своимъ умомъ“. Но... толкуемые въ книгѣ г. Зелинскаго образцы по преимуществу сплошь и рядомъ встрѣчаются въ начальныхъ хрестоматіяхъ. И выносится впечатлѣніе, словно наши обучающіе тяготѣютъ къ своего рода „подстрочникамъ“ обучающихся. Мы видѣли, что г. Зелинскій отсылаетъ къ другимъ руководствамъ „желающихъ поглубже ознакомиться съ предметомъ“. Составитель, кажется, озабоченъ количествомъ собственно теоретическаго матеріала; но насъ не слишкомъ удовлетворяетъ и его качество въ названномъ изданіи. А практическая его часть вызываетъ такія, напр., возраженія. Изумительная подчасъ элементарная катехизація, надъ которой нерѣдко прямо смѣются люди, не стоящіе у дѣла, къ сожалѣнію, находитъ свое оправданіе въ горькой „существенности“. Но не всѣ же мелочи надо включать въ „методическую хрестоматію“. Предлагаемъ выдержки изъ книги г. Зелинскаго: „Учен. (читаетъ). Вода. Учит. *Гдѣ бываетъ вода?*“ Или: „Учит. Можно ли научиться

читать безъ книги? Можно-ли научиться писать безъ карандаша, бумаги, пера, чернилъ и грифельной доски?". „Не городъ ли Волга? Не домашнія-ли животныя лошадь и волкъ"?

„Разработкою", какъ извѣстно, небольшой пьески Туманскаго „Вчера я растворилъ темницу"... заняты въ книгѣ г. Зелинскаго три педагога и, въ общемъ, стихотворенію посвящены цѣлыхъ четыре страницы. Къ слову. Среди, часто очень пространныхъ, „изученій", подобранныхъ въ „методической хрестоматіи", кратчайшія и, смѣемъ думать, не худшія принадлежатъ В. Стоюнину и Поливанову. Маленькая басня „Ворона и кувшинъ" на 4 почти страницахъ выдержана подъ дождемъ вопросовъ въ такомъ родѣ. „Что значить слово *догадка?* Назовите такое дѣло, въ которомъ не требуется *много* догадки? Въ какомъ-же, напримѣръ, дѣлѣ *нужна* догадка? Кому-же нужна догадка? Здѣсь сказано *намъ?* Догадка нужна намъ, т. е. всякому человѣку. Почему здѣсь сказано „умирала", а не просто: хотѣла пить? Потому что у вороны было очень сильное желаніе пить, а если долго не пить, то можно умереть". И черезъ страницу опять: „А надобно воды достать". Почему? Потому что иначе умретъ"... и пр. и пр. Мы отлично знаемъ, что на урокахъ объяснительнаго чтенія обучаютъ школьниковъ и самому нехитрому складыванію устной и письменной, совмѣстно, рѣчи, мало-мальски связному пересказу, возможной логикѣ словъ и фразъ. И, конечно, протоколируя и фотографируя въ подробностяхъ классную черную работу—легко выловить и совсѣмъ скучное и крайне комичное, если хотите. Но мы совершенно серьезно протестуемъ противъ опубликованія въ „методической хрестоматіи"—разныхъ деталей, истинный характеръ которыхъ иногда и узнается только въ живой дѣйствительности. Можно записать принципы, цѣли, пріемы урока. Но скопировать его даже и некому: педагогъ не можетъ взглянуть со стороны—на собственное участіе въ общей работѣ класса цѣликомъ. Точности записи, мыслимой у натуралиста или вообще чистаго экспериментатора, тутъ все равно не достигнешь. Да и вообще всякая болѣе или менѣе чистая техника объяснительнаго чтенія интересна и назидательна у педагоговъ, очень замѣтныхъ своими познаніями, умомъ, талантами и вдохновенностью работы. Въ „методической же хрестоматіи" г. Зелинскаго много такого, что на практикѣ, можетъ быть, и оказывается трудомъ со своими плодами—въ „литературѣ" же выглядитъ надоѣдающимъ педантизмомъ.

А. П. Налимовъ.

В. Кеннингемъ. Западная цивилизація съ экономической точки зрѣнія. Древній міръ, т. I, пер. съ англійскаго П. Когана. Москва 1902.

Довольно интересную попытку обзора экономическихъ отношеній древняго міра представляетъ переводъ работы англійскаго ученаго Кеннингема. Написанные имъ просто и безъ претензій, популярно и живо, очерки могутъ представить интересъ не только для самообразованія и не только для лицъ

учащихъ, но и для хорошихъ и увлекающихся исторіей учениковъ старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній, когда они освоятся съ фактами изъ исторіи данныхъ странъ. Особенно пригодится книга В. Кеннингема нынѣ, когда въ преподаваніи исторіи все больше и больше отходитъ въ сторону исключительное знакомство съ политической внѣшней исторіей государствъ и народовъ, и начинаетъ брать верхъ стремленіе знакомить учениковъ съ культурной исторіей человѣчества. Поэтому мы считаемъ необходимымъ указать на то, что найдутъ читатели въ новомъ пособіи по всеобщей исторіи.

Авторъ поставилъ задачей указать главныя экономическія черты при зарожденіи и распространеніи цивилизованной жизни въ западной Европѣ, въ которой принимали участіе столько народовъ и странъ. Его цѣлью было разсмотрѣть, какъ каждый изъ великихъ народовъ прошлаго вносилъ свою долю въ ту западную цивилизацію, которая въ настоящее время съ такой быстротой распространилась по всему земному шару. Планъ его труда таковъ: прежде всего онъ ищетъ источники западной цивилизаціи въ Египтѣ, Іудеѣ и Финикіи; затѣмъ авторъ переходитъ къ грекамъ и греческимъ колоніямъ и обозначаетъ распространеніе греческой цивилизаціи послѣ завоеваній Александра В. и въ эпоху владычества римлянъ, особенно послѣ разрушенія Карѳагена; вторженія варварскихъ племенъ охватывали постепенно кольцомъ арену цивилизованной жизни Запада и принуждали ее все болѣе и болѣе концентрироваться подъ верховенствомъ новаго міра Рима, основаннаго Константиномъ; но элементы старой цивилизаціи мѣстами все-таки сохранились и постепенно снова окрѣпли, когда изъ развалинъ возникъ христіанскій Римъ, предназначенный управлять судьбами Запада. Послѣдними главами первой части труда В. Кеннингема являются слѣдующіе очерки: борьба изъ за верховенство на Западѣ, римская республика, римская имперія и Константинополь. Авторъ безусловный послѣдователь строго эволюціонной теоріи. По его мнѣнію, въ странахъ, окружающихъ Средиземное море, за одной великой цивилизаціей возникала другая, которая въ свою очередь умирала; но каждая тѣснѣйшимъ образомъ примыкала къ предшествующей и въ свою очередь оказывала разностороннее вліяніе на послѣдующую. Здѣсь нѣтъ внѣшней изолированности; здѣсь передъ нами непрерывная внутренняя связь и безпрерывность взаимнаго обмѣна; существовавшая непрерывная традиція цивилизованной жизни переносилась только изъ одного мѣста въ другое—изъ Египта въ Финикію, изъ Финикіи и Карѳагена въ Грецію и Римъ, изъ Константинополя—въ Италію и Францію. Временами жизнь била съ большей силой, порой она суживалась, затѣмъ снова разливалась широкой волной, вліяя на судьбу отдаленныхъ народовъ; но она никогда не замирала и не прекращалась совершенно.

Начинать приходится съ Египта, такъ какъ корень его цивилизаціи таится въ работѣ одного народа, развивавшаго и вырабатывавшаго свое собственное блестящее существованіе безъ особенно значительныхъ сношеній со своими сосѣдями. Нельзя утверждать, конечно, чтобы разнообразные успѣхи въ раз-

личныхъ искусствахъ были достигнуты въ самой странѣ; но мы, по крайней мѣрѣ, не имѣемъ средствъ прослѣдить болѣе древній центръ цивилизованной жизни. Страна продовольствовала сама себя (хлѣбъ, ленъ, хлопокъ, матеріалы для построекъ и т. д.), защищена была отъ сосѣдей горами и пустынями и поэтому долго не имѣла надобности вступать въ торговыя сношенія съ другими странами; повидимому, въ продолженіе большей части періода древняго царства египтяне вовсе не вели внѣшней торговли, и даже въ позднѣйшія времена они не прилагали особыхъ стараній къ ней (стр. 17). Противоположно тому развивалась цивилизація въ Іудеѣ. „Насколько намъ извѣстно, ни одного успѣха въ промышленномъ или торговомъ предпріятіяхъ нельзя приписать древнимъ израильтянамъ. Ихъ цивилизація стала развиваться тогда, когда къ нимъ были пересажены способы организаціи труда, выработанные въ Египтѣ. Сильное вліяніе оказало на нихъ также соприкосновеніе съ финикіанами, у которыхъ они учились промышленному искусству“. Послѣднія являются пиратами-торговцами, выжимавшими всѣ соки изъ сосѣднихъ и отдаленныхъ странъ; но богатства свои накопляли они ради самыхъ богатствъ и, накопляя ихъ, „не имѣли никакого возвышеннаго представленія о томъ, какъ пользоваться ими. Повидимому, имъ чуждо было политическое честолюбіе, которымъ обладали великіе монархи востока; они стремились къ низменнымъ личнымъ цѣлямъ, не искали простора для развитія человѣческой жизни“. Главная заслуга ихъ передъ человѣчествомъ заключается въ томъ, что они явились піонерами въ морскихъ предпріятіяхъ и колонизаціи на Средиземномъ морѣ. Греки сознательно восприняли отъ финикіянъ элементы всѣхъ видовъ знанія—земледѣлія, прядильнаго искусства, металлургіи и кораблестроенія; но они создали новый идеалъ жизни и занимались торговлей и для болѣе высокихъ цѣлей, чѣмъ ихъ учителя. Уже самыя греческія колоніи не были просто торговыми станціями финикіянъ, которыя служили для эксплоатаціи и хищническаго выбиранія продуктовъ, а были новыми центрами цивилизующаго вліянія и съ самаго начала были предназначены служить мѣстопребываніемъ свободныхъ людей. Греки же первые освоились съ правильнымъ употребленіемъ денегъ. А введеніе во всеобщее употребленіе денегъ (вмѣсто обмѣна предметовъ), слѣдовательно, введеніе условій, благопріятствующихъ экономической свободѣ, содѣйствовало развитію политической мысли и свободы (стр. 70—71). Огромныя средства свои греки, преимущественно аѳиняне, тратили на грандіозныя публичныя сооруженія; особенно щедръ былъ на нихъ Периклъ; но и вообще во многихъ, какъ и въ этомъ отношеніи, аѳинская финансовая система характеризуется безумной расточительностью. В. Кеннингемъ строго осуждаетъ за это аѳинянъ и видитъ въ подобной системѣ одну изъ важныхъ причинъ паденія аѳинскаго государства. Эта причина паденія, по его мнѣнію, лежитъ въ экономическомъ злоупотребленіи капиталомъ, который былъ затраченъ на сооруженіе непродуктивныхъ и недоходныхъ общественныхъ зданій. Его можно было употребить на улучшеніе земледѣлія, на поощреніе мануфактурной про-

мышленности, на развитіе торговли. Въ этихъ дѣлахъ много помогла бы организація разумнаго управленія экономической жизнью, и производство богатства стало бы прочнымъ и непрерывнымъ. Но промышленность не направляли по этимъ путямъ; вмѣсто того она направилась къ созданіямъ роскоши и показного блеска, которыя свидѣтельствовали о великихъ пріобрѣтеніяхъ, но не могли содѣйствовать дальнѣйшему прогрессу. Республиканскій Римъ долженъ былъ вступить въ борьбу съ финикійскимъ Карѳагеномъ, и съ этого времени начинается его великое значеніе для міровой цивилизаціи. „Побѣда Рима надъ Карѳагеномъ уничтожила оплотъ агрессивнаго варварства и косвенно открыла возможность болѣе свободному распространенію греческаго вліянія по всему міру“. Каждое послѣдующее римское завоеваніе несло съ собой дальнѣйшее распространеніе эллинизма: у грековъ заимствовали римляне въ значительной степени свою любовь къ литературѣ и искусству; грекамъ въ немалой степени обязаны они своимъ умѣньемъ въ дѣлахъ администраціи и финансоваго управленія. Но цивилизація, которая распространялась подъ римскимъ владычествомъ, не была чисто греческой. Народъ, унаслѣдовавшій владычество надъ міромъ, былъ должникомъ не только грековъ, но и финикіянъ, — культура которыхъ воспринималась и изъ вторыхъ рукъ, и непосредственно. Кромѣ ручныхъ ремеселъ, такъ было, напримѣръ, съ искусствомъ вести сельское хозяйство, кораблестроеніемъ и морской военной службой и др. (стр. 143). Даже въ нѣкоторыхъ вопросахъ государственнаго устройства Римъ приблизился къ карѳагенскому типу (стр. 150).

Прослѣдивъ исторію римской имперіи, какъ и причины паденія ея, съ экономической точки зрѣнія, авторъ въ заключительной главѣ указываетъ на контрастъ между древнимъ и новымъ Римомъ и объясняетъ роль Константинополя въ дальнѣйшемъ развитіи западно-европейской цивилизаціи. Старый Римъ, говоритъ онъ, распространилъ по всему безпредѣльному пространству имперіи искусство гражданскаго порядка и управленія. Новый Римъ сохранилъ его въ неприкосновенномъ видѣ; и когда порядокъ былъ постепенно возстановленъ въ Италіи, Франціи и Англіи, новые народы могли возобновить то, что разрушилы ихъ предки, опустошавшіе римскія провинціи. Новый Римъ удержалъ въ опредѣленномъ районѣ все лучшее изъ той цивилизаціи, которую Старый Римъ распространилъ по всѣмъ завоеваннымъ землямъ; цивилизацію его можно назвать складомъ, въ которомъ сохранились всѣ лучшія завоеванія прошлаго, пока времена не измѣнились; и новые народы охотно брали сокровища, которыя сохранились въ этомъ складѣ. Правда, возрожденіе цивилизованной жизни во многихъ отношеніяхъ имѣло новый своеобразный характеръ; оно вобрало въ себя нѣкоторые уцѣлѣвшіе обломки и мѣстные остатки имперской цивилизаціи; но все же новая западная цивилизація была въ сильной степени затронута косвеннымъ вліяніемъ, которое различными путями проводила имперія въ томъ видѣ, какъ она удержалась въ Константинополѣ.

И. Ж.

———

Проф. И. А. Шляпкинъ. Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина. Спб. 1903 г. XV+367 стр. Цѣна 3 рубля.

Пушкинская литература у насъ такъ богата, что всякія книги съ многообѣщающимъ заглавіемъ, вродѣ „Новое о Пушкинѣ“, могутъ возбудить въ читателѣ лишь недовѣріе и вполнѣ основательное сомнѣніе. Но стоитъ хотя бы бѣгло просмотрѣть объемистый томъ, недавно изданный профессоромъ Шляпкинымъ, и мы убѣдимся, что новая книга даетъ очень цѣнный и разнообразный матеріалъ. Во-первыхъ, мы имѣемъ здѣсь нѣсколько неизвѣстныхъ до сихъ поръ стихотвореній Пушкина, сохранившихся или въ автографахъ самого поэта или въ копіяхъ П. В. Анненкова, редактора перваго полнаго и научнаго собранія сочиненій Пушкина. Отъ родственниковъ Анненкова бумаги эти перешли къ И. А. Шляпкину. Во-вторыхъ, цѣлый отдѣлъ занимаютъ прозаическія статьи, наброски и замѣтки, драматическая сцена, напоминающая начало повѣсти „Арапъ Петра Великаго“, и другіе отрывки, не вошедшіе въ послѣднее изданіе Литературнаго Фонда. Самый обширный отдѣлъ — это письма Пушкина, главнымъ образомъ черновыя, и письма разныхъ лицъ къ самому Пушкину или къ же его близкимъ. Всѣхъ писемъ собрано болѣе 120; они рисуютъ интересныя черты характера поэта, дополняютъ пробѣлы, затруднявшіе его прежнихъ біографовъ, и даютъ намъ представленіе о Пушкинѣ, какъ о необыкновенно-сложной и оригинальной натурѣ.

Жизненныя обстоятельства заставляли Пушкина постоянно лавировать между требованіями слишкомъ суровой цензуры и его личными убѣжденіями, невольно прорывавшимися въ каждомъ новомъ произведеніи, между настойчивыми требованіями денегъ со стороны семьи и сознаніемъ, что онъ и безъ того много получаетъ. Все это прекрасно рисуется вь отдѣльныхъ выраженіяхъ и намекахъ писемъ. Въ іюнѣ 1835 года онъ жалуется гр. Бенкендорфу на то, что во время отъѣзда графа онъ обратился въ цензурный комитетъ съ однимъ стихотвореніемъ и до сихъ поръ не получилъ отвѣта. „Не знаю, чѣмъ могъ я заслужить таковое небреженіе, но ни одинъ изъ русскихъ писателей не притѣсненъ болѣе моего,— пишетъ онъ.— Сочиненія мои, одобренныя Государемъ, остановлены при ихъ объявленіи, печатаются съ своевольными поправками цензора. Жалобы мои оставлены безъ вниманія“. На неудобство такой „двойной“ цензуры онъ жаловался сіятельному цензору князю М. А. Дондукову-Корсакову: благодаря этому, книжки „Современника“ постоянно запаздываютъ. Только немногіе цензоры понимали тяжелое положеніе Пушкина, и въ апрѣлѣ 1834 года извѣстный профессоръ А. В. Никитенко увѣрялъ поэта, что онъ не будетъ „обрѣзывать ему крылья“, что его рука не поднимется на это. А. Л. Крыловъ не пропускалъ „Челобитной“ Д. В. Давыдова изъ за слова „вельможа“, „дабы отклонить возможность примѣненія и намековъ, которыхъ читателю искать весьма натурально“; тотъ же цензоръ нашелъ неумѣстнымъ намеки о „сахарѣ и ассигнаціяхъ“ въ „Носѣ“ Гоголя; П. А. Корсаковъ наводилъ справки, „существовала-ли дѣвица Миронова и дѣйстви-

тельно-ли была у покойной Императрицы". Однимъ словомъ, препятствія находились на каждомъ шагу, и это издергивало измученную душу поэта.

Пушкинъ умѣлъ какъ-то удачно соединять въ себѣ необыкновенно игривое настроеніе съ самыми серьезными занятіями и планами. Кругъ его интересовъ былъ великъ. Его всегда занимали историческія работы. Въ 1833 году онъ писалъ извѣстному кавказкому герою А. П. Ермолову, что долго и напрасно ожидалъ выхода въ свѣтъ описанія его кавказкихъ подвиговъ. „Прошу васъ дозволить мнѣ быть вашимъ историкомъ,—пишетъ Пушкинъ.—Если въ праздные часы занялись бы вы былыми воспоминаніями и составили записки о своихъ войнахъ, то прошу васъ удостоить меня чести быть вашимъ издателемъ". Очень жаль, что мы не знаемъ, какое впечатлѣніе произвело на Ермолова это предложеніе популярнѣйшаго въ то время поэта: но только „Записки" его появились уже послѣ смерти Пушкина, въ началѣ 60-хъ годовъ.

Насколько серьезно смотрѣлъ Пушкинъ на задачи всякаго историческаго изслѣдованія, показываетъ, между прочимъ, его письмо къ Бенкендорфу въ декабрѣ 1833 года. Какъ извѣстно, еще въ 1827 году Государь сказалъ нашему поэту, что будетъ единственнымъ цензоромъ его новыхъ сочиненій. Но Пушкинъ не хотѣлъ постоянно затруднять вниманіе Государя, и поэтому гораздо чаще обращался къ Бенкендорфу. „Намѣреніе мое было написать историческій романъ, относящійся къ временамъ Пугачева, — говоритъ въ упомянутомъ письмѣ Пушкинъ. — Но нашедъ множество драгоцѣнныхъ матерьяловъ, я оставилъ вымыселъ и написалъ Исторію Пугачевщины... Не знаю, можно ли мнѣ будетъ ее напечатать. По крайней мѣрѣ я по совѣсти исполнилъ долгъ историка: изыскивалъ истину съ усердіемъ и излагалъ ее безъ криводушія, стараясь льстить ни силѣ, ни господствующему образу мыслей, и смѣю надѣяться, что сей историческій очеркъ можетъ показать любви Его Величества особые пути". Результатъ этого письма извѣстенъ. Въ мартѣ 1834 года Пушкинъ получилъ изъ государственнаго казначейства 20 тысячъ, а въ ноябрѣ книга уже появилась въ печати.

Конечно, правильной работѣ надъ историческими изысканіями мѣшали Пушкину многія обстоятельства, о которыхъ онъ не разъ писалъ тому же Бенкендорфу. Напримѣръ, передъ женитьбой, въ апрѣлѣ 1830 года, онъ писалъ графу, что родители невѣсты выразили свое согласіе на его бракъ, сдѣлавъ лишь два возраженія: „мое состояніе и мое положеніе по отношенію къ правительству. — Относительно перваго я могъ отвѣтить, что оно достаточно, благодаря Его Величеству, который далъ мнѣ средства жить прилично моимъ трудамъ. Что до моего положенія въ свѣтѣ, то я не скрылъ, что оно ложно и сомнительно". Пушкина угнетало то, что онъ исключенъ изъ службы, имѣетъ очень небольшой чинъ, а въ глазахъ свѣта это было, конечно, пятномъ. „Мелкое мѣсто, — продолжаетъ онъ, — которое соотвѣтствуетъ моему маленькому чину, не соотвѣтствуетъ моему возрасту и въ литературныхъ за-

нятіяхъ послужитъ только предметомъ безцѣльныхъ и безполезныхъ сплетенъ". Другое черновое письмо къ Бенкендорфу начинается такими же приблизительно фразами: „Мнѣ очень стыдно надоѣдать вамъ своими письмами, но мое счастіе зависитъ нѣкоторымъ образомъ отъ одного милостиваго слова. Мадамъ Гончарова ужасается отдать свою дочь человѣку, къ несчастію, непріятному для Государя, а между тѣмъ, моя привязанность къ его особѣ болѣе дѣйствительна и болѣе горяча, чѣмъ можно выразить". Это письмо очень драгоцѣнно, и мы должны будемъ согласиться съ редакторомъ, что „только тяжелое матеріальное положеніе, цензурныя препятствія и другія условія вынуждали поэта обращаться къ могущественному шефу жандармовъ, столь ему несимпатичному. Въ зачеркнутыхъ строчкахъ ясно выступаетъ весь процессъ переживавшихся поэтомъ во время писанія ощущеній: видно, какъ онъ остерегается невольно впасть въ искренность тамъ, гдѣ требовалось только офиціальное отношеніе къ дѣлу".

Перечитывая эти письма, можно удивляться, сколько такта и выдержки было въ этой геніальной натурѣ. Холодный и учтивый съ Бенкендорфомъ, привѣтливый и дружелюбный съ товарищами по перу и живни, Пушкинъ является остроумнымъ и необыкновенно милымъ въ своихъ письмахъ къ Осиповой, Смирновой. Между прочимъ, въ нѣкоторыхъ письмахъ къ Пушкину, знакомыя поэту дамы предупреждаютъ, что на предстоящемъ вечерѣ въ Аничковомъ дворцѣ всѣ кавалеры будутъ во фракахъ. Это предупрежденіе являлось далеко не лишнимъ, потому что у Пушкина было не мало непріятностей изъ-за несоблюденія этикета. Иногда онъ пріѣзжалъ на придворный балъ въ треуголкѣ, и кто-нибудь изъ гостей долженъ былъ уступать ему круглую шляпу. Впослѣдствіи Пушкинъ купилъ „подержанный" камеръ-юнкерскій мундиръ, чтобъ являться во дворецъ въ надлежащемъ костюмѣ.

Многія письма рисуютъ прекрасныя отношенія къ Пушкину его друзей Они принимаютъ близко къ сердцу всѣ радости и горести поэта, поздравляютъ его съ литературными и жизненными успѣхами, утѣшаютъ, бодрятъ. Когда Н. И. Гнѣдичъ прочиталъ „Сказку о Царѣ Салтанѣ", то написалъ Пушкину слѣдующее письмо въ стихахъ слѣдующаго античнаго размѣра:

Пушкинъ—Протей
Гибкимъ твоимъ языкомъ и волшебствомъ твоихъ пѣснопѣній,
Уши закрой отъ похвалъ и сравненій
Добрыхъ друзей.
Пой, какъ поешь ты, родной соловей,
Байрона геній, иль Гете, Шекспира —
Геній ихъ неба, ихъ нравовъ, ихъ странъ.
Ты же, постигнувшій таинства русскаго духа и міра,
Ты—нашъ Баянъ.
Небомъ роднымъ вдохновенный,
Ты на Руси нашъ пѣвецъ несравненный".

Однажды къ Пушкину зашелъ князь В. С. Голицынъ, человѣкъ очень остроумный и не чуждый поэзіи. Онъ не засталъ поэта дома и свою бесѣду съ камердинеромъ изложилъ въ стихотворномъ діалогѣ, который и переслалъ Пушкину въ видѣ письма. Начинается оно такъ:

Никитушка, скажи, гдѣ Пушкинъ, царь-поэтъ.
Никита.
Давнымъ, давно, сударь, его ужъ дома нѣтъ.
Не усидитъ никакъ пріятель вашъ на мѣстѣ:
То къ дядькѣ на поклонъ, то полетитъ къ невѣстѣ.
Голицынъ.
А скоро ль женится твой мудрый господинъ?
Никита.
Осталось мѣсяцъ, можетъ, лишь гулять ему одинъ.

Письмо заканчивалось французской припиской: „я бы продолжалъ излагать его въ стихахъ, если бъ не хотѣлъ выразить прозой ужасную свою досаду, что не засталъ васъ дома“. Шутливыя посланія въ стихахъ были тогда въ большомъ ходу.

Очень интересны всѣ письма Пушкина къ всесильному тогда графу Бенкендорфу. Они были извѣстны до сихъ поръ только въ бѣловыхъ копіяхъ. Изданные профессоромъ И. А. Шляпкинымъ черновые наброски вводятъ насъ въ тайники внутренней работы поэта надъ самимъ собою, даютъ понятіе о той борьбѣ двухъ противоположныхъ чувствъ, которая заставляла смягчать нѣкоторыя выраженія въ письмахъ и иногда сглаживать индивидуальныя черты. Еще одна новая оригинальная подробность въ характерѣ Пушкина. Онъ относился по-товарищески къ бѣднымъ труженикамъ пера и помогалъ тѣмъ злосчастнымъ писателямъ, которые обращались къ нему за поддержкой.

Предъ нами проходитъ цѣлая галлерея друзей Пушкина. Въ каждомъ письмѣ мы находимъ что-нибудь новое, и каждая строка говоритъ о томъ, что кругъ интересовъ нашего геніальнаго поэта былъ необкновенно широкій. Все интересовало его, все занимало, на все онъ хотѣлъ найти отвѣтъ. Въ январѣ 1830 года М. Н. Загоскинъ передаетъ то впечатлѣніе, которое произвели на него похвалы Пушкина по адресу „Юрія Милославскаго“: „Вамъ смѣшно и даже грѣшно бы было принять за комплиментъ, если я вамъ скажу, что, читая ваши похвалы моему роману, я нѣсколько минутъ былъ причастенъ тяжкому грѣху—гордости“. Характерно также письмо А. О. Вольтмана, который находился, видимо, подъ сильнымъ впечатлѣніемъ недавно переведеннаго имъ же „Слова о Полку Игоревѣ“. Въ началѣ февраля 1833 года онъ пишетъ Пушкину: „Александръ Сергѣевичъ, пѣти было тебѣ Велесову внуку, соловію сего времени, пѣснь Игореви, того Ольга внуку, а не мнѣ... Я выкинулъ въ свѣтъ также, быть можетъ, недоношенное дитя. Посылаю на судъ и осужденіе“.

Вообще, изданныя профессоромъ И. А. Шляпкинымъ письма представляютъ

выдающійся интересъ. Письма самого Пушкина относятся къ періоду 1830 — 36 гг., менѣе извѣстному, чѣмъ остальные. Письма его знакомыхъ падаютъ на болѣе широкій промежутокъ времени: отъ 1820 по 1836 годъ. Самъ поэтъ, видно, очень дорожилъ всѣми этими письмами, не разъ приводилъ ихъ въ порядокъ и хранилъ ихъ. Изъ знакомства съ ними мы убѣдимся, что многія, на первый взглядъ, отрицательныя стороны его характера находятъ себѣ объясненіе, оправданіе, и мы должны будемъ согласиться съ профессоромъ И. А. Шляпкинымъ, что Пушкинъ былъ не только великій поэтъ: „это былъ и великій умъ и не менѣе великое сердце: созерцая дивный образъ поэта-человѣка, живущаго въ понятныхъ и близкихъ намъ условіяхъ, можно только радоваться, что Пушкинъ жилъ не въ такую отдаленную отъ насъ эпоху, чтобы мы не могли возстановить образъ его ясно, до мельчайшихъ деталей“.

Издана книга изящно. Къ ней приложенъ снимокъ съ неизвѣстнаго до сихъ поръ портрета Пушкина во весь ростъ, въ длинномъ сюртукѣ, цилиндрѣ и съ палкой, семь факсимиле черновыхъ набросковъ и нѣсколько указателей, облегчающихъ работу читателя при справкахъ. Изъ прибавленій особенно интересны: „Документы о Ганнибалахъ“, біографія Ганнибала, приписываемая Пушкину, выписки изъ лицейскихъ журналовъ съ замѣтками преподавателей объ успѣхахъ будущаго поэта, его шалостяхъ и т. д. и, наконецъ, списокъ недозволенныхъ цензурой въ 1841 году стихотвореній Пушкина.

А. И. Яцимирскій.

С. И. Шохоръ-Троцкій. Ариѳметическій задачникъ для учениковъ, выпускъ II, для учебныхъ заведеній съ полнымъ курсомъ ариѳметики. Изд. 3-е, исправленное и значительно дополненное. Спб. 1904 г. Цѣна 50 к.

Эта книга замѣняетъ вторую часть „Методическаго сборника ариѳметическихъ задачъ для среднихъ учебныхъ заведеній, который болѣе выходить въ свѣтъ не будетъ.

Настоящее изданіе второго выпуска „Задачника для учениковъ“ отличается отъ предыдущихъ въ очень многихъ отношеніяхъ. Оно обнимаетъ болѣе обширный учебный матеріалъ и разсчитано на потребности всякихъ учебныхъ заведеній съ полнымъ курсомъ ариѳметики“.

Книга эта должна быть въ рукахъ учениковъ, въ то время какъ второй выпускъ составленнаго авторомъ „Ариѳметическаго задачника для учителей“ долженъ быть въ рукахъ учителя. Идея такихъ задачниковъ у насъ новая; но она принесла много пользы учебному дѣлу въ Германіи, гдѣ она извѣстна очень давно, и гдѣ она проникла въ самую жизнь школы, благодаря своей плодотворности.

Книга раздѣлена на три отдѣла: повторительный, основной и дополнительный.

Въ повторительный отдѣлъ вошли: 1) дѣйствія надъ цѣлыми отвлеченными числами, 2) рѣшеніе сложныхъ чисто ариѳметическихъ задачъ на отвлеченныя числа, 3) измѣненія суммы, разности, произведенія и частнаго, 4) составныя именованныя числа, 5) нумерація, 6) обыкновенныя дроби (въ примѣненіи къ простѣйшимъ случаямъ).

Въ основной отдѣлъ вошли: 1) измѣненіе дробей, 2) признаки дѣлимости чиселъ, 3) наименьшее кратное данныхъ чиселъ, 4) дѣйствія надъ дробями, 5) такъ называемыя „тройныя правила", 6) десятичныя дроби, 7) употребленіе скобокъ, 8) изъ области начальной алгебры, 9) задачи алгебраическаго характера (съ одною неизвѣстною величиною, съ двумя и тремя неизвѣстными); сверхъ того въ основномъ отдѣлѣ смѣшаннымъ задачамъ посвящены 34 стр. (свыше 450 номеровъ).

Въ дополнительный отдѣлъ отнесены: отдѣльныя и спеціальныя упражненія въ вычисленіяхъ надъ именованными числами, выраженными въ единицахъ метрической системы мѣръ (несмотря на то, что мѣры метрической системы встрѣчаются въ весьма многочисленныхъ задачахъ и упражненіяхъ основного отдѣла), безконечныя десятичныя періодическія дроби, общій наибольшій дѣлитель.

Всѣ главнѣйшія особенности этой книги, сравнительно съ учебными пособіями того же рода, составленными другими лицами, перечислены г. Шохоръ-Троцкимъ въ предисловіи къ книгѣ; такихъ главныхъ особенностей перечислено авторомъ двадцать пять.

Въ настоящее время всѣми признается необходимость поставить въ возможно большую взаимную связь различныя точки зрѣнія на одинъ и тотъ же математическій вопросъ. Поэтому г. Шохоръ-Троцкимъ въ основной отдѣлъ внесены нѣкоторыя (весьма, впрочемъ, немногочисленныя) понятія изъ области элементарной алгебры. Понятія эти сводятся, главнымъ образомъ, къ обозначенію чиселъ буквами, къ записи условій чисто-алгебраической задачи въ видѣ уравненія и къ элементарному (если въ немъ есть надобность) разрѣшенію уравненія. (Само собою разумѣется, что на первыхъ ступеняхъ обученія надъ уравненіями вполнѣ дозволительно оперировать, какъ надъ тождествами, въ большинствѣ случаевъ весьма легко поддающимися обработкѣ). Надо при этомъ замѣтить, что облеченіе задачи въ одежду алгебраическаго уравненія не затрудняетъ пониманія ея содержанія и дѣлаетъ это послѣднее болѣе доступнымъ обсужденію. Пора, какъ совершенно справедливо говоритъ г. Шохоръ-Троцкій, устранить изъ школьной математики и другихъ учебныхъ предметовъ нынѣ еще практикуемое, но давно уже устарѣлое раздѣленіе каждаго предмета на рѣзко обособленные и какъ бы на-глухо перегороженные отдѣлы. Перегородки эти иногда необходимы въ конспективно составленныхъ учебникахъ, но не въ живомъ дѣлѣ обученія, гдѣ взаимное дѣйствіе разныхъ отдѣловъ курса крайне полезно и для цѣлей обученія прямо необходимо.

Чѣмъ разнообразнѣе тѣ точки зрѣнія, съ которыхъ разсматривается дан-

ный вопросъ, тѣмъ основательнѣе и многостороннѣе онъ будетъ освѣщенъ для учениковъ.

Задачи алгебраическаго характера выдѣлены въ особую статью въ виду того, что онѣ требуютъ особенныхъ способовъ обработки.

Въ книгѣ нѣтъ слишкомъ запутанныхъ задачъ, задачъ слишкомъ замысловатыхъ и требующихъ примѣненія слишкомъ большого числа дѣйствій, и всему этому нельзя не сочувствовать.

Въ отдѣлъ смѣшанныхъ задачъ авторомъ книги включены задачи, относящіяся до нѣкоторыхъ элементарныхъ и весьма плодотворныхъ понятій изъ области геометріи, физики, алгебры. Задачамъ этимъ отведены послѣдніе нумера „основнаго" отдѣла книги. Во французскихъ школахъ такія задачи входятъ въ курсъ ариѳметики *).

Не мѣшало бы, по моему мнѣнію, такія задачи снабдить отвѣтами, хотя иногда таковые и встрѣчаются.

Въ заключеніе замѣчу, что новое изданіе „Ариѳметическаго задачника" вполнѣ отвѣчаетъ тому желательному духу обученія ариѳметики, къ привитію котораго какъ въ начальной, такъ и въ средней школѣ направлены всѣ многочисленные труды почтеннаго автора, при каковомъ обученіи только и возможно возбудить интересъ и самодѣятельность учащихся,—т. е. придать обученію элементарной математики и въ частности ариѳметикѣ—жизнь. Полагаю, что „Ариѳметическій задачникъ" встрѣтитъ полное сочувствіе и получитъ широкое распространеніе въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и въ частности въ кадетскихъ корпусахъ, для которыхъ выработанъ проектъ общей программы и инструкціи для производства опыта преподаванія учебныхъ предметовъ въ 1 Псковскомъ и Донскомъ Императора Александра III кадетскихъ корпусовъ, съ начала 1903—1904 учебнаго года,—причемъ черезъ всю программу математики — красною нитью приходятъ идеи г. Шохоръ-Троцкаго, который по случаю пересмотра программъ для кадетскихъ корпусовъ усердно поработалъ надъ всегда занимавшими его и крайне интересными вопросами о цѣли и средствахъ преподаванія различныхъ отдѣловъ математики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Владиміръ Шидловскій.

С. Дмитріевъ. Курсъ русскаго языка для техническихъ и ремесленныхъ училищъ. Часть I-я. Этимологія. Ц. 45 коп. Спб. 1904 г.

При интересѣ въ настоящее время къ вопросамъ, связаннымъ съ улучшеніемъ постановки въ школахъ преподаванія русскаго языка, заслуживаютъ полнаго вниманія вновь выходящіе учебники русской грамматики. Къ сожа-

*) О чемъ упоминаетъ В. Струве въ статьѣ: „О постановкѣ преподаванія математики въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Франціи". „Русская Школа", 1892 г. № 5 и 6.

лѣнію, однако, они представляютъ не что иное, какъ передѣлки на всѣ лады старыхъ учебниковъ, и авторы ихъ ограничиваются лишь небольшими измѣненіями въ планѣ да частичными передѣлками стараго матеріала. Новыхъ точекъ зрѣнія, уже завоевавшихъ себѣ мѣсто въ наукѣ, болѣе критическаго отношенія къ старому матеріалу и тщательности въ его разработкѣ мы не находимъ, что, впрочемъ, обусловливается до нѣкоторой степени желаніемъ не разойтись со школьными программами. Не составляетъ счастливаго исключенія и „этимологія“ г. Дмитріева, предназначаемая имъ для техническихъ и ремесленныхъ училищъ, хотя она можетъ имѣть мѣсто и во всѣхъ вообще среднихъ школахъ. Что касается плана этого учебника, то онъ представляетъ собой довольно удачное распредѣленіе матеріала: сперва анализъ рѣчи и слова—предложеніе, части его, части слова, затѣмъ снова синтезъ — части рѣчи. Неудобнымъ является лишь укоренившійся обычай—предварять учебникъ опредѣленіемъ грамматики и ея раздѣленіемъ на этимологію и синтаксисъ, затѣмъ помѣщеніе корнесловія передъ склоненіями и спряженіями, когда дѣти еще не познакомились съ самимъ измѣненіемъ слова.

Что касается матеріала, то вопреки заявленію автора въ предисловіи, что онъ исключитъ все второстепенное и ограничится существеннымъ, въ учебникѣ есть много такого, что могло бы быть выключено съ пользой для учениковъ. Таковы, напримѣръ, виды предложенія по различнымъ отношеніямъ, регистрація нарѣчій, перечисленіе предлоговъ съ указаніемъ на управляемые падежи, происхожденіе и перечисленіе производныхъ союзовъ, съ раздѣленіемъ ихъ на виды по значенію, перечень чувствъ, которыми якобы исчерпываются случаи употребленія междометій и т. п. При подобныхъ раздѣленіяхъ и перечисленіяхъ, при изложеніи разныхъ мелочей забываютъ то, что полнаго перечня дать нельзя, а произвольный выборъ лишь вредитъ дѣлу. Да и нуженъ ли полный перечень и разныя подробности? И безъ перечисленія ученики 1-го класса скажутъ, напримѣръ, что предлогъ „безъ“ употребляется съ род. пад. Для чего перечисленія, напримѣръ, видовъ относительныхъ прилагательныхъ и т. п? Мелочи, обыкновенно мало давая, затемняютъ ученикамъ существенное. Подобное стремленіе къ полнотѣ замѣтно и при изложеніи орѳографическихъ правилъ; а между тѣмъ нѣкоторыя болѣе важныя указанія, напримѣръ, на то, что род. п. отъ прилагательныхъ на „ой“—„ого“, пропущены.

О недостаткахъ, которые обусловливаются требованіями программъ, напр., о дѣленіи гласныхъ звуковъ на твердые и мягкіе, объ ученіи о залогахъ и наклоненіяхъ, конечно, нельзя говорить: но есть промахи, зависящіе отъ автора. Въ отдѣлѣ прилагательныхъ приводится склоненіе качественнаго прилагательнаго „добрый“ съ неполнымъ окончаніемъ: добръ, добра, добру и т. д., тогда какъ въ современномъ литературномъ языкѣ (грамматика котораго и преподается въ школѣ), такія прилагательныя, служа сказуемымъ, не склоняются. Затѣмъ идетъ неупотребительное склоненіе „полторы, полу-

торѣ, полуторою и т. д.; о мѣстоименіяхъ говорится, что они бываютъ лишь подлежащимъ и опредѣленіемъ. Говоря, что страдательное причастіе прошедшаго времени образуется отъ страдательнаго залога, напр., „умытый“ отъ „я умытъ“, авторъ впадаетъ въ circulus vitiosus, такъ какъ съ другой стороны страдат. залогъ „я умытъ“ образуется изъ причастія „умытый“. Придерживаясь исключительно логико-грамматической точки зрѣнія, которая, кстати сказать, даетъ право, исходя изъ опредѣленія глагола, какъ „части рѣчи, обозначающей дѣйствіе или „состояніе предмета“, признавать „лай, ссору, лежаніе“ и т. п. за глаголы, авторъ отбросилъ существующее во многихъ учебникахъ добавленіе формальной примѣты, которая и является для учащихся настоящимъ ключемъ къ отысканію и уясненію различныхъ частей рѣчи.

Неудобнымъ для учениковъ 1-го класса является и опредѣленіе нарѣчія, какъ части рѣчи, „показывающей различныя обстоятельства дѣйствія или состоянія подлежащаго“. Весьма туманно длинное разсужденіе объ имени существительномъ, какъ обозначающемъ предметъ, который есть не что „иное, какъ все, „поддающееся нашему уму и чувствамъ“. Изъ мелкихъ недочетовъ можно указать на опредѣленіе склоненія „какъ измѣненія по числамъ и окончаніямъ“, какъ будто-бы измѣненіе по числамъ не есть въ то же время и измѣненіе по окончаніямъ; затѣмъ на раздѣленіе количественныхъ числительныхъ всего на двѣ группы: дробныя и собирательныя.

Объ опредѣленіяхъ вообще надо сказать, что слѣдуетъ въ учебникахъ для младшихъ классовъ по возможности ихъ избѣгать, предоставляя усвоить понятіе путемъ практическимъ, тѣмъ болѣе, что, давая опредѣленія простыхъ понятій, сами авторы иногда допускаютъ ошибки или даютъ ничего не выясняющія опредѣленія. Такъ, напримѣръ, въ опредѣленіи степеней сравненія, какъ показателей „количества качества въ предметѣ“, интенсивность качества замѣнена количествомъ качества. Опредѣленіе: „возвратное мѣстоименіе показываетъ, что дѣйствіе возвращается на дѣйствующій предметъ“, ничего не дастъ ученику 1-го или 2-го класса, который попросту вызубритъ это объясненіе. Вообще для младшихъ классовъ слѣдуетъ избѣгать опредѣленій. Что, напримѣръ, даютъ такія опредѣленія: „первое лицо это то, которое говоритъ? Отчего-жъ не то, которое слушаетъ, отвѣчаетъ, дѣлаетъ и т. д.?

Или: „...страдательный залогъ показываетъ, что предметъ находится въ страдательномъ состояніи“... Какъ, спрашивается, дѣти грамматическую страдательность будутъ усматривать въ формахъ: „я хвалимъ, я награждаемъ“ и т. п.? Приложенный перечень корней на „ѣ“—нѣсколько полнѣе обыкновенныхъ перечней; но есть и промахи: отъ корня „дѣ“ произведено „одѣть и дѣйствительно“, а ниже новый корень „дѣло“, затѣмъ „успѣхъ и успѣшный“, а далѣе „спѣть, успѣхъ“... Примѣры, приложенные въ концѣ учебника, состоятъ на половину изъ произведеній классическихъ авторовъ и народной словесности, на половину же изъ искусственныхъ примѣровъ, не всегда удачныхъ.

Къ хорошимъ сторонамъ этого учебника надо отнести: удачный планъ, краткость и опредѣленность въ изложенiи, сравнительно малое количество лишняго балласта, а также удачное, хотя и искусственное, соединенiе въ одну группу залоговъ: общаго, средняго и взаимнаго. Сюда же нужно отнести и внѣшнiя достоинства: хорошую печать, бумагу, внѣшнее распредѣленiе матерiала и низкую цѣну. Несмотря на свои недостатки, учебникъ г. Дмитрiева, принимая въ соображенiе распространенные въ школахъ учебники въ родѣ Смирновскаго, которые не удовлетворяютъ даже самымъ скромнымъ требованiямъ, можно рекомендовать въ качествѣ учебника въ среднихъ школахъ, пока не появится новое руководство, свободное отъ недостатковъ современныхъ учебниковъ этимологiи.

М. К—овъ.

„Золотые колосья“. Книга для чтенiя въ школѣ и дома, сост. Горбуновъ-Посадовъ. Изд. 2.

Всѣ сборники, издаваемые г. Горбуновымъ Посадовымъ, давно прiобрѣли довѣрiе общества той гуманной идеей, какою всѣ они проникнуты, и умѣлымъ подборомъ самыхъ разнообразныхъ отрывковъ изъ художественной русской и переводной литературы, а также и изъ учебно-популярной.

Но нельзя не пожалѣть, что въ этомъ выборѣ издатель часто больше цѣнитъ вложенное въ произведенiе чувство, чѣмъ его литературное выраженiе. Въ силу этого очень часто попадаются въ Сборникѣ совершенно не художественныя стихотворенiя *) и съ слабымъ, плохо высказаннымъ настроенiемъ.

Эти вещи составляютъ весьма нежелательный балластъ въ такой и безъ того очень объемистой книгѣ, какъ „Золотые Колосья“; кромѣ того, въ дѣтской литературѣ особенно важна художественная передача, важно цѣльное впечатлѣнiе на такого чуткаго читателя, какъ ребенокъ: для него красота изложенiя и красота содержанiя должны необходимо слиться въ одно, чтобы оставить ясное гармоничное впечатлѣнiе. Поэтому желательна большая строгость выбора художественныхъ произведенiй, особенно въ такихъ хорошо задуманныхъ хрестоматiяхъ, какъ хрестоматiи Горбунова-Посадова. Еще можно пожелать, чтобы, не увлекаясь черезчуръ желанiемъ растрогать молодого читателя, составитель внесъ немножко болѣе веселаго непринужденнаго элемента: радость нужна дѣтямъ, нужна непосредственная жизнерадостность, а въ „Золотыхъ Колосьяхъ“ слишкомъ приподнятый тонъ и такъ ужъ много отрицательныхъ грустныхъ картинъ... Конечно жизнь вообще имѣетъ очень и очень много горя, и надо вырабатывать въ нѣжныхъ сердечкахъ дѣтей возможно

*) Напр., „Голоса Природы“, „Сѣятель“, „Весеннiй дождь“, „Для любящаго сердечка и мертвые живы“, „Фiалка“ и т. д.

большую способность отзываться на страданія; но не надо забывать и нервную впечатлительность дѣтей и щадить ее, а не подавлять ее мрачными картинками.

„Золотые колосья“ составляютъ прекрасную книгу для чтенія въ семьѣ и школѣ и предназначается для средняго и старшаго возраста, такъ лѣтъ 8—14. Кромѣ литературнато содержанія въ ней очень много свѣдѣній по естествознанію (ботаникѣ и зоологіи) и по различнымъ производствамъ. Но самая цѣнная сторона въ „Золотыхъ Колосьяхъ“ это та наука добра, правды и любви, за которую и дѣти и воспитатели скажутъ Горбунову-Посадову спасибо. Дай Богъ, чтобы какъ можно глубже запали въ сердца читателей завѣты составителя, высказанные въ его собственномъ заключительномъ стихотвореніи.

Намъ жизнь дана, чтобы любить,
Любить безъ мѣры, безъ предѣла,
И всѣмъ страдальцамъ посвятить
Свой разумъ, кровь свою и тѣло.

Дѣти лѣтъ 10—12 уже поймутъ этотъ святой долгъ и въ усвоеніи его и заключается прекрасная задача „Золотыхъ Колосьевъ“.

С. Русова.

Кругловъ. Любовь и истина. Духовные мотивы. Ц. 20 к.

Стихотворенія проникнуты глубокою вѣрою, согрѣты теплымъ религіознымъ чувствомъ, пробуждаютъ свѣтлыя мысли въ душѣ вѣрующаго человѣка. Но по формѣ многія изъ нихъ тяжелы и потому не производятъ должнаго впечатлѣнія, напр., „Передъ картиной Айвазовскаго“ (стр. 6), „Мольба“ (стр. 23), „Въ рабочей комнаткѣ моей“... (стр. 12).

Лучше тѣ стихотворенія, въ которыхъ выливается горячее сердечное сочувствіе къ страждущему брату, къ сердцу, лишенному вѣры и высшихъ духовныхъ стремленій: „Молитва“, „Въ томъ нѣтъ грѣха“...

Мечъ. С. Италія. М. 1903 г. Ц. 50 к.

Этимъ новымъ очеркомъ талантливаго нашего географа начинается новая серія описаній разныхъ странъ Европы. Хотя изложеніе въ этомъ очеркѣ нѣсколько серьезнѣе и затруднительнѣе для пониманія неподготовленному читателю, чѣмъ во многихъ другихъ работахъ г. Меча, но въ то же время оно удивительно ярко. Оживленный многочисленными очень недурными рисунками очеркъ даетъ цѣльную и выразительную картину Италіи. Вся ея природная красота, культурная жизнь, художественные памятники, переполняющіе ея музеи и города, ея геологія и гражданское общественное устройство переданы мастерски. Книга даетъ полную характеристику этого чуднаго уголка Европы, который, разъ увидѣвши, невозможно не полюбить. Цѣна книги въ виду

многихъ иллюстрацій далеко не высока. Надо надѣяться, что „Италія" Меча станетъ скоро такъ же популярна, какъ и многія предыдущія работы ея автора. **С. Русова.**

Рубакинъ. Кораллы и люди. Изд. Раапъ и Потапова. Харьковъ. 1903 г. Ц. 10 к.

Немножко дорога эта маленькая ярко-красная книжечка. Въ ней авторъ излагаетъ старинное восточное сказаніе о красномъ кораллѣ, добытомъ изъ глубины морской ради капризной прихоти принцессы цѣною человѣческой жизни. Вначалѣ разъясняется самая жизнь подводныхъ строителей, а затѣмъ рисуется чисто восточная легенда, дышащая жестокостью и неуваженіемъ къ человѣческому достоинству, характеризующими властныхъ людей Востока. Книжка читается легко, но не оставляетъ соотвѣтствующаго содержанію глубокаго впечатлѣнія. **С. Р.**

М. Гранстремъ. Всемірные свѣточи. Разсказъ изъ жизни великихъ людей. Шиллеръ и Гете. Три разсказа изъ исторіи нѣмецкой литературы. Сост. по Огорлу и Эрлиху. Съ 75 рис. Спб. 1902 г.

Разсказы эти содержатъ біографію Шиллера съ юношескихъ лѣтъ до смерти и исторію знакомства его и дружбы съ Гете. Въ первомъ разсказѣ изображаются юность Шиллера, послѣдніе ученическіе годы его въ высшемъ учебномъ заведеніи герцога Виртембергскаго, товарищи, мечты, стремленія, созданіе „Разбойниковъ"; во второмъ—Шиллеръ на службѣ, которая его тяготитъ, тѣмъ болѣе, что герцогъ Виртембергскій запрещаетъ ему заниматься литературой; Шиллеръ бѣжитъ и находитъ радушный пріемъ въ Веймарѣ. Жизнь его при Веймарскомъ дворѣ, дружба съ герцогомъ Веймарскимъ—содержаніе второго разсказа, который, хотя имѣетъ непосредственную связь съ первымъ, но и въ отдѣльности представляетъ законченное цѣлое.

Послѣдній разсказъ содержитъ исторію дружбы двухъ великихъ людей, женитьбу Шиллера и послѣднихъ лѣтъ его жизни.

Благородные образы великихъ поэтовъ и взаимныя отношенія ихъ очерчены очень ярко; разсказъ живъ и интересъ, а прекрасные рисунки дополняютъ яркое и художественное впечатлѣніе, производимое этой прекрасной книгой, интересной для взрослыхъ и особенно цѣнной для юношества, мало знакомаго съ жизнью и творчествомъ двухъ изъ величайшихъ поэтовъ всемірной исторіи.

Библіотеки Горбунова-Посадова. Капитанъ Январь. Разсказъ, перев. съ англійскаго. Съ 22 рисунками. Ц. 35 к.

Очень трогательный разсказъ о старикѣ капитанѣ — единственномъ обитателѣ маяка и о спасенной имъ малюткѣ, прозванной Звѣздочкою.

Капитанъ спасъ Звѣздочку съ погибшаго судна и выростилъ дѣвочку, какъ сокровище, ниспосланное небомъ въ его одинокую жизнь.

И вдругъ, послѣ 10-ти лѣтъ жизни Звѣздочки на маякѣ, случайно находятся родственники дѣвочки и пріѣзжаютъ за нею на маякъ. Но дѣвочка ни за что не хочетъ уйти отъ своего любимаго дѣда и остается съ нимъ. Дѣдъ страшно потрясенъ мыслью о возможности разлуки съ дѣвочкою: съ нимъ дѣлается ударъ—одинъ, другой, и онъ скоро умираетъ, поручивъ своему другу, лоцману, отвезти Звѣздочку къ ея роднымъ. Очень маленькій разсказъ, привлекательный не сложностью фабулы, а тѣмъ общимъ духомъ трогательной любви между двумя чистыми сердцемъ существами—старымъ морякомъ и крошкою дѣвочкою.

Книга пригодна для средняго возраста и особенно понравится дѣвочкамъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Изъ хроники народнаго образованія на Западѣ.

Вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи въ прусской палатѣ депутатовъ.

Женское движеніе въ Германіи, какъ извѣстно, все разростается. Одна изъ первыхъ задачъ, которую ставятъ себѣ руководители и сторонники этого движенія—допущеніе женщинъ къ высшему образованію на равныхъ правахъ съ мужчинами.

Женщины въ германскіе университеты уже допускаются: такъ, въ 1902—1903 учебномъ году во всѣхъ университетахъ Германіи было 1.271 человѣкъ; изъ этого числа въ одномъ Берлинѣ, — 552. Но до сихъ поръ въ Пруссіи это допущеніе составляетъ не общее правило, а исключеніе: женщины, желающія получить высшее образованіе, должны добиваться его единичными усиліями частнымъ образомъ; онѣ подготовлялись на частныхъ курсахъ или на дому и потомъ сдавали при мужскихъ гимназіяхъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости. Понятно, что такая подготовка, требующая много времени и издержекъ, доступна очень немногимъ; многимъ даровитымъ и стремящимся къ знанію дѣвушкамъ дорога къ высшему образованію закрыта.

Трудность подготовки увеличивается еще тѣмъ, что среднія женскія учебныя заведенія, такъ называемыя „высшія школы для дѣвицъ“ (Höhere Mädchenschulen), по мнѣнію компетентныхъ лицъ, не только не могутъ дать требуемой спеціальной подготовки, но не удовлетворяютъ и самымъ скромнымъ требованіямъ, не давая ни законченнаго курса, ни сколько нибудь прочныхъ знаній. Въ виду этого за послѣдніе годы съ одной стороны поднятъ вопросъ о реорганизаціи вышеупомянутыхъ высшихъ женскихъ школъ, съ другой—объ учрежденіи женскихъ гимназій съ курсомъ, равнымъ мужскому. Вопросъ о женскихъ гимназіяхъ уже дебатировался въ палатѣ депутатовъ въ 1898 г. и встрѣченъ былъ ожесточенными нападками консервативной партіи и партіи центра.

Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія г. Боссе отнесся со страхомъ и недовѣріемъ къ возможности уравненія женскаго образованія съ мужскимъ.

Большинствомъ палаты депутатовъ по его предложенію было отклонено тогда ходатайство города Бреславля объ основаніи при мѣстной женской высшей школѣ гимназическихъ курсовъ. Основаніемъ къ отказу послужили слѣдующія соображенія: во-1-хъ, требуемый для поступленія въ гимназію 12-ти лѣтній возрастъ, по мнѣнію министра, не даетъ еще ручательства въ способности дѣвушки къ дальнѣйшему серьезному образованію; во 2-хъ, завершеніе сред-

шяго образованія въ гимназіи поставило бы высшія женскія школы на низшую ступень, что было бы особенно нежелательно въ виду недавней реорганизаціи этихъ школъ, отъ которой ожидали многаго.

Несмотря на такое отношеніе палаты къ учрежденію женскихъ гимназій, при новомъ министрѣ народнаго просвѣщенія въ 1902 году разрѣшено было „въ видѣ опыта" кельнскому ферейну и общественному управленію городовъ Шенберга и Шарлоттенбурга открыть при мѣстныхъ общественныхъ (*не частныхъ*—на это обстоятельство особенно напирали недовольные) высшихъ женскихъ школахъ 6-ти-классные курсы, соотвѣтствующіе курсу реальныхъ гимназій: на эти курсы поступали ученицы высшихъ женскихъ школъ въ возрастѣ отъ 11—12 лѣтъ.

Это разрѣшеніе и послужило поводомъ къ страстнымъ преніямъ въ палатѣ, занявшимъ два засѣданія въ прошлую весеннюю сессію. Стенографическій отчетъ объ этихъ въ высшей степени интересныхъ и характерныхъ преніяхъ помѣщенъ въ журналѣ „Frauenbildung" за май и іюнь 1903 г.

Тревогу забила консервативная партія, одинъ изъ представителей которой, депутатъ Ирмеръ, разразился громадной рѣчью, въ которой упрекалъ правительство за послабленія, допущенныя въ этомъ дѣлѣ, и въ яркой картинѣ старался представить всѣ ужасныя послѣдствія этого необдуманнаго шага. „Когда я услышалъ объ этихъ льготахъ, предоставленныхъ магистратамъ Шенберга и Шарлоттенбурга, я испыталъ страхъ при мысли о послѣдствіяхъ, которыя повлечетъ за собой эта мѣра", восклицаетъ онъ. А послѣдствія кажутся г. Ирмеру ужасающими. Вопросъ не въ томъ, что нѣсколько сотъ дѣвушекъ получатъ такое же образованіе, какъ и юноши ихъ лѣтъ, хотя и это бѣда, по мнѣнію депутата, очень заботящагося о здоровьѣ подрастающей женской молодежи и вполнѣ увѣреннаго, что большинство дѣвушекъ не вынесетъ трудностей науки. Депутатъ Ирмеръ беретъ дѣло шире, „смотритъ въ корень".

За стремленіемъ къ законченному среднему образованію, онъ видитъ гораздо болѣе устрашающее стремленіе къ высшему во всѣхъ его отрасляхъ: открытіе женскихъ гимназій и гимназическихъ курсовъ поведетъ къ требованію предоставленія аттестатовъ зрѣлости всѣмъ, успѣшно окончившимъ курсъ, а полученіе аттестатовъ зрѣлости „поведетъ къ тому, что женщинамъ будетъ открытъ доступъ на всѣ факультеты университета".—И это еще не все: окончивъ университетъ, женщины будутъ требовать, чтобы имъ были открыты всѣ карьеры, доступъ ко всѣмъ профессіямъ; повсюду явятся онѣ равноправными конкурентами мужчинамъ; онѣ захотятъ быть докторами, судьями, администраторами.

Допустите ихъ по мѣрѣ ихъ силъ и способностей къ этимъ должностямъ— и того будетъ мало: онѣ будутъ добиваться права подачи голоса и выбора въ парламентъ. Таково будетъ грандіозное слѣдствіе такой, казалось бы, незначительной мѣры, какъ разрѣшеніе въ видѣ опыта открыть шестиклассные гимназическіе курсы въ двухъ прусскихъ городахъ.

Но пока до окончательнаго исхода дойдетъ дѣло, каждый шагъ въ этомъ направленіи, по мнѣнію г.г. консерваторовъ, ведетъ къ ближайшимъ печальнымъ послѣдствіямъ.

Во-1-хъ, исчезнутъ „высшія школы для дѣвицъ" – эти исто-нѣмецкія школы, въ которыхъ воспитывались настоящія нѣмецкія жены и матери, въ которыхъ получали образованіе дѣвушки высшихъ классовъ; всѣ родители устремляются въ гимназіи изъ тщеславія, не обращая вниманія, въ силахъ-

ли ихъ дочери вынести тяжелый гимназическій курсъ, на переполненіе котораго справедливо жалуются и преподаватели мужскихъ гимназій. Дѣвушки будутъ выходить болѣзненными, слабыми, непригодными къ жизни, будутъ считать унизительными домашнія занятія хозяйствомъ-кухней; вырастутъ синіе чулки, плохія матери, болѣзненныя жены. Далѣе, окончивъ курсъ въ гимназіи, всѣ потянутся въ университеты, а затѣмъ будутъ выбирать себѣ какую нибудь профессію, создадутъ крупную конкуренцію мужчинамъ; конкуренція ухудшитъ матеріальное положеніе мужчинъ работниковъ, увеличится число неспособныхъ поддерживать семью, а, слѣдовательно, уменьшится число браковъ, что поведетъ за собой „вымираніе націи“ какъ воскликнулъ одинъ изъ депутатовъ партіи свободныхъ консерваторовъ, взволнованный печальной картиной, нарисованной г. Ирмеромъ.

Конечно, иногда необходимость заставляетъ дѣвушекъ выбирать себѣ профессію и теперь: пусть идутъ въ учительницы—это женское дѣло; пусть допустятъ ихъ въ учительницы высшихъ школъ, не допуская въ университетъ; дѣло не въ образованіи, а въ способности къ учительству; теперешнія требованія на экзаменахъ учительницъ высшихъ школъ убійственны для здоровья молодыхъ дѣвушекъ: надо уменьшить образовательный цензъ.

Еще, по мнѣнію депутата Ирмера, вполнѣ приличное занятіе для молодыхъ дѣвушекъ—искусство. Вопросъ о наличности таланта при этомъ игнорируется; очевидно, для „женскаго искусства“ такъ же мало требуется талантъ, какъ для женскаго учительства—образованіе.

Вопросъ о женщинахъ-врачахъ тоже рѣшается просто: не позволять имъ въ серьезъ изучать медицину; пусть будутъ ученыя акушерки, не болѣе.

Что же касается политическихъ правъ, женщины не могутъ претендовать на нихъ, не неся равныхъ обязанностей; онѣ не защищаютъ отечества, не отбываютъ воинской повинности. Возбудивъ общую веселость шутливымъ замѣчаніемъ, что нѣкоторыя женщины считаютъ свой долгъ государству оплаченнымъ тѣмъ, что онѣ несутъ тяжесть рожденія гражданъ — защитниковъ родины, не въ мѣру остроумный депутатъ опровергаетъ это мнѣніе, возражая, что даже въ этомъ отношеніи далеко не всѣ женщины исполняютъ свой долгъ.

Свою длинную рѣчь г. Ирмеръ заключилъ горячими словами, заслужившими рукоплесканія правой стороны и центра, въ которыхъ указывалъ правительству на незамѣченную имъ, но глубоко проникающую въ общество опасность „потрясенія основъ семейной жизни“ (Знакомые мотивы!).

Депутатъ Ирмеръ не остался въ одиночествѣ: его единомышленники горячо поддерживали его. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., депутатъ Форстеръ, истощивъ всѣ идеалистическіе доводы, обращались къ матеріальнымъ разсчетамъ. По ихъ мнѣнію, государству невыгодно тратить деньги на высшее образованіе женщинъ, такъ какъ изъ нихъ набирается штатъ служащихъ на государственной службѣ. Семьямъ же образованіе каждой молодой дѣвушки, гимназическое вмѣстѣ съ высшимъ, обойдется не дешевле 20.000 марокъ, которыя отлично могли бы быть отложены на приданое дѣвушки; несчастное же стремленіе къ высшему образованію увеличитъ число безприданницъ и опять-таки сократитъ число браковъ.

Но все же главнѣйшіе доводы протестантовъ сводятся именно къ страху передъ грозящимъ разрушеніемъ семьи, потерей женственности (несчастныя русскія студентки приводились, какъ устрашающій примѣръ), и къ вреду, наносимому болѣе слабому здоровью женщинъ слишкомъ усидчивыми и продолжительными занятіями.

На это послѣднее обстоятельство особенно напиралъ одинъ изъ депутатовъ, бывшій педагогъ, 30 лѣтъ преподававшій въ средней женской школѣ, д-ръ Диттрихъ. Исходя изъ того положенія, что „женщина—существо не низшее и не высшее, чѣмъ мужчина, но совершенно отличное онъ него“, онъ убѣдительно доказывалъ, что дѣло женскаго образованія должно быть поставлено совершенно иначе, и при его организаціи никакъ не должно брать за идеалъ учебный планъ мужскихъ гимназій.

Навязываніе одинаковаго пути умственнаго развитія при совершенно различномъ умственномъ складѣ есть грѣхъ противъ женской натуры, по мнѣнію почтеннаго педагога. Насиліе, которое совершается надъ молодымъ женскимъ умомъ, приводитъ къ страшному переутомленію, развитію нервныхъ и даже душевныхъ болѣзней. По статистическимъ свѣдѣніямъ на каждыя 80—90 душевнобольныхъ женщинъ приходится одна учительница. Надо замѣтить, что доказательство это совершенно неубѣдительно; вѣдь, учительство—единственная карьера, которую охранители здоровья женщины рекомендуютъ ей, дѣятельность, на которую, по общему отзыву, женщины всего способнѣе; не виноваты-ли тутъ условія дѣятельности, а не усиленная подготовка къ ней? Но люди, желающіе доказать свою мысль, часто не пренебрегаютъ ничѣмъ. Такъ, изъ того факта, что въ Германіи дѣвочки въ отроческомъ возрастѣ чаще рѣшаются на самоубійство, чѣмъ мальчики (на 100 мальчиковъ приходится 110 дѣвочекъ), г. Диттрихъ выводитъ, что школьная система тяжелѣе отражается на дѣвочкахъ, хотя вовсе не упоминаетъ, имѣли-ли эти самоубійства какое-нибудь отношеніе къ школѣ.

Не отказывая женщинамъ въ правѣ на высшее образованіе, старый педагогъ предлагаетъ только организовать для нихъ особыя высшія учебныя заведенія, не закрывая этимъ для нихъ выбора различныхъ профессій. Этимъ признаніемъ за женщиной права дѣятельности на разныхъ поприщахъ онъ выгодно отличается отъ своихъ единомышленниковъ.

Само собой разумѣется, въ палатѣ нашлись и горячіе защитники высшаго женскаго образованія. На самое серьезное замѣчаніе оппонентовъ — о нежелательности копированія неудовлетворительныхъ по существу плановъ мужскихъ средне-учебныхъ заведеній депутатъ докторъ Мюллеръ возражалъ вполнѣ справедливо, что эти планы и не считаются идеальными, что идеаломъ ставится планомѣрное гармоническое развитіе всѣхъ силъ и способностей ученицъ, что новыя женскія гимназіи будутъ именно новыми школами Reformschulen; что стремленіе подражать мужскимъ классическимъ гимназіямъ вызвано практической необходимостью – требованіемъ аттестата зрѣлости при поступленіи въ университетъ. При необходимости удовлетворять этимъ требованіямъ правильно организованные гимназическіе курсы достигнутъ этой цѣли съ большимъ успѣхомъ и съ меньшей затратой силъ со стороны учениць, чѣмъ требуется ихъ теперь при усиленной подготовкѣ на случайныхъ подготовительныхъ курсахъ. Наконецъ, опытъ, которымъ и являются пока вновь основанные гимназическіе классы, покажетъ ихъ недостатки и укажетъ путь къ ихъ исправленію.

Что же касается до ходячаго предразсудка, основаннаго будто бы на научныхъ данныхъ, о низшемъ уровнѣ умственныхъ способностей женщины, д-ръ Мюллеръ доказываетъ, что этотъ предразсудокъ цѣликомъ создается неправильнымъ выводомъ изъ наблюденій: меньшій вѣсъ и объемъ женскаго мозга сравнительно съ мужскимъ далъ поводъ къ нему. Такой выводъ былъ вполнѣ опровергнутъ, когда оказалось, что мозгъ Гамбетты вѣсилъ меньше, чѣмъ мозгъ одной изъ французскихъ прачекъ.

Страхъ переутомленія, усиленія болѣзненности, нервности, вызываемыхъ слишкомъ усиленнымъ умственнымъ трудомъ, напрасно такъ угнетаетъ защитниковъ и радѣтелей женскаго здоровья. Чѣмъ же лучше положеніе швеи, работницы на фабрикѣ, занятія которыхъ еще болѣе разрушительно дѣйствуютъ на женскій организмъ? Между тѣмъ, тысячи женщинъ обречены на это. Да и сами представительницы высшихъ классовъ общества, если онѣ не обладаютъ капиталомъ, солиднымъ образованіемъ и не „составили себѣ партіи", принуждены заработывать себѣ кусокъ хлѣба иголкой, что нисколько не легче и гораздо менѣе обезпечиваетъ, чѣмъ другіе виды труда.

Все это убѣдительно доказывалъ депутатъ докторъ Фридбергъ, напомнившій тѣмъ, кого такъ обезпокоиваетъ здоровье женщинъ, что много женскихъ силъ, здоровья и даже жизней будетъ сбережено однимъ только допущеніемъ женщинъ къ врачебной дѣятельности.

Дѣятельность женщинъ-врачей другой депутатъ г. Эрнстъ, одинъ изъ горячихъ защитниковъ женскаго образованія, считаетъ „этической и санитарной необходимостью". Этотъ представитель либеральной партіи настолько смѣлъ, что считаетъ и предоставленіе женщинамъ политическихъ правъ вовсе не страшнымъ дѣломъ. „Мнѣ кажется" говоритъ онъ, „что не было бы никакого несчастія, напротивъ, большое преимущество, если бы здѣсь въ палатѣ среди насъ находилась дюжина женщинъ-коллегъ". Что же касается до страха ослабленія семьи, уменьшенія числа браковъ вслѣдствіе невозможности содержать семью, страхъ этотъ можетъ быть разсѣянъ очень простымъ разсужденіемъ: женщина явится не конкуренткой мужу, а соработницей тамъ, гдѣ онъ не въ силахъ одинъ прокормить семью. Вѣдь является же женщина-мать поддержкой семьѣ и въ матеріальномъ отношеніи въ низшихъ классахъ общества. Да и нельзя, наконецъ, въ расчетѣ на будущее замужество лишить женщину такого орудія въ дальнѣйшей борьбѣ за существованіе, какимъ является образованіе и подготовка къ опредѣленной профессіи.

Статистическія данныя показываютъ, что число женщинъ въ Германіи сильно превышаетъ число мужчинъ; если „не вводить въ Германію мармонизма", что сдѣлается съ этимъ громаднымъ контигентомъ женщинъ, обреченныхъ на безбрачіе, если ихъ будутъ воспитывать только для роли хозяйки и матери? Значеніе женщины какъ хозяйки въ Германіи, видимо, высоко цѣнится и требованія къ ней и ея подготовкѣ предъявляются большія; что же касается, до роли матери, то она понимается не достаточно широко, и идеалы ея очень не высоки, какъ доказалъ убѣдительно одинъ депутатъ въ своей прекрасной рѣчи.

Въ наше время, когда образованіе распространяется во всѣхъ слояхъ общества, когда общественные и политическіе интересы выступаютъ на первый планъ, воспитаніе дѣтей является серьезной крупной задачей, надъ которой много должна поработать и школа, и семья.

Въ семьѣ воспитательная работа лежитъ преимущественно на матери. Необходимо расширить ея умственный кругозоръ, дать ей большее, гдѣ возможно, высшее образованіе, чтобы она понимала всю важность и значеніе своей задачи—быть матерью - воспитательницей не только члена семьи, но и члена общества и съ честью могла выполнить эту задачу. Нечего бояться, что широко образованной женщинѣ будетъ казаться унизительнымъ домашній трудъ: серьезное образованіе заставляетъ уважать всякій трудъ; оно научитъ только понимать относительное значеніе разнаго рода обязанностей, выпадающихъ на долю женщины въ семьѣ, и не позволитъ ей уйти съ головой въ

мелочи хозяйства, упуская главную свою задачу — воспитаніе подрастающаго поколѣнія.

Министръ народнаго просвѣщенія докторъ Штудтъ тоже энергично отпарировалъ нападки консерваторовъ съ одной стороны, указывая на обнаруженные ревизіей недостатки высшихъ женскихъ школъ, съ другой на необходимость уступить духу времени и удовлетворить потребностямъ, обнаруживающимся все сильнѣе и сильнѣе.

Онъ успокаивалъ тѣхъ, кто опасался за здоровье учащихся дѣвушекъ, указаніями на то, что въ современныхъ женскихъ школахъ и на гимназическихъ курсахъ отведено достаточное мѣсто физическимъ упражненіямъ, укрѣпляющимъ здоровье. Что же касается до вреда слишкомъ усиленныхъ занятій, то при теперешней постановкѣ дѣлъ, вредъ этотъ гораздо сильнѣе: теперь на особыхъ подготовительныхъ курсахъ дѣвушки въ короткое время и преимущественно одной памятью должны осилить огромный учебный матеріалъ, необходимый для экзамена на аттестатъ зрѣлости, и, конечно, переутомляются сильнѣе, чѣмъ при правильномъ распредѣленіи этого матеріала на 6 лѣтъ. Между тѣмъ, остановить разъ начатое стремленіе къ высшему образованію нельзя.

Если не допустить къ экзамену зрѣлости, дѣвушки будутъ добиваться къ поступленію въ университеты внѣ предѣловъ Пруссіи.—Что же касается статистики душевныхъ заболѣваній, то, не говоря о преувеличеніи, неизвѣстно еще, чѣмъ вызвана потеря душевнаго равновѣсія — умственнымъ ли переутомленіемъ при подготовкѣ къ званію учительницы, или условіями жизни и классной работы. Между прочимъ, доказано, что женскій организмъ гораздо труднѣе переноситъ работу въ испорченномъ воздухѣ, чѣмъ мужской; кто знаетъ, можетъ быть, при лучшей системѣ вентиляціи классовъ заболѣваемость учительницъ уменьшится независимо отъ степени ихъ научной подготовки.

Защищая такимъ образомъ женское образованіе, министръ вмѣстѣ съ тѣмъ старался успокоить взволнованные умы. Напрасно, говорилъ онъ, его упрекаютъ въ томъ, что раньше онъ былъ противникомъ гимназій: онъ и теперь считаетъ нежелательнымъ гимназіи съ полнымъ курсомъ; другое дѣло гимназическіе курсы, куда поступаютъ 12-ти—13-тилѣтнія дѣвочки-подростки съ обозначившимся уже склонностями и способностями.

Министръ много разъ настойчиво подтверждалъ, что открытіе этихъ курсовъ представляетъ изъ себя только опытъ, что этотъ опытъ вовсе не грозитъ разрушеніемъ старыхъ традиціонныхъ школъ, что онъ продѣлывается только въ очень ограниченныхъ рамкахъ, что большинство дѣвушекъ все же заканчиваетъ и будетъ заканчивать свое образованіе въ излюбленныхъ высшихъ школахъ для дѣвицъ. Кромѣ того, эта попытка не ведетъ за собой обязательнаго повторенія опыта въ другихъ мѣстахъ Германіи, такъ какъ на очереди вопросъ о пересмотрѣ женскаго образованія въ цѣломъ. При полномъ одобреніи центра министръ увѣрялъ, что правительство стремится удержать женское движеніе въ границахъ, дѣлая уступки лишь настолько, чтобы удовлетворить самымъ неотложнымъ и справедливымъ требованіямъ женщинъ, и не предприметъ ничего, что помѣшало бы сохранить особый духъ нѣмецкой семьи, не положитъ „иностраннаго штемпеля“ на драгоцѣнныя особенности національнаго характера.

Неизвѣстно, удалось-ли министру успокоить волновавшихся. Два засѣданія были посвящены жгучему вопросу, и второе было закрыто раньше, чѣмъ успѣли высказаться всѣ желающіе. Какъ-бы то ни было, несмотря на страхъ

и сомнѣнія скептиковъ и на всѣ препятствія, встрѣчаемыя на пути, женское движеніе въ Германіи не ослабѣваетъ, и нѣмецкая женщина завоевываетъ себѣ право на образованіе и общественную дѣятельность.

Е. Р.

Хроника народнаго образованія.

Высочайшая отмѣтка объ антагонизмѣ въ школьномъ дѣлѣ. — Проявленія такого антагонизма: затрудненія къ открытію народныхъ школъ и устройству народныхъ чтеній въ Крестецкомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи; гоненія на туманныя картины въ Вятской губерніи.—Солидарность министерства народнаго просвѣщенія и земства въ дѣлѣ увеличенія числа школъ въ Шадринскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи.—Изъ земской дѣятельности въ области народнаго просвѣщенія: горячіе завтраки въ земскихъ школахъ Владимірской губерніи; дѣятельность книжнаго склада курскаго губернскаго земства по распространенію наглядныхъ учебныхъ пособій въ начальныхъ школахъ; ходатайство костромского земства объ освобожденіи окончившихъ курсъ начальной школы отъ тѣлеснаго наказанія и отвѣтъ на это ходатайство со стороны министерства народнаго просвѣщенія; земское обслѣдованіе быта учителей въ Калужской губерніи.—Изъ жизни народнаго учителя: вопросъ объ увольненіи и перемѣщеніи народныхъ учителей въ аткарскомъ земствѣ; вопросъ объ огражденіи учительницъ отъ тяжелыхъ нравственныхъ и бытовыхъ условій и мнѣніе по этому вопросу начальства одного учебнаго округа.

Какъ опубликовано въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, управляющій дѣлами комитета министровъ увѣдомилъ министра народнаго просвѣщенія, что во внесенномъ по Высочайшему повелѣнію въ комитетъ министровъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1902 годъ о состояніи Подольской губерніи, по объясненію губернатора, что при открытіи вновь возникающей школы въ селеніи пускаются въ ходъ всевозможныя средства для склоненія крестьянъ составить приговоръ, съ одной стороны, въ пользу школы церковно-приходской, съ другой — школы министерства народнаго просвѣщенія, каковой антагонизмъ между двумя учрежденіями, вѣдающими одно и то же дѣло народнаго образованія, часто мѣшаетъ дѣлу и вселяетъ въ населеніи недовѣріе къ руководителямъ, роняя престижъ школы и лицъ, вѣдающихъ ее,—послѣдовала Высочайшая Его Императорскаго Величества отмѣтка: „Повторяю, въ этомъ дѣлѣ грѣшно быть антагонизму“. Комитетъ въ засѣданіи минувшаго января, разсмотрѣвъ означенный отчетъ въ связи съ прежними Его Величества резолюціями, между прочимъ, положилъ: о Высочайшихъ Его Императорскаго Величества отмѣткахъ поставить въ извѣстность министра народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода. Министерство народнаго просвѣщенія объ изложенномъ увѣдомило циркуляромъ попечителей учебныхъ округовъ.

Дѣйствительно, антагонизмъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія — грѣшное дѣло, и, къ сожалѣнію, онъ проявляется слишкомъ часто, и притомъ не только между вѣдомствами народнаго просвѣщенія и духовнымъ. Происходитъ это оттого, что надъ нашею начальною школою и вообще надъ народнымъ просвѣщеніемъ стоитъ слишкомъ ужъ много разнообразнаго начальства. Въ самомъ дѣлѣ, кто только не имѣетъ большаго или меньшаго касательства, кто только не можетъ играть роль начальства по отношенію къ начальной школѣ? Чиновники министерства народнаго просвѣщенія, духовенство, губернаторъ съ подчиненными ему чинами уѣздной полиціи, земскіе начальники, предводители дворянства, земскіе дѣятели, волостные старшины и писаря, сельскіе старосты,

попечители школъ и т. д., и т. п.,—всѣ они въ большей или меньшей мѣрѣ начальствуютъ надъ народной школой. Неудивительно, что при такомъ обиліи властей, вѣдающихъ, наблюдающихъ, контролирующихъ школу, въ концѣ концовъ отношенія ихъ крайне перепутываются, и въ сферахъ ихъ компетенцій трудно разобраться. Вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь легко проявляется всякаго рода треніе отдѣльныхъ частей столь сложнаго и далеко не стройнаго механизма, а въ результатѣ страдаетъ народное просвѣщеніе. Фактовъ, иллюстрирующихъ это положеніе, можно ежедневно насчитывать великое множество даже въ сообщеніяхъ ежедневной печати, куда, къ сожалѣнію, попадаетъ лишь очень незначительное число событій этого рода.

Какія странныя и неожиданныя проявленія принимаетъ порою этотъ всеобщій „антагонизмъ" въ области народнаго просвѣщенія, наглядно могутъ показать слѣдующія два газетныхъ сообщенія, которыя мы приведемъ здѣсь цѣликомъ въ виду, ихъ характерности.

Изъ Крестцовъ, Новгородской губерніи, „Русскимъ Вѣдомостямъ" (№ 94) сообщаютъ: „Предводитель дворянства на ходатайство управы о разрѣшеніи открытія шести новыхъ школъ согласно постановленію земскаго собранія сессіи 1903 года не изъявилъ своего согласія на открытіе школъ, какъ предсѣдатель училищнаго совѣта, по праву, данному ему ст. 3478 XI т. Св. Зак. (изд. 1893 г.), мотивируя свой отказъ стѣсненностью средствъ земскихъ плательщиковъ и войною. Первый мотивъ не подтверждается въ бумагѣ никакими данными и тѣмъ болѣе оригиналенъ, что смѣта крестецкаго земства, составленная съ превышеніемъ 3%-ной нормы, утверждена губернскимъ по земскимъ дѣламъ присутствіемъ и теперь фактически пріостановлена предсѣдателемъ училищнаго совѣта въ части, касающейся открытія новыхъ школъ. Какое отношеніе имѣютъ къ открытію школъ военныя дѣйствія, также остается не выясненнымъ въ отношеніи предводителя дворянства. Училищный совѣтъ, большинство котораго составляли земскіе начальники, постановилъ до окончанія военныхъ дѣйствій на Дальнемъ Востокѣ не давать разрѣшеній на открытіе народныхъ чтеній съ волшебнымъ фонаремъ и потому не вошелъ въ разсмотрѣніе каждаго отдѣльнаго ходатайства о разрѣшеніи чтеній и о допущеніи чтецами учащихъ въ начальныхъ школахъ. Ходатайства возбуждены земской управой".

Безъ сомнѣнія, никому до сихъ поръ и въ голову не могло придти, что однимъ изъ послѣдствій русско-японской войны явится пріостановка развитія дѣла народнаго просвѣщенія въ Россіи, что явятся по случаю этой войны затрудненія въ открытіи новыхъ школъ и даже въ устройствѣ народныхъ чтеній. Послѣднее особенно любопытно. Если можно говорить, что въ виду военныхъ событій необходимо на всемъ экономить, а въ томъ числѣ и на дѣлѣ открытія новыхъ школъ (хотя въ данномъ случаѣ связь войны и необходимости этой экономіи устанавливается совершенно неудачно, такъ какъ средства, которыя останутся въ экономіи вслѣдствіе неоткрытія шести школъ, отнюдь на войну не будутъ употреблены), то уже совершенно непонятно, какое отношеніе можетъ имѣть война къ устройству народныхъ чтеній, на которыя въ данномъ случаѣ никакихъ новыхъ расходовъ не производилось, а использовался уже имѣющійся матеріалъ — фонари и картины (трудъ чтецовъ, какъ извѣстно, даровой). Наоборотъ, казалось, именно теперь-то и необходимо устраивать народныя чтенія, чтобы познакомить массу народа съ тѣми странами и народностями, изъ-за которыхъ и съ которыми ведется въ данное время война, и вообще съ причинами и цѣлями этой войны. Между тѣмъ въ Новгородской

губерніи додумались до удивительно остроумнаго соображенія о томъ, что разъ въ Манчжуріи ведется война, за 10 тысячъ верстъ въ Новгородской губерніи, деревня должна быть лишена одного изъ немногихъ доступныхъ ей средствъ просвѣщенія, какимъ являются народныя чтенія. Таково одно изъ проявленій „антагонизма" въ области народнаго просвѣщенія, который въ данномъ случаѣ представляетъ собою не только „грѣшное" дѣло, но и прямо что-то невозможное.

Другое извѣстіе, которое мы намѣреваемся привести, гласитъ буквально слѣдующее:

„Книжнымъ складомъ губернскаго земства представленъ былъ казанскому отдѣльному цензору для разрѣшенія къ печати „Каталогъ свѣтовыхъ картинъ для народныхъ чтеній". Каталогъ этотъ препровожденъ былъ цензоромъ вятскому губернатору на его заключеніе. Нынѣ губернаторъ увѣдомляетъ губернскую управу, что изъ присланнаго каталога имъ усмотрѣно, что показываніе нѣкоторыхъ картинъ не можетъ быть признано не только необходимымъ, но полезнымъ *съ точки зрѣнія воспитательнаго ихъ значенія.* Сюда прежде всего относятся картины, изображающія убійства, казни, дуэли, единоборство, месть, злобу, гнѣвъ и вообще такіе моменты историческихъ и бытовыхъ фактовъ, въ которыхъ обнаруживается первобытная грубая и темная сторона человѣческой природы съ ея звѣрскими инстинктами. Къ тому же разряду нежелательныхъ для показыванія картинъ принадлежатъ и тѣ картины, въ которыхъ воспроизводятся страшные, пугающіе темнаго человѣка образы миѳическихъ и сказочныхъ существъ, въ реальномъ существованіи которыхъ наши крестьяне убѣждены въ подавляющемъ большинствѣ. Наконецъ, мало поучительнаго могутъ давать простому народу, по мнѣнію губернатора, и многія изъ картинъ комическаго содержанія, напримѣръ, къ произведеніямъ Гоголя, такъ какъ наши крестьяне и мѣщане еще не достигли такой степени умственнаго развитія, на каторой понятны „не только видимый міру смѣхъ, но и незримыя, невѣдомыя ему слезы". Изъ картинъ религіознаго содержанія также встрѣчаются такія, которыя зрителямъ не могутъ дать правильнаго представленія о лицахъ и событіяхъ ветхозавѣтныхъ. А потому губернаторъ, сдѣлавъ распоряженіе чрезъ наблюдающаго за книжной торговлей въ Вяткѣ чиновника объ изъятіи указанныхъ въ приложенномъ спискѣ картинъ изъ продажи при книжномъ складѣ и разсылки по уѣздамъ, предлагаетъ губернской управѣ передать указанныя свѣтовыя картины этому чиновнику для опечатанія и сдачи для храненія завѣдывающему книжнымъ складомъ. Къ этому распоряженію губернатора приложенъ слѣдующій списокъ свѣтовыхъ картинъ, которыя не могутъ быть показываемы при народныхъ чтеніяхъ: Ветхій Завѣтъ: 1) Сотвореніе Евы.—Библейскіе разсказы; 2) Каинъ убиваетъ Авеля; 3) Іудиѳь и Олофернъ; 4) Іудиѳь показываетъ голову Олоферна; 5) Посланные Іеуемъ находятъ голову, ноги и кисти рукъ Іезавели; 6) Чужестранцы, переселенные въ Самарію, пожираются львами; 7) Навуходоносоръ умерщвляетъ дѣтей Седекіи предъ его глазами; 8) Іисусъ Навинъ щадитъ жизнь Раввы; 9) Смерть Авессалома; 10) Плачъ Давида о смерти Авессалома; 11) Ависса спасаетъ жизнь Давида; 12) Сраженіе единоборцевъ Іевасая и Давида; 13) Пораженіе Давидомъ аммонитянъ; 14) Ахавъ, побитый камнями; 15) Дочь Іефая ликуетъ при встрѣчѣ отца; 16) Веньямиты похищаютъ дочерей въ Силомѣ; 17) Сусанна и старцы; 18) Оправданіе Сусанны; 19) Іиуй низвергаетъ Іезавель. — Іуда Маккавей; 20) Мученическая смерть старца Елеазара; 21) Астинъ отказывается идти къ Артаксерксу.—Злое время татарщины: 22) Русскіе, сожигае-

мые въ храмѣ.—Царствованіе Іоанна Грознаго: 23) Іоаннъ отдаетъ псарямъ Шуйскаго; 24) Филиппъ отказываетъ Іоанну Грозному въ благословеніи; 25) Филиппа ведутъ въ заточеніе; 26) Смерть Филиппа; 27) Малюта Скуратовъ показываетъ монахамъ мертваго Филиппа; 28) Убіеніе царевича Дмитрія; 29) Послѣднія минуты Годуновыхъ; 30) Бѣгство колодниковъ.—Капитанская дочка: 31) Дуэль Гринева съ Швабринымъ.—Тарасъ Бульба: 32) Казнь Остапа; 33) Смерть Андрія.—Пѣснь про купца Калашникова: 34) Вотъ оба молча расходятся, богатырскій бой начинается; 35) И опричникъ молодой застоналъ слегка, и 36) Палачъ весело похаживаетъ". („Русскія Вѣдомости", № 119).

Дѣйствующими законоположеніями, какъ извѣстно, общей администраціи предоставлено широкое воздѣйствіе на положеніе дѣлъ въ области „народнаго" образованія—въ узкомъ значеніи этого термина. Но всегда побудительнымъ мотивомъ такого воздѣйствія является охраненіе государственнаго порядка, и только съ этой единственной точки зрѣнія общая администрація имѣетъ вполнѣ законное право на вмѣшательство въ данную сферу, вообще чуждую дѣятельности этой администраціи. Въ только что разсказанномъ эпизодѣ мы едва ли не впервые имѣемъ случай вмѣшательства мѣстной губернской администраціи въ дѣла народныхъ чтеній „съ точки зрѣнія воспитательнаго ихъ значенія". Напрасно стали бы мы искать въ Сводѣ Законовъ указаній на то, чтобы на губернскую власть, къ ея многочисленнымъ и разнообразнымъ обязанностямъ, была возложена еще обязанность и по воспитательной части. Это и совершенно понятно. Губернскую власть всего менѣе можно считать компетентною въ разрѣшеніи вопросовъ воспитательнаго характера, какъ это и подтверждается даннымъ случаемъ. Едва ли нужно доказывать, какъ неправъ тотъ, кто полагаетъ, что туманныя картины, изображающія „Сотвореніе Евы", „Убійство Каиномъ Авеля", исторію „Іудиѳи и Олоферна" и т. п., или картины, иллюстрирующія сочиненія Гоголя, могутъ оказывать вредное вліяніе на нравы народной массы. Нужно быть уже слишкомъ далекимъ отъ пониманія задачъ воспитательнаго воздѣйствія на народную массу при помощи чтеній и иллюстрирующихъ ихъ картинъ, чтобы додуматься до такой странной мысли. И неудивительно, что наше дѣйствующее законодательство ни однимъ словомъ не вооружаетъ губернскую власть на совершеніе распоряженій, направленныхъ къ достиженію воспитательныхъ цѣлей. Несомнѣнно, что, напр., уличное пьянство, ставшее въ настоящее время обычнымъ явленіемъ нашей жизни, представляетъ глубоко-печальное явленіе съ точки зрѣнія воспитательнаго вліянія этого явленія какъ на всю народную массу вообще, такъ и на подростающее поколѣніе ея въ частности. Тѣмъ не менѣе, законъ, предоставляя губернской власти обязанность бороться съ уличнымъ пьянствомъ, руководствовался въ этомъ случаѣ отнюдь не воспитательной точкой зрѣнія, а поручаетъ губернскому начальству эту борьбу въ виду того, что указанное явленіе представляетъ собою „нарушеніе порядка". И тѣмъ страннѣе это выступленіе общей администраціи въ роли воспитателя, когда тамъ, гдѣ могли бы быть достигнуты именно воспитательныя цѣли путемъ энергической дѣятельности администраціи, какъ въ той же борьбѣ съ уличнымъ пьянствомъ, мы наталкиваемся повсюду на факты полнаго игнорированія такого воспитательнаго зла и предоставленія ему полной свободы. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ данный эпизодъ, несомнѣнно, по жалобѣ вятскаго земства дойдетъ до сената, будетъ въ высшей степени интересно узнать мнѣніе этого высшаго хранителя законности, насколько можетъ быть призна-

ваемо законнымъ изъятіе изъ книжнаго земскаго склада цѣлой серіи картинъ съ „точки зрѣнія воспитательнаго ихъ значенія“. Пока же мы имѣемъ полное право отнести данный эпизодъ къ числу проявленій того „антагонизма“, которому „грѣшно быть“ въ такомъ дѣлѣ, какъ дѣло народнаго просвѣщенія.

Послѣ этихъ фактовъ „антагонизма“ въ области народнаго просвѣщенія пріятно отмѣтить фактъ противоположнаго характера Въ послѣдніе годы министерство народнаго просвѣщенія, какъ извѣстно, уже неоднократно приходило въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ на помощь земскимъ учрежденіямъ въ дѣлѣ устройства новыхъ школъ. Вотъ еще одинъ новый фактъ того-же рода. Недавно шадринское уѣздное земство обратилось съ ходатайствомъ въ министерство народнаго просвѣщенія объ ежегодномъ ассигнованіи ему по 20.000 р. въ пособіе на содержаніе 20-ти вновь открываемыхъ начальныхъ народныхъ училищъ. Въ концѣ апрѣля шадринскою земскою управою былъ полученъ чрезъ пермскаго губернатора отвѣтъ министерства въ томъ смыслѣ, что министерство будетъ помогать осуществленію предположенія земства въ дѣлѣ развитія народнаго образованія въ Шадринскомъ уѣздѣ по мѣрѣ имѣющихся средствъ и что имъ одновременно съ этимъ предложено попечителю оренбургскаго учебнаго округа имѣть ходатайство это въ виду при доставленіи министерству свѣдѣній о средствахъ, потребныхъ къ испрошенію изъ суммъ государственнаго казначейства на нужды народнаго образованія въ Пермской губерніи.

Фактъ этотъ тѣмъ пріятнѣе отмѣтить, что содѣйствіе министерства народнаго просвѣщенія земству въ данномъ случаѣ отнюдь не обусловливается уменьшеніемъ права земства по избранію кандидатовъ въ народные учителя и вообще по завѣдыванію училищами, какъ это было въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, побуждавшихъ земства даже отказываться отъ такого содѣйствія. Вообще, если гдѣ особенно желательна солидарность всѣхъ лицъ и учрежденій, касающихся своею дѣятельностью одной и той же области жизни, то это, конечно, въ области народнаго просвѣщенія.

Въ послѣднее время прекрасный образчикъ такой солидарной дѣятельности, за самыми ничтожными исключеніями, представляютъ наши губернскія и уѣздныя земства, которыя съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе расширяютъ сферу совмѣстной работы въ области народнаго образованія. Здѣсь мы съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ новое проявленіе такой солидарной дѣятельности въ школьной области со стороны губернскаго и уѣздныхъ земствъ Владимірской губерніи. Мы имѣемъ въ виду организацію земствомъ горячихъ завтраковъ для учащихся въ земскихъ школахъ.

Въ названной губерніи въ теченіе двухъ лѣтъ въ нѣкоторыхъ земскихъ школахъ производились опыты съ устройствомъ приварковъ для учениковъ, и въ распоряженіи губернской управы накопился любопытный и поучительный матеріалъ по данному вопросу. Почти всѣ учащіе, организовавшіе завтраки, отмѣчали въ своихъ отчетахъ, что горячая пища значительно улучшала самочувствіе учениковъ, что отражалось на ихъ успѣхахъ. Наряду съ этимъ замѣчено болѣе исправное посѣщеніе учениками школы и общее улучшеніе физическаго состоянія учащихся. Приведемъ одинъ типичный отзывъ учительницы: „Раньше вслѣдствіе недоѣданія и сухояденія многіе ученики во время послѣобѣденныхъ занятій обнаруживали вялость, утомленіе, во время перемѣнъ не принимали участія въ играхъ, жаловались на головныя боли и проч. Съ тѣхъ-же поръ, какъ имъ стали давать горячую пищу, они чувствуютъ себя бодро, съ видимымъ желаніемъ принимаются за работу и часто заявляли желаніе

поучиться лишній часъ". Въ виду такихъ фактовъ, губернская земская управа внесла въ земское собраніе послѣдней сессіи докладъ о желательности распространенія горячихъ завтраковъ на всѣ земскія школы. Собраніе постановило: 1) необходимо участіе въ дѣлѣ организаціи завтраковъ для учащихся земскихъ школъ со стороны губернскаго земства, причемъ половина расхода должна падать на мѣстныя средства или на счетъ уѣзднаго земства; 2) пособіе на горячіе завтраки должно выдаваться по разсчету въ 25 коп. на каждаго пользующагося завтраками учащагося, приходящаго въ школу не ближе, чѣмъ за одну версту отъ нея; 3) на организацію завтраковъ на изложенныхъ основаніяхъ требуется ассигновка въ 3.400 руб., которые и должны быть израсходованы изъ капитала на народное образованіе; 4) въ 1904 году произвести опытъ съ организаціей горячихъ завтраковъ исключительно на средства губернскаго земства, гдѣ не найдется мѣстныхъ средствъ, по разсчету въ 50 коп. на каждаго учащагося, а гдѣ найдутся мѣстныя средства — то въ 25 коп. на учащагося.

Вообще наши земства съ каждымъ годомъ все увеличиваютъ число проявленій своей заботливости о народномъ просвѣщеніи. Къ числу новыхъ проявленій земской дѣятельности такого рода должно быть отнесено распространеніе наглядныхъ учебныхъ пособій, изготовляемыхъ въ мастерскихъ при земскихъ книжныхъ складахъ. Значительную извѣстность своими пособіями пріобрѣла мастерская вятскаго губернскаго земства. Въ послѣднее время въ этомъ направленіи начинаетъ выдвигаться также мастерская учебныхъ пособій, основанная курскимъ губернскимъ земствомъ при его учебномъ музеѣ. Мастерская изготовляетъ пособія примѣнительно къ нуждамъ народной школы и до настоящаго времени выпустила въ продажу около 70 нумеровъ пособій по географіи, ариѳметикѣ, физикѣ и другимъ предметамъ. Къ нѣкоторымъ изготовляемымъ пособіямъ мастерская прилагаетъ брошюры и листки съ объяснительнымъ текстомъ. Такъ, изданъ объяснительный текстъ къ „школьному біологическому гербарію", къ коллекціямъ „изъ чего и какъ добывается сахаръ", „конопля и что изъ нея дѣлается", къ приборамъ, демонстрирующимъ разложеніе воды, добываніе кислорода, расширеніе тѣлъ, теплопроводность тѣлъ, къ моделямъ телеграфа, электродвигателя, воздушнаго насоса и пр. Дешевизна учебныхъ пособій курской мастерской и снабженіе ихъ объяснительнымъ текстомъ заставляютъ и другія губерніи обращаться къ услугамъ курскаго земскаго книжнаго склада. За послѣдній годъ складъ продалъ наглядныхъ учебныхъ пособій на сумму въ 25.000 руб.

Вообще работа въ области народнаго образованія, выполняемая нашими земскими учрежденіями, растетъ съ каждымъ годомъ и въ глубь, и въ ширь и дѣлается все болѣе и болѣе высокаго качества. Естественно, что она неизбѣжно оставляетъ все болѣе и болѣе глубокій слѣдъ въ нашей жизни. Несомнѣнно, что наблюдающееся въ настоящее время повсемѣстно фактическое вымираніе розги въ практикѣ волостныхъ судовъ является непосредственнымъ результатомъ заботъ земскихъ учрежденій о распространеніи народнаго просвѣщенія. Точно также и юридическое исчезновеніе розги изъ нашей жизни, которое, судя по всему, составляетъ вопросъ недалекаго времени, явится также результатомъ усиленныхъ хлопотъ въ этомъ направленіи тѣхъ же земскихъ учрежденій. Здѣсь можно привести любопытный въ данномъ отношеніи отвѣтъ министерства народнаго просвѣщенія, послѣдовавшій недавно на ходатайство костромского губернскаго земскаго собранія о томъ, чтобы крестьяне, окончившіе курсъ школы, какого бы типа она ни была, были освобождены отъ

тѣлеснаго наказанія. Отвѣтъ этотъ содержитъ слѣдующее сообщеніе: „Означенный вопросъ, независимо отъ ходатайства губернскаго костромского земскаго собранія, разсмотрѣнъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, и ему, по сношеніи съ подлежащими вѣдомствами, предположено дать дальнѣйшее движеніе“. Такимъ образомъ, неоднократныя ходатайства земскихъ собраній по данному вопросу привели къ практическому результату, и, повидимому, хоть окончившіе курсъ начальной школы у насъ получатъ въ непродолжительномъ времени преимущество быть свободными отъ возможности примѣненія къ нимъ тѣлеснаго наказанія, что, конечно, въ свою очередь, повлечетъ за собою и окончательное устраненіе практики розги въ нашей жизни.

Въ частности въ жизни самой школы земская работа не только оставляетъ глубокій слѣдъ, но и формируетъ самую эту жизнь, измѣняя съ каждымъ годомъ неприглядное положеніе школы къ лучшему. Между прочимъ, это замѣтно на положеніи главнаго фактора школьной жизни—учителя. Какъ ни неприглядно до сихъ поръ это положеніе, оно, несомнѣнно, улучшается, благодаря вниманію земскихъ дѣятелей къ нуждамъ народныхъ учителей. Разнаго рода мѣропріятія земства, направленныя къ улучшенію матеріальнаго положенія учителя, довольно извѣстны. Но земство принимаетъ также мѣры къ тому, чтобы улучшить общее положеніе народнаго учителя и въ частности ослабить его зависимость отъ разнаго рода темныхъ элементовъ, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, господствующихъ въ селѣ. Наконецъ, самое выясненіе положенія народнаго учителя во многомъ обязано именно работѣ и заботамъ земскихъ учрежденій. Нѣкоторыя земства даже задаются цѣлью всесторонняго изслѣдованія положенія учительскаго быта. Такъ, недавно такая работа начата калужскою губернскою земскою управою. Поводомъ къ изслѣдованію положенія учителей и учительницъ земскихъ школъ Калужской губерніи послужило ходатайство мѣстнаго общества взаимопомощи учащихся объ увеличеніи содержанія земскимъ учителямъ и учительницамъ. Прежде, чѣмъ войти по этому вопросу съ докладомъ въ земское собраніе, управа и сочла необходимымъ произвести обслѣдованіе положенія учителей. Съ этою цѣлью управа разослала въ концѣ марта всѣмъ учащимъ бланкъ съ слѣдующими вопросами: сословіе, возрастъ, образовательный цензъ, продолжительность службы въ данной школѣ и вообще въ земствѣ, размѣръ вознагражденія отъ уѣзднаго земства, отъ сельскихъ обществъ и изъ другихъ источниковъ, стороннія заработки, порядокъ полученія жалованья и его неудобства, семейное положеніе, полученіе учащими книгъ, журналовъ и газетъ. Срокомъ представленія отвѣтовъ назначено 1 мая, послѣ чего полученные отвѣты будутъ сгруппированы и подвергнуты обработкѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что это обслѣдованіе представитъ поучительный матеріалъ, который и дастъ калужскому земству возможность сдѣлать не мало для улучшенія положенія учащихъ въ земскихъ школахъ.

Многими земствами въ послѣднее время обнаружено стремленіе освободить учащихъ въ земскихъ школахъ отъ сношеній съ волостными старшиною и писаремъ по различнымъ хозяйственнымъ вопросамъ. Такія сношенія вообще тягостны для учителей, такъ какъ волостныя „власти“ сплошь и рядомъ считаютъ себя въ правѣ дѣлать замѣчанія и даже выговоры учителямъ (а порою и прямо ругаться) по поводу того, что въ школѣ выходитъ много дровъ, керосина и проч. Костромское уѣздное земство взяло на себя заботы объ отопленіи и освѣщеніи школъ; кологривское той же Костромской губерніи производитъ для школъ выписку учебныхъ принадлежностей, пособій и книгъ и т. д. Тамъ, гдѣ имѣются земскіе книжные склады, учителя уже давно осво-

бождены отъ необходимости обращаться къ сельскимъ и волостнымъ властямъ по поводу снабженія школъ учебными пособіями и учебниками. И въ этомъ направленіи съ каждымъ годомъ дѣлаются дальнѣйшіе шаги, въ конечномъ результатѣ которыхъ все содержаніе школъ должно перейти на земскія средства, что и освободитъ учителей отъ какихъ бы то ни было сношеній съ волостными и сельскими властями.

Не могли земства не остановиться на необезпеченности положенія народнаго учителя, выражающейся въ необычайной легкости, съ которою этотъ труженикъ сплошь и рядомъ лишается мѣста и переводится съ одного мѣста на другое. Вопросъ этотъ по тому или иному поводу нерѣдко приходится обсуждать земскимъ органамъ, такъ или иначе касающимся дѣла народнаго образованія. Недавно его пришлось коснуться школьной коммиссіи при аткарской уѣздной земской управѣ (Саратовской губерніи). Членъ училищнаго совѣта Ф. Н. Павлюковъ, состоящій и членомъ коммиссіи, обратилъ вниманіе ея на фактъ, съ которымъ ему часто приходилось сталкиваться во время 11-ти-лѣтняго пребыванія въ составѣ уѣзднаго училищнаго совѣта,—на безпричинное и безосновательное увольненіе и перемѣщеніе учительскаго персонала. Достаточно учителю или учительницѣ быть не въ ладахъ съ какимъ-нибудь воротилой, чтобы недовольный учителемъ добился перевода, а подчасъ и увольненія зачастую хорошаго работника и честнаго труженика. Понятно, что при подобномъ положеніи вещей дѣло народнаго просвѣщенія не можетъ не страдать очень существенно. Земство, по мнѣнію г. Павлюкова, какъ учрежденіе, дающее средства на содержаніе школъ, не можетъ мириться съ такимъ печальнымъ явленіемъ и должно принять мѣры къ его устраненію. Школьная коммиссія, обсудивъ вопросъ, постановила просить земское собраніе возбудить ходатайство объ увеличеніи числа членовъ отъ земства въ училищномъ совѣтѣ и о введеніи въ составъ этого учрежденія предсѣдателя уѣздной земской управы, имѣя въ виду, что при усиленіи земскаго элемента въ училищномъ совѣтѣ, послѣдній будетъ становиться на защиту учителей и учительницъ отъ произвольнаго увольненія и перемѣщенія.

Еще не такъ давно всѣ эти заботы земскихъ учрежденій о положеніи народнаго учителя нерѣдко трактовались, какъ нежелательное явленіе, причемъ порою отрицались и самые факты, вызывающіе необходимость такого попеченія о народныхъ учителяхъ. Теперь, повидимому, земскія заботы въ указанномъ направленіи уже не будутъ вызывать къ себѣ подобнаго отношенія, такъ какъ въ послѣднее время тѣмъ же вопросомъ занялось и министерство народнаго просвѣщенія. Именно, какъ сообщалъ недавно „Русскій Начальный Учитель“, во исполненіе Высочайше преподаннаго 26 апрѣля 1903 года указанія на то, чтобы „министерство народнаго просвѣщенія озаботилось принятіемъ надлежащихъ мѣръ къ огражденію народныхъ учительницъ отъ тяжелыхъ нравственныхъ и бытовыхъ условій, которыя ставятъ въ безпомощное положеніе беззащитныхъ труженицъ“, временно управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія обратился недавно къ попечителямъ учебныхъ округовъ съ циркулярнымъ предложеніемъ, прося ихъ „поручить лицамъ, ревизующимъ начальныя училища, вникать въ условія дѣятельности народныхъ учительницъ и принимать должныя мѣры къ устраненію всѣхъ обстоятельствъ, отягчающихъ матеріальное или нравственное положеніе сихъ лицъ“.

Нѣкоторыя учебно-окружныя управленія уже составили свои заключенія по только что указанному вопросу. Такъ, начальство одного изъ учебныхъ округовъ, какъ сообщаютъ „Русскія Вѣдомости“ (№ 121), въ своемъ заклю-

ченіи по вопросу о мѣрахъ улучшенія положенія народныхъ учительницъ высказало, между прочимъ, что тяжелое положеніе этихъ учительницъ обусловливается, главнымъ образомъ, столкновеніями ихъ съ мѣстными сельскими обществами по дѣламъ школьнаго хозяйства и правильнаго посѣщенія учениками классныхъ уроковъ. А потому въ цѣляхъ улучшенія матеріальнаго и нравственнаго положенія народныхъ учителей, означенное учебно-окружное начальство признаетъ необходимымъ организовать при училищахъ особые школьные совѣты, на коихъ и возложить обязанность вѣдать хозяйственную часть и посѣщеніе дѣтьми училища. При этомъ въ составъ сказанныхъ совѣтовъ предполагается ввести: законоучителя съ правами предсѣдателя, всѣхъ учащихъ училища, попечителя и попечительницу, волостного старшину, если училище находится въ селѣ, гдѣ имѣется волостное правленіе, или мѣстнаго сельскаго старосту, и двухъ выборныхъ членовъ отъ обществъ, участвующихъ въ содержаніи училища, съ правами членовъ совѣта. Рѣшенія совѣта приводятся въ исполненіе волостнымъ старшиною или сельскимъ старостою по принадлежности, а въ случаѣ надобности сообщаются инспектору народныхъ училищъ и земскому начальнику. Совѣты эти имѣютъ находиться въ вѣдѣніи училищныхъ совѣтовъ, а гдѣ ихъ нѣтъ—инспектора народныхъ училищъ.

Какъ видимъ, учебно-окружное начальство, мнѣніе котораго изложено, находитъ необходимымъ принимать мѣры вообще къ улучшенію положенія учащихъ въ начальныхъ школахъ безъ различія ихъ пола, какъ это и дѣлаетъ земство. Точно также окружное начальство сходится съ земствомъ въ томъ, что приписываетъ неудовлетворительное положеніе учащихъ въ начальныхъ школахъ въ значительной мѣрѣ ихъ зависимости отъ сельскихъ и волостныхъ властей по школьно-хозяйственнымъ вопросамъ. Но въ то время, какъ земства, стремясь принимать на земскій счетъ всѣ расходы по школѣ, тѣмъ самымъ избавляютъ учителей отъ необходимости имѣть какія-либо отношенія къ сельскимъ и волостнымъ властямъ по хозяйственнымъ вопросамъ, окружное начальство проектируетъ такой порядокъ завѣдыванія школами въ хозяйственномъ отношеніи, при которомъ еще болѣе усилится зависимость учителя именно отъ тѣхъ самыхъ элементовъ, отъ которыхъ необходимо поставить учителя въ полную независимость. Въ самомъ дѣлѣ, и составъ проектируемыхъ совѣтовъ, и возложеніе исполненія постановленій совѣтовъ на волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ—все это приведетъ къ тому, что положеніе учителя не улучшится, а еще ухудшится. Въ этомъ отношеніи гораздо болѣе соотвѣтствуютъ цѣли проектировавшіяся нѣсколькими земствами коллективныя школьныя попечительства, въ составъ которыхъ входили-бы лица, дѣйствительно интересующіяся положеніемъ школы и готовыя дѣйствительно заботиться о ея процвѣтаніи. Теперь, когда поднятъ вопросъ объ улучшеніи положенія народродныхъ учительницъ, который не можетъ быть отдѣленъ отъ вопроса объ улучшеніи вообще положенія учительскаго персонала начальной школы, очень умѣстно вспомнить земскія ходатайства о коллективныхъ школьныхъ попечительствахъ, такъ какъ организація ихъ во многомъ измѣнила бы къ лучшему теперешнее неудовлетворительное положеніе нашей начальной школы и работающаго въ ней учителя.

Я. Абрамовъ.

Хроника народныхъ библіотекъ.

Некрасовская библіотека безъ Некрасова.—Предстоящее измѣненіе правилъ о народныхъ библіотекахъ, и ходатайство курскаго губернскаго земства о расширеніи круга лицъ, которымъ можетъ поручаться надзоръ за народными читальнями. — Допущеніе въ народныя библіотеки новыхъ изданій допущенныхъ уже книгъ. — Запретительный порядокъ допущенія книгъ и примѣненіе его къ публичнымъ библіотекамъ и разносной торговлѣ книгами.—Время открытія народныхъ библіотекъ.—Кольцовская библіотека въ Воронежѣ. — Какъ трудно организовать продажу хорошей книги. — Организація продажи книгъ при волостныхъ правленіяхъ по инціативѣ кіевскаго губернатора.

Въ мартѣ нынѣшняго года при зарѣчномъ волостномъ правленіи, Костромской губерніи, была открыта безплатная народная библіотека имени Н. А. Некрасова. Некрасова всѣ мы привыкли называть „народнымъ поэтомъ", и потому открытіе народной библіотеки въ честь его являлось дѣломъ не только естественнымъ, но и въ высшей степени желательнымъ. Но уже при самомъ открытіи библіотеки имени Некрасова произошелъ эпизодъ, ясно показывающій съ одной стороны всю ненормальность нынѣшняго правового положенія народныхъ библіотекъ, а съ другой, пожалуй, и преждевременность открытія народной библіотеки, посвященной имени „народнаго поэта". Въ самомъ дѣлѣ, „Некрасовская" библіотека, не имѣющая права держать въ своихъ шкафахъ сочиненій Некрасова,—это, пожалуй, не столько проявленіе почитанія имени Некрасова, сколько горькая иронія нашей жизни надъ многострадальною судьбою народнаго поэта, даже и послѣ своей смерти все еще остающагося подъ запретомъ для того самаго народа, которому была посвящена творческая дѣятельность Некрасова. Послѣ молебна, которымъ была открыта вышеупомянутая народная библіотека, была начата выдача книгъ. И вотъ среди „меньшихъ братій", явившихся въ открытый для нихъ храмъ человѣческаго знанія, какимъ является скромная народная библіотека въ селѣ, нашлись любознательные люди, которые пожелали узнать, кто такой былъ Некрасовъ, въ честь котораго библіотека открыта, и за что воздается ему такая честь. Любознательность ихъ по возможности была удовлетворена. Тогда „меньшая братія" пожелала начать свое ознакомленіе съ предлагаемою ей духовною пищею именно съ сочиненій поэта, доставившихъ ему честь устройства въ его память библіотеки. И тогда произошелъ слѣдующій краткій, но многоговорящій уму и сердцу діалогъ:

— Къ сожалѣнію, сочиненія Н. А. Некрасова въ народныя библіотеки не допущены...

— Какъ же это,—недоумѣваетъ меньшая братія: коли и сама-то наша библіотека *некрасовская*...

— Да, она *называется* некрасовскою, но... сочиненія Некрасова всетаки не допущены...

Не думаемъ, чтобы кто-либо пожелалъ быть на мѣстѣ устроителей и распорядителей „Некрасовской" библіотеки, открытой въ мартѣ въ зарѣчномъ волостномъ правленіи, Костромской губерніи. Но именно въ такомъ положеніи были также устроители и распорядители Некрасовской библіотеки въ Ярославлѣ, посѣтители которой также долго не могли понять, почему въ библіотекѣ имени Некрасова нѣтъ того, что, казалось бы, должно быть на первомъ планѣ въ этой библіотекѣ,—сочиненій того самаго писателя, въ честь котораго библіотека устроена. Такія же тяжелыя минуты должны были пережи-

вать устроители и распорядители библіотеки имени Добролюбова, сочиненій котораго, конечно, также нѣтъ въ библіотекѣ, посвященной его памяти. То же самое, конечно, испытали и во многихъ другихъ концахъ Россіи, устраивая народныя библіотеки въ честь того или иного изъ покойныхъ или современныхъ писателей, когда даже показать публикѣ нельзя было тѣхъ сочиненій этихъ писателей, за которыя ихъ чествовали устройствомъ библіотекъ, посвященныхъ ихъ именамъ. Недавно, напр., во многихъ мѣстахъ собирались средства для устройства народныхъ библіотекъ имени В. Г. Короленко, и однако сочиненія этого писателя, за которыя онъ, помимо всего прочаго, избранъ почетнымъ академикомъ, не появятся даже въ библіотекахъ, посвященныхъ его имени.

Не пора ли, наконецъ, положить конецъ такому ненормальному положенію вещей? Сейчасъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ пересматриваются правила 15 мая 1890 года о народныхъ библіотекахъ, и разработывается проектъ новыхъ правилъ. Такимъ образомъ, теперь имѣется полная возможность покончить съ страннымъ порядкомъ пополненія состава народныхъ библіотекъ, при которомъ Некрасовская библіотека оказывается безъ Некрасова.

О томъ, что въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ готовится проектъ новыхъ правилъ о народныхъ библіотекахъ, мы узнали изъ отвѣта, полученнаго чрезъ мѣстнаго губернатора курскимъ губернскимъ земствомъ на ходатайство о расширеніи круга лицъ, которымъ можетъ быть поручаемъ надзоръ за народными читальнями. Ходатайство это было возбуждено еще курскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ сессіи 1897 года. Земское собраніе ходатайствовало о томъ, чтобы было разрѣшено быть наблюдателями не однимъ чинамъ духовнаго и учебнаго вѣдомствъ, какъ того требуетъ § 3 правилъ 15 мая 1890 г., а также земскимъ начальникамъ, земскимъ гласнымъ, попечителямъ школъ и вообще мѣстнымъ жителямъ, благонадежность которыхъ будетъ удостовѣрена въ установленномъ порядкѣ. Поводомъ къ возбужденію этого ходатайства послужило то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ губерніи, за отказомъ священниковъ отъ надзора за библіотеками, послѣднія фактически не могли быть учреждены, несмотря на имѣющіяся для того средства и на разрѣшеніе администраціей открытія библіотекъ. Къ этому присоединилось еще новое затрудненіе, установленное уже мѣстною администраціею по собственной иниціативѣ, такъ какъ, вопреки правиламъ 1890 года, допускающимъ исполненіе обязанностей завѣдывающихъ библіотеками безразлично всѣми лицами, благонадежность которыхъ удостовѣрена, курская администрація стала требовать, чтобы и завѣдывающіе библіотеками были непремѣнно изъ лицъ духовнаго или учебнаго вѣдомствъ. Наконецъ, народно-библіотечное дѣло въ губерніи стало грозить совсѣмъ погибнуть, такъ какъ епархіальное начальство перестало утверждать въ должности наблюдателей за народными библіотеками даже тѣхъ священниковъ, которые изъявляли на то согласіе, ссылаясь на многочисленность прямыхъ обязанностей священниковъ. При такихъ обстоятельствахъ не могъ возникнуть въ губерніи цѣлый рядъ народныхъ библіотекъ. Ходатайство курскаго губернскаго земскаго собранія до конца 1901 года оставалось безъ отвѣта, и только въ указанное время министерство внутреннихъ дѣлъ, согласно отзыву оберъ-прокурора святѣйшаго синода, предложило губернскому земству такой порядокъ открытія народныхъ библіотекъ, чтобы, въ случаѣ затрудненій въ пріисканіи наблюдателей, надзоръ за библіотеками возлагался на уѣзднаго наблюдателя церковно-приходскихъ школъ. Такое разрѣшеніе вопроса, однако, не удовлетворило курское земство, и оно снова по-

вторило въ 1902 г. свое прежнее ходатайство о расширеніи круга лицъ, которымъ можетъ быть поручаемъ надзоръ за народными библіотеками. Теперь, черезъ два года послѣ повторенія своего ходатайства, курское земство и получило отвѣтъ о томъ, что въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ предпринятъ общій пересмотръ правилъ 15 мая 1890 года о народныхъ библіотекахъ.

Вся эта исторія съ народными библіотеками въ Курской губерніи намъ кажется въ высшей степени странною. Несомнѣнно, должности наблюдающихъ за народными библіотеками, учрежденныя правилами 15 мая 1890 года, установлены въ интересахъ поддержанія государственнаго порядка. Функціи этихъ наблюдателей составляютъ проявленіе управленія. Такимъ образомъ, учредителямъ библіотекъ не можетъ быть предоставлено право, равно какъ на нихъ не можетъ быть и возложена обязанность заботиться о пріисканіи лицъ, на которыхъ могутъ быть возложены обязанности наблюдателей за народными библіотеками. Пріискивать лицъ для замѣщенія этихъ должностей должно составлять право и обязанность той правительственной инстанціи, на которую возложена обязанность и право разрѣшенія открытія народныхъ библіотекъ, въ данномъ случаѣ — губернатора. Лицамъ и учрежденіямъ, открывающимъ народныя библіотеки, рѣшительно нѣтъ никакого дѣла до того, имѣется ли у губернатора достаточный контигентъ лицъ для замѣщенія должностей наблюдателей. Учредители народныхъ библіотекъ должны довольствоваться исполненіемъ тѣхъ обязанностей, которыя на нихъ возложены, и разъ эти обязанности ими исполнены, т. е. составлены правила открываемой библіотеки, и представлено къ утвержденію отвѣтственное по библіотекѣ лицо, признаваемое администраціею подлежащимъ утвержденію,—до всего остального этимъ лицамъ и учрежденіямъ не можетъ быть никакого дѣла, и народныя библіотеки никоимъ образомъ не могутъ оставаться не открытыми только потому, что администрація затрудняется въ пріисканіи лицъ для замѣщенія должностей наблюдателей за библіотеками. Наблюдатели должны быть непремѣнно, а если некѣмъ замѣстить этихъ должностей, обязанности наблюдателей должны быть возлагаемы временно на тѣхъ или иныхъ лицъ, состоящихъ въ распоряженіи мѣстной администраціи; о неудобствахъ же существующаго порядка, приводящаго къ невозможности замѣстить должности наблюдателей, администрація должна дѣлать надлежащія представленія. Во всякомъ случаѣ эти неудобства отнюдь не должны служить поводомъ къ тому, чтобы дѣятельность по устройству народныхъ библіотекъ, составляющихъ такое важное орудіе народнаго просвѣщенія, совершенно пріостанавливалась, какъ это неожиданно оказалось въ Курской губерніи. Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли было бы, если бы на томъ только основаніи, что гдѣ-либо администрація затруднялась найти кандидатовъ для замѣщенія чиновъ полиціи, всѣ стороны жизни населенія, подлежащія наблюденію со стороны полиціи, вдругъ пріостановились бы, и населенію, чтобы получить возможность проявлять эти стороны жизни, пришлось бы хлопотать о замѣщеніи должностей полицейскихъ чиновниковъ. А между тѣмъ именно при аналогичномъ явленіи, оказавшемся въ Курской губерніи, мы и присутствуемъ.

Разсказанный эпизодъ любопытенъ еще и въ томъ отношеніи, что онъ наглядно показываетъ, съ какою поспѣшностью составлялись правила о народныхъ читальняхъ 15 мая 1890 года, и какъ мало эти правила приспособлены къ условіямъ нашей дѣйствительности. Казалось такимъ простымъ и удобнымъ ограниченіе контигента лицъ, могущихъ быть назначаемыми наблюдателями за народными библіотеками; а на дѣлѣ оказалось, что это ограни-

ченіе можетъ совершенно парализовать развитіе народно-библіотечнаго дѣла. И такихъ дефектовъ въ правилахъ 15 мая 1890 года цѣлая масса. Естественно, что, наконецъ, и министерство внутреннихъ дѣлъ нашло нужнымъ подвергнуть эти правила коренной переработкѣ. Въ ходатайствахъ земскихъ собраній, многократно возбуждавшихся по поводу этихъ правилъ, министерство найдетъ богатѣйшій матеріалъ относительно тѣхъ требованій, которыя предъявляетъ жизнь къ народно-библіотечному дѣлу и которыя безусловно должны быть приняты во вниманіе при выработкѣ новыхъ правилъ. Здѣсь мы сдѣлаемъ только одно замѣчаніе. Какъ извѣстно, тѣхъ ограниченій относительно состава публичныхъ библіотекъ, которыя установлены правилами 15 мая для народныхъ библіотекъ, нашъ законъ совсѣмъ не знаетъ. Въ законѣ (примѣчаніе къ ст. 175 Устава о цензурѣ и печати) имѣется лишь одно указаніе относительно такого ограниченія: именно означеннымъ закономъ „министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется право указывать мѣстнымъ начальствамъ тѣ произведенія печати, которыя не должны быть допускаемы къ обращенію въ публичныхъ библіотекахъ и общественныхъ читальняхъ". Это право министра внутреннихъ дѣлъ аналогично праву, предоставленному тому же министру ст. 178 Устава о цензурѣ и печати, въ силу которой ему „предоставляется указывать мѣстнымъ полицейскимъ начальствамъ... тѣ періодическія изданія и отдѣльныя брошюры, которыя не должны быть допускаемы въ розничной продажѣ". Эти права министра внутреннихъ дѣлъ постоянно примѣняются къ дѣлу, какъ можно судить по появляющимся о томъ въ газетахъ извѣстіямъ. Такъ, еще недавно газеты сообщали о томъ, что полицеймейстерамъ и исправникамъ было сообщено распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ о воспрещеніи къ обращенію въ публичныхъ библіотекахъ и общественныхъ читальняхъ слѣдующихъ книгъ: 1) „Гусли", избранныя стихотворенія нѣкоторыхъ русскихъ писателей. Спб. 1902. Типографія министерства внутреннихъ дѣлъ. 2) „Гимны для христіанъ евангелическо-лютеранскаго исповѣданія". Изданіе Риккера. 3) „Собраніе стихотвореній". Изд. тип. Гатцука. 4) „Духовныя пѣсни". Константинополь. 1870. Вмѣстѣ съ тѣмъ, тѣмъ же должностнымъ лицамъ сообщено о воспрещеніи къ разносной продажѣ брошюръ: 1) „Приношеніе православнымъ христіанамъ". Изд. книгопродавца Блисмера. 2) „Любимые стихи", и 3) „Радостныя пѣсни Сіона". Это право воспрещать тѣ или иныя книги, брошюры и періодическія изданія къ обращенію въ публичныхъ библіотекахъ и читальняхъ и разносной продажѣ оказывается совершенно достаточнымъ для осуществленія цѣлей надзора за библіотеками и книжною торговлею, и нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній отступать отъ этого установленнаго закономъ порядка по отношенію къ одному изъ типовъ публичныхъ библіотекъ, получившихъ наименованіе „народныхъ читаленъ". Во всякомъ случаѣ, такъ какъ примѣч. къ ст. 175 Устава о цензурѣ и печати до сихъ поръ не отмѣнено, и не замѣнено какими-либо иными правилами въ законодательномъ порядкѣ, то возстановленіе ея дѣйствія по отношенію къ народнымъ читальнямъ, къ которымъ оно почему-то не примѣняется, и прекращеніе того порядка, который, вопреки указанному закону, созданъ правилами 15 мая 1890 года, изданными въ административномъ порядкѣ и потому никоимъ образомъ не могущими ни отмѣнить, ни замѣнить дѣйствующаго закона,— иначе говоря, соблюденіе и по отношенію къ народнымъ библіотекамъ и читальнямъ общаго запретительнаго порядка ограниченія ихъ книжнаго состава, взамѣнъ установленнаго правилами 15 мая 1890 года порядка разрѣшенія книгъ для пополненія народныхъ библіотекъ, явится не только удовлетворе-

ніемъ одного изъ серьезнѣйшихъ требованій жизни, но и возстановленіемъ законности въ данной области.

Установленіе правилами 15 мая 1890 года допущенія книгъ въ народныхъ библіотекахъ, вмѣсто изъятія признанныхъ вредными, оказалось особенно тяжелымъ еще потому, что оно до сихъ поръ практиковалось съ такою строгостью, какой, повидимому, не предусматривали и самыя правила и• которая порою приводила прямо къ нелѣпостямъ. Такъ, недавно понадобилось особое разъясненіе по вопросу о томъ, можетъ ли быть допускаема въ народныя библіотеки и читальни книга, уже разрѣшенная для этой цѣли, разъ она появилась въ новомъ изданіи? Казалось бы, здѣсь и вопроса никакого не можетъ быть: а между тѣмъ на практикѣ сплошь и рядомъ изъ состава народныхъ библіотекъ изъимались или не допускались сюда гг. наблюдателями книги, уже разрѣшенныя для народныхъ библіотекъ, но вышедшія въ новыхъ изданіяхъ, отличающіяся отъ разрѣшенныхъ только годомъ изданія. Газеты сообщаютъ, что недавно Владимірскій губернскій комитетъ попечительства о народной трезвости, встрѣтивъ подобнаго рода препятствія къ пополненію учрежденныхъ имъ народныхъ библіотекъ, вынужденъ былъ входить съ представленіемъ по этому вопросу, на которое и получилъ отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія отвѣтъ, разъясняющій циркулярное предложеніе названнаго министерства отъ 2 февраля 1895 года за № 2.656. Согласно этому разъясненію, всякое новое изданіе книги, разъ допущенной ученымъ комитетомъ къ обращенію въ безплатныхъ народныхъ библіотекахъ-читальняхъ, допускается въ нихъ, независимо отъ того, выпущено ли оно новымъ изданіемъ или старымъ, есть ли на новомъ изданіи помѣтка о томъ, что оно перепечатывается безъ измѣненій съ изданія допущеннаго въ читальни или нѣтъ, „такъ какъ—говорится въ отвѣтѣ—существенно лишь то, чтобы оно по существу было тождественно съ допущеннымъ изданіемъ“. Казалось бы, разъ книга допущена въ народныя библіотеки, и вопроса не можетъ возникать о томъ, можно ли имѣть въ библіотекѣ ту же книгу, только въ новомъ изданіи. А между тѣмъ не только вопросъ возникъ, но и понадобилось сперва циркулярное разъясненіе его, а затѣмъ, въ виду того, что и это разъясненіе толковалось такъ, что книги въ новыхъ изданіяхъ все-таки не допускались въ народныя библіотеки, понадобилось еще разъясненіе этого разъясняющаго циркуляра. Это лишній разъ доказываетъ, до какой степени правила 15 мая 1890 года далеки отъ жизни, и какъ опасно установленіе спеціальныхъ ограниченій для народныхъ библіотекъ, неизбѣжно порождающее всевозможныя недоразумѣнія и непріятности, не только безъ пользы для дѣла, но съ несомнѣннымъ вредомъ для него.

Надо сказать, что вообще народныя библіотеки до сихъ поръ правами гражданства въ нашемъ отечествѣ не обладаютъ, и то, что по отношенію къ публичнымъ библіотекамъ, предназначеннымъ для привиллегированной части общества, считается естественнымъ и необходимымъ,—предполагается излишнею роскошью для народной библіотеки, предназначенной преимущественно для трудящейся массы. У привилегированной части лишь изрѣдка отнимается право получать ту или иную книгу изъ публичной библіотеки, а масса населенія прямо лишается права получать изъ народной библіотеки всѣ книги, за исключеніемъ небольшой горсточки особо „допущенныхъ“. То же самое замѣчается и по отношенію къ другимъ сторонамъ дѣятельности народныхъ библіотекъ. Публичныя библіотеки, предназначенныя для привилегированной публики, у которой, конечно, несравненно больше свободнаго времени, нежели

у рабочаго люда, открываются не только въ будни, но и въ праздники, а народныя библіотеки, предназначенныя для того слоя населенія, который располагаетъ свободнымъ временемъ именно только въ праздники, порою въ праздники-то и бываютъ закрыты. Съ большимъ удивленіемъ прочли мы недавно, что комитетъ безплатной Некрасовской библіотеки въ Ярославлѣ „рѣшилъ открывать библіотеку круглый годъ, не исключая праздничныхъ дней“. Ярославскіе дѣятели просвѣщенія, такимъ образомъ, до сихъ поръ и не догадывались о томъ, что „такія просвѣтительныя учрежденія, какъ библіотеки, въ праздничные дни, когда рабочій людъ освобождается отъ занятій, должны быть широко открыты для публики“. Слава Богу, что хоть, наконецъ-то, теперь въ Ярославлѣ догадались о томъ, что было ясно, какъ день, и въ моментъ учрежденія Некрасовской библіотеки, но что стало ясно дѣятелямъ этой библіотеки только чрезъ нѣсколько лѣтъ ея работы. Этотъ мелочный фактъ весьма характеренъ въ смыслѣ указанія той ненормальности положенія, въ какомъ находятся до сихъ поръ наши народныя библіотеки, никакъ не могущія пріобрѣсти признанія своей полноправности съ публичными библіотеками вообще...

Между тѣмъ насколько та часть нашего общества, для которой предназначаются народныя библіотеки, нуждается въ томъ, чтобы эти библіотеки были уравнены въ правахъ вообще съ публичными библіотеками, наглядно показываетъ поразительно успѣшная дѣятельность тѣхъ изъ публичныхъ библіотекъ, которыя, по размѣру взимаемой ими платы, оказываются доступными значительному кругу малосостоятельныхъ лицъ. Для примѣра можно указать на филіальное отдѣленіе воронежской публичной библіотеки, посвященное имени А. В. Кольцова. Это отдѣленіе работаетъ уже десять лѣтъ, обслуживая отдаленную окраину Воронежа, расположенную при р. Дѣвичѣ и заселенную преимущественно представителями рабочаго класса. Вотъ какъ росла дѣятельность отдѣленія за послѣдніе годы: въ 1899 году библіотека имѣла 915 подписчиковъ, а въ 1903 году 1.233; посѣтителей читальни было въ 1899 году 5.340, а въ 1903 году 9.264; требованій на книги, журналы и газеты удовлетворено въ 1899 году 16.979, а въ 1903 г. 49.214. Такимъ образомъ, черезъ три года мы видимъ не только значительное увеличеніе числа подписчиковъ библіотеки и посѣтителей читальни, но и каждый подписчикъ и посѣтитель читальни начинаетъ прочитывать большее число книгъ, журналовъ и газетъ. Книга, такимъ образомъ, благодаря дешевой библіотекѣ, входитъ въ жизнь рабочаго населенія, и послѣднее все болѣе и болѣе начинаетъ тратить свой досугъ на чтеніе, что нельзя не признать явленіемъ въ высшей степени отраднымъ. Такъ какъ такія библіотеки, какъ Кольцовская въ Воронежѣ, имѣютъ въ своемъ составѣ всѣ книги, кромѣ особо запрещенныхъ для публичныхъ библіотекъ, то нужно пожелать, чтобы, рядомъ съ безплатными народными библіотеками, повсемѣстно распространялись и дешевыя библіотеки. Теперь, когда потребность въ книгѣ такъ сильно назрѣла въ массѣ населенія, масса эта не отказывается, какъ показываетъ примѣръ библіотекъ, подобныхъ Кольцовской, и платить за право пользоваться книгами безъ тѣхъ ограниченій, которыя установлены для народныхъ библіотекъ и которыя лишаютъ эту массу возможности знакомиться съ большею частью нашей литературы. Необходимо только, чтобы плата за пользованіе книгами изъ публичныхъ библіотекъ не была чрезмѣрно велика, что дѣлаетъ недоступнымъ для населенія въ настоящее время пользованіе большинствомъ публичныхъ библіотекъ.

Наравнѣ съ народно-библіотечнымъ дѣломъ у насъ встрѣчаетъ разнооб-

разныя затрудненія и организація книжной торговли въ тѣхъ случаяхъ, когда она не преслѣдуетъ никакихъ коммерческихъ цѣлей, а предпринимается исключительно ради желанія быть полезнымъ дѣлу просвѣщенія. Какъ трудно бываетъ организовать подобное дѣло, показываетъ найденное нами недавно въ одной провинціальной газетѣ („Сѣверномъ Краѣ“) относящееся сюда извѣстіе. Вотъ оно:

„Совѣтомъ Общества для содѣйствія народному образованію (въ Ярославлѣ) получено согласіе на открытіе книжныхъ складовъ при начальныхъ училищахъ отъ ростовской и ярославской уѣздныхъ земскихъ управъ. Въ виду этого постановлено просить училищные совѣты Ростовскаго и Ярославскаго уѣздовъ возбудить предъ ярославскимъ губернаторомъ ходатайство о разрѣшеніи на учрежденіе складовъ при тѣхъ училищахъ, завѣдующіе которыми выразили свое согласіе заняться продажей народныхъ книгъ отъ общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружено затрудненіе для производства торговли книгами нѣкоторыми коммиссіонерами общества изъ числа тѣхъ, которые по ходатайству совѣта получили на это разрѣшеніе отъ ярославскаго губернатора. Директоръ Норской мануфактуры г. Голгофскій и старшій врачъ ростовской земской больницы г. Богдановичъ увѣдомили совѣтъ, что мѣстная полиція требуетъ отъ нихъ особыхъ свидѣтельствъ на производство торговли книгами, и вслѣдствіе подобнаго предъявленнаго имъ требованія продажа книгъ отъ общества ими прекращена. Совѣтъ постановилъ сообщить губернатору о встрѣченныхъ этими лицами препятствіяхъ къ пользованію полученнымъ ими разрѣшеніемъ на продажу книгъ и просить о распоряженіяхъ по устраненію этихъ препятствій“.

Въ силу ст. 175 Устава о цензурѣ и печати, книжная торговля (не разносная) предоставляется частнымъ лицамъ, компаніямъ и товариществамъ тѣмъ же порядкомъ, который опредѣленъ для открытія типографій, а, согласно ст. 158 того же устава, разрѣшеніе на открытіе типографіи дается губернаторомъ. Казалось бы, что упомянутые выше коммиссіонеры Ярославскаго просвѣтительнаго общества, получивъ отъ мѣстнаго губернатора разрѣшеніе на продажу книгъ, тѣмъ самымъ исполнили требованіе закона и никакихъ дальнѣйшихъ затрудненій по дѣлу, начатому ими безкорыстно, единственно изъ желанія послужить просвѣщенію, быть не можетъ. Въ дѣйствительности оказалось иное: отъ нихъ низшіе чины полиціи требуютъ еще какого-то „особаго свидѣтельства на производство торговли книгами“. Въ законѣ мы напрасно стали бы искать указанія на это „особое свидѣтельство“. Законъ таковаго не знаетъ. Онъ знаетъ только разрѣшеніе губернатора, которое въ данномъ случаѣ имѣлось. И тѣмъ не менѣе, благодаря этому, неизвѣстно на чемъ основанному требованію „особаго свидѣтельства“, совершенно неизвѣстно—какого, разрѣшеніе губернатора оказалось недѣйствительнымъ, и дѣло остановилось.

Такіе факты объясняются тѣмъ, что у насъ жизнь до такой степени опутана бюрократическою опекою, что въ концѣ концовъ даже тѣ, которые осуществляютъ эту опеку, перестаютъ понимать, что у насъ дозволено и что запрещено, и какія „разрѣшенія“ и „свидѣтельства“ необходимо добыть обывателю для того, чтобы имѣть возможность дѣлать то или иное дѣло. И вотъ, въ результатѣ дѣло доходитъ до курьезовъ: губернаторъ разрѣшилъ извѣстнымъ лицамъ производство торговли книгами, а какой-нибудь становой или урядникъ, имѣющій смутное представленіе о порядкѣ разрѣшенія книжной торговли, не довольствуется разрѣшеніемъ губернатора, а требуетъ еще какого-то „особаго свидѣтельства“.

Въ заключеніе приведемъ еще любопытное извѣстіе о попыткѣ организовать продажу книгъ для народа при помощи административнаго воздѣйствія. Приводимъ и это извѣстіе цѣликомъ:

„Кіевскимъ губернаторомъ предложено организовать продажу книгъ для народа при волостныхъ правленіяхъ Кіевской губерніи. Продажа книгъ будетъ возложена на волостныя правленія, за ихъ отвѣтственностью, подъ непосредственнымъ контролемъ и руководствомъ мировыхъ посредниковъ. По вопросу объ организаціи продажи народныхъ книгъ при волостныхъ правленіяхъ губернаторомъ затребовано уже заключеніе мировыхъ посредниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ губернаторъ, предполагая воспользоваться при осуществленіи этого мѣропріятія содѣйствіемъ кіевскаго общества грамотности, предложилъ обществу взять на себя снабженіе волостныхъ складовъ соотвѣтствующими книгами на коммиссіонныхъ началахъ, а также составить каталогъ книгъ, желательныхъ къ распространенію на первыхъ порахъ въ тѣхъ видахъ, чтобы сразу заинтересовать крестьянъ и обезпечить, такимъ образомъ, дальнѣйшее развитіе волостныхъ складовъ".

Само собою разумѣется, что разъ частной инициативѣ ставятся затрудненія въ дѣлѣ продажи книгъ для народа, совершенно логично занять этимъ дѣломъ мировыхъ посредниковъ, земскихъ начальниковъ и все переносящія, все исполняющія (*какъ*—это другой вопросъ) волостныя правленія. Не проще-ли, однако, было бы предоставить кіевскому обществу грамотности самому свободно продавать книги въ селахъ хотя бы чрезъ народныхъ учителей, конечно, несравненно болѣе подходящихъ для этой роли, нежели волостные старшины и волостные писаря? **Я. Абрамовъ**.

Хроника воскресныхъ школъ *).

Годъ въ воскресной школѣ.

Всѣхъ, записавшихся въ С-ую мужскую воскресную школу для взрослыхъ въ 1902—3 учебномъ году, было 393 чел.; выбыло до окончанія года—223 чел.; это число по мѣсяцамъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ: сентябрь—34, октябрь—31, ноябрь—25, декабрь—39, январь—23, февраль — 27, мартъ—44. Слѣдовательно, число выбывшихъ до конца года составляло 57%. Имѣя это въ виду, я рѣшилъ сдѣлать опытъ: 1) что можно пройти одному преподавателю по ариѳметикѣ и русскому языку съ группой малограмотныхъ въ теченіе учебнаго года, 2) какое наибольшее количество учениковъ можно взять въ одну группу и 3) насколько можно повліять на учениковъ со стороны общаго развитія. Съ этою цѣлью я составилъ себѣ группу, въ которую вошли лица, не знавшія ни нумераціи, ни ариѳметическихъ дѣйствій и знавшія обозначеніе чиселъ въ общемъ только до 100. При пріемѣ въ группу на письмо учениковъ не обращалось вниманія—въ томъ предположеніи, что если ученикъ и учился нѣкоторое время въ начальной школѣ, то орѳографическія правила и знаніе грамматики, навѣрно, забыты, и поэтому эти ученики могутъ изучать русскій языкъ сначала — вмѣстѣ съ

---

*) Всѣ статьи и матеріалы по воскреснымъ школамъ редакція покорнѣйше проситъ посылать въ Харьковъ на имя Христины Даниловны Алчевской или Маріи Николаевны Салтыковой.

тѣми, кто совершенно не былъ знакомъ съ нимъ; кромѣ того, если ученики и разнятся нѣсколько по письму, то объединить ихъ по этому предмету довольно легко.

Количество поступившихъ въ группу въ началѣ года было 46; въ теченіе года поступило еще 15 *). Съ ноября мѣсяца я уже не принималъ болѣе новичковъ (за исключеніемъ двухъ), такъ какъ я уже сознавалъ трудность принятой на себя задачи и „подгонять" новичковъ до уровня знаній группы я положительно не имѣлъ возможности. Выбыло изъ группы до конца года—33; осталось—28; процентъ выбывшихъ къ общему числу записавшихся—54. Сопоставляя этотъ процентъ съ процентомъ выбывающихъ во всей школѣ, приходится сказать, что съ внѣшней стороны дѣло въ группѣ малограмотныхъ обстояло почти нормально; можно было бы ожидать совсѣмъ плачевныхъ результатовъ въ этомъ отношеніи. Въ 1900—1 уч. году выбывшіе составляли 48%; въ 1901—2 уч. году—53%; въ 1902—3 уч. году—57%; въ среднемъ за три года—53%.

Слѣдующая таблица изображаетъ картину движенія учениковъ въ группѣ въ теченіе года:

	Сент.			Октябрь.				Ноябрь.					Дек.			Янв.			Февраль.				Мартъ.			Апр.
	14	21	28	5	12	19	26	2	9	16	23	30	7	14	21	18	18	25	1	15	22	29	7	14	21	11
Числилось .	46	46	44	40	40	43	41	42	41	39	38	38	37	36	36	36	34	33	31	29	29	28	28	28	28	28
Выбыло . .	0	10	4	1	0	2	0	2	2	1	0	1	1	0	0	2	2	2	2	0	1	0	0	0	0	0
Прибыло .	0	8	0	1	3	0	1	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	6	0	0	0	0
Наличность учениковъ	46	44	40	40	43	41	42	41	39	38	38	37	36	36	36	34	33	31	29	29	28	28	28	28	28	28
Было на урокѣ . .	45	39	35	33	35	34	35	33	30	31	29	28	32	29	33	24	27	25	25	26	20	20	20	17	20	20
%	98	40	87	82	81	83	83	80	77	82	76	76	89	81	92	71	82	81	86	90	71	71	71	61	71	71

Средній процентъ посѣщаемости 80%; въ среднемъ было на урокѣ—29.

По подготовкѣ ученики распредѣлялись: около 30 человѣкъ училось по году или въ начальной повседневной школѣ, или въ воскресной школѣ; около 15 человѣкъ—по два года; остальные—самоучки.

На вопросъ—что читали, получался почти ото всѣхъ одинъ отвѣтъ—„не приходилось". Нѣкоторые указали на „Живописное Обозрѣніе", „Родину", „Ниву"; восемь человѣкъ отвѣтили: „кое-что читали"; пять человѣкъ указали на Толстого, Горькаго, Некрасова, Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Дюма, Мордовцева. За исключеніемъ одного, ученики только, очевидно, слышали эти имена, такъ какъ при ближайшемъ знакомствѣ выяснилось, что они „не помнятъ"

*) 10 чел. были въ группѣ только по 1 дню и пять человѣкъ по 2 дня; если не считать этихъ 15 человѣкъ,—въ группѣ числилось 46 чел.

ничего изъ произведеній этихъ авторовъ. По грамотности составъ группы оказался весьма пестрымъ, въ особенности по письму; нѣкоторые не знали даже всего алфавита.

На каждаго изъ учениковъ, которые оставались въ группѣ до конца года, въ среднемъ приходится 21 воскресеніе. Изъ всей группы только одинъ ученикъ ходилъ въ школу весь годъ безъ пропуска. На остальныхъ (изъ числа 28) приходится:

По	25	воскресеній	были	въ	школѣ	7 уч.
„	24	„	„	„	„	3 „
„	23	„	„	„	„	3 „
„	21	„	„	„	„	3 „
„	20	„	„	„	„	3 „
„	19	„	„	„	„	3 „
„	18	„	„	„	„	2 „
„	16	„	„	„	„	1 „
По	13	воскр.	были	въ	школѣ	1 уч.
„	8	„	„	„	„	1 „
						27 уч.

Изъ числа 33 учениковъ, выбывшихъ до конца года,—10 человѣкъ были въ группѣ только по 1 дню; 5 чел.—по 2 дня.

Интересно было бы выяснить, почему ученики уходили изъ группы, сколько изъ числа выбывшихъ перешло въ другія группы и сколько выбыло совсѣмъ изъ школы. Къ сожалѣнію, выяснить этого нельзя. Ежегодно преподаватели обращаются къ ученикамъ съ просьбой, чтобы они сообщали учителю о времени и причинѣ ухода изъ школы, но просьба эта почти не исполняется. Нѣкоторые ученики уходятъ изъ школы не только безъ предупрежденія, но и не возвращаютъ ни учебниковъ, ни книгъ для чтенія, принадлежащихъ школѣ.

Въ среднемъ на урокѣ бывало 29 человѣкъ, отъ 17 до 45 человѣкъ; въ первой половинѣ учебнаго года каждое воскресеніе было на урокахъ болѣе 30 человѣкъ. „Справиться“ одному съ такой большой группой малограмотныхъ трудно. Это мнѣ было извѣстно и ранѣе. Въ нашей воскресной школѣ изъ года въ годъ наблюдалось одно явленіе: первая группа малограмотныхъ самая неустойчивая: къ концу года она, какъ говорятъ въ школѣ, „расплывалась“. Объясняется это тѣмъ, что ученики этой группы болѣе учениковъ другихъ группъ разнятся по подготовкѣ и менѣе другихъ имѣютъ навыкъ работать въ школѣ. Беря такую большую группу малограмотныхъ учениковъ, я разсчитывалъ на помощь товарищей; но помощи я получить не могъ по недостатку преподавателей въ школѣ. Работа въ большой группѣ мною намѣчалась въ такомъ видѣ: я, въ качествѣ отвѣтственнаго руководителя группы, долженъ одинъ объяснять всѣмъ ученикамъ новое правило, для практическихъ же работъ въ классѣ группа должна бы дѣлиться на три - четыре подгруппы между мною и моими сотрудниками. Мнѣ казалось, что для участія въ такой совмѣстной работѣ можно было бы пригласить людей и неопытныхъ въ преподаваніи; подъ моимъ руководствомъ новички-воскресники могли бы постепенно ознакомиться какъ съ направленіемъ вообще школы, такъ и съ программой и способами преподаванія въ воскресной школѣ; для этого мы могли бы собираться время отъ времени и бесѣдовать о нашемъ общемъ дѣлѣ. Мнѣ казалось, что такой порядокъ возможенъ и желателенъ вообще въ воскресной школѣ, въ которую ежегодно поступаетъ до 50% новичковъ преподавателей, незнакомыхъ съ дѣломъ, за которое берутся; между тѣмъ, ежегодно наблюдается, что нѣкоторые новички-воскресники и не догадываются познакомиться съ воскресной школой поближе и начинаютъ преподавать, какъ кому Богъ на

душу положитъ. Затѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что около 90% новичковъ-преподавателей оставляютъ школу на первомъ же году; уходятъ они потому, главнымъ образомъ, что чувствуютъ свою неподготовленность въ дѣлѣ внѣшкольнаго обученія. Вотъ почему мнѣ хотѣлось попробовать при посредствѣ большой группы „ассимилировать" новичковъ. Но я задумалъ, очевидно, „безъ хозяина". Первыя два воскресенія у меня были двѣ помощницы изъ вновь поступившихъ въ школу преподавательницъ; но затѣмъ имъ пришлось взять особыя группы и начать работать самостоятельно. Потомъ были у меня уже случайные помощники: придетъ ли въ школу гость - посѣтитель, освободится ли библіотекарша,—помогаютъ, когда и какъ придется. Со второй же половины года я былъ уже совершенно безъ помощниковъ.

Благодаря недостаточному надзору, группа, неоднородная въ самомъ началѣ, затѣмъ еще болѣе разстроилась: сильные ученики требовали идти впередъ, слабые не усвоили пройденнаго; тѣ и другіе были недовольны преподаваніемъ и уходили изъ группы. Къ январю въ группѣ числилось—36 человѣкъ, тогда какъ въ началѣ года—46. Передъ Рождествомъ я произвелъ провѣрочное испытаніе группы по ариѳметикѣ и русскому языку. Результаты испытанія оказались слѣдующіе:

Въ классѣ было 33 человѣка. Шесть человѣкъ не доставили своихъ письменныхъ работъ. Изъ числа 27 знали болѣе или менѣе нумерацію—17 чел., знали два дѣйствія именованныхъ чиселъ—24, имѣли представленіе о предложеніяхъ—краткомъ, распространенномъ, вопросительномъ, восклицательномъ и вносномъ—14 человѣкъ; оказалось совершенно слабыхъ—12 человѣкъ, съ которыми необходимо было заниматься особо, и только 24 человѣка можно было оставить въ группѣ для продолженія начатаго курса. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что изъ числа 12 слабыхъ учениковъ—пять учениковъ ушло изъ группы до конца года; изъ семи человѣкъ оставшихся, къ моему удивленію, пять человѣкъ начали въ концѣ года, что называется, становиться на ноги, съ трудомъ, но—разбираться въ работахъ и если бы имъ пришлось поработать еще нѣсколько воскресеній,—они освоились бы съ курсомъ; и только двое остались безнадежными, хотя и были одними изъ самыхъ аккуратныхъ посѣтителей группы.

Послѣ Новаго года я предложилъ Педагогическому совѣту взять у меня отставшихъ учениковъ и передать ихъ кому-нибудь—какъ самостоятельную группу; но свободныхъ преподавателей и теперь не оказалось. Я объяснился съ группой и рекомендовалъ отставшимъ перейти въ другія группы, чтобы годъ не пропалъ для нихъ даромъ; но совѣтъ мой, какъ и надо было ожидать, былъ лишнимъ. Отставшіе скорѣе уйдутъ изъ школы, чѣмъ перейдутъ въ другую, низшую, группу. Чтобы спасти, хотя бы отчасти, отъ крушенія намѣченный курсъ по ариѳметикѣ, пришлось уроки русскаго языка оставить и заниматься по два часа ариѳметикой. Еще дѣло было бы не такъ плохо, если бы ученики имѣли свободное время въ теченіе недѣли; можно было бы заняться съ ними особо; въ данномъ случаѣ пришлось почти все классное время отдавать только отставшимъ.

Можетъ возникнуть естественно вопросъ: не труденъ ли былъ курсъ для малограмотныхъ, если былъ такой значительный процентъ отставшихъ? Опытъ убѣдилъ меня, что курсъ былъ доступенъ, недостаточенъ былъ только надзоръ преподавателя за работой учениковъ.

Программа состояла въ слѣдующемъ. По ариѳметикѣ:

Нумерація и четыре дѣйствія съ именованными числами, причемъ въ

умноженіи—множитель однозначное число, въ дѣленіи—дѣлитель—отвлеченное однозначное число. Выполнена ли и насколько именно эта программа—видно изъ письменныхъ классныхъ работъ учениковъ 25 апрѣля. Для испытанія учениковъ въ предѣлахъ пройденнаго курса были предложены слѣдующія работы: Нумерація—200, 2000, 200.000, 1.000.000, 2.200.000, 5.405.000, 6.000.300. Сложеніе—5 п. 6 ф. 24 з.+3 п. 11 ф. 84 з.+4 п. 29 ф. 12 з.; вычитаніе—80 ч. 5 м. 3 г. — 15 ч. 6 м. 4 г.; умноженіе — 15 с. 2 ар. 12 в.×5; дѣленіе—20 п. 25 ф. 48 з. : 8. На урокѣ было 22 ученика.

Результаты испытанія слѣдующіе.

	номер.	слож.	выч.	умн.	дѣл.	
1. Васильевъ	4	4	4	4	4	Девять учениковъ удовлетворительно усвоили всѣ четыре дѣйствія, кромѣ одного, который не успѣлъ сдѣлать послѣдн. дѣйствіе.
2. Мариновъ	4	4	4	4	4	
3. Калошинъ	4	4	4	4	4	
4. Мальковъ	4	4	4	4	4	
5. Мишунинъ	4	4	4	3	4	
6. Ипатовъ	4	3	4	3	—	
7. Паршинъ	3	3	3	3	4	
8. Шишуринъ	4	3+	3—	3	4	
9. Липке	4	4	4	4	3	
10. Горшенинъ	4	4	4	—	—	Двое удовлетворит. знаютъ два первыя дѣйствія.
11. Морешовъ	4	4	4			
12. Шмеръ	4	3	4	3—	3—	Пять учениковъ усвоили курсъ неудовлетворительно.
13. Трубинъ	4	4	3—	—	3—	
14. Саламаткинъ	4	3+	3—	—	—	
15. Масловъ	3—	3+	3	—	3	
16. Шепелевъ	4	3+	3—	3—	—	
17. Жарковъ	3	—	—	—	—	Четверо удовлетворит. усвоили только нумерацію.
18. Кузинъ	3	—	—	—	—	
19. Лукьяновъ	4	—	—	—	—	
20. Болдыревъ	3	3—	—	—	—	
21. Бузенковъ	—	—	—	—	—	Двое слабы по всему.
22. Архангельскій	—	—	—	—	—	

Результаты испытанія таковы, что можно, мнѣ кажется, съ увѣренностью сказать, что программа примѣнима, и въ особенности въ томъ случаѣ, если у преподавателя будетъ небольшая группа—отъ 5 до 10 человѣкъ.

Программа пройдена въ такомъ порядкѣ: 1-й урокъ—нумерація двухъ классовъ; 2-й ур.—тоже; 3-ій ур.—нумерація третьяго класса; 4-й ур.—сложеніе въ предѣлахъ перваго класса; 5-й ур.—сложеніе въ предѣлахъ 2-хъ классовъ; 6-й ур.—сложеніе составн. им. чиселъ.; 7-й ур.—тоже.; 8-й ур.—вычитаніе въ предѣлахъ перваго класса; 9-й ур.—вычитаніе въ предѣлахъ 2-хъ классовъ; 10-й ур.—вычитаніе составныхъ именованныхъ чиселъ; 11й-ур.—тоже; 12-й ур.—задачи на сложеніе и вычитаніе составныхъ им. чиселъ; 13-й и 14-й ур.—тоже; 15-й ур.—умноженіе трехзначнаго числа на однозначное; 16-й ур.—умноженіе многозначнаго на двузначное; 17-й ур.—умноженіе составного им. числа на однозначное; 18-й ур.—тоже; (Превращеніе устно); 19-й ур.—дѣленіе трехзначнаго числа на однозначное.; 20-й ур.—дѣленіе многозначнаго числа на однозначное; 21-й ур.—дѣленіе составного

именов. числа на отвлеченное однозначное число; 22-й ур.—тоже; 23-й, 24-й и 25-й ур.—задачи на четыре дѣйствія именов. чиселъ.

Способъ преподаванія былъ слѣдующій.

Нумерація. Объясненіе нумераціи перваго класса на счетахъ, (образованіе десятковъ, сотенъ). Диктовка чиселъ перваго класса, причемъ одинъ ученикъ кладетъ числа на счетахъ, другой пишетъ ихъ на доскѣ. Чтеніе написаннаго.

Объясненіе нумераціи второго класса, причемъ 4-ая, 5-ая и 6-ая проволоки на счетахъ отмѣчаются со стороны рамы двумя линіями мѣломъ или лентами. Изученіе второго класса по образцу предыдущаго, причемъ первый классъ игнорируется пока.

Объясненіе нумераціи третьяго класса, съ отмѣткой 7-й, 8-й и 9-й проволокъ тремя чертами или лентами.

Упражненія въ письмѣ, чтеніи и на счетахъ въ предѣлахъ сначала двухъ, потомъ—трехъ классовъ. Чтеніе и письмо примѣровъ по учебнику (Гольденбергъ, II часть) при участіи всего класса. Диктовка чиселъ на тетрадяхъ, при наблюденіи сотрудниковъ за работой учениковъ; при чемъ—письмо чиселъ сначала по разграфленнымъ таблицамъ съ разрядами и классами, затѣмъ съ одними классами и, наконецъ,—безъ таблицы. Требованіе — писать строго разрядъ подъ разрядомъ.

Мною замѣчено, что при указанномъ способѣ преподаванія нумерація усваивается сознательно и быстро и даже прочно запоминается, что доказало провѣрочное испытаніе учениковъ 25 апрѣля, а именно: изъ 22 учениковъ—20 человѣкъ оказали достаточное знаніе нумераціи, несмотря на то, что съ 5 октября они ею не занимались.

Четыре дѣйствія съ именованными числами. Сложеніе и вычитаніе.

Процессъ сложенія и вычитанія выясняется предварительно на счетахъ. Примѣры записываются одновременно на классной доскѣ. Вычисленіе на счетахъ начинается или съ высшихъ разрядовъ, или съ низшихъ. Затѣмъ, при участіи всего класса, производится письменное вычисленіе этихъ же примѣровъ на классной доскѣ. Наконецъ, рѣшеніе объясненныхъ такимъ образомъ примѣровъ воспроизводится учениками въ классѣ на тетрадяхъ. Такимъ образомъ, классное время распредѣляется: половину урока руководитель группы объясняетъ примѣры на счетахъ и классной доскѣ, другую половину урока назначаетъ на самостоятельныя работы учениковъ на тетрадяхъ подъ руководствомъ учителей.

При изученіи какъ сложенія и вычитанія, такъ и умноженія съ дѣленіемъ, я считалъ излишнимъ сообщать ученикамъ *правила* дѣйствій, какъ это рекомендуется методиками, я стремился, чтобы ученики *осмыслили* механизмъ вычисленій и не требовалъ *формулировки* правилъ этого механизма. Такъ, напримѣръ: приступаю къ изученію дѣйствія—сложенія письменно. Вызывается ученикъ къ классной доскѣ. Диктуется примѣръ. Одинъ помѣщикъ истратилъ на обѣдъ съ гостями 545 руб., да на охоту за зайцами 376 руб. Сколько всего истрачено денегъ? Учитель выясняетъ, что эти два числа нужно соединить, собрать, *сложить*... вмѣстѣ, въ одно число, въ одну сумму. Чтобы всѣ знали, что мы хотимъ дѣлать, ставимъ слѣва знакъ—прямой крестъ. Всѣ грамотные люди знаютъ, что + означаетъ *сложеніе.* Какъ же сложить? Какъ мы складывали эти числа на счетахъ?—И здѣсь мы будемъ складывать по разрядамъ. Съ какого же разряда удобнѣе начать? Попробуемъ склады-

вать съ сотенъ. Пять сотенъ и три сотни — восемь сотенъ. Запишемъ подъ чертой и подъ сотнями—8; итакъ помѣщикъ израсходовалъ *восемь сотенныхъ*. Сложимъ *десятишницы*—4+7=11; 11 десятишницъ—это больше сотни—на сколько? Сотню нельзя смѣшивать съ десятишницами, ее слѣдуетъ присоединить къ 8; такимъ образомъ приходится 8 стирать и писать 9; рядомъ съ сотнями, подъ десятками, напишемъ оставшіяся у насъ у десятишницу. Наконецъ, сложимъ рубли. 5+6=11; получилось — одна десятишница и рубль. Куда же дѣвать десятишницу? Слѣдовательно, опять приходится стирать: вмѣсто 1 надо написать два. Подъ рублями напишемъ оставшійся 1 рубль. Итакъ, сколько помѣщикъ израсходовалъ денегъ? При вычисленіи пришлось два раза стирать цыфры. На классной доскѣ это удобно. На тетрадяхъ это дѣлать затруднительно, въ особенности, когда придется складывать много большихъ чиселъ. Теперь то же самое сдѣлаемъ „съ другого конца". Начнемъ складывать сначала рубли—5+6=11. Чтобы десятишница съ рублями не мѣшалась, мы запишемъ ее пока въ сторону, чтобы не забыть, а рубль запишемъ подъ рублями. Затѣмъ складываемъ десятишницы—4+7=11 Да отъ рублей есть у насъ одна десятишница, приложимъ ее къ 11, получится 12 десятишницъ, т. е. 1 сотня и 2 десятишницы. Сотню запишемъ въ сторону и т. д. При такомъ порядкѣ ни стирать, ни подчищать цыфръ не приходится. Какой же порядокъ удобнѣе—начинать ли сложеніе съ высшихъ разрядовъ, или съ низшихъ? Такъ всѣ и условились—начинать сложеніе съ низшихъ разрядовъ, и всѣ такъ дѣлаютъ. Объясненіе дѣйствія тѣмъ и кончается. Я не требовалъ отъ учениковъ отвѣтовъ и заучиванія: что такое слагаемое, сумма? Что такое дѣйствіе - сложеніе? Какъ оно производится? Полагая, что на подобныя словесныя упражненія на урокахъ ариѳметики не слѣдуетъ терять времени. Чтобы выиграть время, и не въ ущербъ сознательнаго отношенія къ механизму вычисленій, я считаю совершенно излишнимъ выкладывать предъ учениками всю терминологію нашихъ учебниковъ и „вымучивать" формулировку правилъ по опредѣленному шаблону. Въ нашихъ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ на зубреніе правилъ тратится больше времени, чѣмъ на самое дѣло. Ученикъ знакомится съ терминологіей постепенно, и „правила" складываются въ его сознаніи сами собой, такъ какъ само дѣло есть правило.

Тотчасъ же послѣ примѣровъ на простыя именованныя числа давались примѣры на составныя именованныя числа. Мѣры не зубрились, а запоминались постепенно, напримѣръ: нынѣ—мѣры вѣса, въ слѣдующее воскресеніе—мѣры длины и т. д. Передъ рѣшеніемъ задачъ на составныя именованныя числа не проходился обычный отдѣлъ ариѳметики—превращеніе и раздробленіе, такъ какъ превращеніе вытекаетъ непосредственно изъ процесса сложенія, а раздробленіе—изъ процесса вычитанія. Превращеніе и, въ особенности, раздробленіе на крупныя числа производятся при помощи умноженія и дѣленія, но для изученія сложенія и вычитанія составныхъ именов. чиселъ нѣтъ надобности брать такіе сложные примѣры, въ которыхъ непремѣнно должны бы примѣняться умноженіе и дѣленіе; превращеніе и раздробленіе могутъ производиться пока устнымъ счетомъ. Точно также не слѣдуетъ брать большихъ примѣровъ на умноженіе, чтобы избѣжать превращенія при помощи дѣйствія дѣленія.

Для практическаго примѣненія сложенія было предложено въ видѣ домашней работы—составить счетъ покупки. Данъ образецъ. Эта работа очень заинтересовала учениковъ, и они почти всѣ представили счетъ.

Умноженіе и дѣленіе. Знакомство съ таблицей умноженія. Практическое ея примѣненіе въ устномъ счетѣ. Примѣры: на базарѣ куплено 5 фунт. мяса по 8 коп. Сколько заплачено? 64 рубля раздать поровну между 8 челов. По скольку придется каждому? и т. д. Учить наизусть таблицу умноженія я не обязывалъ и предлагалъ всегда имѣть ее подъ руками; тѣмъ не менѣе къ концу года не знали ее только двое — трое. Умноженіе и дѣленіе составныхъ именованныхъ чиселъ особыхъ затрудненій не составили. Ученики, посѣщавшіе уроки болѣе или менѣе аккуратно, достаточно усвоили ихъ, какъ это показываютъ письменныя работы учениковъ; не усвоили этихъ дѣйствій только тѣ, кто пропустилъ уроки, на которыхъ объяснялись эти дѣйствія. Удѣлить время на отставшихъ я не могъ: сотрудниковъ, которые занялись бы съ отставшими, не имѣлъ. Вотъ почему часть учениковъ осталась за флагомъ.

Въ концѣ года я велъ уроки по ариѳметикѣ такимъ образомъ: во вторую половину урока, когда ученики занимались самостоятельными работами, я работалъ отдѣльно съ отставшими; кромѣ того, мнѣ помогали лучшіе ученики послѣ того, какъ исполнятъ свою работу. Эта мѣра быстро оказала прекрасные результаты: отставшіе ободрились, стали втягиваться въ дѣло. Изъ числа 12 человѣкъ, отставшихъ къ Рождеству, пять человѣкъ настолько догнали товарищей, что могли уже заниматься самостоятельными работами наравнѣ съ ними. Еще разъ приходится сказать, что отставшіе въ группѣ были только потому, что былъ недостаточный надзоръ за ними; и если бы у меня были сотрудники, можно было бы разсчитывать удержать въ группѣ до конца года значительно больше учениковъ и не допустить слабыхъ и манкирующихъ уроками учениковъ отстать отъ товарищей.

Программа по русскому языку.

Значеніе занятій по русскому языку въ воскресной школѣ заключается въ томъ, чтобы дать ученикамъ нѣкоторыя практическія указанія въ письменномъ изложеніи рѣчи. Чтобы дать возможность понять, какъ строятся фразы, я познакомилъ учениковъ съ формой краткаго, распространеннаго, вопросительнаго, восклицательнаго и вноснаго предложеній и со знаками препинанія —! ?„“. Ученики разбирали эти предложенія по упражненіямъ учебника Пуцыковича („Практическая русская грамматика“) и составляли ихъ сами, отмѣчая подлежащее, сказуемое и объяснительныя слова по вопросамъ. Предложенія пройдены къ декабрю мѣсяцу. Одновременно съ ознакомленіемъ съ предложеніями я давалъ ученикамъ и для классной, и для домашней работы—изложеніе небольшихъ разсказовъ, какъ напр., „Ученый сынъ“, „Муравей и голубка“, „Черепаха и орелъ“ (первая книжка Толстого) и т. п. Въ виду того, что большинство не имѣетъ въ теченіе недѣли свободнаго времени, домашнія работы я давалъ условно: кто можетъ, тотъ и подаетъ мнѣ въ слѣдующее воскресеніе, безъ всякаго напоминанія съ моей стороны; и всетаки домашнія работы доставляли мнѣ весь годъ каждое воскресеніе въ количествѣ—отъ 5 до 10. Въ концѣ года было предложено ученикамъ, между прочимъ, записывать дома, что они выслушали на урокѣ объяснительнаго чтенія по вопросамъ: какъ живутъ люди на крайнемъ сѣверѣ, какія границы Россіи? и пр. Затѣмъ я познакомилъ учениковъ съ формой записки и письма. Письмо пришлось составлять два раза. Содержаніе перваго письма было предоставлено на усмотрѣніе учениковъ, и оказалось на повѣрку, что письмо у большинства состоитъ почти изъ однихъ поклоновъ.

Кромѣ того, я удѣлилъ немного времени и правиламъ орѳографіи: ъ и ь

въ срединѣ словъ, і, сомнительные согласныя и гласныя, у, а, и—послѣ шипящихъ. Но эти правила пройдены неосновательно, хотя при испытаніи въ концѣ года ученики оказали въ общемъ удовлетворительное знакомство съ ними, что видно изъ письменныхъ работъ.

Какъ я уже замѣтилъ,—со второй половины учебнаго года я принужденъ былъ часъ русскаго языка занять ариѳметикой, — поэтому отъ занятій по русскому языку и нельзя было ожидать болѣе или менѣе удовлетворительныхъ результатовъ; но и при такихъ обстоятельствахъ—результаты осязательны, и это надо отнести исключительно на счетъ самодѣятельности учениковъ. 18 апрѣля, т. е. въ концѣ года, я предложилъ ученикамъ написать въ классѣ слѣдующія письменныя работы: а) пересказъ—„Ученый сынъ", б) составить и написать предложеніе—краткое, распространенное, вопросительное, восклицательное и вносное, в) написать подъ диктовку три фразы на орѳографическія правила ъ и ь среди словъ, і, й, ы, у, и—послѣ шипящихъ. Передъ тѣмъ, какъ начать работу, я предупредилъ: вспомните, гдѣ и какіе знаки писать. Разсказъ „Ученый сынъ" излагался уже 21 декабря вслѣдъ за тѣмъ, какъ было объяснено понятіе о вносныхъ предложеніяхъ. Этотъ же разсказъ взятъ при испытаніи 18 апрѣля съ тою цѣлью, чтобы посмотрѣть, насколько удержалось въ памяти представленіе о вносномъ предложеніи. Оказывается, что болѣе способные ученики примѣнили въ работѣ 18 апрѣля довольно правильно знаки препинанія: нѣкоторые исполнили работу даже лучше, чѣмъ 21 декабря. Очевидно, что въ работѣ 18 апрѣля было болѣе сознательности—какъ результатъ общаго развитія. Шесть человѣкъ, т. е. $^1/_3$ наличнаго числа (въ классѣ было 18 человѣкъ) написали пересказъ очень удовлетворительно, восемь человѣкъ удовлетворительно и четыре человѣка слабо. Орѳографическія правила примѣнены сознательно семью учениками, трое—примѣнили ихъ только отчасти, у 8 человѣкъ, очевидно, не имѣется объ этихъ правилахъ никакого представленія. Предложенія составлены правильно десятью человѣками, хотя нѣкоторые изъ нихъ составили не всѣ пять предложеній. Эта работа меня пріятно удивила, такъ какъ мнѣ часто приходилось слышать, что синтаксическія свѣдѣнія усваиваются очень трудно.

При этомъ я не считаю лишнимъ обратить вниманіе на значительное улучшеніе каллиграфіи учениковъ. Это слѣдуетъ отнести къ вліянію школы, такъ какъ учитель, въ особенности въ началѣ года, постоянно указывалъ ученикамъ на основныя правила каллиграфіи, обращая особенное вниманіе на изображеніе элемента.

Предупрежденіе учителя сводилось къ слѣдующему: Не торопитесь! Палочку пишите правильно, буквы ставьте ровнѣе и по одному наклону и при этомъ каждый разъ давалъ образцы письма на классной доскѣ или на тетрадяхъ учениковъ.

Результаты испытаній по русскому языку тоже вполнѣ убѣдили меня, что воскресная школа даже въ какіе - нибудь 10—15 уроковъ можетъ давать и знанія, и навыкъ въ орѳографіи и письменномъ изложеніи рѣчи точно такъ же, какъ даетъ она навыкъ по ариѳметикѣ.

По образцамъ письменныхъ работъ группы малограмотныхъ наблюдается слѣдующее:

1) Ученики начинаютъ пользоваться письмомъ, какъ средствомъ выяснить свои больные вопросы. 2) Несмотря на полное отсутствіе литературнаго образованія и полную безграмотность—въ ученикахъ обнаруживается уже

творческая способность: они пытаются уже написать *свое* стихотворение, *свои* разсказы, *изобразить* картину.

Эти письменныя работы убѣждаютъ, что мы имѣемъ дѣло *съ живыми дѣятельными силами*, а главное—въ нихъ сказывается душа народа. Такое знакомство съ учениками—первое обязательство педагога; онъ долженъ пользоваться творческимъ стремленіемъ для созданія основъ дѣятельности, для осуществленія идеала.

Очень жаль, что наша офиціальная школа не пользуется такимъ довѣріемъ учениковъ, какимъ пользуется воскресная школа. Иначе письмо въ рукахъ повседневной школы могло бы сослужить въ воспитательномъ значеніи большую роль; наши педагоги, очевидно, и не подозрѣваютъ, какимъ образовательнымъ средствомъ они владѣютъ и не могутъ пользоваться. Въ нашихъ офиціальныхъ школахъ дѣло обстоитъ такимъ образомъ, что бесѣда, письмо и пр.—это только тяжелыя обязанности какъ для учителей, такъ и для учениковъ: ни въ бесѣдахъ, ни въ сочиненіяхъ—не видно души, искренности; ребенокъ 11—12 лѣтъ уже „уходитъ въ скорлупу", и всѣ отношенія свои къ учителю строитъ на хитрости, лжи, лицемѣріи,—въ силу необходимости самъ учитель загоняетъ душу ребенка въ скорлупу и заставляетъ жить только ложью, неукоснительно наказывая за правду... Вотъ почему письмо и не можетъ имѣть пока никакого образовательнаго значенія въ нашихъ офиціальныхъ школахъ.

П. Казанцевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Воскресныя занятія съ рабочими.

ЧТЕНІЯ.

Въ нашемъ уѣздномъ глухомъ городкѣ, не смотря на его малочисленное населеніе (10.000) существуютъ 3 воскресныя школы, въ 3-хъ мѣстахъ ведутся вечернія воскресныя чтенія и функціонируютъ 4 безплатныя библіотеки-читальни, не считая публичной—платной. Судя по всему этому, можно заключить о блестящей постановкѣ народнаго образованія въ нашемъ городкѣ. Но познакомившись съ нимъ поближе, приходится придти къ печальному заключенію, что самое главное—„духъ живъ" отсутствуетъ почти во всѣхъ этихъ начинаніяхъ. Болѣе другихъ идейными по замыслу и живыми по исполненію являются воскресныя вечернія занятія при одной изъ воскресныхъ школъ, которымъ мы и хотимъ посвятить нѣсколько строкъ. Школа эта помѣщается въ пригородѣ, гдѣ расположено нѣсколько заводовъ, и содержится на средства одного изъ заводовладѣльцевъ. Школа эта была открыта лѣтъ 5 тому назадъ, благодаря иниціативѣ мѣстнаго священника, но вслѣдствіе крайне плохой постановки дѣла, просуществовала не долго, вмѣсто нея стали вестись вечернія воскресныя чтенія, по преимуществу духовно-нравственнаго содержанія. Два года тому назадъ эти чтенія были организованы на болѣе широкихъ началахъ, благодаря тому, что въ дѣлѣ приняли участіе новыя лица, близко принимавшія къ сердцу дѣло народнаго образованія.

Не теряя времени, они приступили къ дѣлу: снеслись съ учредительницами воскресныхъ школъ въ другихъ городахъ, достали программы, сборникъ

„Общее дѣло“, „Русскую Школу“, устраивали частныя собранія, обсуждали, вырабатывали программы. Наконецъ, чтенія начались. На молебенъ, въ день открытія, народу собралось много. Съ интересомъ и вмѣстѣ съ тревогой всматривались мы въ эту сѣрую толпу незнакомыхъ намъ людей, пришедшихъ къ намъ за знаніями. Всѣхъ насъ тревожилъ и смущалъ вопросъ: сумѣемъ ли мы удовлетворить ихъ запросы, не окончится ли наша попытка такъ же неудачно, какъ и предыдущая, тѣмъ болѣе, что мы всѣ были новички въ этомъ дѣлѣ, а порукой за успѣхъ могло быть только наше искреннее и горячее желаніе посвятить себя этому дѣлу. И, дѣйствительно, много неудачъ насъ ждало: первыя лекціи были составлены очень непопулярно и длинно; слѣдующія лекціи были лучше, такъ какъ предварительно обсуждались собраніемъ, гдѣ сглаживались всѣ шероховатости и трудныя мѣста.

Главнымъ же затрудненіемъ служило то обстоятельство, что весь первый годъ все преподаваніе въ школѣ лежало всецѣло на плечахъ 5—6 учителей и учительницъ начальныхъ школъ, и безъ того обремененныхъ дѣломъ, да еще мѣстнаго священника, завѣдующаго школой, потому что утвержденіе остальнымъ лицамъ пришло только къ самому концу года. Немалымъ также препятствіемъ къ успѣшному ходу дѣла послужило недружелюбное отношеніе со стороны окружающихъ лицъ, главнымъ образомъ, со стороны мѣстнаго „интеллигентнаго“ общества, какъ это ни странно. Можетъ быть, тутъ были виной уязвленныя самолюбія нѣкоторыхъ барынь, привыкшихъ всюду играть первую роль, а тутъ вдругъ почему то обойденныхъ; можетъ быть, вообще несочувствіе этому дѣлу—но только ядовитыхъ слуховъ, придававшихъ нашей школѣ нежелательную окраску, и ироническихъ замѣчаній, вродѣ „нашъ новый университетъ“, „наши профессора“—было достаточно. Все это косвеннымъ образомъ вредно отразилось на успѣхѣ школы.

Въ началѣ года велась статистическая запись всѣхъ приходящихъ на чтенія, по заранѣе выработаннымъ вопросамъ (грамотенъ ли? сколько лѣтъ? гдѣ работаетъ? кончилъ ли школу? и т. д.); эта запись отнимала много времени и очень не нравилась посѣтителямъ, стѣсняла ихъ и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ служила помѣхой къ посѣщенію чтеній;—потому рѣшили ее потомъ упразднить.

Вышеприведенные недостатки перваго года отразились и на второмъ. Нѣкоторыя изъ лицъ, утвержденныхъ слишкомъ поздно,—ни разу еще не выступавшія въ качествѣ лекторовъ, получили переводъ по службѣ и уѣхали; другія заболѣли; третьи, вслѣдствіе неудачъ перваго года охладѣли къ дѣлу. Самый народъ, казалось, охладѣлъ къ чтеніямъ и сталъ ихъ посѣщать къ концу года въ меньшемъ количествѣ. Несмотря на такой видимый упадокъ, благодаря общимъ стараніямъ оставшихся участниковъ, въ нынѣшнемъ году дѣла пошли несравненно лучше. Программа, выработанная въ прошломъ году, остались неизмѣненными и нынче, съ тою только разницей, что всѣ почти отдѣлы ея велись теперь спеціалистами, или людьми, болѣе или менѣе подготовленными. Лекціи читались по географіи, русской исторіи, агрономіи, естествознанію, медицинѣ (анатоміи, физіологіи, гигіенѣ), духовно-нравственныя и беллетристическія. Въ годъ было прочтено всего 50 лекцій (25 воскресеній по 2 лекціи въ каждое); на каждый предметъ приходилось 6—8 лекцій. Стѣсненные такимъ незначительнымъ временемъ, мы должны были вырабатывать самыя сжатыя программы по каждому предмету. Чтенія велись не по готовымъ брошюрамъ, а составлялись самими лекторами по различнымъ источникамъ съ разрѣшенія мѣстнаго директора народныхъ училищъ. Лекторовъ

было человѣкъ 10—12;—составъ лекторовъ былъ, вообще, очень подвиженъ, что являлось большимъ неудобствомъ.

Чтенія по исторіи велись въ хронологическомъ порядкѣ, причемъ брали предметомъ лекціи цѣлую эпоху, а не отдѣльное царствованіе; главное вниманіе обращали на общественную сторону историческихъ явленій; во 2-й годъ придерживались въ нѣсколько измѣненномъ и сокращенномъ видѣ программы, выработанной Князьковымъ и помѣщенной въ № 2 „Общаго Дѣла". Но такой систематическій курсъ былъ неудобенъ, такъ какъ составъ слушателей бываетъ измѣнчивъ; потому было рѣшено на 3-й годъ испробовать иной планъ, именно, чтобы въ каждой отдѣльной лекціи давать нѣчто законченное, цѣльное, напр., предметомъ урока взять развитіе экономическаго строя, или положеніе какого нибудь сословія и показать, какъ оно измѣнялось до настоящаго времени и т. д.

По географіи начинали съ лекцій о мірозданіи, потомъ перешли къ исторіи земли, растеній, животныхъ и т. д.—вообще придерживались въ составленіи программы книги Соколовой „Земля и ея обитатели", (въ очень сокращенномъ, конечно, видѣ). Закончивъ программу по географіи Россіи, двѣ послѣднія лекціи посвятили Англіи и ея колоніямъ (Новой Зеландіи).

По медицинѣ было прочитано только 4 лекціи (о кожѣ, скелетѣ, пищевареніи), обставленныя и прочитанныя хорошо и сильно заинтересовавшія народъ. По естествознанію были прочитаны (тоже по причинѣ поздняго утвержденія лектора) 2 лекціи по электричеству и книжечка Рубакина „О великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы" съ туманными картинами, съ очень интересными разъясненіями и дополненіями лектора, который, благодаря далекимъ путешествіямъ, былъ очевидцемъ многихъ изъ этихъ явленій.

Относительно беллетристическихъ чтеній не былъ рѣшенъ вопросъ: читать ли произведенія съ идейнымъ содержаніемъ или произведенія, удовлетворявшія художественному чув тву; поэтому выборъ ихъ былъ случайный, часто зависѣлъ отъ того, какія были туманныя картины. Съ нынѣшняго года эти чтенія хотятъ преобразовать: замѣнить ихъ исторіей литературы, т. е. предполагается читать краткую біографію автора, гдѣ, главнымъ образомъ, будетъ обращено вниманіе на освященіе той эпохи, въ которую онъ жилъ, и въ заключеніе будутъ прочитываться тѣ отрывки изъ его произведеній, въ которыхъ особенно подчеркнуто настроеніе того общества.

По агрономіи чтенія велись хотя и спеціалистомъ, но очень небрежно, безъ всякой подготовки, безъ системы, читались вялымъ, однообразнымъ голосомъ; народъ съ его лекцій уходилъ цѣлыми группами. Вообще, всѣхъ нашихъ слушателей можно раздѣлить на 2 группы:—одна часть ходила исключительно послушать беллетристику и посмотрѣть картинки—на научныхъ лекціяхъ если и бывали, то большого интереса на ихъ лицахъ нельзя было прочесть, въ особенности у женщинъ: послѣ лекціи пойдешь показывать что нибудь изъ наглядныхъ пособій, объяснять—завязывается разговоръ,—рабочіе подходятъ, проталкиваются впередъ, разспрашиваютъ—видно, что интересуются,—а женщины не подвинутся: подойдешь, покажешь—посмотрятъ, а нѣтъ, такъ и не полюбопытствуютъ. Вторую группу составляли люди, приходившіе къ намъ не за развлеченіемъ, а спеціально за знаніями,—они то были вѣрными цѣнителями нашихъ трудовъ: съ лекцій, плохо прочитанныхъ по небрежности или по неумѣнію, народъ уходилъ, не дослушавъ; лекціи, хорошо составленныя, слушались съ видимымъ интересомъ и вниманіемъ. Про одного лектора, крайне плохо читавшаго, одинъ простодушный слушатель замѣтилъ,

„Вы этого бѣлаго-то не выпущайте больше, а то все равно слушать не будемъ!“ Насъ очень радовало, что численность этой 2-й группы возростала: такъ въ 1-й годъ народу было много только въ тѣ воскресенья, когда было назначено пѣнье, музыка: безъ этихъ приманокъ бывало человѣкъ 100, рѣдко 150. Во 2-мъ же году пѣнія и музыки совсѣмъ не бывало, а посѣтителей обыкновенно собиралось 200—300 и больше, что при недостаточности нашего помѣщенія является крупной цифрой. На праздникахъ же, которые устраивались въ честь Гоголя и Кольцова, было болѣе 600 челов.; конечно давка и тѣснота были неописуемыя. Видно было, что чтенія нравились, и такимъ образомъ, потерпѣлъ пораженіе взглядъ нѣкоторыхъ изъ лекторовъ, которые утверждали, что народъ еще младенецъ, и систематическія чтенія съ серьезнымъ содержаніемъ ему не подъ силу. Научныя, серьезныя чтенія, изложенныя популярно, хорошо обставленныя пособіями, пользовались большимъ успѣхомъ, такъ напр.—лекція о народныхъ университетахъ, о Новой Зеландіи, о фабрично-заводской дѣятельности Россіи, лекціи по медицинѣ.

Главнымъ недостаткомъ нашихъ чтеній былъ ихъ лекціонный характеръ—обмѣна мыслей между лекторами и народомъ почти не было (за исключеніемъ нѣкоторыхъ лекторовъ, которые послѣ лекціи при показываніи наглядныхъ пособій заводили разговоры съ публикой); народъ насъ видимо стѣснялся, или не довѣрялъ намъ.

При такомъ отношеніи трудно было вести чтенія: мы не знали, что мало понятно, какіе вопросы ихъ болѣе интересуютъ;—пробовали пустить въ ходъ опросные листки, но толку не вышло. И вотъ, съ цѣлью большаго сближенія съ народомъ было въ этомъ же помѣщеніи открыта воскресная школа, гдѣ преподавателями были тѣ же самые лекторы.

ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА.

Въ школу записалось всего человѣкъ 40. Причиной столь малаго количества учениковъ, мы думаемъ, послужила память о школѣ существовавшей раньше, частью же то обстоятельство, что открыта она была передъ самымъ Рождествомъ, когда начался уходъ рабочихъ на праздникъ Рождества, а затѣмъ масляницу и Пасху, (всѣ почти рабочіе изъ окрестныхъ деревень). На собраніи, состоявшемся по поводу вновь открывшейся воскресной школы, было выяснено, что главное вниманіе слѣдуетъ обратить на научныя бесѣды, а остальнымъ предметамъ удѣлять по стольку времени, по скольку захотятъ этого ученики. Но каково же было наше изумленіе и разочарованіе, когда въ первое же воскресенье при опросѣ собравшихся, чему они хотятъ учиться, всѣ упорно твердили: грамматикѣ, ариѳметикѣ, письму, или славянскому чтенію, чистописанію; когда же мы спрашивали, не хотятъ ли они поближе познакомиться съ жизнью другихъ странъ, или съ исторіей русской земли, или узнать о томъ, какъ теперь живутъ разные народы и сословія въ Россіи, то почти всѣ повторяли:—„это мы и сами можемъ въ книжкахъ прочесть, да и у васъ на чтеніяхъ вечернихъ услышать; у насъ свободнаго времени не много, ужъ если тратить его, такъ тратить съ пользой“. Пришлось покориться и заняться и ариѳметикой, и письмомъ. Нѣкоторые изъ преподавателей предлагали такой планъ: скорѣй сбывать неинтересные для лектора уроки, дѣлая ихъ по 20 мин., чтобы больше времени оставалось на объяснительныя чтенія,—но большинство высказалось противъ такого пріема, такъ какъ ученики, видя небрежное отношеніе къ своимъ требованіямъ и не замѣчая успѣховъ по этимъ

предметамъ, могли уйти изъ школы; рѣшено было сначала заинтересовать учениковъ какимъ нибудь предметомъ, а потомъ удлиннять эти уроки. Въ младшихъ группахъ ученики боялись потерять „даромъ" каждый часъ, и потому тамъ почти всецѣло было обращено вниманіе на обученіе письму и чтенію; въ старшихъ же группахъ ученики съ первыхъ же уроковъ заинтересовались уроками объяснительнаго чтенія, и къ концу года о грамматикѣ почти не было помину. Въ группѣ для окончившихъ школу объяснительныя чтенія велись по слѣдующей программѣ; знакомство съ міроздаціемъ въ общихъ чертахъ (интересъ къ этому предмету усилился вслѣдствіе видѣннаго въ это время у насъ метеора), исторія земли, развитіе растительнаго и животнаго міра;—дальше программы выполнить не удалось. Пользовались книжечками Лункевича, Рубакина, Гейки: особенно поразило всѣхъ сообщеніе, что земля существуетъ милліоны лѣтъ,—а какже въ Св. Писаніи сказано, что земля существуетъ столько-то лѣтъ? Учительница объяснила, что одинъ день, который описанъ въ Св. Писаніи, можетъ быть продолжался милліоны лѣтъ, что дѣло въ названіи. Но, кажется, ученики не вполнѣ удовольствовались этимъ объясненіемъ, потому что послѣ этого обращались къ другимъ преподавателямъ за разрѣшеніемъ „тяжкихъ сомнѣній". Нѣсколько недѣль спустя, одинъ изъ учениковъ, рабочій Иванъ Ш. заявилъ, что онъ самъ высчиталъ, что земля существуетъ милліоны лѣтъ. Какимъ образомъ? спрашиваемъ.—А какже, вы, вѣдь, говорили, что въ нашей губерніи находятъ морскія раковины; значитъ, здѣсь было море; теперь же ближайшее море отошло отъ насъ на тысячу верстъ; море же отодвигается въ каждые 100 лѣтъ на 8 вершковъ (здѣсь неправильно приведено сообщенное ученикамъ свѣдѣніе о томъ, что дно Балтійскаго моря поднимается въ каждые 100 лѣтъ на 8 вершковъ); слѣд., чтобы отойти на 1000 верстъ, нужны милліоны лѣтъ.

Послѣ научной бесѣды писалось изложеніе ея или изложеніе какого-ниб. беллетристическаго произведенія (изложенія стихотвореній пробовались 2 раза, и неудачно); охотно писались автобіографіи; особенно пристрастились къ писанію подростки, взрослые предпочитали поговорить объ интересующихъ ихъ вопросахъ. Было нѣсколько такихъ, для которыхъ писанье доставляло истинное удовольствіе, но выдающихся по талантливости не было; писанье прозой поощряли, писанье же стиховъ (безъ всякаго таланта) совѣтовали бросить; разсказъ одного обѣщали помѣстить въ мѣстной газетѣ, —авторъ – молодой рабочій Димитрій О., скромный, какъ красная дѣвушка, мечтательный и вдумчивый, склонный болѣе къ поэзіи, чѣмъ къ наукѣ; онъ пишетъ стихи, ариѳметика у него, конечно, страдаетъ, но стихотворенія выходятъ „душевныя",—напр.

Весна.

Вотъ ужъ травка зеленѣетъ,
Все-то, все-то веселѣетъ;
Вотъ ужъ птички прилетѣли
И радостно запѣли.
Ласточка подъ крышей гнѣздышко свила,
И съ своими дѣтками мирно зажила;
А скворцы-то эхъ какъ заливаются!
И ребята наши въ игры забавляются,
Да не всѣмъ бываетъ весело весной:
У кого нѣтъ хлѣба, хоть ты волкомъ вой.

Прозой же онъ пишетъ и вовсе недурно. Онъ очень привязанъ къ нашей школѣ и говоритъ, что это она пріучила его читать и думать. Читаетъ онъ много, но преимущественно по беллетристикѣ. Полной противоположностью

ему является другой нашъ ученикъ Иванъ Ш., молодой рабочій лѣтъ 18;—насколько первый мечтателенъ и поддается легко чужому вліянію, настолько второй реалистъ и самостоятеленъ; стиховъ онъ не пишетъ, къ мечтамъ не склоненъ, но всякими научными вопросами сильно интересуется и добирается до „корня" вещей... Вотъ рабочій Б. лѣтъ 40, съ окладистой рыжей бородой и симпатичнымъ лицомъ, религіозный и степенный крестьянинъ; онъ еще ни разу не пропустилъ чтенія, хотя для этого ему приходится отдавать другимъ свою недѣльную порцію пива, чтобы тѣ за него подежурили, такъ какъ въ пивоваренномъ заводѣ, гдѣ онъ служитъ, работаютъ и по воскресеньямъ; все, что у насъ не читается, онъ говоритъ, что ему нравится. ...Вотъ Иванъ С., молодой красивый рабочій, прозванный нами „Наполеономъ" за крайнее сходство съ послѣднимъ. Это человѣкъ горячій, умѣющій постоять за себя, съ развитымъ чувствомъ собственнаго достоинства; онъ скептикъ, окружающее его не удовлетворяетъ во всѣхъ отношеніяхъ, онъ ищетъ выхода изъ него; съ этой цѣлью, очевидно, читаетъ массу книгъ. Жалко, что онъ скоро ушелъ съ завода и такимъ образомъ пропалъ изъ виду,—интересна его дальнѣйшая судьба.

Были и другіе интересные типы; вообще, учениковъ мы узнали близко, отношенія между ними и преподавателями установились хорошія: они охотно описывали свою жизнь, еще охотнѣе разсказывали, просили совѣтовъ; нѣкоторые всегда благодарили „за труды" послѣ уроковъ; а когда узнали, что трудъ преподавателей даровой, то благодарностямъ не было конца: мнѣ лично была непріятна такая излишняя благодарность; въ ней чувствовалась приниженность, забитость, отсутствіе самоуваженія, которыя отличаютъ русскаго простолюдина; больно становилось за него и стыдно за себя и интеллигенцію при мысли, насколько нашъ трудъ малъ въ сравненіи съ тѣмъ огромнымъ долгомъ, который лежитъ на насъ предъ народомъ. Стыдно становилось за себя, за свое незнаніе, хотѣлось больше самой знать, приходилось много читать, работать, прежде, чѣмъ выступить передъ учениками; вообще, мнѣ кажется воскресная школа служитъ гораздо большимъ стимуломъ къ серьезнымъ занятіямъ, къ умственному труду, чѣмъ что либо иное. Мнѣ не долго пришлось позаниматься въ школѣ, но столько она принесла лично мнѣ пользы, столько хорошихъ свѣтлыхъ воспоминаній по себѣ оставила, что разстаться съ ней будетъ очень тяжело, и самой моей горячей мечтой будетъ снова вернуться въ ея стѣны.

А между тѣмъ успѣхи въ ней были очень слабы, вслѣдствіе и неумѣнья и недостатка преподавателей (иногда со всѣми группами приходилось заниматься одной или двумъ учительницамъ). Если и при такихъ недостаткахъ, школа, притомъ только встающая на ноги,—все таки даетъ нравственное удовлетвореніе, то что же можетъ дать школа хорошо поставленная, руководимая свѣдующими людьми!

БИБЛІОТЕКА-ЧИТАЛЬНЯ.

Народъ, приходившій на чтенія, узнавъ, что въ томъ же помѣщеніи существуетъ библіотека, жадно рвался къ книгѣ; нерѣдко спрашивали книги по вопросу, о которомъ только что читали. Потому было рѣшено съ будущаго года, когда будетъ пополнена библіотека (теперь она до смѣшного мала—300 экз.), подбирать заранѣе книги, соотвѣтствующія чтенію, и предлагать ихъ желающимъ послѣ чтенія; но такъ какъ многихъ нужныхъ и по-

лезныхъ книгъ въ библіотекѣ могло не оказаться, то рѣшено ходатайствовать объ открытіи при библіотекѣ отдѣленія Земскаго склада для продажи книгъ. Многіе рабочіе просили позволенія приходить въ школу почитать, такъ какъ дома читать было трудно (рабочіе живутъ обыкновенно въ казармахъ, человѣкъ по 40—80 въ одномъ помѣщеніи); это навело на мысль открыть при библіотекѣ и читальню;—съ нынѣшняго года она уже открывается. Предполагается также разъ въ недѣлю въ этомъ же помѣщеніи устраивать для развлеченія рабочихъ вечера, на которыхъ бы каждый изъ посѣтителей могъ выбирать себѣ занятіе по собственному желанію: слушать музыку, разсматривать альбомы, читать газеты, играть въ шашки и шахматы. Эти вечера послужили бы удобнымъ мѣстомъ для лучшаго знакомства съ населеніемъ и большаго сближенія съ нимъ. Но только едва-ли эта мысль будетъ приведена въ исполненіе, такъ какъ число участниковъ въ воскресной школѣ все уменьшается—частью за отъѣздомъ (такихъ большинство), частью за болѣзнью, частью за недостаткомъ времени. А жалко, будь больше людей, дѣло бы пошло, какъ по маслу: первыя препятствія—самыя трудныя, уже устранены.

Вообще, мнѣ кажется, что дѣло внѣшкольнаго народнаго образованія можетъ идти особенно успѣшно тогда, когда различнаго рода просвѣтительныя учрежденія соединяются вмѣстѣ: ну, что напр., можетъ сдѣлать одна библіотека—развѣ ужъ очень хорошій библіотекарь (а много ли такихъ?) сумѣетъ заинтересовать читателя совсѣмъ для него новой областью;—другое значеніе имѣетъ библіотека при воскресной школѣ или при вечернихъ чтеніяхъ;—тогда ужъ интересъ разбуженъ, читатель уже самъ предъявляетъ болѣе или менѣе разумныя требованія, удовлетвореніе которыхъ представляется ужъ не настолько труднымъ.

И, дѣйствительно, процентъ взятыхъ книгъ научнаго содержанія у насъ довольно великъ, если принять въ разсчетъ некультурность здѣшняго населенія; цифры таковы: беллетристика 58%, географія—13%, исторія—10%, естествознаніе—$9^1/_2$%, религіозно-нравств. 9%.

Точно также я нахожу болѣе цѣлесообразнымъ открывать продажу книгъ при воскресныхъ школахъ или курсахъ, потому что, во-первыхъ, здѣсь вообще спросъ на книгу гораздо больше, во-вторыхъ—при школѣ и курсахъ всегда найдутся свѣдующіе люди, которые помогутъ въ выборѣ книгъ, въ третьихъ даже при отсутствіи свѣдующихъ людей, покупатель уже имѣетъ опредѣленные запросы и самъ можетъ оріентироваться въ выборѣ книгъ.

Х.

Судьба вечернихъ классовъ въ Томскѣ *).

Ходатайство объ открытіи вечернихъ классовъ при мужской воскресной школѣ было возбуждено въ октябрѣ 1901 г. Преподающіе школы, въ лицѣ своего завѣдующаго, усиленно хлопотали о томъ, чтобы классы были разрѣшены по положенію 1872 г., какъ наиболѣе отвѣчающему запросамъ учащихся. Но 2-го ноября послѣдовало разрѣшеніе на открытіе классовъ по положенію 1828 г. „безъ всякихъ отступленій и чтобы преподаваніемъ въ клас-

---

*) Изъ „Восточнаго Обозрѣнія“ № 35 и 57, 1904 г.

сахъ занимались лица мужескаго пола, состоящія на учебной службѣ по министерству народнаго просвѣщенія".

11 декабря 1901 г. классы начали работать, и сразу обнаружилось несоотвѣтствіе программы устава 1828 года съ требованіями взрослыхъ учениковъ и вся трудность привлеченія учащихъ изъ педагогическаго міра.

Впродолженіе учебнаго года былъ возбужденъ рядъ ходатайствъ передъ учебнымъ округомъ о расширеніи программы и о дарованіи правъ безвозмезднаго преподаванія хотя бы только тѣмъ лицамъ, которымъ уже разрѣшено преподаваніе въ воскресной школѣ и которыя работаютъ въ ней ужъ много лѣтъ.

Но учебное начальство отклоняло эти ходатайства, рекомендуя строго придерживаться условій, указанныхъ въ разрѣшеніи на открытіе классовъ.

Классы проработали около двухъ лѣтъ и успѣли привлечь около 200 учащихся—все народъ взрослый—рабочіе и мастеровые, серьезно и сознательно относившіеся къ ученію.

Въ началѣ настоящаго учебнаго года завѣдующій вечерними классами отказался отъ завѣдыванія ими. Кандидаты, предложенные корпораціей преподающихъ, не утверждались дирекціей народныхъ училищъ, и въ концѣ-концовъ учебный округъ усомнился даже въ правовомъ положеніи воскресныхъ школъ, существующихъ, кстати сказать, уже 23 года, и вечернихъ классовъ. Округъ не пожелалъ сноситься съ составомъ преподающихъ и потребовалъ, чтобы школы и классы имѣли своего „хозяина" и, какъ на могущаго быть таковымъ, указалъ на городское самоуправленіе. Согласно прошенію преподающихъ, городъ принялъ въ свое вѣдѣніе воскресныя школы и вечерніе классы при нихъ. Къ этому времени къ городу перешли функціи попечительства о народной трезвости, и городская управа отношеніемъ на имя директора народныхъ училищъ отъ 29 ноября 1903 г. за № 4926 возбудила ходатайство объ открытіи вечернихъ классовъ.

Управа писала: „По предложенію министерства финансовъ томское городское общественное управленіе приняло въ свое вѣдѣніе дѣло попеченія о народной трезвости. Управа въ числѣ мѣръ для выполненія этой задачи считаетъ необходимымъ открыть вечерніе дополнительные классы для взрослыхъ при мужской воскресной школѣ на основаніи положенія 1872 г. Завѣдываніе этими классами изъявили согласіе принять на себя преподаватели томскаго технологическаго института Императора Николая II инженеръ-механикъ Алексѣй Алексѣевичъ Шутковъ и инженеръ путей сообщенія Сергѣй Арсеньевичъ Введенскій. Поэтому городская управа имѣетъ честь испрашивать согласіе вашего высокородія на открытіе вышеозначенныхъ вечернихъ повторительныхъ классовъ и на назначеніе завѣдующими ими гг. Шуткова и Введенскаго".

Удивительна судьба вечернихъ классовъ у насъ для взрослаго населенія! Въ 1887 году подобные классы были открыты школьнымъ обществомъ, но вскорѣ были закрыты; въ 1900 году такіе же классы успѣшно работали при Пушкинскомъ приходскомъ училищѣ, но въ слѣдующемъ же году должны были прекратить свое полезное существованіе.

17 января с. г. въ городской управѣ была получена бумага отъ дирекціи народныхъ училищъ, сообщающая, что такъ какъ вечерніе классы „были разрѣшены лично г. Борзову, то съ его уходомъ на службу министерства финансовъ, они (курсы) считаются закрытыми и надлежитъ войти, куда слѣдуетъ, съ ходатайствомъ... объ открытіи самыхъ курсовъ".

Какъ сказано выше, городъ еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ возбудилъ ходатайство

именно объ открытіи новыхъ курсовъ по положенію 1872 г. и въ своемъ отношеніи на имя учебнаго округа вовсе и не упоминалъ о бывшихъ курсахъ, разрѣшенныхъ „лично г. Борзову“.

Нечего и говорить о томъ, на сколько внимательно относится учебный округъ къ ходатайствамъ городского самоуправленія.

Но зато тотъ же округъ проявляетъ заботы о воскресныхъ школахъ.

Вмѣстѣ съ вечерними классами г. Борзовъ оставилъ и воскр. школу, завѣдующимъ которой онъ былъ въ продолженіе двухъ лѣтъ.

Преподающіе избрали изъ своей среды Д. Н. Анцинова, много лѣтъ уже работающаго въ воскресной школѣ, всѣми уважаемаго и полезнаго сотрудника, но дирекція не утвердила его на томъ основаніи, что онъ не дипломированный учитель и, какъ техникъ по профессіи, не можетъ быть завѣдующимъ школою, хотя та же дирекція воскресной школы утвердила его учителемъ воскр. школы много лѣтъ тому назадъ... Затѣмъ преподающіе избрали завѣдующимъ М. И. Боголѣпова, человѣка съ высшимъ образованіемъ, готовящимся занять въ мѣстномъ университетѣ каѳедру профессора финансоваго права, но и онъ не былъ утвержденъ дирекціей... Корпорація работниковъ воскр. школы представила черезъ городского голову, въ качествѣ завѣдующаго школою, третьяго кандидата, учителя Владиміровскаго училища П. С. Ожигова... 18 ноября П. С. Ожиговъ былъ утвержденъ въ должности завѣд. воскр. школы, но утверждая его, дирекція сочла нужнымъ предъявить къ нему такія требованія: 1) не допускать къ преподаванію въ школахъ какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, ни студентовъ, ни воспитанниковъ учительскаго института, 2) не отступать отъ программы 1874 г., 3) не открывать вечернихъ классовъ, и чтеній вообще не допускать, 4) совѣщаній и собраній преподающихъ не устраивать; а въ случаѣ крайней нужды въ нихъ, просить на это каждый разъ особое разрѣшеніе инспектора и т. д.

19 декабря П. С. Ожиговъ „въ виду исключительно сложившихся“ для него обстоятельствъ, отказался отъ завѣдыванія воскресною школою.

Тогда обратились къ С. А. Введенскому, преподавателю технологическаго института. Съ его согласія, городъ 24 декабря 1903 г. вошелъ съ ходатайствомъ въ учебный округъ объ утвержденіи его. Введенскаго, завѣдующимъ воскресною школою.

Время шло, г. Введенскаго не утверждали. Потерявъ надежду видѣть г. Введенскаго въ качествѣ завѣдующаго школою, преподающіе обращались къ другимъ лицамъ принять на себя завѣдываніе школою. Но разныя причины заставили этихъ лицъ отклонять предложеніе воскресниковъ.

Вдругъ, 18 января 1904 г. получается бумага инспекціи народныхъ училищъ на имя завѣдующей Петровскимъ мужскимъ приходскимъ училищемъ М. А. Соколовой, которою она „допускается директоромъ къ временному завѣдыванію томской воскресной мужской школою“.

Это былъ сюрпризъ какъ для нея, такъ и для всѣхъ учащихъ обѣихъ школъ. Ни М. А. Соколова никогда не изъявляла согласія быть завѣдующей воскресной школой, ни воскресники, въ свою очередь, никогда ея не избирали.

Впрочемъ, какъ учительница и человѣкъ М. А. Соколова явилась лицомъ вполнѣ подходящимъ для школы и, такимъ образомъ, выборъ директора оказался случайно удачнымъ. Она согласилась и съ свойственной энергіей и знаніемъ принялась за дѣло...

Внезапно, 17 февраля с. г. на имя городской управы была получена бумага отъ директора народныхъ училищъ за № 342, которою „преподаватель

томскаго технологическаго Императора Николая II института, инженеръ путей сообщенія, Сергѣй Арсеньевичъ Введенскій назначенъ завѣдующимъ томскою мужскою воскресною школою, вмѣсто отказавшагося Д. С. Ожигова, съ 15 февраля 1904 г.“.

Нужно еще сообщить вамъ, что въ настоящемъ учебномъ году особенно участились посѣщенія школы чинами мин. народн. просв., причемъ эти посѣщенія каждый разъ сопровождались переписью наличнаго персонала учащихъ школы.

Обѣ школы имѣютъ спеціальнаго наблюдателя въ лицѣ завѣдующаго городскимъ училищемъ.

Какъ видите, неудачи мужской воскресн. школы въ настоящемъ году были особенно велики.

Дмитрій Вольфсонъ.

Хроника профессіональнаго образованія.

Къ вопросу о преобразованіи Института Инж. путей сообщенія. — Кіевскій Политехникумъ.—Коммерческое образованіе. — Сельско-хозяйственныя школы.—Распространеніе ремесленныхъ знаній.—Профессіональное образованіе для женщинъ.

Какъ сообщаютъ „Бирж. Вѣд.“, въ собраніи общества инженеровъ путей сообщенія 9-го марта обсуждался докладъ почетнаго члена Общества д. т. с. М. Н. Герсеванова на тему „Прошлое и будущее института инженеровъ путей сообщенія“. Докладъ былъ вызванъ приближающимся столѣтіемъ института и является, такъ сказать, приготовленіемъ къ ознаменованію этого столѣтія. Н. Н. Митинскій ознакомилъ слушателей съ сущностью доклада и прочелъ дополнительную записку М. Н. Герсеванова, присланную имъ къ засѣданію. Авторъ предлагаетъ учредить трехгодичную инженерную академію, куда принимать исключительно лицъ съ дипломами высшихъ учебныхъ заведеній и гдѣ бы преподавались только однѣ спеціальныя науки, главнымъ образомъ не лекціоннымъ порядкомъ, а путемъ практическихъ занятій съ ассистентами профессоровъ. Подобный проектъ уже былъ предложенъ предшественникомъ докладчика В. П. Соболевскимъ въ 1882 году, но тогда, вслѣдствіе малаго количества инженеровъ, его нельзя было осуществить. При сохраненіи теперешняго строя института, М. Н. Герсевановъ предлагаетъ поднять уровень образованія студентовъ ограниченіемъ количества принимаемыхъ на I курсъ и введеніемъ факультативнаго преподаванія. Въ настоящее время въ институтѣ уже существуютъ такъ называемые необязательные предметы, что уже и составляетъ какъ бы переходъ къ факультативнымъ занятіямъ. Крайняя бѣдность технической литературы заставила просить профессоровъ издать свои лекціи. Многіе профессорскіе труды составляютъ классическій вкладъ въ русскую технику, но эти же труды позволяютъ студентамъ отсутствовать на лекціяхъ. Это побуждаетъ вызвать на смѣну лекцій практическія занятія, которыя несравненно плодотворнѣе и даютъ возможность слѣдить за занятіями молодежи. Кромѣ того, М. Н. Герсевановъ настаиваетъ на необходимости подчиненія института путей сообщенія своему же вѣдомству. Память столѣтняго юбилея института М. Н. Герсевановъ предлагаетъ ознаменовать не только изданіемъ исторіи института, но и приведеніемъ въ одно стройное цѣлое, хотя бы совмѣстными трудами преподавателей, такихъ основныхъ инженер-

ныхъ трактатовъ, какъ строительная техника и гидравлика со всѣми ихъ практическими приложеніями.

Приведенныя основныя мнѣнія М. Н. Герсеванова прежде всего оспаривалъ С. М. Житковъ. Послѣдній горячо возсталъ противъ ограниченія пріема на I курсъ института молодыхъ людей, указывая, что число инженеровъ слишкомъ мало, что боязнь перепроизводства ихъ неосновательна. Въ настоящее время на желѣзныхъ дорогахъ часто служатъ инженеры иныхъ вѣдомствъ. Превращеніе института въ академію только вызоветъ къ жизни частные институты, гдѣ молодые люди и будутъ готовиться къ поступленію. Это показалъ опытъ закрытія въ институтѣ въ 1882 — 1890 гг. первыхъ двухъ курсовъ. Возвышеніе уровня образованія путемъ факультативной программы не нужно институту, который и теперь имѣющимися при немъ экзаменами на званіе адъюнкта даетъ возможность заниматься факультативно.

Мнѣніе инженера Житкова было поддержано рядомъ другихъ оппонентовъ.

Въ заключеніе предсѣдатель собранія Н. Н. Митинскій указалъ на дѣйствительную необходимость замѣнить лекціонную систему практическими работами а также, что при настоящемъ многолюдствѣ студентовъ профессора не могутъ справиться со своими задачами и должны дѣлить свои труды съ помощниками, что отражается менѣе благотворно на образованіи студентовъ. При этомъ Н. Н. Митинскій выяснилъ, что докладъ М. Н. Герсеванова не заключалъ боязни множества инженеровъ, а останавливалъ лишь вниманіе на многолюдствѣ студентовъ (такъ, 250 студентовъ приходится на 1 профессора).

Далѣе, Н. Н. Митинскій вмѣсто факультативной системы предлагалъ введеніе предметной системы: студенты должны сдавать отдѣльные предметы, какъ это и дѣлается теперь въ кіевскомъ политехникумѣ.

Повышенное требованіе знаній и прохожденіе математики Н. М. Митинскій не считаетъ необходимымъ.

Въ виду важности доклада рѣшено дальнѣйшее его обсужденіе перенести на слѣдующія засѣданія.

Кіевъ. (Пріемъ въ политехникумѣ). Кіевскимъ политехническимъ институтомъ получено распоряженіе министра финансовъ съ указаніемъ порядка, котораго институтъ долженъ будетъ придерживаться при пріемѣ въ текущемъ году лицъ, желающихъ поступить въ число студентовъ I курса.

Пріемная норма на первые курсы всѣхъ четырехъ отдѣленій опредѣлена въ 300 человѣкъ. Изъ лицъ, окончившихъ курсъ ученія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, будутъ допускаться къ конкурсу и затѣмъ зачисляться въ студенты института тѣ, которые окончили курсъ въ 1904 году, а изъ выпуска 1903 года лишь тѣ, кои не поступали еще въ другія высшія учебныя заведенія. Пріемъ въ студенты будетъ производиться на основаніи конкурсныхъ испытаній. Послѣднія, какъ и въ прошлые годы, начнутся 16-го августа и закончатся числа 21-го того-же мѣсяца.

По словамъ „Нов. Вр.“, съ осени въ Лѣсномъ (близъ Петербурга) предполагается открыть среднее учебное заведеніе вѣдомства министерства финансовъ съ правами коммерческихъ училищъ. Училище будетъ помѣщаться на углу Малой Объѣздной ул. и Институтскаго проспекта, на участкѣ земли, пожертвованномъ министерствомъ земледѣлія, среди сосновой рощи, во вновь выстроенномъ собственномъ домѣ. Планъ организаціи и преподаванія въ названномъ училищѣ вырабатывается особою коммиссіей при участіи преподава-

телей Петербурга. Училище будетъ состоять изъ 7 общеобразовательныхъ классовъ и 8-го дополнительнаго класса съ преподаваніемъ коммерческихъ наукъ. Плата предполагается не выше 100 руб. въ годъ. При училищѣ будетъ пансіонъ. Лица, желающія помѣстить своихъ дѣтей въ училище, подаютъ заявленія на имя предсѣдателя временнаго комитета по открытію средняго мужского учебнаго заведенія въ Лѣсномъ, директора Политехническаго института князя Гагарина (Сосновка, Политехническій институтъ). Такое заявленіе ни къ чему не обязываетъ лицъ, подавшихъ его, и имѣетъ значеніе лишь для выясненія приблизительнаго количества и возраста учениковъ, на которыхъ училище можетъ разсчитывать, а также для рѣшенія вопроса, сколько классовъ открыть съ осени наступающаго года: два, три или четыре. Подробный очеркъ дѣятельности временного комитета по открытію этого учебнаго заведенія въ настоящее время печатается и по отпечатаніи будетъ высланъ всѣмъ лицамъ, выразившимъ о томъ желаніе.

Какъ пишутъ въ ту же газету, среди приказчичьяго общества зародилось желаніе основать въ Орлѣ хотя бы низшую торговую школу. Много хлопотали они, но, не имѣя большихъ средствъ, достаточныхъ для основанія такого училища, понятно, благихъ результатовъ отъ своихъ хлопотъ не получили. Но вдругъ съ неба точно упало для нихъ счастье: одинъ изъ мѣстныхъ купцовъ П. И. Веревитинъ заявилъ о своемъ желаніи пожертвовать городу для этого училища только-что отстроенный имъ прекрасный домъ съ большимъ мѣстомъ и всѣми необходимыми надворными постройками, добавивъ при этомъ, что онъ даетъ не только домъ, но на свой счетъ сдѣлаетъ всю нужную для школы обстановку. Казалось бы, дума должна была принять такой даръ съ распростертыми объятіями, но на дѣлѣ вышло иное: дума не рѣшилась дать съ своей стороны, для содержанія этой школы такой громадной суммы — 2.000 рублей (городской бюджетъ 374.053 руб.). Вообще же на народное образованіе расходуется только: въ 1903 г. 17.844 руб., изъ которыхъ около 5.000 руб. надо исключить, какъ получаемую съ учащихся плату за ученіе. Положимъ для ровнаго счета, что городъ тратитъ на народное образованіе 13.000 руб. своихъ денегъ. Это при 80.000 населенія! Значитъ немного болѣе $3{,}_{36}\%$ всего бюджета. Приказчичье общество при самыхъ своихъ ограниченныхъ средствахъ готово давать 1,000 рублей въ годъ, съ своей стороны, на содержаніе торговой школы, а городъ не желаетъ дать 2.000 руб., пріобрѣтая при этомъ прекрасный домъ со всей обстановкою для школы. Навѣрное и губернское земство, какъ проводникъ народнаго образованія, не будетъ прочь, съ своей стороны, дать субсидію на содержаніе школы; придетъ на помощь и министерство финансовъ и весьма можетъ быть, что и мѣстныя финансовыя учрежденія; только одна дума, которая, по настоящему, должна стоять впереди всѣхъ въ этомъ дѣлѣ, противится такому необходимому дѣлу. Невольно подивишься такому взгляду думы на дѣло народнаго образованія, думы, въ составѣ которой не мало лицъ не только по виду интеллигентныхъ, но и съ высшимъ образованіемъ, лицъ, служащихъ по министерству народнаго просвѣщенія. Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно.

Лѣтъ двадцать назадъ нынѣшній предводитель дворянства Суджанскаго уѣзда Курской губерніи К. П. Арнольди скупилъ у своихъ братьевъ и сестеръ 200 десятинъ родового имѣнія Кучеровъ-Хуторокъ и устроилъ на этой землѣ первую въ Россіи, по времени основанія, частную сельско-хозяйственную

школу или, какъ ее давно уже окрестили—„мужицкую академію“. Прозвище это дано не напрасно. Это, говоритъ „Нов. Вр.“, дѣйствительно „мужицкая“ академія, какихъ и нашему крестьянству и нашему сельскому хозяйству дай Богъ имѣть побольше. Ея оффиціальный титулъ — „Кучеровская въ память князя А. И. Васильчикова школа“. Цѣль школы—распространеніе въ народѣ, преимущественно путемъ практическихъ занятій, основныхъ познаній по сельскому хозяйству, плодоводству, огородничеству и пчеловодству. Воспитанники обучаются и ремесламъ—столярному, кузнечному, слесарному и корзиночному. Ученики живутъ въ школѣ на полномъ содержаніи, до одежды включительно. Плата за содержаніе и ученіе—100 руб. въ годъ. Земство имѣетъ въ этой школѣ 20 стипендіатовъ и страхуетъ постройки. Министерство земледѣлія субсидируетъ ее въ размѣрѣ 3.800 руб. въ годъ, которые предназначены на жалованье учителямъ и на учебныя пособія. Остальное покрывается указанной платой и личными средствами учредителя. Первыя семь лѣтъ школа содержалась безъ всякой субсидіи и стипендій, исключительно на личный рискъ и страхъ г. Арнольди. На постройки и отопленіе ушелъ весь лѣсъ его небольшого имѣнія. Кучеровская школа пользуется очень хорошей репутаціей. Въ двадцать лѣтъ она выпустила болѣе 200 человѣкъ, занимающихъ теперь во многихъ мѣстностяхъ должности завѣдующихъ опытными полями, метеорологическими станціями, складами сельско-хозяйственныхъ орудій, машинъ и сѣмянъ, управляющихъ имѣніями и преподавателей въ сельско-хозяйственныхъ школахъ, которыя стали возникать во многихъ мѣстахъ Россіи по образцу Кучеровской. Три года назадъ учредитель школы прибавилъ къ ней техническій отдѣлъ для подготовленія низшихъ сельско-хозяйственныхъ техниковъ, преимущественно для работъ по земельнымъ улучшеніямъ, какъ, напримѣръ, закрѣпленіе и облѣсеніе овраговъ, устройство запрудъ, орошеніе садовъ, огородовъ и луговъ, осушеніе болотъ и т. п. Первоначально отдѣлъ этотъ помѣщался въ собственномъ помѣщеніи г. Арнольди, но затѣмъ для него построено очень удобное помѣстительное зданіе, для чего лѣсъ былъ пожертвованъ Государемъ Наслѣдникомъ, а министерствомъ земледѣлія отпущено 400 руб. Срокъ обученія въ этомъ отдѣлѣ два года. Теперь уже во многихъ мѣстахъ Россіи работаютъ Кучеровскіе сельско-хозяйственные техники перваго выпуска, и отзывы, полученные школой о ихъ работахъ и трудахъ, самые утѣшительные. Къ сожалѣнію, школу недавно постигло большое несчастье: 12 января сгорѣло ея главное зданіе, въ которомъ помѣщались классы, спальни, столовая, библіотека, контора, цейхгаузъ, кухня. Сгорѣвшее зданіе было застраховано въ 6,000 руб., что составляетъ только половину его стоимости. Для возобновленія сгорѣвшаго нужно не менѣе 12 тысячъ, а взять недостающихъ шести тысячъ неоткуда. Школа частная, и хотя г. Арнольди уже много разъ предлагалъ земству передать ему школу въ полную собственность, но земство на принятіе ея до сихъ поръ еще не рѣшилось, а давать деньги на постройки, если не фактически, то юридически принадлежащія частнымъ лицамъ, земство не можетъ. Одна надежда на министерство земледѣлія, къ которому учредитель и попечитель школы и обратился. Министерство всегда относилось очень сочувственно къ этой школѣ, и надо полагать, что оно и на этотъ разъ, несмотря на крайне неудобный для всякихъ экстраординарныхъ расходовъ моментъ, поможетъ возродиться заслуженному разсаднику столь нужныхъ нашей странѣ хорошо подготовленныхъ работниковъ-земледѣльцевъ въ широкомъ смыслѣ этого слова.

———

Послѣднее Полтавское губернское земское собраніе, какъ сообщаютъ „Изв. Мин. З.“, удѣлило очень много вниманія вопросу объ улучшеніи содержимыхъ губернскихъ земствомъ или при его участіи профессіональныхъ школъ, число которыхъ довольно значительно. При этомъ, въ отношеніи Лубенской сельско-хозяйственной школы были сдѣланы указанія, касающіяся преимущественно постановки въ школѣ различныхъ отраслей сельскаго хозяйства, въ цѣляхъ болѣе дѣйствительнаго и желательнаго воздѣйствія на окружающія хозяйства. Такъ, по заключенію ревизіонной коммиссіи, въ настоящее время, въ виду уступки Министерствомъ Земледѣлія для нуждъ школы 18 дес. луговой земли, представляется необходимымъ выработать новый планъ школьнаго хозяйства. Сѣвообороты, практикуемые въ хозяйствѣ школы, могли бы быть замѣнены другими, примѣненіе которыхъ наиболѣе желательно въ сосѣднихъ хозяйствахъ. Увеличеніе земельной площади позволитъ далѣе не только увеличить размѣръ пахатной земли, благодаря возможности перенести огороды на болѣе удобное мѣсто, но, кромѣ того, дастъ возможность расширить луговодство. Послѣдняя же отрасль хозяйства, въ связи съ введеніемъ культуры корнеплодовъ и травосѣянія на полевыхъ участкахъ, въ свою очередь, обезпечитъ возможность содержать вчетверо больше скота, необходимаго для учебныхъ цѣлей и для полученія достаточнаго количества удобренія, въ которомъ теперь ощущается недостатокъ. Въ настоящее время изъ всѣхъ отраслей животноводства хорошо поставлено при школѣ лишь племенное свиноводство, которое и оказываетъ замѣтное вліяніе на крестьянскія хозяйства въ сосѣднихъ селеніяхъ. Коневодства вовсе не существуетъ. Что касается крупнаго рогатаго скота, то при разведеніи его не замѣтно опредѣленной цѣли и плана. Точно также не обращается должнаго вниманія на воспитаніе телятъ. Не пріучаютъ учениковъ къ мысли о своевременности перехода къ болѣе интенсивнымъ способамъ кормленія (напримѣръ—зеленый кормъ) не только племенного скота, но и рабочихъ воловъ. Согласно программѣ, ученики обучаются сыроваренію, что, по мнѣнію ревизіонной коммиссіи, является излишнимъ. Сыровареніе совершенно недоступно мѣстнымъ крестьянскимъ хозяйствамъ. Большія же экономіи, которыя пожелали бы заняться имъ, несомнѣнно обратятся къ помощи спеціалистовъ-сыроваровъ. Рядомъ съ этимъ, учениковъ совершенно не обучаютъ раціональному доенію—операціи, въ сущности, весьма не легкой. Ненужными ревизіонная коммиссія признаетъ занятія по шелководству, какъ отрасли хозяйства, не имѣющей никакихъ шансовъ развиться въ Полтавской губерніи. Плодовое садоводство въ школѣ поставлено очень хорошо, и въ недалекомъ будущемъ школьный садъ можетъ явиться источникомъ весьма значительнаго дохода. Нельзя того же сказать о лѣсномъ хозяйствѣ на площади въ 15 десятинъ, которая отведена Министерствомъ Земледѣлія школѣ „въ интересахъ ознакомленія учениковъ съ пріемами правильнаго ухода за лѣсомъ“. Касаясь другихъ сторонъ школы, коммиссія находитъ, прежде всего, что составъ учениковъ весьма удовлетворителенъ. За немногими исключеніями, всѣ они выросли въ деревнѣ и почти всѣ уроженцы Полтавской губерніи. Ученики производятъ очень благопріятное впечатлѣніе своимъ здоровымъ видомъ и толковыми непринужденными отвѣтами. Замѣтна разумная школьная дисциплина, которой, къ сожалѣнію, не достаетъ нѣкоторымъ другимъ профессіональнымъ школамъ, находящимся въ вѣдѣніи губернскаго земства. Кормятъ учениковъ превосходно и дешево, причемъ школа оказываетъ широкое гостепріимство родителямъ, пріѣзжающимъ навѣстить своихъ сыновей. Общее санитарное состояніе школы весьма удовлетворительно. Необходимо лишь за-

мѣнить негигіеническіе цементные полы въ спальнѣ деревянными, а въ остальныхъ мѣстахъ—плиточными. Большинство зданій отвѣчаетъ своему назначенію, за исключеніемъ амбара, недостаточно вмѣстительнаго и требующаго капитальнаго ремонта. Въ общемъ, заключаетъ ревизіонная коммиссія, Лубенская сельско-хозяйственная школа производитъ очень благопріятное впечатлѣніе своей хозяйственностью, порядкомъ и весьма нормальными отношеніями между администраціей и учениками. Для устраненія же приведенныхъ выше недостатковъ, коммиссія предложила: 1) выработать новый планъ школьнаго хозяйства; 2) прекратить преподаваніе шелководства и сыроваренія; 3) перестроить амбаръ и уничтожить цементные полы. При этомъ попечитель школы И. Н. Леонтовичъ сообщилъ, что управляющій школой призналъ замѣчанія ревизіонной коммиссіи правильными и выразилъ готовность принять мѣры къ устраненію указанныхъ недостатковъ. Собраніе приняло всѣ предложенія ревизіонной коммиссіи, а выработку новаго плана хозяйства при школѣ возложило на Лубенское отдѣленіе Полтавскаго сельско-хозяйственнаго общества.

Нѣсколько менѣе удовлетворительнымъ ревизіонная коммиссія признала положеніе Полтавской школы садоводства, причемъ ею также было обращено вниманіе преимущественно на постановку школьнаго хозяйства и на практическія занятія учениковъ. Питомникъ, садъ и огородъ, какъ сообщаетъ коммиссія, ведутся очень хозяйственно и даютъ хорошіе финансовые результаты. На посадочный матеріалъ изъ питомника, благодаря его высокому качеству, существуетъ большой спросъ не только изъ Полтавской, но и изъ сосѣднихъ губерній. Питомникъ, принося доходъ школѣ, чрезвычайно полезенъ и въ учебномъ отношеніи, но для расширенія его дѣятельности необходимо пріобрѣсти отъ 1 до 3 десятинъ смежной земли. Затѣмъ, больнымъ мѣстомъ школы является водоснабженіе. Ревизіонная коммиссія полагаетъ, что, не предпринимая дорого стоющихъ водопроводныхъ работъ, можно ограничиться устройствомъ пока абиссинскаго колодца. Затѣмъ, школьная ограда со стороны города совершенно уничтожена сосѣдями, растаскавшими ее на дрова. Необходимо поставить новую изъ огнеупорнаго матеріала — глинобитную или кирпичную. Со стороны поля, для защиты отъ скота, необходима проволочная изгородь, которая не способствовала бы, какъ всякая другая, образованію снѣжныхъ заносовъ на территоріи, занятой питомникомъ. Теплица, построенная крайне неудачно еще въ 1899 г., несмотря на нѣкоторыя передѣлки, произведенныя въ 1900 г., положительно не отвѣчаетъ своему назначенію. Пчеловодство, одно время совсѣмъ погибшее, поставлено теперь хорошо. Въ 1902 г. имѣлось 11 сильныхъ семей, число которыхъ въ 1903 г. доведено до 19-ти. Столярное ремесло, хотя обязательное по уставу, не преподается, за отсутствіемъ зимняго помѣщенія. Зато плетеніе изъ лозы идетъ весьма успѣшно. Кормятъ учениковъ хорошо и недорого, благодаря хозяйственности и заботливости, которыя проявляетъ въ этомъ отношеніи управляющій школой. Молоко получается отъ собственныхъ коровъ, а сало — отъ собственныхъ свиней, заведенныхъ при школѣ безъ расходовъ со стороны земства. Приходящіе ученики довольствуются безплатно, одинаково съ интернами. Выпускаемые изъ школы юноши легко находятъ себѣ мѣста какъ въ Полтавской губерніи, такъ и за ея предѣлами.

За послѣдніе годы уѣздныя земства С.-Петербургской губ. обратили вниманіе на распространеніе среди населенія профессіональнаго образованія. Съ этою цѣлью, по словамъ „Нов. Вр.“, помимо преподаванія желающимъ ре-

меслъ въ большинствѣ начальныхъ школъ, земства устраиваютъ учебныя мастерскія и спеціальныя школы для изготовленія простѣйшихъ и ремонта болѣе сложныхъ земледѣльческихъ орудій и машинъ; для изученія ремеслъ, необходимыхъ въ крестьянскомъ быту и наиболѣе подходящихъ къ данной мѣстности, а также различныхъ отраслей сельскаго хозяйства. Въ Петергофскомъ уѣздѣ съ большимъ успѣхомъ функціонируютъ мастерскія: ткацкая, сапожно-шорная и кузнечно-колесная, и открывается школа садоводства. Въ Ямбургскомъ уѣздѣ, въ имѣніи, завѣщанномъ мѣстнымъ помѣщикомъ Веймарнъ, устроена прекрасно обставленная сельско-хозяйственная школа. Въ Новоладожскомъ уѣздѣ, въ видахъ развитія плодоводства, устроенъ богатый питомникъ. С.-Петербургское земство содержитъ довольно значительное число стипендіатовъ въ ремесленномъ училищѣ Цесаревича Николая и въ Царско-Славянской школѣ садоводства и кромѣ того ежегодно ассигнуетъ по 1.000 руб. въ пособіе на содержаніе земскихъ кандидатовъ въ низшей ремесленной школѣ при СПБ. химико-техническомъ училищѣ. Лужское земство открываетъ учебныя мастерскія: древодѣльню—въ с. Хрединѣ и слесарную—въ г. Лугѣ. Всѣ школы и мастерскія служатъ исключительно для мѣстныхъ крестьянъ.

Въ 1867 д. кружкомъ образованныхъ лицъ учреждено въ Елисаветградѣ безплатное ремесленно-грамотное училище. Черезъ нѣкоторое время, какъ передаетъ „Од. Л.“, кружокъ вошелъ въ составъ мѣстнаго благотворительнаго общества, взявшаго подъ свое попеченіе и училище. Опытъ нѣсколькихъ лѣтъ убѣдилъ однако учредителей въ неудобствѣ такого положенія вещей, и съ 1873 года кружокъ вмѣстѣ съ училищемъ выдѣлился въ особое общество распространенія грамотности и ремеслъ. 1874 и 1875 годы можно считать временемъ расцвѣта училища: 140 дѣтей обоего пола обучалось въ немъ Закону Божію, русскому языку, русской исторіи, ариѳметикѣ, географіи, чистописанію, пѣнію, гимнастикѣ, шелководству и, кромѣ того, мальчики столярному и токарному ремесламъ, а дѣвочки швейному. Теперь передъ елисаветградскимъ училищемъ стоитъ вопросъ: быть или не быть. Назначенной сперва земствомъ, а потомъ городомъ субсидіи оказывается мало. Не помогаютъ и устраиваемые въ пользу училища спектакли, танцовальные вечера и прочее. Одно изъ двухъ принадлежащихъ училищу зданій настолько обветшало, что мастерскія для мальчиковъ пришлось закрыть и мужскіе учебные классы соединить съ женскими. Другое зданіе пока еще держится, но и оно требуетъ капитальнаго ремонта. Если средства училища не будутъ увеличены хотя бы частными пожертвованіями, то обществу не останется ничего иного, какъ сократить вообще число учащихся и совсѣмъ прекратить обученіе ремесламъ мальчиковъ. Мѣстные заводчики, фабриканты и ремесленники, думалось бы, первые должны поспѣшить на помощь учебному заведенію, поставляющему для нихъ умѣлыхъ и грамотныхъ работниковъ и работницъ.

По словамъ „Нов.“, на усмотрѣніе министерства народнаго просвѣщенія восходилъ вопросъ о допущеніи бывшихъ воспитанниковъ ремесленныхъ училищъ, вышедшихъ изъ нихъ ранѣе окончанія курса училищъ, къ экземену изъ полнаго курса наукъ этихъ училищъ, съ цѣлью полученія на это соотвѣтствующихъ аттестатовъ. По этому поводу послѣдовало со стороны министерства разъясненіе, что, по уставу, ремесленнымъ училищамъ не предоставлено права производить испытанія въ знаніи полнаго курса постороннимъ лицамъ, къ каковымъ должны быть причислены также выбывшіе изъ училища ранѣе окончанія курса, и что допущеніе такихъ лицъ къ испытанію, являясь

исключеніемъ изъ этого правила, создало бы нежелательный прецедентъ для обхода дѣйствующаго законоположенія о ремесленныхъ училищахъ, измѣненіе котораго возможно только въ общемъ законодательномъ порядкѣ.

Министерство народнаго просвѣщенія, какъ передаетъ „Варш. Дн.“, увѣдомило попечителя Варшавскаго учебнаго округа, что изданное министерствомъ процентное ограниченіе евреевъ-учениковъ въ среднихъ и низшихъ техническихъ училищахъ не относится къ ремесленнымъ училищамъ, школамъ ремесленныхъ учениковъ и низшимъ ремесленнымъ школамъ.

„Нов. Вр.“ сообщаетъ, что Петербургское общество поощренія женскаго профессіональнаго образованія возобновляетъ въ теченіе нынѣшняго лѣта шестинедѣльные курсы для учительницъ домоводства и кулинарнаго дѣла. Въ настоящее время въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, въ вѣдомствѣ Императрицы Маріи и въ духовномъ вѣдомствѣ возбужденъ вопросъ о введеніи обученія домоводству и кулинарному дѣлу въ женскія учебныя заведенія, вслѣдствіе чего потребность въ учительницахъ по этимъ предметамъ является весьма значительной. Открывая 14 іюня вышеозначенные курсы, общество считаетъ долгомъ пояснить, что практика доказала полную возможность для лицъ, уже знакомыхъ съ педагогическими правилами преподаванія, усвоить себѣ въ 6 недѣль пріемы обученія домоводству и кулинарному дѣлу для преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ. Кромѣ того, въ видѣ дополнительныхъ занятій для желающихъ открываются послѣобѣденные курсы по шляпному дѣлу и по изготовленію искусственныхъ цвѣтовъ. Сверхъ того, общество учредило вечерніе курсы по поданію помощи раненымъ и уходу за больными и спеціальные курсы по приготовленію пищи для больныхъ. При курсахъ находится общежитіе. За свѣдѣніями и программами обращаться въ правленіе Общества въ С.-Петербургѣ, Мойка, д. 56, кв. 3. **В. Б—чъ.**

Варшавское Коммерческое Училище.

На послѣднемъ 3-емъ съѣздѣ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію особенно оживленнымъ обмѣномъ мысли отличались занятія IV секціи, посвященной коммерческому образованію, коммерческимъ и торговымъ школамъ. При открытіи съѣзда В. И. Ковалевскій посвятилъ свою рѣчь именно уясненію значенія внесеннаго въ коммерческія учебныя заведенія въ Россіи начала общественности, вообще столь чуждаго русской школѣ.

Коммерческое образованіе дѣло у насъ еще новое и, благодаря счастливо сложившимся условіямъ, оно съ самаго начала стало на раціональную почву и чутко отозвалось на современныя требованія серьезной науки воспитанія и образованія юношества. Слишкомъ ужъ болѣзненно чувствуется у насъ нужда въ такихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ на дѣтей не смотрѣли бы какъ на пѣшки, существующія лишь для выполненія надъ ними какого то жестокаго дисциплинарнаго режима и для искусственнаго притупленія въ нихъ всякой живой любознательности. Родители русскихъ дѣтей слишкомъ уже изстрадались той неприступностью, въ какую замкнулись наши среднеучебныя заведенія, совершенно обособившіеся отъ семей, изъ которыхъ приходятъ къ нимъ ученики. Школа и семья стали въ послѣднее время въ ненормальныя взаимно-враждебныя отношенія, порождающія сразу въ душѣ каждаго ребенка, поступающаго въ реальное училище или въ классическую гимназію, роковое недора-

зумѣніе, приводящее часто къ самымъ драматическимъ результатамъ. Коммерческія учебныя заведенія сразу завоевали себѣ всеобщее уваженіе и довѣріе, выступивъ, какъ вполнѣ общественныя учрежденія, возникающія не на средства казны, а на общественныя средства, по общественному почину и съ непосредственнымъ участіемъ общества въ внутреннемъ веденіи дѣла. „Современная Россія, говоритъ В. И. Ковалевскій въ своей рѣчи *): жадно хочетъ учиться. Исканіе живой и плодотворной школы представляетъ самую выдающуюся черту переживаемой нами эпохи. За шесть лѣтъ число коммерческихъ учебныхъ заведеній съ 9 возрасло до 145 уже получившихъ (съ 1896—1903 г.) разрѣшеніе и до 139 существующихъ въ дѣйствительности, съ 35.000 учащихся". Это количественное и качественное развитіе коммерческой школы Ковалевскій объясняетъ именно ея общественностью и ея гибкостью, приспособленностью къ жизни, созданнымъ законодательнымъ актомъ 15 апрѣля 1896 г. „Школьные запросы жизни, продолжаетъ В. И. Ковалевскій: не укладываются въ неподвижные типы. Окаменѣлость типовъ вредно отражается на развитіи школы и жизни и не можетъ привлечь общественнаго сочувствія, а слѣдовательно и матеріальной помощи". На коммерческія школы города, земства и разныя общественныя учрежденія за 6 лѣтъ уже пожертвовали 5 милліоновъ руб.; эти школы стали любимымъ училищемъ, окруженнымъ заботами не одного только торговаго сословія, непосредственно заинтересованнаго въ ихъ существованіи; къ нимъ примкнули лучшія живыя педагогическія силы и примѣнили къ этому дѣлу новѣйшія указанія педагогики, гигіены и методики.

Въ IV секціи поднимались вопросы преподаванія съ самыхъ разныхъ сторонъ: говорили и о правильномъ изученіи иностранныхъ языковъ и объ естествознаніи и географіи, и о гимнастикѣ и о внесеніи въ изученіе русской словесности новѣйшей литературы, и о допущеніи старшихъ учениковъ къ чтенію русскихъ журналовъ и газетъ въ читальняхъ и библіотекахъ училищъ, и о допущеніи къ совмѣстному обученію мальчиковъ и дѣвочекъ въ торговыхъ школахъ, и о правахъ преподавателей, и о привлеченіи родителей къ совмѣстной общей работѣ воспитанія молодого поколѣнія. Святая честная работа! Отъ правильной ея организаціи такъ много зависитъ счастье и благополучіе страны. Чтобъ результаты отъ нея получились сколько нибудь утѣшительные, конечно, организаторамъ новой школы пришлось прежде всего отказаться отъ всякой рутины и лжи, такъ извратившихъ наши современныя среднеучебныя заведенія, и замѣнить ихъ, какъ того требовало и новое учебное законодательство,—живой инпціативой и искреннимъ гуманнымъ отношеніемъ къ ребенку.

Теперь передъ нами объемистый отчетъ одного изъ коммерческихъ училищъ—Варшавскаго, и этотъ отчетъ даетъ намъ полную возможность провѣрить, насколько высока въ дѣйствительности нравственно воспитательная постановка дѣла въ этихъ молодыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Правда, во главѣ Варшавскаго училища стоитъ выдающійся педагогъ и человѣкъ,—Е. Е. Цвѣтковскій, достаточно извѣстный въ Петербургскомъ педагогическомъ мірѣ своимъ педагогическимъ талантомъ и абсолютной преданностью воспитательно-учебному дѣлу. Ставъ директоромъ новооткрывавшагося въ 1900 году Варшавскаго коммерческаго училища, онъ отдалъ ему всѣ свои силы, а дѣтямъ открылъ все свое любящее сердце. Но при прежней постановкѣ учебнаго дѣла вся инціатива, вся цѣнная индивидуальная работа директора потонула

*) См. № 2 бюллетеня Ш съѣзда дѣят. профес. образ. стр. 14.

бы въ тинѣ оффиціальнаго бюрократизма и мертвыхъ традицій. Теперь же, энергія Цвѣтковскаго и цѣлой группы молодыхъ преподавателей создала такое учебное заведеніе, которое составляетъ гордость Варшавскаго Купеческаго Общества.

Отчетъ охватываетъ два первые года жизни училища. Онъ написанъ параллельно на русскомъ языкѣ и на польскомъ. Въ немъ находится и уставъ Варшавскаго училища, такъ какъ по закону каждое коммерческое училище видоизмѣняетъ общій уставъ, соотвѣтственно съ мѣстными условіями и потребностями. По этому уставу общее завѣдываніе училища преимущественно хозяйственными дѣлами возлагается на Попечительный Совѣтъ, состоящій изъ предсѣдателя и 6 членовъ, избираемыхъ на три года Варшавскимъ купечествомъ, одного члена, назначаемаго мининистерства финансовъ, а также изъ директора училища и одного изъ преподавателей. И предсѣдатель и члены Попечительнаго Совѣта могутъ присутствовать на урокахъ и на экзаменахъ и могутъ вносить свои замѣчанія на все видѣнное и слышанное для разсмотрѣнія въ Попечительный Совѣтъ. Для обсужденія и завѣдыванія учебной частью дѣла существуетъ Педагогическій Совѣтъ изъ всѣхъ преподавателей подъ предсѣдательствомъ директора.

Изъ 1.005 прошеній, поданныхъ при открытіи училища, къ пріемнымъ экзаменамъ было допущено 639 учениковъ, изъ нихъ принято 361 и распредѣлены по четыремъ приготовительнымъ, тремъ первымъ, двумъ вторымъ и въ одномъ третьемъ классахъ (всѣ 7 классовъ еще не открыты). Задачей преподавателей училища было дать этимъ дѣтямъ не одно только профессіональное, а и „общее образованіе, развивъ и физическія и душевныя ихъ силы“. При открытіи училища рѣчь Цвѣтковскаго еще опредѣленнѣе выясняя задачу, какую онъ и его сотрудники брали на себя: „Дѣти, говорилъ директоръ; должны приходить въ школу, чтобы работать и учиться подъ руководствомъ учителей, а не для того, чтобы только получить баллы за то, что они выучили дома съ чужою подчасъ грѣшной помощью. Школа не должна задаваться цѣлью только сообщать ученикамъ знанія. Она должна научить питомцевъ правильнымъ методамъ пріобрѣтенія разнообразныхъ знаній“. Для этого работа организуется съ приготовительнаго класса на основѣ самодѣятельности и пробужденія любознательности; баллы и переходные изъ класса въ классъ экзамены уничтожаются; заучиванье на дому тоже; учебникъ отходитъ на задній планъ, а все ученіе идетъ въ классѣ подъ руководствомъ учителя, при самомъ активномъ участіи дѣтской мысли. Въ стѣнахъ училища дѣти проводятъ весь день, съ 9 ч. утра до 4 ч. пополудни, но выходятъ изъ него свободные отъ всякихъ вечернихъ занятій. Среди дня большой отдыхъ въ $1^1/_2$ часа съ завтракомъ; между уроками перемѣнки въ 15 минутъ. Занятія умственныя перемежаются съ гимнастикой, пѣніемъ, ручнымъ трудомъ и графическими искусствами. Больше 30—36 учениковъ въ классѣ не допускается. Все время дѣти находятся подъ наблюденіемъ и надзоромъ преподавателей и надзирателей. Ни карцера, ни другихъ наказаній не практикуется, ученики — одни легче, другіе труднѣе — но всѣ поддаются „воздѣйствію добрымъ словомъ и примѣромъ“, хотя, къ величайшему сожалѣнію, и пришлось за первые же два года жизни школы просить родителей взять изъ училища нѣкоторыхъ учениковъ, слишкомъ плохо вліявшихъ на остальныхъ товарищей и совершенно неспособныхъ идти въ уровень съ классомъ.

Внѣшняго надзора за учениками внѣ заведенія не практикуется: къ этому приглашаются родители. У каждаго изъ школьныхъ наблюдателей назначены

опредѣленные дни и часы, когда родители могутъ приходить къ нимъ совѣщаться относительно дѣтей. Въ классѣ классная дисциплина поддерживается интерессомъ урока и возбужденной активной работой всего класса. Отсутствіе балловъ и экзаменовъ отражается успокоительно на настроеніи дѣтей: ихъ нервы не раздражаются совершенно непроизводительно. Объ успѣшности преподаванія свидѣтельствуютъ упражненія и классныя работы учениковъ. Особенное вниманіе обращено на самостоятельное чтеніе учениковъ съ самыхъ младшихъ приготовительныхъ классовъ и на развитіе дара слова, на умѣнье устно и письменно излагать свои мысли. Прекрасно поставлено природовѣдѣніе, для веденія котораго имѣются и кабинеты, и коллекціи, и картины; въ младшихъ классахъ оно является подготовленіемъ учениковъ къ дальнѣйшему изученію физическихъ явленій географіи. Наглядно преподаваемая географія въ свою очередь, подготовляетъ учениковъ къ пониманію исторической жизни человѣчества. Это послѣдовательное соединеніе географіи и исторіи въ ихъ начальномъ преподаваніи является давно желаннымъ методическимъ пріемомъ и прекрасно рекомендуетъ внимательно продуманную общую програму преподаванія. Только понявши зависимость разныхъ культурныхъ условій жизни отъ различной географической обстановки, ученикъ сразу подойдетъ къ изученію историческихъ фактовъ съ вѣрной исходной точкой зрѣнія, отнимающей возможность прежняго совершенно произвольнаго взгляда на исторію — какъ на рядъ ни съ чѣмъ не связанныхъ происшествій. Дальнѣйшая программа исторіи, принятая въ Варшавскомъ коммерческомъ училищѣ, не можетъ не увлечь вниманія дѣтей предлагаемыми ею картинами и характеристиками внутренней культурной жизни каждаго народа (стр. отчета 222 и дальше). Не останавливаясь подробно на всѣхъ предметахъ учебной программы училища, проникнутой вдумчивымъ отношеніемъ къ запросамъ и силамъ дѣтскаго мышленія, необходимо еще обратить вниманіе на заботливое отношеніе училища къ здоровью учениковъ. Къ общему отчету приложенъ очень подробный отчетъ школьнаго врача какъ о санитарномъ состояніи училища, такъ и о физическихъ свойствахъ всѣхъ учениковъ: ихъ ростъ, вѣсъ, мускульная сила, болѣзненность—все измѣрено, за всѣмъ наблюдается, все стараются привести къ здоровому, гармоничному равновѣсію; все болѣзненное, ненормальное тщательно устраняется. Между учениками и докторомъ установились довѣрчивыя отношенія и, каждому понятно, какъ цѣнно для здоровья юношей такое благотворное вліяніе знающаго, внимательнаго врача.

Въ праздничное и каникулярное время, устраиваются школьные праздники, концерты, прогулки экспедиціи, направленныя въ разныя пока ближайшія мѣстности для изученія природы, заводовъ и т. п.

Въ концѣ книги, приложено два описанія такихъ прогулокъ, сдѣланныя самими учениками V и IV классовъ; они свидѣтельствуютъ какъ развита наблюдательность дѣтей и какъ выработано у нихъ умѣнье излагать письменно свои впечатлѣнія.

Отчетъ Цвѣтковскаго переноситъ насъ въ какую то сказочную страну, безъ карцеровъ, безъ мучительныхъ двоекъ и нулей, безъ изнурительнаго „приготовленія уроковъ“ до глубокой ночи и нервно приподнятаго самолюбія несчастныхъ нашихъ заморышей-гимназистиковъ, безъ китайской каменной стѣны, безжалостно поднимающейся передъ каждымъ родителемъ съ перваго вступленія ихъ дѣтей въ „казенное заведеніе“. Въ коммерческихъ училищахъ и родители и дѣти, какъ у себя дома, матери „свободно“ говорятъ съ учителями, а дѣти ложатся спать „по приказу“ школьнаго доктора „не позже $9^1/_2$

часовъ". Согрѣтыя лаской директора, они любятъ свое училище, любятъ уроки, интересно веденные способными преподавателями. Можно съ увѣренностью сказать, что такая школа не искалѣчитъ дѣтской души, не надорветъ здоровья ученика, не превратитъ класса въ казарму. Вотъ, въ чемъ сила новыхъ коммерческихъ училищъ. Нельзя не пожелать имъ множиться и развиваться, нельзя отъ всего сердца не привѣтствовать во главѣ этихъ молодыхъ учебныхъ заведеній опытныхъ и преданныхъ организаторовъ и руководителей, какъ Е. Е. Цвѣтковскій, такъ раціонально поставившій все учебно-воспитательное дѣло въ Варшавскомъ коммерческомъ училищѣ.

С. Русова.

Безплатная воспитательная школа А. Полотебновой.

Часто приходится читать о благоустройствѣ иностранныхъ народныхъ школъ, объ образцовомъ преподаваніи въ нихъ, при чемъ болѣе или менѣе ясно высказывается мысль, что въ Россіи нѣтъ школъ, оригинальныхъ, интересныхъ, достойныхъ вниманія и подражанія. Я увѣрена, что наоборотъ, даже въ одномъ Петербургѣ найдется не одна школа, ведущая свое великое дѣло не хуже тѣхъ, о которыхъ приходится читать и слышать отъ людей, ознакомившихся съ постановкой школьнаго дѣла заграницей. Я знаю близко одну такую частную, благотворительную школу для бѣдныхъ дѣтей обоего пола, представляющую изъ себя явленіе въ высшей степени симпатичное. Школа эта—что очень важно—содержится на личныя средства учредительницы и потому свободна отъ какихъ бы то ни было стѣсненій и внѣшнихъ вліяній. И вотъ въ этой-то маленькой, независимой школѣ производится опытъ преподаванія по новому плану, новымъ учебникамъ, примѣняются новые методы обученія, скажу болѣе—преслѣдуются новыя цѣли, а именно, цѣли воспитательныя въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова; собственно же обученіе является только лишь средствомъ для достиженія главной цѣли, лишь могущественнымъ орудіемъ для развитія душевныхъ и умственныхъ способностей учащихся. Ближайшая цѣль обученія—ознакомить дѣтей съ окружающей ихъ жизнью, съ тѣми ея явленіями, которыя непосредственно соприкасаются съ каждымъ человѣкомъ, научить ихъ сознательно относиться ко всей жизни, разъяснить то, что доступно ихъ возрасту, и вмѣстѣ съ тѣмъ дать толчекъ к дальнѣйшему стремленію ихъ къ знанію и пониманію жизни такъ, чтобы и по окончаніи школы они продолжали собственными силами доискиваться истины и устанавливать критерій для оцѣнки своихъ и чужихъ дѣйствій. Словомъ—маленькая школа ставитъ своей главной цѣлью развитіе нравственнаго чувства, она учитъ дѣтей примѣнять во всѣхъ случаяхъ жизни то, что она даетъ имъ. Сообразно съ этимъ,—главнымъ, центральнымъ предметомъ преподаванія, вокругъ котораго вращается все остальное, является тотъ, который даетъ такъ сказать, теорію христіанской нравственности -- Законъ Божій. Уроки Закона Божія—душа школы.

Это не скучное, однообразное заучиваніе молитвъ, священной исторіи, литургіи—а оживленныя бесѣды о событіяхъ повседневной жизни и поясненіе ихъ смысла и значенія волей и законами Того, Кто далъ намъ самую жизнь. Дѣтей радуютъ больше всего праздники, къ праздникамъ пріурочены разсказы изъ св. Исторіи. Дѣти ходятъ въ церковь... Но церковная служба православная на славянскомъ языкѣ, символическая—таинственная и сложная не-

понятна даже и взрослымъ и прошедшимъ полные курсы среднихъ учебныхъ заведеній съ механическимъ запоминаніемъ даваемыхъ священникомъ поясненій. И вотъ прежде всего на урокахъ Закона Божія разъясняютъ дѣтямъ простымъ и яснымъ языкомъ непонятное для нихъ священнослуженіе, учатъ, какія представленія должны быть связаны съ каждымъ моментомъ литургіи, и, между прочимъ, указываютъ на существующія суевѣрія и разгоняютъ ихъ правильнымъ толкованіемъ. Все это дѣлается образно, въ доступной формѣ, и дѣти, приходя въ церковь, уже не зѣваютъ по сторонамъ, не думаютъ о другомъ и начинаютъ испытывать на себѣ благотворное дѣйствіе пребыванія въ толпѣ людей чужихъ, но соединенныхъ однимъ желаніемъ, одной потребностью излить свою скорбь въ молитвѣ. Словомъ, дѣти знаютъ, зачѣмъ они идутъ въ церковь и что они должны тамъ дѣлать.

Впослѣдствіи изученіе литургіи и другихъ священныхъ службъ доводится до тонкости. Дѣти знаютъ наизусть главнѣйшія церковныя службы, ихъ подраздѣленія, понимаютъ не только слова молитвъ и пѣснопѣній, но и внутренній глубокій смыслъ священнодѣйствій и ихъ связь съ событіями священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта. Что касается изученія собственно молитвъ, то, помимо подробнаго разъясненія ихъ, школа преслѣдуетъ еще другую цѣль при этихъ занятіяхъ, а именно учитъ произносить молитвы со смысломъ и выраженіемъ. Это достигается тѣмъ, что съ перваго дня поступленія въ школу преподавательница Закона Божія ежедневно передъ ученіемъ и послѣ ученія читаетъ сама вслухъ главнѣйшія молитвы, а дѣти повторяютъ за ней каждую фразу съ тѣмъ же выраженіемъ и медленно. Прежде всего изучается молитва Господня. И привычка читать молитвы съ разстановкой такъ вкореняется, что дѣти никогда не начнутъ бормотать скороговоркой ни одну молитву.

Въ тѣсной связи съ Закономъ Божіимъ находятся преподаваемыя въ старшемъ классѣ свѣдѣнія о подачѣ первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ. При этомъ, конечно, сообщаются элементарныя познанія изъ анатоміи и физіологіи. Такимъ образомъ, основы христіанскаго ученія находятъ практическое примѣненіе въ повседневной жизни. Подготовительною ступенью для изученія болѣе сложныхъ предметовъ старшаго класса, каковы только что упомянутыя анатомія и физіологія, а также физическая географія, физика и т. п.— служатъ прекрасно поставленные въ двухъ младшихъ классахъ предметные уроки. Начинаются они съ изученія пяти внѣшнихъ чувствъ и физическихъ свойствъ тѣхъ явленій, которыя ими воспринимаются — идетъ рѣчь объ осязаніи—показываются геометрическія фигуры, и изучаются ихъ формы, на урокахъ о слухѣ поясняется, что такое звукъ и т. д. Преподаваніе ведется вполнѣ наглядно: каждый урокъ сопровождается разсматриваніемъ картинъ, моделей, плановъ и т. п.

Заученныя свѣдѣнія подкрѣпляются объяснительнымъ чтеніемъ, разсказами учительницы, заучиваніемъ наизусть стихотвореній, басенъ. И все это разнообразное содержаніе постепенно приводится въ стройную систему, рядомъ послѣдовательныхъ повтореній выдѣляются знанія одной группы, напр., географическія, зоологическія и т. п. Но въ то же время знанія эти, хотя и очень небольшія по объему, весьма основательны и не отрывочны. На выпускномъ экзаменѣ въ прошломъ году одной ученицѣ, между прочимъ, былъ заданъ вопросъ: „Въ березовой рощѣ жили два тигра—можно ли такъ сказать?“— „Нѣтъ, отвѣчаетъ ученица, березовыя рощи не растутъ тамъ, гдѣ водятся тигры“.

На этихъ же предметныхъ урокахъ, кромѣ научныхъ знаній, которыя, какъ я уже сказала, невелики, дѣти пріучаются внимательно слушать, правильно отвѣчать и вѣрно мыслить, объединять однородныя впечатлѣнія, быстро схватывать новыя понятія и точно наблюдать.

Можетъ показаться сначала, что для достиженія такихъ результатовъ надо много времени, а между тѣмъ въ школѣ учатся всего четыре года, причемъ первый годъ, приготовительный, всецѣло посвященъ обученію чтенію, письму, разъясненію нѣкоторыхъ молитвъ и начальному счету. Чтеніе требуется сознательное и выразительное и съ первыхъ же уроковъ дѣти пріучаются обращаться за объясненіемъ каждаго непонятнаго слова къ учительницѣ. Въ остальные три года все время отдается предметамъ, развивающимъ дѣтей, а формальныя знанія преслѣдуются лишь въ ограниченныхъ размѣрахъ. Масса времени, безплодно затрачиваемая въ другихъ школахъ на диктовки, писаніе наизусть выученнаго и т. п. механическія занятія, употребляются на предметные уроки, отчего правописаніе немного страдаетъ, но цѣль школы—выучить писать такъ, чтобы можно было понять написанное, а тяжелыя грамматическія формулы, задалбливаніе словъ съ буквою ѣ, провѣрочныя диктовки совсѣмъ исключены изъ курса. Письменныя упражненія заключаются въ изложеніи мыслей въ видѣ письма, краткаго повторенія урока исторіи или географіи и т. п.

Педагогическіе пріемы, принятые въ школѣ, отличаются простотой—я уже говорила, что принципъ наглядности примѣняется во всѣхъ предметахъ: безтолковое заучиваніе наизусть изгнано совершенно; урокъ ведется весь въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ; все пройденное постоянно повторяется и приводится въ связь не только съ дальнѣйшимъ изученіемъ того же предмета, но и со всѣми другими уроками. Уроки на домъ не задаются вовсе. Все разъясняется и заучивается въ классѣ, и уже въ приготовительномъ классѣ видны блестящіе результаты этой системы. Еще не умѣя читать, только со словъ учительницы дѣти узнаютъ очень много. Конечно, этому весьма много способствуетъ и ограниченное число учениковъ—не больше 15 для каждаго класса. Отмѣтокъ, наградъ и наказаній не существуетъ вовсе. По четвергамъ уроковъ нѣтъ. Хотя главнымъ воспитательнымъ средствомъ считается правильно поставленное обученіе и разумная школьная дисциплина, но учредительница школы и ея сотрудницы несомнѣнно имѣютъ вліяніе на дѣтей и внѣ уроковъ. Изъ небольшой школьной библіотеки постоянно выдаются книжки для чтенія какъ для самихъ учениц, такъ и для ихъ старшихъ братьевъ и сестеръ, и дѣти всегда могутъ свободно обращаться въ школу за разъясненіемъ всѣхъ интересующихъ ихъ вопросовъ и сомнѣній.

А. Штакельбергъ.

Необязательный греческій языкъ.

Въ началѣ текущаго 1903—1904 учебнаго года я разослалъ *) во всѣ гимназіи и прогимназіи вопросные листки, въ которыхъ просилъ сообщить: 1) общее число учениковъ 5 кл.; 2) сколько изъ нихъ изучаютъ греческій языкъ; 3) какъ изучающіе греческій языкъ раздѣляются по національности

*) Conf. Monatsschrift für höhere Schulen 1904, 3 и 4 Heft. S. 140: „Zum Griechischen in den russischen Schulen“ von Oberlehrer G. Sorgenfrey.

и 4) по сословіямъ. Благодаря любезности и вниманію гг. начальниковъ средне-учебныхъ заведеній я получилъ около 170 отвѣтовъ со всѣхъ концовъ нашего обширнаго отечества: изъ далекой Сибири, съ Кавказа, изъ внутреннихъ губерній. Изъ имѣющагося такимъ образомъ въ моемъ распоряженіи очень богатаго, хотя, конечно, *далеко неполнаго* матеріала прежде всего видно, что въ гимназіяхъ С.-Петербургской 1-й, 8-й, 11-й, Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, Гуревича, Мая, Псковской, Царскосельской, Нарвской, Гельсингфорской, Новгородской, Петергофской, Ярославской, Рыбинской, Елецкой, Рязанской, Калужской, Тверской, Бѣльской, Нижегородскомъ Дворянскомъ Институтѣ, Нижегородской, Смоленской, Коллегіи Галагана, Черниговской, Уманской, Евпаторской, Кишеневской 1-й, Одесской 1-й, Херсонской, Ѳеодосійской, Керченской, Маріупольской, Елизаветградской, Новороссійской, Таганрогской, Севастопольской, Харьковской 3-й, Елатомской, Старобѣльской, Воронежской, Ростовской, Вятской, Саратовской 2-й, Самарской, Гродненской, Могилевской, Витебской, Мозырской, Брестской, Бобруйской, Варшавской 1-й, 3-й, 6-й, Маріампольской, Ломжинской, Оренбургской, Троицкой, Уфимской, Красноярской, Томской, Семипалатинской, Владикавказкой, Елизаветпольской, Пятигорской, Ставропольской, Бакинской, Тифлисской 1-й, т. е. счетомъ въ 66 учебныхъ заведеніяхъ, греческій языкъ въ 5 классѣ вовсе не преподается больше. Наоборотъ только въ двухъ гимназіяхъ: Юрьевской и Серпуховской всѣ безъ исключенія ученики 5 класса изучаютъ греческій языкъ. Причемъ въ Юрьевской гимназіи греческій языкъ по просьбѣ, кажется, родителей, сдѣланъ обязательнымъ. По отдѣльнымъ округамъ процентъ изучающихъ необязательный греческій языкъ въ 5 кл. выражается въ слѣдующихъ цифрахъ: въ Петербургскомъ округѣ, около 8%; въ городѣ Петербургѣ около 11%; въ Московскомъ округѣ около 11%; въ самой Москвѣ свыше 16%; въ Кіевскомъ около 11%; Одесскомъ 9%; Харьковской около 10%; Рижскомъ около 50 (!), Казанскомъ около 5%; Виленскомъ около 7%; Варшавскомъ около 13%; Оренбургскомъ около 9%; Кавказскомъ *) около 3%; Азіатской Россіи около 10%.

Если обратить вниманіе на національность изучающихъ греческій языкъ, то, конечно, по абсолютному числу преобладаютъ коренные русскіе, но затѣмъ сразу замѣтно, что греческій языкъ въ большемъ фаворѣ у нѣмцевъ и отчасти у поляковъ. Разумѣется, въ силу особенныхъ мѣстныхъ условій здѣсь большую роль играетъ вопросъ, какимъ предметомъ замѣняется греческій языкъ. Попадаются среди изучающихъ и евреи почти въ каждой гимназіи, очевидно ищущіе въ греческомъ языкѣ лишній шансъ на поступленіе въ Университетъ, затѣмъ имѣются представители почти всѣхъ національностей: французы, англичане, сербы, болгары, греки, армяне, грузины и т. д. По сословіямъ изучающіе въ доброй своей половинѣ являются дѣтьми дворянъ и чиновниковъ; гдѣ есть дѣти духовныхъ, они изучаютъ греческій языкъ; купеческіе сыновья наоборотъ очень недоброжелательно относятся къ языку эллиновъ.

Но что меня очень поразило и чему я не нашелъ объясненія—это огромный процентъ дѣтей крестьянъ и мѣщанъ среди изучающихъ греческій языкъ!

Гимназическое начальство въ разныхъ мѣстахъ различно относилось къ

---

*) Свѣдѣнія объ этотъ округѣ очень неполны.

желающимъ изучать греческій языкъ: въ нѣкоторыхъ школахъ *) для одного даже ученика, согласно буквальному смыслу распоряженія г-на министра, были устроены греческіе уроки, въ другихъ гимназіяхъ изъ чисто матеріальныхъ соображеній производили извѣстное давленіе на учениковъ и заставляли ихъ отказаться отъ своего намѣренія. Послѣднее *безусловно противорѣчитъ* взглядамъ нынѣшнихъ руководителей нашей школы.

Возможность выбрать тотъ или иной предметъ въ 5-мъ классѣ лишній разъ показала, какъ поверхностно относятся многіе родители къ образованію своихъ дѣтей, такъ какъ рѣшающимъ мотивомъ часто являлась большая или меньшая требовательность преподавателей факультативныхъ предметовъ.

Случился такой курьезъ, что ученики, нѣсколько недѣль поучившись географіи, увидѣли себя обманутыми въ ожиданіяхъ и пожелали сдѣлаться греками, конечно, съ согласія родителей.

Нѣкоторые недостатки новаго положенія вещей рѣзко бросаются въ глаза: 1) Прежде всего мы слишкомъ бѣдны для того, чтобы для трехъ, четырехъ человѣкъ устраивать отдѣльные уроки и было бы гораздо цѣлесообразнѣе сосредоточить такихъ учениковъ въ однихъ гимназіяхъ, т. е. вмѣсто намѣченныхъ гимназій съ двумя древними языками *утроить* число такихъ гимназій, а въ другихъ вовсе ужъ не преподавать греческій языкъ. Это, во всякомъ случаѣ, легко сдѣлать въ большихъ городахъ, гдѣ нѣсколько гимназій. 2) Во-вторыхъ, когда въ четырехъ старшихъ классахъ, имѣющихъ зачастую параллели, въ одинъ и тотъ же часъ нужно устроить разные предметы для одного и того же класса, то во многихъ школахъ не хватитъ помѣщеній, затѣмъ трудно будетъ составить сложное росписаніе уроковъ и наконецъ не хватитъ средствъ, такъ какъ о какихъ либо особыхъ ассигновкахъ на эти уроки мы не слышали. 3) Въ-третьихъ, каково положеніе учителя, который одинъ годъ будетъ имѣть уроки, другой нѣтъ. Это можетъ отразиться и на характерѣ преподаванія. 4) Наличность въ одномъ и томъ же классѣ учениковъ, знающихъ греческій языкъ съ не изучавшими его представляетъ съ точки зрѣнія практической педагогики затрудненія при преподаваніи латинскаго языка, древней исторіи, отчасти русскаго и новыхъ языковъ. Ясно, что въ школахъ безъ греческаго языка латинскій языкъ, сближаемый съ новыми, долженъ совсѣмъ иначе преподаваться, чѣмъ въ старшихъ классахъ школъ съ греческимъ языкомъ **), гдѣ произведенія древнихъ авторовъ будутъ имѣть тѣсную связь. 5) Требованіе министерства, чтобы изучающій греческій языкъ не имѣлъ бы права въ продолженіе всего курса отказаться отъ этого языка, если бы онъ оказался ему непосильнымъ, устрашило весьма многихъ. Были сдѣланы опыты (преп. Н. К. Горталовъ въ Казани) и предложены ученикамъ занятія по греческому языку безъ всякихъ обязательствъ частнымъ образомъ, и желающихъ оказалось гораздо больше. Разъ уже греческій языкъ въ извѣстной школѣ является предметомъ факультативнымъ, нѣтъ рѣшительно никакого повода лишать учениковъ возможности отказываться отъ него при наличности знаній по замѣняющему греческій языкъ предмету, тѣмъ болѣе, что оставленіе на второй годъ вѣдь развязываетъ руки ученику. Съ будущаго года греческій языкъ будетъ преподаваться въ 5-омъ и 6-омъ классахъ *желающимъ сверхъ прочихъ предметовъ съ правомъ отъ него отказаться!*

Г. Зоргенфрей.

---

*) Напр. въ г. Вѣрномъ.

**) Cnf. Neue Jahrbücher XI и XII Bandes 10 Heft. p. 537: „Die Eigenart der verschiedenen höheren Schulen". von Paul Cauer.

Общество школьныхъ дачъ для С.-Петербургскихъ среднихъ учебныхъ заведеній въ 1903 г.

Отчетъ, лежащій передъ нами и обнимающій дѣятельность четырехъ школьныхъ дачъ, зимнихъ и лѣтнихъ, для слабыхъ учениковъ и ученицъ среднихъ учебныхъ заведеній, является лишнимъ доказательствомъ того, что дѣла искренней и истинной любви и милосердія — дѣла наиболѣе скромныя, о которыхъ рѣдко кто говоритъ, потому что сами участники ихъ предоставляютъ говорить за себя результатамъ своей дѣятельности, сама же дѣятельность не бросается въ глаза.

А между тѣмъ, дѣятельность этого скромнаго общества въ высшей степени цѣнна: благодаря ей, усталые, слабые дѣти, которые въ будущемъ могутъ принести только горе себѣ и другимъ и ровно ничего не внесутъ въ общую работу для блага людей — становятся здоровыми, бодрыми членами общества, которые навѣрное поработаютъ на общую пользу.

Изъ отчета мы узнаемъ только, что за истекшій годъ школьныя дачи пріютили 270 дѣтей, что эти дѣти, которые вначалѣ года были хилы и вполнѣ неуспѣшны въ занятіяхъ, къ концу года съ успѣхомъ перешли въ слѣдующіе классы, что всѣ они сильно прибавились въ ростѣ и вѣсѣ, что они много гуляли, принимали участіе во многихъ работахъ и на свѣжемъ воздухѣ и дома; что свободное время они посвящали пѣнію, чтенію литературныхъ произведеній, спектаклямъ; что желающихъ попасть на эти дачи становится все больше и больше, но что общество, за недостаткомъ средствъ, къ сожалѣнію, принять ихъ не можетъ (хотя годовое содержаніе ребенка, включая въ него расходы по лѣченію, инвентарю и содержанію школы, пособіямъ и прогулкамъ обходится обществу всего между 50 и 70 руб.).

Затѣмъ слѣдуетъ перечень членовъ и жертвователей и таблицы расходовъ и увеличенія роста, вѣса и объема груди. Нѣтъ въ этомъ отчетѣ ни фразъ, ни описаній — только таблицы и горячая благодарность жертвователямъ. А между тѣмъ, если вдуматься въ этотъ отчетъ, какъ много онъ говоритъ: сколько надо любви, терпѣнія, ласки, чтобы 270 неуспѣшныхъ въ занятіяхъ дѣтей, недовольныхъ и апатичныхъ, какъ всѣ больные дѣти—превратить въ дѣтей живыхъ, интересующихся и занятіями и чтеніями. Вѣдь, это значитъ, что они всѣ, пригрѣлись въ атмосферѣ ласки, среди природы, которая всегда такъ здорово дѣйствуетъ на душу. „Горе дѣтей — горе жизни", говоритъ одинъ изъ современныхъ моралистовъ, и это правда—дѣти придавленные болѣзнью, накопившіе много темныхъ впечатлѣній въ душѣ, ничего свѣтлаго внести въ жизнь не могутъ, а вѣдь это наше будущее. Зато тѣ, кто, благодаря помощи добрыхъ людей, имѣли свѣтлое, яркое дѣтство, навѣрное въ будущемъ отплатятъ своимъ воспитателямъ, пригрѣвъ въ свою очередь тѣхъ, кто нуждается въ теплѣ и свѣтѣ.

Чѣмъ же достигаетъ общество такихъ превосходныхъ результатовъ? Во-первыхъ, тѣмъ, что дѣти живутъ во вполнѣ здоровой обстановкѣ, пользуются свѣжимъ воздухомъ (дачи находятся въ Сестрорѣцкѣ, Ораніенбаумѣ и Левашевѣ) и превосходнымъ уходомъ; тѣмъ, что всѣмъ имъ дается много молока, обильная и здоровая пища; тѣмъ, что работа вполнѣ посильна: они занимаются $2^1/_2$ часа утромъ и 3 вечеромъ, причемъ около нихъ всегда есть люди, готовые имъ и помочь и объяснить непонятое, и тѣмъ еще, что хотя

ихъ жизнь направляютъ, но сами они не чувствуютъ на себѣ гнета, и ихъ послушаніе является послушаніемъ любви, а не страха.

Часто приходится слышать, что люди готовы бы помочь другимъ, да не знаютъ какъ, хорошо было бы, еслибы такіе люди пришли на помощь этому благому дѣлу. Особенно много потрудились для этого дѣла товарищъ предсѣдателя Общества школьныхъ дачъ К. А. Раухфусъ и казначей общества протоіерей К. И. Вѣтвѣницкій. **Н. М.**

Самарскіе краткосрочные педагогическіе курсы.

Въ г. Самарѣ состоялись съ 4-го іюня по 10-е іюля прошлаго 1903 года педагогическіе курсы для учащихъ въ начальныхъ школахъ епархіи. Руководителемъ курсовъ приглашенъ былъ преподаватель Омскаго кадетскаго корпуса К. В. Ельницкій. Преподаваніе ариѳметики поручено было учителю второклассной школы О. Ваняшину.

На курсы приглашено было до 140 учителей и учительницъ. Послѣднихъ было значительно болѣе, чѣмъ первыхъ.

Учебнымъ занятіямъ ежедневно посвящено было шесть часовъ: утромъ отъ 8 до 12 час. и вечеромъ отъ 6 до 8 час.

На курсахъ велись теоретическія и практическія занятія. Къ первымъ относились: а) бесѣды и сообщенія по дидактикѣ и методикѣ предметовъ, преподаваемыхъ въ церковно-приходскихъ школахъ, и по ариѳметикѣ, б) разсмотрѣніе учебниковъ, примѣняемыхъ при начальномъ обученіи и в) рефераты (письменные и устные) по дидактическимъ и методическимъ вопросамъ. Ко вторымъ относились: а) наблюдательные уроки и б) бесѣды и поясненія по поводу тѣхъ и другихъ уроковъ. Между теоретическими и практическими занятіями была надлежащая связь.

Въ теченіе всего времени, назначеннаго на курсы, учителя и учительницы работали съ полнымъ усердіемъ. Всѣ они объединены были общимъ трудомъ, и всѣ проникнуты были важностью этого труда.

10-го іюля, послѣ обѣдни и молебна, состоялся актъ закрытія курсовъ. Изъ рѣчи инспектора курсовъ, сказанной на актѣ, видно, что курсы прошли очень производительно и стройно. Ничѣмъ не нарушенъ былъ дружный ходъ занятій. Во время акта отъ курсистовъ и курсистокъ прочитанъ былъ благодарственный адресъ руководителю К. Ельницкому.

По воскресеньямъ курсисты и курсистки устраивали, подъ руководствомъ учителя пѣнія и наблюдателя церк. школъ литературно-вокальные вечера, на которые собирались приглашенные гости. Одинъ разъ устроена была прогулка на пароходѣ, которая на долго оставила самое пріятное впечатлѣніе во всѣхъ участникахъ курсовъ. **А. Л.**

Сибирскія церкви и школы.

На дняхъ вышла изъ печати брошюра статсъ-секретаря Куломзина „Сибирскія церкви и школы“, изданная по случаю исполнившагося 23 апрѣля сего года десятилѣтія со дня учрежденія фонда Имени Императора Александра III, предназначеннаго на сооруженіе церквей и школъ въ переселенческихъ поселкахъ Сибири.

Крайній недостатокъ церквей въ Сибири былъ отмѣченъ Государемъ Императоромъ еще въ 1891 г. при проѣздѣ Его Величества съ Дальняго Востока. Это обстоятельство, въ связи съ выяснившеюся при постройкѣ желѣзной дороги отдаленностью станцій отъ населенныхъ пунктовъ, побудило Комитетъ Сибирской желѣзной дороги въ 1894 г. поднять вопросъ о сооруженіи церквей на главныхъ хотя бы станціяхъ дороги на счетъ возможныхъ остатковъ отъ строительныхъ на сооруженіе дороги кредитовъ.

Журналъ этого засѣданія Комитета былъ опубликованъ и вызвалъ собою обильный притокъ пожертвованій со стороны всѣхъ слоевъ русскаго общества.

Первымъ жертвователемъ былъ всегда отзывчивый на всѣ народныя нужды отецъ Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ, приславшій въ 1894 г. 200 р. Изъ крупныхъ пожертвованій первымъ было присланные покойнымъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Петровымъ, по указанію протоіерея К. І. Вѣтвѣницкаго, 3,000 р. на сооруженіе церкви въ память вступленія на Русскую почву Нареченной Невѣсты нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора.

За послѣдовавшею вскорѣ послѣ того кончиною Императора Александра III покойный секретарь при отцѣ Іоаннѣ Ильичѣ А. А. Костинъ подалъ мысль присвоить образуемому фонду имя въ Бозѣ Почившаго Императора Миротворца, на что было испрошено Высочайшее соизволеніе.

Къ 1 января 1904 г. суммы фонда составляли 1.873,453 р. 29 к., въ числѣ коихъ пособія изъ казны составляли всего только 200.000 р.

Завѣдываніе фондомъ возложено было по Высочайшему повелѣнію на Подготовительную при Комитетѣ Сибирской желѣзной дороги Коммиссію, а расходованіе суммъ подчинено ревизіонному надзору Государственнаго Контроля. Непосредственное осуществленіе распоряженій Подготовительной Коммиссіи на мѣстахъ построекъ церквей и школъ производится чрезъ особые строительные комитеты, образуемые въ каждомъ поселкѣ, гдѣ предпринимается церковь, изъ мѣстнаго священника, выборнаго отъ крестьянъ подъ предсѣдательствомъ или мѣстнаго благочиннаго или крестьянскаго начальника. Общее же руководство по сооруженію церквей и школъ на средства фонда принадлежитъ въ епархіяхъ Владивостокской и Забайкальской мѣстнымъ архіереямъ, въ епархіяхъ Енисейской и Омской — особо учрежденнымъ епархіальнымъ комитетамъ подъ предсѣдательствомъ мѣстныхъ архіереевъ и при участіи мѣстныхъ губернаторовъ, а въ губерніяхъ Томской и Тобольской—мѣстнымъ губернаторамъ.

Для надзора за техническою частью сооруженія въ распоряженіе мѣстныхъ начальниковъ посланы 3 десятника—по одному на губернію Тобольскую, Енисейскую и Акмолинскую область.

Кромѣ того, для ознакомленія съ ходомъ работъ на мѣстахъ сооруженія Подготовительная при Комитетѣ Сибирской желѣзной дороги коммиссія командировала особо свѣдущее лицо, инженера Шилкина, который въ теченіе трехъ лѣтнихъ періодовъ 1899 — 1901 гг. объѣздилъ всю Сибирь до Приамурья включительно и представилъ составленные при участіи мѣстныхъ дѣятелей протоколы о состояніи сооруженій фонда.

Такимъ образомъ, неустанный надзоръ, какъ изъ Петербурга, такъ и со стороны мѣстныхъ начальствующихъ лицъ, гарантируетъ правильное расходованіе жертвуемыхъ суммъ.

На собранныя средства въ настоящее время выстроено 176 церквей, значительная часть коихъ сооружена исключительно на деньги фонда; лишь нѣкоторыя изъ нихъ строились на мѣстныя средства, усердіемъ самихъ переселен-

цевъ и служащихъ на Сибирской желѣзной дорогѣ, съ болѣе или менѣе значительнымъ пособіемъ изъ фонда.

Изъ числа этихъ церквей—20 каменныхъ, изъ коихъ двѣ, на главныхъ станціяхъ дороги Петропавловскѣ и Омскѣ, выдаются своей красотой, напоминая скорѣе соборы, чѣмъ станціонную церковь. Деревянныхъ церквей фонда насчитывается нынѣ 156. Стиль и планы храмовъ были предоставлены извѣстному усмотрѣнію строителей; поэтому они не однообразны, не шаблонны, а разныхъ стилей, начиная отъ подражанія церквамъ XV столѣтія и кончая современными, что можно видѣть на приложенныхъ къ отчету фотографическихъ снимкахъ.

Кромѣ упомянутыхъ 176 церквей, находятся въ постройкѣ еще 38, изъ коихъ 24 начаты въ 1903 году.

При церквахъ частью на средства фонда, частью на мѣстныя, а также на суммы министерства народнаго просвѣщенія сооружены 184 школы и сооружается еще 37. Не только при каждой церкви имѣется школа, но нѣкоторыя школы выстроены въ селеніяхъ, гдѣ еще нѣтъ церквей. Въ этихъ школахъ обучалось уже въ 1902 г. до 8,000 дѣтей, а въ настоящее время, конечно, ихъ гораздо больше.

Большую помощь какъ церковному, такъ и школьному строительству въ Сибири оказывалъ всегда Святѣйшій Синодъ, принимая на свой счетъ содержаніе причтовъ всѣхъ вновь образуемыхъ при церквахъ фонда приходовъ и жалованіе учителей учреждаемыхъ при нихъ школъ.

Какъ ни отрадны результаты дѣятельности фонда за истекшее десятилѣтіе, какъ ни значительны собранныя средства, но сказать, что нужда переселенцевъ въ храмахъ и школахъ удовлетворена, и сложить руки никакъ нельзя. Напротивъ, чрезвычайно было бы грустно, если бы приливъ пожертвованій въ фондъ, усердіе жертвователей изсякли, и прекратилось отъ этого самое его существованіе. И въ самомъ дѣлѣ, за время существованія Комитета Сибирской желѣзной дороги осѣло на казенныхъ земляхъ въ Сибири до 600,000 душъ обоего пола. Считая по самому скромному расчету по 1,500 душъ на приходъ, выходитъ крайне необходимо открытіе не менѣе 400 приходовъ; слѣдовательно, необходимы еще не менѣе 200 церквей въ добавокъ къ выстроеннымъ. Дѣти школьнаго возраста переселенческаго населенія составляютъ около 9% или 55,000 душъ. Слѣдовательно, къ организованнымъ 200 школамъ нужно еще не менѣе 800.

Въ портфелѣ Статсъ-Секретаря Куломзина имѣется до 100 прошеній разныхъ селеній о сооруженіи у нихъ церквей. Многіе новые Сибирскіе поселки настолько окрѣпли за это десятилѣтіе, что они охотно жертвуютъ до 2.000 р. и болѣе на сооруженіе церкви, и въ добавокъ къ этой суммѣ нужны какіе-нибудь 4.000 р., да на школу и дома для причта тысячи три. Вообще за 10,000 р. можно въ Сибири выстроить въ мѣстностяхъ, гдѣ лѣсъ не слишкомъ дорогъ, отдѣльную деревянную церковь и при ней причтовые дома и школу.

Печально будетъ, если заботы о войнѣ и ея послѣдствіяхъ остановятъ приливъ пожертвованій на церковное и школьное строительство въ Сибири. Тяжелый годъ, говорится въ отчетѣ, приходится переживать теперь Россіи, вовлеченной въ войну, и особенно трудная задача въ эту эпоху выпала на долю нашихъ сибиряковъ, которые должны были первые принести самую дорогую жертву на алтарь отечества: провожая на войну своихъ сыновей, мужей и близкихъ, они отдали родинѣ все: жизнь дорогихъ имъ людей и ра-

бочую силу своихъ семей, составляющихъ въ сущности все ихъ достояніе. Велика жертва эта, но и сильна въ православномъ народѣ вѣра во Всемогущаго Царя Царствующихъ, съ упованіемъ на Котораго русскій крестьянинъ способенъ, не задумываясь о будущемъ, отдать послѣднее съ любовью, когда это понадобится; теперь больше чѣмъ когда-либо чувствуется всѣми потребность въ храмѣ Божіемъ, этомъ свѣтломъ пріютѣ для скорбящихъ, ищущихъ утѣшенія, и въ пастырѣ добромъ, вселяющемъ силой Слова Христова бодрость духа въ паствѣ своей, отеческимъ наставленіемъ напутствующемъ на подвиги и врачующемъ горе и уныніе.

Невыразимо тяжело думать, что за Ураломъ, въ переселенческихъ поселкахъ, заброшенныхъ въ глухую тайгу и пустынныя степи, населеніе лишено этого утѣшенія именно теперь; негдѣ ему будетъ собраться во имя Христово, чтобы излить горе свое, утѣшить жгучую скорбь о тѣхъ, которые въ борьбѣ за родину отдали жизнь, не къ кому будетъ обратиться за наставленіемъ, какъ найти путь къ источнику возобновленія силъ, побѣждающихъ отчаяніе.

Движимые чувствомъ любви къ отечеству и сознаніемъ долга, русскіе люди горячо отозвались со всѣхъ концовъ нашей Великой Матушки на вѣсть о дерзкомъ вызовѣ врага; щедрою рукой посыпались приношенія отъ бѣдныхъ и богатыхъ, спѣшившихъ каждый своей посильной лептой присоединиться къ мощному проявленію силы духа русскаго народа.

Забота объ усиленіи нашей военной мощи, помощь раненымъ, облегченіе лишеній храбрымъ воинамъ, попеченіе о семьяхъ ихъ,—все это нашло откликъ въ усердіи благотворителей. Будемъ же твердо надѣяться, что ими не будутъ забыты также мольбы осиротѣвшихъ сибирскихъ семей, жаждущихъ святого утѣшенія, и такимъ образомъ наступившій, знаменательный для всей Россіи, 1904 годъ обиліемъ милостивыхъ приношеній на церковно-школьное строительство позволитъ намъ расширить сѣть Св. Храмовъ Божіихъ на радость обездоленной паствы необъятныхъ далекихъ Сибирскихъ епархій.

Пожелаемъ же этому прекрасному дѣлу дальнѣйшаго успѣха, ибо нельзя забывать, что если русскіе благотворители не придутъ на помощь заброшеннымъ на дальнюю окраину соотечественникамъ нашимъ, то послѣдніе могутъ очень скоро пойти въ своемъ духовномъ развитіи назадъ: у полуграмотнаго поколѣнія можетъ выраcти новое совсѣмъ безграмотное. Едва ли подобные результаты переселенческаго стихійнаго у насъ движенія достойны были бы великаго народа. Образованные члены общества должны придти на помощь и не вѣрится, чтобы это не случилось въ дѣйствительности.

Пожертвованія принимаются въ Канцеляріи Комитета Министровъ (С.-Петербургъ, Маріинскій Дворецъ).

С.-петербургское общество грамотности.

Дѣятельность С.-Петербургскаго общества грамотности можно подраздѣлить на работу по общимъ вопросамъ просвѣщенія народа, какъ, напримѣръ, участіе въ Московскомъ учительскомъ съѣздѣ, на выставкѣ техническаго съѣзда въ Петербургѣ,—и на заботы спеціальнаго характера, рѣзко обособленныя въ учрежденіяхъ и коммиссіяхъ общества. Издательской коммиссіей въ 1903 г. были разсмотрѣны 22 книжки для народа разныхъ авторовъ, но принято изъ нихъ лишь 10, а разрѣшено къ печати 8. Четыре книжки вышли въ свѣтъ въ 5.000 экз. каждая; изданіе ихъ обошлось обществу въ 585 р. 90 к. За-

тѣмъ коммиссія рѣшила переиздать нѣкоторыя изъ книжекъ, выпущенныхъ бывшимъ комитетомъ грамотности, составленныя изъ сочиненій В. А. Жуковскаго. Кромѣ того, коммиссія выработала проектъ правилъ издательской коммиссіи, который будетъ представленъ на обсужденіе общаго собранія. Библіотечная коммиссія занята была разработкой списковъ книгъ для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ, стоимостью отъ 5 р. до 300 р. Книги раздѣлены на отдѣлы; въ эти списки вошло всего 717 названій книгъ, причемъ въ пятирублевой библіотекѣ ихъ имѣется 56 названій. Изучая народную литературу, коммиссія констатировала, что наиболѣе цѣнными, пригодными для библіотечекъ, являются книги по исторіи, отдѣлу, наиболѣе читаемому народомъ. Въ помѣщеніи общества коммиссіей открыта справочная образцовая библіотека. Книжный складъ общества въ теченіе отчетнаго года продалъ 50.246 экземпляровъ книгъ на 3.868 р. и, кромѣ того, черезъ коммиссіонеровъ 12.261 экз. на 977 руб. 89 к. Коммиссія по организаціи народныхъ чтеній занималась, какъ вопросами, связанными съ устройствомъ народныхъ чтеній, такъ и веденіемъ чтеній. Чтенія велись въ 8-ми аудиторіяхъ города, въ нѣкоторыхъ пунктахъ было устроено 15 чтеній (ново-адмиралтейская столовая), въ большинствѣ же по два чтенія. Коммиссія отпускала книги и картины. Въ коммиссіи для разработки вопроса о наилучшихъ способахъ внѣкласснаго чтенія выработанъ проектъ запроса учащимъ въ начальныхъ школахъ о практикуемыхъ ими способахъ веденія чтеній. Вопросные листы теперь уже разосланы по народнымъ училищамъ. Курсы грамоты для взрослыхъ попрежнему дѣйствовали при Самсоніевскомъ городскомъ училищѣ. На этихъ курсахъ въ январѣ было 20 слушателей-рабочихъ съ ситцепечатной фабрики; изъ нихъ окончило въ апрѣлѣ 1903 г. 9 человѣкъ. Съ сентября курсы возобновились при 30 слушателяхъ. Неграмотные рабочіе (23 чел.) выдѣлены были въ отдѣльную группу. Въ отчетномъ году въ с. Смоленскомъ Обществомъ открыта школа для мальчиковъ и дѣвочекъ, воскресная школа въ Исаковскомъ начальномъ училищѣ, Петербургскаго уѣзда. Далѣе отъ имени Общества открыты воскресныя школы въ Полтавской губ., въ двухъ тюрьмахъ. Общество въ 1903 г. располагало оборотнымъ капиталомъ въ 12.200 р. 39 коп. и спеціальными въ суммѣ 13.317 р. 87 к.; кромѣ того, у общества имѣется неприкосновенный капиталъ въ 15.715 руб. 42 коп. Общество состоитъ къ 1904 г. изъ 200 дѣйствительныхъ членовъ и 67 сотрудниковъ.

Въ состоявшемся, 25-го апрѣля, годовомъ общемъ собраніи членовъ С.-Петербургскаго общества грамотности, подъ предсѣдательствомъ Е. П. Ковалевскаго, была присуждена золотая медаль въ память А. С. Воронова учительницѣ г-жѣ Зюковой за составленный ею букварь „Воскресная школа". Е. А. Елачичъ прочиталъ докладъ о дѣятельности бюро по снабженію книгами воинскихъ чиновъ во время войны; выяснилось, что на отправку и упаковку книгъ ассигновано 1.000 руб., собрано 142 руб., выручено отъ продажи книгъ 67 руб., а всего 1.209 руб., изъ которыхъ израсходовано на покупку книгъ и отправку ихъ въ Портъ-Артуръ, Ляодунъ и Харбинъ—670 р. Собраніемъ была выражена благодарность за дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ гг. Латышеву, Сидорову, Тройницкому и Филонову На соисканіе золотой медали имени А. С. Воронова въ 1905 г. назначены слѣдующія три темы: 1) Просвѣтительныя общества и организаціонаная дѣятельность въ Россіи. 2) О введеніи преподаванія сельскаго хозяйства въ народныхъ школахъ и дѣтскихъ садахъ и 3) Отечественная географическая исторія.

Въ заключеніи состоялись выборы. Избраны въ члены правленія: Е. П.

Ковалевскій, В. В. Корватовскій, Н. Н. Лещовъ, А. С. Парамоновъ, В. А. Латышевъ, А. А. Шумахеръ; кандидатами къ нимъ: Д. Н. Ломанъ, М. Н. Быловъ и д-ръ А. А. Гермоніусъ („Нов." и „Бирж. В.").

Школьное дѣло въ С.-Петербургской губ.

С.-Петербургской губернской земской управой собраны интересныя данныя о вліяніи губернскаго земства на увеличеніе числа школъ въ губерніи. Съ 1902 года губернское земство стало принимать участіе въ расходахъ по содержанію школъ въ уѣздахъ нашей губерніи. Несмотря на столь короткій періодъ времени, число школъ въ уѣздахъ возросло съ тѣхъ поръ настолько, что становится возможнымъ надѣяться на скорое осуществленіе всеобщности обученія въ губерніи. Для достиженія послѣдней цѣли въ 1902 году не хватало школъ: въ Гдовскомъ уѣздѣ—98, въ Лугскомъ — 63, въ Новоладожскомъ—44, въ Петергофскомъ—6, въ С.-Петербургскомъ — 34, Царскосельскомъ—32, Шлиссельбургскомъ — 31 и Ямбургскомъ — 17. Всего, такимъ образомъ, не хватало въ губерніи 325 школъ. При участіи губернскаго земства въ теченіе одного года было открыто 15 новыхъ школъ. Кромѣ того, при субсидіи губернскаго земства было открыто 10 новыхъ училищъ (одно- и двуклассныхъ) съ ночлежными пріютами для воспитанниковъ. Послѣдніе особенно важны, такъ какъ, давая ученикамъ возможность ночевать въ школѣ во время сильныхъ морозовъ, они тѣмъ самымъ значительно увеличиваютъ число учащихся, которые безъ этого оставались бы неграмотными. Кромѣ того, въ теченіе 1902 года уѣзднымъ земствамъ были выданы ссуды на постройку школъ изъ капиталовъ губернскаго земства на сумму свыше 22.000 р., что дало возможность уѣздамъ построить 20 новыхъ школъ. Такимъ образомъ, почти за одинъ годъ земству удалось дать народу 45 новыхъ школъ. Если при этомъ принять во вниманіе число новыхъ училищъ, сооруженыхъ и содержимыхъ на собственныя средства уѣздовъ, крестьянскихъ обществъ, правительства, а также и церковно-приходскія училища, то общій приростъ новыхъ школъ въ губерніи выразится цифрой 100. („Нов.").

Церковно-школьное дѣло.

По послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ статистическимъ отдѣломъ при синодальномъ училищномъ совѣтѣ, на содержаніе начальныхъ народныхъ школъ вѣдомства православнаго исповѣданія уходитъ болѣе 14 милліоновъ рублей, изъ которыхъ 6.826.046 руб. отпускаетъ государственное казначейство (въ настоящее время отпускъ суммъ изъ казначейства увеличенъ еще на три съ половиной милліона рублей). Изъ суммы этой на инспекцію за школами, содержаніе синодальнаго училищнаго совѣта, канцеляріи епархіальныхъ совѣтовъ и уѣздныхъ отдѣленій и на разные др. предметы ежегодно расходуется 1.014.300 руб. Духовнымъ вѣдомствомъ содержится 43.602 учебныхъ заведенія съ 1.764.912 учащихся, изъ которыхъ 1.217.598 мальчиковъ, а остальные—дѣвочки. Изъ всего числа школъ только 15 церковно-учительскихъ, 373 второклассныхъ и 411 двухклассныхъ, а остальныя—все одноклассныя или школы грамоты. Восемь тысячъ школъ снабжены земель-

ными участками съ общею площадью въ 11.477 десятинъ; однако только при немногихъ школахъ устроены сады, огороды, червоводни и образцовыя занятія по сельскому хозяйству. При самомъ незначительномъ числѣ школъ преподаются ремесла—столярное, токарное, слесарное, шорное, переплетное и др. При 5.885 школахъ ведутся рукодѣльныя занятія, состоящія въ вязаніи чулокъ. вышиваніи гладью, крестомъ, кройкѣ и шитьѣ. Для просвѣщенія взрослаго населенія въ селахъ существуетъ около 300 воскресныхъ школъ и почти при 1.000 школъ ведутся воскресно-повторительныя занятія. Всего въ церковно-приходскихъ школахъ насчитывается 41.861 учащихъ изъ свѣтскихъ лицъ. Любопытныя цифры представляетъ статистика, показывающая продолжительность службы въ школахъ свѣтскихъ лицъ. Оказывается большое число (8.722 чел.) служатъ въ школахъ менѣе одного года и только 7.577 чел. служатъ одинъ годъ; девять лѣтъ служитъ только 749 человѣкъ. Обстоятельство это объясняется полнѣйшей необезпеченностью учащихъ содержаніемъ, вслѣдствіе чего большинство и смотритъ на свои занятія какъ на случайное и временное занятіе. („Бирж. В.“).

Изъ области школьной гигіены.

Въ засѣданіи IV отдѣленія (гигіена воспитанія и образованія) общества охраненія народнаго здравія, 16-го марта, при участіи многихъ школьныхъ врачей и педагоговъ, были подвергнуты подробному обсужденію два вопроса изъ области школьной гигіены: вопросъ о школьномъ врачѣ и о преподаваніи гигіены въ школѣ. Поводомъ для обсужденія послужилъ въ началѣ апрѣля, состоявшійся въ Нюренбергѣ, международный съѣздъ по школьной гигіенѣ. IV отдѣленіе выдѣлило изъ своей среды особую коммиссію для подготовки доклада къ съѣзду, подъ предсѣдательствомъ С. А. Острогорскаго. Коммиссія остановилась на двухъ указанныхъ вопросахъ, которые рѣшила разработать по отношенію къ Петербургу. Съ этою цѣлью были привлечены различныя вѣдомства, въ вѣдѣніи которыхъ находятся тѣ или другія учебныя заведенія, и на основаніи полученныхъ данныхъ была нарисована картина современнаго положенія этихъ вопросовъ въ петербургскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Картина, представленная предсѣдателемъ коммиссіи, получилась довольно пестрая. Такъ, по вопросу о процентномъ отношеніи врачей къ числу всѣхъ учащихся въ школѣ, получилось, что въ то время, какъ въ начальныхъ школахъ имѣется 35 врачей на 25.000 учащихся, въ кадетскихъ корпусахъ два врача на 150 воспитанниковъ. Точно также разнообразныя данныя получились и по вопросу о количествѣ времени, которое врачъ отдаетъ въ той или другой школѣ воспитанникамъ: въ однѣхъ школахъ роль врача носитъ исключительно лѣчебный характеръ, сообразно чему компентенція его въ вопросахъ школьно-санитарныхъ сведена къ нулю, въ другихъ—врачъ несетъ и врачебно-гигіеническія обязанности, въ третьихъ—онъ принимаетъ участіе въ педагогическихъ вопросахъ, какъ психологъ. Денежное вознагражденіе школьныхъ врачей колеблется въ очень широкихъ предѣлахъ: отъ нуля (безплатная служба) до 2,000 содержанія при готовой квартирѣ (въ корпусахъ). Кромѣ указанныхъ пунктовъ, на съѣздъ будутъ представлены данныя и по слѣдующимъ вопросамъ: общія смѣты школы и процентъ, который выдѣляется на врачебно-санитарную часть; о способѣ комплектованія и порядкѣ назначенія врачей въ школы; средства для совершенствованія школьныхъ врачей; общеніе между врачами и педагогами разныхъ заведеній. Въ вопросѣ о пре-

подаванiи гигiены въ школѣ особенно подчеркивалась необходимость учрежденiя повторительныхъ курсовъ для врачей по гигiенѣ, учрежденiя гигiеническаго института для врачей. Въ пренiяхъ оживленное участiе принимали I. Д. Смирновъ, бывшiй директоръ московскаго кадетскаго корпуса, И. А. Климовъ, В. О. Губертъ и др.

Къ вопросу о реформѣ русскаго правописанiя.

Въ „Прав. Вѣстникѣ" напечатаны слѣдующiя два сообщенiя, касающiяся почина Академiи Наукъ въ разработкѣ объ упрощенiи русскаго правописанiя.

1) Слухи о реформѣ нашего правописанiя, какъ и слѣдовало ожидать, возбудили много толковъ и недоразумѣнiй. Въ числѣ послѣднихъ особенное вниманiе обращаетъ на себя утвержденiе, что реформа выдвинута и предложена Академiей Наукъ. Это безусловно невѣрно: отдѣленiю русскаго языка и словесности принадлежитъ лишь образованiе коммиссiи по вопросу о русскомъ правописанiи. Въ этой коммиссiи одинъ изъ академиковъ выступилъ съ докладомъ, который въ отдѣленiе не вносился, но встрѣтилъ полное сочувствiе со стороны нѣкоторыхъ изъ его членовъ. Докладчикъ и упомянулъ поэтому, что предложенiе идетъ отъ него и отъ нѣкоторыхъ его товарищей. Эти его товарищи по отдѣленiю такъ-же какъ, и онъ самъ, глубоко убѣждены въ томъ, что рѣшающiй голосъ въ реформѣ правописанiя долженъ принадлежать не Академiи Наукъ, а широкому кругу педагоговъ, литераторовъ, публицистовъ, ученыхъ. И, дѣйствительно, основное положенiе реформы — желательность упрощенiя правописанiя съ исключенiемъ изъ алфавита лишнихъ буквъ—обсуждалось въ многочисленной коммиссiи, въ составъ которой было приглашено пятьдесятъ пять человѣкъ представителей наукъ, школы и печати. Впрочемъ, нѣкоторые члены Академiи Наукъ убѣждены въ томъ, что этому учрежденiю, въ силу сложившихся раньше обстоятельствъ, надлежитъ выступить въ вопросѣ о русскомъ правописанiи въ дѣятельной роли. Съ именемъ Академiи Наукъ (а не только одного изъ покойныхъ его членовъ) связано принятое нынѣ въ школьномъ преподаванiи правописанiе. Не признавая его вполнѣ удовлетворительнымъ съ одной стороны, а съ другой—не имѣя основанiя считать его результатомъ коллегiальнаго обсужденiя членовъ отдѣленiя русскаго языка и словесности, Академiя Наукъ созвала коммиссiю по вопросу о русскомъ правописанiи, разрѣшила ей и избранной ею подкоммиссiи засѣдать въ стѣнахъ своихъ и приметъ, наконецъ, на себя расходы по дѣлопроизводству и печатанiю трудовъ коммиссiи и подкоммиссiи. Можно надѣяться, что послѣ работы коммиссiи имя Академiи Наукъ уже не будетъ связано съ обязательнымъ для школы правописанiемъ. Другимъ недоразумѣнiемъ нельзя не признать предположенiе, что коммиссiя (объ академiи, какъ видно изъ предыдущаго, не можетъ быть и рѣчи) составитъ обязательное для кого-бы то ни было правописанiе. Правда, возможно допустить, что отдѣленiе русскаго языка и словесности признаетъ выработанное коммиссiей правописанiе обязательнымъ для своихъ изданiй, но надежды сторонниковъ реформы скромнѣе даже въ этомъ отношенiи: они хотѣли-бы лишь того, чтобы новое правописанiе получило доступъ въ изданiя Академiи Наукъ, хотѣли-бы также, чтобы это правописанiе проникло и въ другiе органы печати, словомъ, получило право гражданства. Добиться такого права, разумѣется, не путемъ изданiя

соотвѣтствующаго закона или циркуляра, а только путемъ полнаго обсужденія и открытаго заявленія, сторонники реформы правописанія считаютъ совершенно необходимымъ, въ виду основательнаго предположенія, что всякое новшество въ правописаніи, не опирающееся на примѣръ какого-нибудь авторитетнаго учрежденія, можетъ встрѣтить оффиціальный запретъ. Вспомнимъ распространившіеся нѣсколько лѣтъ тому назадъ слухи о томъ, что предполагалось запретить печатать книги и повременныя изданія безъ буквы ъ и безъ надлежащаго соблюденія буквы ѣ; вспомнимъ о распространившихся тогда-же слухахъ о борьбѣ цензоровъ съ авторами, представлявшими для напечатанія рукописи безъ ъ и безъ ѣ. Разумѣется, желательно получить право гражданства для новаго правописанія не только въ интересахъ огражденія русскаго печатнаго слова отъ внѣшнихъ стѣсненій. Оно нужно для того, чтобы путемъ свободнаго соревнованія выяснить сравнительныя выгоды и удобства стараго и новаго правописанія, чтобы обществу, которому одному принадлежитъ при этомъ окончательный выборъ, была предоставлена возможность взвѣсить и оцѣнить цѣлесообразность и разумность предложенныхъ упрощеній. Сторонники реформы надѣются на безпристрастнмй судъ общества, надѣются также именно этимъ путемъ, путемъ свободнаго доступа новаго правописанія въ печать, провести его и въ школу, гдѣ, по ихъ мнѣнію, потребность въ упрощеніи, упорядоченіи правописанія вопіющая. Объ этомъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ ходатайствъ педагогическихъ обществъ. Школа обращаетъ на себя вниманіе сторонниковъ реформы, между прочимъ, потому, что они желали-бы часть времени, идущаго на изученіе буквы ѣ и разныхъ искусственныхъ правилъ, отражающихъ мудрствованія старинныхъ и новѣйшихъ грамматикъ, сохранить на другое—на изученіе родной рѣчи. Не поясняемъ нашей мысли, такъ какъ, конечно, всякому образованному человѣку понятно, что изученіе правописанія не есть изученіе языка. Равнымъ образомъ образованному человѣку понятно, что реформировать правописаніе (какъ одно изъ внѣшнихъ средствъ передачи живой рѣчи) не значитъ посягать на языкъ. Подписали: предсѣдатель орѳографической подкоммиссіи — академикъ Ф. Фортунатовъ; члены: проф. И. Бодуэнъ-де-Куртенэ, проф. Р. Брандтъ, проф. С. Буличъ, акад. Ѳ. Коршъ, прив.-доц. П. Сакулинъ, акад. А. Шахматовъ, кандидаты—прив.-доц. Н. Каринскій, преподаватель Н. Кульманъ.

2) Извлеченіе изъ протокола засѣданія коммиссіи по вопросу о русскомъ правописаніи, состоящей подъ предсѣдательствомъ Августѣйшаго Президента Императорской Академіи Наукъ, 12 апрѣля 1904 года.

Въ засѣданіе, въ 2 часа пополудни, прибыли: Августѣйшій Предсѣдатель коммиссіи Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ и члены: Д. И. Абрамовичъ доцентъ С.-Петербургской Духовной Академіи; И. Ѳ. Анненскій, директоръ Императорской Николаевской царскосельской гимназіи; И. А. Аноповъ, членъ совѣта министра финансовъ, представитель министерства финансовъ; К. К. Арсеньевъ, почетный академикъ Императорской Академіи Наукъ; А. С. Архангельскій, профессоръ Императорскаго казанскаго университета; А. Ѳ. Бардовскій, инспекторъ патріотическаго института, представитель вѣдомства учрежденіи Императрицы Маріи; Ѳ. Д. Батюшковъ, профессоръ, редакторъ журнала „Міръ Божій“; И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ, профессоръ, представитель неофилогическаго общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ; Р. Ѳ. Брандтъ, профессоръ Императорскаго Московскаго университета; Е. Ѳ. Будде, профессоръ, представитель педагогическаго общества при Императорскомъ казанскомъ университетѣ; А. С.

Будиловичъ, профессоръ, представитель министерства народнаго просвѣщенія; С. К. Буличъ, профессоръ Императорскаго историко-филологическаго института; Ѳ. А. Витбергъ, преподаватель, предсѣдатель союза ревнителей русскаго слова; Н. В. Волковъ, преподаватель с.-петербургской 7-й гимназіи; П. П. Гнѣдичъ, писатель; Е. Е. Голубинскій, академикъ Императорской академіи наукъ; В. В. Заленскій, академикъ Императорской академіи наукъ; К. Я. Здравомысловъ, начальникъ архива св. синода; Н. М. Каринскій, приватъ-доцентъ Императорскаго с.-петербургскаго университета; Г. М. Князевъ, преподаватель с.-петербургскаго 1-го реальнаго училища; Н. П. Кондаковъ, академикъ Императорской академіи наукъ; Н. Н. Корево, помощникъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта, представитель государственной канцеляріи; Ѳ. Е. Коршъ, академикъ Императорской академіи наукъ; Н. А. Котляревскій, профессоръ Императорскаго Александровскаго лицея; П. А. Кулаковскій, профессоръ, главный редакторъ „Правительственнаго Вѣстника"; Н. К. Кульманъ, преподаватель Императорскаго Александровскаго лицея; А. Л. Липовскій, преподаватель Павловскаго института; А. І. Лященко, инспекторъ с.-петербургскаго реформатскаго училища; В. И. Маркевичъ, управляющій сенатской типографіей; М. И. Михельсонъ (оставилъ засѣданіе до голосованія); Н. К. Невзоровъ, директоръ с.-петербургской 7-й гимназіи, П. В. Никитинъ, вице-президентъ Императорской академіи наукъ; С. Ѳ. Ольденбургъ, академикъ Императорской академіи наукъ; Ѳ. Ѳ. Ольденбургъ, педагогъ тверской земской учительской школы; П. В. Петровъ, чиновникъ особыхъ порученій при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній, представитель главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній; А. Н. Пыпинъ, академикъ Императорской академіи наукъ; баронъ В. Р. Розенъ, академикъ Императорской академіи наукъ; П. Н. Сакулинъ, приватъ-доцентъ Императорскаго московскаго университета, представитель педагогическаго общества при Императорскомъ московскомъ университетѣ; В. В. Сиповскій, приватъ-доцентъ Императорскаго с.-петербургскаго университета; А. И. Соболевскій, академикъ Императорской академіи наукъ; Д. Н. Соловьевъ, управляющій канцеляріей оберъ-прокурора св. синода, представитель вѣдомства православнаго исповѣданія; К. А. Сорокинъ, капитанъ гренадерскаго саперпаго баталіона; М. М. Стасюлевичъ, редакторъ журнала „Вѣстникъ Европы"; графъ И. И. Толстой, вице-президентъ Императорской академіи художествъ; Ф. Ѳ. Фортунатовъ, академикъ Императорской академіи наукъ, товарищъ Августѣйшаго предсѣдателя коммиссіи; В. И. Чернышевъ, преподаватель с.-петербургскаго благовѣщенскаго городского училища; В. М. Чулицкій, преподаватель; А. А. Шахматовъ, академикъ Императорской академіи наукъ; И. А. Шляпкинъ, профессоръ Императорскаго с.-петербургскаго университета; Л. В. Щерба, преподаватель. Не явились въ засѣданіе члены: А. Н. Веселовскій, академикъ Императорской академіи наукъ; графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, почетный академикъ Императорской академіи наукъ; А. Ѳ. Кони, почетный академикъ Императорской академіи наукъ; В. И. Ламанскій, академикъ Императорской академіи наукъ; А. С. Суворинъ, издатель газеты „Новое Время". Обязанности секретаря коммиссіи были возложены на Ѳ. И. Покровскаго, ученаго корректора изданій второго отдѣленія Императорской академіи наукъ.

По открытіи засѣданія товарищъ Августѣйшаго Предсѣдателя, академикъ Ф. Ѳ. Фортунатовъ доложилъ собранію о поводахъ, вызвавшихъ постановленіе второго отдѣленія Императорской академіи наукъ относительно образованія коммиссіи по вопросу о русскомъ правописаніи. Этими поводами послужили слѣдующія обстоятельства. Казанское педагогическое общество, состоящее при

Императорскомъ казанскомъ университетѣ, обратилось къ отдѣленію съ просьбою высказаться, признаетъ-ли отдѣленіе правописаніе, рекомендованное покойнымъ академикомъ Гротомъ, своимъ академическимъ правописаніемъ и не считаетъ-ли желательную замѣну этого правописанія другимъ, болѣе простымъ и болѣе систематичнымъ. Въ то время, когда въ отдѣленіи обсуждался отвѣтъ на вопросъ казанскаго педагогическаго общества, получена была отъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній бумага, въ которой предложенъ тотъ же вопросъ относительно руководства Грота „Русское правописаніе“ и, вмѣстѣ съ тѣмъ выражена надежда, что отдѣленіе въ интересахъ школы подвергнетъ обсужденію упрощеніе принятаго нынѣ русскаго правописанія. Второе отдѣленіе въ отвѣтъ на вопросы относительно правописанія, рекомендованнаго Гротомъ, высказало, что руководство по правописанію составлено было академикомъ Гротомъ по порученію отдѣленія, но не отъ имени отдѣленія; принимая же во вниманіе, что упрощеніе принятаго нынѣ русскаго правописанія должно основываться не на однихъ только научныхъ данныхъ, а также и на всестороннемъ обсужденіи затрогиваемыхъ при этомъ интересовъ школы и народнаго просвѣщенія, отдѣленіе постановило привлечь къ рѣшенію назрѣвшаго вопроса объ упрощеніи русскаго правописанія представителей школы, науки, литературы и современной печати. Вслѣдствіе этого, съ разрѣшенія Августѣйшаго президента Императорской академіи наукъ, при второмъ отдѣленіи образована коммиссія по вопросу о русскомъ правописаніи, въ которую вошли, кромѣ представителей академіи наукъ, также и представители вѣдомствъ, имѣющихъ учебныя заведенія, представители педагогическихъ обществъ, преподаватели высшихъ, среднихъ, городскихъ и начальныхъ учебныхъ заведеній, литераторы и редакторы нѣкоторыхъ журналовъ и газетъ. Августѣйшему президенту академіи наукъ угодно было принять на Себя предсѣдательство въ коммиссіи.

Затѣмъ Августѣйшій предсѣдатель коммиссіи пригласилъ членовъ приступить къ обмѣну мнѣній по вопросу объ упрощеніи русскаго правописанія. Акад. Ф. Ѳ. Фортунатовъ изложилъ тотъ взглядъ на данный вопросъ, въ которомъ онъ сходится съ нѣкоторыми изъ его товарищей по отдѣленію. Желательно, говорилъ онъ, освободить русское правописаніе отъ всѣхъ тѣхъ орѳографическихъ правилъ, которыя не основываются на фактахъ, существующихъ въ языкѣ, и не могутъ быть оправдываемы также и какъ примѣненіе историческаго, или этимологическаго принципа орѳографіи въ тѣхъ предѣлахъ, какіе указываются практическою цѣлью правописанія. Сюда принадлежатъ, во-первыхъ, всѣ тѣ требованія орѳографіи, которыя не имѣютъ основанія не только въ фактахъ современнаго языка, но также и въ языкѣ древне-русскомъ, а среди этихъ орѳографическихъ правилъ существуетъ рядъ такихъ, устраненіе которыхъ не касалось бы исключенія изъ азбуки какихъ-либо буквъ. Таково, напримѣръ, требованіе различать въ письмѣ окончанія *е* и *я* въ именительномъ и винительномъ падежахъ множественнаго числа именъ прилагательныхъ по различіямъ въ родѣ именъ существительныхъ, напр. въ *добрые* и *добрыя*, между тѣмъ какъ въ самомъ языкѣ нѣтъ и никогда не было соотвѣтственнаго различія; или, напр., различіе, дѣлаемое въ письмѣ между *они*, *одни* и *онѣ*, *однѣ*, также не находитъ никакой опоры въ самомъ языкѣ. Затѣмъ, къ орѳографическимъ правиламъ, не основывающимся на фактахъ русскаго языка, новаго и древняго, принадлежатъ требованія относительно употребленія буквы *ѳ* и двухъ буквъ вмѣсто одной для звука „і“; съ устраненіемъ этихъ излишнихъ орѳографическихъ правилъ должны быть

исключены изъ алфавита буква *ѳ* и одинъ изъ двухъ знаковъ для звука „i“. Буква *ѳ*, внесенная въ церковно славянскій алфавитъ для обозначенія извѣстнаго греческаго звука въ заимствованныхъ словахъ, не отличается и не отличалась въ произношеніи отъ буквы *ф*. Различіе въ употребленіи двухъ буквъ: *и* и *i* для выраженія одного и того же звука есть явленіе исключительно графическое и по происхожденію, т. е. не имѣющее и не имѣвшее отношенія къ какому-либо различію въ звукахъ языка; церковно-славянскій алфавитъ получилъ двѣ буквы, вмѣсто одной, для звука „i“ вслѣдствіе подражанія греческому алфавиту. Удобство различать въ написаніяхъ *миръ* и *міръ* два слова, совпадающія по звуковой сторонѣ, не можетъ служить доводомъ въ пользу сохраненія двухъ буквъ для звука „i“ даже и въ этомъ случаѣ, такъ какъ вѣдь въ связи съ написаніями *миръ* и *міръ*, въ двухъ различныхъ значеніяхъ, находится существующее въ настоящее время колебаніе при передачѣ звука „i“ въ такихъ собственныхъ именахъ, какъ *Владимиръ* и *Владиміръ*. Въ русской азбукѣ числится еще одна буква, произносящаяся какъ звукъ „i“ и называемая ижицей (V); но эта буква въ настоящее время обыкновенно уже не употребляется, и еще Гротъ въ руководствѣ „Русское правописаніе“ основательно замѣтилъ, что „ижица можетъ считаться исключенною изъ русской азбуки“; поэтому теперь нѣтъ уже надобности ставить вопросъ объ исключеніи этой буквы. Къ излишнимъ орѳографическимъ правиламъ принадлежатъ также и требованія писать тѣ буквы, которыя нѣкогда отличались по произношенію отъ другихъ нашихъ буквъ, но въ настоящее время не сохраняютъ уже этого значенія; таковы: буква *ъ*, не выражающая теперь никакого звука, и буква ѣ, совпавшая по ея звуковому значенію для великорусскаго языка съ другими буквами, именно съ буквой *е* по отношенію къ русскому литературному языку. Поэтому быквы *ъ* и *ѣ* должны бы быть исключены изъ азбуки. Среди защитниковъ буквы *ѣ* есть лица, которыя думаютъ, что съ исключеніемъ *ѣ* изъ русской азбуки понизится та степень грамматическаго знанія родного языка, какая необходима и при элементарномъ образованіи. Нельзя, однако, смѣшивать звуки языка и буквы; умѣнье писать букву *ѣ* во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это требуется правилами орѳографіи, само по себѣ не даетъ еще, конечно, никакого знанія фактовъ языка, именно потому, что употребленіе буквы *ѣ* не находитъ ни какой опоры въ современномъ литературномъ языкѣ. По мнѣнію акад. Фортунатова, въ школьномъ преподаваніи русскаго языка мѣсто для буквъ *ѣ* и *ъ*—въ курсѣ русской грамматики, а не въ теоріи и практикѣ правописанія: желательно, чтобы учащіеся въ средней школѣ получали знакомство съ исторіею звуковой стороны родного языка. Акад. Фортунатовъ указалъ далѣе на то, что онъ и нѣкоторые его товарищи по отдѣленію, признавая очень даже желательнымъ упрощеніе русскаго правописанія, имѣютъ въ виду при этомъ главнымъ образомъ, интересы школы. Въ настоящее время школа подавлена орѳографическими требованіями, которыя вредятъ правильной постановкѣ дѣла преподаванія, и прежде всего страдаетъ вслѣдствіе этого преподаваніе русскаго языка. Тотъ, кто желаетъ школѣ болѣе успѣшнаго изученія въ ней русскаго слова и произведеній слова, не можетъ не желать, чтобы буквамъ было отведено въ школьномъ преподаваніи далеко не первое мѣсто. Въ заключеніе акад. Фортунатовъ замѣтилъ, что коммиссія, если она выскажется за упрощеніе русскаго правописанія, была бы безсильна, конечно, оказать прямое воздѣйствіе на школу, такъ какъ на это она не имѣетъ никакихъ полномочій. Однако, въ томъ случаѣ, если коммиссія найдетъ желательнымъ какое-либо упрощеніе русскаго правописанія,

сторонники такой реформы будутъ заботиться безъ сомнѣнія, о томъ, чтобы новое правописаніе все болѣе и болѣе проникало въ печать, хотя въ частной практикѣ они могли бы оставаться при старой, привычной орѳографіи; а какъ скоро новое правописаніе будетъ все болѣе примѣняться въ печати, оно, конечно, найдетъ доступъ и въ школу.

Послѣ обмѣна мнѣній членовъ коммиссіи проф. Н. А. Котляревскій обратилъ вниманіе собранія на то, что упрощеніе правописанія вызывается потребностями не только низшей и средней школы, но и высшей, именно военными академіями, въ одной изъ которыхъ ему приходится изъ-за правописанія ежегодно не допускать въ число слушателей нѣсколькихъ офицеровъ.

Поставленный затѣмъ Августѣйшимъ Предсѣдателемъ коммиссіи вопросъ о томъ, находитъ-ли коммиссія желательнымъ упрощеніе принятаго нынѣ русскаго правописанія, единогласно рѣшенъ былъ въ утвердительномъ смыслѣ. Послѣ этого члены коммиссіи на особыхъ запискахъ дали свои отвѣты по другимъ вопросамъ, касающимся реформы правописанія, причемъ высказались: 1) за упрощеніе правописанія съ исключеніемъ нѣкоторыхъ буквъ алфавита - 42, а за упрощеніе безъ исключенія—8: 2) за исключеніе буквы *ѳ*—47, за сохраненіе—3; 3) за исключеніе буквы *ъ*—36, за сохраненіе—14; 4) за исключеніе одной изъ буквъ: *и* или *i*—39, за сохраненіе обѣихъ—11; 5) за исключеніе буквы *ѣ*—34, за сохраненіе—15 (и одинъ голосъ не былъ поданъ).

Далѣе, по предложенію Августѣйшаго Предсѣдателя, коммиссія избрала изъ своего состава, сложенными записками, семь членовъ и трехъ кандидатовъ къ нимъ въ подкоммиссію, для разработки тѣхъ вопросовъ по упрощенію русскаго правописанія, которые не связаны съ исключеніемъ изъ алфавита какихъ либо буквъ. Въ подкоммиссію избранными оказались членами: акад. А. А. Шахматовъ, акад. Ф. Ѳ. Фортунатовъ, акад. А. И. Соболевскій, акад. Ѳ. Е. Коршъ, прив.-доц. П. Н. Сакулинъ, проф. И. А. Бодуэнъ-де-Куртенэ и проф. Р. Ѳ. Брандтъ; кандидатами: проф. С. К. Буличъ, прив.-доц. Н. М. Каринскій и Н. К. Кульманъ. Члены подкоммиссіи избрали своимъ предсѣдателемъ акад. Ф. Ѳ. Фортунатова, о чемъ было заявлено Августѣйшему Предсѣдателю коммиссіи. Послѣ этого Августѣйшій Предсѣдатель коммиссіи объявилъ, что засѣданіе закрывается.

---

26 лѣтъ педагогической дѣятельности.

29 марта сего года весь учительскій и воспитательскій персоналъ Омской женской гимназіи прощался съ начальницей этой гимназіи Терезой Андреевной Дивногорской, прослужившей въ гимназіи 26 лѣтъ, сначала въ званіи учительницы, а затѣмъ въ теченіе 23 лѣтъ въ званіи начальницы. Постоянныя хлопоты и заботы, связанныя съ неразлучными непріятностями, до такой степени расшатали нервы Т. А., что она должна была слечь въ клиникѣ, а потомъ, по выходѣ изъ клиники, уѣхать въ отпускъ. Расчитывать на поправленіе здоровья въ такой мѣрѣ, чтобы быть въ состояніи продолжать свою педагогическую дѣятельность, Т. А. не имѣла основанія, и пришлось ей, волей-неволей, подать прошеніе объ отставкѣ. Отставка получена, и служащіе въ женской гимназіи пожелали проститься со своею бывшей сослуживицей—начальницей. Съ этою цѣлью они собрались въ одномъ изъ свободныхъ помѣщеній, куда и приглашена была Т. А. Послѣ обычныхъ при-

вѣтствій, однимъ изъ преподавателей гимназіи отъ лица всѣхъ служащихъ въ гимназіи сказано было слѣдующее:

„Глубокоуважаемая

Тереза Андреевна!

Прослужить 26 лѣтъ—не легко, „не поле перейти", а прослужить столько-же въ многолюдной женской гимназіи и Александровскомъ пансіонѣ—и того труднѣе.

Личныя качества вашего характера—кротость, мягкость, деликатность, сердечность и миролюбіе—давали вамъ возможность столь продолжительное время нести выпавшія на вашу долю тяготы въ названныхъ заведеніяхъ.

Вамъ въ своей дѣятельности приходилось имѣть сношенія съ лицами разнаго возраста, пола, воспитанія и образованія. И со всѣми ими, благодаря означеннымъ своимъ качествамъ, вы умѣли ладить—ласково, тихо, спокойно.

Благодаря означеннымъ же качествамъ своего характера, Вы несомнѣнно удовлетворяли душевной потребности тѣхъ изъ своихъ питомицъ, которыя желали материнской любви и ласки. Да и всѣ ваши питомицы не лишены были вашей заботливости и вашего попеченія. Ученицы, живущія въ пансіонѣ, всегда были болѣе здоровы и бодры, чѣмъ ученицы, живущія въ частныхъ квартирахъ; а это свидѣтельствуетъ, что онѣ и пользовались болѣе правильнымъ гигіеническимъ уходомъ, чѣмъ, конечно, и обязаны своей начальницѣ, т. е. Вамъ, Тереза Андреевна.

Не легко Вамъ давалась ваша дѣятельность; въ этомъ каждаго убѣждаетъ уже ваша послѣдняя болѣзнь, вызванная прямо тяготой этой дѣятельности. Вамъ ежедневно приходилось переживать массу душевныхъ волненій и тревогъ, хотя Вы и скрывали ихъ подъ наружнымъ спокойствіемъ...

Есть еще одна сторона въ вашей жизни, заслуживающая высокаго уваженія: Вы прекрасная семьянинка, Вы всегда жили жизнью своихъ дѣтей и внуковъ, всегда были окружены ими. И быть среди ихъ доставляло Вамъ удовольствіе, отраду. Отъ души желаемъ, чтобы еще многіе и многіе годы Вы находили отраду среди своихъ внуковъ и будущихъ правнуковъ. И просимъ Васъ принять на память, въ знакъ нашего уваженія, этотъ чайный приборъ и пользоваться имъ при угощеніи своихъ внуковъ, а потомъ и правнуковъ. Просимъ Васъ также, по выходѣ въ отставку, не прерывать нравственной связи съ женской гимназіей, которой Вы отдали значительную часть своей жизни".

Въ отвѣтъ на приведенную рѣчь Тереза Андреевна сказала, что всѣмъ, выслушаннымъ ею, она обязана не своимъ заслугамъ и достоинствамъ, а лишь добротѣ и снисходительности ея бывшихъ сослуживцевъ. На это одинъ изъ преподавателей замѣтилъ, что въ правдивой рѣчи, сказанной отъ лица всѣхъ служащихъ, упущена весьма существенная черта характера Т. А.—это ея необычайная скромность, которою она отличалась въ теченіе всей продолжительной службы въ гимназіи и которая невольно проявилась сейчасъ въ словахъ ея, Тер. Андр. Это дополненіе встрѣчено было всѣми очень сочувственно...

Послѣ привѣтствій былъ предложенъ въ честь Т. А—ны завтракъ, во время котораго шла очень оживленная, задушевная бесѣда, продолжавшаяся до вечера.

S. S.

Павелъ Корниліевичъ Покровскій.

(Некрологъ).

2-го іюня, въ 9 часовъ вечера, умеръ внезапно отъ припадка грудной жабы Павелъ Корниліевичъ Покровскій, и. д. инспектора училища Правовѣдѣнія. Имя П. К. хорошо извѣстно въ Петербургскомъ педагогическомъ мірѣ, и вѣсть о неожиданной смерти его навѣрное будетъ встрѣчена съ чувствомъ глубокаго огорченія многими изъ тѣхъ, кому приходилось сталкиваться съ этимъ просвѣщеннымъ педагогомъ и хорошимъ человѣкомъ.

П. К. умеръ, не достигши еще и 55-ти лѣтъ. По окончаніи въ 1877 г. курса въ Дерптскомъ университетѣ по историко-филологическому факультету, онъ былъ назначенъ на должность сверхштатнаго старшаго учителя русскаго языка при Дерптской гимназіи. Въ 1879 году онъ переведенъ учителемъ русскаго языка въ С.-Петерб. гимназію Бычкова, нынѣ Гуревича. Въ 1887 году П. К. былъ назначенъ директоромъ народныхъ училищъ Дерптскаго учебнаго округа въ то время, когда попечителемъ этого округа былъ покойный М. Н. Капустинъ.

Съ перемѣщеніемъ послѣдняго на должность попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, П. К. пользовавшійся большимъ расположеніемъ и уваженіемъ М. Н. Капустина, переѣхалъ также въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ (въ 1891 году) былъ назначенъ и. д. инспектора училища Правовѣдѣнія.

Въ Училищѣ правовѣдѣнія, какъ и вездѣ, гдѣ приходилось работать П. К. онъ пользовался уваженіемъ своихъ сослуживцевъ и любовью молодежи. Это былъ человѣкъ образованный, гуманный, недюжиннаго ума, съ любовью и крайнею, можно сказать педантическою, добросовѣстностью относившійся ко всякому дѣлу, за которое онъ принимался. По характеру онъ былъ человѣкъ очень спокойный и уравновѣшенный. Это былъ рѣдкій семьянинъ, отличный товарищъ и въ высшей степени симпатичный человѣкъ,

Педагогическіе и литературные вопросы серьезно интересовали его. Результатами своихъ литературныхъ занятій онъ охотно дѣлился иногда съ членами Шекспировскаго кружка, къ которому онъ принадлежалъ. До послѣднихъ дней своей жизни, онъ сохранялъ бодрость и жизнерадостность, и ничто не предвѣщало той ужасной катастрофы, которая разразилась надъ этимъ человѣкомъ еще въ полномъ разгарѣ его дѣятельности. Да будетъ ему вѣчная память!

Я. Г.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И СООБЩЕНІЯ.

Къ юбилею харьковскаго университета. Въ январѣ 1905 г. исполнится сто лѣтъ со времени учрежденія Харьковскаго университета. Нынѣ Харьковъ большой торгово-промышленный центръ, съ населеніемъ на 200.000 чел., городъ все еще быстро растущій, съ блестящими видами на будущее. Въ началѣ прошлаго столѣтія это былъ незначительный степной городишко и никогда не видать бы ему университета, если бы не просвѣщенный починъ мѣстнаго уроженца В. Н. Каразина, выдающагося въ исторіи русской культуры общественнаго дѣятеля. По его идеѣ было учреждено министерство народнаго просвѣщенія; по его же ходатайству Александръ I далъ разрѣшеніе на открытіе университета въ Харьковѣ. Мѣстное дворянство пожертвовало 400.000 руб., купечество болѣе полумилліона (въ теченіе 10 лѣтъ), мѣщане 125 десятинъ земли; поступили значительныя пожертвованія также отъ уѣздныхъ городовъ Харьковской губерніи, отъ дворянства Екатеринославской и Херсонской губерніи. Такимъ образомъ Харьковскій университетъ, подобно Высшимъ Женскимъ Курсамъ новѣйшаго времени, учрежденъ по частной иниціативѣ на общественныя средства. Хотя иниціатива Каразина и получила Высочайшее одобреніе, но ему пришлось положить не мало труда, чтобы провести свое университетское дѣло чрезъ цѣлый рядъ оффиціальныхъ мытарствъ; этимъ онъ вооружилъ противъ себя высшій чиновный міръ Петербурга, который сумѣлъ вскорѣ удалить его изъ числа лицъ, приближенныхъ къ императору. По случаю юбилея при Харьковскомъ университетѣ устраивается выставка, на которой предполагается собрать по возможности все, что касается жизни университета и связанныхъ съ нимъ ученыхъ учрежденій, профессоровъ, студентовъ новаго и особенно стараго времени, а именно отчеты, статьи, сочиненія, автографы, біографіи, портреты, рисунки, медали, значки и всякіе другіе предметы, представляющіе интересъ. Особый отдѣлъ будетъ посвященъ Н. В. Каразину; будутъ выставлены портреты его и его семьи; автографы и неизданныя его сочиненія, печатныя его сочиненія; сочиненія о немъ; виды, относящіеся къ нему; различные предметы, относящіеся къ нему, модель памятника ему и относящіеся сюда предметы. Юбилейная коммиссія проситъ не отказать ей въ содѣйствіи присылкой въ возможно скоромъ времени предметовъ для выставки по адресу: Харьковъ, въ правленіе университета. Предметы, по минованіи въ нихъ надобности, согласно выраженному отправителями желанію, будутъ возвращены по принадлежности.

О матеріальномъ положеніи университета сообщаются слѣдующія, довольно печальныя свѣдѣнія.

Въ то время, какъ другіе университеты, Московскій и С.-Петербургскій, снабжались массою учебныхъ пособій и привлекали множество студентовъ, Харьковскій университетъ какъ бы остановился на точкѣ замерзанія. Помѣщенія остались почти тѣ же, что и при основаніи университета. Тѣснота въ аудиторіяхъ, кабинетахъ и лабораторіяхъ—изумительная, доходящая до того, что студенты на интересныхъ лекціяхъ „выдавливаютъ масло", сидятъ на подоконникахъ и часами стоятъ. Атмосфера удушливая, нерѣдко доводящая слушателей до дурноты и головныхъ болей. Лабораторіи, кабинеты, анатомическій театръ, библіотеки обставлены въ высшей степени бѣдно, такъ что не только студенты, но и профессора не въ состояніи слѣдить за новѣйшими открытіями научнаго міра. Вотъ въ этомъ-то направленіи и слѣдовало бы помочь Харьковскому университету. („Н. Вр.").

Юрьевскій университетъ. Въ Юрьевскомъ университетѣ съ начала наступающаго семестра вводится институтъ такъ называемыхъ курсовыхъ кураторовъ. Въ главномъ зданіи университета вывѣшено объ этомъ объявленіе, и приведенъ списокъ профессоровъ, между которыми на недавнемъ засѣданіи комиссіи кураторовъ распредѣлены эти новыя обязанности, причемъ студентамъ предлагается обращаться къ нимъ съ заявленіями о своихъ „потребностяхъ и желаніяхъ, входящихъ въ сферу какъ учебно-научной, такъ и общеуниверситской жизни студентовъ сооотвѣтствующихъ курсовъ". Согласно инструкціи кураторамъ предполагаются періодическія совмѣстныя совѣщанія студенческихъ старостъ и кураторовъ по факультетамъ, причемъ на студенческихъ собраніяхъ по курсовымъ дѣламъ будутъ присутствовать также и кураторы соотвѣтствующихъ курсовъ. („Н. Вр.").

Комитетъ Краснаго Креста при Казанскомъ университетѣ. Въ день объявленія манифеста о войнѣ съ Японіей Казанскій университетъ экстренно собрался на совѣтъ и быстро и дружно рѣшилъ — образовать особый комитетъ Краснаго Креста, для принесенія посильной помощи лицамъ, приносящимъ свою жизнь и здоровье для защиты родины. Чѣмъ проявится будущее этого комитета—покажетъ жизнь, и предрѣшать это было трудно. Комитетъ образовался изъ столь же видныхъ ученыхъ, какъ и извѣстныхъ и опытныхъ общественныхъ дѣятелей. Сюда вошли профессора: Высоцкій, Капустинъ, Васильевъ, Праксинъ, Разумовскій, Шершеневичъ и др. Но этотъ комитетъ не походилъ на обычныя коммиссіи, которыя устраиваются для того, чтобы сбыть съ плечъ непріятное дѣло. Нѣтъ, это было дитя родное, дитя любимое. Съ горячей душой отнеслись къ этому дѣлу и попечитель округа и ректоръ университета; а всѣ остальные профессора такъ же горячо и сердечно работали въ комитетѣ и для комитета, какъ и сами члены комитета. Это была работа общая, работа живая. Нужны были средства. Ихъ далъ университетъ, ихъ дали профессора, ихъ дали служащіе и даже студенты. Но что могутъ дать профессора, сами живущіе впроголодь и при несправедливо ничтожномъ содержаніи? Они дали, кромѣ своихъ грошей, неутомимую дѣятельность по сбору пожертвованій. Кликнули кличъ и отправились лично по добрымъ людямъ, и университетъ быстро наполнился даяніями. Чего-чего только ни принесли: и полушубки, и шоколадъ, и коленкоръ, и махорку, и холстъ,

и сахаръ, и мыло — все это шло щедрою рукою. Потребовалась хозяйская рука, женская рука. И вотъ образовался отдѣлъ дамскаго комитета изъ профессорскихъ женъ. Поистинѣ, едва ли профессорскимъ женамъ приходилось столько и такъ работать, какъ онѣ работали ежедневно въ стѣнахъ университета. Тысячи и десятки тысячъ разныхъ предметовъ шли въ университетъ; нужно было все разсортировать, записать, уложить, распредѣлить и т. д. И работа, работа черная и тяжелая закипѣла. Госпожи Любимова, Праксина, Капустина, Миславская, Арнштейнъ и др. работали отъ утра до вечера и создали необыкновенный порядокъ при общемъ нравственномъ благодушіи и жертвователей и комитета. Вскорѣ выяснилось, что университетъ можетъ открыть лазаретъ не менѣе какъ на 30 кроватей. Это было бы дѣтище людей науки, согрѣтое искренней, чистой, безкорыстной любовью добраго сердца. Вотъ тутъ-то университетъ и натолкнулся на канцелярщину и чиновническій формализмъ, который у насъ необыкновенно удачно портитъ и уничтожаетъ все доброе, все сердечное. Къ счастью, черные дни университета скоро прошли и онъ получилъ разрѣшеніе на полную самостоятельность подъ неусыпнымъ контролемъ ревизіонной коммиссіи и жертвователей. Теперь явилась потребность въ подготовленіи братьевъ и сестеръ милосердія. Кому же и готовить ихъ, какъ не медицинскому факультету... Объявлена была запись, и налетѣло желающихъ множество. Мѣстныя красавицы, госпожи Авдіева и Ушкова, выбились изъ силъ и дошли до одурѣнія, записывая новобранцевъ въ братья и сестры милосердія. Тутъ были и студенты университета, и студенты духовной академіи, и ветеринары, и семинаристы и т. д. А потомъ начался плачъ— кого примутъ и кого не примутъ. Дружно и горячо работаетъ университетская семья на своихъ дѣтей и защитниковъ родины. Всѣ отъ велика до мала заинтересованы въ этомъ дѣлѣ и несутъ его дружно, охотно, безъ принужденія и безъ расчета на мзду... („Н. Вр.“).

Гимназисты-добровольцы. Нѣсколько учениковъ томской гимназіи выразили желаніе поступить въ дѣйствующую армію добровольцами. На представленіе объ этомъ попечителя учебнаго округа министерство народнаго просвѣщенія увѣдомило, что разрѣшеніе такимъ ученикамъ отправиться на войну, по выбытіи ихъ изъ учебнаго заведенія, зависитъ отъ ихъ родителей или отъ лицъ, на попеченіи которыхъ они находятся.

Университетскія корпораціи. При Новороссійскомъ университетѣ возникла вторая студенческая корпорація подъ названіемъ „Разсвѣтъ“. Корпорація сплотилась во имя принципа: „университетъ для науки“ и политическихъ цѣлей не преслѣдуетъ, равно какъ чужда также и націоналистическихъ тенденцій. Корпорація возникла самостоятельно и ни въ какой зависимости отъ другихъ корпорацій не состоитъ. Ближайшей задачей ея является—организація въ своей средѣ кружковъ для научно-литературныхъ занятій и товарищеской взаимопомощи въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. („Южн. Р.“).

Высшіе женскіе курсы въ Казани. Комитетъ по организаціи высшихъ женскихъ курсовъ въ Казани, избранный изъ среды профессоровъ и препода-

вателей университета, считаетъ долгомъ увѣдомить городскія и земскія учреждения Восточной Россіи о томъ, что въ ближайшемъ будущемъ въ гор. Казани предполагается открытіе высшихъ женскихъ курсовъ съ отдѣленіями историко-филологическимъ и физико-математическимъ. Предположено принимать на курсы лицъ, кончившихъ женскія среднія учебныя заведенія, причемъ преимущественное право поступленія на курсы будетъ предоставлено кончившимъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ округовъ: Казанскаго, Оренбургскаго, Кавказскаго и Западно-Сибирскаго, а также въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Восточной Сибири и Средней Азіи. Проектъ положенія о высшихъ женскихъ курсахъ уже выработанъ и находится на разсмотрѣніи Министерства народнаго просвѣщенія. Комитетъ по организаціи курсовъ обращается къ городскимъ и земскимъ общественнымъ учрежденіямъ Восточной Россіи съ покорнѣйшею просьбою оказать матеріальную поддержку дѣлу, предпринятому въ интересахъ всего Востока Европейской Россіи и Сибири. Починъ пожертвованіямъ уже положенъ казанскимъ губернскимъ земствомъ, внесшимъ въ кассу комитета 3,000 р. въ ознаменованіе столѣтняго юбилея казанскаго университета, предстоящаго 5 ноября 1904 года. („Волж. В.").

Ложные слухи. Вновь появившіеся въ печати слухи, что высшія и среднія учебныя заведенія изъ вѣдѣнія Министерства финансовъ переходятъ въ вѣдѣніе Министерства народнаго просвѣщенія, лишены всякаго основанія („Нов.").

Программа для женскихъ гимназій. Вятское губернское земство возбудило ходатайство передъ Министерствомъ народнаго просвѣщенія, чтобы проектъ программъ женскихъ гимназій прежде представленія ихъ на утвержденіе были разосланы на заключеніе уѣздныхъ земствъ губерніи. Ходатайство мотивируется тѣмъ, что вятскія уѣздныя земства принимаютъ широкое участіе въ содержаніи женскихъ гимназій, а также отпускаютъ значительныя средства на пособія женщинамъ, учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. („Перм. Г. В.").

Частная гимназія во Владикавказѣ. Кружкомъ преподавателей гор. Владикавказа предполагается открыть частную гимназію. Прошеніе объ этомъ уже подано г. директору народныхъ училищъ Терской области однимъ изъ участниковъ, А. А. Радіоновымъ, который взялъ на себя организацію дѣла. Новое учебное заведеніе задумано на новыхъ, выработанныхъ современною педагогикою, началахъ: отмѣнены будутъ отмѣтки, реформирована система наказаній, причемъ такіе проступки противъ нарушенія внѣшней дисциплины, которые являются не выраженіемъ злой воли ребенка, а результатомъ его физико-психической организаціи, будутъ не наказываться, а по возможности предупреждаться. Къ участію въ жизни учебнаго заведенія будутъ привлечены родители учениковъ, выбирающіе изъ своей среды попечительный совѣтъ на подобіе тѣхъ, какіе функціонируютъ въ коммерческихъ училищахъ. („Казб.").

Въ Сестрорѣцкѣ. Возбужденный недавно вопросъ объ учрежденіи въ Сестрорѣцкѣ реальнаго училища и женской гимназіи принялъ вполнѣ благопріятное направленіе, и въ самомъ непродолжительномъ времени можно ожидать осуществленія этого проекта, въ которомъ живо заинтересовано все населеніе посада. На происходившемъ 18 апрѣля собраніи лицъ, сочувствующихъ открытію въ Сестрорѣцкѣ двухъ среднихъ учебныхъ заведеній, было доложено, что для помѣщенія реальнаго училища мѣстный волостной сходъ постановилъ отвести большой двухъ-этажный домъ. Такой же домъ съ садомъ жертвуетъ одна изъ обывательницъ для женской гимназіи. Многія лица выразили готовность пожертвовать довольно крупныя суммы денегъ и строительный матеріалъ. Насчитывается уже болѣе 80 мальчиковъ и 60 дѣвочекъ, родители которыхъ желали бы помѣстить ихъ въ проектируемыя учебныя заведенія не позже осени текущаго года. Собраніе постановило образовать особый комитетъ, на который будетъ возложена забота о скорѣйшемъ осуществленіи возникшаго проекта. („Н. Вр.)".

На преміи. Въ Мраморномъ Дворцѣ состоялась сегодня, 18-го апрѣля, первая раздача наградъ за лучшія сочиненія воспитанниковъ с.-петербургскихъ средне-учебныхъ заведеній на тему „О пользѣ покровительства животнымъ и практическія мѣры къ искорененію въ дѣтяхъ жестокаго обращенія съ животными". Предсѣдатель житомірскаго отдѣла общества покровительства животнымъ, бар. де-Шадуаръ, находя, что послѣднее должно заботиться о томъ, чтобы дѣти съ ранняго возраста гуманно относились къ животнымъ, предложилъ ходатайствовать передъ попечителемъ с.-петербургскаго учебнаго округа объ учрежденіи при обществѣ конкурса за лучшія сочиненія по этому вопросу. Въ виду того, что въ соисканіи наградъ будутъ принимать участіе весьма многіе воспитанники, этимъ самымъ общество достигнетъ главной своей цѣли— пропаганды гуманнаго обращенія дѣтей съ животными. Для этой цѣли бар. де Шадуаръ пожертвовалъ значительный капиталъ, проценты съ котораго онъ и назначилъ для выдачи ежегодныхъ наградъ. Послѣднихъ учреждено 4—въ 200, 100, 75 и 50 р. и, кромѣ того, 4 похвальныхъ листа. Первая награда (въ 200 р.) присуждена воспитаннику 7-го класса введенской гимназіи г. А. Н. Перуанскому, вторая (въ 100 р.)—ученику 8-го класса 12-й гимназіи В. А. Пестовскому, третья (въ 75 р.)—воспитаннику реальнаго училища Багинскаго, И. И. Кузовлеву-Кузовленко и четвертая—воспитаннику 7-го класса 2-й гимназіи В. Фроммету. 4 похвальныхъ листа присуждены воспитанникамъ: 7-го класса 11-й гимназіи г. Бабенчикову, 8-го класса 12-й гимназіи — г. Соснову, 5-го класса 2-й гимназіи—г. Ублану и 8-го класса 11-й гимназіи—г. Колобову. („Нов.").

Миссіонерская семинарія. Въ Читѣ съ будущаго года открывается духовная семинарія, съ программой, значительно разнящейся отъ общей. Семинарія будетъ преслѣдовать исключительно миссіонерскія цѣли. Поэтому изъ ея программы исключены языки латинскій и еврейскій, исторія философіи, основное богословіе и библейская исторія, какъ предметы, для миссіонерства не нужные,—а взамѣнъ ихъ введены монголо-бурятскій языкъ, медицина и сельское хозяйство (послѣднее необязательно). Значительно видоизмѣнено также преподаваніе греческаго языка, церковной исторіи и исторіи раскола. Такимъ

образомъ курсъ въ семинаріи устанавливается строго спеціальный, даже прямо профессіональный, и дороги изъ нея въ высшія духовныя заведенія, не исключая и духовныхъ академій, не будетъ. („Ирк. В.“).

Антисанитарное школьное зданіе. Въ Тихвинѣ четырехклассная женская прогимназія временно закрыта. Ученицы за двѣ недѣли до срока были распущены на пасхальныя вакаціи по случаю скарлатины, развивавшейся среди учащихся въ эпидемической формѣ. Этого надо было ожидать. Существующее помѣщеніе прогимназіи настолько тѣсно и неудобно, что не удовлетворяетъ самымъ скромнымъ педагогическимъ и гигіеническимъ требованіямъ. Пожертвованный для прогимназіи каменный домъ, купленный лѣтъ 12 назадъ за баснословно дешевую цѣну (1,500 руб.), имѣетъ всего лишь одинъ полный этажъ; другой—подвальный находится въ землѣ, имѣетъ маленькія окна и невысокіе потолки; рядомъ съ нимъ расположены ретирадникъ и выгребная яма, служащіе источникомъ постояннаго насыщенія комнатнаго воздуха міазмами. Въ обоихъ этажахъ зданія размѣщены классы, причемъ число помѣщающихся тамъ дѣтей превышаетъ вдвойнѣ первоначальный комплектъ, бывшій при покупкѣ дома (прежде 80, теперь 160). Дѣти зачастую подвергаются заболѣваніямъ; большинство изъ нихъ, возвращаясь домой послѣ занятій, жалуются на слабость, головныя боли и пр. Развившаяся теперь въ прогимназіи скарлатина не коснулась другихъ учебныхъ заведеній города, что прямо указываетъ на неудовлетворительность помѣщенія прогимназіи. Необходимо неотложно приступить къ капитальной перестройкѣ и расширенію зданія прогимназіи: къ тому же предполагается преобразовать прогимназію въ полную гимназію. На перестройку и расширеніе нынѣшняго никуда негоднаго зданія имѣется всего лишь 15.000 руб., изъ которыхъ 10,000 руб. отпущены изъ казны. Сумма не особенно крупная. На помощь попечительному совѣту должны придти городъ и уѣздное земство, а также болѣе состоятельные купцы. Необходимо устроить складчину; въ Тихвинѣ найдутся толстосумы, проживающіе на Маріинской сторонѣ и занимающіеся торговлей лѣсомъ, дровами и пр.

(„Нов. Вр.“).

Учителя-старообрядцы. Попечитель московскаго учебнаго округа обратился въ департаментъ народнаго просвѣщенія за разъясненіемъ вопроса о томъ, могутъ-ли старообрядцы австрійскаго толка занимать должности начальнаго учителя и какія права предоставлены въ указанномъ отношеніи „единовѣрцамъ“. Департаментъ народнаго просвѣщенія увѣдомилъ, что, по силѣ Высочайшаго повелѣнія отъ 28-го ноября 1839 г. (Сборн. постановленій по мин. нар. просв. т. II, отд. I, изд. 2-е, 1875 г.), раскольникамъ не должны быть выдаваемы отъ учебныхъ мѣстъ и начальствъ свидѣтельства на право обученія дѣтей, а посему и назначеніе старообрядцевъ австрійскаго толка на учительскія должности представляется невозможнымъ. Что же касается единовѣрцевъ, то касательно сихъ лицъ никакихъ ограничительныхъ распоряженій относительно правъ ихъ на педагогическую дѣятельность не было издаваемо. („Бирж. В.“).

Народные учителя и выборная повинность. Въ практикѣ учебнаго вѣдомства возникъ небезынтересный для нашихъ народныхъ учителей вопросъ

о томъ,—освобождаются-ли они, принадлежа къ извѣстному сельскому обществу, отъ выборовъ на должности десятскихъ и сельскихъ старостъ? Прямого указанія по этому предмету въ законѣ не существуетъ, такъ какъ въ этомъ послѣднемъ перечислены лишь слѣдующіе случаи, дающіе право отказа отъ выборовъ въ сельскія должности: имѣющіе болѣе 60 лѣтъ, прослужившіе разъ полный срокъ по выборамъ и, наконецъ, одержимые сильнымъ тѣлеснымъ недугомъ. По всему вѣроятію, вопросъ этотъ подлежащимъ вѣдомствомъ рѣшенъ будетъ въ отрицательномъ смѣслѣ въ виду того, что въ законѣ уже существуетъ освобожденіе народныхъ учителей отъ всеобщей воинской повинности, а также отъ обязанности быть присяжными засѣдателями. Законъ, между прочимъ, предоставляетъ сельскимъ сходамъ право увольнять отъ избранія въ сельскія должности лицъ по причинамъ, признаваемымъ сходомъ уважительными. Такимъ образомъ, народные учителя, по постановленію самого-же схода, могутъ быть избавляемы отъ несенія службы должностныхъ сельскихъ лицъ. („Бирж. В.“).

Жалоба народныхъ учителей Учителями приходскихъ и сельскихъ училищъ области войска Донского принесена г. войсковому наказному атаману жалоба слѣдующаго содержанія. „До мая 1903 г. учителя получали жалованье по третямъ года, впередъ за треть. Жалованье разсылали училищные совѣты. Въ настоящее время жалованье разсылается учителямъ помѣсячно окружными атаманами и распорядительными по земскимъ дѣламъ комитетами, что очень неудобно для учителей. Въ приходское училище окружной атаманъ посылаетъ учителю 15 р. (отъ войска) въ особомъ пакетѣ, за пересылку платится изъ нихъ же 12 к., а отъ земства дополнительныхъ 4 р. присылаетъ особо распорядительный комитетъ переводомъ по почтѣ съ платой изъ нихъ же 15 к. и, наконецъ, ежемѣсячный авансъ въ суммѣ 6 р. также посылается комитетомъ особо съ удержаніемъ изъ него 15 к. за переводъ по почтѣ. Такимъ образомъ, ежемѣсячно съ учителя за пересылку 25 р. удерживается изъ нихъ 42 к., что въ треть составляетъ 1 р. 68 к., тогда какъ раньше училищный совѣтъ за пересылку этихъ денегъ (переводомъ по почтѣ) расходовалъ лишь 25 к., т. е. на 1 р. 43 к. меньше. Теперь приходится учителю ежемѣсячно бѣгать по хутору или селу и искать надежнаго человѣка, который могъ бы получить по почтѣ деньги. Въ случаѣ нерозыска благонадежнаго лица, учителю приходится нанимать подводу, ѣхать на почту за 30 и болѣе вертъ, платя за подводу 20 рублей. Такимъ образомъ, чтобы получить учителю 25 руб., нужно лишиться изъ нихъ 2 руб. 42 коп., что въ треть составитъ 9 руб. 68 коп., т. е. почти 10% всего мѣсячнаго жалованья. Счастливъ учитель, который находится недалеко отъ почты или на мѣстѣ нахожденія ея, но такихъ учителей мало. Были даже такіе случаи, когда учитель довѣрялъ кому-либо получить на почтѣ свое жалованье, а тотъ, получивъ его, заявлялъ, что онъ дорогою потерялъ деньги, и такимъ образомъ деньги пропадали и искать было не съ кого. Прежде учителя получали аккуратно свое жалованье и расходовали на это приблизительно 2 р. 25 к., ѣздили, конечно, за ними сами, пріобрѣтали все необходимое въ треть: чай, сахаръ, хлѣбъ, обувь и проч. Въ виду этого упомянутый расходъ для учителя былъ почти незамѣтенъ; теперь же приходится отправляться ежемѣсячно за жалованьемъ. Поэтому учителя просятъ, чтобы разсылкою жалованья учителямъ вѣдали попрежнему училищные совѣты, съ предводителями дворянства во главѣ, а не окружные атаманы и распорядительные комитеты по земскимъ дѣламъ. Въ настоящее время областное

правленіе циркулярно запрашиваетъ отъ окружныхъ атамановъ и начальниковъ заключеніе о томъ, какой порядокъ выдачи жалованья учителямъ признается болѣе удобнымъ и практичнымъ, были ли случаи въ округѣ, когда при отсылкѣ жалованья изъ послѣдняго удерживались почтовые расходы и если были, то почему тѣ расходы не были отнесены въ спеціальный кредитъ по разсылкѣ жалованья. („Пріаз. Кр.").

Жертва переутомленія. Въ октябрѣ прошлаго года пропалъ безъ вѣсти учитель Ломжинской женской гимназіи А И Горановичъ. По окончаніи университета съ серебряною медалью, онъ былъ назначенъ въ гимназію преподавателемъ. Еще до начала классныхъ занятій, все каникулярное время Г. провелъ усиленно работая надъ окончаніемъ диссертаціи, а съ началомъ учебнаго года всецѣло отдался преподавательской дѣятельности, заявивъ себя въ короткое время однимъ изъ добросовѣстнѣйшихъ и трудолюбивѣйшихъ учителей. Но, видно, непрерывный, утомляющій трудъ расшаталъ его нервную систему. Не отдохнувъ послѣ университетскихъ занятій и изнурительной работы надъ диссертаціей, онъ долженъ былъ принять слишкомъ много часовыхъ уроковъ въ гимназіи. Г. съ рѣдкимъ трудолюбіемъ относился къ своимъ обязанностямъ. Непосильный трудъ, переутомленіе подорвали силы. Явилось сильное нервное разстройство, уныніе и неопредѣленная тоска. Въ одно утро, наконецъ, онъ безслѣдно исчезъ. Весною въ лѣсу, въ верстахъ двухъ отъ города, бабы, собирая для топлива хворостъ, нашли трупъ несчастнаго. Шагахъ въ 60-ти отъ дороги, въ чащѣ молодого сосняка, подъ дубомъ лежалъ навзничь, съ подогнутыми ногами, несчастный молодой человѣкъ. По найденнымъ признакамъ можно судить, какъ все происходило. Въ сторонѣ лежало его верхнее платье: пальто, тужурка, фуражка, манишка и воротничекъ. Освободивъ себя отъ всего, что могло-бы мѣшать ему, несчастный взлѣзъ на дубъ, обрѣзалъ ножикомъ мелкія вѣтки, чтобы не мѣшали и не кололи лицо, и на высотѣ четырехъ аршинъ повѣсился... Съ октября до марта веревка обветшала, истлѣла и оборвалась. Трупъ несчастнаго упалъ на землю; его такъ и нашли лежащимъ навзничь, съ подогнутыми въ колѣняхъ ногами. Тѣло не разложилось, а лишь на вѣтрѣ и холодѣ высушилось. Мыши проникли въ полость живота и совершенно уничтожили внутренности; птицы лишь выклевали глаза; кисть у одной руки объѣдена, вѣроятно, лисой. Врачъ, вскрывшій трупъ, нашелъ мозгъ тоже высохшимъ. Въ сложенномъ платьѣ погибшаго найдено множество мышиныхъ гнѣздъ. При покойникѣ оказались часы и около 8 рублей денегъ. Уходя изъ дому съ намѣреніемъ покончить съ жизнью, покойный оставилъ записку хозяйкѣ и 25 руб., чтобы она могла на эти деньги кормить его любимую собаку, лучшаго его друга. 15-го марта его хоронили. Могилу прикрыла пара вѣнковъ—посмертная признательность.

(„Нов.").

Въ обществѣ ревнителей русскаго слова. 16-го марта, послѣ долгаго перерыва, возобновило свои засѣданія общество ревнителей русскаго слова. Засѣданіе, состоявшееся подъ предсѣдательствомъ Ѳ. А. Витберга, было посвящено чтенію доклада А. В. Вудиловича о проектѣ московскихъ педагоговъ по упрощенію русскаго языка. Настоящій докладъ имѣетъ прямое отношеніе къ предстоящимъ 12-го апрѣля занятіямъ особой коммиссіи при академіи наукъ объ измѣненіи русскаго правописанія. Поэтому общество нашло

необходимымъ приготовить къ этому сроку свое мнѣніе и внести его на обсужденіе въ коммиссію. Изъ возникшаго по поводу доклада обмѣна мнѣній видно, что общество ревнителей русскаго слова склонно скорѣе къ нѣкоторому очищенію и возстановленію правильнаго начертанія, чѣмъ къ уничтоженію въ правописаніи нѣкоторыхъ буквъ русской азбуки, какъ это проектируетъ московское общество педагоговъ, и въ защиту которыхъ были высказаны здѣсь очень вѣскія данныя, опирающіяся на фонетическую, діалектическую, этимологическую и историческую постройку словъ. Кромѣ того, общество, вполнѣ сознавая то совершенствованіе и развитіе, которому подверглась живая русская рѣчь со временъ Сумарокова и ранѣе, находитъ неотложной необходимостью освободить ее отъ принятыхъ ею на своемъ пути развитія различныхъ „измовъ", какъ-то: полонизмовъ, галлицизмовъ, германизмовъ и др. Интересную коллекцію въ этомъ отношеніи собралъ одинъ изъ членовъ общества, наполнившій цѣлыя коробки такими „измами", встрѣчающимися въ современной намъ печати и разговорной рѣчи. У коллекціонера есть даже особая коллекція „петербургизмовъ". Съ этой рѣдкой и очень интересной коллекціей, изъ которой каждая, вынутая наугадъ, вырѣзка можетъ возбудить смѣхъ и живой обмѣнъ мнѣній, коллекціонеръ обѣщаетъ познакомить общество ревнителей русскаго слова въ слѣдующее засѣданіе. („Бирж. В.").

„Разумное" распоряженіе. Въ Петербургскихъ газетахъ сообщалось о педагогической мѣрѣ, предпринятой начальствомъ владикавказскаго епархіальнаго училища: о приказѣ стричь косы у провинившихся воспитанницъ училища. Въ „Донской Рѣчи" находимъ слѣдующее письмо одного изъ родителей. „Какъ отецъ своей дочери, находящейся въ названномъ учебномъ заведеніи, я на мѣстѣ, въ г. Владикавказѣ, провѣрилъ описанный случай, вполнѣ подтверждаю его и рѣшился путемъ печати поставить объ этомъ въ извѣстность всѣхъ тѣхъ родителей, дѣти которыхъ подверглись горькой участи, въ надеждѣ, что они не останутся глухи къ такому вопіющему дѣлу. Когда вышло „разумное" распоряженіе отъ начальника владикавказскаго епархіальнаго училища—отрѣзать воспитанницамъ V класса косы, онѣ стали плакать, просить, умолять начальницу не дѣлать этого, но никакія просьбы не помогли. Нѣкоторыя просили и требовали, чтобы ихъ исключили даже изъ училища, но не лишали лучшаго украшенія женщины, лучшей „дѣвичьей красы", но и это не помогло. Одна воспитанница, защищаясь, сумѣла вырваться даже отъ цирульника и было убѣжала, но ее догнали на лѣстницѣ и силою волокли въ комнату, гдѣ производилось „постриженіе", отчего у нея на рукахъ оказались синяки. Объ этомъ возмутительномъ случаѣ я донесъ его высокопревосходительству господину оберъ-прокурору святѣйшаго правительствующаго синода и привлекаю начальницу училища къ отвѣтственности по 142 ст. уст. о наказ., налагаемыми мировыми судьями". Это письмо редакція газеты сопроводила слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Авторъ печатаемаго письма—лицо, занимающее видную административную должность въ Донской области". („Бир". В.").

Курсы новыхъ языковъ при город. училищахъ. Инспекторъ народныхъ училищъ I района Кіевской губерніи, предполагая устроить для учащихся I и II классовъ мужского и женскаго отдѣленій радомысльскаго городского двухкласснаго училища необязательные курсы нѣмецкаго и француз-

скаго языковъ, обратился въ мѣстную городскую думу съ ходатайствомъ о назначеніи ежегоднаго пособія въ 280 руб. на содержаніе этихъ курсовъ. По объясненію инспектора, многіе изъ мальчиковъ и дѣвочекъ, оканчивающихъ курсъ радомысльскаго городского училища, стремятся продолжить свое образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Будучи по всѣмъ предметамъ курса послѣднихъ, кромѣ новыхъ языковъ, подготовленными къ поступленію въ высшіе классы, они, не зная таковыхъ, должны или поступать въ низшіе классы, курсъ которыхъ по остальнымъ предметамъ имъ хорошо извѣстенъ, теряя, такимъ образомъ, напрасно время, или подготовляться по новымъ языкамъ дома, что въ маленькомъ городѣ, да еще при небольшихъ средствахъ, не всегда бываетъ возможно. Ходатайство думою уважено, и теперь лишь ожидается разрѣшеніе высшаго учебнаго начальства на открытіе курсовъ. („Вол.“).

Городское училище въ Нарвѣ. Мѣстное 3-хъ-классное городское училище съ начала будущаго учебнаго года преобразовывается въ 4-хъ-классное. Городскія училища раздѣляются на 3-хъ и 4-хъ-классныя; существуютъ еще 2-хъ-классныя, но такихъ очень немного. 3-хъ-классныя училища состоятъ изъ шести отдѣленій, причемъ первыя два отдѣленія служатъ какъ бы приготовительнымъ классомъ для остальныхъ четырехъ, и въ младшее отдѣленіе принимаются мальчики, совсѣмъ не умѣющіе читать по-русски. Остальныя четыре отдѣленія сгруппированы въ два класса, но имѣютъ каждое особую программу, представляющую вполнѣ законченный концентръ общеобразовательныхъ предметовъ. Въ 4-хъ-классныхъ училищахъ, открываемыхъ въ городахъ съ достаточнымъ числомъ начальныхъ училищъ, двухъ младшихъ отдѣленій, составляющихъ первый классъ, нѣтъ, послѣднія же четыре отдѣленія составляютъ каждое самостоятельный классъ. Нарвское городское училище имѣетъ нѣкоторыя особенности. Въ 1888 г., въ виду лучшей постановки учебнаго дѣла, третій классъ въ немъ былъ раздѣленъ на два самостоятельныхъ класса или de jure „отдѣленія“, съ часовыми уроками въ каждомъ, причемъ младшее отдѣленіе перваго класса было закрыто; въ 1893 г., вслѣдствіе крайняго переполненія второго класса, число учениковъ въ которомъ превысило 80, онъ былъ также раздѣленъ на два самостоятельныхъ класса (отдѣленія). Въ такомъ видѣ училище существуетъ и до настоящаго времени. Извѣстіе о преобразованіи 3-хъ-класснаго городского училища въ 4-хъ-классное повергло многихъ изъ мѣстныхъ жителей, особенно тѣхъ, которые не имѣютъ средствъ воспитывать своихъ дѣтей въ здѣшней гимназіи, въ глубокое уныніе. Дѣло въ томъ, что училище настолько переполнено учащимися (220 — 230 челов.) и число желающихъ поступить въ него настолько велико, что совѣтъ училища бываетъ вынужденъ отказывать ежегодно въ пріемѣ 40—60 мальчикамъ. Съ преобразованіемъ училища въ 4-хъ-классное, существующій въ немъ въ настоящее время первый классъ, въ который ежегодно поступаетъ до 60 учениковъ, будетъ закрытъ, и съ закрытіемъ его изъ этихъ 60 мальчиковъ большинство будетъ совершенно лишено возможности учиться въ казенной школѣ, такъ какъ существующія въ Нарвѣ начальныя училища переполнены до невозможности, и ежегодный пріемъ въ нихъ крайне ограниченъ; на открытіе же новаго начальнаго училища, взамѣнъ закрываемаго при преобразованіи городского училища I класса, разсчитывать нельзя; городское управленіе врядъ ли можетъ оказать въ этомъ дѣлѣ помощь вслѣдствіе значительнаго сокращенія за послѣднее

время городскихъ доходовъ. Къ унынію горожанъ присоединилось и недоумѣніе: кому и для чего понадобилось преобразованіе Нарвскаго 3-хъ-классная городского училища въ 4-хъ-классное? Учебное дѣло отъ этого преобразованія нисколько не выиграетъ: фактически училище въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ существуетъ какъ пятиклассное, съ особой программой и часовыми уроками въ каждомъ классѣ (отдѣленіи); программы учебныхъ предметовъ какъ для 3-хъ-классныхъ, такъ и для 4-хъ-классныхъ городскихъ училищъ однѣ и тѣ же, и потому о расширеніи ихъ не можетъ быть и рѣчи. Въ матеріальномъ отношеніи, въ случаѣ преобразованія, училище проиграетъ, такъ какъ сборъ за ученіе, употребляемый на пріобрѣтеніе книгъ, учебныхъ пособій и разныя хозяйственныя нужды, сократится вслѣдствіе уменьшенія числа учащихся рублей на 600 въ годъ, что при крайне мизерныхъ средствахъ училища будетъ для него весьма чувствительно и въ силу необходимости вызоветъ сокращеніе расходовъ на пополненіе библіотекъ и кабинета учебныхъ пособій. Кромѣ того, и мѣстное городское управленіе, въ случаѣ закрытія I класса, по всей вѣроятности, прекратитъ выдачу городскому училищу ежегодной субсидіи въ 480 р. на жалованье учительскому помощнику, преподающему въ I классѣ. Субсидію эту въ случаѣ преобразованія училища предполагается употреблять на увеличеніе жалованья инспектору, законоучителю и сверхштатному учителю (вслѣдствіе зачисленія послѣдняго въ штатъ). Съ прекращеніемъ же ея этотъ расходъ придется училищу покрывать сборомъ за ученіе, котораго, къ слову сказать, поступаетъ всего около 2.000 р. Городское управленіе остается равнодушнымъ къ вопросу о предстоящемъ преобразованіи училища, хотя, конечно, хорошо понимаетъ не только безцѣльность его, но даже прямой вредъ для мѣстныхъ жителей, изъ которыхъ ежегодно 60—65 человѣкъ будутъ лишены возможности пристроить своихъ дѣтей въ школу. („Н. Вр.“).

Русскія церковныя школы въ Финляндіи. Государь Императоръ по Всеподданнѣйшему докладу представленія финляндскаго генералъ-губернатора, Высочайше повелѣть соизволилъ: финляндскому православному епархіальному начальству предоставляется собственною властью открывать и содержать на свои средства дѣтскія школы, постоянныя и передвижныя. По распоряженію епархіальнаго начальства, въ учреждаемыхъ на его средства школахъ преподаваніе можетъ производиться на русскомъ языкѣ и въ такихъ приходахъ, гдѣ большинство населенія говоритъ не по-русски. Должности учителей и учительницъ въ дѣтскихъ православныхъ школахъ могутъ быть замѣщаемы и лицами, не состоящими въ финляндскомъ гражданствѣ, причемъ получившія образованіе въ соотвѣтствующихъ гражданскихъ или духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи пользуются, въ отношеніи занятія этихъ должностей, одинаковыми правами съ окончившими курсъ финляндскихъ народно-учительскихъ семинарій и высшихъ народныхъ училищъ. („Пр. В.“).

Подвижной музей учебныхъ пособій, находящійся при постоянной коммиссіи по техническому образованію, какъ извѣстно, выдаетъ во временное пользованіе различныя учебныя пособія по всѣмъ отдѣламъ естествознанія и географіи, а также принадлежности для чтенія. Кромѣ городскихъ, выдавали до сихъ поръ и иногороднимъ потребителямъ. Но вслѣдствіе того,

что въ послѣднее время поступаетъ въ музей много запросовъ изъ провинціи о высылкѣ всевозможныхъ учебныхъ пособій, то, естественно, возникъ вопросъ, выдвинутый жизнью, объ открытіи спеціальнаго склада при музеѣ изъ дешевыхъ книгъ и пособій, которыя спрашиваются въ большомъ числѣ. Поэтому въ настоящее время возбужденъ вопросъ объ открытіи склада, для чего подано на-дняхъ ходатайство г. градоначальнику. („Нов.“).

Важная льгота. Въ числѣ земствъ, ходатайствовавшихъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія хотя бы для окончившихъ курсъ въ народныхъ училищахъ, неоднократно ходатайствовало и костромское губернское земство. Въ 1902 г. одинъ изъ гласныхъ этого земства указалъ на то, что окончившіе курсъ въ церковно-приходскихъ школахъ нынѣ освобождены отъ тѣлеснаго наказанія и тѣмъ поставлены въ привилегированное положеніе по сравненію съ учившимися въ земскихъ школахъ. Костромское земство получило слѣдующій отвѣтъ отъ министра народнаго просвѣщенія: „Означенный вопросъ, независимо отъ ходатайства костромского губернскаго земскаго собранія, разсмотрѣнъ Министерствомъ народнаго просвѣщенія, и ему, по сношеніи съ подлежащими вѣдомствами, предположено дать дальнѣйшее движеніе“. („Волг.“).

Попечительства о народной трезвости. Въ Полтавской губерніи, какъ свидѣтельствуетъ въ своемъ отчетѣ непремѣнный членъ мѣстнаго губернскаго комитета попечительства о народной трезвости г. Геттинкоу, уѣздные комитеты попечительства дѣйствуютъ крайне неудовлетворительно. Всѣ вообще комитеты относятся нерадиво къ исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей, засѣданія комитетовъ назначаются рѣдко и неаккуратно посѣщаются членами: обычно бываетъ на засѣданіяхъ четверть, много треть всего состава. Осмотровъ отдѣльныхъ учрежденій попечительства членами комитетовъ обыкновенно не производится. Подобныя ревизіи происходятъ лишь въ Полтавскомъ уѣздѣ. Кромѣ отсутствія надзора за учрежденіями попечительства со стороны уѣздныхъ комитетовъ, наблюдается мало толковаго ими управленія и умѣлаго руководства. Пирятинскій же уѣздный комитетъ только числится на бумагѣ, совершенно бездѣйствуя: имъ за все время существованія не открыто ни одной библіотеки, не устроено ни одной чайной. Въ числѣ учрежденій попечительства, констатируетъ г. Геттинкоу въ своемъ докладѣ, много такихъ, которыя мало удовлетворяютъ своему назначенію, а между тѣмъ содержаніе ихъ стоитъ не дешево. Не мало также тратится средствъ на субсидію чайныхъ, открытыхъ частными лицами и совершенно безполезныхъ для цѣлей попечительства. Въ открытыхъ уѣздными комитетами библіотекахъ авторъ доклада нашелъ мало книгъ, помѣщенія библіотекъ неудовлетворительны, и завѣдующіе ими небрежно относятся къ своимъ обязанностямъ. Очень жаль, что чиновничество, самый культурный элементъ нашихъ городовъ, такъ нерадиво относится въ Полтавской губерніи къ живому дѣлу, имъ порученному. Вмѣсто того, чтобы жаловаться на пустоту и безсодержательность жизни въ уѣздныхъ городахъ и находить утѣшеніе въ попойкахъ и картежной игрѣ, не лучше ли было бы имъ вложить душу въ симпатичное и гуманное дѣло борьбы съ народнымъ пьянствомъ и невѣжествомъ. („Н. Вр.“).

Вино и книги. Бывшій министръ финансовъ статсъ-секретарь С. Ю. Витте высказалъ мысль о желательности воспользоваться казенными винными лавками для продажи въ нихъ общедоступныхъ народныхъ изданій. Кромѣ того, С. Ю. Витте выразилъ желаніе, чтобы экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ приняла на ряду съ частными издательскими фирмами участіе въ изданіи полезныхъ народныхъ книгъ. Въ настоящее время экспедиція приступила къ осуществленію этой идеи, и управляющій экспедиціей кн. Б. Б. Голицынъ обратился въ общество взаимопомощи русскихъ художниковъ съ предложеніемъ принять участіе въ иллюстраціи народныхъ изданій рисунками и картинами. Изданія будутъ раздѣляться на сочиненія общаго характера и спеціальныя, примѣнительно къ быту крестьянъ и фабричныхъ рабочихъ. Предварительный списокъ темъ для народныхъ изданій намѣченъ. Предложеніе кн. Б. Б. Голицына разсматривалось 12 марта въ собраніи членовъ общества взаимопомощи художниковъ, которые рѣшили объявить конкурсъ на составленіе картинъ и рисунковъ къ намѣченнымъ изданіямъ. За самыя лучшія работы будетъ выдана премія въ 500 рублей. Срокъ конкурса—истекъ 2 апрѣла. Народныя изданія будутъ продаваться не дороже 5—10 к. за экземпляръ. („Н. Вр.“).

Курсы для туземцевъ въ Ташкентѣ. Въ Ташкентѣ открыты отдѣленіемъ Общества востоковѣдѣнія вечерніе курсы для взрослыхъ туземцевъ. Посѣщаются эти курсы главнымъ образомъ сартами, кромѣ того татарами, киргизами, таджиками и евреями. Всѣхъ слушатилей въ пяти школахъ свыше двухсотъ. Характерную особенность школъ этого типа составляетъ то, что въ нихъ не ведется преподаваніе по какой-нибудь общей програмѣ, а знанія сообщаются примѣнительно къ той цѣли, которую поставилъ себѣ каждый посѣтитель школы. Большинство стремилось ознакомиться съ русскою грамотою и съ русской разговорною рѣчью; нѣкоторые преслѣдовали болѣе скромныя цѣли практическаго свойства въ родѣ того, чтобы научиться подписывать свое имя или надписывать адреса. Нѣкоторые задавались болѣе широкими цѣлями столь же спеціальнаго характера: научиться составлять телеграмы, записки, письма и прошенія, считать и болѣе или менѣе свободно, объясняться съ русскими людьми. Вѣроятно этою приспособленностью школъ къ практическимъ нуждамъ каждаго объясняется акуратное ихъ посѣщеніе учениками, число которыхъ при томъ мало-по-малу увеличивается. Производившій недавно провѣрку дѣятельности школъ предсѣдатель ташкентскаго отдѣленія Общества востоковѣдѣнія ген. Маціевскій, признавъ, что подобныя настоящимъ школы являются наиболѣе дѣйствительнымъ способомъ сближенія туземцевъ съ русскими людьми, высказалъ, между прочимъ, что школы (въ частности и упомянутые курсы), должны быть открыты такъ же, какъ и мечеть, во всякоо время и для всѣхъ“. („Турк. В.“).

Къ войнѣ. Постоянная коммиссія по устройству народныхъ чтеній предпринимаетъ изданіе цѣлой серіи популярныхъ брошюръ по вопросамъ, связаннымъ съ событіями на Дальнемъ Востокѣ. Первыя три брошюры будутъ посвящены описанію, какъ географическому, такъ и этнографическому, и бытовому, Японіи, Кореи и Манчжуріи. Далѣе, уже почти готова къ выходу книжка, которая имѣетъ цѣлью изложить историческій ходъ движенія Россіи

на Востокъ и исторически объяснимое тяготѣніе къ Дальнему Востоку. Матеріалы для этой важной и интересной брошюры сообщены извѣстнымъ спеціалистомъ—вице-предсѣдателемъ Императорскаго географическаго общества членомъ государственнаго совѣта д. т. с. П. П. Семеновымъ, обработка же ихъ возложена на Л. Жданова. Извѣстный проповѣдникъ свящ. о. Григорій Петровъ дастъ для этого изданія статью о судьбахъ христіанства на Востокѣ. Прив.-доц. с.-петербургскаго университета А. Пиленко взялъ на себя составленіе брошюры: „Какъ началась война съ Японіей и выясненіе терминовъ и понятій международнаго права". Вторая часть этой книжки вызвана широкимъ распространеніемъ за послѣднее время этихъ терминовъ, далеко не всегда понятныхъ массѣ. Кромѣ „бесѣды о флотѣ", коммиссія издаетъ, между прочимъ, воспоминанія въ беллетристической формѣ А. В. Верещагина объ его послѣдней поѣздкѣ по Манчжуріи.

Новое благотворительное общество. Въ С.-Петербургѣ учреждается общество попеченія о воспитаніи дѣтей офицеровъ, классныхъ чиновъ и священниковъ отдѣльнаго корпуса пограничной стражи. Цѣль общества—въ находящемся при немъ учебно-воспитательномъ заведеніи воспитывать и подготовлять къ поступленію въ различныя среднія учебныя заведенія дѣтей офицеровъ, классныхъ чиновъ и священниковъ отдѣльнаго корпуса пограничной стражи и, вообще, содѣйствовать къ опредѣленію дѣтей въ учебныя заведенія. Учебно-воспитательное заведеніе общества будетъ находиться подъ почетнымъ попечительствомъ перваго шефа пограничной стражи, бывшаго министра финансовъ, статсъ-секретаря дѣйств. тайн. сов. С. Ю. Витте. Уставъ общества утвержденъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

Экскурсія съ приключеніями. Директоръ Варшавскаго семикласснаго коммерческаго училища Ю. Цвѣтковскій дѣлаетъ въ „Н. Вр." слѣдующее разъясненіе по поводу письма о злоключеніяхъ одной изъ ученическихъ экскурсій по горамъ Крыма. Рѣчь шла объ ученикахъ Варшавскаго коммерческаго училища. Корреспондентъ, повидимому, сгустилъ краски. Вотъ что разсказываютъ сами экскурсанты. Изъ Симферополя (21 марта) на мѣстныхъ „мажарахъ" экскурсанты въ количествѣ 26 учениковъ съ 5 преподавателями (двое изъ нихъ, преподаватели естественныхъ наукъ, совершали уже экскурсіи въ Альпахъ, Карпатахъ и Гарцѣ, а третій, уроженецъ Крыма, хорошо знакомъ съ его побережьемъ) направились къ Ангорскому перевалу, здѣсь переночевали и раннимъ утромъ (22 марта) рѣшились взойти на Чатырдагъ. Мѣстные проводники отказались ихъ провожать. Но день былъ благопріятный, и экскурсанты самостоятельно и вполнѣ удачно совершили это довольно трудное, но оказавшееся весьма интереснымъ, восхожденіе, и въ тотъ же день, спустившись къ вечеру съ горы, ночевали уже въ Алуштѣ. Изъ Алушты снова на мажарахъ, а не пѣшкомъ, предпринято было путешествіе въ Ялту черезъ Гурзуфъ. На пути къ Гурзуфу экскурсанты, пользуясь прекрасной весенней погодой того дня (23 марта), рѣшились совершить прогулку на Аю-Дагъ, гору не высокую и въ то время уже совершенно лишенную снѣга. Ученики съ пѣснями свободно всходили по отлогому склону горы, причемъ они дѣйствительно раздѣлились на двѣ группы. Одна группа учениковъ, болѣе энергичныхъ, форсированнымъ

маршемъ взобралась на самый верхъ горы и потомъ благополучно спустилась къ Гурзуфу, только не поздней ночью, а къ 6—7 часамъ вечера, когда въ Гурзуфѣ раздавался вечерній благовѣстъ, и въ тотъ же вечеръ отправилась въ Ялту на своихъ мажарахъ. Другая же группа со своимъ руководителемъ ботаникомъ не доходила до вершины горы и совершала прогулку по склону ея. Горный воздухъ, весеннее теплое солнце, видъ на море и попадавшіяся по дорогѣ цвѣтущія растенія, вотъ что скрашивало имъ эту прогулку. Они шли гораздо спокойнѣе, часто отдыхали и къ вечеру были уже почти у подошвы горы; но тутъ спускъ показался имъ довольно крутымъ и обрывистымъ, и руководитель вмѣстѣ съ учениками благоразумно порѣшили прекрасную лунную ночь провести подъ голымъ небомъ, любуясь видомъ на открытое море. Ночлегъ въ горахъ—обыкновенное явленіе въ практикѣ туристовъ. Выбрано было для этого подходящее плато, развели костеръ, а затѣмъ заснули и проспали до утра. Утромъ они возвратились съ татариномъ — мѣстнымъ жителемъ, но не проводникомъ; черезъ него послана была провизія. Но среди возвратившихся не оказалось троихъ, это и породило на первыхъ порахъ нѣкоторое смущеніе среди экскурсіи. Двое учениковъ, болѣе бодрыхъ и опытныхъ въ ходьбѣ по горамъ, пошли впереди другихъ, раньше другихъ спустились съ горы, самостоятельно подкрѣпились въ Гурзуфѣ и пѣшкомъ направились въ Ялту раньше, чѣмъ ихъ товарищи прибыли въ Гурзуфъ. Къ полудню свѣдѣніе о нихъ было получено уже изъ Ялты по телефону отъ преподавателей, прибывшихъ туда съ первой партіей. Третій ученикъ (только не самый юный и слабый, какъ разсказываетъ корреспондентъ, а 18-лѣтній, росту 1 метръ и 86 сентим.) отсталъ отъ товарищей уже утромъ, на одной изъ послѣднихъ остановокъ. Его въ Гурзуфѣ сразу не досчитались; но о немъ мало безпокоились, зная, что онъ остался на мѣстѣ вполнѣ безопасномъ. За нимъ отправился преподаватель съ однимъ мѣстнымъ татариномъ и привезъ его уже въ лодкѣ, такъ какъ это сокращало и облегчало путь. Вторая партія учениковъ выѣхала изъ Гурзуфа въ 6 часовъ вечера на паровомъ катерѣ въ Ялту; остались немногіе, желавшіе отдохнуть дольше въ Гурзуфѣ, и на другой день утромъ прибыли въ Ялту на катерѣ тоже съ преподавателемъ. Всѣ ученики постоянно находились подъ руководствомъ того или другого руководителя и вели себя вполнѣ одобрительно. Экскурсанты еще цѣлую недѣлю благополучно путешествовали по южному берегу Крыма; два дня затѣмъ пробыли въ Севастополѣ; здѣсь посѣтили раскопки Херсонесса; катались по Севастопольской бухтѣ, наблюдая ея фауну подъ любезнымъ руководствомъ С. А. Зернова, завѣдывающаго мѣстной біологической станціей; осмотрѣли въ портѣ большой броненосецъ „Ростиславъ"; еще цѣлый день провели въ Бахчисараѣ и Чуфутъ-Кале; изъ Севастополя въ прекрасную погоду по морю переѣхали въ Одессу; здѣсь любезно были приняты Одесскимъ коммерческимъ училищемъ и два дня подъ руководствомъ воспитателя Одесскаго училища осматривали достопримѣчательности города, побывали и на Куяльницкомъ лиманѣ, а затѣмъ по желѣзной дорогѣ благополучно возвратились въ Варшаву, вполнѣ довольные своей образовательной прогулкой, доставившей имъ много цѣнныхъ впечатлѣній, а также и наблюденій надъ природой и жизнью людей. Видя бодрыя, молодцоватыя лица своихъ дѣтей, сильно загорѣвшихъ на южномъ солнцѣ, родители были весьма утѣшены. Всѣ расходы по трехнедѣльной прогулкѣ обошлись по 45 р. на каждаго участника; причемъ 20 учениковъ и двое преподавателей, добровольно принявшихъ участіе въ экскурсіи, заплатили сполна; остальные расходы пополнило училище. („Н. Вр.").

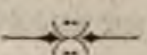
Продается во всѣхъ извѣстныхъ книжн. магаз. С.-Петербурга и Москвы

Сочиненіе **К. П. Яновскаго**

МЫСЛИ О ВОСПИТАНІИ И ОБУЧЕНІИ.

Изданіе журнала „Русская Школа“.

Цѣна 2 рубля.

Содержаніе этой книги слѣдующее:

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ М. М. Стасюлевича (Спб. Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Для авторовъ:

1) Рукописи, присланныя для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности редакціоннымъ измѣненіямъ; въ случаѣ несогласія на таковыя измѣненія авторы приглашаются дѣлать объ этомъ оговорки въ самой рукописи, подъ заглавіемъ оной. Кромѣ того, рукописи должны быть снабжены четкою подписью автора и указаніемъ его адреса. При этомъ статья можетъ быть напечатана за тою подписью, которую авторъ пожелаетъ снабдить свою статью въ печати, о чемъ авторы приглашаются заявлять на самой рукописи, подъ своею настоящею подписью, которая, по желанію автора, останется извѣстною только редакціи журнала.

2) Обратную пересылку рукописей редакція принимаетъ на себя **только за счетъ автора**, притомъ въ видѣ посылки или подъ заказною бандеролью, смотря по тому, въ какомъ видѣ ею данная рукопись получена отъ автора.

3) О пригодности или непригодности данной рукописи для журнала редакція извѣщаетъ авторовъ только въ случаѣ, если для этой цѣли приложена почтовая марка семикопеечнаго достоинства, свѣдѣнія этого рода редакція можетъ дать автору не ранѣе, чѣмъ чрезъ мѣсяцъ, и не позже, чѣмъ чрезъ три мѣсяца по полученіи рукописи.